

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ГРАММАТИКА
РУССКОГО
И УКРАИНСКОГО
ЯЗЫКОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А.А. ПОТЕБНИ

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ГРАММАТИКА
РУССКОГО
И УКРАИНСКОГО
ЯЗЫКОВ**

*ПРОЕКТ
“НАУКОВА КНИГА”*

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 2003

А в т о р ы

Г.Д. БАСОВА, А.В. КАЧУРА, А.В. КИХНО,
В.П. МУСИЕНКО, Н.Г. ОЗЕРОВА, Г.П. ОЛЕЙНИК,
Н.П. РОМАНОВА, Е.С. СНИТКО, О.Е. ТВОРОНОВИЧ

В монографии представлено системное описание русской и украинской грамматики на словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях в сопоставительном аспекте, отмечены общие и специфические их черты, семантическое своеобразие грамматических средств каждого из анализируемых языков. Исследуются эталоны литературно-нормированной речи в письменном и устном вариантах, фиксируется динамика изменений в грамматических системах русского и украинского языков в конце XX века.

Для филологов, преподавателей русского и украинского языков, студентов вузов.

У монографії подано системний опис російської та української грамматики на словотворчому, морфологічному, синтаксичному рівнях у порівняльному аспекті, відзначені спільні й специфічні риси, семантична своєрідність граматичних засобів кожної з досліджуваних мов. Вивчаються літературно-нормативні еталони письмової мови та мовлення, фіксується динаміка змін у граматичних системах російської та української мов наприкінці XX століття.

Для філологів, викладачів російської та української мов, студентів вузів.

Затверджено к печати ученым советом
Института языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины

Ответственный редактор
Н.Г. ОЗЕРОВА

Редакция филологии,
художественной литературы и словарей

Редактор *Е.И. Мазниченко*

С 4602020100 - 033
2003

ISBN 966-00-0130-4

© Г.Д. Басова, А.В. Качура, А.В. Кихно,
В.П. Мусиенко, Н.Г. Озерова,
Г.П. Олейник, Н.П. Романова,
Е.С. Снитко, О.Е. Творонович, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Сопоставительное исследование грамматических систем родственных и близкородственных языков актуально как с точки зрения формулирования основных постулатов общей теории, так и раскрытия важных внутривидовых свойств языков.

Всякое осмысленное сравнение предполагает *tertium comparationis* — общую меру. Для сопоставительной грамматики этой общей мерой выступает закодированное в грамматических категориях значение. Грамматические категории, традиционно известные как “множественное число”, “двойственное число”, “прошедшее время” или “императив” и т. д., кодируют семантические различия, которые в конкретном речевом сообществе считаются особенно важными¹.

При бинарном сопоставлении грамматических систем оба языка равноценны и в равной мере являются предметом исследования, при этом оно должно проводиться на базе единой грамматической теории с помощью одних и тех же методов и в одних и тех же терминах². Сопоставительный метод особенно эффективен применительно к родственным языкам, так как их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных. Грамматические системы близкородственных языков отличаются не столько средствами выражения, не столько различиями типологического и системного характера (хотя и они имеются), сколько неодинаковой функционально-стилистической значимостью изучаемых категорий и их членов, разной степенью употребительно-

¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999. — С. 44.

² Хельбиг Г. Языкознание — сопоставление — преподавание иностранных языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. — М., 1989. — С. 313.

сти, неодинаковым удельным весом в системе или микросистеме языка, разной дистрибуцией сопоставляемых категорий¹. Давно и плодотворно проводимый сопоставительный анализ грамматик разносистемных языков позволил приблизиться вплотную к сопоставительным грамматическим студиям родственных славянских языков.

В последние десятилетия созданы сопоставительные грамматики русского и чешского языков², русского и белорусского³, болгарского и польского⁴, которые представляют собой новый этап сопоставительных грамматических исследований. Их принципиальное отличие от предыдущих сопоставительных грамматик, базирующихся на принципе частеречного описания грамматического материала, состоит в том, что в основу сопоставления легли грамматические и семантические категории, их функционирование и средства их выражения в сопоставляемых языках. При всех чисто внешних совпадениях те или иные грамматические категории обычно функционируют в близкородственных языках “чуть-чуть неодинаково”. Подобные “чуть-чуть” приобретают важное значение в процессе характеристики близкородственных языков⁵. Традиционное понимание грамматики как описания морфологического и синтаксического уровней языка представляется достаточно продуктивным в сопоставительных грамматиках, ибо в центре исследования оказываются основные строевые элементы языка — слово, словосочетание, предложение, имеющие “как материальное выражение, так и внутренний смысл — значение”⁶. Более широкое понимание грамматики, включающее учения о звуковой, лексической и стилистической сторонах языка, возможно при описании одного языка в научных и учебных целях.

Общеизвестно, что “мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь всегда одним и тем же, постигается раз-

¹ Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. — М., 1983. — С. 7.

² Русская грамматика. — Прага, 1979. — 1144 с.

³ Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология. — Минск, 1990. — 336 с.; *Конюшкевич М.И.* Синтаксис близкородственных языков: тождество, сходства, различия. — Минск, 1989. — 157 с.

⁴ Българско-Полска съпоставителна граматика. 2. — София, 1990. — 182 с.

⁵ *Будагов Р.А.* Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения // Типология сходств и различий близкородственных языков. — Кишинев, 1975. — С. 4.

⁶ Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. — М., 1990. — С. 7.

личным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культур... Сравнивая детально разные языки, мы разбиваем иллюзии, к которым нас приучает знание лишь одного языка, — иллюзию, будто бы существуют неизблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и народов. В результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка и придание ей истинной диалектической научности”¹. Замеченный Л.В. Щербой феномен может быть проиллюстрирован и детально проанализирован при сопоставлении языков.

Несовпадение “картин мира”, отраженных в сопоставляемых языках, проявляется и в лексике, и в грамматике, и в принципах категоризации. Оно создает множество различий в номинации одних и тех же объектов действительности, языки выделяют в действительности неоднотипные признаки, пользуются разными “внутренними формами”, и семантическое содержание даже весьма эквивалентных единиц так же, как и материальная форма, оказывается несовпадающим. Грамматика воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности².

В ономаσιологическом плане важно разное “видение мира”, отраженное в выборе языковых форм в разных языках. Так, масса однородных предметов может восприниматься как отдельное множество (*листья*) и как нерасчлененная совокупность (*листва*), вследствие чего в разных языках по-разному используются формы числа и собирательности³. Сравним, например, украинское собирательное существительное *жіноцтво* и обобщенную номинацию в форме расчлененной множественности лиц женского пола в русском языке *женщины* при отсутствии собирательного русского соответствия, то есть украинские *жінки*, *жіноцтво* в русском имеют одно соответствие — *женщины*. Сопоставительное изучение грамматических систем проясняет статус сравниваемых языков, дает возможность как бы “со стороны” взглянуть на их структуру.

¹ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 69, 316—317.

² Вежбицкая А. Указ. соч. — С. 44.

³ Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Русский язык в иноязычной среде: Функционирование. Состояние. Изучение. Преподавание. — М., 1991. — С. 27.

Системное сопоставление русского и украинского языков предполагает учет как структурных сходств и расхождений, так и конкретно-функциональных реализаций структурных моделей (особенно в словообразовании и синтаксисе). Сопоставительный анализ русского и украинского словообразования, морфологии и синтаксиса осуществляется в плане синхронии, на материале современных литературных языков. Он направлен на изучение различий и аналогии между “отдельными языками, т. е. между отдельными системами значений”¹. Практически каждый язык существует как некоторая совокупность различных вариантов. Вариативность языковых средств, представляющих материально одну и ту же форму с определенными семантическими модификациями, рассматривается в пределах литературной нормы.

Вариантные грамматические формы различным образом перекрещиваются и дополняют друг друга, не являясь стилистически однородными, и их выбор ситуативно и контекстуально мотивирован. “Поскольку стилистическая стратификация даже родственных языков, как правило, не совпадает, постольку изучение функционирования категорий в условиях стилистически маркированного контекста представляет особую важность и сложность”². Необходим анализ качественной и количественной специфики каждого из языков в сфере структур, выражающих то или иное значение, а также определение тенденций к аналитизму или синтетизму на отдельных участках грамматической системы, свидетельствующих об общности процессов их развития, ибо “могут быть случаи, особенно для близкородственных языков, когда не только в целом, но и в своих частностях данная грамматическая категория единообразна для двух языков”³.

Семантический аспект при сопоставлении близкородственных языковых структур, описанных в семасиологическом плане (от формы к содержанию), важен при представлении грамматической синонимии и полисемии, в сфере которых наблюдаются дифференциальные моменты, ибо “грамматические и лексические

¹ Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. — М., 1989. — С. 69.

² Широкова А.Г. Проблематика транспозиции форм наклонений в славянских языках // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. — М., 1983. — С. 85.

³ Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. — М., 1981. — С. 52.

средства в значительной степени полисемантичны”¹. При этом можно выявить частичное тождество (эквивалентность) сфер значений сравниваемых языков, а следовательно, и частичный охват сопоставляемых явлений. “Тем самым можно с наглядностью выявить налагающиеся друг на друга семантические области (морфологических категорий, парадигм, структур предложения) двух языков, а также те области, которые, напротив, не совпадают”².

Диалектическая взаимосвязь между планом выражения и планом содержания в языке определяет необходимость учета отношений между формой и значением для адекватного изучения сопоставляемых явлений. Познается и описывается не только структура формы (например, словосложение или синтаксический оборот, морфологическая категория, синтетический или аналитический способ образования слов), но также и роль, статус, который принадлежит данному языковому явлению в системе одного определенного языка и в процессе сравнения — в системе другого языка³. «Грамматика языка — это не линейная, плоскостная организация, а “система систем”»⁴. Грамматический строй языка представляет собой, в свою очередь, единство нескольких систем, каждая из которых объединяет в себе грамматические средства, близкие по характеру формальной организации и семантике, по функциям в языке. Такими частными системами внутри грамматики являются словообразование, морфология и синтаксис.

Уровень словообразования вместе с уровнями лексики и фразеологии принадлежит к той сфере языковой структуры, в которой наиболее активно и непосредственно осуществляется процесс непрерывного развития языка. Словообразование теснее других областей грамматики связано с лексикой, но оно неотделимо и от морфологии — от внутренних свойств частей речи и от типов словоизменения. Каждое вновь созданное слово укрепляет позиции какого-нибудь словообразовательного приема в кругу активных словообразовательных средств данного языка, незаметно видоизменяя тем самым общую систему его словообразования. Сопоставительно-типологический анализ словообразовательных подсистем неродственных языков продуктивен тогда, когда исследуется

¹ Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. — М., 1989. — С. 149.

² Там же. — С. 161.

³ Там же. — С. 165.

⁴ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 9.

не словообразовательная структура отдельных лексем, а такие универсалии, как словообразовательные категории, понимаемые как единства словообразовательного значения и системы средств его выражения¹. Основой межъязыкового сопоставления на уровне базовых единиц может быть либо план выражения, либо план содержания. План выражения может выступать в качестве основы для сопоставления при изучении близкородственных языков или при изучении заимствований из одного языка в другой². Вместе с тем каждое лексическое новообразование одного из родственных языков либо сближает, либо разъединяет его с другими родственными языками в зависимости от наличия или отсутствия аналогичных образований в этих языках.

Область словообразования, по замечанию акад. В.В. Виноградова, является ареной сложного и разнонаправленного взаимодействия лексических и грамматических категорий. При сопоставительном изучении словообразовательных подсистем современных литературных языков должны учитываться только продуктивные форманты, поскольку лишь они характеризуют и реализуют деривационные потенции языка. Форманты, утратившие продуктивность, неотделимы от слов, образованных с их помощью, и поэтому относятся к лексике, а не к словообразованию. Особенно актуально сопоставительное исследование словообразовательных типов, по которым строятся слова разных частей речи. Типы различаются по признаку продуктивности/непродуктивности³, выступающим релевантной чертой словообразовательных систем изучаемых языков. Важно также вычленить сопоставимые словообразовательные модели с одним словообразовательным значением (ситуативно и функционально эквивалентные), носителями которого могут выступать специфические для каждого языка словообразовательные форманты, и определить факторы, влияющие на словопроизводство, в том числе факторы, связанные с взаимодействием языковых подсистем.

Общими чертами словообразовательных систем таких близкородственных языков, как славянские, выступают:

¹ Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. — Ереван, 1981.

² Милославский И.Г. О предмете сопоставительного словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. — М., 1987. — С. 59.

³ Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. — 2-е изд., испр. — М., 1990. — С. 13.

1. Преобладание аффиксальных способов словообразования над сложением (в отличие, например, от немецкого языка) ¹.
2. Преобладание суффиксации в именах и префиксации в глаголах.
3. Семантическое многообразие глагольных префиксов и участие их в выражении категории вида.
4. Развитая синонимия аффиксов.
5. Развитость смешанных способов словообразования — прежде всего префиксально-суффиксального и суффиксально-сложного ².

Продуктивность отдельных способов словообразования, словообразовательный потенциал различных частей речи, деривационные процессы и отношения в родственных языках одинаковы ³, однако специфика каждого из языков проявляется в различной степени их активности в отдельных лексико-семантических группах. “Деривационные закономерности близкородственных языков во многом сходны, имеются, однако, и существенные различия, как-то: несовпадение значимости идентичных словообразовательных типов в деривационных системах языков; может не совпадать и функциональная нагруженность идентичных формантов, их распределение по родовым классам, степень продуктивности” ⁴.

Восточнославянские языки имеют много общего в частеречном словообразовании, в типологии словообразовательных гнезд, присущих отдельным частям речи, “а также лексико-семантическим группам” ⁵. Это и общие словообразовательные типы, и модели, унаследованные из древнерусского языка, и некоторые общие для русского и украинского языков деривационные законо-

¹ Федоров А.В. О задачах сопоставительного изучения языков // Немецко-русские языковые параллели: Сопоставительные очерки по вопросам словообразования и синтаксиса немецкого и русского языков. — М., 1961. — С. 14.

² Лопатин В.В., Улукханов И.С. Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // IX Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. — М., 1983. — С. 170.

³ Маркаръян Н.Е., Николаев Г.А. Сопоставительное словообразование и формообразование русского и польского языков. — Казань, 1990.

⁴ Нецименко Г.П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. — М., 1987. — С. 72.

⁵ Лукашанец А.А. Словообразовательные гнезда глаголов в русском и белорусском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1981.

мерности, но функциональная нагрузка межъязыковых омонимичных словообразовательных аффиксов в сопоставляемых языках имеет дифференциальные моменты. Омонимические отношения в словообразовательной системе характеризуют функциональную сторону словообразовательных типов как основных единиц этой системы. Сопоставительное изучение функционирования словообразовательных типов в русском и украинском языках затрагивает проблему не только омонимических, но и синонимических и антонимических отношений в словообразовательных системах славянских языков¹, многоплановых соотношений между аффиксами сопоставляемых языков.

В сфере имен существительных наиболее распространенным среди способов образования новых слов является суффиксация. При межъязыковом сравнении сравниваемые классы производящих баз и производных должны быть семантически аналогичными. Например, возьмем одну из самых представительных субстантивных категорий — имена со значением действующего лица (*Nomina agentis*). В русском языке под влиянием церковнославянской книжной традиции большую продуктивность получил суффикс *-тель* и стал вытеснять суффикс *-никъ*, чему также способствовало возникновение и распространение на русской языковой почве уже в поздний период суффикса *-щикъ*. Имена на *-тель* мотивируются глаголами. Корреляция первого и последнего суффиксов в русском литературном языке оформилась как противопоставление *Nomina agentis* абстрактных и конкретных: *создатель—спорщик*. Данные служебные морфемы характерны и для украинского языка. Существительные со словообразовательным значением “лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным”, образуются в русском и украинском языках также при помощи формантов *-ик // -ик* (*кадровик // культурник*), *-ец // -ець (-ець)* (*борец // артілець, армієць*). Для образования названий лица от разных основ (в плане их частеречной принадлежности) используется суффикс *-ник*, присоединяемый к основам имен существительных: *дружинник, бумажник, блокадник // экскаваторник, дієтник, стражник*, и производные от этого суффикса и суффикса *-ик*: *-чик, -щик*. Изредка в русском языке здесь выступает осложненный суффикс *-овщик*: *газовщик, крановщик*. В украинском языке зафиксированы единичные случаи употребления производного от

¹ Маркаръян Н.Е., Николаев Г.А. Указ. соч. — С. 19.

-ник суффикса -івник: *жартівник, газівник*. Для образования названий лиц от глагольных основ используется суффикс -альник: *постачальник*. В украинском языке имеются суффиксы со значением лица, редко встречающиеся в русском в рассматриваемой семантической группе, например, суффикс -ач / -яч (*доповідач, діяч, споживач, перетворювач, окозамилувач*), в русском языке этот суффикс встречается в отдельных словах, имеющих разговорный характер: *избач* (устар.), *фирмач*.

Интернациональный суффикс -ист, усвоенный русским и украинским языками, соединяясь с мотивирующей основой существительного, образует слова — названия лица по отношению к какому-нибудь предмету, понятию, действию, определяющему занятие, профессию, социальное положение: *баянист, машинист, таксист, рекламист, социалист // тракторист, террорист, танкіст, окуліст, юрист, артист*. Морфами отглагольных существительных со значением лица выступают также заимствованные суффиксы -ант, -ент: *эмигрант, диссертант, конкурент // окупант, абонент*.

При сопоставительном исследовании словообразовательных систем родственных языков важно описание наиболее типичных для разных словообразовательных категорий “приращений” к общему словообразовательному значению, реализуемых в изучаемых языках разными формантами. Например, у существительных с общим значением “лицо — производитель действия” оттенок значения “производитель актуального действия” в русском языке придает отглагольным именам суффикс -тель (*преследователь, проситель*), в украинском — суффикс -ач (*переслідувач, прохач*), существительные с оттенком значения “производитель совершившегося действия” в русском языке образуются по модели “глагол + -тель” (*исполнитель, победитель*), в украинском — “глагол + -ець” (*виконавець, переможець*).

Аналогичны в русском и украинском языках сложные существительные со значением названия исполнителя действия над соответствующим объектом: *рыбообработчик, нефтеразведчик, картофелевод // літакобудівник, патентознавець*.

Названия лиц по их принадлежности к определенному коллективу образуются при помощи суффикса -анин(-янин), а также связанных с ним суффиксов -чанин, -тянин: *заводчанин, землянин // заводчанин, землянин*. Наименования жителей представляют собой обширный разряд слов, объединяемых общностью словообразовательных связей и семантики. Наиболее распространенным типом являются образования названий лица с помощью суффиксов -ец, -овец, -анин, -чанин, -инец // -анин, -янин, -ич, -ак, -як: *аст-*

раханец, калужанин, ростовчанин, ахтубинец // волжанин, львовянин, москвич, пскович, костромич, прусак, пермяк.

В современном русском языке конкурируют друг с другом несколько типов образования названий жителей. Традиционными являются типы с суффиксами **-анин** и **-ец** (а также менее продуктивные — и раньше, и сейчас — типы с суффиксами **-ич**, **-ак**, **-арь**). При сопоставительном изучении словообразования важны не только факты, находящиеся в центре системы, но и такие явления, которые характеризуют ее периферию.

В русском и украинском языках для образования субстантивных названий лиц, способных менять форму грамматического рода, употребляется адъективный по происхождению суффикс **-ов**: *костровой, пультавой, ламповая // ланкова.*

Названия лиц с суффиксом **-ала** и **-арик** в русском языке сохраняют разговорную окраску: *воображала, доставала, вышибала, очкарик.*

Словообразовательные подсистемы исследуемых языков рациональнее всего представить в такой последовательности:

1) по частям речи мотивированных слов (словообразование существительных, прилагательных, глаголов, наречий).

Если при анализе морфологических категорий предполагается дать общую характеристику категории, ее структуры и функционирования в разных частях речи, то при исследовании словообразования в сопоставительном плане продуктивным представляется частеречный критерий, которому отдается “предпочтение тогда, когда словообразовательное описание является органической составной частью грамматического или более общего описания языка, когда подчеркивается грамматический характер данной частной системы”¹;

2) внутри частеречной словообразовательной структуры — по способам словообразования, представляющим основную словообразовательную категорию: деривация (суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, конверсия и т. п.), словосложение (собственно сложение и сложение в сочетании с деривацией, соположение), переход в другую часть речи (субстантивация, адвербиализация), аббревиация и т. п.;

3) внутри способов словообразования — по частям речи мотивирующих слов (например, суффиксальные существительные,

¹ *Кнаппова М.* Проект методологического подхода к сравнительному изучению словообразования в славянских языках // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. — М., 1987. — С. 35.

мотивированные глаголами, прилагательными, существительными, числительными);

4) далее — по словообразовательным категориям.

Основным объектом описания в пределах способа словообразования в данной грамматике выступают словообразовательные категории, а в пределах категорий — продуктивные ряды мотивированных слов¹.

В качестве примера можно привести основные словообразовательные категории существительного.

Среди суффиксальных существительных, мотивированных глаголами, выделяются такие основные словообразовательные категории: 1) лицо — производитель действия; 2) неодушевленный предмет — орудие, средство совершения действия; 3) место действия; 4) объект и результат действия; 5) отвлеченное действие; 6) состояние как способность к действию.

Среди суффиксальных существительных, мотивированных прилагательными, можно выделить следующие основные словообразовательные категории: 1) лицо — носитель признака; 2) неодушевленный предмет — носитель признака; 3) пространство, территория, область — носитель признака; 4) совокупность однородных предметов, явлений — носитель признака; 5) отвлеченный непроцессуальный признак.

Многообразны словообразовательные категории отсубстантивных существительных: 1) лицо по отношению к объекту, орудию, месту своей деятельности; 2) лицо по отношению к местности, стране или населенному пункту; 3) лицо по отношению к сфере деятельности, общественному или научному направлению, действию, свойству, склонности; 4) лицо по отношению к своему отцу; 5) живое существо — носитель характерного внешнего (телесного) признака; 6) неодушевленный предмет, орудие по отношению к предмету, явлению; 7) помещение, вместилище для предмета, названного мотивирующим существительным; 8) пространство, территория, страна по отношению к тому, что названо мотивирующим словом; 9) вещество, материал по отношению к предмету, веществу; 10) общественное или научное направление, сфера занятий, состояние, свойство, склонность, имеющие отношение к лицу или неодушевленному предмету, явлению, названному мотивирующим словом; 11) гендерная характеристика одушевленных существительных; 12) незрелое живое существо;

¹ Нормативная грамматика русского языка для нерусских: Проспект. — М., 1984. — С. 56.

13) совокупность однородных предметов, явлений; 14) единичный предмет из массы вещества или совокупности однородных предметов; 15) категории с субъективно-оценочными значениями (уменьшительно-ласкательным, чисто ласкательным, увеличительным и т. п.).

Сопоставление продуктивных словообразовательных форм ориентировано на семантику мотивированных слов, с возможностью выявления общих семантических закономерностей, по принципу “от исходного (мотивирующего) слова к слову вторичному (производному, мотивированному)”. В этом отражается функциональный, динамический аспект словообразования как механизм образования одних слов (вторичных) от других (исходных, первичных).

В описании каждого словообразовательного ряда в грамматике приведены:

- характерные для слов данного ряда смысловые “приращения” к общей словообразовательной семантике;
- материал новообразований, иллюстрирующий продуктивность ряда;
- разновидности форманта (морфа), выступающие в различных образованиях.

Сопоставление близкородственных языков делает наше представление о деривационных закономерностях более адекватным реальной языковой картине, оно позволяет выявить не только сходства и различия между сопоставляемыми языками, но и проливает свет на закономерности внутриязыкового развития¹.

Морфологические категории в русском и украинском языках как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с идентичной семантикой в зависимости от релевантности их для той или иной части речи делятся на два больших класса — именные и глагольные. В восточнославянских языках, сохраняющих четкие грани между именем и глаголом, выделяются именные морфологические категории рода, одушевленности/неодушевленности, числа, падежа, степени сравнения; глагольные морфологические категории вида, залога, наклонения, времени, лица, а также числа и (в некоторых формах) рода. Репертуар этих категорий и их содержательные характеристики близки в изучаемых языках.

¹ *Нещименко Г.П.* О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. — М., 1983. — С. 49.

Исследование этих универсальных категорий позволяет выявить внутренние связи и зависимости между частеречными группировками слов в близкородственных языках. Вместе с тем оно дает возможность детально описать не только аналогичные формы, но и особенности средств выражения и функционирования категориальных значений, способы их реализации, выявить как статику формальных показателей, так и динамику функционирования языковых средств. Хотя украинский и русский языки обладают высокой степенью близости в сфере грамматических категорий, однако одна и та же категория в них может иметь различное число субкатегорий, например, в украинской падежной системе фиксируется семь падежей, русская падежная система шестичленна. При сопоставлении типов способов выражения грамматических категорий важно выявить соотношение между синтетическими и аналитическими средствами выражения¹. Аналитические глагольные структуры представляют собой языковую универсалию и широко используются во всех языках. Однако оба языка проявляют специфику в использовании аналитических структур. Например, аналитическая форма будущего времени русских глаголов несовершенного вида *буду писать, буду читать* имеет в украинском языке два соответствия — аналитическую и синтетическую формы: *буду писати, писатиму; буду читати, читатиму*.

Однотипные категории могут иметь разный объем содержания в генетически и структурно близких языках, например, в грамматических системах русского и украинского языков категория “одушевленность/неодушевленность” по-разному проявляется у существительных: в русском языке все одушевленные существительные имеют форму винительного падежа множественного числа, совпадающую с родительным (*видеть мальчиков, коней, быков, овец*), в украинском языке эта форма ограничивается личными субстантивами: *бачити хлопчиків, коней/коні, волів/воли, овець/вівці*. Другие одушевленные существительные могут иметь варианты формы винительного падежа, равного именительному². В целом вариантность (синонимия) в морфологии весьма развита в изучаемых языках, что связано с их флективностью. Основной подход к изучаемому материалу — от формы к содержанию. Использование такого подхода приемлемо при сопоставительном изучении мор-

¹ Матезиус В. Функциональная лингвистика // Общее языкознание: Хрестоматия. — Минск, 1976. — С. 75.

² Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. — М., 1977. — С. 83.

фологических категорий близкородственных языков. Оно дает возможность показать, насколько идентичные категориальные значения различаются в русском и украинском языках не только средствами выражения, но и тем, что выражается.

При таком описании за исходное берутся грамматические категории, морфологические формы, синтаксические конструкции, устанавливается диапазон выражаемых ими значений с учетом взаимосвязей изучаемых категорий и их места в системе или подсистеме языка. Описание от формы к значению дает возможность более четкого и строгого вычленения изучаемого объекта, позволяет исследовать его контекстуальные характеристики, определить функциональную дистрибуцию и спектр функциональных значений, установить в сопоставляемых языках системные и функциональные эквиваленты¹. При сопоставлении морфологического строя близкородственных языков вполне допустимым является такое описание, при котором, например, падежи сравниваются один с другим, причем от формы следует идти к их употреблению в сопоставляемых языках. “При этом будет установлено, что в обоих языках существуют тождественные значения, выражаемые, например, родительным или дательным падежом, хотя употребление этих падежей в соответствующих значениях будет представлено обоими языками в разных пропорциях”². Аналогичный пример можно привести и из сферы взаимодействия категорий вида и времени в русском и украинском языках, которое отражается прежде всего в системе видовременных форм. Подобное сопоставление позволяет увидеть, какой из языков имеет более тонко дифференцированное множество реализаций релевантной категории³. Грамматические формы, реализующие те или иные грамматические категории, в сопоставляемых языках могут быть содержательно неэквивалентны (неадекватны), “имеются в виду проявления неуниверсальности языковых семантических функций, обнаруживаемые при внутриславянских сопоставлениях”⁴.

¹ Широкова А.Г. Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков // Вестник МГУ. Серия филология. — 1978. — № 6. — С. 10.

² Милославский И.Г. К основам сопоставительного изучения падежной системы русского языка // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. — М., 1983. — С. 76.

³ Джеймс К. Контрастивный анализ // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. — М., 1989. — С. 277.

⁴ Бондарко А.В. Проблемы и методы сопоставительного изучения грамматических категорий в славянских языках // IX Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. — М., 1983. — С. 40.

Например, русский именительный падеж существительных в единственном числе служит для номинации и предмета, и адресата речи, в украинском языке эти функции дифференцированы, разделены между именительным и звательным падежами. Ср.: *Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи* (А. Пушкин) // *О який же прекрасний ти, Світе єдиний!* (Є. Плужник). Неэквивалентными могут быть как первичные функции грамматических форм, так и вторичные (что отмечается значительно чаще).

При сопоставлении морфологических категорий русского и украинского языков предусмотрены следующие аспекты:

1. Общая характеристика категории.
2. Формальное выражение категории в сопоставляемых языках.
3. Семантическая структура категории.
4. Общее и специфическое в выражении категории.
5. Особенности функционального употребления форм категории.
6. Связь данной морфологической категории с другими категориями определенной части речи ¹.

Например, категория рода рассматривается как несловоизменяемая, свойственная всем именам существительным, за исключением субстантивов *pluralia tantum*, а также именам прилагательным, местоимениями и т. д. Грамматический род выступает в качестве основного признака, который определяет распределение существительных по типам склонения. Являясь для существительных классифицирующей морфологической категорией, род выполняет функцию сцепления синтаксических единиц, образования синтаксических комплексов вокруг существительного. Он выступает как синтаксический элемент значения русских и украинских имен.

Будучи свойственной самым разнообразным языкам мира, категория грамматического рода, “возникнув в глубокой древности, поднялась в процессе длительного развития на высокую ступень отвлеченного грамматического значения” ².

Эта категория имен существительных имеет различное содержание в языках индоевропейской семьи. Например, в английском языке существительные лишены морфологических показателей рода. «Рефлексы универсальной категории рода ... могут проявля-

¹ Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Морфология. — Минск, 1990. — С. 8.

² Будагов Р.А. Введение в науку о языке. — 2-е изд. — М., 1965. — С. 256.

ться в соответствиях местоимений и имен существительных (ср. англ. the man “мужчина” — he “он”, the woman “женщина” — she “она” и т. д.)»¹. Во французском языке имена существительные распределяются по двум родам — мужскому и женскому. Категория рода у русских и украинских существительных характеризуется триадой (мужской, женский, средний)² в школьной грамматике, научная грамматика выделяет еще и общий род у существительных, функционирующих в определенных контекстах то как существительные мужского рода, то как существительные женского рода.

Стремление некоторых лингвистов сделать категорию рода универсальной морфологической категорией для всех существительных привело к выделению так называемого парного рода существительных, присущих именам существительным *pluralia tantum*³.

Попытки классифицировать по родовому признаку эти существительные были сделаны еще в XIX в. Так, Н. Греч относил *весы, кандалы* к мужскому роду, а *бусы, деньги* к женскому⁴. Однако во множественном числе грамматическое значение рода не имеет формального выражения, а данные существительные имеют форму множественного числа, которая не позволяет ни по формально-грамматическим признакам (флексия в исходной форме), ни по синтаксическому окружению отнести их к одному из родов.

Реальное содержание категории рода различно в различных лексико-грамматических разрядах существительных⁵. В большинстве названий людей и животных, относящихся к одушевленному существительным, категория рода семантически, связана с реальным противопоставлением биологических полов. Исключение составляют лишь слова *животное, дитя, пресмыкающееся, лицо, божество, ничтожество, беспозвоночное*, имеющие значение среднего рода в русском языке. В украинском языке круг одушевленных имен существительных, относящихся к среднему роду, зна-

¹ Пьетро Р. Языковые структуры в контрасте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. — М., 1989. — С. 144.

² Правда, эта категория утрачивается в этническом языке украинцев Канады, так как “под влиянием английского языка грамматический род постепенно перестает восприниматься как живая категория” (Жлуктенко Ю. О. Мова етнічної групи в світі теорії мовної варіативності // Мовознавство. — 1988. — № 1. — С. 6.).

³ Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. — М., 1981. — С. 46.

⁴ Греч Н. Краткая русская грамматика. — 2-е изд. — СПб., 1860. — С. 11.

⁵ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 460.

чительно шире, в него входят все названия детенышей животных и птиц: *кошеня, вовченья, голубенья, собаченья, лоша, теля, поросля, курча, гусеня, каченья*. Возможно, уменьшительные суффиксы и родовая принадлежность таких слов подчеркивают их семантику: невзрослость обозначаемого ими существа, невозможность определения его как полноценной особи мужского или женского пола. Специфика родовой принадлежности русских существительных, обозначающих детенышей: *теленочек, щеночек, котенок* — мужского рода, независимо от естественного пола, их украинские аналоги — среднего рода — представляют отступление от обычного совпадения грамматического рода и пола у существительных одушевленных. Это своеобразные пережиточные явления, свойственные древнерусскому языку, ср. др.-р. *теля, поросль*.

Названия детенышей были отнесены к среднему роду еще в индоевропейскую эпоху как существительные с “не вполне определившимся полом, ср. средний род таких имен в украинском: *теля, дівча* и средний род уменьшительных в древнегреческом и немецком”¹. В русском языке средний род “вообще потерял возможность определять живые существа и все слова среднего рода, означавшие имена одушевленные, перешли в мужской род: этим объясняется, быть может, переход *теля, жеребеня* в *теленочек, жеребенок*. Только слова *дитя, дитячко* остались среднего рода”².

Категория рода у имен прилагательных относится к словоизменительным категориям. Она не вносит никакого содержательного вклада в семантику предложения, реализуясь в сочетаниях с неодушевленными существительными. “В словосочетаниях *красивый путь, красивая дорога, красивое шоссе* замена родовой формы прилагательного привела бы к нарушению правил связи между словоформами, но не повлияла бы на значение словосочетания. Другое дело — та же категория, реализующаяся в сочетаниях с одушевленными существительными общего рода. Оба словосочетания *ужасный забияка* и *ужасная забияка* построены в соответствии с существующими в русском языке правилами связи. Различие между обоими словосочетаниями — содержательное: первое указывает на лицо мужского пола, второе — на лицо женского пола”³.

¹ Дурново Н. Грамматический словарь. — М.; Пг., 1924. — С. 98.

² Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. — М., 1941. — С. 127.

³ Милославский И.Г. К основам сопоставительного изучения падежной системы русского языка. — С. 77.

Категория рода в системе прилагательного может использоваться как единственно возможный способ идентификации соответствующей морфологической характеристики имени существительного. Это не только существительные общего рода, но и личные субстантивы, номинирующие лицо по профессии или роду занятий ¹.

Аналогичная многоаспектность выдержана при сопоставительном описании глагольных категорий. При сопоставлении категории вида показано ее особое место в системе морфологических категорий русского и украинского языков, связь с лексической семантикой глагольных слов, с глагольным словообразованием. Дана характеристика предельных/непредельных глаголов в обоих языках, показано, насколько полно в них выражено значение целостности, прослежено соотношение категории вида с другими морфологическими категориями в сопоставляемых языках.

Категория наклонения определяется как частный случай выражения модальности путем изменения форм глагола, и на основе этой концепции проведено логико-грамматическое размежевание частных видов наклонения. Так же проанализированы категории залога и лица.

Близость русского и украинского языков проявляется и в их синтаксической организации. Типы предложения, внутренняя связь и взаимозависимость его составных компонентов, способы выражения синтаксических отношений и значений характеризуются высокой степенью подобия. Однако русский и украинский языки имеют и отличительные черты в синтаксическом строе, которые составляют их национальную специфику как в структуре предложения, так и в структуре словосочетания, причем в последней они проявляются сильнее, чем в первой.

В синтаксисе рассмотрены подчинительные связи слов и словосочетаний. Эти связи в сопоставляемых языках неоднородны, так как одни из них возникают в предложении и обусловлены синтаксическими позициями соединяющихся словоформ, другие же идут непосредственно от слова как лексико-грамматической единицы, обусловлены его внутренними свойствами и не зависят от синтаксических функций, которые это слово выполняет в предложении. В монографии проанализированы присловные и неприсловные связи.

В современных русском и украинском языках выделяются три вида присловной подчинительной связи: согласование, управле-

¹ Украинская грамматика / Под ред. акад. В.М. Русановского. — К., 1986. — С. 74.

ние и примыкание. Особое внимание авторами уделено предложному и беспредложному управлению, в сфере которого особенно ярко проявляются дифференциальные моменты в синтаксических системах сопоставляемых языков. В области глагольного управления исследованы одиночные и двойные связи, в том числе и вариативные.

Структура словосочетания исследуется как синтаксическая конструкция, образуемая путем соединения двух или более полнозначительных слов на основе подчинительной связи согласования, управления или примыкания, его компоненты — главное, стержневое слово и зависимая словоформа, типы словосочетаний в зависимости от частеречной принадлежности главного слова и степени связанности его компонентов. Рассмотрены простые, сложные и комбинированные словосочетания.

Анализ семантики различных структурных типов словосочетаний основан на исследовании ее зависимости от лексико-грамматических значений стержневого и зависимого слова. В сопоставительном плане большой интерес представляют словосочетания, передающие временные, пространственные, каузативные отношения, отношения следствия.

Центральной грамматической единицей синтаксиса является простое предложение, имеющее достаточно сложную формальную и смысловую организацию. Исследованы основные типы простых предложений, характерные для русского и украинского языков, их структура и семантика. В невопросительных двухкомпонентных предложениях проанализированы предложения со спрягаемой формой глагола и без нее. Однокомпонентные предложения в зависимости от указания на производителя действия делятся на бессубъектные (*Знобит. // Світає.*) и субъектные (*Затопало копытами по дороге. // Зашуміло угорі.*).

При переходе от одного языка к другому (например, при переводе) семантическая и коммуникативная структуры предложения остаются неизменными (в противном случае предложение меняет свой смысл), но синтаксическая структура может изменяться в соответствии с грамматическими правилами каждого языка¹. Ср., например, вопросительные предложения в исследуемых языках с одинаковой семантикой: *Пойдеш ли ты в кино? // Чи ти підеш в кіно?* Вопросительные частицы, при помощи которых оформляет-

¹ Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. — Л., 1977. — С. 218.

ся вопрос, в этом случае дифференцируются по занимаемой позиции: русская частица *ли* не может находиться в начале предложения, украинская *чи* в общевопросительном предложении занимает начальную позицию.

В разделе “Распространение простого предложения” рассмотрены основные способы распространения простого предложения при помощи словосочетаний или отдельных форм слова, детерминирующие члены предложения (субъектные, субъектно-обстоятельственные, объектные, обстоятельственные детерминанты), обособленные обороты (деепричастные, обороты с причастиями и прилагательными, с существительным, инфинитивом, с наречием и со спрягаемой формой глагола).

Исследованы средства выражения субъектно-модальных значений в предложении (специальные синтаксические конструкции — синтаксические фразеологизмы, бессоюзные свободные и несвободные соединения словоформ, повторы, построения с модальными частицами и их аналогами).

В сопоставительном аспекте проведен анализ формально-грамматического и лексико-семантического уровней сложного предложения как грамматического, интонационного и смыслового единства, состоящего из двух или более простых (главы “Сложносочиненные предложения” и “Сложноподчиненные предложения”).

Например, в систему сложноподчиненных предложений расчлененной структуры входят предложения, выражающие отношения временные, обусловленности (объединяющие пять типов предложений: условные, причинные, уступительные, цели и следствия), сравнительные и сопоставительные. Среди предложений, выражающих временные отношения, рассмотрены предложения с неоднозначно характеризующими союзами *когда, как, пока // коли, як, поки* и предложения с однозначно характеризующими союзами, временные предложения фразеологизированной структуры.

Структуру, семантику, смысловые отношения между компонентами сложносочиненного предложения предполагается рассмотреть в главе “Сложносочиненные предложения”. Обязательным смысловым компонентом сочинительных отношений является соединительное значение, оно включено в семантику всех сложносочиненных предложений. В наиболее общем виде соединительные отношения конкретизируются как собственно соединительные и несобственно соединительные (противительные и разделительные). Основанием для классификации сложносочиненных

предложений служит противопоставление сочинительных союзов по признаку их неоднозначности или однозначности, то есть по их способности к семантической дифференциации значений, реализующихся в сфере сочинения.

Анализ сложносочиненных предложений с неоднозначно характеризующими союзами включает предложения с союзами *и* (*и...и*), *ни...ни* // *і* (*й*), *та*, *і...і*, *ні...ні*, *ані...ані*, передающими собственно соединительное и несобственно соединительное (позитивная квалификация связи, негативная квалификация связи, присоединительно-комментирующие отношения) значения, предложения с союзами *а*, *но*, *да*, *да и*, *же* // *а*, *але*, передающими сопоставительные, присоединительно-распространительные и т. п. отношения, предложения с союзами *или*, *либо*, *ли...ли*, *то...то*, *не то...не то*, *то ли...то ли*, *а то*, *а не то*, *не то*, *иначе* // *або*, *або...або*, *не то...не то*, *чи*, *чи...чи*, *а то*, *а не то*, *інакше*, выражающими разделительные отношения.

Сложносочиненные предложения, формируемые однозначными союзами, а также многочисленными аналогами сочинительных союзов, выражают разные виды несобственно соединительных отношений. Это предложения со значением пояснительным, противопоставления, факультативно-комментирующим, причинно-следственным и градационным. Проанализированы отношения между частями в таких сложносочиненных предложениях и средства их выражения: союзы *то есть*, *а именно* // *тобто*, *а саме*; *однако*, *однако же*, *зато*, *просто*, *впрочем*, *все-таки* и т. п. // *однак*, *зате*, *втім*, *все-таки*, *разом з тим* и т. п., союзные аналоги *только*, *напротив*, *наоборот*, *не то что*, *тоже*, *также*, *еще*, *вдобавок* и т. п. // *лише*, *навпаки*, *також*, *до того ж*, *крім того*, *до речі*, *між іншим* и т. п.

В главе “Бессоюзные сложные предложения” проведено исследование двух групп бессоюзных сочетаний предложений. Первую группу составляют сочетания, компоненты которых связаны не только интонационно, но и грамматически — формами синтаксических наклонений, ко второй группе относятся предложения, между которыми имеется только интонационная связь. Все бессоюзные сочетания предложений по характеру смысловых отношений между их частями подразделяются также на две группы: 1) сочетания с двусторонним взаимодополняющим отношением частей, их направленностью друг на друга; 2) сочетания с односторонним отношением частей, из которых вторая характеризует (определяет, поясняет, обосновывает) первую.

В области синтаксиса дифференциальные моменты между русским и украинским языками менее значительны, чем на морфологическом уровне. Это объясняется общими причинами: чем больше по объему сопоставляемые единицы, тем менее глубоки расхождения. Наибольшие расхождения между языками можно обнаружить в области фонем, менее значительные — в морфологии, еще меньшие — в синтаксисе, категории которого в конечном счете отражают самые общие закономерности мышления¹.

Таким образом, синхронное системное исследование словообразования, морфологии и синтаксиса современных литературных русского и украинского языков представит черты сходства и дифференциальные элементы в строе этих родственных языков в определенный момент их существования, а именно в 80—90-е годы XX в. Оно необходимо для разработки актуальных проблем лингводидактики (обучения украинскому и русскому языкам), создания двуязычных словарей разного типа, для переводческой деятельности. Это основные сферы практического приложения теоретических вопросов, которые освещены в сопоставительной грамматике русского и украинского языков.

¹ Гак В.Г. Указ. соч. — С. 175.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Словообразование — неотъемлемая и чрезвычайно важная часть сопоставительного изучения языков в целом, в том числе близкородственных. И прежде всего потому, что в сфере словообразования находят выражение и перекрещиваются закономерности как лексических номинаций, так и грамматических значений, фонетических и акцентологических альтернатив и др. Поэтому сопоставительное словообразование во всей возможной многоплановости и многоаспектности его изучения представляется одним из объектов исследования, позволяющим не только усовершенствовать наши знания в области лингвистической типологии, но и проникнуть в глубинные структуры феномена языка.

Между тем словообразовательная подсистема организована менее системно, чем фонетическая или грамматическая, более сложна для изучения, тем более — в аспекте сопоставительном. И здесь первоочередная роль принадлежит вопросам методологии сопоставительного описания словообразовательных подсистем изучаемых языков.

Успехи науки о словообразовании, достигнутые в последние десятилетия, позволяют констатировать в значительной мере преодоление этих трудностей. Многочисленные исследования как теоретического, так и практического плана, монографические описания и теоретико-методологические разработки, появившиеся в последнее время на материале прежде всего славянских языков, создали фундамент для развития сопоставительных исследований в области словообразования. Это относится и к описанию словообразовательных подсистем конкретных языков, и к разработке

теоретико-методологической базы сопоставительного их изучения¹.

Своеобразным итогом изучения теоретико-методологических проблем в области сопоставительного словообразования стало издание работы “Сопоставительное изучение словообразования славянских языков” (М., 1987), представившей широкую палитру взглядов современных лингвистов, как российских, так и из других славянских стран, на проблематику теории и методологии сопоставительного языкознания. При естественном и неизбежном расхождении во взглядах на ряд исходных методологических понятий, таких, как словообразовательная категория (ср. различные представления о ней у В.В. Лопатина² и Г.П. Нецименко³), словообразовательный тип и словообразовательное гнездо как основные единицы сопоставления (взгляды А.Н. Тихонова⁴ и В.В. Лопатина⁵), следует признать, что в результате многолетних научных поисков в сопоставительном словообразовании утвердился ряд принципиальных понятий, касающихся в первую очередь самого представления о характере этой области знания и об исходных единицах — объектах его изучения. Что касается принципиального подхода к объекту исследования — формального или семантического, то здесь находим критическую оценку и того и другого. Так, И.Г. Милославский, отмечая недостатки обоих

¹ В области восточнославянских языков здесь следует упомянуть такие полные описания словообразовательных подсистем русского и украинского языков, как раздел “Словообразование” в “Русской грамматике” (т. 1, М., 1980); “Грамматика современного русского литературного языка” (М., 1970); “Словообразование современного русского литературного языка” (М., 1968); “Словотвір сучасної української літературної мови” (М., 1979), а также многочисленные работы русских языковедов: В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, Е.А. Земской, З.М. Волоцкой, Е.С. Кубряковой, Г.П. Нецименко, А.Н. Тихонова, Т.П. Вендиной и др., украинских ученых Н.Ф. Клименко, Л.А. Родниной, Е.Г. Городенской, М.А. Жовтобрюха, Е.К. Безпояско и др.

² Лопатин В.В. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. — М., 1987. — С. 47 и след.

³ Нецименко Г.П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков (к проблеме центра и периферии при изучении словообразовательной категории) // Там же. — С. 67 и след.

⁴ Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков // Там же. — С. 106—110.

⁵ Лопатин В.В. Указ. соч. — С. 52—53.

подходов, их ограниченные возможности и противоречия и выражая определенного рода скепсис в отношении границ и масштабов сопоставительного словообразования (хотя и не отрицая необходимости научного поиска в этом направлении), утверждал: “Словообразование в настоящее время выступает как своего рода полигон, где испытываются приемы и методы изучения языка, представляющие большую ценность как для других уровней языка, так и для лингвистов в целом. Иными словами, словообразование, в том числе и сопоставительное, в какой-то степени играет в современной лингвистике такую же роль, какую в ней играла несколько десятилетий назад фонетика и фонология”¹.

И тем не менее в общей теории словообразования, в том числе сопоставительного, уже сделаны определенные наработки, во многом преодолевшие разрыв, существовавший еще до недавнего времени между уровнем теоретических изысканий и практических исследований.

При всем многообразии подходов и аспектов рассмотрения сложной проблематики сопоставительного словообразования общетеоретического и методологического плана, общепризнанными и незыблемыми в качестве основных единиц изучения и сопоставления остаются понятия, определенные впервые в научной концепции И.И. Ковалыка: словообразовательный тип и словообразовательная категория, составляющие основу более сложных образований — словообразовательного разряда и словообразовательного класса, создающих иерархическую подсистему языка.

Словообразовательный тип — обобщение, основанное на тождестве форманта, словообразовательного значения и частей речи мотивированного и мотивирующего слов. На основе общности словообразовательного значения различные словообразовательные типы объединяются в **словообразовательную категорию** (категории лица — по различным признакам, наименований действия, уменьшительных наименований и т. д.). Если словообразовательный тип выступает как микросистема, то словообразовательная категория — макросистема, которая имеет системообразующий характер и входит в состав деривационной системы языка². Словообразовательная категория — более высокая ступень обобщения по сравнению со словообразовательным типом в иерархичес-

¹ Милославский И.Г. О предмете сопоставительного словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. — М., 1987. — С. 62.

² Нецименко Г.П. Указ. соч. — С. 67—68.

кой подчиненности словообразовательных единиц (разрядов, классов и т. д.) в пределах одной части речи.

Принципиальное значение при проведении сопоставительных исследований имеет признание неравноценности словообразовательных типов на основе признака продуктивности/непродуктивности. В связи с этим выделяются **центральные** словообразовательные типы (регулярные, продуктивные) и **периферийные** (с ограниченной продуктивностью, низкой воспроизводимостью), исполняющие различную функциональную роль в структуре языка. Если центральные словообразовательные типы несут основную нагрузку по обслуживанию категорий номинаций, то периферийные выступают как накопления различного рода, вида и происхождения непродуктивных типов, представляющих, с одной стороны, отложения минувших эпох, а с другой — созревание новых будущих структур. Большая проницаемость периферийных типов способствует взаимопроникновению языковых форм в процессе заимствований¹, что также важно констатировать при сопоставительном исследовании.

При разработке методики сопоставительного изучения словообразования в специальной литературе, всесторонне рассматривающей двустороннюю — формальную и содержательную — сущность предмета изучения (словообразовательный тип — как триединую общность форманта, словообразовательного значения производного слова и характера производящей основы), повсеместное признание находит принцип **частеречной классификации** материала как основной и важнейшей модели его изучения. Это связано с тем, что часть речи — комплексная языковая категория, сочетающая в себе свойства грамматических и лексических категорий. А это в полной мере соответствует сущности явлений словообразования, характеризующихся, как известно, теми же параметрами.

В связи с этим основная модель сопоставительного описания словообразовательных подсистем русского и украинского языков представляется в виде иерархически сконструированной схемы критериев, в соответствии с которыми распределяется лексический материал, содержащий производные.

Наиболее общий критерий деления — вычленение форм по частеречному признаку: имя существительное, имя прилагательное, глагол, — именно такие подразделы рассматриваются в данной работе. Внутри отдельных частей речи определяются: способ

¹ Нецименко Г.П. Указ. соч. — С. 68.

словообразования, общий тип содержательно-номинативной структуры, то есть способ наименований, его значение — мутационное, предметно-характеризующее, модификационное или транспозиционное, характер мотивирующего слова (принадлежность к определенной части речи), словообразовательная категория производных слов, словообразовательный тип, конструируемый в рамках словообразовательной категории на основе словообразовательного форманта (определяется степень его продуктивности, центральный или периферийный характер) и др.

Традиционно сопоставительное изучение близкородственных языков рассматривается нередко как изучение межъязыковых сходств и различий, которое должно составить основу дальнейших типологических обобщений. Принимая такую задачу исследования как одну из возможных, трудно, однако, не отдать должное несколько иной исследовательской позиции, протестующей против такого занижения статуса сопоставительного языкознания как некоей вспомогательной дисциплины прикладного, эмпирического характера¹. Соответственно этой позиции задачей исследователя-сопоставителя является выявление сходств и различий не как самоцель, а как путь к углубленному познанию языковых закономерностей, в том числе универсалий².

В связи с этим сущность сопоставительного исследования предлагается рассматривать скорее как **системно-функциональное сопоставление** изофункциональных явлений, а не только как **статично-типологическое их описание**. Кроме двух названных, объектом сопоставительного исследования может быть и **функционально-социологический аспект**. Каждый из них имеет свои цели и задачи, свою методику описания и в различных аспектах представляет феномен языка в области словообразования.

В условиях слабой разработанности проблемы сопоставительного словообразования русского и украинского языков названные выше аспекты описания представляются вполне правомерными не только как восполняющие определенный пробел в этой области науки о языке, но и в методологическом плане — как попытка разноаспектного освещения одной из сложных областей сопоставительного языкознания.

Предваряя собственно сопоставительное исследование русского и украинского словообразования, следует упомянуть о не-

¹ См.: *Нещименко Г.П.* Указ. соч. — С. 63.

² Там же.

которых наиболее общих тенденциях развития словообразования обоих языков, закономерно следующих из наблюдений, сделанных в ряде специальных работ¹.

Прежде всего — это положение о том, что развитие родственных и типологически близких словообразовательных систем русского и украинского языков характеризуется общей направленностью, обусловленной едиными и общими для этих языков внешними, нелингвистическими факторами (условиями социальной действительности). В рамках этой направленности и происходят основные сдвиги в функционировании обеих словообразовательных систем.

Эти сдвиги в специальных исследованиях определяются общим понятием “роста агглютинативности” в процессах словообразования², обусловленных бурным развитием процессов словопроизводства и усилением продуктивности ряда словообразовательных типов. Агглютинативность в семантике и структуре производного слова, проявляющаяся в свободном скрещивании морфем, с одной стороны, а с другой — в устранении их многозначности, в увеличении числа однозначных морфем и т. д., влечет за собой увеличение регулярности ряда моделей, уменьшение (потенциального) набора словообразовательных единиц и т. д. Иначе говоря, усиливается автоматизация в процессах словопроизводства, происходит упрощение некоторых словообразовательных процедур, в частности, ряда морфонологических чередований. Наблюдается вращение в парадигму одной лексемы слов разных частей речи, как, например, в русском языке вхождение в парадигму глагола отглагольных имен на *-ние*, *-ение*, имен действия на *-ка* или в парадигму прилагательных — имен на *-ость*, характерных и для украинского языка (с суффиксом *-ість*) и т. д.

Причины всех этих явлений — в демократизации процессов, характеризующих развитие литературного языка, в социальных факторах, способствующих расширению состава его носителей, во влиянии на литературный язык просторечия и разговорной речи. Сказалась также активизация словообразовательных подсистем.

¹ См.: Русский язык и советское общество // Словообразование современного русского литературного языка. — М., 1968. — С. 9—23; Очерки по исторической грамматике русского литературного языка: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. — М., 1964. — С. 15—17 и другие работы.

² Словообразование современного русского литературного языка. — М., 1968. — С. 10—14.

тем профессиональной, терминологической речи, характеризующейся большей свободой в словопроизводстве по сравнению с жесткими нормами литературного языка¹ и т. д.

Заметим, однако, что при всей общности этих влияний для русского и украинского языков определяющими в развитии основных словообразовательных процессов оставались те структурно-морфологические и семантические закономерности, которые определяли специфику этих языков на протяжении столетий.

Конкретное изучение общего и специфического в развитии словообразовательных подсистем русского и украинского языков, как отмечалось выше, целесообразно провести на основе частеречного принципа, на основании сопоставительного изучения словообразования основных частей речи: имени существительного, имени прилагательного и глагола. Система словообразования каждой из этих категорий слов обладает собственным набором средств и собственными закономерностями их употребления, а следовательно, представит достаточно полную картину словообразовательных систем обоих языков в их сопоставлении.

¹ Там же. — С. 10—17.

І. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Имя существительное — одна из важнейших словообразовательных категорий в сопоставляемых языках. Она представляет собою своеобразный организующий центр словообразовательной системы каждого языка в целом. В имени существительном перекрещиваются многочисленные и многоплановые, разновекторные процессы, характеризующие словообразование всех категорий имен и глаголов. Именно здесь наиболее полно обнаруживаются новые тенденции развития.

Социальные сдвиги в современном мире, отмеченном научно-технической революцией, привели к резкому увеличению роли и состава именных образований в системе языка. Этому способствовал — в ряду других факторов — бурный рост профессиональной терминологической лексики, входящей в литературное употребление. Последнее привело в свою очередь к резким сдвигам в развитии именной словообразовательной системы — к появлению новых моделей, семантическому переосмыслению существующих типов, к изменению продуктивности их и т. д.

По наблюдению исследователей, среди новообразований нашей эпохи доминирующее место занимают имена существительные¹. Это объясняется необходимостью номинации новых предметов и явлений, связанной с научно-техническим прогрессом, социальными сдвигами в развитии общества: появлением новых станков, механизмов, новых технологий, специальностей и т. д. Причем важно заметить, что среди существительных первое место по количеству новообразований занимают имена с конкретным значением², что является закономерным следствием общей семантики словообразовательных формантов, характеризующих производство имен существительных. В ней доминирует значение

¹ По подсчетам, проведенным в различных работах, посвященных изучению неологизмов советской эпохи, в общем итоге существительные составляют около 70 % всех новообразований (см.: Русский язык и советское общество // Словообразование современного русского литературного языка. — С. 171 и т. д.).

² Там же. — С. 171 и след.

конкретности (лица, предмета, орудия, вещества, помещения и т. д.), и таких формантов насчитывают около 60¹.

Словообразование существительных в русском и украинском языках — сложный и многогранный процесс, проявляющийся в нескольких основных видах и способах. В их числе суффиксация, префиксация, субстантивация, сложение, аббревиация, а также смешанные способы: префиксально-суффиксальный и суффиксально-сложный.

В именных системах русского и украинского языков наиболее продуктивным из действующих способов словообразования и образующим основной корпус имен существительных является суффиксация. Проведение в его границах сопоставительного исследования русского и украинского языков представляется в методологическом плане едва ли не наиболее эффективным.

СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Имена существительные в обоих языках образуются определенным набором суффиксальных формантов, присоединяемых к основам различных частей речи.

Тип производящей основы и ее семантика, с одной стороны, и словообразовательное значение форманта, с другой, определяют форму и значение производного слова, характер его вторичных значений. Окончательное формирование структуры слова зависит от характера форманта, несущего категориальное и грамматическое значение. Отсюда — два аспекта изучения производных форм: 1) по составу и характеру формантов; 2) по типам производящих основ, мотивирующих отдельные словообразовательные подгруппы. Последний принцип стал основным в работах, представляющих наиболее полное описание словообразовательных систем русского и украинского языков². Однако для целей сопоставительного исследования представляется целесообразным принять за основу классификации несколько иной принцип группирования такого столь раздробленного и разнопланового материала, как система именного словообразования. А именно: прежде всего вы-

¹ Там же.

² Ср.: Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970; Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1, а также: Словотвір сучасної української літературної мови. — К., 1979.

членение важнейших лексико-семантических групп производных, значение которых мотивируется производящими основами, а затем внутри них — рассмотрение важнейших словообразовательных типов, определяемых, как известно, кроме основы, структурой форманта.

Важнейшие лексико-семантические группы, объединяющие производные имена существительные, это: 1) наименования лица — деятеля и носителя признака; 2) наименования не-лица (предмета, вещи); 3) наименования действия, состояния, отвлеченного признака.

Семантика каждой подгруппы определяется характером производящей основы и модифицируется формантами различного словообразовательного значения.

1. НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦА — ДЕЯТЕЛЯ И НОСИТЕЛЯ ПРИЗНАКА

Наиболее общий (определяющий) семантический признак этой категории имен — значение одушевленности и расчлененности (в противопоставлении неодушевленности и собирательности). Производные этого словообразовательного поля составляют три основные подгруппы наименований лица: 1) мужского рода (пола); 2) женского рода (пола); 3) общего рода.

1.1. Имена существительные со значением лица мужского рода в русском и украинском языках

В этой подгруппе имен вычленяются в зависимости от характера производящей основы имена со значением: 1) деятеля или носителя процессуального признака (действия, состояния) — от глагольных основ; 2) носителя адъективного признака — от основ имен прилагательных; 3) носителя предметного признака — от основ имен существительных.

Наименования деятелей или носителей процессуального признака

Эти существительные в русском и украинском языках образуются, как правило, от основ глаголов прошедшего времени определенным набором формантов разной степени продуктивности в каждом из сопоставляемых языков: -тель, -чик, -щик, -льщик, -ач,

-ун, -ец (-лец), -ник, -ак, -ок, -арь; заимствованными: -атор, -ант (-ент), -ат; а также единичными: -ень, -ыш, -ух, -аль, -атай, -ай.

Основное значение производных этого типа обусловлено глагольным характером мотивирующей основы, — лицо как исполнитель действия либо носитель процессуального признака (с последующей модификацией этого основного значения в названия лиц по занятию, профессии, состоянию, поведению, черте характера и т. д.).

Суффикс -тель (-итель, -атель) // -тель оформляет один из основных словообразовательных типов в этой группе имен в исследуемых языках. Сочетается он только с глагольными основами обоих видов (ср. рус. *оформитель*, *обожатель*), а также переходными (*любитель*) и непереходными (*заседатель*) и сохраняет с исторического периода свою продуктивность, о чем свидетельствует потенциальная возможность в современном русском языке производить такие имена практически от каждой глагольной основы, а также наличие окказиональных образований (*помогатель*, *соревонователь*).

В отличие от русского языка украинский не развил продуктивности этого типа (идущей от различного характера влияния в исторический период на литературные языки церковнославянской традиции). И если в русском языке сегодняшней активности -тель предшествовала его неограниченная продуктивность в литературном языке XVIII—XIX вв., то слабая активность -тель в современном украинском языке связана с более ограниченным влиянием на него церковнославянского языка в период XVI—XVII вв. и формированием украинского литературного языка на живой народной основе, выдвинувшей в качестве продуктивных ряд иных суффиксов, свойственных живой народной речи. В украинском языке образования на -тель в основном сохраняют книжный характер (укр. *гнобитель*, *покровитель*), тогда как в русском они свойственны как литературному языку, так и разговорной речи.

Общая тенденция развития вторичных предметных значений в именах деятелей, особенно усилившаяся в век научно-технической революции, коснулась и этого типа образований, причем с тенденцией полного вытеснения агентивного значения в этих словах предметными значениями (орудий действия)¹. Однако в общей подсистеме наименований лица русского языка суффикс -тель прочно сохраняет позиции ведущего отглагольного форманта с высокой продуктивностью.

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 172—189.

Суффикс **-щик (-чик)** и его самостоятельный вариант **-льщик (-альщик)**, продуктивные уже в исторический период, развили в современном русском языке (в 30—50-е годы) особую активность для образования названий лиц по профессии, преимущественно от глаголов конкретной семантики, обозначающих производственные процессы (*обмерщик, подборщик, клепальщик, белильщик*). Иногда они выступают в качестве вторичного усилительного суффикса при образованиях той же семантики с другими формантами (*регистраторщик, выделительщик*) или дублируют некоторые образования (*акварелист — акварельщик, гитарист — гитарщик*)¹.

В украинском языке под влиянием тех же внелингвистических факторов, обусловивших потребности в образовании наименований многочисленных профессий и имен по действию в век технического прогресса, начал активизироваться суффикс **-щик** под непосредственным влиянием русского языка (ср. *заготовщик, паяльщик*). Однако в украинском языке имена на **-щик** не получили сколько-нибудь значительной активности и нередко выступают в качестве дублетов к продуктивным здесь функционально однотипным формам на **-ник, -льник (-альник)**: *формувальщик — формівник, проходчик — прохідник* и т. д.

Словообразовательные процессы в русском языке последнего периода, ознаменовавшегося бурным развитием технических средств производства, так же, как и в именах на **-тель**, привели к появлению в этих формах предметных (агентивных) значений. Это повлекло за собой перераспределение в продуктивности суффиксов **-чик, -щик** и их производных, в частности ослабление активности **-льщик**, образующего имена только от глагольных основ и уступающего место формантам **-овщик, -чик, -щик**, образующим в сочетании с именными и глагольно-именными основами не только профессиональные наименования (по орудию действия), но и сами наименования этих орудий (ср. *аппаратчик, наладчик, автоматчик* — с совмещением значения деятеля-лица и деятеля-орудия)².

Словообразовательные модели с заимствованными формантами **-атор, -ер (-ёр), -ант, -ент**, дифференцированные по продуктивности в русском языке (более продуктивны здесь образования с **-атор**: *организатор, декоратор*, менее — с остальными суффик-

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 128—129.

² Там же. — С. 132, 188 и др.

сами) и производные в основном от глагольных основ на **-ировать (-овать) // -увати**, имеют примерно те же характеристики в украинском языке (состав, распределение по продуктивности, тип производящих основ, количество производных). Однако общая их продуктивность (в частности, имен на **-ор, -ёр**) слабее в украинском языке (ср. отсутствие в нем идентичных словообразовательных параллелей: *гравер, бракер // гравірувальник, бракувальник*).

По составу и степени продуктивности основных словообразовательных типов в наименовании имен деятелей русский язык не идентичен языку украинскому. В последнем основную нагрузку при образовании этих имен несут иные форманты. В украинском языке это суффиксы: **-ець** (*промовець, повстанець*), **-ач, -яч** (*глядач, перекладач*), **-льник** (в названиях профессий — *штампувальник, в'язальник*). Специфично украинское явление — формант **-ільник** (*болільник*), разившийся от определенного вида основ и выступающий параллельно к предметным образованиям на **-ильник** (пор. *кип'ятильник, лічильник*).

Малопродуктивным словообразовательным типам русского языка (формам на **-ач, -ун**, напр.: *ткач, толкач; ворчун, шалун*) соответствует в украинском языке значительно большее разнообразие малопродуктивных моделей, и состав их несколько иной. В украинском это имена на **-тель, -щик (-чик), -льщик, -ар (-яр)**. Малопродуктивный в русском языке **-ач** проявляет существенную активность в украинском, причем настолько значительную, что начинает — в отличие от русского языка — присоединяться к основам совершенного вида.

Непродуктивны в русском языке некоторые типы, сохраняющие ту или иную продуктивность в украинском: имена на **-ец** (**-лец**) (*жилец, жрец*), **-ник** (*шутник*), **-арь** (*пекарь*), **-ль** (*враль*). Некоторые из них утратили продуктивность в обоих языках: имена на **-ак** (*вожак // співак*), **-ок** (*едок // виродок*). С единичными, нередко идентичными в языках образованиями выступают суффиксы **-атай** (*глашатай // оратай*), **-ай, -яй** (*вихляй // гли-тай*), **-ень** (*лежень // в'язень*), **-ух** (*настух // питух*) и т. д. В этой группе нередки также специфичные для отдельных языков образования, ср. рус. **-ыш** (*оборвыш*), укр. **-ир** (*поводир*) и др. Кроме того, для русского языка вообще не характерен ряд образований имен деятелей, выступающих в украинском языке с определенной продуктивностью: с суффиксами **-ій** (*водій, крутій, палій*), **-ца (-ця)** (*здирця, відступниця*), **-ко** (*наливайко, вигалько*), **-ло, -айло** (*базікало, міняйло*).

Наибольшая общность обоих языков в формальном составе и продуктивности — по-видимому, в сфере типов непродуктивных, представленных единичными образованиями (суффиксами *-ень*, *-аль*, *-ух* (*-тух*) и некоторыми другими), хотя и здесь, кроме различий в конкретных лексических формах, образованных этими суффиксами, имеют место также явления формального своеобразия (ср. рус. *-ыш*, *-яй*; укр. *-ир* и др.).

Виды производящих глагольных основ, используемых при суффиксальных модификациях данного словообразовательного типа, проявляют достаточно общности в русском и украинском языках. Однако использование их находится в прямой зависимости от степени продуктивности того или иного форманта в данном языке. Рост продуктивности взаимосвязан с увеличением количества и расширением круга производящих основ (охватывающим глаголы обоих видов, все более усложненной морфологической структуры, префиксальных и т. д.). Он проявляется, в частности, в развитии новых формантов путем переразложения основы (рус. *-тель*, *-итель*, *-атель*, укр. *-ник*, *-альник*, *-ильник*, *-івник* и специфически — укр. *-ільник* и т. д.). Заторможенная или неразвитая продуктивность сопровождается, как правило, узким кругом производящих основ, ограничивающихся определенным их видом. В целом можно предположить, что используются в этом типе наименований основы несовершенного вида активнее, чем совершенного. Особенно это очевидно в отношении малопродуктивных и непродуктивных образований (ср., напр., образования в русском языке с суффиксом *-ач* от основ несовершенного вида (*трепач*, *сморкач*) и, наоборот, расширение продуктивности *-ач* в украинском за счет включения основ совершенного вида (*нідслухач*, *ошукач*, *заспівач*). Различия в использовании данных словообразовательных типов в языках имеют частный характер и проявляются не только в семантике производных форм, но и в характере вторичных значений и, наконец, в стилистической маркированности или даже в экспрессивной окрашенности производных образований, различающихся в сопоставляемых языках. Наименьшие различия в использовании производящих основ между языками проявляют образования с заимствованными формантами *-атор*, *-ор* (*-ер*), *-ант* (*-ент*), *-ат*.

Виды вторичных значений, развиваемые именами — носителями значения глагольного действия, в целом не обнаруживают каких-либо расхождений в русском языке по сравнению с украинским, прежде всего в силу однотипности исходной семантики (значения глагольного действия), — это, как правило, значения

орудия, предмета действия, его места, вместилища и некоторые другие (ср. *подборщик, тральщик, бегун, ползун, тягач, толкач* — со значением “действующее лицо” и “приспособление к действию” и т. д., а также *проводник // провідник* с идентичными значениями “лицо” и “предмет” и др.). Активность развития вторичных значений зависит от продуктивности модели, числа включаемых основ и способствует развитию многозначности данного суффикса.

В стилистическом плане основные пласты образований этой модели в русском языке соответствуют коррелятивным образованиям в украинском (ср. нейтрально-литературную маркированность имен на *-тель* в русском языке, которым соответствуют имена на *-ник, -льник, -альник* и т. д. в украинском, а также распространенность в профессиональной и терминологической речи образований на *-чик, -щик* в обоих языках; сходную стилистическую окрашенность форм с заимствованными формантами в сфере научно-технической терминологии и разговорной речи; нейтрально-разговорный характер ряда непродуктивных образований с суффиксами *-ник, -ак, -ок, -арь*; разговорный характер ряда непродуктивных образований на *-ак, -ок, -арь, -ун* и т. д. в обоих языках). Однако стилистическая характеристика образований данной модели зависит от степени ее продуктивности и роли в данной подсистеме. Здесь и проявляются различия при сопоставлении русского языка с украинским. Так, если суффикс *-тель* в значении действующего лица в русском языке характеризует прежде всего художественно-публицистическую и разговорную речь, то в украинском языке он определяет лишь книжные стили литературного языка; разговорным или же просторечным малопродуктивным формам с *-ач, -ец* в русском языке (*трепач, жрец*) противопоставлены продуктивные нейтрально-литературные формы с *-ач, -ець (-енець, -лець)* в украинском (*втікач, покупець*) и т. д.

Общность сопоставляемых языков проявляется в отрицательно-экспрессивной окрашенности малопродуктивных и непродуктивных моделей, восходящих к общеславянскому единству (напр., имена на *-ун*: *говорун, болтун // балакун, брехун*). Экспрессивные значения свойственны также отдельным или специфическим языковым типам: укр. формы на *-ака (-яка)* (*писака, пияка*), *-ко* (*вигадько, побігайко*), *-ло* (*базікало, викидайло*) и др.

Итак, в сфере наименования лица по глагольному признаку русский и украинский языки характеризует определенная общность — структурная и семантическая — в составе словообразовательных средств и закономерностях сочетания их с глагольными

основами. Отличия и расхождения — в основном, функционального плана. Эти отличия относятся к следующим аспектам организации и функционирования данного словообразовательного типа: а) преимущественное использование из общего арсенала средств той или иной модели; б) различная степень продуктивности однотипных моделей и количественная их представленность в языке; в) развитие особых моделей в каждом из языков; г) различная отнесенность моделей к языковым стилям и специфическая экспрессивная окрашенность некоторых из них.

Если в русском языке основную нагрузку в организации этой подсистемы несли модели с суффиксами **-тель, -чик, -щик, -атор**, то в украинском языке, кроме давно заимствованного **-атор (-атар)**, эту роль выполняли **-ник, -ач, -ець**. Русский язык отличается от украинского продуктивностью моделей на **-тель**, а также активность образований на **-чик, -щик**; для украинского же, в свою очередь, характерна продуктивность суффиксов **-ець, -ник**. Несоответственность в продуктивности основных типов подсистемы обусловила несоответствия в типах малопродуктивных: в русском языке тенденции к усилению регулярности моделей проявились сильнее и привели к уменьшению количества малопродуктивных моделей, в отличие от языка украинского, где состав моделей этого типа шире и образования от них многочисленнее. Русский язык, в свою очередь, отличается в связи с этим значительная пестрота непродуктивных периферийных моделей и развитие специфических образований.

Определенные различия на фоне общности характеризуют также стилистические свойства некоторых типов в сопоставляемых языках (напр., нейтрально-литературный и разговорный характер имен на **-тель** в русском языке и книжный — в украинском и т. д.).

Наименования лица, носителя атрибутивного признака

Главное значение этого словообразовательного типа — наименование лица по определяющему атрибутивному признаку (свойству, принадлежности, отнесенности к какому-либо социальному явлению, течению и т. д.).

Основную нагрузку в образовании этой группы имен в русском языке несут форманты **-ик (-ник, -овик), -чик, -щик, -ец (-овец, -авец, -енец)**, заимствованный **-ист**; меньшую **-ак, -ач**. Присоединяются они преимущественно к адъективным основам (иногда

причастиям), реже — к основам числительных и местоимений (ср. *своjak, пятак*). Специфическая черта данного типа — двойная мотивация и способность соотноситься не только с прилагательным, но и с существительным (глаголом), которым слово мотивировано, а также со словосочетанием, в которое оно входит (ср. *часовщик ← часовой ← часы; партиец ← партийный ← партия; сдельщик ← сдельная работа; кадровик ← кадровый работник*).

Структура и функционирование этого словообразовательного типа в русском языке проявляет больше общих черт с соответствующими структурами в языке украинском, чем группа имен лиц, мотивированных глаголами.

Основные продуктивные типы здесь (за исключением имен на *-чик, -щик*) общие для обоих языков. Это образования на *-ик, -ник, -овик // -ик, -ник, -овик* (*старик, воспитанник, виновник // ударник, річник, фронтовик*); имена на *-ец, -овец, -авец, -анец // -ець, -овець, -анець* (*любимец, посланец, отщепенец // вигнанець, стахановець, францисканець*), а также формы с заимствованным *-ист*. Функционирование их и продуктивность (довольно значительная) определяются в сопоставляемых языках сходными параметрами. Так, для указанных типов в русском языке свойственно развитие продуктивности от усложненных основ (для имен на *-ик, -ник* — от основ с суффиксами *-н-, -ов-* и др., для имен на *-ец, -овец* — от основ с суффиксами *-ив-, -лив-, -енн-* и др.), а также от словосочетаний (прилагательное + существительное типа *ударник ← ударный рабочий*). Подобные закономерности характеризуют функционирование этих типов и в языке украинском. Общая для обоих языков черта — слабая продуктивность от имен числительных, распространенность во всех стилях речи.

Образования с суффиксом *-ист* весьма сходны в сопоставляемых языках: как в русском, так и в украинском они обозначают лицо, характеризующееся свойствами, взглядами, идейным направлением или сферой занятия, обозначенными адъективной основой (либо словосочетанием): *авантюрист, германист, анархист // лінгвіст, романіст, марксист*. Продуктивность этого типа, несколько меньшая, чем у предыдущих, определена почти идентичным набором лексем в обоих языках.

Существенная отличительная черта русского языка в организации этого типа — использование суффикса *-щик, -чик* и его высокая продуктивность, развившиеся в связи с общей высокой активностью данного форманта в функции показателя лица. Преимущественно это формы, мотивированные относительными при-

лагательными и одновременно существительными (*весовщик* — *весовой*, *весы*) либо словосочетаниями (*ядерщик* — *ядерная физика*). Структура и семантика основ определила главное значение этих образований: наименования по занятию и профессиональному признаку (*жестящик*, *инструментальщик*, *поденщик*). Для русского языка характерна также семантическая и стилистическая дифференциация внутри данного типа. Если имена на *-чик*, *-щик* обслуживают сферу профессиональных наименований и носят разговорный характер, то образования на *-[ов]ец* оформляют названия по принадлежности к коллективу, учреждению, организации (*исполкомовец*, *ячейковец* (устар.), *динамовец*), а формы на *-ник*, в свою очередь, закрепились за сферой наименований лиц по признаку общественной ориентации, принадлежности к политическому течению (*западник*, *шестидесятник*, *крепостник*).

В украинском языке эти функциональные группы распределены между моделями на *-ець* и *-ик* (*-ник*). В плане стилистическом дифференциация обнаруживается: в разговорной окрашенности форм на *-чик*, *-щик*, нейтрально-литературном характере имен на *-[ов]ець* и устойчиво существующей (еще с XIX в.) отрицательной эмоциональности ряда образований на *-ник* (ср. *культурник*, *упадочник* и др.), утрачивающих ныне свою продуктивность¹. Среди малопродуктивных моделей идентичные в обоих языках имена на *-ак* (*-чак*), образующие производные от простых адъективных основ (*мерзляк*, *чужак* // *слипак*, *середняк*), в русском — имена на *-ач* (*лихач*, *левач*), непродуктивные в украинском.

Многочисленные непродуктивные типы представлены нередко единичными или идентичными образованиями, пришедшими из периода общеславянской общности. Это русские формы на *-ан*, *-ян*, украинские на *-ань* (*великан*, *грубиян* // *здоровань*), *-ай*, *-яй* // *-ій*, *-ей* (*скупердяй* // *гордій*), общие в обоих языках формы на *-ша* (*левша* // *лівша*) и др. В составе и типе образований этого круга форм наблюдаются специфические различия.

Так, в русском языке выступают имена на *-ыш* со значением невзрослого лица (*глупыш*), а также имена на *-арь* (*дикарь*), нехарактерные для украинского, и некоторые другие. Имена на *-ун* представлены единичными образованиями в русском и украинском (*толстун* // *дикун*). Украинский, в свою очередь, располагает специфическими экспрессивно окрашенными непродуктивными

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 236—237.

моделями на **-ило** (*здоровило*), **-ук (-юк)** (*старук, гарнюк*) и т. д., несвойственными русскому языку.

Экспрессивная окрашенность характеризует малопродуктивные модели с **-ак (-як)** в обоих сопоставляемых языках, в большинстве непродуктивных типов также ярко выражена отрицательная эмоциональная окраска производных независимо от различий в их структуре (ср.: в русском — имена на **-ыш, -ай (-яй), -ей, -аш, -она (-ена)**, в украинском — имена на **-уля, -ило, -ун** и др.). Это, по-видимому, объясняется семантикой производящих основ, отражающих семантические свойства качественных прилагательных.

Итак, наименования лица по адъективному признаку, образуясь в своем основном составе в русском языке теми же формантами (за исключением **-щик**), что и в украинском языке (**-ик, -ник, -ец, -ист**), от однотипных по своей структуре основ, по всем параметрам проводимого сопоставления (по составу продуктивности, по типу основ, стилистической и экспрессивной маркированности) обнаруживают больше сходства в языке русском и украинском, чем словообразовательный тип наименований лица, мотивированных глаголами. Представляется, что существующие расхождения не сглаживают основных сходных черт системной соотносительности рассматриваемых словообразовательных типов в обоих языках. Самое существенное отличие организации этих имен в русском языке — продуктивность суффикса **-щик, -чик** в профессионально-терминологической сфере, отсутствующая в языке украинском. Системное равновесие, однако, обеспечивается продуктивностью иных формантов (**-ик (-ник), -ец**), более широкой в украинском языке, нежели в русском.

Наименования лица, носителя предметного признака

Имена этого словообразовательного типа называют лицом, определяемое признаком, выражающимся в отношении к предмету, явлению, другому лицу. В семантике имен данного типа выделяются следующие подгруппы значений лица: по профессии или занятию; по принадлежности к определенному учреждению, организации, партии, общественно-политическому течению и т. д.; по месту жительства, рождения; по происхождению; по определенной черте, свойству и под. Образуются они от имен существительных набором формантов, состав которых шире и разнообразнее по сравнению с суффиксами, оформляющими имена

лиц по атрибутивному либо по глагольному признаку. Это большее формальное разнообразие проявляется как в составе основной продуктивной группы формантов (-ник, -щик (-чик), -овщик, -ец, -енец, -ан (-чан), заимствованного -ист), так и формантов с меньшей продуктивностью (или непродуктивных): -арь, -ач, -ак (-як), -ич, -ин, -ан, заимствованных -ик, -ант, -ат, -атор и т. д.

Отсубстантивный характер — основной структурный признак этого словообразовательного типа. Но в ряде случаев — где в основе наименования лежит признак, соотносящийся как с самим предметом (явлением), так и с мотивируемым им свойством (отношением), проявляются двойная мотивация и трудности в точном определении типа модели (напр., *студиец* от *студия* и *студийный*, ср. также *автозаводец*, *динамовец*, *электросиловец* и т. д.). Продуктивные словообразовательные типы этой группы имен в русском языке, как правило, имеют функциональные и структурные соответствия в украинском языке. Это имена на -ник // -ник (*десантник*, *помощник* // *сотник*, *мовник*), на -ец (-енец, -инец, -овец) // -ець (-овець, -енець, -анець) (*гвардеец*, *пораженец*, *пехотинец*, *толстовец* // *запорожець*, *ленінець*, *поступовець*), а также патронимичные формы на -ич, -ович // -ич, -ович (*Ильич*, *Петрович* // *Лукич*, *Васильович*). Очень продуктивны оттопонимические имена на -ан (-ин), -янин, -чанин // -анин, -янин, -чанин (*волжанин*, *киевлянин* // *парижанин*, *вінничанин*).

Важнейшее структурное отличие русского языка в этой подгруппе имен — продуктивность суффикса -чик (-щик, -овщик) для образования лиц по профессии: *паркетчик*, *утильщик*, *клеймовщик*. Рост продуктивности отыменных моделей на -чик, -щик (в противовес отглагольным), связанный с развитием производственных процессов, в которых ведущее место начинают занимать машины, механизмы и т. д., — основа номинации, четко проявляющаяся тенденция последних лет в русском языке¹.

Украинский язык противопоставляется языку русскому значительной продуктивностью словообразовательного типа с суффиксом -ар (-ер) в наименованиях профессий (*крамар*, *шахтар*, *лікар*, *гример*), известного и русскому, но непродуктивного в нем (*аптекарь*, *главарь*, *шахтёр*, *гримёр*).

В функционировании этой подгруппы имен в русском языке отмечается ярко выраженная тенденция к специализации ряда типов, в частности на -[ов]ец и -анин, формирующих наименова-

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 132.

ния лиц по месту жительства или происхождения: **-[ов]ец** употребляется при именах собственных заимствованных (*ассириец, гватемалец*), **-[ч]анин** закрепляется при именах, образованных от топонимов восточнославянских (*горьковчанин, житомирчанин, минчанин* и др.)¹. В украинском языке наблюдается та же тенденция, которая, по-видимому, еще не получила достаточно четкого выражения (ср. *полтавець — полтавчанин, луганець — луганчанин* и т. д.), ср. также *ассиріянин — но кубінець, гаванець* и др. Дифференциация значений произошла также между именами на **-щик** и **-[ов]ец**: первые закрепились за наименованиями лиц по профессии (*бакенщик, аппаратчик*), вторые — за наименованиями лиц по принадлежности к учреждению, группе, течению и т. д. (*исполкомовец, партиец, жилуправленец, рабфаковец*)².

В украинском языке функции семантической дифференциации в этом подтипе имен взяли на себя иные суффиксы: **-ник, -ар** (в названиях профессий, напр.: *візник, робітник; шахтар, каменяр*), **-ець** (в названиях по общественной принадлежности, напр.: *обкомівець, чернець*) и др. Суффиксы **-чик, -щик** здесь нередко выступают в параллели с **-ник** (*валютчик — валютник, кон'юнктурищик — кон'юнктурник* и др.). К тенденциям, четко проявляющимся в последнее время в русском языке, в отличие, в частности, от украинского, относится рост продуктивности отыменных моделей на **-чик, -щик** (в противовес отглагольным), что связано с развитием и изменением характера производственных процессов, в которых ведущее место начинают занимать машины, механизмы, и по ним — а не по трудовым процессам — развивается номинация профессий в русском языке³. Та же тенденция, закономерно, — как отражение влияния общих внеязыковых факторов — должна проявляться в языке украинском вместе с развитием в нем словообразовательной модели на **-чик, -щик** в профессиональной речи (ср. *екскаваторщик* (разг.), *генераторщик, обувщик* (разг.) и др.).

Малопродуктивные в русском языке формы на **-ач** (*горбач, трубач*), **-ак (-як)** (*рыбак, сибиряк*) в целом соответствуют идентичным типам в языке украинском (*вусач, циркач; австріяк, західняк*). Последние выступают в тех же типах наименований по профессии и территориальной (административной) принадлежности, однако, по-видимому, здесь их продуктивность слабее, чем в рус-

¹ Русский язык и советское общество. — С. 119—125.

² Там же. — С. 124—125.

³ Там же. — С. 132.

ском языке, компенсируясь активностью в целом суффикса **-ар** в украинском.

Модели с заимствованными формантами: очень активным **-ист** (укр. **-іст**) (*комунист, связист // колоніст, фольклорист*) и менее продуктивными (нередко с идентичными по языкам образованиями) **-атор** (*механізатор // літератор*), **-ант** (*диверсант // окупант*), **-ик** (*логик, графік // механік*) и др. в сопоставляемых языках близки по составу производных и степени распространенности.

Многочисленные в этой подгруппе имен русские непродуктивные типы с формантами **-ич** (*костромич*), **-ин** (*осетин*), **-ан** (*губан*), **-[н]ичий** (*городничий*) и др. имеют, как правило, структурные и нередко лексические соответствия в украинском языке (ср. *в'ятич, вірменин, головань, візничий* и т. д.), но некоторые специфические структурные типы в нем ныне отсутствуют. Это свойственные украинскому языку имена на **-чук** со значением топонимической отнесенности или незрелости, а также фамилии в украинском языке (*пінчук, ковальчук, кухарчук, Поліщук, Бондарчук*), со значением незрелости или наименования по фамилии — имена на **-ко** (*батько, дідько*), имена на **-аль** (*скрипаль, коваль*).

Стилистическая общность русского языка с украинским в данном типе проявляется в распространенности продуктивных типов в основном в общелитературной речи, а также профессиональном языке (рус. имена на **-чик, -щик**, укр. на **-ар, -ник**), тогда как малопродуктивные образования характеризуют разговорную речь (формы на **-ак, -ач, -арь** в русском языке, **-ак, -ик** в украинском).

Специфически русская черта в стилистике этой группы форм — увеличение продуктивности имен на **-щик** в разговорной речи и рост их экспрессивности (*волынщик, кон'юнктурущик, калымыщик*), а также связанный с этим переход указанных образований из профессиональной речи в нейтральную (под влиянием разговорной речи на литературный язык¹). В украинском, где продуктивность имен на **-чик, -щик** в профессиональной речи не развилась, эти процессы слабо представлены.

Итак, структурная организация группы наименований лиц по основным параметрам сопоставления близка соответствующим структурным единицам украинского языка. Основное отличие русского языка — в высокой продуктивности и распространенности суффикса **-чик, -щик** в сфере профессиональной терминологии. Тогда как в украинском языке основную нагрузку в образова-

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 19—20.

нии имен по профессии несут существительные с суффиксами **-ар, -ник**. Остальные различия касаются периферийных типов, некоторых стилистических особенностей употребления отдельных из них. Наибольшая общность сопоставляемых языков проявляется в функционировании моделей с заимствованными формантами. Таким образом, системная организация категории наименований лица мужского рода (пола) в русском языке по основным параметрам — составу и мотивации словообразовательных типов, степени продуктивности, семантике и стилистике большинства из них — обнаруживают значительную общность с организацией соответствующих словообразовательных структур в украинском языке. Наряду с этим, однако, наблюдаются специфические черты различия сопоставляемых языков. Они проявляются: а) в неидентичном составе основных и продуктивных типов в каждой отдельной подгруппе; б) в степени продуктивности используемых типов и их представленности в языке; в) в наличии специфических типов моделей, несвойственных одному или двум из сопоставляемых языков; г) в некоторых отличиях стилистических характеристик и сфер распространения. Указанные отличия определяют своеобразие системных структур в организации словообразовательной категории лица каждого из языков.

1.2. Наименования лиц женского рода в русском и украинском языках

При словообразовании лиц женского рода в русском языке используется более узкий (по сравнению со средствами образования имен мужского рода) набор формантов. Наиболее продуктивные среди них в русском языке — суффиксы **-ка** (с производными **-овка, -анка** и др.), **-ица, -ница, -щица, -льщица** и т. д., а также **-на** в именах по отчеству. В числе малопродуктивных: **-иха, -уха, -ша, -иня**; среди непродуктивных **-ина, -уша, -ха**, заимствованный **-есса** и некоторые другие. Значительное большинство этих формантов относится к так называемым “модификационным” суффиксам, то есть таким, которые расширяют уже имеющиеся в языке суффиксальные образования, придавая им определенный оттенок значения (в данном случае значение женскости). Отсюда их соотносительность с разноструктурными образованиями лиц мужского рода и регулярность структурно-семантических связей.

В русском языке, как и в украинском, они модифицируют имена лиц мужского рода на **-ец, -чик, -щик, -ник, -ар, -тель, -ист,**

-ант, -ент и др. и в семантическом плане образуют две группы: а) со значением лица женского пола; б) со значением жены лица, обозначенного исходным словом.

Словообразование этого типа наименований в русском языке и в кругу продуктивных моделей, и в значительной части второстепенных, с ограниченной продуктивностью, обнаруживает несравненно бóльшую идентичность (по составу формантов, по степени их продуктивности, по типам основ и даже по стилистическим характеристикам) организации соответствующих словообразовательных типов в украинском языке, чем словообразование наименований лиц мужского рода. Объясняется это как давностью (общеславянской) общих процессов формирования этой группы образований, так и их особой стабильностью, связанной с семантическими факторами (очерченный характер значения) и структурными (вторичность образований на основе наименований лиц мужского пола)¹.

Так, высокопродуктивными в сопоставляемых языках выступают образования на **-ка, -овка, -анка** (*студентка, вузовка, москвичка, активистка // акторка, хазяйка, приятелька*), на **-ица (-ница) // -ниця** (*колхозница, мастерица, надомница, разг. председательница // учениця, працівниця, болільниця, рятівниця*), на **-на, -[ов]на, -[ев]на // -[ів]на** в именах по отцу (*Сергеевна // Васи́лівна, по́півна, лимарі́вна*). Отличие русского языка в сфере продуктивных образований — распространенность суффикса **-щица** (от основ мужского рода на **-щик**) в профессиональной речи (*табелъщица, натурщица, продащица*) — образований, слабо представленных в украинском языке.

Среди русских словообразовательных типов слабой активности большинство идентичны соответствующим типам в языке украинском не только по структуре, но и по составу производных: **-иха // -иха** (*ткачиха // ковалиха*), **-ша // -ша** (*экономша // генеральша*), **-иня // -иня** (*героиня // газдиня*), **-уха // -уха** (*стряпуха // веселуха*) и др. Некоторые из малоактивных типов специфичны для сопоставляемых языков. К примеру, в русском языке выступает малопродуктивный тип на **-j(а)** (с основами на **-ун-**): *говорунья*,

¹ Ср. также прочно удерживающуюся в языке тенденцию именовать лица женского пола (в частности, по профессии) формами мужского рода (*преподаватель, борец* и т. д.), несомненно, сдерживающую активность словопроизводства этой категории имен (см.: Русский язык и советское общество. — С. 191—213).

болтунья; в украинском языке: *-ія* (жнія), *-ова* (братова), *-еня* (німкеня), *-уня* (красуня), *-уля* (хитруля) и некоторые другие.

Наиболее явственно же отличия обоих родственных языков обнаруживаются в сфере коммуникативной, то есть при функционировании этой группы имен, сопровождающемся различными способами соединения формантов с основами. Прежде всего это касается продуктивных средств образования тех типов, где отличия по языкам в структуре моделей и характере присоединяемых основ обусловлены в значительной мере различиями в использовании исходных образований — форм мужского рода (ср. *табелъщица // табельница, приятельница // приятелька* и т. д.). Так, если в русском языке продуктивный суффикс *-ка* образует женские наименования от соответствующих мужских с суффиксами *-ец* (*партийка*), *-ак* (*-як*) (*сибирячка*), *-ин* (*-анин*) (*американка*) и др., а также от основ с заимствованными формантами *-ист* (*коммунистка*), *-ант* (*эмигрантка*), *-ен* (*спортсменка*) и т. д., и не присоединяется, например, к именам на *-тель*, *-ар*, то в украинском языке *-ка* присоединяется, кроме того, к основам на *-ар* (*-яр*) (*володарка*), *-ач* (*спортерігачка*), *-тель* (*учителька*), *-ун* (*ласунка*), *-ій* (*крутійка*) и пр.

Столь же существенные отличия можно отметить и для функционирования суффиксов *-ица* (*-ница*), *-щица* и др.

Стилистические характеристики в основном идентичны как для продуктивных типов, свойственных общелитературной речи (за исключением *-щица* в русском языке, распространенном в профессиональной речи, чему в украинской терминологии соответствуют образования на *-ка*), так и для непродуктивных. Среди последних — экспрессивные в обоих языках модели, например, разговорно-просторечные формы с суффиксом *-ша* (*профессорша // професорша*), *-иха* (*повариха*), *-уха* (рус., укр. *крикуха; толстуха // товстуха*) и др.

Итак, в сфере средств образования названий лиц женского рода сопоставление русского языка с украинским обнаруживает значительно меньше расхождений, чем в сфере наименований лиц мужского рода, и касаются они не столько состава словообразовательных формантов, сколько форм функционирования их в результате присоединения к производящим основам различных типов. В группе продуктивных форм это объясняется прежде всего различным составом указанных производящих основ (в преимущественном большинстве — упомянутых наименований лиц мужского рода), обусловившим и различия в производных (ср., напр., нераспространенность в украинском языке, в отличие от русского, имен на *-щица* (*-чица*) (*купальщица, обменищица, навод-*

чица и др.) в связи со слабой продуктивностью форм на **-щик**). Иные отличия, обнаруживающиеся в первую очередь в функционировании слабо продуктивных типов, объясняются давностью исторической традиции их развития в каждом из языков, консервировавшей определенное количество собственно языковых, специфических для каждого из сопоставляемых языков образований (ср. *швей* // *швачка*; *колдунья* // *чарівниця* и т. д.).

1.3. Наименования лиц общего рода в русском и украинском языках

В словообразовательном поле лица наряду с наименованиями особой мужского и женского пола выступает группа имен общего рода, служащая для обозначения лиц обоих полов. Количество производных этой группы сравнительно ограничено, и способы ее образования преимущественно малопродуктивны или непродуктивны, нередко также представлены единичными лексемами. Среди этих наименований — две структурно-семантические подгруппы, мотивированные типом производящей основы: а) имена, характеризующиеся действием, производные от глагольных основ; б) имена, характеризующиеся атрибутивным (качественным) признаком, производные от адъективных и других основ.

Определенную активность проявляют в русском языке, как и в украинском, модели (и отглагольные, и отыменные) на **-ака** (**-яка**) (*забияка, кривляка* // *гуляка, писака*); **-ка** (*недоучка, лакомка, одиночка* // *вискочка, білоручка*); **-ла** (**-ала, -ила**), укр. **-ло** (**-ило**) (*запевала, воротила* // *громило, дурило*); **-ага** (**-яга**) (*добряга, работяга* // *діляга, бродяга*); **-уга** (**-юга**) (*ворюга, жаднюга* // *волоцюга, катюга*) и некоторые другие.

Некоторые непродуктивные модели представлены единичными (нередко идентичными) лексемами, например, с суффиксами **-ыга** // **-ига** (*забулдыга, прощелыга* // *товпига*), **-ука** (**-юка**) (*злюка, подлюка* // *падлюка*), **-са** (рус., укр. *плакса*) и др.

Русский язык также развил некоторую продуктивность отглагольных имен на **-а** (**-я**) со значением лица общего рода (*обжора, заика, нюня* и т. д.)¹, сравнительно менее распространенных в украинском языке². Русский язык отличает ряд типов, мало изве-

¹ См.: Грамматика современного русского языка. — М., 1970. — С. 144.

² В работе И.И. Ковалыка (Питання слов'янського іменникового словотвору. — Львів, 1958) эта модель не упоминается в числе типов образования имен общего рода (с. 94—104).

стных или неизвестных украинскому. Напр., имена на *-уша* (*дорогуша, хромуша*), *-оха (-еха)* (*выпивоха, забироха*), *-оня* (*тихоня, дрыхоня*), *-уля* (*замазуля, кривуля*), *-ица* (*тупица*). Кроме того, русскому языку свойственны модели на *-ёна* (*сластёна*), *-ышка* (*дурнышка, коротышка*), *-ля* (*пискля*).

Таким образом, русский язык обладает развитой системой образования имен общего рода, нередко не имеющей прямых соответствий в украинском языке, развившем свои специфические модели (ср., напр., в украинском с суффиксом *-ура*: *замазура* и др.). По-видимому, определенная специфичность моделей этой группы находит частичное объяснение в яркой экспрессивности (часто негативной) большинства этих наименований, свойственных, как правило, разговорной речи или просторечию.

2. НАИМЕНОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Эти образования примыкают к словообразовательному полю лица не только по общеграмматическому значению одушевленности, но и по характеру используемых словообразовательных средств — формантов и видов основ. Как правило, это те же суффиксы, которые образуют имена лиц мужского и женского рода (*-ик, -ник, -ец, -ач, -ак, -ка, -ица, -иха, -уха, -ыш* и др.), выступающие нередко также при оформлении различных предметных названий. Отличительная особенность этих образований — использование преимущественно основ именного типа (адъективных и субстантивных), так как в основе семантической мотивации названий животных лежит принцип наименований по характерному признаку (атрибутивному, субстантивному). Отглагольные наименования выступают реже и передают значение действия как признака. В связи с лексической замкнутостью данной группы названий большинство словообразовательных моделей как в русском, так и в украинском языке малопродуктивны или непродуктивны и представлены ограниченным числом лексем.

Это имена мужского рода на *-ец // -ець* (*самец, голец // жеребец, жнивець*), *-ак* (*рысак, гусак // хижак, тетервак*), *-ач* (*рогач // деркач, носач*), *-ун* (*грызун, скакун // цвіркун, гавкун*) и некоторые другие. Имена женского рода на *-ица // -иця* (*волчица, капустаница // левиця, вовчиця*), *-ка* (*голубка, белянка // індичка, ялівка*), *-анка* (*медянка // коноплянка*), *-уха* (*белуха, лысуха // цокотуха*) и др.

Сравнительно большей (ведущей в данной группе наименований) продуктивностью обладают в русском языке, как и в украин-

ском, формы на **-ик (-ник)** (укр. **-ик, -ник**) (ср. *хищник, полосатик // шкідник, пересмішник*); для наименований самок животных **-иха // -иха** (*воробыха, кроти́ха // їжачиха, чи́жиха*). Близость языка русского к украинскому проявляется, в частности, в синонимическом использовании словообразовательных вариантов (ср. *волчица — волчиха // вовчи́ця — вовчиха, голубка — голубиха* и др.). Специфичность словообразования данной группы имен обнаруживается как в использовании различного вида формантов при одних и тех же основах (ср. *лебедка // лебеди́ця*), так и в большей распространенности отдельных моделей в каждом из языков. Так, в русском языке выступают имена на **-ушка** (*несушка, хохлушка*), на **-уха** (*белуха, лысуха*), **-ыш** (*поганыш, слепыш*); в украинском — имена на **-ко** (*Ря́тко, Сі́рко*), **-чик** (*побіга́йчик*) и др.

Для обоих языков характерно использование этих наименований и в разговорной речи, и в нейтральных стилях литературных языков.

Итак, словообразовательная структура группы названий животных и птиц основывается на типах наименований лиц мужского и женского рода. Как лексически замкнутая группа, она оперирует в основном слабопродуктивными или непродуктивными типами, обладающими значительной общностью в структуре и чертах функционирования в языках русском и украинском. Периферийные различия и специфика имеют вторичный характер и обусловлены своеобразием базовых структур в наименовании лица (**-чик, -ко, -аль** и др.).

Таким образом, системная организация категории лиц мужского и женского родов в русском языке, а также другие типы одушевленных наименований по основным, самым общим параметрам — составу и мотивации словообразовательных типов, степени продуктивности, семантике и стилистическим характеристикам большинства из них — обнаруживает значительную общность с организацией соответствующей словообразовательной категории имен в языке украинском, общность, которая является определяющей для взаимоотношений указанных языков. Наряду с этим, однако, четко прослеживаются специфические черты в каждом из языков, выявляющиеся по тем же параметрам и обнаруживающиеся в конкретных типах. Отсюда отличия, выражающиеся: а) в неидентичном составе продуктивных типов в каждой отдельной подгруппе имен; б) в различной степени продуктивности используемых типов; в) в наличии специфических моделей, свойственных лишь одному из сопо-

ставляемых языков; г) в некоторых отличиях стилистических характеристик и сфере распространения моделей в различных жанрах литературных языков.

3. НАИМЕНОВАНИЯ ДЕЙСТВИЯ, СОСТОЯНИЯ И ОТВЛЕЧЕННОГО ПРИЗНАКА В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В этой категории имен, составляющих основной корпус книжной лексики, на основе различных типов производящих основ — глагольных и именных — четко выделяются две группы отвлеченных наименований: наименования действия и состояния и имена со значением отвлеченного признака.

3.1. Наименования действия и состояния

Эта развитая словообразовательная категория с многочисленными производными и четко очерченным характером мотивирующих основ — как правило, отглагольных, — образуется в русском языке, как и в украинском, многообразным набором в основном идентичных формантов. Среди них высокопродуктивные: **-ние (-ение, -ание), -ка** (с производными), **-ство**, заимствованный **-ация**, с нулевым формантом; менее продуктивные: **-ок, -ие, -ня**, заимствованный **-аж** и некоторые другие, а также целый ряд формантов со слабой или утраченной продуктивностью: **-ота, -ба, -ище, -ица, -уха, -ель, -тво, -ины, -знь** и др., заимствованные **-изм, -ура, -ада** и т. д.

В границах общего словообразовательного значения — наименования опредмеченного действия — в обоих языках в определенных словообразовательных типах вычленяются различные семантические подвиды этого значения, обладающие разной степенью абстрактности: от обозначения действия как процесса (с сохранением значения видовых различий) через наименование действия с ослабленным глагольным значением до вторичных по значению названий конкретных предметов и явлений.

Основные закономерности образования форм этой категории и их функционирования однотипны в сопоставляемых языках. Отличия языка русского от украинского — в конкретной лексической реализации общих словообразовательных средств, а также в наличии некоторых специфических средств образования.

Основной и традиционно высокопродуктивный формант, образующий регулярные ряды форм, в русском языке — суффикс **-ние (-ение, -ание, разг. -нье, -анье, -енье)**, в украинском — **-ння**

(-ення, -ання, -іння) (*владение, хождение, блуждание, веянье, собрание // прощенья, чеканья, возіння, ходіння* и др.).

Почти неограниченная продуктивность этого словообразовательного типа во всех славянских языках практически обусловила минимальность отличий его функционирования в русском и украинском — как в формальном, так и в семантическом плане. В формальном плане эта близость выражается, в частности, в создании идентичных суффиксальных вариантов (-ение, -ание // -ення, -ання) как показателей однотипных процессов в глагольной мотивации этих форм (отметим, однако, развитие фонетического варианта -іння в украинском языке). В семантическом плане близость сопоставляемых категорий слов проявляется в наличии однотипных оттенков значения в именах с общим значением глагольного действия, обнаруживающихся не только в различной степени абстрактности его проявления (см. выше), но и в вариантах передачи видовых различий: более явственно от основ несовершенного вида и слабее — от основ совершенного (ср.: *опоздание — опаздывание // бовтанья — розбовтування* и др.) вплоть до полной утраты глагольных признаков и развития вторичного, конкретного значения (орудия, предмета действия и пр.) (*крепление, зажигающие // варення* и др.).

Различия в языках нередко проявляются в конкретной лексической реализации этой общей закономерности. Длительность активного употребления этого словообразовательного типа в сопоставляемых языках древнерусского периода и некоторые отличия в семантической связи производных и производящих в каждом из них (большей — в языке русском, меньшей — в украинском) обусловили специфику его функционирования в каждом из языков.

В русском языке — это активное развитие разговорных и диалектных форм на -нье (-енье, -анье) (*блужданье, хотенье, рожденье*), нередко конкретизированных (*селенье, соленье, вышиванье*). Эти образования стилистически отграничены от книжных и общелитературных форм на -ние (-ение, -ание)¹.

Украинский язык не знает подобной дифференциации образований этого типа. В нем, как правило, они носят книжный или нейтральный характер, выступают также в терминологии (компенсируя слабую продуктивность суффикса -ка, см. далее). Отличает их, по-видимому, от русских имен этого типа бо́льшая кон-

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 147 и др.

кретность значения глагольного действия и более слабая семантико-грамматическая видовая связь с производящими глаголами. Специфика украинского языка — в структурно-семантической дифференциации форм на *-іння/-ення* (*варіння — варення, значіння — значення*): первые обозначают наименование процесса, вторые — конкретные образования.

Второй высокопродуктивный формант, конкурирующий с *-ние* и превосходящий в русском языке его по активности, — суффикс *-ка* с производными *-овка, -ежка, -ачка* и т. д. (укр. *-ка, -овка*), присоединяющийся почти к тем же типам основ, что и формант *-ние*. Сосуществуя с формами на *-ние* и распределив с ними производящие глагольные основы традиционных классов (напр., *-ние* активнее с беспрефиксальными словами на *-ить* (*ношение, вождение*), а *-ка* выступает в тех же префиксальных (*переноска, наводка*)), имена на *-ка* конкурируют с именами на *-ние* в группе основ наиболее продуктивных в современном языке классов глаголов на *-овать, -ировать*: ср. *тренирование — тренировка* и др.¹

Широкая употребляемость и устойчивость этих синонимических типов объясняется не только некоторым стилистическим размежеванием (книжно-литературный характер имен на *-ние* и стилистическая нейтральность имен на *-ка*, свойственных как общелитературному языку, так и разговорным стилям речи, а также языку технической терминологии), но и в значительной мере, по-видимому, семантическим размежеванием. Имена на *-ние* сохраняют в большей степени отглагольность семантики производящих основ (видовые различия, меньшая опредмеченность действия, проявляющаяся в менее активной вторичной семантизации), в то время как имена на *-ка* — в силу ярко выраженного словообразовательного значения предметности форманта — имеют действие конкретное, ограниченное во времени, нередко одноразовое, напр.: *вспышка, попытка, промашка*² (ср. при этом соответствующее разделение ими производящих основ: несовершенного вида для имен на *-ние* — в связи с более ярким характером

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 147.

² Ср. об этом наблюдения Г.О. Винокура (О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. — 1939. — Т. 5. — С. 26—30). Указывая на противоположное мнение, об искусственности попыток подобной семантической дифференциации слов на *-ка* и *-ние* (см.: Русский язык и советское общество. — С. 151), авторы раздела характеризуют при этом имена на *-ние* как обладающие “идеальными” свойствами к отражению глагольных свойств производящих основ (Там же. — С. 145).

выражения незаконченного действия, протекающего во времени, и совершенного — для имен на **-ка**). Значение законченности действия во времени менее ярко проявляется в семантике процесса и гармонирует с генетически предметной функцией суффикса **-ка**.

Имена на **-ка** исторически представляют новацию русского языка среди других славянских, не знающих подобной высокой активности этих форм. В украинском языке его продуктивность начала развиваться в сравнительно недавний период под влиянием языка русского; в частности эти образования особенно активизировались в недавний период в сфере терминологии (укр. *оранка, плавка, чистка* и др.). В обоих языках развиваются также вторичные конкретные значения, сосуществующие наряду с отвлеченным (ср.: *мойка, плавка // подачка, зв'язка, кладка*). В украинском языке эти образования следует отличать от генетически первичных конкретных имен, образованных суффиксом **-ка** в предметной функции (с ударением на первом слоге) (укр. *за́стібка, за́тірка, схóванка* и под.).

Синонимичны именам действия на **-ние, -ка** в русском языке отглагольные имена с нулевым суффиксом (**-Ø**), довольно продуктивные в обоих сопоставляемых языках и представляющие собой исторически достаточно древние образования (*отстой, зачин // наказ, звіт*). Они также передают опредмеченные значения действия, однако действия, ограниченного во времени, интенсивно протекающего либо одноактного. Чаще всего их использует терминологическая сфера языка — спортивной, производственно-технической, сельскохозяйственной терминологии¹ (напр., *присед, подскок, разлив, сброс // підвіз, скид, розсип*), хотя имена с нулевым суффиксом свойственны и языку общелитературному (*приход, заказ, разбор // запуск, підряд, об'їзд, допит* и т. д.).

Функциональное отличие этих образований от синонимических форм на **-ние, -ка** не только в семантике именуемого действия, но и в отсутствии устойчивого внеконтекстного значения — в возможности равно означать как процесс протекающего действия, так и отдельный его акт, а также конкретный предмет как результат обозначенного основой действия (ср. *пробой, раскрыл* и др.)².

В украинском языке бессуффиксальные отглагольные имена действия также весьма продуктивны и отмечены в основном сходными чертами семантики и сферы распространения. В отличие от языка русского, в украинском большее, по-видимому, распрост-

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 150—151.

² Там же. — С. 148.

ранение получили морфолого-словообразовательные параллели к бессуффиксальным образованиям — отглагольные имена действия на **-а** (типа *потеха, обнова, угроза // завеса, згуба, позика, допомога* и т. д.).

Менее значительной продуктивностью отмечены в русском языке имена на **-ство** (**-ество, -овство, -тельство, -ничество**) со значением проявления действия — состояния (*рвачество, покровительство, сватовство, скопидомничество* и др.), образованные — в отличие от основной массы слов этой словообразовательной категории — от основ именного типа (существительных, прилагательных). Русский язык сближается в продуктивности этого словообразовательного типа скорее с языком белорусским, нежели украинским (это формы на **-ства, -іства, -ыства**, ср. бел. *дзяціньства, вынаходства*; а также в моделях на **-оўства, -еўства**, обозначающих вид занятий: *краўцоўства, пастухоўства* и др.). В украинском же языке эти образования менее продуктивны, хотя довольно распространены (*свояцтво, пияцтво, злодійство*, ср. также *будівництво, бродяжництво, виробництво, самохвальство* и т. д.).

Среди малопродуктивных и непродуктивных образований этой категории имен отличие русского языка от украинского проявляется существеннее и в плане структурном. Наряду со словообразовательными типами, обладающими в обоих языках общностью структурной и семантической, как имена на **-ота** со значением физических состояний, отправлений (*глухота, красота, рвота // німота, духота*), на **-ба** со значением действия (*пальба, ходьба // різьба, боротьба*), на **-ок** со значением одноактного действия (*хлопок, рывок // стрибок, кидок*), на **-ие // -ля** со значением состояния (*насилие, безумие // похмілля, свавілля*), на **-ость** (**-имость, -еимость, -онность**) // **-ість** (**-аність, -имість, -ійність**) со значением глагольного свойства, состояния (*дерзость, проводимость, договоренность // завзятість, спрацьованість, одержимість, революційність* и др.), распространенными в разговорной и общелитературной речи, можно отметить и специфические особенности языков русского и украинского. Это, в частности, несвойственность русскому языку или меньшая распространенность в нем (возможно, в связи с высокой продуктивностью ведущих моделей на **-ние, -ка**) ряда словообразовательных типов, представленных в языке украинском, как, например, образования: с укр. суффиксами **-іт** (*бренькіт, дзенькіт*), **-ина** (**-нина**) со значением повторяемости или хаотичности действия (*біганина, капанина, плутанина*), **-ня** (*гризня, гульня*), **-еча** (**-неча**) (*колотнеча, втеча*), **-унок** (*порятуюнок, почастуюнок, подаруюнок*) и др. Ср. также специфически

русские производные имена на *-ыш* (*розыгрыш*), *-он* (*выпивон*), *-ушка* (*пирушка*), *-ище* (*посмешище*), *-ца* (*трусца*) или украинские: *-нява* (*тиснява, пискнява*), *-ощі* (*радощі, любощі*), *-щина* (*бувальщина*) и др.

Различия языков проявляются в производящих основах и количестве производных различных типов, в том числе непродуктивных (ср. с суффиксом *-ки*: *побегушки, посиделки, заморозки, жмурки // дріжки, дрімки, походеньки* и пр.).

В сфере немногочисленных заимствованных формантов различия языков менее существенны и, как правило, имеют сходные лексические производные. В русском, как и в украинском, продуктивен, напр., суффикс *-ация* с производными от глаголов на *-ировать, -овать, -изировать* (укр. *-ація* от *-увати, реже -ирувати*), ср. *эвакуация, реализация, ароматизация // атестація, дотація, корекція*; менее продуктивны *-ада, -иада* (*клоунада, олимпиада // буфонада, ескапада*). Непродуктивны формы на *-аж (-яж)*, выступающие в разговорной речи и нередко параллельно в обоих языках (*пилотаж, дубляж // массаж, епатаж*), на *-ура* (*режиссура // режисура, процедура*), *-ат* (рус., укр. *диктат, царат*), *-ант* (рус., укр. *диктант, десант*), *-ит* (*плеврит // плєбіцит*) и др. Свойственны они в основном общелитературной, а также терминологической речи.

Таким образом, словообразовательная категория наименований действия в русском языке в сфере продуктивных типов проявляет значительную общность в их составе и структуре с украинским языком, обнаруживая при этом существенные различия в характере функционирования последнего. Если в русском языке основную нагрузку по продуктивности во всех жанрах речи разделили имена на *-ние, -ение, -ка*, то в украинском активность *-ка* слабее и характеризует прежде всего терминологические стили, — отсюда большая продуктивность и роль суффикса *-ние (-ение)* в организации подсистемы.

Среди малопродуктивных и непродуктивных типов наблюдаются, кроме функциональных, также некоторые существенные структурные особенности — наличие специфических для сопоставляемых языков типов и различия лексических реализаций некоторых продуктивных моделей. Наибольшая общность языков — в структуре и функционировании образований с заимствованными формантами.

3.2. Наименование отвлеченного признака

Эта группа абстрактных образований семантически довольно разнообразна и объединяется самым общим значением опредмеченного отвлеченного признака, мотивируемого семантикой производящей основы, в свою очередь определяющей добавочные, или вторичные, семантические напластования в слове (значение качества, склонности, свойства, общественного или бытового явления, течения, научного, политического направления, учреждения, организации и т. д.), выступающие в обоих сопоставляемых языках. Наименования этого типа образуются разветвленной группой формантов — славянских и заимствованных. Основную нагрузку по продуктивности и в русском языке, и в украинском среди них несут суффиксы: **-ость** (**-есть**, **-ность**), **-ство** (**-ество**, **-иство**), **-щина** // **-ість** (**-ність**), **-ство** (**-цтво**, **-иство**, **-овство**), **-щина** (**-чина**), а также заимствованный **-изм** // **-ізм**. Менее продуктивны: **-ь** (**-Ø**), **-ца**, **-ина** // **-Ø**, **-ця**, **-іна**, непродуктивны **-ица**, **-ота**, **-изна** // **-иця**, **-ота**, **-ізна** и некоторые другие. Разветвленность и разнообразие семантики этих наименований обусловлены характером производящих основ — адъективных и субстантивных, нередко — двойной мотивацией (рус. *отцовство* — *отцовский*, *отец*; *таинство* — *тайный*, *тайна*; укр. *батьківщина* — *батько*, *батьківський*) или мотивацией при помощи словосочетаний (рус. *народничество* — *народническое течение*, *поденщина* — *поденная работа*; укр. *московщина* — *московська країна*, *козаччина* — *козацький рух*). Дифференциация значений закреплена за отдельными словообразовательными типами.

Один из наиболее продуктивных типов в обоих языках — имена с суффиксом **-ость** (**-ность**) // **-ість** (**-ність**), мотивированные различного вида прилагательными (в том числе — отсубстантивными) и причастиями. Их общее значение — одно из наиболее отвлеченных в данной группе имен: наименование признака, определяемого наличием того, что названо производящей основой (атрибутивной, предметной, глагольной) (*скорость*, *инвалидность*, *утомляемость*, *всхожесть* // *прозорість*, *ліричність*, *освіченість*, *нездійснимість* и др.).

Современный русский язык отличает продуктивность этого типа как в общелитературных стилях, так и в научно-технической и производственной терминологии, в частности в связи с включением в число производящих основ относительных прилагательных (на **-овый** и др.), а также страдательных причастий прошедшего времени и причастий на **-ный** (напр., *белковость*, *блочность*, *программность*, *облученность*, *засоленность*, *выводимость*, *посеща-*

емость и т. д.)¹. Эта новация современного периода (в прошлом для *-ость* было характерно присоединение лишь к основам качественных прилагательных) расширила не только структурные, но и семантические возможности типа (значение степени качества — для русских форм на *-имость*, *-емость*, ср. *читаемость*, *управляемость*), усилила его регулярность. Характерна она и для языка украинского, в котором также развиваются модели на *-имість*, в основном в профессиональной речи (*одержимість*, *ділимість*), но, очевидно, не так интенсивно, как в русском языке, прежде всего в связи с ограничениями в образовании причастий на *-мий* (выступающих производящей базой этих слов) в украинском языке, по сравнению с русским. В развитии вторичных конкретных значений лица, места, вместилища, вещества, собирательного понятия и др. (напр., *индивидуальность*, *плоскость*, *жидкость*, *античность* // *знаменитість*, *опуклість*, *юність*, *старожитність* и др.), как и в стилистической принадлежности этих слов общелитературному и терминологическому языку, этот тип имен не обнаруживает существенных различий в языках русском и украинском.

Большой продуктивностью в обоих языках обладают также имена на *-ство* (*-ество*, *-инство*) // *-ство* (*-цтво*), присоединяющиеся к основам прилагательных со значением свойств человека и к относительным прилагательным, производным от наименований лица (отсюда также двойная мотивация; ср. рус. *мать* — *материнский*, *материнство*; укр. *козак* — *козацтво*, *козацький*). Характер мотивирующих основ обусловил своеобразие семантики этого словообразовательного типа, отличающегося меньшей абстрактностью по сравнению с именами на *-ость* и обозначающего различные свойства человека: черты характера, принадлежность, общественные и идеологические течения, направления, занятие, должность и т. д. (*удальство*, *могущество*, *отцовство*, *чудачество*, *славянство*, *крепостничество*, *судейство*, *эпикурейство*, *директорство*, *высочество* // *дивацтво*, *презирство*, *молодецтво*, *синівство*, *міщанство*, *толстовство*, *учительство*, *шпигунство* и др.). Основные параметры образования и функционирования этой группы имен в русском языке не обнаруживают существенных отличий от языка украинского. Во-первых, для обоих языков характерна меньшая продуктивность этих образований, мотивированных только прилагательными, и большая от основ двойной мотивации и т. д. Во-вторых, в обоих языках развиваются однотипные вторичные

¹ См.: Русский язык и советское общество. — С. 136—144.

значения — собирательности (группы лиц), наименование территории, учреждения и т. д. (ср. рус. *учительство, королевство, землячество* и укр. *гетьманство, князівство, представництво* и др.). Характерна также стилистическая принадлежность этих образований к общелитературным жанрам в обоих языках.

Довольно продуктивен в русском языке, как и в украинском, семантически дифференцированный словообразовательный тип имен на **-щина (-чина)**, образующий от прилагательных и на основе словосочетаний наименования бытовых или общественных явлений, идейно-политических течений и пр. (*солдатчина, азиатчина, поповщина, нелегальщина // козаччина, вояччина, гайдамаччина, ханщина*).

Для русского языка характерна отрицательная экспрессивность многих из этих слов и принадлежность преимущественно разговорной речи, тогда как в украинском языке это нередко нормативные, стилистически нейтральные образования (ср. рус. *аракчеевщина, обломовщина* и укр. *гетьманщина, кріпаччина* и др.). Здесь сказалось существенное исторически сложившееся различие в функционировании этого типа в обоих языках.

Высокопродуктивен в этой группе имен также заимствованный формант **-изм** (укр. **-ізм**), образующий от адъективных основ и на основе словосочетаний, а также от основ существительных наименования качеств, склонностей, а также общественно-политических, научных и других направлений, систем и т. д. (*оптимизм, реализм, геоцентризм, абсолютизм, терроризм, либерализм // гуманізм, комунізм, прагматизм, реваншизм, вандалізм, сюрреалізм* и т. п.). В обоих языках для этой группы наименований характерна однотипность функционирования и отнесенность к научно-публицистическим и терминологическим стилям языка.

В группе заимствованных формантов, кроме высокопродуктивного суффикса **-изм**, проявляют определенную активность в обоих языках словообразовательные модели от основ существительных, свойственные в основном терминологической речи с общей семантикой наименования общественных явлений, систем, направлений, течений, организаций, а также качеств и склонностей, и имеющие сходные лексические реализации в обоих языках. Это имена на **-ура** (рус., укр. *диктатура, докторантура, прокуратура*), **-ика (-іка)** (*педагогика, софистика // формалістика, китаїстика*), **-иї(а)** (*поэзия, монархия, трагедия // конкуренція, наркоманія, стратегія*) и др. Как явление, развивавшееся на основе заимствований и общих словообразовательных процессов последних лет, эти типы обнаруживают в обоих языках значительное сходство, вплоть до идентичности лексического состава из производных.

Менее продуктивны, но заметны в словообразовательной системе отвлеченных наименований русского языка имена на **-ь** (*гниль, удаль, горечь, даль, синь, вонь*), нередко с опредмеченным значением (*рвань, зелень*). Эти образования менее характерны для языка украинского.

Общими для обоих языков выступают малопродуктивные и непродуктивные типы на **-ота** (*быстрота, теснота, высота // пустота, гидота, бридота* — с различием в ударении в обоих языках), **-ье** (укр. **-ья**) (*здоровье, безлюдье, пустовье // свавілля, безмежжя, березілля* и др.).

Равно известны обоим языкам немногочисленные формы на **-ица** (укр. **-иця**) (*безвкусица, безработица // нісенітниця, таємниця*), **-ева** (укр. **-ява**) (*синева // темрява*), образования на **-оба** (рус., укр. *злоба*), **-ыня** (**-иня**) (*гордыня // гординя*), **-да** (рус., укр. *правда*) и др. Активнее в русском языке, нежели в украинском, формы на **-изна** (укр. **-изна**) (ср. рус. *голубизна, дешевизна* и укр. *мілизна*).

Новацией русского языка, по-видимому, стали обнаруживающие определенную продуктивность в разговорной речи отвлеченные имена на **-ца** со значением неполноты выражения качества (*наглеца, хитреца*), **-инка** (*лукавинка, горошинка*), **-ина** (*желтина, сутулина*). Они обозначают признак, выраженный в слабой степени, и по происхождению, должно быть, имена на **-ца**, **-инка** связаны с деминутивными образованиями или с единичными именами на **-ина**. Для украинского же языка характерны непродуктивные формы на **-инь** (*далечинь, височинь*) со значением высокой степени качества; последние свойственны разговорной и художественной речи.

Итак, функционирование категории наименований отвлеченного признака в русском языке проявляет значительно бóльшую структурную и функциональную общность с соответствующими категориями в украинском языке, чем группа наименований действия. Высокая продуктивность основных моделей (на **-ость, -ство, -изм**) способствовала расширению сферы этой общности. Некоторая структурная и функциональная специфичность сопоставляемых языков (развитие собственно языковых моделей, как русские модели на **-ца, -инка, -ина**), различие в степени продуктивности, экспрессивной окрашенности и т. д. носят периферийный характер.

Следовательно, структурная организация и функционирование наименований словообразовательного поля действия, состояния и отвлеченного признака в русском языке структурно и функционально, то есть по составу типов и моделей, их продуктивности, количественным показателям, сфере функционирования, сти-

листическим характеристикам и т. д. близка соответствующим категориям слов в языке украинском, хотя в каждом из языков выступает как обособленное системное единство, характеризующееся определенной спецификой. Специфичность и различия в организации этой категории имен в обоих языках обнаруживаются в способах функционирования продуктивных типов, а также в структурной и функциональной вариантности непродуктивных. Наибольшие отличия наблюдаются в организации категории наименований глагольного действия. Бóльшая концентрация образований в сфере продуктивных типов (в частности, для данной группы имен) в русском языке в сопоставлении с украинским, где наблюдается многообразие малопродуктивных моделей, свидетельствует, по-видимому, о бóльшей тенденции в русском языке к регулярности моделей, сужению их вариативности.

Специфические черты, развившиеся в исторический период в каждом из языков, не являются определяющими и носят периферийный характер.

4. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПРЕДМЕТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Структурная и семантическая организация этой лексико-словообразовательной подсистемы обнаруживает органические связи ее с двумя другими подсистемами — лица и отвлеченного действия, состояния, признака. Большинство тех суффиксов, с помощью которых в русском языке образуются названия предметов, “являются исходно суффиксами поля деятеля или поля действия и состояния”¹. Семантически наименования вещи как орудия действия, его объекта, результата и т. д. либо входят в более общее абстрактное значение носителя признака (действия, качества), то есть лица, либо генетически связаны с наименованием самого действия как его вторичное переосмысление (объекта, результата, места действия). Отсюда чрезвычайное разнообразие формантов, участвующих в образовании указанных имен и присоединяющихся к различного вида основам — именным и глагольным.

4.1. Предметные имена от глагольных основ

Эта словообразовательная категория определяется характером производящих основ — глаголами, обуславливающими семанти-

¹ См.: *Ревзина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. — М., 1969. — С. 37.

ку производных. Глагольный признак, лежащий в основе этих наименований, модифицируется в конкретных лексемах отдельными формантами в зависимости от их словообразовательного значения: агентивного, объектного, локального и т. д. Отсюда преимущественность значений этой категории имен: орудия, механизма действия, приспособления к нему; объекта, предмета действия; его результата, места действия, помещения, где оно происходит, и т. д. Основные продуктивные образующие форманты: **-тель, -ник, -льник, -чик (-щик), -ка, -лка, -овка, -атор**; менее продуктивны: **-ач, -ло, -ня, -ок, -ина, -ат, -ор**; непродуктивны: **-ец, -ун, -ак, -ша, -ня (-льня), -ище (-лице, -бище), -ница (-льница)**; единичны образования с **-ень, -ыш, -иво, -ки, -ль (-оль), -цы, -ель** и др.

В русском языке основная группа предметных наименований образуется рядом продуктивных формантов, достаточно активных также в украинском языке. Это имена на **-ник** (*подойник, сборник // розсадник, витверезник*), **-[а]льник, -[и]льник** (*паяльник, кипятильник // сіяльник, лічильник*), **-атор** (рус., укр. *конденсатор, сепаратор*), **-лка, -анка** (*грелка, копилка, лежанка // жатка, ковзанка, криївка*) и др. Отличающиеся большой продуктивностью русские предметные имена на **-тель, -щик (-чик)**, соотносительные нередко с именами лиц и развившиеся на их основе, в украинском языке не развили параллелей. Здесь им соответствуют образования на **-ач, -ник** (ср. рус. *выключатель, истребитель, измеритель, распределитель* и укр. *вимикач, винищувач, вимірник, розподільник* и т. д.). В частности, предметные имена на **-тель** совершенно несвойственны украинскому языку, тогда как в русском они выступают повсеместно и нередко также в языке белорусском.

Основная сфера распространения этих имен — научно-техническая терминология, меньше — разговорная речь и общелитературный язык. Менее продуктивные образования представлены большим разнообразием типов. Значительное их число имеет параллели в сопоставляемых языках, хотя степень активности и характер производных существенно различаются по языкам. Среди них имена на **-ок** (*прищепок // обрубок*), **-ак** (*черпак, резак // держак, драпак*), **-ун** (*шатун, колун // двигун, ковтун*), рус. **-ница**, укр. **-ниця** (*мельница, кропильница // дійниця, кадильниця*), **-ло** (*мерило, стойло // кресало, пійло*), **-ина, -лина** с рядом различных значений (*вмятина, трещина // дряпина, пухлина*), а также вторичные образования, конкретизировавшиеся на основе имен отвлеченного действия с суффиксами **-ние, -ение** (см. выше) (*варенье, печенье // покликання, звання, писання*), а также **-ок** (*каток, мо-*

ток // замок, лишок) и заимствованные -ация, укр. -ація (комбинация, традиция // декорація, акція), -ура (прокуратура, аппаратура // диктатура и т. д.).

Некоторые типы предметных имен существенно различаются своей продуктивностью в сопоставляемых языках. Например, малопродуктивные в русском языке имена на -ач (толкач, тягач), на -ка (загородка, тянучка) обладают значительной активностью в украинском языке (как основные типы): *вимикач, сікач, програвач, підіймач; застібка, кладка, корзинка, верстка* и др.

Непродуктивные в русском языке имена на -ец (рубец, шлепанец), -ня, -льня (спальня, читальня), -ище, -овище, -бище (пожарище, стойбище, зимовище) сохраняют определенную активность в украинском языке (ср. образования на -ець: *поставець, різець, рубець*), -ня, -льня, -арня (майстерня, пральня, лікарня), -ище, -бище, -овище (*сховище, пасовище*).

Однако большинству непродуктивных русских формантов соответствуют непродуктивные типы и в украинском языке: это формы на -ва (бритва // дратва), -иво (месиво // вариво), -ки (выгребки // залишки), -уха (сивуха // колотуха) и др.

Ряд словообразовательных типов, впрочем, представляет специфические черты сопоставляемых языков. Так, в русском языке это продуктивные группы на -ловка (со значением организации, места и с отрицательным оттенком): *обираловка, забегаловка*; непродуктивные модели на -овье (зимовье, кочевье), в украинском им соответствуют формы на -ище (ср. *зимовище, кочовище*) и т. д. В украинском языке развился в числе достаточно продуктивных форм специфический формант -ільник (*возільник, волочільник*), выступающий параллельно с -ильник (*возильник, точильник*). Среди непродуктивных — образования с суффиксом -чик, развившиеся на основе деминутивной функции (*верчик, орчик*), -ява (*курава, темрява*), а также -ощі (*ласощі, солодощі, пахощі*). В украинском языке выступает также неизвестный русскому суффикс -унок (*подарунок, пакунок, рахунок*), заимствованный в исторический период через польское посредничество из немецкого языка (нем. -ung), а также единичные образования на -адло (*простирадло*). В русском языке, в отличие от украинского, чаще выступают непродуктивные образования на -ушка (*болтушка, вертушка*, ср., однако, укр. *галушка*), -елка (*метелка*). Непродуктивны в обоих языках образования на -иво (-ово, -ево): *месиво, логово // вариво, печиво*. Ряд малопродуктивных заимствованных образований с суффиксами -ор, -ер (рус., укр. *конвертор, тралер*), -ат (рус., укр. *фабрикат, адресат*), -ант, -ент (*вариант, экспонент // доцент*,

претендент) не обнаруживают существенных отличий в обоих языках ни в функционировании, ни в составе лексем.

Таким образом, словообразовательная группа имен с предметным значением от глагольных основ представляет собой весьма обширную систему наименований, в разветвленности которой — структурной и семантической — отразились этапы ее формирования, в том числе результаты вторичных переосмыслений значений агентивных образований (на *-тель, -ач, -ка* и др.) и конкретизации имен действия (на *-ние, -ок* и пр.). Многообразие словообразовательных средств и значений обусловило заметные различия в структурной организации этой группы имен, прежде всего в составе и продуктивности форм, в частности развитие специфических типов и моделей.

4.2. Предметные имена от адъективных основ

Эта довольно многочисленная группа наименований образуется от основ прилагательных (нередко соотносительных с именами или глаголами), реже — от числительных довольно разветвленным набором формантов, выступающих, как правило, в собственно предметной функции, часто параллельной функции лица. Это суффиксы с различной степенью продуктивности в сопоставляемых языках. В частности, в русском продуктивны: *-ик, -ка, -ина* (*-овина, -атина*), *-щина, -ица, -ец, -ак* (*-як*) и непродуктивны: *-ач, -ыш, -аш, -ище, -ок, -адь, -ины, -ня* и др.

Небольшая группа образований оформлена по типу абстрактных наименований — суффиксами *-ство, -ость, -ота, -ыня* и пр. — и представляет результат их вторичного семантического развития (переосмысления).

Имена этой группы характеризуются значительным разнообразием семантики: это различные наименования бытовых предметов, растений, явлений, названных по их основному характерному признаку, выраженному прилагательным; наименование места, пространства, вместилища, учреждения, продуктов производства, изделий, кушаний, предметов одежды, веществ и т. д.

Семантика продуктивных типов нередко соответствует семантике словосочетаний: мотивирующее прилагательное + существительное (напр.: *синька* < *синяя краска*, *взрывчатка* < *взрывчатое вещество*).

Продуктивные словообразовательные типы этой группы имен в русском языке в основном сходны с соответствующими моделями в украинском.

Это имена с суффиксом **-ик** и производными (**-овик**, **-льник**, **-аник** и др.), обладающие разнообразными значениями — бытовых предметов, явлений, растений, грибов, вместилища, объектов занятий и пр. (*тупик, субботник, учебник, ледовик, медовик, ежемесячник, кофейник, бумажник, моховик // вареник, льодовик, піщаник, щорічник, підберезовик, жертвовник*).

От атрибутивных основ очень активно также образуются в русском языке предметные имена на **-ка** (с производными **-овка**, **-авка**, **-анка**, **-атка**, **-ушка** и т. д.), обладающие еще бóльшим разнообразием значений: наименования конкретных предметов, растений, напитков, одежды, тканей, оружия, помещений, учреждений, болезней, а также разговорные эквиваленты собственных наименований — *синька, кожанка, перцовка, футболка, ветрянка, двустволка, теплушка, взрывчатка, антоновка, анатомка, шерстянка, “Комсомолка”, девушка // зеленка, пилка, гвинтівка, толстовка, венгерка, запіканка, зубрівка, безрукавка, підсобка, китайка, “Вечірка”, дошка, двійка*.

Достаточно широко распространены в русском языке, как и в украинском, обозначения растений, частей тела, болезней, веществ, различных конкретных предметов, помещений, явлений природы и другие с суффиксом **-ица** (укр. **-иця**), малопродуктивные ныне в обоих языках (*колесниця, яичниця, луковиця, крапивниця, темниця, поясиця // рахівниця, кислиця, віконниця, живиця, світлиця, шовковиця, денниця*).

Значительную активность сохраняют в русском языке, как и в украинском, некогда весьма продуктивные¹ образования на **-ина** (**-овина**, **-евина**, **-нина**), **-атина** от адъективных основ со значением конкретных материалов, тканей, одежды, видов мяса и др., а также пространственным значением (*рогатина, мякина, хрящевина, пушнина, крашенина, дичина, равнина, моховина // лисина, свіжина, мішковина, роговина, квашенина, галявина, низовина*).

И русскому, и украинскому языку известна отрицательная экспрессия образований с вещественным значением на **-атина** (*дохлятина, трухлятина // кислятина, пошлятина* и др.).

В русском языке развили значительную продуктивность известные ему с древнерусского периода², но активизировавшиеся, возможно, под влиянием аналогичных украинских форм, географические обиходные наименования областей и районов на **-щина**,

¹ См.: Максимов В. И. Суффиксальное образование имен существительных в русском языке. — М., 1975. — С. 212—213, 218—219 и др.

² Там же. — С. 77 и др.

-чина, соотносящиеся не только с адъективными, но и с субстантивными основами (*Псковщина, Вологодчина, Сумщина // Донеччина, Київщина, Полтавщина*).

Сохраняют определенную активность в разговорных стилях (в украинском языке несколько бóльшую, чем в русском), образования на **-ак (-як)**, со значением конкретных предметов (названий по их свойству или материалу), растений, горных пород и т. д. (*медяк, сквозняк, порожняк, железняк, четвертак // жовтяк, синяк, первак, вітряк, житняк*), а также имена на **-ец** (укр. **-ець**) (*сырец, колодец, леденец // каганець, червонець, сланець, багрянець*), **-ица** (укр. **-иця**) (*темниця, гробниця // живиця, кислиця*).

Многочисленны непродуктивные типы этой группы имен существительных в сопоставляемых языках. Это имена на рус., укр. **-ыш // -иш** (*голыш // м'якиш*), **-ище** (*корневище // логовище*), **-адь** (*рухлядь // пістрядь*), **-ня** (*двойня // трійня*) и т. д.

Среди имен указанной группы — вторичные наименования, развившиеся вследствие конкретного переосмысления ряда отвлеченных словообразовательных моделей, имена на **-ость** (укр. **-ість**) (*жидкость, полость // опуклість, рослинність*), рус., укр. **-ство** со значением места, учреждения и др. (*издательство, лекарство // земство, хазяйство*), рус., укр. **-ота** (*кислота, мерзлота // довгота, пустота*), **-ье** (*раздолье, понизовье // безмежжя, багаття*), рус., укр. **-ок** (*белок // жовток*), рус., укр. **-на** (*глубина, долина // височина, новина*), в украинском языке также **-щина (-чина)** (*батьківщина, діdivщина*), также рус. *дедовщина*.

Таким образом, в образовании предметных отадъективных имен в русском и украинском языках выделяются общие словообразовательные типы (с суффиксами **-ик, -ка, -ина** с производными и некоторыми другими). Малопродуктивные и непродуктивные типы отличаются значительной пестротой форм и значений, и здесь языковая общность проявляется значительно меньше. Особая специфика при сопоставлении этих двух языков обнаруживается в различиях продуктивности типов, их структурных моделей (напр., модели на **-ак, -ина**; ср. рус.: *ватник*, укр. *ватянка*) и в лексической реализации отдельных подтипов.

4.3. Предметные имена от субстантивных основ

Разнообразие семантики этой группы имен в обоих языках обусловлено характером значений мотивирующих субстантивных основ, представляющих пеструю картину предметного мира. Продуктивные типы представлены суффиксами **-ник (-овник), -ина (-овина, -атина), -ище (-овище), -анка**, заимствованными **-ат, -ит,**

-ин; слабо продуктивные — разнообразными типами, нередко с многочисленными образованиями, как формы на -ак, -як, -няк, -чак, -ица, -ница, -ня; -арня или ограниченно представленные — с суффиксами -аль, -аш, -ай, -ило, а также с заимствованными -ад, -ор, -ер, -оз, -ол, -арий и т. д.

В семантике этих форм выделяются основные значения — предмета вообще, названного по предметному признаку, лежащему в основе наименования, вместилища, места, орудия, предмета действия, вещества, продукта деятельности, мяса животных (рыб), растений и т. д.

Основную нагрузку в образовании имен этой группы несут форманты: -ник (-овник) // -ник (-івник) со значениями неодушевленного предмета, растения, вместилища, помещения, пространства (*кустарник, этюдник, супник, задачник, цветник, письмовик // годинник, курник, малинник, кофейник, виноградник, путівник*), рус., укр. -ина (-овина), -атина со значением места, пространства, ткани, вещества, конкретных предметов, растений, а также мяса животных (*вершина, парусина, перина, баранина, телятина, смородина // клітина, мішковина, долина, верховина, горобина, ведмежина, курятина*).

Сохраняют продуктивность в русской разговорной речи и в украинском языке образования на -ище (-лище), -бище, -овище // -ище, -овище в основном в сельскохозяйственной терминологии со значением нахождения предмета или совершения определенного действия (*коноплище, стрельбище, городище, кострище // торфовище, вознище, бойовище, замчище*).

Ряд словообразовательных типов этой группы имен значительно ослабил свою продуктивность. Это имена на рус., укр. -ня (с производными) со значением помещения (*пекарня, колокольня, голубятня // перукарня, вартівня*), на рус., укр. -ак, -як, -няк со значением породы, минералов, зарослей и т. д. (*солончак, известняк // вапняк, дубчак, вишняк*), рус. -ница, укр. -ница со значением вместилища того, что названо мотивирующей основой (*гробница, супница, чернильница // мазниця, скарбниця, порохівниця*). Среди специфически русских типов, сохраняющих определенную активность, — имена на -анка (-янка) для наименований растений, животных, конкретных предметов быта (рус. *ушанка, времянка, медянка*) — последние несвойственны украинскому языку.

Многие из типов этой группы утратили продуктивность и выступают в небольших группах слов или в единичных образованиях, — с суффиксами рус., укр. -аль (в наименованиях животных: *рогаль*), рус., укр. -ай (*молочай*), рус., укр. -аш (*гуляш*), рус., укр. -ины (*именины, крестины // хрестини, оглядини*), рус.,

укр. -ило (*ветрило, светило // вітрило, світило*) и т. д. Некоторые из непродуктивных форм специфичны в сопоставляемых языках и неидентичны по лексической реализации (ср.: рус. *кубышка, милостыня* и укр. *качур, снігур* и др.) и т. д.

Отыменные предметные наименования образуются также рядом заимствованных формантов, среди которых заметно продуктивны в терминологической речи в различных значениях рус., укр. суффиксы -ат со значением учреждений, химических соединений (*директорат, плагиат // патріархат, карбонат*), -ит со значением минералов, веществ, болезненных процессов (*фосфорит, артрит // хроніт, бронхіт*), -ин // -ін со значением веществ, минералов, лекарств (*сахарин, ватин, радикулин // аспірін, ванілін, хінін*) и т. д., а также выступает ряд единичных образований, известных обоим сопоставляемым языкам: имена на рус., укр. -ад (*лимонад*), -ор, -ар (*телевизор, танкер // телевізор, стартер*), -ол (*метанол // валідол*), рус. -арий, укр. -арій (*розарий // гербарій*) и т. д.

Следовательно, в образовании отыменных конкретных наименований в русском языке по сравнению с украинским не наблюдается существенных различий ни в составе основных словообразовательных типов, ни в степени продуктивности или стилистической маркированности большинства образований, составляющих эту подгруппу типов и моделей. Различия по языкам очевиднее всего обнаруживаются в лексической представленности как активных, так и непродуктивных, а особенно единичных образований, а также в наличии некоторых специфических, как правило, мало- или непродуктивных словообразовательных моделей и в их лексической реализации.

Итак, словообразовательная подсистема предметных наименований в русском языке, так и в украинском, отличается особым многообразием типов и моделей, что обусловлено спецификой семантики этого типа имен, отражающего мир неживой природы и растений. Эта категория оформлялась в обоих языках в значительной мере при помощи словообразовательных средств, свойственных другим семантическим категориям (лица, отвлеченного действия, состояния) вследствие полифункциональности формантов и процессов вторичного переосмысления отдельных лексических форм. Этим объясняются, в частности, также черты системных различий в словообразовании этой группы имен в сопоставляемых языках. Наиболее существенные отличия русского языка от языка украинского наблюдаются в образовании указанных имен от глагольных основ, в чем проявилось влияние специфических черт глагольных системных единств в целом, например

образований со значением лица. Меньшие отличия системных структур отмечаются для групп отадективных и отсубстантивных наименований, где большое многообразие словообразовательных различий нейтрализовало в определенной мере системный характер специфики этих языков, проявляющейся преимущественно в вариантности конкретных лексических форм.

Рассмотрение словообразовательной структуры основных подсистем имени существительного (наименований лица, действия, состояния, предметных наименований) в русском языке в сопоставлении с украинским позволяет выявить как общее, так и специфическое, что отличает соответствующие структуры в исследуемых языках. Общность системных черт словообразования в обоих языках проявляется:

- а) в идентичности основного корпуса словообразующих средств (формантов) и значительной общности их производных;
- б) в характере и структуре основных словообразовательных типов, связанных с характером производящих основ;
- в) в преимущественной общности состава основных (продуктивных) словообразовательных типов в каждой подгруппе имен;
- г) в идентичности структурной организации большинства непродуктивных типов, как и отдельных лексем, идущей из периода общеславянской общности;
- д) в стилистических характеристиках значительного большинства типов и структур.

Отличия в организации отдельных подсистем в языках, обуславливающие их специфику, состоят:

- а) в неидентичности продуктивных словообразовательных типов отдельных подгрупп имен;
- б) в степени продуктивности используемых типов;
- в) в наличии специфических моделей, не свойственных одному из сопоставляемых языков;
- г) в различной лексической реализации ряда словообразовательных моделей по языкам;
- д) в некоторых стилистических отличиях в сфере распространения отдельных типов и групп имен.

Как показало сопоставительное исследование словообразовательной системы имени существительного, проведенное в самых общих чертах, наибольшая специфичность черт в организации отдельных подсистем выступает в группах отглагольных образований, в первую очередь — в наименованиях лица, а в определенной мере — в именах действия и предметных наименованиях. Истоки

этой специфичности в значительной степени — в нелингвистических, социальных факторах. С одной стороны, специфика обусловлена различными социальными условиями становления этой категории имен в исторический период в каждом из языков, связанными с научно-техническим прогрессом и потребностью наименования действий и предметов, отражающих этапы этого прогресса, а с другой стороны — в значительной мере и с чисто языковыми факторами, в частности, с определяющей ролью глагола в структурно-семантической организации языков, а также с различной степенью влияния языка старославянского на русский и украинский и различными путями развития обоих литературных языков. Меньшая специфичность системной организации отмечается в словообразовательной подсистеме предметных наименований, в частности — для его неглагольных типов.

Специфика организации словообразовательных подсистем имени существительного в русском языке в сопоставлении с украинским позволяет предположить бóльшую интенсивность в нем тенденции к регулярности некоторых типов, концентрации образований в кругу немногочисленных высокопродуктивных моделей. Эта тенденция ведет к уменьшению малопродуктивных моделей (как в наименованиях действия) и выталкиванию на периферию языка разнообразных, часто единичных по составу, непродуктивных типов.

В целом же определяющей чертой словообразовательной системы имени существительного в русском языке является глубокая общность ее организации с соответствующими системами в языке украинском, в специфических отличиях проявляется своеобразие внутренней структуры обоих языков, как обособленных, хотя и родственных языковых систем.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ИМЕН (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Разграничение явлений статичного (или нормативного) и динамичного (функционального) плана в словообразовании достаточно условно. И те и другие обнаруживаются и в языке, и в речи. Размежевание этих явлений представляется важным прежде всего в аспекте методологическом, поскольку явления функционального словообразования являются важнейшей составной час-

тью живой разговорной речи и связаны с ненормативным словоупотреблением. Особое его своеобразие характерно для условий билингвизма.

Как показало изучение явлений словообразования в речи билингвов¹, в той чрезвычайно пестрой и многоплановой картине, которую представляли результаты анкетирования (речь идет о фактах русского словообразования в речи преимущественно украиноязычных респондентов) — такие, казалось бы, глубинные категории, как словообразовательная и грамматическая семантика, стали основным звеном, методологической базой, которая позволила сделать ряд научных наблюдений и обобщений на основе нередко разрозненных и не поддающихся внешнему объединению фактов.

Связано это прежде всего с психологической и социальной сущностью билингвизма как такового, с концепцией кодового переключения. Эта концепция предполагает, как известно, существование одного или нескольких речевых кодов в сознании индивида (соответственно владению им одним или несколькими языками)². В основе такого переключения, в котором усматривают основной психолингвистический механизм перехода от одной языковой системы к другой, лежит представление о билингве как об индивиде с несколькими языковыми кодами, о наличии в его сознании моделей двуязычного поведения, об умении построить правила межъязыкового переключения с одного языкового кода на другой и т. д. И тут возникает вопрос, насколько владеет двуязычный индивид этими несколькими системами и что лежит в основе его речевого поведения: единая семантическая база, связанная с двумя механизмами выхода информации (смешанный билингвизм) или две семантические базы, связанные с конкретными, отдельными языковыми механизмами входа и выхода (ко-

¹ Материалом для изучения этих явлений послужили специальные анкеты-вопросники, учитывающие в проблемном плане различные стороны функционирования словообразовательной системы (15 разделов с подразделами). В него включены задания, позволяющие обнаружить различные стороны функционирования словообразовательных моделей в речи двуязычных индивидов — структурную, семантическую, грамматическую и лексико-семантическую. Анкеты охватывают данные изо всех основных регионов Украины, представляя респондентов различных возрастных и образовательных групп, с учетом характера родного языка, степени владения вторым языком и т. д.

² См.: Роджер Т. Белл. Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы. — М., 1980. — С. 141—147 и др. работы.

ординативный билингвизм)¹. Этот теоретико-методологический вопрос, на наш взгляд, находит частичное разрешение на материале функционирования словообразовательных моделей в речи билингвов на Украине. Сфера словообразования — это те языковые модели, функциональное воссоздание которых происходит очень активно, структуры и типы в контексте достаточно прозрачны и при определенных методических подходах позволяют обнаружить внутриязыковой механизм их построения, в том числе — и механизм кодового переключения. Последний сохраняет нормативность речи только при условии достаточно полного владения говорящими языковой нормой. В иных случаях совершенно очевидным становится смешение моделей или их структурных частей (как, например, при образовании производных от глагольных основ, соотносительных в видовом отношении, когда происходит образование наименований действующего лица и действующего предмета), где набор структурных составляющих четко не разграничен и размежевание форм невозможно без предварительного семантического размежевания формальных элементов.

В такой ситуации факты повторяемости одних и тех же отклонений от нормативных моделей могут свидетельствовать об определенной закономерности, тенденции или специфике кодового переключения — отхода от координативного билингвизма (с четким осознанием указанных отличий) до определенной степени смешанного билингвизма, предполагающего неразличение в речевой деятельности билингва ряда структур и моделей. А это свидетельствует о существовании в таких случаях в сознании билингвов в определенных границах единой структурно-семантической базы на основе обоих языков. Эту базу на словообразовательном уровне составляют, кроме наиболее общих понятийных (или лексических, тематических и других групп, а также семантических полей), наименования лица, предмета, действия, признака и т. д. в различных их подгруппах и модификациях, образуемые на основе собственно словообразовательных значений структурных элементов (аффиксов), а также грамматических значений (определяющих характер и тип производящей основы).

Именно смешанный характер билингвизма с его единой понятийной (семантической) базой и различными, преимущественно ненормативными, формами ее реализации в языковых формах (вследствие смешения языковых кодов) и позволяет наиболее по-

¹ Роджер Т. Белл. Указ. соч. — С. 157.

лно проследить процессы, происходящие в функционировании словообразовательных структур. Если при нормативном словообразовании жесткая закреплённость словообразовательных значений за формантами, способность их по определенным правилам сочетаться со словами определенных грамматических значений создает возможность применения очень различных методик изучения этих явлений (как по семантическим, так и структурным признакам, по словообразовательным рядам, цепочкам, гнездам, полям и т. д.), то так называемое функциональное словообразование, проявляющееся при смешанном типе билингвизма, не поддается описанию без учета основной, исходной его базы — семантики форм и компонентов, служащей путеводной нитью в пестром многообразии ненормативно реализуемых словообразовательных моделей.

Степень ненормативности и вариантное многообразие моделей в речи билингвов зависит от целого ряда социальных факторов, в комплексе определяющих уровень владения языком. Не вдаваясь в детали социолингвистического исследования, попробуем обобщить некоторые наблюдения, сделанные на основе обширного конкретного материала, представленного анкетами и вопросниками из основных территорий Украины. Рассмотрим их в плане самом общем, как определенные тенденции, при более детальном анализе которых должен приниматься во внимание целый спектр социолингвистических факторов. Важнейшие из них, на наш взгляд, таковы:

1. Конструирование словообразовательных форм в живой речи “смешанного” билингва происходит на основе единой понятийной базы, в которой ведущую роль играют лексические значения и образующиеся на их основе лексико-семантические группы наименований с общей лексической семантикой (различные тематические группы слов, наименования действий, предметов, лиц, животных, признаков, состояний и т. д.). Лексическая семантика, как правило, наиболее устойчива в сознании билингва и нарушение ее вследствие создания двусмысленных в словообразовательном значении или омонимичных форм происходит крайне редко, никак не проявляясь в форме определенной тенденции. Примером последнего может служить использование в речи билингвов суффикса *-ка* предметного в функции *nom. loci* на месте закономерного здесь суффикса *-ня (-ная)* (напр.: *сушка, красилка, бойлерка, собиралка* — для обозначения помещений, возможно, по аналогии к *сушилка* (Каменец-Подольский) вместо *сушильня, красильня, бойлерная* и т. п.). К тому же виду семантических наруше-

ний можно отнести свойственное, как правило, украинскому языку использование суффикса **-ка** в предметной функции, выступающее на месте закономерного в русском языке **-ка** в значении действия (ср. наряду с *фасовалка, чистилка* — *фасовка, маркировка* в значении орудия действия (Нежин)).

Такие случаи, однако, в живой ненормативной речи выступают крайне редко, в чем проявляется жесткая устойчивость также и функциональной речи к нарушениям лексических смыслов.

2. Определенной устойчивостью обладают в сознании билингва и словообразовательные значения, хотя отступлений и нарушений при их реализации наблюдается значительно больше, чем при воссоздании лексических значений. Здесь представляют, на наш взгляд, некоторый интерес несколько наблюдений, свидетельствующих, возможно, об определенной тенденции:

а) словообразовательная семантика явно доминирует в сознании говорящего билингва над грамматической и совершенно определенно просматривается тенденция: при всем разбросе и нередко произвольности в употреблении словообразовательных средств сохранить существующие словообразовательные смыслы в системе оппозиций и противопоставлений, как, например, противопоставление и различие имен действующего лица и предмета действия и др. Иными словами, система языковых противопоставлений осознается говорящими как гарант и основа понимания речи. Это обнаруживается, в частности, в случаях, когда используется для образования определенной модели в русской речи формант со значением, свойственным ему не в русском языке, а в украинском. И тогда говорящий для сбалансирования нарушенных смыслов (обнаруживающихся в первую очередь при анкетировании) выискивает формы противопоставления для сохранения системы речи, без которой невозможно взаимопонимание. Так, например, подмена агентивного суффикса **-щик** в моделях наименований действующего лица в русском языке под влиянием активных в украинском моделей на **-ач, -тель** (которым в русском языке более свойственна предметная функция) вынуждает говорящего строить собственные пары оппозиций: *nom. agentis* — *nom. aktionis*. Отсюда в речи говорящих по-русски украинцев появление ненормативных пар: *черпач* (“деятель”, вместо рус. *черпальщик*) и *черпак* (“предмет”); *сеяч* (“деятель”, вместо рус. *сеятель*) и *севач[ка], сеялка* (“предмет”) (Нежин); *копач* (“деятель”, вместо рус. *копатель*) и *копачка* (“предмет”) (Каменец-Подольский), ср. также при этом *копальщик* (“деятель”, вместо рус. *копатель*) и *копач* (“предмет”) (Луцк); *отмыкальщик*

(“деятель”) и *отмыкач* (“предмет”) (Каменец-Подольский), соответственно *сечник* и *сечка*, *копач* и *копачка* (Луцк) и др. При подборе оппозиционной пары говорящий (“смешанный”) билингв, очевидно, испытывает затруднения. Отсюда — разнообразие и неустойчивость, импровизированный характер ряда таких противопоставлений, явно нарушающих языковую норму.

Но несомненно и то, что и в ненормативной речи, при нарушении структуры словообразовательных моделей, сохраняется основная функция языка — передать языковые смыслы, хотя при этом используются и сугубо индивидуальные микросистемы языковых оппозиций. Последние строятся прежде всего на оппозиции словообразовательных значений как исходной базе этих смыслов, конструирующих затем ненормативные структурные модели;

б) смещение словообразовательных средств и их подмена чаще происходят в сфере словообразовательных значений логически близких — таких, как наименования действующего лица и предмета, действия и его орудия и т. п. Так, несомненно четко выраженной тенденцией русской ненормативной речи в условиях русско-украинского билингвизма следует считать замену агентивного суффикса **-щик (-чик)** суффиксом **-ник**, выступающим в той же функции в украинском языке и имеющим в современном русском чаще предметное значение. Отсюда многочисленные формы, такие, как *обувник*, *вакуумник*, *турбинник* (вместо нормативных *обувщик*, *вакуумщик*, *турбинщик*), характерные прежде всего для западных областей Украины (Львов, Каменец-Подольский, Луцк, а также Нежин и др.).

Забавными при этом представляются гиперизмы типа *брюкщик*, *шапщик*, *бумажчик* (Нежин), *целинщик* (Полтава) в значении действующего лица с очевидной тенденцией образовывать модели с продуктивным русским **-щик** и с нарушением этих моделей в связи с недостаточным владением языком, как и формы типа *холодитель*, *приниматель* (в значении предмета) (Миргород), где закономерные русские образования на **-ник** (*холодильник*, *приемник*) подменяются моделями с предметным русским суффиксом **-тель** то ли вследствие отталкивания от доминирующих в украинском моделях на **-ник**, то ли под влиянием аналогичных образований с **-тель** в русском языке;

в) в ситуации особо высокой активности модели (как, напр., имен действия на **-ка** в русском языке) происходит в сознании “смешанного” билингва генерализация функции суффикса и втягивание в орбиту модели и тех основ, которые нормативно выступают с иным формантом. Ср., напр., *морозка* (пельменей), *копка*

(картофеля), *проявка* (негатива) или *гладка* (белья), *золка* (кожи) (Нежин) и др.

На фоне общей тенденции преобладания более свойственного украинскому языку по сравнению с русским суффикса *-[e]ние* в функции *nom. actionis*, нежели *-ка*, это явление представляется также гиперизмом, свидетельствующим, однако, о стремлении к максимально полному выражению необходимого словообразовательного значения.

3. Грамматические значения (речь идет прежде всего о характере производящих основ и о сохранении их значений в структуре производных) — самое слабое звено словотворчества при смешанном билингвизме, отсюда — его особое значение в методике идентификации производных форм. Для говорящего едва ли не наибольшую трудность в процессе словопроизводства представляют правильный выбор модели и сохранение соотносительности производящей и производных основ. Это обнаруживается при образовании наименований лиц (предметов) от глаголов совершенного и несовершенного видов. Такую “палитру” языковых нарушений трудно найти в каком-либо другом языковом явлении при процессах словопроизводства. Здесь говорящие испытывают особые затруднения, что проявляется либо в отсутствии ответов вообще, либо в неуверенности ответов и как результат — в большом диапазоне типов ненормативных образований. Наиболее распространенное отклонение от нормы — тенденция к образованию производных одного вида (независимо от глагольной основы), чаще совершенного (от *промыть* и *промывать* — только *промывщик*, от *наклеить* и *наклеивать* — *наклейщик*, но от *пилить* и *распиливать* — *пильщик* (Нежин, Львов, Луцк и др.) и т. д. Иногда предпочтение отдается основам несовершенного вида (от *промыть* и *промывать* — только *промывальщик*, от *наклеить* и *наклеивать* — *наклеивальщик* и т. п. (Луцк)). Неразличение видовых значений основ настолько полное, что от префиксальных форм образуются беспрефиксальные (от *промыть* — *мойщик*, от *наклеить* — *клейщик*) (Нежин)). Нередко выход из затруднения информант находит в стремлении компенсировать грамматические значения лексическими, отсюда либо появление префиксальных образований при беспрефиксальных основах, либо прямые лексические подмены (напр., от *пошивать* — *швея* (Нежин, Луцк)). Неразличение видовых значений производящей основы сопровождается нередко и деформацией структурного ее вида, ср., напр., формы *резчик*, *резальщик*, предложенные информантом от основы *вырезывать* (Луцк, Нежин), или — что еще неожиданнее — использование раз-

личных суффиксов для образования одной и той же модели от различных в видовом отношении основ (ор., напр., от *носить* — *носитель* (“деятель”), а от *поднести* — *подносчик* (то же) (Каменец-Подольский).

Таким образом, стремление (неосознанное) сохранить систему словообразовательных оппозиций присутствует, но реализуется доступными “смешанному” билингову методами. Указанная “палитра” отступлений от нормативного словообразования в сфере сохранения (или несохранения) грамматических значений связана с более слабым осознанием “средним” билингом характера грамматических значений по сравнению с лексическими и словообразовательными. На них нередко наслаиваются еще и структурно-словообразовательные нарушения, в результате чего появляются такие формы, как *вырезник* (от *вырезать*), *пошивник* (от разг. проф. *пошивать*) (Каменец-Подольский) или же *пошилщик* (Луцк). Даже беглый анализ этой группы явлений свидетельствует о ее крайней неустойчивости в языке билингов, отражающей определенную неустойчивость ее и в нормативном языке, и в конечном счете позволяет прогнозировать дальнейшие процессы ее разрушения, что связано с определенным переосмыслением в современном русском языке глагольных значений в производных именах по сравнению с историческим периодом — процессы нивелирования этих значений.

Процессы стирания в сознании говорящих некоторых грамматических значений происходят не только в ненормативной речи, но иногда и в нормативной, приводя к словообразовательным передвижкам и к сдвигам в функционировании некоторых структурно-грамматических категорий в целом. Наиболее ярким примером такого сдвига может служить явление, нашедшее повсеместное развитие как в русском, так и в украинском языке и относящееся к функционированию прилагательных, в частности формированию в них некоторых форм степеней сравнения. Так, в последнее время даже в речи образованных представителей общества, как в русской, так и в украинской, все чаще можно услышать следующие формы: рус. *наиболее оптимальный вариант, более четче обрисованы, одна из самых страннейших*, укр. *більш конкретніший, дуже величезна*. Другими словами, говорящий стремится к усилению выражения степеней сравнения прилагательных (и наречий) добавочными языковыми средствами различного плана: смешивая параллельные способы выражения сравнительной или превосходной степени (ср. *более четко* и *четче*, давшие контаминированную форму: *более четче*), используя в описатель-

ной форме вместо положительной сравнительную степень, включая наречные слова определенной семантики и т. п. Истоки этих форм — в ненормативной речи, но база их проникновения в нормативную сферу функционирования и русского и украинского языков — в угасании в сознании говорящих грамматического значения сравнительной и превосходной степени прилагательных, стремление к усилению признака путем нанизывания дублирующих форм.

Угасание, стирание в языке определенных семантических значений — явление закономерное, и в данном случае следует говорить об общей тенденции в русском и украинском языках как о результате существования у билингвов общей семантической системы, нежели о каких-либо внешних взаимовлияниях.

В плане методическом ослабевание, угасание грамматических и других значений в процессе словопроизводства, которое приводит к нарушению словообразовательных связей между словами, означает, что те методики, которые базируются на структурных взаимосвязях слов, то есть на изучении словообразовательных гнезд, цепочек и т. д., систематизация материала по формальным связям — в данном случае неприменимы. Семантика остается основным звеном в идентификации анализируемых форм. Словообразовательной идентификации слов препятствует также такое явление, как ослабление семантической функции префиксов, обладающих, как известно, наряду с лексическим также грамматическим и словообразовательным значениями (ср. при смешанном билингвизме *свесить* вместо *взвесить*, *зайти в комнату* вместо *войти* и т. д.).

Большое поле для изучения взаимодействия лексической, словообразовательной и грамматической семантики представляют наименования детенышей животных и птиц (значение невзрослости), — возьмем хотя бы такие образования, как *чаеня* и *чаечка*, *воробьишко*, *голубчик*, где деминутивные (лексические) значения подменяют значение словообразовательного суффикса: ср. также *воробьята*, *воробьенок* (Луцк), *ягненки*, *чайченята* (Миргород), где деформирована русская литературная модель под влиянием других аналогичных форм.

Даже весьма беглый взгляд на функционирование словообразовательных форм в условиях смешанного билингвизма (который, к сожалению, следует признать преимущественным по распространенности в Украине) свидетельствует о том, что изучение

Г. Словообразование имен существительных

этих процессов может и должно основываться прежде всего на различных семантических данных.

В формальной же структуре многих моделей в живой устной речи в условиях слабой нормативности владения литературной речью наблюдается размывание и расшатывание основных нормативно-литературных принципов построения системы словообразования. Тем самым тезису о взаимообогащении языков (прежде всего — в области лексики) в условиях родственного двуязычия при нормативном их использовании можно противопоставить положение о негативных результатах такого взаимодействия при низкой языковой культуре, при ненормативном использовании языка, что сказывается в первую очередь на структурных его формах, более глубинных, нежели лексика. И как естественный вывод — первоочередность задачи непрекращающейся борьбы за речевую культуру обоих языков, представляющую часть общей культуры общества.

II. АДЪЕКТИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Словообразовательные системы близкородственных русского и украинского языков характеризуются преобладанием сходств над различиями, обусловленным как их генетической общностью, так и межъязыковыми контактами. Основной набор деривационных формантов, участвующих в образовании прилагательных, в обоих языках совпадает. Различия проявляются в их функциональной нагрузке, синтагматических характеристиках, степени словообразовательной активности. В отличие от типологически различных языков в языках близкородственных “между тождеством и различием нет столь резкой границы, — подчеркивает В. Страхова, — скорее здесь имеет место постепенный переход от тождества к различию”¹.

Словообразовательные системы прилагательных русского и украинского языков характеризуются также тождественными деривационными связями, в адъективное словообразование вовлекается общий круг производящих основ; высокую степень словообразовательной активности проявляют тождественные лексико-семантические разряды производящих единиц; совпадает набор способов адъективного словообразования; спектр значений, передаваемых структурно-семантическими разновидностями производных прилагательных, а нередко и их комбинаторика в пределах единиц соотносительных словообразовательных типов адъективов русского и украинского языков также аналогичны.

В последние десятилетия в словообразовательных системах восточнославянских языков отмечается усиление конвергентных явлений² в связи с увеличением числа общих номинаций, производящих структурно-однотипные производные, а также в результате общей тенденции к агглютинативности, проявляющейся, в частности, в укреплении и распространении интерфиксальных структур.

¹ *Страхова В.* Модель сопоставительного анализа словообразовательной системы // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. — М., 1986. — С. 95.

² *Зверев А.Д.* Словообразование в современных восточнославянских языках. — М., 1981. — С. 193.

Специфика словообразовательной структуры прилагательного состоит в том, что состав относительных (за редким исключением), качественных (за исключением адъективов первой степени образования) и всех притяжательных прилагательных представлен производными единицами.

Прилагательные связаны деривационными отношениями с именем существительным, глаголом, наречиями и предлогами, местоимения реже участвуют в словопроизводстве прилагательных и выступают непосредственно мотивирующими немногочисленной группы производных адъективов. Семантически специализированные качественные прилагательные образуются от прилагательных с нейтральным качественным значением.

Способы словообразования прилагательных в русском и украинском языках. Имена прилагательные образуются способами аффиксации, сращения, а также смешанными способами: префиксально-суффиксальным, суффиксально-сложным, сращением в сочетании с суффиксацией. Наиболее активным способом словообразования прилагательных в русском и украинском языках является суффиксация.

Инвентарь словообразовательных формантов. Набор словообразовательных формантов в сопоставляемых языках представлен суффиксами грамматической адъективности, оформляющими относительные прилагательные (присубстантивными и приглагольными); суффиксами качественных прилагательных (присубстантивными, приглагольными и адъективными); префиксами; аффиксоидами.

Состав препозиционных словообразовательных формантов представлен исконными и заимствованными (интернациональными) морфемами:

- префиксы с функцией замещения: а-, анти-, до-, дез-, дис-, контр-, ир-, ре-, про-, квази-, лже-, псевдо-; противо-, не-, без-, пра-, под- и их украинские соответствия;

- префиксы с функцией конкретизации: за-, пре-, над-, гипер-, экстра-, супер-, архи-, ультра-, бес- (без-), внутри-, до-, после-, меж-, между-, на-, над-, не-, небез-, под-, пре-, перед-, при-, противо-, по- и их украинские соответствия: без-, поза-, внутрі-, внутрішньо-, до-, за-, між-, mezi-, на-, над-, не-, небез-, під-, пре-, перед-, при-, проти-, понад-, через-.

Комплексные словообразовательные морфемы имен прилагательных русского языка и их украинские соответствия:

небез-...-н-, небес-...-н- // небез-...-н-; про-...-ск-, про-...-анск-, про-...-ическ-, про-...-н- // про-...-ськ- (-зьк-), про-...-анськ-,

про-...-н-; с-(со-)...-н- // спів-...-н-, су-...-н-; транс-...-н-, транс-...-альн-, транс-...-ов-, транс-...-ск-, -евск-, -ическ-, -ийск- // транс-...-н-, транс-...-ов-, транс-...-ськ-, -ійськ-¹.

А. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ АДЪЕКТИВЫ

1. ОТСУБСТАНТИВНЫЕ АДЪЕКТИВЫ

Словообразовательные средства морфологизации атрибутивных значений, выражаемых именем существительным в присубстантивной позиции, выступают способом формально-грамматических преобразований атрибута и его закрепления в позиции перед определяемым существительным². Исходные, базовые единицы десубстантивных адъективов семантически неоднотипны³ и обуславливают семантическую неоднотипность производных.

Особое место среди десубстантивных адъективов по характеру, диапазону выражаемых значений и их взаимодействию в пределах производной единицы занимают прилагательные, образованные от личных существительных. Семантический признак лица/не-лицо выступает релевантным признаком организации различных языковых уровней: он проявляется в различных семантических функциях одушевленных и неодушевленных семантем предиката на собственно семантическом уровне предложения и учитывается в классификационных построениях семантических типов предикатов и видов субъектов; значение лица маркируется в словоизменительной парадигме существительного; нередко проявляется и в словообразовательной маркированности однокоренных производных образований, в частности — адъективов, ср.: *зрительский интерес, зрительская масса, зрительский зал* в значении “зрители” и *зрительный зал* — “помещение” // *освітній заклад* — *освічена людина*.

Противопоставленность лица/не-лица в древнерусском языке отражается в структурно-семантических разновидностях десубстантивных прилагательных: суффиксы *-ов-/-ев-, -ин-, -ск-* взаимодействовали только с основами личных существительных раз-

¹ Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. — К., 1982. — С. 173—175.

² Русанівський В.М., Вихованець І.Р., Городенська К.Г. Формально-семантична структура речення. — К., 1986. — С. 134.

³ В.В. Виноградов выделяет 9 значений присубстантивного родительного падежа существительных. См.: Русский язык: Грамматическое учение о слове. — 2-е изд. — М., 1972.

личных семантических разрядов; суффикс **-а-** в собственно посессивной функции выступал в ограниченной группе производных, образованных в основном от названий лиц по родственным отношениям¹. Исключение в этом плане составляет суффикс **-ий (-j-)**, который взаимодействовал как с основами существительных — названий животных, так и названий лиц²; возможно, указанные синтагматические свойства форманта обусловлены негативно-оценочным значением существительных³.

1.1. Прилагательные с посессивным значением

Морфологизированные определения, указывающие на признак предмета по его принадлежности лицу, от названия которого они образованы, являются одним из средств формально-грамматической репрезентации отношений посессивности и соотносятся с конструкциями с родительным принадлежности⁴.

Братов мотоцикл ← мотоцикл брата ← Брат имеет мотоцикл (Мотоцикл принадлежит брату; У брата есть мотоцикл).

Соотношение конструкций с притяжательным прилагательным и родительным принадлежности на протяжении истории русского языка менялось: с XVI—XVII вв. — периода становления русского национального языка — наблюдается преимущественное употребление родительного притяжательного в книжных стилях, уменьшение количества притяжательных прилагательных. К середине XIX в. притяжательные прилагательные перешли в разряд стилистически окрашенных языковых средств, чему способствовал ряд собственно языковых факторов, в то время как родительный принадлежности занял господствующее положение в научном и деловом стилях.

Преобладание форм родительного падежа существительных над адъективными конструкциями в передаче значения личной принадлежности и снижение употребительности последних характерны для современных русского и украинского языков. В связи с этим существует точка зрения, согласно которой словообразова-

¹ Трубецкой Н.С. О притяжательных прилагательных (Possessiva) старославянского языка // Сборник у част. А. Белића. — Београд, 1937. — С. 17.

² Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. — М., 1969. — С. 160.

³ Трубецкой Н.С. Указ. соч. — С. 19; Грищенко А.П. Прикметник в українській мові. — К., 1978. — С. 164.

⁴ Безпояско О.К., Городенська К.Г. Морфеміка української мови. — К., 1987. — С. 160.

тельная категория притяжательности является категорией “отмирающей”. Такой трактовке противоречит ряд отмеченных А.Д. Зверевым фактов: ограничения в словообразовании притяжательных прилагательных известны всем славянским языкам, в том числе и таким, в которых анализируемые единицы широкоупотребительны (чешский, словенский, сербохорватский)¹, отсутствие однозначных соответствий различных языковых средств выражения значения индивидуальной принадлежности в определенных синтаксических условиях, препятствующих замене адъективной конструкции конструкцией с родительным принадлежностью². Из этих фактов вытекают два важных вывода, сформулированных А.Д. Зверевым: 1) об отсутствии непосредственной связи между словообразовательной пассивностью притяжательных прилагательных и ограничением адъективации основ существительных; 2) о только теоретически существующей возможности замены каждого притяжательного прилагательного формой родительного падежа мотивирующего существительного³.

Хотя в современных русском и украинском языках произошло сужение сферы использования притяжательных прилагательных, в языке художественной литературы и разговорной речи они сохраняют продуктивность и, по наблюдениям С.В. Фроловой, даже активизируются в разговорной речи: “Лично-притяжательные прилагательные являются живой и продуктивной категорией в тех общественных сферах, где господствует личное собственное имя, а не фамилия человека. Это область семьи, тесно спаянных коллективов, часто объединенных производственными отношениями или школьно-вузовской жизнью”⁴. Поэтому адекватной языковой действительности представляется другая точка зрения на место и роль притяжательных прилагательных, согласно которой в современных русском и украинском языках, “происходит не вы-

¹ Регулярность словообразовательных связей существительных лица и адъективных производных, выражающих значение принадлежности в старославянском и польском языках, отражается в трактовке их лингвистического статуса как элементов субстантивной парадигмы, представленной в работах Н.С. Трубецкого.

² Анализ условий предпочтительного употребления адъективных и субстантивных средств выражения значения индивидуальной принадлежности см.: Зверев А.Д. Указ. соч. — С. 124.

³ Там же. — С. 124—125.

⁴ Фролова С.В. Двойственность природы притяжательных прилагательных в современном русском языке // Научные труды Куйбышевского пединститута. — Куйбышев, 1972. — Т. 103. — С. 37.

мирение и даже не угасание категории притяжательности, а стилевое размежевание прилагательных на **-ов/-ев** и других прилагательных, а также родительного принадлежности: формы на **-ов/-ев** уступили место родительному принадлежности в официально-деловом стиле, но сохранили свою актуальность в разговорной речи и в языке художественных произведений. Притяжательные прилагательные на **-ов/-ев, -ин** перестали быть нейтральной категорией слов, оказавшись оттесненными в область, где господствуют языковые средства, отличающиеся непринужденностью и стилистической подчеркнутостью”¹.

В художественных текстах используются адъективы, мотивированные существительными как мужского, так и коррелятивно-женского рода, обозначающими лицо по роду деятельности, социальному положению. Напр., *ювелирша* “жена ювелира” — *ювелиршина*: *Он упал в обморок в ювелиршиной квартире, испуганный фокусом Коровьева* (М. Булгаков).

Основы существительных женского и мужского рода I склонения в сопоставляемых языках оформляет суффикс **-ин (-ын) // -ин (-їн)**.

В обоих языках прилагательные с суффиксом **-ин** образуются от собственных имен лиц, в том числе уменьшительно-ласкательных, презрительно-уничижительных, нарицательных — нейтральных и с суффиксами субъективной оценки: *сестра* — *сестрин*, *сестричка* — *сестричкин*, *сестрица* — *сестрицын*, *мамин*, *материн*, *бабушкин*, *дочкин*, *соседкин*, *ведьмин*, *дядин*, *старостин*, *воеводин*, *княжнин*; *царицын*, *портнихин*, *графинин*, *царевнин*, *директоршин*, *ювелиршин*, *колдуньин*, *актрисин*; *Иринин*, *Танин*, *Володин*, *Колин*, *Валькин*, *Андрюшкин*, *Шурочкин*, *Марийкин*, *Петенькин*, *Петечкин*; *дядюшкин*, *мамочкин*, *маменькин*, *бабусин*, *бабулин* // *свекрушин*, *дочкин*, *невістчин*, *сусідчин*, *удовин*, *головин*; *Федорин*, *Хомин*, *Миколин*, *Вакулин*, *Настин*, *Зінаїдин*, *Наталчин*, *Ганнин*, *Надійн*, *Марійчин*; *бабусин*. Суффикс **-ин** оформляет также словоизменительную основу существительных III склонения *мать* // *мати*: *матери*, *материн* // *материн*.

Словообразование русских и украинских притяжательных прилагательных, оформленных суффиксом **-ин**, характеризуется морфонологическими и в меньшей степени акцентологическими различиями: в украинском языке конечные согласные основы **г, к, х** чередуются с **ж, ч, ш**: *дочка* — *дочкин*, *сусідка* — *сусідчин*, *Ме-*

¹ Зверев А.Д. Указ. соч. — С. 123.

лашка — Мелашчин (рус. дочка — дочкин, соседка — соседкин, Мелашка — Мелашкин). В украинских прилагательных, образованных от существительных женского рода I склонения с ударением на последнем слоге, ударным является окончание: *сестра* — *сестрин*, *сестрина*, *сестринé*, *сестрині* (ср. рус. *сестра* — *сестрин*).

Посредством суффиксов **-ов (-ев) // -ів (-ов)** оформляются прилагательные, образованные от ограниченного круга существительных мужского рода II склонения: а) нарицательных: *отцов*, *братов*, *сынов*, *внуков*, *дедов*, *стариков*, *купцов*, *свекров*, *государев*, *учителей*, *бригадиров*, *конюхов*, *слесарев* // *батьків*, *синів*, *братів*, *учнів*, *свекрів*, *дядьків*; б) собственных: *Иванов*, *Сергеев*, *Андреев*; уменьшительных форм собственных имен: *Шуриков*, *Богданчиков* // *Іванів*, *Сергіїв*, *Василів*, *Данилів*, *Павлів*, *Петрів*, *Вікторів*, *Віталіїв*, *Пилипів*, *Гайдарів*, *Кайдашів*, *Олексіїв*; *Петриків*.

В отличие от русского адъективного словообразования, в украинском языке шире представлены прилагательные со значением индивидуальной принадлежности, образованные от собственных имен лиц: *Гайдар* — *Гайдарів*, *Кайдашів*, *Олексіїв* и др.

В художественной речи образования от существительных других семантических разрядов, в частности собственных имен — названий географических объектов, оформленные специализированными посессивными формантами **-ов (-ев), -ин (-ын) // -ів-, -ов (-ев), -ин (-ін)**, являются одним из средств выражения персонификации: *І море ревнуло Босфорову мову*, *І Лиман погнало*, *а Лиман Дніпрові Тую журбу-мову на хвилі подав* (Т. Шевченко).

Значение индивидуальной принадлежности выражают также характерные для языка фольклора прилагательные, образованные от названий животных и птиц, которые наделяются человеческими качествами: *Вернулся Иван-царевич*, *взял лягушкину кожу да и бросил ее в огонь* (Рус. нар. сказки); *шестидюймовка Авророва* (В. Маяковский); *Эльбрусовы стремнины* (Г. Некрасов); *В срубках мохнатых и темных Странные есть мужики. Выйдет такой в бездорожье*, *Где разбежался ковыль*, *Слушает крики Стрибожьи*, *Чуя старинную быль* (Н. Гумилев) // *Летять та й летять*, *прилітають до орлового дядька*; *Проте всі її зміною дочкою вважали*; *Тих же невісток рушники так собі*, *простенькі*, *цар на кухню повіддавав*, *а жабин у себе в кімнаті почепив* (Укр. нар. казки); *А сила Сатурнова* *іде та йде і гріх той праведний плете* (Т. Шевченко).

Значение индивидуальной принадлежности лицу способны передавать прилагательные на **-ий**: *вдовий*, *княжий*, *пастуший*, *патриарший*, *внучий*, *плотничий* // *удовий*, *княжий*, *пастуший*; *девчачий*, *ребячий* // *дитячий*, *дівчачий*, *баб'ячий*. Однако эти прилагатель-

ные специализируются на выражении значения родовой относительности и являются периферийными средствами выражения индивидуальной принадлежности; это же значение могут иметь прилагательные на **-ний // -ній**: *братний, мужний, супружний* (разг.), *дочерний, матерний, сыновний // братній, матерній, дочірній*.

Только в русском языке представлена структурная разновидность прилагательных с посессивным значением, образующихся от существительных — названий лиц по родственным отношениям с помощью суффикса **-нин**: *братнин, мужнин, зятнин, девернин, дочернин* (устар.).

Формант **-ий // -ій** в лексемах *матерний, братний // матерній, братній* выступает в словообразовательной и словоизменительной функциях. С формальной точки зрения структура производных включает производящую субстантивную основу, суффикс **-н-** и флексию **-ий // -ій**. Суффикс **-н-** является средством транспозиции субстантивной основы в категорию прилагательного и не несет семантической нагрузки; он квалифицируется как асемантическая единица, прокладка. Оттенок посессивности рассматриваемым производным придает именно синкретичный формант **-ий**, что дает основания сделать вывод о конденсации, объединенной в нем словообразовательной и словоизменительной функции. Способы передачи посессивных и категориальных грамматических значений прилагательного в лексемах с этими формантами *братний, матерний* определяется исследователями как проявление тенденции языка к аналитизму.

Синкретичность функций аффикса ведет к поиску и выработке языковых средств их размежевания. Это находит выражение в возможности замены одного типа формально-грамматического представления посессивного значения словообразовательными приемами с синкретичными аффиксами другим типом репрезентации средствами того же уровня с размежеванием функциональных признаков, сравним разноструктурные однокорневые производные: *матерний — материнський, братний — братерський*. Замена синкретичного форманта **-ий // -ій** полифункциональным **-ск- // -ськ-** сопровождается семантическими трансформациями, **-ск- // -ськ-** обуславливает семантический оттенок ослабленной посессивности. Выражая посессивные отношения в составе производных с семой 'лицо', этот суффикс функционально сближается с посессивными суффиксами **-ов (-ев), -ин (-ын) // -ів (-ов), -ев, -ин (-їн)**.

На периферии словообразовательного поля посессивности находятся прилагательные с суффиксом **-ск- // -ськ-**, который взаимодействует с той же семантической разновидностью произ-

водящих основ. Структурно-семантическая разновидность относительных прилагательных, образованных от существительных — названий лиц с помощью этого суффикса, фиксируется в древнейших славянских текстах параллельно с образованиями на **-ов (-ев)**, в которых они употребляются в значении индивидуальной принадлежности¹. Функционирование прилагательных с **-ск- // -ськ-** как средство выражения посессивных значений прослеживается и в текстах русского и украинского языков первой половины XIX в. К концу XIX в. активность их употребления снижается, сужается сфера их использования, однако способность участвовать в передаче собственно посессивных значений, обусловленная семантикой производящих основ, сохраняется.

Собственно посессивы и адъективы с суффиксом **-ск- // -ськ-** различаются функционально-семантическими характеристиками, спектром передаваемых значений представляют различные структурно-семантические разновидности отсубстантивных прилагательных. Наряду с отличиями структурного и семантического планов указанные разновидности производных адъективов характеризуются рядом общих черт: 1) они выступают единицами разговорной разновидности анализируемых языков, употребляются в художественно-публицистических стилях в целях адекватного отражения разговорно-языковой стихии; 2) характеризуются потенциальными регулярными деривационными связями с существительными, обозначающими лицо.

Полная идентификация суффиксов **-ов (-ев) // -ів** и **-ск- // -ськ-** в производных адъективах русского и украинского языков прослеживается спорадически, так как основной функцией образований со **-ск-** является не посессивная, а посессивно-относительная: *сосед — соседов, соседский*. В русском литературном языке форма *соседский* передает значение индивидуальной принадлежности: *соседские дети, соседский огород: Раз, перед вечером, он ехал с почты через пустую соседскую усадьбу, стоявшую в старом парке* (И. Бунин) // *На драбину вискочив сусідський жовтогарячий півень* (Ірина Вільде); *Перестала вона слухати сусідову мову і знов здивилася на шлях* (Марко Вовчок).

Наряду с производными адъективами со **-ск- // -ськ-**, которые преимущественно употребляются в собственно посессивном зна-

¹ А.П. Грищенко отмечает, что “в староукраинском языке действовала тенденция выражения признака отношения индивидуальной принадлежности при помощи адъективных производных на **-ск-**”. См.: *Грищенко А.П. Прикметник в українській мові*. — К., 1978. — С. 168.

чении (как рус. *соседский*), это значение передается любым отперсональным производным с указанным суффиксом: *Другим, к примеру, что барская скотина? Сыта — хорошо, нет — черт с ней* (И. Бунин) // *Все батьківське добро, по українському звичаю, припадало меньшому синові* (І. Нечуй-Левицький).

Значение “авторства”, регулярно передаваемое адъективами, образованными от фамилий при помощи посессивных суффиксов **-ов (-ев)** (*эйштейнова теория*), так же регулярно выражается в прилагательных, образованных от собственных имен и фамилий на **-ин, -ов** посредством суффикса **-ск-** // **-ськ-**, наряду с другими значениями: *В подделках выхолащивалось главное — сатирический дух ершовской сказки* (Л. Михеева) // *Глібовська байка*.

Семантическая структура словообразовательного поля посессивности

Существует широкое и узкое понимание посессивных отношений. “Притяжательные прилагательные, — пишет А.П. Грищенко, — как отдельный структурно-семантический тип в рамках соответствующего класса слов рассматриваются в широком плане. В один ряд попадают фактически все без исключения производные, образованные от основ существительных — названий живых существ, хотя в узком понимании посессивные отношения связаны только с названиями лиц”¹. Ядро словообразовательной категории притяжательности составляют адъективные образования от имен существительных со значением лица с собственно посессивными суффиксами **-ов (-ев), -ин** // **-ів, -ов (-ев), -ін (-їн)**.

В адъективном словообразовании сопоставляемых языков выделяются суффиксы, связанные со значением “прямой принадлежности”. Однако адъективные структуры, оформленные суффиксами, которые “постоянно связываются со значением прямой принадлежности”, в современных русском и украинском языках обладают способностью выразить не только значение индивидуальной принадлежности, но и другие виды адъективных значений: родовой принадлежности и даже значение подобия, свойственности, — хотя “оттенок личной притяжательности прочно удерживает их на строго определенном месте в словообразовательной системе прилагательных”².

¹ Грищенко А.П. Зазн. праця. — С. 146.

² Зверев А.Д. Указ. соч. — С. 120.

В то же время прилагательные с собственно относительными суффиксами участвуют в передаче значения личной принадлежности наряду с относительными значениями.

Структурно-семантические типы притяжательных прилагательных передают следующие значения: индивидуальной принадлежности вещи, свойства лицу (основное значение), части целого, совместности, индивидуализированного признака, авторства, субъектные и объектные значения, семейно-родственные отношения, значение родовой принадлежности и свойственности¹.

Примеры употребления адъективов в указанных значениях:

а) значение индивидуальной принадлежности: *Вспомнил я отцовский дом, Ущелье наше и кругом В тени рассыпанный аул* (М. Лермонтов); *В комнату вошла шестилетняя Зина.. в накинутом на голову большом материнном платке* (В. Вересаев); *Наташа, в коротенькой юбке.. и в материнской кофточке, подбежала к Соне* (Л. Толстой) // *У батрацькій вбогій хаті Народився я на світ* (І. Нехода); *В городах “свинку” ми ковіньками ганяли у материнських кофтах, чоботях батьків* (В. Сосюра); *В Марії якось сітка сама з плеча впала. Кинула її на стіл, на купу дівчачої одежі* (А. Головка); *Кулею черкнуло Чернишевого коня* (О. Гончар);

б) значение свойственности: *“История небольшая, но, вне всякого сомнения, амурная”, — сказал Георгий Иванович со своей девичьей улыбкой* (И. Бунин) // *Упився. От що зробив ти мені своєю не так писанкою, як братнім щирим словом* (Т. Шевченко);

в) персонифицированный признак (в сочетании с абстрактными существительными, обозначающими свойства человека): *“Знаешь, что это за человек?” — ликующим шепотом спросила Катя, восторгаясь Сашкиной честностью* (Демьян Бедный) // *Та все-таки, на комендантове щастя, трапився документ, який мав велику цінність* (Р. Андріяшик);

г) субъектное значение: *Со дня Тосиноного приезда прошло уже две недели; впрочем, Варя не догадывалась, какую роль при этом сыграло Полино опасение вторично оказаться в соседстве с Грацианским* (Л. Леонов); *Крик Дементьева ринулся вдогонку за Анфисиним* (Демьян Бедный); *Она чувствовала, конечно, эту влюбленность в нее и Никиты, и Сергея, и даже Володину — отроческую и смешную* (Ю. Гончаров) // *Після цього на Парасчин окрик з порога вернувся* (В. Бабляк); *Але гіркота зосталась навіть від того рюкзака, що якось зневажливо блиснув до неї зі спини студентової, коли той.. подався через огороди* (О. Гончар).

¹ Зверев А.Д. Указ. соч. — С. 97.

Выражаемые адъективными конструкциями субъектные значения, как показывают приведенные здесь примеры, поддаются дальнейшей детализации. Более дробные субъектные значения possessивов могут быть выделены на основе классификации видов субъектов и семантических типов предикатов соотносительных с адъективными сочетаниями развернутых синтаксических структур;

д) объектные значения (угасающая в восточнославянских языках функция, переходящая к конструкции с родительным объекта и глагольно-именным сочетаниям), за прилагательными сохраняется возможность их выражения¹, которая реализуется в языке художественных произведений и разговорной речи: *“Года у нее кое-какие есть”*, — *встал Илья на Тосину защиту* (Демьян Бедный) // *Після синового арешту він, здавалося, мав би зневіритись та й замовкнути, але з ним цього не сталося* (А. Головка); *Навіть місце Гафійного розстрілу за другим мостом стало для неї найдорожчим* (В. Бабляк);

е) семейно-родственные отношения: — *Только про какую Аленку ты говоришь? — Понятно, про лесникову, — сказал староста. — Да ай вы ее не знаете? Невестка нового лесника* (И. Бунин); *Дьяконов сын, семинарист, приехавший в село к родителям на каникулы, проснулся однажды в темную жаркую ночь* (И. Бунин);

ж) близкое к последнему значение совместности: *Марьин спутник, князевы слуги, отцов друг; — Вот, полюбуйся на орлов! — закричал начальник штаба. — Твои и Нестеренкины!* [от фамилии Нестеренко] (Г. Бакланов) // *Найвища група дерев стала навпроти Сагайдиного взводу* (О. Гончар);

з) значение авторства: *Эйнштейнова теория, Шекспировы трагедии, Далева система, Левитановы шедевры, эвклидова геометрия, коховы палочки, рентгеновы лучи*² // *Довженків сценарій*;

и) значение родовой принадлежности формируется в результате адъективации основ нарицательных имен существительных единственного числа, выступающих в классифицирующей функции. Мотивирующими выступают наименования лиц по роду дея-

¹ Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. — М., 1973. — С. 290.

² В сопоставляемых языках представлен ряд общих словосочетаний с адъективами с притяжательными суффиксами, образованными от личных имен — в основном географических названий, а также фразеологизированных адъективно-субстантивных конструкций, в которых адъектив утратил значение индивидуальной принадлежности. См.: Сучасна українська літературна мова. Кн. 2: Морфологія. — К., 1969. — С. 199—200.

тельности, социальному статусу: *Хоть и крепко присосались к хлебоборовой шее разные ваши,.. а приспееет время, ажник черт их возьмет* (В. Шукшин); *Если повалит кто из улымчан крупного зверя, то непременно несет в учительские и врачевы квартиры* (В. Липатов) // *Вдовині сльози.*

Таким образом, адъективы рассматриваемого типа в русском и украинском языках передают общий диапазон значений. Среди структурных разновидностей производных прилагательных в сопоставляемых языках выделяются основные, продуктивные типы прилагательных, представленные в русском языке образованиями с суффиксами **-ов (-ев), -ин (-ын)** и в украинском **-ів (-їв), -ин (-ін)**, распределение которых обуславливается грамматическими характеристиками мотивирующих существительных; к периферийным средствам выражения значения индивидуальной принадлежности относятся общие для сопоставляемых языков словообразовательные типы адъективов на **-ий, -ний // -ній**, с суффиксом **-ск- // -ськ-**.

1.2. Адъективы, мотивированные названиями животных

Значение отнесенности к животному выражается в сопоставляемых языках производными адъективами с суффиксами:

1) **-ов- (-ев-)**: моржовый, китовый, слоновый, тигровый, бобровый, горностаевый, сельдевый // форелевый, воловий, зубровый, буйволобий, песцевый, моржевий, китовый, тигровый, страусовый, павичевый, тюленевый, вугровый, слоновый;

2) **-ин- // -ин- (-ін-)**: львиный, орлиный, лошадиный, змеиный, мышинный, комариный, гусиный, воробьиный, куриный, карасиный, глухаринный, мошкаринный, утиный, индюшинный, лягушинный, совиный, кротинный, петушинный, крысиный, грачиный, соловьиный, соколиный // буслиний, зміїний, козлиний, перепелиний, голубиний, журавлиний, левиний, джмелиний, яструбиний, павиний, бджолиний, чаплиний, козиний, лосиний, чайний, солов'їний, соколиний;

3) **-н-**: конный, рыбный, гусеничный, устричный, килечный, канареечный, улиточный, скворечный // кінний, куничний, устричний;

4) **-ск- // -ськ-**: конский, свиный // кінський, свинський;

5) **-ачий (-ячий)**: бычачий, гагачий, кошачий, медвежачий, лягушачий, утячий, щеглячий, куричий (прост.) и курячий (прост.) // баранячий, гагарячий, волячий, карасячий, риб'ячий, крокодилячий, пташачий, білужачий, козячий, козячий, конячий, осячий, черепашачий, рачачий, росомашачий, лисячий, мишачий, фазанячий, голуб'ячий, ластів'ячий;

б) на **-ий** // **-ий (-ій)**: *лисий, птичий, бараний, рыбий, волчий, медвежий, слоновий, кротовий, сомовий, нерпичий, попугайчий, куриный, овечий, рачий, бульдожий, черепаший, верблюжий, коровий, козий, заячий, горличный, галочий, стрекозий* // *овечий, птичий, щучий, вовчий, верблюжий, папужий, стерляжий, ведмежий, перепеличий, орлий*.

Адъективы на **-ий, -ачий** в русском и украинском языках отражают различные последствия взаимодействия праславянского суффикса **-а-** и представляют собой разные словообразовательные типы.

Русские адъективы на **-ий** сохраняют суффикс **-й-/-|j|-** и смешанный тип склонения с йотовыми формами косвенных падежей: *лисий, лисья, лисье, лисьи, лисьего, лисьей, лисьих*. Исключение составляет “безйотовая” форма *орлий*, где **-ий** выступает флексией после основы, оканчивающейся сочетанием согласных. В русских производных адъективах на **-ий** выделяется суффикс **-й** и чередование как дополнительное средство, отличающее производную основу от производящей.

Украинские адъективы на **-ий** представляют собой “безйотовые” структуры, в которых **-й** слился с конечным согласным основы местоименного склонения, и образуются от существительных чередованием согласных производящих основ перед окончанием **-ий (-ій)**¹.

Суффиксы **-ач- (-яч-)** и **-ин-** в украинском языке закрепились после основ на губные, свистящие и сонорные: *козячий, рисячий, коров'ячий, курячий, фазанячий, собачий, журавлиний*.

Эти фонетические факторы не ограничивают синтагматическую сочетаемость суффикса **-ий-/-|j|-** с субстантивными производящими основами в русских производных адъективах.

В русском языке адъективы на **-ий** представлены шире, чем в украинском: эта структурная разновидность в украинском языке лучше сохранилась в тех случаях, когда субстантивные основы оканчиваются на согласные **г, к, х, ц**: *папужий, овечий, бичий, лисячий, щучий, собачий, сорочий, перепеличий*. Несколько лучше адъективы на **-ий** сохранились в украинской диалектной речи; в процессе взаимодействия изофункциональных формантов происходит ограничение грамматической сочетаемости окончания **-ий**.

¹ Баранник Д.Х. Лексико-граматичні категорії якісних прикметників // Лінгвістичний семінарій. Тези доповідей. — Дніпропетровськ, 1966. — С. 29—32; Грищенко А.П. Зазн. праця. — С. 161.

В русском языке формы на **-ачий (-ячий)** менее продуктивны, чем в украинском; многие все чаще присоединяют суффикс **-ин-**: *соболий — соболиный* и др.

Для обоих языков характерно параллельное функционирование структурных разновидностей относительных адъективов. По мнению исследователей, широко представленная в украинском языке словообразовательная синонимия адъективов, образованных от названий животных, птиц, рыб при помощи суффиксов **-ов- (-ев-), -ин- (-ін-), -ач- (-яч-)**, а также морфонологическим видоизменением предфлексийных согласных, “свидетельствует о полной семантической нейтральности разноструктурных ... прилагательных”¹, ср.: *соболий — соболиный, бычий — бычачий, куний — куничий, медвежий — медвежачий* (прост.), *форелевый — форельный // туровий — турячий, рачий — рачачий, сорочий — сорочачий, свиний — свинячий, звірячий — звіриний, голуб'ячий — голубиний, соболевий — соболиний* (хутро), *левовий — левиний, лев'ячий, слов'їний — солов'ячий*.

Структурные разновидности производных адъективов способны передавать широкий спектр относительных значений: части целого (*лебединый пух, куриные лапки*), медиативные (*соболя шапка, горностаевое манто, норковая накидка*): *Господин наш вполне опешил еще и оттого, что и во всем прочем совершенно неузнаваемая стала Ида: ..большой скромности, большого кокетства зимняя шапка, на плечах тысячная соболя накидка* (И. Бунин); объектные (*соболиный промысел, рыбный промысел*), субъектные (*соболиный след*), свойственности (*волчьи законы, зверские наклонности, кошачья грация, лисьи повадки*): *Вся прелесть, вся грация, все то неизъяснимое, сияющее и зовущее, что есть в девичьем, в женском, все было в этой немного змеиной головке, в ее прическе, в ее чуть вызывающем и вместе с тем невинном взоре* (И. Бунин).

Русский и украинский языки располагают развитой системой словообразовательных формантов, адъективирующих основы существительных, обозначающих живых существ (названий животных, птиц, рыб). В сопоставляемых языках совпадают непродуктивные разновидности адъективов, образованные с участием суффиксов **-н-, -ск- // -ськ-**. Они представлены немногочисленной замкнутой группой слов. В украинском языке с широким кругом основ взаимодействует суффикс **-ач- (-яч-)**, развившийся после основ на губные, свистящие и сонорные; по словообразовательной активности он соотносится с русскими суффиксами **-ий/-| j |-, -ин-**.

¹ Грищенко А.П. Зазн. праця. — С. 162.

1.3. Материально-вещественные относительные прилагательные

Материально-вещественные прилагательные, определяемые в связи с общей семантикой мотивирующих единиц, представляют собой характерное проявление регулярности связи между соответствующей семантической группой существительных и производными относительными адъективами и последовательно выделяются в славянских языках на основе общего значения производящих, набора словообразовательных формантов, оформляющих производные единицы, общего словообразовательного значения производных, выражающих признак по отношению к предмету, обозначенному производящим словом.

Прилагательные с материально-вещественным значением образуются от существительных, обозначающих химические элементы и вещества, предметы — средства изготовления чего-либо, растения¹, при помощи почти совпадающего набора словообразовательных формантов: *-н-, -ов- (-ев-), -ан- (-ян-), -ист-, -яни- // -н-, -ов- (-ев-), -ан- (-ян-), -ист-, -яст-*.

Адъективы, образованные от существительных — названий химических элементов, реже — веществ, содержат указание на то, что обозначенное производящей основой является основным, но не единственным компонентом чего-либо; выражают значение “содержащий в качестве составной части то, что названо мотивирующим словом”: содержащий азот — *азотистый // азотистий*, содержащий хлор — *хлористый // хлористий*.

Доминантное положение в сопоставляемых языках занимают производные прилагательные, оформленные суффиксами *-ов- (-ев-), -ист- // -ов- (-ев-), -ист-*. Прилагательные с суффиксами *-н-, -ан-/ -ян-* немногочисленны: *фосфористый, фтористый, йодистый, хромистый, хлористый, канифолевый, молибденовый, кварцевый, титановый, никелевый, икряной, колчедановый // фтористый, канифолевый, калієвий, титановий, нікелевий, ікряний, колчедановий* и т. п.

Доминантные в этой группе производных прилагательных суффиксы *-ов- (-ев-), -ист-* характеризуются высокой степенью грамматической сочетаемости с производящими основами существительных, употребление каждого из них не регламентируется структурными и семантическими факторами.

¹ См.: Грищенко А.П. Указ. соч. — С. 158—160; Безпояско О.К., Городенська К.Г. Зазн. праця. — С. 146—148.

В адъективном словообразовании украинского языка в рассматриваемой подгруппе материально-вещественных прилагательных изредка выступает суффикс *-аст-*, эквивалентный русскому суффиксу *-ист-*: *глинистий // глинястий*¹.

Мотивирующими выступают разноструктурные существительные женского и мужского рода, непроездовые и производные, сложения и сложносуффиксальные: *хлор, канифоль, калий, магний // хлор, канифоль, калій, магній* и др.

Другая семантическая разновидность прилагательных, выражающих материально-вещественное значение, представлена тремя структурными типами. Основы существительных адъективируют суффиксы *-ов- (-ев-), -н-, -ан- (-ян-)* // *-ов- (-ев-), -н-, -ан- (-ян-)*; доминантное положение среди суффиксальных средств занимает суффикс *-ов- (-ев-)* // *-ов- (-ев-)*. Суффикс *-ан- (-ян-)* взаимодействует с немногочисленными субстантивными основами с предметными значениями.

1) *-ов- (-ев-)*: *алюминиевый, алебастровый, бронзовый, брильянтовый, восковый, базальтовый, ацетиленовый, анилиновый, медовый, лаковый, селитровый, сафьяновый, рубиновый, шагреновый, холщевый, тканевый, пуховый и пуховой, шёлковый (нар.-поэт. шелкóвый); батистовый, ситцевый, вишневый, гераниевый, гречневый, сосновый, еловый, кедровый, лавровый и лавровый, ячневый, березовый // алюмінієвий, алебастровий, бронзовий, діамантовий, базальтовий, ацетиленовий, аніліновий, медовий, селітровий, сап'яновий, рубіновий, порцеляновий, ситцевий, липовий, калиновий, березовий, полиновий, тютюновий, яблуневий, тополевий, черешневий, акацієвий, туєвий;*

2) *-н-*: *медный, стальной, железный, вязкозный, бархатный, угольный, полимерный, гарусный, сапфирный, саманный, мятный, бисерный, бромный, булатный, шоколадный // мідний, стальний, залізний, віскозний, вугільний, полімерний, гарусний, сапфірний, саманный, м'ятний, бісерний, бромний, булатний, шоколадний, цементний, атласний, винний, вошинний, оксамитний, конюшинний, ожинний;*

3) *-ан- (-ян-)*: *кожанный, глиняный, костяной, земляной, берестяной, ветвяной, ветряный и ветряной, водяной, волосяной, ворсяной, вощаной, дощаной, дровяной, дупляной, жердяной, жестяной, ивяной, избяной, икряной, ледяной, лубяной, льняной, масляный, медвяный, медяный (устар.), мездряной, нефтяной, нитяный, песчаный,*

¹ Безпояско О.К., Городенська К.Г. Зазн. праця. — С. 147.

платяной, плитяной, полотняный, просяной, прутяной, ржаной, росяный и росяной, сельдяной, серебряный, скобяной, толокняный, торфяной, травяной, шерстяной // возняний, дерев'яний, полотняний, пшоняний, скляний, солом'яний, бляшаний, піщаний, сукняний, глиняний, льняний, цегляний, дротяний, бавовняний, конопляний.

В сопоставляемых языках широко представлена словообразовательная синонимия производных адъективов с конкурирующими формантами **-ов-** (**-ев-**) / **-н-** (**-ен-**): ананасный — ананасовый, антрацитный — антрацитовый, смородинный — смородиновый, гипюрный — гипюровый, аквамаринный — аквамариновый, никотинный — никотиновый, парусинный — парусиновый // мрамуровий — мрамурний, чавуновий — чавунний, кварцитовий — кварцитний, імбировий — імбирний, бетоновий — бетонний, графітовий — графітний, інжирний — інжировий, хлорний — хлоровий, фосгеновий — фосгенний, фосфатний — фосфатовий, фосфоритний — фосфоритовий (хим., мин.), багетний — багетовий, гарусний — гарусовий.

Словообразовательные синонимы семантически не различаются. Ср.: багет — багетный; багетовый — “то же, что багетный” (СРЯ I 54); барбарис — барбарисовый: барбарисовый куст, барбарисовое варенье; барбарисный — “то же, что барбарисовый” (СРЯ I 61) // антрацитовий — “прикм. до антрацит” (СУМ I 52); антрацитний — “те саме, що антрацитовий” (СУМ I 51) ¹.

Параллельное функционирование производных с **-н-** и **-ов-** (**-ев-**) обусловливается отсутствием соответствующих ограничений сочетаемости производящих основ и суффикса **-н-** ². Влияние семантических и структурных факторов на выбор форманта не прослеживается, что подтверждается случаями “параллельного функционирования однокорневых, но разноморфемных производных” ³: гарусний черевичок — гарусова плахта: Розплющив [Матюха] очі заспані — над головою кульки блискучі ліжка, від стіни — килим і черевичок голубий із жовтим, гарусний (А. Головка); І вдарив у гарячі ніздрі прілий запах шкіри і перетлілого сукна, кашемірових хусток і гарусових червоних плахт (І. Цюпа); багетні рамки — багетові рамки: По стінах кімнати, у багетних рамках, були розвішані

¹ СРЯ — Словарь русского языка: В 4 т. — М., 1981—1984; СУМ — Словник української мови: В 11 т. — К., 1970—1980.

² Щербатюк Г.Х. Однокореневі прикметники на **-ний**, **-овий** // Морфологічна будова сучасної української мови. — К., 1987. — С. 147.

³ Безпояско О.К., Городенська К.Г. Зазн. праця. — С. 147.

фотографії (Ю. Смолич); *Знайомі обличчя [артистів] усміхалися з багетових рамок* (Н. Рибак).

Внутриязыковая словообразовательная синонимия производных прилагательных проявляется как симметрическая и асимметрическая межъязыковая синонимия. Сравним соотносительные пары однокоренных разноформантных производных в русском и украинском языках: *антрацитовый, антрацитный // антрацитовый, антрацитный; баббитный, баббитовый // бабітний, бабітовий; багетный, багетовый // багетний, багетовий; хлорный, хлористый // хлорний, хлоровий; фосфоритный, фосфоритовый // фосфоритний, фосфоритовий; фосфорный, фосфоровый // фосфорний, фосфоровий* и др.

Асимметрические межъязыковые соответствия: *гарус — гарусный // гарусний, гарусовий; бетонный // бетоновий, бетонний; аквамариновый // аквамариновий, аквамаринний; стальной // сталевий, стальной; мраморный // мрамуровий, мрамурний* и др.

Словообразовательная синонимия, близкая к регулярной, прослеживается в подгруппе производных прилагательных, образованных от существительных — названий растений, синкретично передающих значения “растение” и “плод этого растения”. Межъязыковые соответствия представлены симметричными парами словообразовательных синонимов. Ср.: *ананас — ананас “дерево”, “плод этого растения” (СРЯ I 36) // імбир — 1. Фігове дерево, смоковниця, смоква. 2. Солодкий, м’ясистий плід цього дерева, що вживається звичайно сушенням; фіга, смоква (СУМ XII 29); абрикосовый — абрикосный, ананасовый — ананасный, малиновый — малинный, смородиновый — смородинный // абрикосовий — абрикосний, ананасовий — ананасний, малиновий — малинний, смородиновий — смородинний, імбировий — імбирний, інжировий — інжирний.*

Лексикографическое описание отражает тождественность семантики адъективов, образованных от существительных — названий растений: *ананасовый — то же, что ананасный (СРЯ I 36), смородиновый — то же, что смородинный (СРЯ I 157), малинный — то же, что малиновый 1* в значении “куст” и “ягода”.

Образования с суффиксом *-ов-* (*-ев-*) чаще передают значение “приготовленный из ягод”, с суффиксом *-н-* употребляются в относительном значении целого—части, а также выражают объектные отношения: Ср.: *абрикосовое дерево, абрикосовое варенье — абрикосная косточка (СРЯ I 19), малиновый куст, малиновое варенье* и стилистически маркированная форма *малинный куст, малинное варенье* (разг.); *малинный жук // малинний жук* (энтонимический

термин) (УРС, 355). Украинские *смородиновий* — *смородинний* совпадают в значении “приготовленный из ягод смородины”: *смородинове варення; Господиня в кухні наливає смородинного свіжого вина*; в значении целого—части употребляется форма *смородиновий* — *смородиновий кущ*; адъектив с суффиксом -н- передает объектные отношения “який паразитує на кущах або ягодах смородини”: *На плантаціях смородини проти смородинної златки та склівки кущі обпилюють 2,5-процентним дустом* (Хлібороб України).

Отдельные производные адъективы всех рассмотренных разновидностей развивают качественные значения: *железный гвоздь — железный характер, стальные провода — стальные мускулы; атласный камзол — атласные щетки, бархатное платье — бархатная кожа // смоляниста дошка — смолянисте волосся*. Нередко адъективы, мотивированные существительными — названиями веществ (горных пород, металлов), предметов, особенно часто названиями растений, выступают как цветообозначения, взаимодействуя непосредственно с определяемым существительным. Признак цвета в таких случаях является постоянным, отличительным признаком денотата существительных, мотивирующих адъектив. Напр., *малахит* — “минерал ярко-зеленого цвета, используемый для различных поделок, или как сырье для получения меди”; *малахитовый* — 1. Прил. к *малахит*. *На склонах гор зеленеют малахитовые глыбы* (А. Конирский) // Сделанный из малахита. *Малахитовая ваза*. 2. Ярко-зеленый, цвета малахита (СРЯ II 218). *Она была одета в бархатное малахитовое платье* (А. Толстой). Этот ряд включает производные *медный, золотой, серебряный, кофейный, медовый, молочный, шоколадный, соломенный, ореховый, фиалковый, гороховый, табачный* и др.

Словарные дефиниции передают колоративное значение свойственности указанных единиц непоследовательно. Так, оно фиксируется в словарных толкованиях слов *соломенный, малиновый, антрацитовый, кармазиновый // кармазиновий, малиновий*, не отражается в толкованиях адъективов *ореховый, фиалковый* и др. Напр.: *соломенный* — светло-желтый, цвета соломы. *Соломенные волосы. Бавыкин метнул глазом из-под своей желтой соломенной брови в мою сторону* (Вл. Бахметьев); *смолистый*, кроме значения “содержащий смолу”, передает значение “черный и блестящий (о волосах)” (СРЯ IV 156), ср.: *Все породы деревьев смолистых, как-то: сосна, ель, пихта и проч., называются “красным лесом”* (С. Аксаков); [Доктор] *имел прекрасные смолистые бакенбарды* (Н. Гоголь). Тот же набор значений передает и *смолянистый*: “такой, который содержит в себе смолу”, “такой, который отдает смолой

(о запахе)”, “изготовленный из смолы”, “очень черный и блестящий (о волосах)” (СУМ IX 416): *Здобув [Микола] і суху смолянисту дошку. Заходився невеличке, іграшкове вікно майструвати* (Ю. Збанацький); *Дві руки, наче промені білі, Осявали смагляве лице, Дві косички лилися й летіли, Як важке смолянисте кільце* (А. Малишко); *Ніна доторкнулась рукою до високого чола Платона.. Ніжно пальцями перебирала смолянисте волосся* (І. Цюпа).

1.4. Оттемпоральные адъективы

В русском и украинском языках адъективы с временным значением образуют замкнутые ряды, представленные образованиями: 1) от существительных соответствующей семантики — названий времен года, месяцев, дней недели, времени суток, других временных отрезков (*год, сезон, час // рік, сезон, година*) — при помощи ряда суффиксов; 2) от наречий с временным значением — как непроизводных, так и сложных; 3) сложносуффиксальными адъективами с опорным компонентом, выраженным основой существительного с временным значением (*десятилетний // десятирічний*); 4) префиксальными адъективами, образованными от прилагательных при участии ряда префиксов как специализированных, так и неспециализированных.

Отсубстантивные темпоральные адъективы в русском и украинском языках представлены непополняющейся группой единиц, мотивированных названиями месяцев, времен года, дней недели, времени суток.

Адъективы от названий месяцев. В каждом из сопоставляемых языков адъективы от названий месяцев характеризуются структурной однотипностью¹. Межъязыковые лексические соответствия различаются словообразовательными формантами, оформляющими производящие основы. Латинские основы русских названий месяцев адъективирует суффикс *-ск-* (*-овск-*)², славянские основы украинских названий месяцев — суффикс *-ов-* (*-ев-*): *январский, февральский, апрельский, майский, июньский, июльский, сентябрьский, октябрьский, ноябрьский, декабрьский; мартовский, августовский // січневий, лютневий, березневий, квітневий, травневий, червневий, липневий, серпневий, вересневий, жовтневий, грудневий, листопадовий.*

¹ См.: Зверев А.Д. Указ. соч. — С. 90—92.

² Цыганенко Г.П. Указ. соч. — С. 165.

Основные типы межъязыковых соответствий представлены изофункциональными формантами:

-ск- // **-ев-**: январский, февральский, апрельский // січневий, лютневий, квітневий;

-овск- // **-ев-**: мартовский, августовский // березневий, серпневий;

-ск- // **-ов-**: ноябрьский // листопадовий.

В языке русских художественных произведений встречаются авторские производные адъективы от названий месяцев с суффиксом **-ов-** (**-ев-**): *солнце сентябрёвое* (В. Бенедиктов); с нулевым суффиксом: декабрь — *декабрый* (с выпадением *j*): *Вот и вечер в ночную жуть ушел хмурый, декабрый* (В. Маяковский). В говорах, по свидетельству В. Даля, отмечается словообразовательная вариативность структурных типов с суффиксами **-ск-**, **-ов-** (**-ев-**): *августский, августовый, апрелевый*.

В украинской разговорной речи и говорах иногда встречаются адъективные образования от русских названий месяцев *март, май*, которые формируются в соответствии с нормами украинского языка с участием суффикса **-ов-**: *мартовий, майовий*. В языке украинской художественной прозы отмечается заимствование из русского не только названия месяца, но и производного адъектива: *майський дощ* (В. Бабляк); *День був — перший майський* (Ю. Смолич).

Адъективы от названий времен года. Адъективам, мотивированным названиями времен года, в русском и украинском языках свойственно сохранение мягкой разновидности.

Русские адъективы характеризуются регулярностью словообразовательного форманта **-н(ий)**, оформляющего субстантивные основы: зима — *зимний*, весна — *весенний*, лето — *летний*, осень — *осенний*.

Украинские адъективы образуются при помощи суффиксов **-н(ій)**, **-ов-**, **-ян-**: зима — *зимовий* (*зимній*, разг.), весна — *весняний* (*весінний* употребляется главным образом в языке художественных произведений), літо — *літній*, осінь — *осінній*. Словообразовательная вариативность наблюдается при адъективации основ существительных *зима, весна*. Основными, нейтральными формами являются производные *весняний, зимовий*: *весінній, зимній* стилистически маркированы, *зимний* имеет значение “холодный” (*зимний лоб*).

Изофункциональные форманты, адъективирующие основы существительных — названий времен года:

-н'- // **-н'**-, **-ов-**, **-ян-**: зимний, весенний, летний, осенний // зимовий, весняний, літній, осінній;

-шн'- // **-н'** -: вешний (устарелое и областное) // весінній (употребляется редко, главным образом в языке художественных произведений); зимній (“относящийся к зиме”, разг.).

Адъективы от названий дней недели, времени суток, других временных отрезков. Основным средством адъективации основ существительных указанных семантических разрядов в сопоставляемых языках является суффикс **-н-**, реже участвует в образовании адъективов суффикс **-ов-**, суффикс **-н'**- оформляет единичные адъективы.

Основные межъязыковые соответствия представлены адъективами с изофункциональными формантами от названий времени суток:

-н'- // **-н'**-, **-ов-**: вечер — вечерний // вечір — вечірній и вечоровий (преимущественно в поэтической речи);

-енн'- // **-ов-**: утро — утренний // ранок — ранковий, поранковий;

-шн'- // **-шн'** -: утро — утрешний, утрошний (прост.) // ранішній, уранішній (“утренний, ранний”), поранішній (словообразовательно связаны со словами рано, рань);

-н- // **-н-**, **-ев-**: день — дневной // день — денний, дневий (преимущественно в поэтической речи);

-н- // **-н-**: полдень — полдневный, полуденный, полночь — полночный, полуночный // південь — південний, північ — північний (соотносятся с темпоральными и локативными значениями мотивирующих существительных полдень, полночь // південь, північ, хотя значения “юг” и “север” соответствующих русских существительных являются устаревшими).

В украинском языке в группе прилагательных от названий времени суток представлена словообразовательная вариативность; словообразовательные варианты различаются стилистически и семантически: денний и вечірній — нейтральные слова; дневий и вечоровий употребляются преимущественно в поэтической речи и передают значение “какой бывает вечером”, напр.: Он зоря вечорова до мене шепоче барвисто (А. Малышко); Вогонь веселий запалав, розвіяв сутінь вечорову (О. Гончар); Все небо розгорнулось над головою в синьому вечоровому холоді (О. Копиленко). Адъектив вечірній передает также значения “такой, который происходит вечером”: вечірня середня школа; Почався бій. Бій вечірній, лихоманковий бій (Ю. Яновський); “используемый вечером, предназначен-

ный для вечера, вечеров” (вечер — “вечернее собрание гостей”, “публичное вечернее собрание” и т. п.): в сочетании с предметными существительными: — *Візьми краще оте вечірнє плаття з синього оксамиту* (В. Кучер).

Русские *полдnevный* и *полуденный* передают общие темпоральные значения и стилистически не различаются — “бывающий в полдень”: *Чуть поднявшись над хребтом, тусклым шаром леденело солнце, был полдnevный час* (И. Шишков); *Полдnevный зной его палил, И пот с него ручьями лил* (Н. Некрасов). Полуденный час: *Когда невыносимый полуденный зной заставил нас искать убежища, он свел нас на свою пасаку, в самую глушь леса* (И. Тургенев). Значение “происходящий, производимый в полдень” передается преимущественно адъективом *полуденный*: *Полуденный выстрел пушки* (ср. * *полдnevный выстрел пушки*); *После полуденного привала мы выбрались из бурелома и к вечеру достигли реки Кумуху* (К. Арсеньев). Ср.: “привал в полдень” — *полуденный привал* и *полдnevный привал* — “привал, длившийся полдня”. Сочетаемости *полдnevный* от “полдень” с событийными существительными и употреблению в значении “происходящий в полдень” препятствует наличие омонима *полдnevный* — от полдня (разг.) “длящийся полдня”.

Адъективы от названий дней недели. Значение “такой, какой происходит, совершается, осуществляется во время, указанное производящей основой прилагательного”, выражается в адъективах, образованных от названий дней недели, с суффиксами:

-н- // -н-: *недельный, воскресный, понедельничный, вторничный, пятничный* // *неділя* (воскресенье) — *недільний, п'ятничний*;

-н'- // -н'-: *субботный, будний* // *суботній, будній*;

-ов- // -ов-: *четверговый* // *понеділковий, вівторковий, четверговий, тижневий* (с упрощением *жд-н* → *жн*).

Адъектив *к среда* отсутствует в обоих языках.

Таким образом, доминантным средством адъективации основ существительных — названий дней недели, в русском языке является суффикс -н-, в украинском — суффикс -ов- (соотношение форм на -н- и -ов- в русском языке — 5:1; в украинском соотношение форм на -ов- и -н- — 4:2); адъективы мягкой разновидности представлены одинаково в русском и украинском языках (2:2)¹.

Адъективы от других темпоральных существительных в русском языке оформляются при помощи суффиксов -н-, -ов-; в украинском — суффиксом -н-:

¹ См.: Зверев А.Д. Указ. соч. — С. 90—95.

-н- // -н-: минутный, месячный, секунднй // хвилиний, годинний, місячний, річний;

-ов- // -н-: часовой, годовой // годинний, річний.

Адъективы, образованные от названий дней недели, конкретизируют время, названное определяемым существительным-классификатором (в сочетании со словом *день*); чаще всего передают собственно временные значения (*субботние заносы, субботний вечер, субботний дождь*).

1.5. АДЪЕКТИВЫ С ОБЩЕОТНОСИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Категориальное преобразование имени существительного в адъектив сопровождается нейтрализацией разнообразных синтаксических ролей мотивирующего существительного в синтаксических конструкциях¹. Общие словообразовательные значения производных, характеризующихся широким диапазоном передаваемых относительных значений, выделяемые на уровне категориальных значений мотивирующего и мотивированного слова, констатируют лишь само наличие деривационных отношений между определенными частями речи.

Дифференциация производных адъективов проводится на основании семантики мотивирующих единиц и тождества форманта. Мотивирующими выступают конкретные (предметные) и абстрактные существительные.

В образовании общеотносительных адъективов принимают участие суффиксы -н- (и ряд производных от него), -ов- (-ев-), -ск-.

Самый широкий диапазон значений в современных восточнославянских языках передают адъективы с суффиксом -н-².

Синтагматические связи -н- практически не ограничиваются фонологическими условиями конца производящей основы; суффикс свободно сочетается с основами иноязычных существительных (с обязательным выпадением словоизменяющей морфемы)³. Производные на его основе суффиксы в русском языке

¹ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М., 1981. — С. 83.

² Коломиец В.Т. Словообразование русского и украинского языков на современном этапе // Сопоставительное исследование русского и украинского языков. — К., 1975. — С. 172.

³ Грищенко А.П. Зазн. праця. — С. 148.

представлены рядом **-енн-**, **-ичн-**, **-ивн-**, **-альн-**, **-арн-**, в украинском — **-ичн-** (**-ічн-**), **-альн-**, **-арн-** (**-ярн-**), **-ивн-**.

В русском и украинском адъективном словообразовании суффикс **-альн-/ -уальн-** оформляет основы существительных мужского рода (*диаметр // діаметр*), женского рода (*зона*); **-иальн- // -іальн-** взаимодействует с основами существительных женского рода на **-ія** (*премия // премія*), с выпадением основы и присоединением гласной **і** к суффиксу.

Суффикс **-н-** в украинском языке взаимодействует с более широким кругом производящих основ, выступая в позиции после **і**-основ интернациональных существительных, которые в русском языке оформляются суффиксом **-онн-** (этот суффикс в украинском языке выделяется только в слове *дивізіонний*): *авиация — авиационный // авіація — авіаційний; дискуссионный, инфекционный, секционный, дистанционный, деривационный, навигационный, ирригационный, квалификационный, демаркационный, оккупационный, миграционный, кассационный, агитационный // дискусійний, інфекційний, секційний, дериваційний, навігаційний, іригаційний, інформаційний, організаційний, кваліфікаційний, демаркаційний, окупаційний, міграційний, вібраційний, касаційний, агітаційний* и др.

Структурный параллелизм межъязыковых образований с суффиксом **-н-** прослеживается при мотивации:

- существительными на **-ия // -ія** непроецессуального характера: *хрестоматия — хрестоматийный // хрестоматійний, партия — партийный // партійний, малярия — малярный // малярійний;*

- существительными, производящие основы которых оканчиваются на **б, в, д, ж, з, р, с, т, ф, ш, м, п**: *трубный, коллективный, водный, багажный, союзный, фигурный, полюсный, комнатный, тарифный, афишный, альбомный, телескопный // трубний, колективний, водний, багажний, союзний, фігурний, полюсний, кімнатний, тарифний, афішний, альбомний, телескопний* и др.;

- существительными, в которых конечные согласные основы **г, к, х, ц** чередуются с **ж, ч, ш**: *округа — окружной, библиотека — библиотечный, улица — уличный, теплица — тепличный, столица — столичный // округ — окружний, бібліотека — бібліотечний, вулиця — вуличний, вухо — вушний.*

В обоих языках шире представлены группы адъективов, образованных от существительных женского рода.

Ряд производных с синхронной точки зрения соотносится со сформировавшимися на базе латинских прилагательных на **-іс-**, **-іv-** существительными женского и мужского родов, поэтому

“в их структуре можно выделить словообразовательный формант **-н-** как результат морфемного переразложения”¹: *альтернативный — альтернатива, перспективный — перспектива, нормативный — норматив, субстантивный — субстантив, аккредитивный — аккредитив, рецидивный — рецидив, курсивный — курсив // альтернативный, перспективный, нормативный, субстантивный, аккредитивный, рецидивный, курсивный.*

Суффикс **-арн-** (графическая разновидность **-ярн-** после предсуффиксального л) оформляет основы субстантивов женского и мужского рода, а также выделяется в образованиях со связанными основами: *планета — планетарный, молекула — молекулярный, суммарный, дисциплинарный, рудиментарный, гуманитарный, мажоритарный, монетарный, полярный, унитарный // планетарный, молекулярный, сумарный, дисциплінарний, рудиментарний, гуманітарний, комплементарний, мажоритарний, монетарний, молярный, унітарний* и др.

В образованиях, мотивированных заимствованными нарицательными существительными, в русском языке широко используется суффикс **-ическ-**, который выступает после парно-мягких согласных основ существительных женского и мужского рода с нулевой словоизменяющей морфемой в именительном падеже единственного числа; русскому суффиксу **-ическ-** функционально соответствует в украинском языке суффикс **-ичн-** (**-ічн-**): *эпизодический, сценический, типический, хореический, стереоскопический, метеорический, диалогический, хаотический, эллиптический, аналитический, генетический, диетический, гигиенический, канонический, тропический, климатический, цилиндрический, сферический, метрический, акустический // схематичний, лімфатичний, дієтичний, параболічний, гігієнічний, синтаксичний, конічний, канонічний, тропічний, кліматичний, кубічний, сценічний, сферичний, метричний, циклонічний, епізодичний.*

По характеру мотивирующих основ выделяются четыре группы производных адъективов с суффиксами **-ическ-/-ичн-** // **-ичн-** (**-ічн-**):

1. Основы существительных женского рода на **-ка**: *физика — физический // фізичний* (регулярное соответствие).

2. Достаточно многочисленная группа существительных женского рода на **-ия** // **-ія**: русские паронимы *дипломатический* (прием) — относительное значение, *дипломатичный* (свойство характера) // *дипломатія — дипломатичний; дистрофический, дистрофичный // дистрофія — дистрофічний.*

¹ Грищенко А.П. Зазн. праця. — С. 153.

3. Существительные на **-изм** // **-изм (-ізм)**; названия лица с суффиксом **-ист** // **-іст**: *реализм — реалист — реалистический* // *реалізм — реаліст — реалістичний*; *рационализм — рационалист — рационалистический* // *раціоналізм — раціоналіст — раціоналістичний*.

4. Мотивирующими четвертой группы являются существительные женского и мужского рода с нулевой флексией разнообразной семантики: *схема, лимфа, диета, парабола, гигиена, металл, синтаксис, конус, тропик, канон, климат, цилиндр, куб*.

Интересно отметить, что именно в этой группе “неясных семантических контуров” в русском языке представлено параллельное словообразование адъективов от имен существительных с суффиксами **-ическ-/-ичн-**: *гипотетический — гипотетичный, гиперболический — гиперболичичный, гигиенический — гигиеничичный, гигроскопический — гигроскопичичный* и др., эквивалентами которых в украинском языке выступают производные адъективы с суффиксом **-ичн- (-ічн-)**: *гипотеза — гипотетичность — гипотетический, гипотетичный* // *гіпотеза — гіпотетичність — гіпотетичний*; *гипербола — гиперболичность — гиперболический, гиперболичичный* // *гіпербола — гіперболічність — гіперболічний*; *гигиена — гигиеничность — гигиенический, гигиеничичный* // *гігієна — гігієнічність — гігієнічний*; *гигроскоп — гигроскопичность — гигроскопический, гигроскопичичный* // *гігроскоп — гігроскопічність — гігроскопічний*.

В обоих языках продуктивны образования с суффиксом **-ичн-** // **-ичн- (-ічн-)**. Однако в русском языке образования с **-ичн-** (за исключением нескольких слов с иноязычными основами) являются словообразовательными синонимами адъективов на **-ический-**, ср.: *патетичный* — то же, что *патетический*; *саркастичный* — то же, что *саркастический*; *ироничный* — то же, что *иронический*; *пессимистичный* — то же, что *пессиместический*; *комичный* — то же, что *комический* “очень смешной, забавный”; *истеричный* — то же, что *истерический*; *трагичный* — то же, что *трагический* “тяжелый, страшный, ужасный; исполненный трагизма, выражающий тяжелое душевное состояние” (СРЯ IV 3); *трагикомичный* — то же, что *трагикомический* “смешной и печальный одновременно”¹ и др.: *Эластические волокна* (мед.), *эластическая шерсть* (Н. Гоголь); *Стройная английская кобыла шла под нею широкой эластической рысью* (И. Куприн); *эластичная кожа, эластичная пружина, эластичная ткань*; *Пол комнаты устлан свежими, эластичными циновками из специальной гибкой и упругой рисовой соломки* (Н. Федорен-

¹ Словарь русского языка: В 4 т. — М., 1984. — Т. 4. — С. 396.

ко); эксцентрическое поведение; эксцентрический костюм; Он придумал себе псевдоним — Ильф. Это эксцентрическое слово получалось из комбинации начальных букв его имени и фамилии (Ю. Олеши); Софья Петровна была бесспорно самая эксцентрическая дама в Мордасове, до того эксцентрическая, что даже в Мордасове решено было... не принимать ее в общество (Ф. Достоевский); [Пульхерия Александровна] чувствовала, что молодой человек очень уж эксцентричен (Ф. Достоевский).

Сопоставление однокоренных производных в русском и украинском языках выявляет следующие основные типы соответствий:

-ическ- // **-ичн-** (**-ічн-**): гомерический // гомеричный, магический // магичный, сардонический // сардоничный, хронический // хроничный;

-ичн- // **-ичн-**: симпатия — симпатичный // симпатія — симпатичний; цинизм, циник — циничный (цинический устар.) // цинік — цинічний; экономичный // економічний (выгодный, дающий возможность экономить); техничный (обладающий высоким мастерством) // технічний;

-ическ-, **-ичн-** // **-ичн-** (**-ічн-**): апатический, апатичный // апатичний; аскетический, аскетичный // аскетичний; истерический, истеричный // істеричний; мистический, мистичный “необъяснимый” // містичний; комический, комичный “очень смешной, забавный” // комічний; критический, критичный “обладающий способностью к критике” // критичний; иронический, ироничный // іронічний; эластический, эластичный // еластичний;

-ичн-, **-ическ-** // **-н-**: элегичный, элегический в значении “грустно-мечтательный, меланхолический” // елегійний; гармоничный, гармонический // гармонійний; героический, героичный // героїчний.

-ическ- // **-н-**: меланхолический // меланхолійний.

Суффикс **-ональн-** // **-іальн-** оформляет основы существительных на **-ия** // **-ія** (**-j-** основы выпадает): **субстанциj-а** — **субстанциональный** // **субстанціальний**.

В качестве деривационных основ относительных адъективов с указанными суффиксами в сопоставляемых языках выступают и усеченные словоизменительные основы мотивирующих существительных: **радиус** — **радиальный** // **радіальний**, **патриархат** — **патриархальный** // **патріархальний**, **матриархат** — **матриархальный** // **матріархальний**.

Ряд прилагательных (главным образом, терминов) характеризуется остаточной членимостью производных основ; мотивирующие не функционируют в качестве отдельных лексических еди-

ниц в сопоставляемых языках: *палатальный, дентальный, виртуальный, маргинальный, локальный, визуальный, лабиальный, адвербиальный, социальный, матримониальный, темпоральный* // *палатальний, дентальний, віртуальний, маргінальний, локальний, візуальний, лабіальний, адвербіальний, соціальний, матримоніальний, темпоральний* и др.

Суффиксы *-альн-* // *-альн-* (*-уальн-* // *-іальн-*) взаимодействуют с основами существительных мужского рода на согласный: *гормон — гормональный, зодиакальный, тональный, кантональный, секторальный, театральный, диаметральный, центральный, региональный, эмбриональный, орнаментальный, экспериментальный, континентальный, документальный, инструментальный, суффиксальный* // *гормональний, зодіакальний, тональний, кантональний, театральний, діаметральний, спектральний, центральний, регіональний, ембріональний, орнаментальний, експериментальний, континентальний, горизонтальний, документальний, інструментальний, суфіксальний*.

Суффиксы *-ов-* (*-ев-*) // *-ов-* (*-ев-*) характеризуются широкими возможностями синтагматической сочетаемости с производящими основами, которыми выступают как непроеизводные, так и производные с суффиксами *-к-*, *-ск-*, *-ок-*, *-ник-*, *-ак-*, *-як-*, *-ечк-*, *-ик-*: *ролик — роликовый, тупиковый, шариковый, ледниковый, подшипниковый; грибок — грибковый, пятак — пятаковый* // *сумка — сумковый, прогулянка — прогулянковий, приказка — приказковий, замковий, прожитковий, рятунковий, відмінковий, празниковий, підшипниковий, роликовий, тупиковий, льодовиковий, п'ятаковий, літаковий*.

При словообразовании наблюдаются такие морфонологические явления: чередование *-ок-*, *-ец'-*, *-ен'-* основ мотивирующих существительных с *-к-*, *-ц-*, *-н-* производных основ.

Позиционный вариант суффикса *-ев-* присоединяется к основам существительных с суффиксами *-ень*, *-ец* // *-ень*, *-ець*, *-ц-*: *ливень — ливневый, ситец — ситцевый* // *перстень — персневий, гребінець — гребінцевий, корінець — корінцевий, хребець — хребцевий, ремінець — ремінцевий, серце — серцевий, живець — живцевий*.

Межъязыковые лексические соответствия не обязательно совпадают в формантной части: *праздничный — празниковий, самолетный — літаковий, ледниковый — льодовиковий*.

Большая регулярность структурного соответствия представлена в словообразовании адъективов с суффиксами *-ов-* (*-ев-*) // *-ов-* (*-ев-*) от существительных с односложными основами. Во

взаимодействии с односложными основами проявляется компенсирующая роль указанных формантов: *беговой, весовой, дуговой, видовой, судовой, грозовой, полковой, пудовый, кодовый, долговой, бортовой, типовой, тестовый, тембровый, текстовый, кадровый, танковый, становой, вкусовой, кормовой, бланковый, квантовый, бомбовый, хордовый, баржевый, маршевый, смерчевый* // *біговий, ваговий, дуговий, видовий, судовий, грозовий, полковий, пудовий, кодовий, борговий, типовий, тестовий, тембровий, текстовий, зоровий, кадровий, смерчовий, танковий, становий, маршовий, смаковий, кормовий, бланковий, квантовий, кущовий, бомбовий, хордовий* и др.

В адъективах с суффиксом *-ов- / -ев-*, взаимодействующим с односложными производящими основами, заднеязычные согласные перед суффиксом сохраняются. Общими условиями формирования отсубстантивных относительных адъективов в сопоставляемых языках являются особенности звуковой структуры мотивирующих существительных и стремление языков противодействовать несвойственным им сочетаниям согласных: *ранг — ранговый* // *ранговий*, *штанга — штанговый* // *штанговий*; *лозунговый, митинговый, бланковый, ансамблевый, оркестровый* // *мітинговий, тюбінговий, бланковий, ансамблевий, оркестровий*.

Образования с суффиксом *-ов- / -ев-* в сопоставляемых языках являются маркированными средствами выражения общего относительного значения и отличаются семантически от однокоренных производных, оформленных суффиксом *-н-*: *вкусный — вкусовой, жирный — жировой, звучный — звуковой* // *смачний — смаковий, жирний — жировий, слухний — слуховий, хмарний — хмаровий, розумний — розумовий, звучний — звуковий*.

Диапазон фонетических факторов, обуславливающих участие суффикса *-ов- / -ев-* в образовании адъективов с общим относительным значением, шире в украинской словообразовательной системе. Один из них связан с фонетическим характером предсуффиксальной части адъективируемых основ существительных на *-ння, -ття*, обуславливающим формирование прилагательных с указанными суффиксами: *життьовий, взуттьовий, платтьовий* (*-ов-* в неударной позиции) и *життєвий, взуттєвий, мовленнєвий, значеннєвий, насіннєвий* (*-ев-* в ударной позиции).

Функциональное совпадение аффиксов *-ов-* (*-ев-*) и *-н-*, особенно широко представленное в образовании адъективов (нередко от одной основы существительного) в украинском языке, "следует рассматривать как характерное проявление деривационной синонимии в словообразовательной системе адъектива и свидетельство собственно структурной роли соответствующих фор-

мантов в составе производных”¹: *валунний — валуновий, акордний — акордовый, естампний — естамповий, блочний — блоковый, програмний — програмовий, баластний — баластовий, каркасний — каркасовий, лагунний — лагуновий, ландшафтний — ландшафтовий* и др.

Специфика словообразования адъективов с общеотносительным значением в русском и украинском языках проявляется в несовпадении репертуара формантов, материальном несовпадении межъязыковых изофункциональных формантов (рус. *-ческ-/-ическ-* и укр. *-ичн- (-ічн-)*), а также в более широких деривационных связях суффикса *-н-* в украинском языке, взаимодействующего с основами заимствованных существительных на *-ія*, которые в русском языке оформляет суффикс *-онн-*.

2. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ АДЪЕКТИВЫ

Высокая деривационная активность глаголов, мотивирующих большие массивы существительных основных лексико-семантических разрядов и адъективов, обусловлена синтаксической потребностью морфологической адъективации функциональных признаков предметов, вызванной стремлением в грамматически простой форме синтаксической конструкции передавать сложные, неэлементарные семантические структуры².

Отглагольные относительные адъективы определяют предметные существительные, выступающие в семантической функции объекта, средства, инструмента, локатива.

1. Значение предназначенности для выполнения действия выражается адъективами с суффиксом *-льн- (-альн-, -ильн-)* // *-льн- (-альн-, -ильн-)*, который присоединяется к глагольным основам на *-а-, -ва-, -и-* // *-а-, -ува-, -и-*: *рисовальный, шлифовальный, вязальный, стиральный, сушильный, копировальный, кипяточный, красильный, кодировальный, спальный, читальный, родильный, танцевальный* // *різальний апарат, обчислювальна машина, сушильний барабан, шифрувальний механізм, в'язальний дріт, випалювальна і плавильна піч, давильний, точильний; плавальний басейн, нікелювальна ванна, читальний зал; купальний костюм; розважальний, диxальний, навчальний, живильний, привітальний, запалювальний, зро-*

¹ Грищенко А.П. Зазн. праця. — С. 154; Щербатюк Г.Х. Зазн. праця. — С. 141—157.

² Вихованець І.Р., Русанівський В.М. Формально-семантична структура речення. — К., 1982. — С. 42.

шувальний, копіювальний, освітлювальний, свердлильний, складальний, відновлювальний.

Мотивирующие — глаголы несовершенного вида с инфинитивной основой на **-а-**, **-ова-**, **-и-** // **-а-**, **-ува-**, **-и-** преимущественно переходные, обозначающие конкретные физические действия, направленные на преобразование объекта (*шлифовальный станок // ізолювальний матеріал*), а также с семантическими валентностями места (*читальный зал // плавальный бассейн*) — как немотивированные, так и мотивированные существительными, адъективами (*штамповальный, никелировальный, белильный // штампувальний, нікелювальний, білильний*).

Глаголы других групп редко мотивируют прилагательные с суффиксом **-льн-**: *вертеть — вертельный, полоть — полотельный, тянуть — тянущий*; в случае мотивации глаголами с основой на согласный происходит наращение основ за счет гласных **и**, **е**, **а**: *трясти — трясильный, плести (плетут) — плетельный*.

Деривацию сопровождают такие преобразования глагольных основ:

- мена финалей гласных исходной основы **|ыва|** → **|а|**: *складывать — складальный*;

- появление конечной согласной корня: *тянуть — тягальный*¹.

В адъективах, мотивированных глаголами на **-ать** (кроме глаголов на **-ировать**), ударение остается на том же слоге инфинитивной основы: *рѣзать — рѣзальный // різати — різальний, штамповать — штамповальный // штампувати — штампувальний*; в прилагательных, мотивированных глаголами с основой на **-и-** // **-и-**, **-ировать-** // **-ува-**, **-юва-**, ударение падает на последний слог основы независимо от ударения глагола: *кипятить — кипящий, копировать — копировальный // кип'ятити — кип'ятільний, копіювати — копіювальний*.

В украинском языке сохраняется ударение глагола, от которого образован адъектив, это связано с акцентологическими отличиями в образовании русских и украинских глаголов от существительных: *краска — красить — красильный // фарба — фарбувати — фарбувальний, копія — копіювати — копіювальний*.

Тип продуктивен в обоих языках, преимущественно в научно-технической терминологии.

2. В русском языке адъективы, образованные от глаголов с основами на **-а-**, **-и-**, оформляются также производным суффиксом

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 293, 419, 420.

-тельн-, возникшим из соединения -тель-н-ый, которому функционально соответствуют в украинском языке суффиксы -н-, -льн-, -тельн-: *зажигать — зажигательный, зажигательная* (смесь), *изобразить — изобразительный, опознавательный* (знак), *куриТЕЛЬный, измерительный* (прибор), *вычислительная* (машина), *нагревательный* (прибор), *разведывательный, плавательный, отопительный, обжигательный, спасательный, летательный* (аппарат) // *запалювальна* (суміш), *опалювальний* (сезон), *плавальний, курильний* и др.

Адъективы, выражающие значение предназначенности для действия, названного мотивирующим глаголом, функционируют преимущественно в научно-технической терминологии, в разговорной речи (*плескательный бассейн, благоустроительные работы*), по количеству образований, передающих указанное значение, уступают производным с суффиксом -льн-.

Значение “служащий, предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим глаголом”, наряду с другими значениями, в обоих языках выражают адъективы с суффиксом -н-: *связной, записной, вытяжной, проездной, выездной, очистной, сливной, подъемный, переговорный* // *виставний, витяжний, сипний, скріпний* (матеріал), *розносний* (товар), *випарна* (станція), *питний* (*питна вода*), *підйомний, проїздний*.

Мотивирующими выступают глаголы совершенного и несовершенного видов, как немотивированные, так и префиксальные (*слить — сливать — сливной; очистить — очищать — очистной* // *питний, витяжний*).

Для адъективов этого типа обычна одновременная мотивация префиксальными глаголами совершенного и несовершенного вида, составляющими видовую пару: *упереть[ся] — упирать[ся] — упорный*; глаголами с постфиксом -ся и без него; некоторые образования мотивируются одновременно отглагольными существительными с нулевым суффиксом: *сток — сточный, слив — сливной, проезд — проездной, выезд — выездной*.

В украинских адъективах ударение — на окончании (*промивний, питний*). В русских адъективах с -н-, мотивированных глаголами с префиксом вы-, ударение — на префиксе или на флексии; в остальных ударение — на предсуффиксальном слоге или на флексии, независимо от ударения в мотивирующем глаголе: *покрыть — покрóвный, отбить — отбóйный, отбелить — отбéльный, проездо́й*. Возможна вариантность ударения на флексии и предсуффиксальном слоге: *очи́стить — очи́стный — очисти́ной*.

Общее значение “характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом”, с наиболее частыми конкретизациями “такой, что может делать (или с ним можно делать) то, что названо мотивирующим словом”, “являющийся объектом действия (обычно с оттенком “способный стать объектом действия”)” в обоих языках выражается преимущественно в адъективах с суффиксами: 1) -н-: *отрывной, покупной, прицепной, развесной, складной, выдвигной, откидной, передвижной, провесной (провесный), отцепной, разъемный, отдельный // висувний, відкидний, відривний, відсипний, пересувний, приставний, розбірний, роздільний, роз’ємний, розбіжний, роздрібний, відчпний, викопний* и др.; 2) -к-: *плавкий, ковкий* и укр. соответствия.

Мотивирующие — глаголы тех же структурных типов, что и в предыдущей семантической разновидности отглагольных адъективов с суффиксом -н-.

Б. КАЧЕСТВЕННЫЕ АДЪЕКТИВЫ

По характеру выражаемых значений выделяются две группы качественных адъективов: одни образуются с помощью суффиксов, выполняющих только структурную функцию, другие — с помощью суффиксов, содержащих указание на дополнительные характеристики признака, интенсивности его проявления¹.

1. ОТСУБСТАНТИВНЫЕ АДЪЕКТИВЫ С СЕМАНТИЧЕСКИ НЕЙТРАЛЬНЫМИ СУФФИКСАМИ

Качественные адъективы с нейтральным значением лишены специфических сопровождающих семантических оттенков. Значение “такой, который характеризуется признаком, названным мотивирующим существительным”, выражается в структурных разновидностях производных с наиболее абстрактными, собственно структурными адъективными суффиксами, в частности -н-, -ов-, и сформированными на их основе производными морфемами.

Общее значение “такой, который характеризуется качеством соответственно семантики мотивирующего существительного”, выражается в адъективах с суффиксом -н-, представленных несколькими деривационными разновидностями, отличающимися структурными характеристиками мотивирующих существитель-

¹См.: Украинская грамматика. — К., 1986. — С. 205; Грищенко А.П. Зазн. праця.

ных и особенностями взаимодействия суффикса -н- с соответствующими производящими основами.

Суффикс -н- адъективирует основы существительных мужского, женского и среднего родов. Представлены следующие деривационные разновидности:

а) адъективы, производящие основы которых соотносительны с корневыми морфемами: *голод-н-ый, холодный // брудний, людний, мирний*;

б) адъективы, образованные от префиксальных производящих: *спокойный // уявний*;

в) адъективы, образованные от производных суффиксальных существительных, мотивированных адъективами, глаголами, местоимениями: *радостный, жалобный // якісний, заздрісний, злісний, скорботний, турботний, мертвотний*.

Как видно из примеров конкретной реализации указанных деривационных разновидностей адъективов с суффиксом -н-, “развитие качественных значений в системе прилагательного происходит за счет разнообразных в структурном отношении производящих основ”¹.

А.П. Грищенко отмечает, что “особый интерес представляют производные прилагательные II степени, сформированные на базе абстрактных суффиксальных существительных отадъективного и отглагольного образования. Абстрагированные названия качеств и состояний мотивируют новые качественные значения, причем конечные результаты соответствующих деривационных преобразований — новосформированные прилагательные — функционируют в языке параллельно с исходными формами, но в разных по сочетаемостной возможности контекстах: напр., *рад — радость — радостный, злой — злость — злостный // щедрий — щедрота — щедротний, мертвий — мертвота — мертвотний, швидкий — швидкість — швидкісний* и т. д.”²

Сформировавшиеся в результате вовлечения в адъективное словообразование существительных с основами иноязычного происхождения гибридные суффиксы во многих случаях выделяются в составе производных адъективов только условно, так как производящие основы соответствующих прилагательных не выступают как так называемые свободные морфемы.

На основе нейтрального адъективного суффикса -н- в русском и украинском языках сформировались деривационные

¹ Грищенко А.П. Зазн. праця. — С. 123.

² Там же. — С. 123.

форманты -енн- (-альн-), -арн-, -ивн-, -ичн- // -ичн- (-ічн-), -альн- (-іальн-), -уальн-, -арн- (-ярн-), -ивн-: *избенный, ставенный, колониальный // пластичный, ритмічний, эпохальный, фіктивний.*

Как и в словообразовании относительных адъективов на базе иноязычных основ, общие суффиксы-инновации участвуют в образовании качественных адъективов следующих словообразовательных типов:

1. Прилагательные с суффиксом -альн- // -альн- (-іальн-): *буквальный, идеальный, максимальный, минимальный, нормальный, реальный, эпохальный, специальный, эвентуальный, колоссальный, фигуральный, тривиальный, гениальный, фатальный, уникальный // буквальный, реальный, идеальный, максимальный, мінімальний, нормальный, колосальный, фатальный, эпохальный, фігуральный, тривіальний, геніальний, спеціальний, евентуальный, унікальний.*

В этом продуктивном словообразовательном типе выделяются две разновидности производных адъективов по характеру производящих основ:

а) адъективы, соотносительные с существительными женского и мужского родов: *фатум — фатальный // фатальный, максимум — максимальный // максимальный, минимум — минимальный // мінімальний, норма — нормальный // нормальный, гений — гениальный // геніальний.* Морфонологические условия образования адъективов этой деривационной разновидности общие для сопоставляемых языков: суффикс -альн- взаимодействует с усеченными основами мотивирующих: *фатум — фатальный // фатальный, минимум — минимальный // мінімальний;*

б) адъективы со связанными производящими основами: *тривиальный // тривіальний, специальный // спеціальний.*

2. Прилагательные с суффиксом -ивн- // -ивн-: *фиктивный, эффе́ктивный, субъективный, объективный, ультимативный // фіктивний, ефективний, суб'єктивний, об'єктивний, ультимативний:*

а) мотивирующими выступают бессуффиксальные существительные женского рода на -а, -ия // -ія (но не после [с']): *масса — массивный // масивний, фикция — фиктивный // фіктивний;* бессуффиксальные существительные мужского рода: *эффе́кт — эффе́ктивный // ефективний, импульс — импульсивный // імпульсивний;* суффиксальные существительные мужского рода: *ультиматум — ультимативный // ультимативний;*

б) адъективы, не соотносительные с существительными, в которых суффикс выделяется при сопоставлении с одноструктурны-

ми производными: *интенсивный, пассивный, примитивный, экстенсивный* // *інтенсивний, пасивний, примітивний, консервативний*.

Общие морфонологические условия образования адъективов с суффиксом *-ивн-* // *-ивн-* следующие:

а) усечение основ мотивирующих существительных: *ультиматум* — *ультимативный* // *ультимативний*;

б) отсутствие финалей основ мотивирующих существительных на *-ия* (в том числе *-ция, -сия*): *экспрессия* — *экспрессивный* // *експресія* — *експресивний*: [с'] чередуется с [с]; *интуиция* — *интуитивный* // *інтуїція* — *інтуїтивний*.

Отличия морфонологических условий образования адъективов с суффиксом *-ивн-* // *-ивн-* в русском и украинском языках связаны с характером чередований. Так, в русском языке происходит:

а) чередование парно-твердых согласных с мягкими перед суффиксом *-ивн-*: *т — т'*: *инстинкт* — *инстинктивный*, *эффект* — *эффективный*; *с — с'*: *импульс* — *импульсивный*;

б) чередование *ц — т'* (при мотивации словами на *-ция*): *интуиция* — *интуитивный*; *ц — т'*: *фикция* — *фиктивный*;

в) в некоторых образованиях с суффиксом *-ивн-* в русском языке согласные [с, с'] чередуются с [т']: *рефлекс* (разг.) — то же, что *рефлексия* (“размышление, полное сомнений и колебаний, склонность анализировать свои переживания”, книжн.) — *рефлексивный* (“непроизвольный, машинальный, бессознательный”) и *рефлексивный* — то же, что *рефлексивный* (СРЯ III 712).

В соответствующих украинских образованиях представлены чередования *с — т*: *рефлексія* — *рефлекс* — *рефлексивний, рефлексивний*.

3. Регулярны соответствия адъективов с суффиксом *-арн-* (*-ярн-*) // *-арн-* (*-ярн-*): *солидарный, лапидарный, легендарный, ординарный, утилитарный, элементарный, популярный, регулярный, фамильярный* // *солідарний, лапідарний, легендарний, ординарний, утилітарний, елементарний, популярний, регулярний, фамільярний*.

Представлены преимущественно образования со связанными производящими основами: *солидарный, лапидарный, ординарный, популярный, регулярный, фамильярный*.

Адъективы, соотносительные с существительными женского и мужского родов иноязычного происхождения: *элемент* — *элементарный* // *елементарний, легенда* — *легендарный* // *легендарний*. Тип проявляет продуктивность.

Распределение вариантов суффикса: после парно-твердых согласных (кроме л) выступает *-ярн-*: *фрагментарный, шикарный, сум-*

марный; -ярн- выступает после л' (характерно чередование л — л', представленное в относительных прилагательных: *каникулы — каникулярный, молекула — молекулярный*): *популярный, регулярный // популярний, регулярний*.

2. ОТСУБСТАНТИВНЫЕ КАЧЕСТВЕННЫЕ АДЪЕКТИВЫ С СЕМАНТИЧЕСКИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ СУФФИКСАМИ

Качественные адъективы выступают организующим центром семантического единства, представленного деадъективными прилагательными, выражающими слабую степень проявления признака, усиленную, высшую или очень высокую степень проявления признака¹: *толстоватый — толстый — толстёшенек — толстенный (толстющий), холодноватый — холодный — холоднёхонький — холоднящий (холоднющий) // високуватий — високий — височенький — височезний (височенний)*². Семантическая функция приадъективных суффиксов состоит в конкретизации количественного проявления признака — его увеличения, усиления или ослабления³.

Русский и украинский языки располагают развитой системой суффиксов, участвующих в словообразовании деадъективных прилагательных, передающих значение либо слабой, либо интенсивной степени проявления признака. В русском языке она представлена суффиксами -енн-, -охоньк-/-ошеньк- (орфогр. также -ёхоньк- и -ёшеньк-), -усеньк- (-юсеньк-), -ущ- (-ющ-), -айш- (-ейш-), -оват- (-еват-), -оньк- (-еньк-), -ав- (-ев-), -ошав-/-езн-; в украинском деадъективном словообразовании участвуют суффиксы -езн-/ -елезн-, -енн-, -есеньк- (-ісіньк-), -усіньк- (-юсіньк-), -еньк- (-оньк-), -уч- (-ющ-), -яч-, -аст- (-яст-), -ист-, -уват- (-юват-).

Значение слабой степени проявления признака в деадъективных прилагательных в русском языке выражается суффиксами

¹ Градационные значения отсутствуют в прилагательных, образованных от качественных адъективов, обозначающих абсолютные признаки: *слепой — слепенький, босой — босенький, зубатый — зубатенький* и их украинские соответствия (суффиксальные прилагательные выражают субъективно-экспрессивную оценку). См.: Грищенко А.П. Зазн. праця. — С. 139.

² В ряде случаев семантика нейтральных качественных прилагательных препятствует модификации признака в сторону ослабления его проявления: *свежий, новый, молодой, целый*.

³ Безпояско О.К., Городенська К.Г. Зазн. праця. — С. 123.

-оват- (-еват-), редко -ав- (-яв-); в украинском языке — суффиксами -уват- (-юват-), -ав- (-яв-), -аст-, редко -ист-.

Основным средством выражения значения слабой степени проявления признака в деадъективных прилагательных является суффикс -оват- (-еват-) // -уват- (-юват-): *грубый — грубоватый* “несколько грубый, не совсем грубый”, *лысый — лысоватый* “с признаками облысения, не совсем лысый”. Эти прилагательные имеют семантику “обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим прилагательным”: *слабый — слабоватый, дороговатый, сутуловатый, сероватый, бледноватый, зеленоватый, красноватый, синеватый, сладковатый, горьковатый, кисловатый, темноватый, светловатый, узковатый, крутоватый // слабый — слабуватий, сизуватий, рудуватий, гіркуватий, великуватий, тонкуватий, вузькуватий, кислуватий, бідуватий, темнуватий, крутуватий, голубуватий, блакитнуватий, синюватий, солодкуватий, теплуватий, хрипкуватий, легкуватий, сиплуватий, сумнуватий, простуватий, тупуватий, страшнуватий, нуднуватий, скупуватий, скрутнуватий, рідкуватий, мокруватий, густуватий, душнуватий, чорнуватий, червонуватий* и др.

Мотивирующие — качественные прилагательные, обозначающие цвет, величину, вкус, свойства характера и другие признаки.

В русском языке в производных от прилагательных с основой на -ов- (-ев-) словообразовательный суффикс -оват- (-еват-) совмещается с финалью основы производящего слова: *розовый — розоватый, оранжевый — оранжеватый*.

Суффикс -ав- (-яв-) в структуре производных выполняет идентичную функцию. Производные с этим суффиксом обозначают признак, близкий к тому, который назван мотивирующим словом; в русском языке они составляют узкую группу, представленную несколькими адъективами: *чернявый* (прост.), *смуглявый* (прост.), *пухлявый* (разг.), *моложавый, сухощавый, худощавый*. В украинском языке суффикс -ав- (-яв-) взаимодействует с более широким кругом производящих основ прилагательных, обозначающих цвет: *русявий, білявий, чорнявий, смаглявий*.

Суффикс -ав- (-яв-) в украинском языке “может выступать семантическим эквивалентом суффикса -уват-, формируя параллельные однозначные, но разноморфемные производные, ср.: *смаглявий* — “трохи смаглий”, *зеленавий* — “трохи зелений”, *сивуватий* — “трохи сивий”; *синюватий* — “трохи синій, з синім відтінком”; *синявий* — “то же, что *синюватий*”; *темнуватий* — “чуть темний”; *темнавий* (редко) — “то же, что *темнуватий*”, однако чаще наблюдаются семантические отличия параллельных образований с

указанными суффиксами, так как “по сравнению с *-уват-* суффикс *-ав-* реализует сему ослабленного, уменьшенного признака: *жовтавий* — “с желтым оттенком, желтизною”, а *жовтуватий* — “с желтым оттенком, не совсем желтый”; *білявий* — “такой, который имеет беловатую окраску”, *білий*, *білястий*, *блідий*; *білуватий* — “с белым оттенком, немного белый”¹.

Прилагательные с суффиксом *-ав-* (*-яв-*) в украинском языке широко употребляются в разговорной речи и языке художественной литературы.

В украинском адективном словообразовании участвует суффикс *-аст-* (*-яст-*) (редко его вариант *-ист-*), оформляющий преимущественно основы качественных прилагательных, обозначающих цвет: *біластий*, *срібнастий*, *зеленастий*, *червонастий*, *білястий*, *червонястий*, *смуглястий*², а также другие визуально воспринимаемые признаки (*довгастий*, *круглястий*, *пружинястий*, *чепуристий*).

Таким образом, в украинском языке представлено более широкое разнообразие структурных типов деадъективных прилагательных, передающих значение слабой степени признака, взаимодействие которых выражается в словообразовательной синонимии, однако это взаимодействие не составляет определяющей черты деадъективного словообразования прилагательных с указанным значением, так как конкуренция словообразовательных типов прилагательных не прослеживается: суффиксы *-ав-*, *-аст-*, *-ист-* участвуют также в образовании прилагательных других семантических разрядов и являются периферийными средствами выражения слабой степени проявления признака, названного мотивирующим прилагательным: *сивий* — *сивуватий*, *сивавий*, *сивастий*; *темний* — *темнуватий*, *темнавий*, *темнистий*; *зелений* — *зеленавий*, *зеленистий*, *зеленастий*; *чепурний* — *чепуристий*, *чепурнуватий* (разг.).

Известно, что “существеннейшие для характеристики лексико-грамматического разряда прилагательных признаки (значе-

¹ Безпояско О.К., Городенська К.Г. Зазн. праця. — С. 124.

² Образования с суффиксом *-ист-* от немотивированных качественных прилагательных, обозначающих смягченную степень качества, встречаются и в русской художественной речи (областного или окказионального характера): *зеленый* — *зеленистый косогор* (С. Есенин), *румяный* — *румянистый: Домовит, румянист* — *Баю-бай, бургомистр* (М. Цветаева); *мокрые ложочки* (Ф. Маслов).

ние, словообразование, морфологическое строение, синтаксические функции) являются общими для всех восточнославянских языков”¹, проявляющих свое своеобразие в реализации этих признаков.

В процессе формирования и развития восточнославянских языков обогащалась и совершенствовалась система адъективного словообразования, развивалась семантическая специализация словообразовательных морфем.

Русское и украинской адъективное словообразование характеризуется рядом общих черт. Наиболее продуктивным способом выражения словообразовательных отношений в категории прилагательного является суффиксация. Суффиксальная деривация подчиняется основным закономерностям комбинаторики словообразовательных аффиксов, заключающихся в устойчивой последовательности присоединения суффиксальных морфем друг к другу в направлении “слева — направо” от корня, не допускающей перестановки элементов, но допускающей возможность разбивки двух элементов третьим².

В обоих языках расширяется процесс развития качественных значений относительных адъективов, следствием которого, как полагает М.А. Жовтобрюх, и является распространение в украинском языке аналитических форм степеней сравнения, свойственных и русскому языку³.

И русское, и украинское адъективное словообразование характеризуется активизацией префиксальной деривации в связи с использованием интернациональных префиксов и префиксоидов. Наиболее частотны в новообразованиях последних десятилетий в обоих языках префиксы **анти-** и **ультра-**. Основной круг значений, выражаемых словообразовательными средствами, совпадает в русском и украинском языках.

Специфика русского и украинского адъективного словообразования проявляется, главным образом, в функциональной нагрузке деривационных морфем.

¹ Баймут Т.В., Бойчук М.К., Волинський М.К. та ін. Порівняльна граматики української і російської мов. — К., 1961. — С. 117.

² Клименко Н.Ф. Про закономірності сполучуваності афіксів сучасної української мови // Мовознавство. — 1968. — № 6. — С. 30—31.

³ Жовтобрюх М.А. Українська літературна мова в радянський час // Мовознавство. — 1968. — № 6. — С. 14.

III. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

А. ПРЕФИКСАЛЬНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. СПЕЦИФИКА ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ

Среди глагольных словообразовательных средств и в русском, и в украинском языке преобладают префиксы. Примечательной особенностью славянской системы глагольных префиксов является ее исключительно устойчивый характер. По свидетельству многих исследователей¹, славянские языки, в том числе русский и украинский, хорошо сохранили древний префиксальный инвентарь. По сути, и по сей день используется префиксальная система, характерная для праславянской эпохи. При этом менее устойчивыми к различным внутриязыковым и экстралингвистическим воздействиям оказались именные префиксы. Глагольные же префиксы “пережили века, претерпев практически незаметные изменения”².

Сложность сопоставительного описания систем глагольных префиксов в близкородственных языках заключается именно в том, что основным предметом исследования оказываются эти “незаметные изменения”, затрагивающие глубинные семантические и стилистические характеристики префиксов.

В этой связи представляется чрезвычайно существенным выделить следующие наиболее общие особенности глагольной префиксации:

1. Общим в истории развития системы глагольных префиксов славянских языков является тенденция к использованию наречных и предложных элементов в качестве средств глагольной деривации. Генетическая связь, существующая между предлогами и

¹ См.: Булаховський Л.А. Питання походження української мови. — К., 1960. — С. 140; Ройзензон Л.И. Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках. — Самарканд, 1974. — С. 36; Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. — М., 1968. — С. 101.

² Русанівський В.М. Префіксальний словотвір // Словотвір сучасної української літературної мови. — К., 1979. — С. 229.

префиксами, проявляется в корреляции их семантики в современных русском и украинском языках и в возможности выделения на этой основе наиболее общих и наиболее часто встречающихся универсальных значений префиксов:

- значения направленности действия в пространстве: *дойти, облететь, уползти, вкатить, выгнать* // *злетіти, вибігти, відскочити, приїхати*;

- значения характеристики действия по протеканию во времени: *запить* (лекарство водой), *заготовить* (продукты впрок), *отдежурить* (двое суток), *возненавидеть, отлюбить, перерешить* (по новой) // *постояти* (дві години), *заспівати, доварити, прилягти, віджити, висидіти*;

- значения, связанные с отношением действия к субъекту и объекту: *застирать* (платье), *отпить* (из чашки), *залечить, отдавить, умучить* (довести объект до нежелательного состояния), *истрелять* (все патроны), *упарить, объездить* (много стран) // *прикупити* (збільшити об'єкт), *прогризти, розтринькати, обкраяти, надклеїти* и др.

Пространственные, временные и объектные значения могут передаваться большинством глагольных префиксов в русском и украинском языках.

2. Ограниченность и относительная малочисленность префиксального арсенала при постоянном росте потребностей языка в дополнительных средствах выражения способствовали развитию многозначности глагольных префиксов. Как правило, эти форманты полисемичны, и в одном и том же глаголе соединяется несколько семантических признаков именно благодаря префиксу. Л.И. Ройзензон отмечает в этой связи: «...у любого префикса семантическая гамма чаще всего значительно шире, чем у суффикса. Более того, потенциальные возможности расширения объема или количества значений у приставки почти всегда выше, чем у суффикса, о чем свидетельствует история суффиксов и префиксов славянских языков. Причиной тому ... является то, что, как правильно отметил Н. Крушевский, "... число префиксов будет несравненно меньше, чем число суффиксов»¹. Особенно ярко многозначность глагольных префиксов проявляется при выражении ими оттенков значения, связанных с количественной и качественной характеристикой действия (чрезмерной интенсивности,

¹ Ройзензон Л.И. Указ. соч. — С. 50.

тщательности, исчерпанности действия и т. п.), а также при выражении различных изолированных значений глаголов.

3. Своеобразие префиксального способа образования лексемы заключается в том, что префикс, образующий слово, присоединяется не к основе слова, лишенной лексико-семантической определенности, а к целому слову, обладающему определенной законченностью как в отношении своей структуры, так и в отношении лексико-грамматического значения¹. Поэтому при префиксальном словообразовании, как правило, представлено словообразовательное значение модификационного типа: префикс уточняет значение производящего слова в том или ином отношении, присоединение форманта служит более тонкой и выразительной передаче характера глагольного действия. Ср.: *писать* — *написать* “написать сверху” // *вертати* — *відвертати* “повертати що-небудь убік від кого-, чого-небудь”.

Славянская глагольная префиксация возникла как способ семантической детерминации глаголов². В то же время именно с префиксальным способом словообразования связано оформление грамматической категории, обуславливающей своеобразие славянского глагола, — категории глагольного вида³. На особый “грамматизм” глагола в этой связи указывал В.В. Виноградов, характеризуя глагол как самую сложную и самую емкую грамматическую категорию русского языка, сочетающую с богатством и разнообразием значений богатство и разнообразие форм⁴. Глагольные префиксы, в отличие от именных, являются одновременно и семантическими, и грамматическими показателями, они высту-

¹ См.: *Левковская К.А.* О словообразовании и его отношении к грамматике // Вопросы теории и истории языка. — М., 1952. — С. 177; *Пастушенков Г.А.* Структура слова (единицы структурно-функционального плана). — Калинин, 1978. — С. 74.

² Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О.С. Мельничука. — К., 1966. — С. 224; *Ройзензон Л.И.* Указ. соч. — С. 30.

³ Ср.: “Став дополнительной частью глагола, префикс мог оказывать на него грамматическое влияние. Все более утрачивая свое конкретное пространственное значение и приобретая грамматическое, связанное с определенными временными оттенками, префиксы стали основой образования новых префиксальных способов действия, которые сыграли значительную роль в становлении новой, характерной для сравнительно позднего периода развития праславянского языка категории вида” (Вступ до порівняльно-історичного вивчення... — С. 225).

⁴ *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. — 2-е изд. — М., 1972. — С. 342.

пают в качестве одного из основных средств выражения аспектуальности в языке, а следовательно, как одно из средств выражения фазовых значений глагола — значений, обусловленных фазовой расчлененностью процесса. Основные фазовые значения глаголов коррелируют с четырьмя способами глагольного действия, или же (в терминологии Л.А. Булаховского) четырьмя “видовыми оттенками” глаголов совершенного вида¹:

- ограничительный способ действия (охват длительности): *посидеть, полежать // зачекати, попрацювати*;
- начинательный способ действия (наступление начала и длительности явления): *забарабанить, закричать // збагровіти, зашуміти*;
- результативный способ действия (достижение результата в процессе): *написать, прочитать // запитати, збіднити*;
- однократный способ действия (мгновенность действия): *вскричать // зойкати*.

Таким образом, глагольная префиксация в целом может быть охарактеризована как “синтетическое средство, передающее целый комплекс значений — аспектуальных, фазовых (проецирующихся на грамматическое значение вида глагола) и модифицирующих, вносящих заметные изменения в лексическую семантику исходного глагола”².

Этот краткий обзор важнейших особенностей глагольной префиксации (модифицирующего характера словообразовательного значения, высокой степени многозначности глагольных префиксов, наличия устойчивого пространственно-временного семантического ядра в системе их значений) с очевидностью демонстрирует необходимость “ориентации на семантику” при сопоставительном рассмотрении систем глагольных префиксов в русском и украинском языках.

Традиционные грамматические описания исходят “из формы”, поскольку именно она получает в языке непосредственное выражение. “Для близкородственных языков, — отмечает В.Н. Ярцева, — часто имеет место такое положение вещей, когда по своим общим контурам какие-либо микросистемы в двух языках сов-

¹ Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. — 5-е изд. — К., 1952. — Т. 1. — С. 180; О фазовости как дифференциальном признаке префиксального глагола и взаимодействии видового и лексического значений глагола см.: Соколова С.О., Шумарова Н.П. Семантика и стилистика русского глагола. — К., 1988. — С. 5—49.

² Соколова С.О., Шумарова Н.П. Указ. соч. — С. 9.

падают, но тем не менее отдельные члены этих микросистем при употреблении дают значительные расхождения”¹. В отношении глагольных префиксов формальный анализ (анализ морфемного инвентаря в обоих языках) является необходимой первичной обработкой сопоставляемого материала на основании критерия “больше/меньше”. В дальнейшем же продуктивным является анализ глагольных префиксов по единству семантической основы, в соответствии с основными семантическими рубриками префиксальных значений, описанными в различных грамматических исследованиях на материале отдельных языков. Среди них прежде всего следует назвать “Краткую русскую грамматику” под редакцией Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина², где префиксальные глаголы описаны по принципу “от значения”. Комплексный подход к описанию префиксальных значений в украинских глаголах осуществлен В.М. Русановским³, который последовательно анализирует каждый префикс как носитель пространственных, временных, объектных и распределительных значений и их сочетаний. Подробная классификация семантических признаков — с применением метода оппозиционного анализа префиксальных глаголов совершенного вида и их беспрефиксальных мотиваторов несовершенного вида, а также на основании учета фазовых значений префиксального глагола как его дифференциального признака — разработана С.О. Соколовой⁴. На ориентированность эталона сопоставления при изучении глагольной префиксации в славянских языках на семантический критерий (объединение глаголов по общему лексико-семантическому или семантико-словообразовательному признаку) указывает М.А. Осипова⁵.

¹ *Ярцева В.Н.* Сопоставительно-контрастивная лингвистика в СССР: итоги и перспективы развития // *Филологические науки (ФН)*. — 1987. — № 5. — С. 9.

² *Словообразование глаголов* // *Краткая русская грамматика*. — М., 1989. — С. 107—131.

³ *Русанівський В.М.* Префіксальний словотвір. — С. 228—281.

⁴ *Соколова С.О., Шумарова Н.П.* Указ. соч. — С. 3—69; *Соколова С.О.* О дифференциальных семантических признаках глагольной приставки *за-* в русском языке // *Проблемы лексической и категориальной семантики*. — Симферополь, 1982. — С. 32—41.

⁵ *Осипова М.А.* К вопросу об эталоне сопоставления (при изучении глагольной префиксации в славянских языках) // *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков* / Отв. ред. Г.П. Нецименко. — М., 1987. — С. 79—84.

Таким образом, комплексное рассмотрение префиксальных глагольных дериватов в русском и украинском языках включает несколько этапов:

1) первичную обработку сопоставляемого материала — анализ морфемного инвентаря, словообразовательной парадигматики (по данным грамматик и словарей — МАС, СУМ, РУС¹);

2) классификацию материала по основным семантическим рубрикам в соответствии со значениями префиксов;

3) выявление на этой основе важнейших различий в области семантики и стилистики глагольных префиксов в сопоставляемых языках;

4) обнаружение деривационно активных префиксов и наиболее продуктивных словообразовательных моделей;

5) определение интерференционных зон в сфере префиксальной глагольной деривации.

2. СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

К числу древнейших, наиболее распространенных в праславянском языке префиксов относятся: **do-**, **iz-**, **na-**, **ob(ь)-**, **o-**, ***ozz-**, **ot-**, ***per-**, **po-**, **pri-**, **pro-**, **съ(н)-**, **u-**, **въ(н)**, **въz-**, **vy-**, **za-** (17 аффиксов)². Л.И. Ройзензон выделяет четыре этапа в развитии префиксальной глагольной системы в истории праславянского языка, соответственно, префиксы возникали в такой последовательности:

1) **po-** (наиболее древний, по мнению многих исследователей, префикс), **u-**, **съ-**, **въz-**, **iz-** и, возможно, **vy-** — бывшие предлоги;

2) **pri-**, **pro-**, **pre-**, **do-**;

3) **na-**, **ob-**, **za-**;

4) **prěd-**, **pod-**, **nad-**, **niz-** (наиболее позднего возникновения)³.

В современных грамматиках русского и украинского языков (с учетом префиксов, заимствованных позднее из старославянского языка, префиксов греческого и латинского происхождения и некоторых именных, проникших в систему глагольного словообразования, а также сложных префиксов) фиксируется 27 гла-

¹ МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. Евгеньевой. — М., 1981—1984; СУМ — Словник української мови. — К., 1970—1980; РУС — Русско-украинский словарь: В 3 т. — К., 1968.

² Вступ до порівняльно-історичного вивчення... — С. 224.

³ Ройзензон Л.И. Указ. соч. — С. 35.

ТАБЛИЦА 1

Префиксы глаголов в современных русском и украинском языках

№ п/п	Русский язык	№ п/п	Украинский язык
1	в-/во-	1	в-/ві-/у- (уві-)
2	вз-/взо-	2	воз-/вос-
3	воз-/возо-	3	ви-
4	вы-	4	від- (віді-) / од- (оді-)
5	до-	5	до-/ді-
6	за-	6	за-
7	из-/изо-	7	з- (із-, зі-, ізі-, зо-) / с- (іс-)
8	на-	8	зне-
9	над-/надо-	9	на-
10	недо-	10	над-
11	низ-/низо-	11	недо-
12	о-, об-/обо-	12	о- (об-/обі-)
13	обез-	13	обез- (збез-)
14	от-/ото-	14	пере-
15	пере-	15	перед-
16	по-	16	під- (піді-)
17	под-/подо-	17	по-
18	пре-	18	при-
19	пред-/предо-	19	про-
20	при-	20	роз-
21	про-	21	де-/дез-
22	раз-/разо-	22	дис-
23	с-/со-	23	ре-
24	у-		
25	де-/дез-		
26	дис-		
27	ре-		

гольных префиксов в русском языке ¹ и 23 — в украинском ² (табл. 1).

Количественные расхождения в системах префиксов обусловлены спецификой формирования и развития фонетических систем близкородственных языков. Наибольшим изменениям подверглись праславянские префиксы *iz-*, *pro-*, *сь(n)-*, *и-*, *вь(n)-*, *въз-*, *ву-*,

¹ Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. — М., 1989. — С. 107.

² Словотвір сучасної української літературної мови. — К., 1979. — С. 251; Вихованець І.Р., Городенська К.Г., Грищенко А.П. Грамматика української мови. — К., 1982. — С. 16.

которые полностью сохранились только в русском языке¹. Другие славянские языки, в том числе и украинский, утратили их в большей или меньшей степени. Под влиянием фонетических изменений некоторые наиболее близкие формально префиксы полностью или частично слились в украинском языке. За одной формой закрепилось несколько семантических функций, что привело к расширению значений этих морфем и способствовало формированию различной дистрибуции значений глагольных префиксов в русском и украинском языках.

В украинском языке префикс *iz-* слился, в частности, с префиксом *sz-*:

Рус.		Укр.
из-/изо-	<i>изловить</i> <i>избороздить</i> <i>изогнуть</i>	з-(зі-)/с-
с-	<i>съест</i> <i>схватить</i>	
<p>Два различных префикса, для которых релевантным является противопоставление по форме и содержанию</p>		<p>один префикс, форма которого существует в нескольких вариантах</p>

В украинском языке префикс *sz-* полностью совпал с префиксом *vъz-* и стал омонимичным ему; в русском языке данные префиксы являются антонимичными:

Рус.		Укр.
вз-/взо-	<i>взлететь</i> <i>взойти (вверх)</i>	з-/зі-
с-/со-	<i>слететь</i> <i>сойти (вниз)</i>	
		<p><i>злетіти</i> (на гілку, вгору) <i>зійти на пагорб</i> <i>злетіти</i> (з гілки, вниз) <i>зійти з 5-го поверху</i></p>

Присоединение префикса *вз-* к некоторым глаголам в русском языке сопровождается ярким фазисным значением начинательности и лексическим значением интенсивности действия: *взбрыкнуть*, *взвеселить*, *взбушевать* (о море). Украинский префикс *з-*, обладая вследствие формального слияния с префиксом *вз-* расширенным, обобщенным значением, не выражает этих специ-

¹ Вступ до порівняльно-історичного вивчення... — С. 246.

ческих дифференциальных признаков и обобщенно передает свойственное большинству глагольных форм совершенного вида фазисное значение результативности: *збрикнути, звеселити*.

Вследствие сохранения на протяжении длительного времени частью славянских языков билабиального характера $v(w)$ оно получало возможность в начальной позиции слова переходить в u ¹. Это способствовало расшатыванию, размыванию границ между префиксами $v(\text{ъп})$ - и u -, что в украинском языке вызвало чередование u -/ v - в различных фонетических позициях. При этом в некоторых случаях за украинским префиксом v -/ u - закрепилось пространственное значение “внутри”, в то время как в русском языке сохраняется четкая семантическая дифференциация между v - (“внутри”) и u - (“наружу”, “удаление”). Ср.:

Рус.		Укр.	
В-/ВО- (внутри)	<i>входитъ втащитъ ввертетъ</i>	→	В- (ві-)/у- (уві-) (всередину)
У- (наружу, удаление)	<i>уходитъ утащитъ улететъ</i>		
			<i>входить увігнати утягти</i>

Таким образом, украинские префиксы характеризуются большей фонетической вариантностью, которая способствует расширению ими выражаемой семантической гаммы. Рассмотрение подобных несоответствий формы и содержания в близкородственных языках свидетельствует о важности проблемы взаимосвязи формы и содержания для сопоставительных исследований. “Нельзя забывать, — отмечает в этой связи В.Н. Ярцева, — что при сходных формах передачи понятийных категорий система противопоставлений отдельных форм и их включение в семантическую сетку специфичны для характера данного языка”².

Среди других незначительных изменений, которые претерпели префиксы на почве индивидуального развития русского и украинского языков, могут быть названы следующие:

¹ Вступ до порівняльно-історичного вивчення... — С. 247.

² Ярцева В.Н. Сопоставительная лингвистика и проблема вариативности языка // ФН. — 1986. — № 5. — С. 4.

1) в русском и украинском языках общеславянский префикс *per- → pre- развился в полногласную форму пере- (и соответственно перед-); в русском языке наряду с этой полногласной формой сохранилась и неполногласная общеславянская pre-;

2) префикс ot- в украинском языке так же, как и в белорусском, польском языках, изменил свою форму в od- (од-, оді-/ від-, віді-);

3) наконец, в русском языке из-за проникновения книжной древнецерковнославянской стихии исконная восточнославянская форма префикса goz- изменилась в gaz-, при сохранении goz- в украинском языке ¹.

3. ОСНОВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Значение направления действия в пространстве

Пространственные значения являются наиболее древними и наиболее частотными в системе значений глагольных префиксов в русском и украинском языках. Так, например, как отмечает “Грамматика української мови”, из 16 исконных украинских префиксов 13 способны передавать различные оттенки пространственных значений ². Безусловно, то же может быть сказано и о русской префиксальной системе. В обобщенном виде основные пространственные элементы значения глагольного слова, выражаемые префиксами в русском и украинском языках, представлены ниже (см. табл. 2).

Данные таблицы показывают, что при преобладающем в целом сходстве формально-семантических отношений в сопоставляемых языках наблюдается ряд специфических особенностей в выражении глагольными префиксами пространственных значений.

В украинском языке префикс по- обладает способностью выражать значение удаления. Синонимом его в этом значении является префикс від-/віді-. Ср.: *улететь // полетіти* или *відлетіти*. Напр.: *Он пробыл дома два дня и снова уехал // За день-два Петро поїхав додому; Поїхав, погуркотів скрепером Єгипта...* (О. Гончар); *Відходили на схід України сини* (О. Довженко).

¹ Ройзензон Л.И. Указ. соч. — С. 37.

² Вихованець І.Р., Городенська К.Г., Грищенко А.П. Зазн. праця. — К., 1982. — С. 16.

*Пространственные значения глагольных префиксов
в русском и украинском языках*

№ п/п	Основные элементы зна- чения слова	Русский язык		Украинский язык	
		Префикс	Примеры употребления	Префикс	Примеры употребления
1	Внутри	в-	вкатить, втолкнуть, вползти	в-/ві- у-/уві-	вбігти, вібгати умерзнути, увізвати в дім
		за-	залететь в ком- нату, заманить	за-	заїхати на по- двір'я, зазирнути
		на-	набить табаком трубку	на-	напхати
		про-	продавить	про-	протиснути
2	Наружу	вы-	выползти, вытащить	ви-	вийти, вигвинтити, видихнути, вирізьбити з мармуру
		из-	извлечь, изгнать, иссечь из камня		
3	Удаление, от- даление	от-/ото-	отлететь, отбросить, отодрать обои, оттянуть (перен.)	від-/віді-	відлетіти, відібрати, відповзти, відвезти
		у-	увезти, убрать, утащить	по-	поїхати, полетіти, поповзти
		за-	затащить, забрать забросить по- дальше	за-	заховати, забігти дале- ко*
4	Приближение, присоединение, движение к определенной точке в прост- ранстве	при-	приплыть, примчаться, пригородить	при-	приїхати, притягти, приробити, прилинути
		от-	отвезти к морю, оттащить к дому, отозвать в сто- рону	над-/наді-	надійти, над- бігти, надлетіти
		до-	долететь, до- гнать, добрести	до- (здо-)	доїхати, здогнати
		под-	подсесть, подбежать, подстроиться	під-/піді-	підступати до самих вікон
		с-/со-	сгруппировать, собрать вместе	з/зі-	згромадити, зв'язати, зізва- ти

№ п/п	Основные элементы значения слова	Русский язык		Украинский язык	
		Префикс	Примеры употребления	Префикс	Примеры употребления
5	Разъединение, направленность в разные стороны	раз-/разо-	разослать, раздвинуть, растащить, расставить, рассадить	роз-	розкидати, розмазати, розторсати, розбризкати
6	Вверх	в-	вбежать на гору	з-/зі-	зійти на пагорб, злетіти на гілку,
		вз-/взо-	всплыть, взлететь, встащить	ви-	сходити (про солнце)
		воз-	вознести, воспарить, восходить		вилізти на стілець, винести на горіще
		за-под-	залезть на забор, подбросить		за-під/піді-
7	Вниз, удаление с поверхности, снизу	с-/со-	съехать, спрыгнуть, счистить, сколоть, сошвырнуть	з-/зі-	зійти з небес на землю, злетіти з дерева, скинути
		низ-/низо-	ниспадать, нисходит, низвергнуть	під-/піді-	піднирнути
		об-/обо-	оббить, обтряхнуть		підіткнути,
		под-	подложить под матрац, подпустить раствор под кирпич, подписать		підкласти, підписати
8	Направление действия на поверхность, сверху	на-	наехать, насыпать, наткнуться, напылить сверху	на-	набронзувати, напудрити, накласти, налити
		над-	надстроить, надписать	над-	надбудувати, надклеїти, надр'язати

№ п/п	Основные элементы значения слова	Русский язык		Украинский язык	
		Префикс	Примеры употребления	Префикс	Примеры употребления
9	Охват поверхности, охват предмета со всех сторон	из- за- о-/об- у-	исчертить, исполосовать закапать, забросать обегать город, обвалить в муке, обветрить на воздухе, обвешать, обво- лочь усыпать цветами, устлать, укутать	по- з- за- об- у-	пографити, поборознити зборознити море забризкати, запаскудити оббризкати, обкраяти, обполоти, оббілити укачати в боро- шні, уляпати
10	Вокруг пред- мета	об-/обо-	обкопать, обвязать, обвить	о-/об-	огородити, обпугати, оббігти
11	Мимо предме- та, сквозь пре- дмет	про-	проехать, пролететь, прокоптить таба- ком, проскочить сквозь заслон	про-	пробігти, промайнути, продертися крізь хашу
12	Туда и обрат- но, перемеще- ние с места на место	пере- по- с-	перебросить во- инские части ** помотаться сбегать за хлебом	пере- по- з-	перекинути місток поборознити, поснувати збігати

* Ср.: *Хвилі, наче змагаючись, забігали все далі і далі* (М. Трублаїні).

** Ср.: *Рутилов подумал, передвинул шляпу на затылок и опять на лоб и, на-
конец, сказал...* (Ф. Сологуб).

В русском языке префикс **по-** в значении удаления в некото-
рых случаях может быть синонимом префикса **у-**, но при этом из-
меняется его фазисная функция, она выражает не результатив-
ный, а начинательный способ действия. Ср.: *Он потряс руку Пере-
донову и побежал от него* (Ф. Сологуб), где *побежал* означает
“начал убежать, бежать”. Префикс **у-** моносемантичен: выражает
значение результативности (*укутать, устлать*). Ср. также: *Только
мы ей [квартирной хозяйке] не говорим, что выедем, — сказал Пе-*

редонов и при этом понизил голос. — Найдем квартиру и поедем, а ей не говорим (Ф. Сологуб).

Специфической особенностью глагольной префиксальной системы украинского языка является способность выражать значение приближения, присоединения с помощью префикса над-/наді-. Ср.: *До редакції надійшло багато цікавих листів.*

В русском языке пространственное значение “наружу” выражается с помощью префиксов вы- и из-. В украинском языке это значение передается только при помощи префикса ви- (это относится и к глаголам, образованным префиксально-суффиксальным способом). Ср.: *извергнуть // вивергнути, извлечь // витягти, изгнать // вигнати, искоренять // викорінювати*; при этом утрачивается специфический стилистический оттенок, передаваемый префиксом из-. Напр.: *Так борись, викорінюй, і з своєї, і з їхніх душ виривай бур'ян (О. Гончар); Здавалося, що то мовби сама земля вивергає з себе оті оранжеві, червоно-бурі, якихось марсіанських кольорів вулкани (О. Гончар).*

Многозначный префикс из- в русском языке передает также значение “охват всей поверхности”. Ср.: *изграфить, избороздить, изгрязнить, изодрать, издырявить* и др. Его соответствием в украинском языке чаще всего выступает префикс по-, утрачивая при этом дополнительное значение интенсивности, свойственное префиксу из-. Ср.: *пографити, поборознити, подірвати, подерти, побруднити (забруднити)*. Напр.: *Славний такий хлопець, але обличчя чимось пошрамоване, наче він горів або був поранений, хоч за віком своїм він і не міг знати війни (О. Гончар).*

Префикс ви- в украинском языке, в отличие от русского, обладает способностью передавать значение “вверх”: *видертися на дерево, вилізти на стілець*. Синонимом префикса ви- в этом значении выступает префикс за-: *залізти на дерево, на стілець*. Ср. также: *встащить // витягти; всползти // вповзти, вилізти; вспрыгнуть // вискочити, сплигнути.*

В системе русских глагольных префиксов выделяется префикс низ-, ярко выражающий пространственное значение “вниз”, старославянский по происхождению и обладающий характерной книжной стилистической окраской, которая при переводе данных глаголов на украинский язык утрачивается (эквивалентом, как правило, выступает префикс з-). Ср.: *низложить // скинути, ниспадать // спадати, нисходит // сходити.*

Еще раз подчеркнем, что префикс з-/зі- в украинском языке омонимичен и выражает два противоположных пространствен-

ных значения “вверх” и “вниз”. Ср.: *С берез неслышен, невесом слетает желтый лист* (М. Исаковский) // *Не листя, а золотий дощ злітає з печальної білоногої берези...* (М. Хвильовий) (значение “вниз” в обоих языках выражено формально сходными префиксами з- и с-). Ср. также: *Он взлетел на лестницу. Он не чувствовал никакой земной мысли...* (Н. Гоголь) // *Мчав її Уралов тими просторами, де навіть земля світилась сонячним блиском стерновиц, пролітали селами, де садки спливали каскадами груш, а розкішні виноградники виметували буйне листаве пагіння аж на вулицю* (О. Гончар) (значение “вверх” выражено различными префиксами вз- и з-).

3.2. Значение характеристики действия по протеканию во времени

Выделение в особую группу префиксов, характеризующих действие по протеканию во времени, в большей или меньшей степени условно, поскольку семантические критерии такого выделения тесно соотнесены с грамматическими — идеей внутреннего времени, фазового членения глагольного процесса и видовременными отношениями в целом.

Существует несколько подходов к описанию временных значений, выражаемых глагольными префиксами. С одной стороны, наблюдается стремление выделить “чистые” лексические, собственно временные элементы значения глагольных префиксов, выявив при этом связь между фазовостью и словообразованием глагола¹. С другой стороны, существует комплексный подход к описанию глагольных префиксов, предполагающий объединение в семантических классификациях префиксов как собственно лексических, так и акциональных, фазисных элементов значения словообразовательных морфем² (прежде всего это касается префиксов, которые являются наиболее характерными маркерами начинательного и ограничительного способов глагольного действия). Для сопоставительного грамматического описания целесо-

¹ Так, например, С.О. Соколова фиксирует только 4 типа значений, связанных с “чистым” отражением времени — вне связи с непосредственным выражением фазы действия и с моментом речи (Соколова С.О., Шумарова Н.П. Указ. соч. — С. 50—51).

² См.: Краткая русская грамматика. — С. 117—118; Русанівський В.М. Префіксальний словотвір. — С. 253—266.

образным представляется именно такой комплексный подход. Основные элементы значений, связанные с отражением времени, и специфические особенности дистрибуции глагольных префиксов с этими значениями в русском и украинском языках представлены ниже (см. табл. 3).

Среди префиксов, передающих различные значения, связанные с выражением времени, в обоих сопоставляемых языках доминантную позицию занимают морфемы *за-* и *по-*, которые являются основными маркерами, соответственно, начинательного и ограничительного способов глагольного действия. Ср.: *От этого проигрыша и опьянения Володин внезапно загрустил и стал жаловаться на свою мать* (Ф. Сологуб) // *А потім загули в небі страшні літаки, і заgrimіла, запалала вся неначе Україна і рушила на схід* (О. Довженко); *Фетюков свою миску из первых взял и ушел, расчел, что в бригаде сейчас не разживешься, а лучше по всей столовой походить — пошакалить, может, кто не доест* (А. Солженицын) // *Одна з дівчат все поглядала на льотчика, позиркувала* (О. Гончар).

В русском языке система префиксов, передающих значение начала действия, является более разветвленной. Ярким начинательным значением характеризуются префиксы *воз-* и *вз-*: *возликовать, воспрянуть, возненавидеть, взыграть, взбушевать* (о море), *взволновать[ся], взворошить, взлущить, взорвать* (возмутить) и др. Ср.: *Варвара встревожилась и пугливо спросила его* (Ф. Сологуб); *Как вскипятится, да двумя руками по столу — хлоп!* (А. Солженицын).

Специфической особенностью русского языка является способность префикса *по-*, характеризующегося устойчивым ограничительным значением (наиболее характерная функция этого префикса), выражать значение начала действия: *подуть, полюбить, почувствовать, подумать, побежать* и др.

И в русском, и в украинском языке достаточно многокомпонентной является система префиксов, выражающих значение совершения действия в течение некоторого времени (префиксы с ограничительным значением). При этом морфемы *от-* // *від-*, являющиеся яркими выразителями значения окончания действия, могут в некоторых случаях выступать синонимами ограничительных префиксов *вы-* // *ви-*. Ср.: *выстоять (отстоять) два часа* // *висидіти (відсидіти) добу на вокзалі*.

Для украинского языка характерно употребление префикса *за-* в специфическом ограничительном значении: *зачекати 5 хвилин; заночувати одну ніч*. Ср.: *Не така вже насолода, напикшишь*

**Временные значения глагольных префиксов в русском
и украинском языках**

№ п/п	Основные элементы значения	Русский язык		Украинский язык	
		Префикс	Примеры употребления	Префикс	Примеры употребления
1	Начало действия	за-	запеть, заалеть, заволноваться	за-	затріпотіти, забіліти, забрунькувати
		воз-	возликовать, возненавидеть	в-/у-	увімкнути, увірвати
		вз-	взбуживать, взыграть, встревожиться, вскипятиться		
		по-	подуть, полюбить, почувствовать		
		раз-	рассмеяться*, развеселиться, разбуживаться		
2	Совершение действия в течение некоторого времени (определенный временной отрезок в совершении действия)	по-	постоять, потанцевать, посмеяться, покатать на пони	по-	поагітувати, поблукати, попекти м'ясо деякий час
		про-	простоять в очереди 2 часа, прождать, пролежать	про-	проспати всю ніч, пробайдикувати, проїхати 3 години, провчителювати
		вы-	выжить, высидеть, вытерпеть	ви- (від-)	висидіти, вистояти добу, відстояти годину
		от-	отстоять час, отговорить митинг		
		пере-	переждать, перезимовать	пере-	перечекати, перетремтіти, пересидіти
				за-	зачекати 5 хвилин, заночувати, застояти 2 години в черзі
3	Однократное проявление действия	вз-	вскричать, всхрипнуть, вспыхнуть, взгрустнуть, взреветь	з-	збігати, злігати, сходити, з'їздити

Окончание табл. 3

№ п/п	Основные элементы значения	Русский язык		Украинский язык	
		Префикс	Примеры употребления	Префикс	Примеры употребления
4	Доведение действия до определенной точки во времени	до-	досидеть, доварить, дозимовать, доработать до пенсии	до-	добілити до середини, долежати ще півгодини, досьорбати
5	Окончание действия	от-	отшуметь, отлюбить, отцвести	від-	віджити, відспівати, відсиніти
		пере-	переболеть, пережить**	пере-	перебоятися, перебідувати
6	Совершение действия повторно, заново	пере-	перешить, перезарядить	пере-	переадресувати, перевзутися, перевидати
		ре-	реорганизовать	ре-	реемігрувати, реконструювати
		воз-	воссоединить, воссоздать		
7	Следование данного действия после другого	за-	запить лекарство водой	за-	запити ліки
8	Предшествование данного действия другому	за-	заготовить дрова на зиму	за-	запланувати на другий квартал
		пред-	предвидеть, предчувствовать	перед-	передбачити, передвістити, передплатити
9	Параллельность данного действия с другим, одновременность	за-	забежать к другу на минутку, завести ребенка в школу	за-	зайти мимохідь
		под-	подыграть	під- при-	підспівати, підбrehати приспівати

* Ср.: Она пришла от этого в восторг, очень развеселилась, и мы вчетвером в тот же вечер отправились в путь (В. Каверин).

** Ср.: Переживем все, даст Бог, кончится (А. Солженицын).

на сонці, зголоднівши на роботі, застоювати чергу під час обідньої перерви біля віконечка “котлопункту” (О. Гончар). В русском языке префикс *за-* нередко выступает синонимом префикса с ограничительным значением *пере-*: *переночевать* (*заночевать*), *перезимовать* (*зазимовать*).

Значение однократности, кратковременности действия (однократный способ глагольного действия), как правило, выражается в обоих сопоставляемых языках при помощи суффикса *-ну-*. Однако в некоторых случаях префиксы глагола вносят дополнительные семантические оттенки, усиливающие значение однократности в целом. Этой способностью обладает прежде всего русский префикс *вз-*, сочетающийся с лексикализованными корнями *хранить*, *визгнуть*, *ыхнуть*, *грустнуть*. Ср.: *всхранить*, *взвизгнуть*, *взгрустнуть*, *вспыхнуть*. Самостоятельно значение однократности префикс *вз-* передает только в сочетании с глаголами звучания: *вскричать*, *взречь*. При переводе этих глаголов на украинский язык значение однократности утрачивается. В соответствующем украинском эквиваленте либо изменяется фазисная функция префикса — *закричати*, *заревти*, *засумувати* (начинательность), либо префикс утрачивает свой семантический вес и становится чистовидовым маркером при сохранении значения однократности за счет суффикса, а иногда эквивалент образуется беспрефиксальным способом — *взвизгнуть* // *вискнути*, *вереснути*; *взглянуть* // *зиркнути*; *вздрагнуть* // *здригнути[ся]*; *вздремнуть* // *здрімати*, *задрімати*, *подрімати* (в двух последних примерах наблюдается ограничительное значение).

В целом же для украинского языка не характерен префиксальный способ выражения значения однократности. Периферийным может быть признано значение однократного проявления действия с помощью префикса *з-* в глаголах движения: *збігати*, *злітати*, *сходити*, *зїздити*.

Идентичными в сопоставляемых языках являются префиксальные средства выражения значений окончания действия (*от-* // *від-*, *пере-* // *пере-*) и доведения действия до определенной точки во времени (*до-* // *до-*).

Префикс *воз-* в русском языке может иногда передавать значение “совершить действие повторно”: *воспроизвести*, *воссоединить*, *воссоздать*, *восстановить*. Значение является непродуктивным.

На периферии временных значений, передаваемых глагольными префиксами в русском и украинском языках, находятся значения предшествования данного действия какому-либо друго-

му, следования данного действия после иного и параллельного действия. Последнее и в русском, и в украинском языке наиболее активно выражается при помощи многозначного префикса за-. Ср.: *Грушина чуть не каждый день забегала к Варваре* (Ф. Сологуб) // *Петро заскочив до товариша в терміновій справі*. В некоторых случаях в украинском языке это же значение может передавать префикс под- // під- (*подпеть, подыграть // підспівати, підбрехати*) и его синоним в украинском языке при- (*прибрехати, приспівати*).

3.3. Значение степени интенсивности действия

Элементы значения, связанные с количественной и качественной характеристиками действия, являются менее частотными по сравнению с пространственными и временными значениями глагольных префиксов. И все же многие глагольные префиксы в русском и украинском языках могут отчетливо выражать значение степени интенсивности называемого глаголом действия.

При этом выделение для того или иного префикса основных элементов значения, связанных с количественной и качественной характеристикой действия, осложнено наличием множественных взаимосвязанных дополнительных семантических оттенков, передаваемых этим префиксом наряду с доминирующим. Можно сказать, что особенностью этой группы глагольных префиксов является их своеобразный семантический синкретизм, сопряженность каждого из выделяемых элементов значения с целым рядом дополнительных смысловых компонентов, а также высокая степень зависимости значения префикса от контекстного окружения глагольного слова.

Так, например, значение малой интенсивности действия нередко дополняется значением совершения действия в течение некоторого времени (ср.: *забежать к другу на минутку // злітати на кілька годин на відкриття виставки*), а также однократности или параллельности действия (ср.: *забежать к другу по дороге на стадион*). Значение чрезмерной интенсивности обычно сопровождается значением доведения объекта до нежелательного состояния. Ср.: *заездить лошадь, источить нож, укачать до беспам'ятства // замотати когось дорученнями, обгодувати, засмикати* и т. п. Проявление количественной характеристики действия (значения интенсивности) в реальном бытии глагольного слова часто сопряжено с актуализацией качественной характеристики этого действия. Ср., например, особенности проявления семантического

признака совершения действия с особой тщательностью: *укутать в одеяло, укачать ребенка // уторувати шлях* — “делать что-либо интенсивно и тщательно”. Нелегко практически разграничить такие элементы значения, как неинтенсивное и неполное действие; условно также разграничение значений интенсивности действия и чрезмерной интенсивности действия и т. п.

Тем не менее языковой (словарный и текстовый) материал в сопоставляемых языках позволяет с большей или меньшей определенностью выделить 6 подгрупп значений префиксов, выражающих различные количественные и качественные характеристики глагольного действия, и сопутствующие им смысловые оттенки (см. табл. 4).

Данные таблицы показывают, что в украинском языке значение степени интенсивности действия выражает более компактная по сравнению с русским языком группа глагольных префиксов (ср. различное количественное соотношение префиксов с тем или иным значением в сопоставляемых языках).

Так, например, в украинском языке префикс *з-/с-*, являющийся формальным соответствием русскому префиксу *вз-*, не имеет дифференциального признака “интенсивность глагольного действия” и в большинстве случаев выражает чистовидовое значение результата.

Особенностью русского префикса *по-* является его способность выражать значение неинтенсивного действия, что особенно ярко проявляется в полипрефиксальных глаголах: *поотмякнуть, поотстать, поотпустить, поизноситься*. В украинском языке префикс *по-* с этим значением является малопродуктивным (*пом'якшати, подорожчати* — в глаголах с выраженной процессуальностью, продолжительностью действия) и не присоединяется к префиксальным глаголам. Значение неинтенсивного действия в таких случаях выражается не на словообразовательном, а на лексическом уровне, при помощи конкретизирующих наречий, ср.: *трохи відстати, трохи відпустити, трохи розм'якнути, трохи обтесатися, трохи обсохнути, трохи ослабіти* и т. д.

Та же тенденция наблюдается и при переводе русских глаголов с префиксом *при-*, выражающим неполную меру действия. Ср.: *привскочить // підскочити* (при этом количественная характеристика действия не передается, актуализировано лишь пространственное значение “вверх”); *приоткрыть // (трохи) відчинити*; *принагнуть // (злегка) нагнути*.

ТАБЛИЦА 4

Квантитативные и квалификативные характеристики действия в префиксальных глаголах русского и украинского языков

№ п/п	Основные качественные и количественные характеристики действия	Русский язык		Украинский язык	
		Префикс	Примеры употребления	Префикс	Примеры употребления
1	Значение интенсивности действия	вз- (резкое действие)	взломать, встряхнуть, вспенить, взъярить	на-	нав'ялити риби, напустувати вдосхоч, набурчати, набалакати, накричати, надзвеніти
		воз- (+ значение начинательности)	возликовать, вострубить, вострепетать, восхвалить, восхотеть	роз-	розгодувати, розхвалити, розлютити, роздратувати
		на-	навать с три короба, набрюзжать, наварить каши на неделю	від-	відлупцювати, відбатожити, відгодувати
		раз-	расхвалить, расцеловать, раскормить		
		от-	откормить, отколотить, отгрохать домину, отругать, отвозить (испачкать)		
2	Значение чрезмерной интенсивности действия (+ значение доведения объекта до нежелательного состояния) (+ значение исчерпанности действия)	пере-	перегреть, пережарить, переутомить	пере-	перемерзнути, пережовтити, перегодувати
		за-	задарить подарками, зачитать газету до дыр, заиграть пластинку	за-	заговорити, засмикати, заїздити, загодувати, залікувати
		из-	иззябнуть, иссохнуть, источить нож, издергать поручениями	у- (+ значение тщательности)	уколисати, уваляти, укотити шлях, уторувати, угорнути, уїздити
		-у	ездить, угонять,		

№ п/п	Основные качественные и количественные характеристики действия	Русский язык		Украинский язык	
		Префикс	Примеры употребления	Префикс	Примеры употребления
3	Значение неинтенсивного действия	под- за- при- по-	умотать, умучить, увозить (испачкать) подбодрить, подзабыть, подтолкнуть забежать на минутку, замыть пятно, застирать край платья пригнуть, приварить, приврать, принарядить, пригрозить поотмякнуть, попить немного воды, поослабнуть, пообсохнуть, поизноситься	під- за- при-	підвезти, підкинути, підгодувати, підглибити, підгостити заскочити, замити прибліднути, пригаснути, прижовкнути, призадуматися, прив'ялити, примочити
4	Значение неполноты действия	недо- над- (+ значение малой интенсивности) при-	недоделать, недожарить, недоесть надпороть, надрезать, надпилить, надломить привскочить, приоткрыть, принагнуть	недо- над-	недоговорити, недосіяти, недочути надгнити, надгоріти, надсохнути, надтріснути
5	Совершение действия с тщательностью и вопреки трудностям	у-	углядеть что-либо вдали, уговорить кого-либо, умолить о пощаде, упросить об одолжении, упрятать ценности, уконопатить,	у- (непродуктивный тип) ви-	устерегти, угледіти, угніздитися, ублагати, угорнути вилізати, вибілити, виміряти, вималювати

№ п/п	Основные качественные и количественные характеристики действия	Русский язык		Украинский язык	
		Префикс	Примеры употребления	Префикс	Примеры употребления
6	Сделать действие лучше кого-либо	вы-	усадить гостя, уследить за ребенком, убелить всю стену, удумать высмотреть, выловить, выбелить, вырисовать тщательно	від-	відгладити, відпрасувати
		от- (на-) (+ интенсивность)	отгладить, нагладить, отбалансировать валы, откорректировать, открахмалить, отладить		
		пере-	переспорить, перекричать, переплясать	пере-	перелефасонити, перетягти, перетанцювати
		об-	обыграть, обскакать, обставить		

Б. СУФФИКСАЛЬНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Суффиксация, наряду с префиксацией, занимает значительное место в глагольном словообразовании русского и украинского языков.

Суффиксы переводят в категорию глагола основы других частей речи и служат средством внутриглагольного словообразования.

1. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУФФИКСАЛЬНЫХ СИСТЕМ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Репертуар суффиксальных словообразовательных морфем в сопоставляемых языках представлен основообразующими тематическими суффиксами (классными показателями), которые выступают в словообразовательной функции при категориально-грамматическом переоформлении мотивирующих основ, и комплексными (производными) деривационно-классифицирующими суффиксами:

а) тематические суффиксы: **-а-, -е-, -и-, -ова-, -ну-** // **-а-, -і-, -и-, -ува-, -ну-** (*хромать, молодеть, солить, зимовать, ахнуть* // *молодіти, солити, ахнути, розумнішати, зимувати*);

б) производные словообразовательные суффиксы: **-нича-, -ича-, -ствова-, -ирова-/ -изирова-, -изова-, -фицирова-, -ану-** // **-нича-/ -ича-, -ствува-, -ізува- (-изува-), -фікува-, -ону-, -оті-, -ота-**.

Набор тематических основообразующих глагольных суффиксов, с помощью которых образуются новые глаголы от именных (субстантивных и адъективных) основ, в русском и украинском языках совпадает. В составе комплексных словообразовательных суффиксов, оформляющих иноязычные основы, наблюдаются отличия. Так, в русском глагольном словообразовании самым продуктивным из комплексных суффиксов, оформляющих заимствованные основы, является формант **-ирова-/ -изирова-**, представляющий собой сочетание возникших в результате переразложения заимствованных основ латинского суффикса **-из-** и немецкого суффикса **-ир-** с тематическим **-ова-**. В украинской суффиксальной системе комплекс **-изирова-** отсутствует; глагольный суффикс **-ір-** (**-ир-**) в украинском глаголе употребляется редко: только в случаях соотносительности глагола с существительным (*фуражирувати — фуражир*) или необходимости семантической дифференциации глаголов (*командувати — командирувати, парувати — парирувати* и т. д.)¹.

В русском языке, особенно в книжной речи, широко представлены глаголы с морфем **-ирова-**. Одним из факторов, способствующих более стремительному распространению в русском языке комплекса **-изирова-** в сравнении с **-изова-**, является то, что “оне-

¹ Русанівський В.М. Дієслово // Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — К., 1969. — С. 304.

мечивающий” сегмент **-ир-** служит собственно признаком заимствованного характера основы ¹. В словообразовательной системе украинского глагола эти функции выполняет комплекс **-ізува-** (**-изува-**) ².

Не совпадает также набор производных суффиксов, участвующих в образовании глаголов от других глаголов: в русской словообразовательной системе представлен вторичный суффикс **-ива-/-ыва-/-ева-** ³, в украинской — **-оті-, -ота-** ⁴. Различия в инвентаре приглагольных словообразовательных суффиксов связаны с различиями в семантической конфигурации отглагольной словообразовательной категории. Суффиксы основы **-а-** и **-і-** в сочетании с предтематическим сегментом **-от-**, соотносительным с именным суффиксом **-іт-** (**-от-**) ⁵, образуют сложный глагольный суффикс, который употребляется для образования глаголов, обозначающих процессы и действия, которые могут быть представлены как единичные и повторяющиеся: *блискати* — *блискотати*, *блискотіти* и др.

В целом же русское и украинское глагольное словообразование характеризуется общими чертами развития системы глагольных суффиксов, оформляющих именные основы.

2. СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ, МОТИВИРОВАННЫХ ИМЕННЫМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ

Большая часть суффиксальных глаголов в русском и украинском языках мотивируется существительными и прилагательными.

В образовании глаголов от основ существительных, адъективов, местоимений, междометий и звукоподражательных слов принимают участие поли- и монокатегориальные суффиксы.

В русском глагольном словообразовании самой широкой сочетаемостью характеризуется суффикс **-и-**. Он оформляет суб-

¹ Русская грамматика. — Прага, 1979. — Т. 1. — С. 553.

² Словотвір сучасної української літературної мови. — С. 195.

³ В процессе формирования словообразовательной системы украинского языка суффиксы многократности **-ыва-, -ива-, -ева-** утратились, уступив свои функции продуктивному суффиксу **-ова-**, впоследствии изменившемуся в **-ува-**. См.: *Житецкий П.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. — Киев, 1889. — С. 109—110.

⁴ Словотвір сучасної української літературної мови. — С. 195.

⁵ *Русанівський В.М.* Дієслово. — С. 323.

стантивные, адъективные основы, основы числительных и наречий.

Основы существительных, адъективов и междометия переводят в категорию глагола суффиксы **-ова-**, **-изова-**, **-ирова-** (**-изирова-**); с основами двух категорий взаимодействуют суффиксы **-ича-**, **-нича-**, **-ствова-**, **-а-** и **-е-** (присубстантивно-адъективные суффиксы).

Монокатегориальные суффиксы, участвующие в отыменном словообразовании глаголов, представлены приадъективным суффиксом **-ну-** в эволютивном значении (*тихнуть*).

В украинской суффиксальной системе с основами трех именных категорий взаимодействуют суффиксы **-а-**, **-и-**, **-і-**, **-ува-**:

суффикс **-а-** вербализует субстантивные, адъективные основы, междометия и звукоподражательные слова;

суффиксы **-и-**, **-і-** оформляют субстантивные, адъективные основы и основы числительных;

с субстантивными и адъективными основами сочетается соответственно **-нича-**, **-ича-**.

Монокатегориальные суффиксы представлены аффиксами **-ствува-**, **-ірова-** (**-ирова-**), взаимодействующими с субстантивными основами; суффиксом **-ну-** в эволютивном значении.

2.1. Отсубстантивное суффиксальное словообразование глаголов в русском и украинском языках

Самой продуктивной в суффиксальном глагольном словообразовании русского и украинского языков является словообразовательная категория “действие, имеющее отношение к субстанции”. В обоих языках она характеризуется полиморфизмом формирующих ее деривативных значений и полисемантичностью представляющих эти деривативные значения словообразовательных типов.

В выражении нескольких деривативных значений участвует большинство суффиксальных типов отсубстантивных глаголов. В этом отношении в анализируемых языках выделяется тип с суффиксом **-и-**, передающий все основные деривативные значения рассматриваемой категории: “совершать действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим существительным” (*батрачить, партизанить, шпионить, франтить, сталеварить, бродяжить, гостить, соседить* // *батрачити, партизанити, шпiонити, гостити* и др.); “делать тем или похожим на того (то), кто (что) назван(о) мотивирующим существительным” (*калечить, сиротить, бого-*

творить // *калічити, сиротити, боготворити* и др.); “наделять кого- или что-либо тем, что названо мотивирующим существительным” (*вощитъ, охритъ, солить, сахарить* // *вощити, вохрити, солити, цукрити* и др.); “действовать с помощью того, что названо мотивирующим существительным” (*арканить, бомбить, боронить* // *арканити, бомбити, боронити* и др.); “приводить в состояние, названное мотивирующим существительным” (*зlobить, мирить* // *лютити, тихомирити*); “лишать того, удалять то, что названо мотивирующим существительным” (*шелушить, потрошить* // *луцтити, потрошити*); “помещать в место, названное мотивирующим существительным, совершать действия, типичные для того места, которое названо мотивирующим существительным” (*пленить* — “взять в плен”, *балаганить* — “шуметь, как в балагане” // *полонити, балаганити*). Различаясь степенью продуктивности, отсубстантивный словообразовательный тип глаголов с суффиксом **-ствова-** // **-ствува-** в русском и украинском языках передает два значения — “совершать действия, свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным”: *шефствовать, учительствовать, лакействовать* // *шефствувати*; “проявлять свойство, названное мотивирующим существительным”: *безумствовать, зlobствовать, буйствовать, блаженствовать, благоденствовать, торжествовать* // *безумствувати* (божеволіти, шаленіти), *зlobствувати* (зlobувати), *блаженствувати, благоденствувати, торжествувати*.

Эти же два значения реализует в украинском языке тип с суффиксом **-нича-** (*ловеласничати, верхоглядничати, лизоблюдничасти, великодушничати, криводушничати*); в русском языке отсубстантивные глаголы с суффиксом **-нича-** передают более широкий набор словообразовательных значений и представляют в целом продуктивный тип, особенно в разговорной речи: ср. производные от существительных с локативной семантикой — *базарничать, балаганничать* (оба — прост.) и окказиональные — *курортничать, рестораниничать, восточничать; комплиментничать, прибаутничать*, обозначающие “создавать то, что названо мотивирующим существительным”; глаголы со значением “добывать, получать то, что названо мотивирующим существительным” — *магарычничать* (прост.), *налимничать, трофейничать* (окказ.).

С субстантивными основами взаимодействуют суффиксы:

рус.: **-и-, -а-, -нича-, -ова-, -ирова-, -изова-, -изирова-, -фицирова-, -ствова-, -е-**;

укр.: -и-, -і-, -а-, -нича-, -ува-, -ізува- (-изува-), -ірува- (-ирува-), -фікува-, -ствува-.

В глагольной словообразовательной категории “действие по отношению к субстанции” выражаются следующие деривативные значения:

1. Значение “совершать действие, свойственное тому, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным” в сопоставляемых языках передают в основном непереходные глаголы с суффиксами -и-, -нича-, -ствова-, -ова- (орфогр. также -ева-), -ирова- // -и-, -нича-, -ува- (орфогр. также -юва-), -ствува-, -а-, -ірува-: батрачить, партизанить, пастушить, пекарить, рыбачить, столярить, шахтерить, грубиянить, бродяжить, куртизанить, французить и др.; конюшничать, кузнечничать, дворничать, ложкарничать, пекарничать, плотничать, садовничать; кокетничать, капризничать, бродяжничать, дебоширничать, лентяйничать, нахальничать, озорничать, подхалимничать, скупердяйничать, сумасбродничать, попрошайничать, домоседничать, верхоглядничать, низкопоклонничать и др.; губернаторствовать, директорствовать, начальствовать, опекуновствовать, учительствовать, профессорствовать, шефствовать; вдовствовать, сиротствовать, барствовать, сибаритствовать, сумасбродствовать, тиранствовать, тунеядствовать, чудачествовать, славянофильствовать; геройствовать, актерствовать и др.; врачевать, джигитовать, гостевать, плутовать; пилотировать, паразитировать // батрачити, малярити, няньчити, партизанити, рыбачити; гостити; капостничати, модничати, саботажничати, ябедничати, ловеласничати, верхоглядничати, лизоблюдничати; батракувати, козакувати, кухарювати, мірошникувати, комірникувати, учителювати; гостювати, жебракувати, парубкувати, товаришувати; ледарювати; джигітувати; лакействувати, опікунствувати, шефствувати, лідирувати, дезертирувати; злодіяти, чародіяти.

Глаголы всех приведенных рядов в сопоставляемых языках могут иметь дополнительные компоненты значения: а) являться, быть тем, кто назван мотивирующим существительным; б) работать в качестве лица, названного мотивирующим существительным; выполнять действия, свойственные лицу, названному мотивирующим существительным; в) уподобляться тому, кто назван мотивирующим существительным.

Глаголы группы (а) в русском языке оформляются преимущественно суффиксами -и-, -ствова-, редко -ова-: дружить, гостить, соседить, вдовствовать, сиротствовать, гостевать, соседствовать, приятельствовать.

В украинском языке глаголы группы (а) представлены преимущественно типами с суффиксами *-ува-* и *-и-*: *вдовувати, бабувати, діувати, парубкувати; батькувати, гостювати, приятелювати, товаришувати, сусідувати* и *гостити, сусідити, парубочити*.

Продуктивными словообразовательными типами глаголов группы (б) в русском языке являются типы с суффиксом *-и-*: *малярить, столярить, портняжить, кашеварить, шоферить; -нича-*: *малярничать, столярничать, портняжничать; -ствова-*: *шахтерствовать, профессорствовать, учительствовать* и др.

В украинском языке широко представлена синонимия продуктивных словообразовательных типов с суффиксами *-ува-*, *-и-*, выражающих значение “работать в качестве того, кто назван мотивирующим существительным”: *батракувати — батрачити, кухарювати — кухарити, столярувати — столярити*.

Значение “уподобления кому-, чему-либо” выражают глаголы, обозначающие действие, субъект которых не совпадает с тем, что назван мотивирующим существительным. Для глаголов этой группы характерна пейоративная семантика, присутствие которой не зависит от наличия/отсутствия значения отрицательно оцениваемого признака в семантике мотивирующего существительного. Значение “уподобляться по определенным качествам тому, кто назван мотивирующим существительным”, в обоих языках выражается глаголами с суффиксом *-ствова-* // *-ствува-*: *актерствовать — “вести себя неискренне”, витийствовать, геройствовать* (разг.), *новаторствовать* и соответствующие глаголы в украинском языке. Этот тип очень продуктивен в русском языке, особенно в публицистике, и проявляет продуктивность в украинском языке.

Продуктивен в обоих языках и словообразовательный тип с суффиксом *-ирова-* // *-ірува-* (*-ирува-*), выражающий значение “быть тем, кто назван мотивирующим существительным, совершать действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим существительным”: *лидер — лидировать, суфлер — суфлировать // лідирувати, суфлірувати*.

Рассматриваемый деривативный класс в украинском языке представлен большим набором суффиксальных типов, транзитивизирующих в категорию глагола качественно-характеризующие имена существительные. Так, суффикс *-а-* вербализует украинские существительные типа *лицедій, добродій, злодій, чародій*: *лицедіяти, добродіяти, злодіяти, чародіяти*.

Таким образом, деривативный класс глаголов, обозначающих действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим существ-

вительным, в русском и украинском языках представлен в основном совпадающим набором суффиксальных словообразовательных типов (более высокой степенью полиморфизма характеризуется украинский деривативный класс). В русском языке в выражении названного значения участвуют продуктивные типы с суффиксами *-и-*, *-нича-*, *-ствова-*; в украинском — *-ува-*, *-и-*; тип с суффиксом *-ствува-* проявляет продуктивность в образовании глаголов пейоративной семантики со значением “уподобляться тому, вести себя так, как свойственно тому, кто назван мотивирующим существительным” (*патріотствувати, естетствувати*); суффикс *-нича-* в украинском языке взаимодействует преимущественно со сложными субстантивными основами: “Сложные глаголы, — пишет Н.Ф. Клименко, — проявляют специфику в том, что используют некоторые словообразовательные типы, не характерные в этой словообразовательной категории простым словам — *-нич-а-ти* — *верхоглядничати, низькопоклонничати*”¹.

Рассматриваемое деривативное значение в обоих языках выражается синонимическими типами. В сосуществовании глаголов-синонимов, образованных при помощи разных суффиксов, проявляется грамматическая избыточность². Основные типы межъязыковых соответствий представлены следующими словообразовательными рядами:

-нича-/-и- // *-ува-/-и-*: *малярить* (прост.) — *малярничать* (разг.), *слесарить* (прост.) — *слесарничать* (разг.) // *малярити* — *малярувати*;

-ствова-/-и- // *-ува-/-и-*: *соседить* — *соседствовать* // *сусідити* — *сусідствувати*;

-ова-/-и- // *-ува-/-и-*: *гостить* — *гостевать* (прост.) // *гостити* — *гостювати*;

-ствова- // *-ува-*: *учительствовать*, *профессорствовать*, *председательствовать* // *учителювати*, *професорувати*, *головувати*;

-нича- // *-ува-*: *лодырничать* // *ледарювати* и др.

Русские и украинские глаголы рассматриваемого деривативного класса характеризуются общими грамматическими значениями несовершенного вида; подавляющее большинство составляют непереходные глаголы. В украинском суффиксальном глаголе более последовательно выражена лексико-семантическая зависимость непереходного признака по его отношению к предмету —

¹ Клименко Н.Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові. — К., 1984. — С. 171.

² Русанівський В.М. Дієслово. — С. 318.

переходного признака¹: *нянькувати* — *няньчити*, *сторожувати* — *сторожити* (ср. *сторожевать* — *сторожить*, но только *няньчить*).

2. Низкой степенью полиморфизма в сопоставляемых языках характеризуется значение “совершать действие, обычно производимое в/на том, что названо мотивирующим существительным”. В обоих языках оно выражается непереходными глаголами с суффиксами *-и-* // *-и-*, *-ова-* // *-ува-*: *пленить* (высок.), *шлюзовать*, *балаганить*, *базарить* // *полонити*, *шлюзовати*, *балаганити*. В русском языке в выражении этого значения участвуют также продуктивные, особенно в разговорной речи и просторечии, глаголы с суффиксом *-нича-*: *базарничать*, *балаганничать*, *острожничать* (устар.); окказ. *подворотничать* (В. Шукшин), *ресторанничать* (И. Шмелев), *восточничать* «работать на станции “Восток”» (Газета).

Значение “помещать в место, названное мотивирующим существительным”, передается глаголами с суффиксами *-и-*, *-ова-*, *-ирова-/изирова-* // *-и-*, *-ува-*, *-ізува-*: *складировать* (спец.), *бункеровать* (спец.), *госпитализировать* // *госпіталізувати*, *арештувати*.

Мотивирующими выступают только однокорневые существительные. Как отмечает Н.Ф. Клименко, указанное значение “предполагает размещение объекта действия в определенном пространстве. Оно присуще простым глаголам и не реализуется в композитах. Причина этого явления в том, что локативные композитные существительные в основном характеризуются по месту выполнения действия над определенным объектом, который закрепляется в составе слова. Это и препятствует дальнейшему оформлению от них глаголов”².

3. Значение “проявлять свойство, названное мотивирующим существительным”, выражают непереходные глаголы с суффиксами *-нича-*, *-ствова-* в соответствующем языковом оформлении, представляющие продуктивные в русском языке типы вербализации отвлеченных существительных; в украинском языке эти типы также проявляют продуктивность: *малодушие* — *малодушничать* (разг.), *двуличничать* (разг.), *малодушествовать*, *раболепствовать*, *буйствовать*, *безумствовать*, *торжествовать*, *низкопоклонничать*, *низкопоклонствовать* // *великодушничати*, *криводушничати*, *верхоглядничати*, *низькопоклонничати* и др.

¹ Русанівський В.М. Дієслово. — С. 318.

² Клименко Н.Ф. Указ. соч. — С. 170.

Полиморфизм словообразовательного значения в суффиксальном глаголе украинского языка

Значение мотивирующей основы	Русский язык			
	Мотивирующая основа	Суффикс	Глагол	Продуктивность словообр. типа
Лицо по роду деятельности, профессии	маляр слесарь шофер кашевар	-и-	малярить (прост.) слесарить (прост.) шоферить (прост.) кашеварить	ПТ
	Иноязычные основы: актер адвокат директор профессор ректор	-ствова-	актерствовать адвокатствовать директорствовать профессорствовать ректорствовать	ПТ
Лицо по социальному положению, должности	бурлак князь атаман лакей	-и-	бурлачить княжить атаманить (разг. уст.)	НТ
		-ствова- -нича-	лакействовать лакейничать (разг.)	ПТ РР
Лицо по отношению к другим лицам	гость враг	-и- -ова-/-ева-	гостить гостевать, враждовать	НТ
	приятель вдова сирота нищий	-ствова-	приятельствовать вдовствовать сиротствовать нищенствовать	ПТ
Название лиц по внешним признакам, внутренним свойствам	чудак проказник озорник верховод чудак	-ствова- -нича-	чудачествовать проказничать озорничать	РР
		-и-	верховодить чудачить	НТ РР

Примечания. Принятые сокращения: ПТ — продуктивный тип; НТ — непродуктив

ТАБЛИЦА 5
гольном словообразовании русского

Украинский язык			
Мотивирующая основа	Суффикс	Глагол	Продуктивность словообр. типа
бортник бондар лікар чоботар коваль швець	-ува-	бортникувати бондарювати лікарювати чоботарювати ковалювати шевцювати	ПТ
актор адвокат директор професор ректор бурлака голова козак князь наймит нянька слуга староста	-ува-	акторувати адвокатувати директорувати професорувати ректорувати бурлакувати головувати козакувати князювати наймитувати нянькувати слугувати старостувати	
батько ворог гість приятель подруга товариш дружка кум свашка діва вдова парубок	-ува-	батькувати ворогувати гостювати приятелювати подругувати товаришувати дружкувати кумувати свашкувати дівувати вдовувати парубкувати	ПТ РР
блазень гультяй злидар ледар злодій шахрай Єдиничні иноязычні существительные: жуїр фігляр	-ува-	блазнювати гультяювати злидарювати ледарювати злодіювати шахраювати жуїрувати фіглярувати	НТ РР

ный тип; РР — разговорная речь.

4. Значение “создавать то, что названо мотивирующим существительным”, выражают переходные и непереходные глаголы с суффиксами **-и-, -ова-, -нича-** // **-и-, -ува-**, редко **-ірува-** (**-ирува-**).

В русском языке продуктивны типы с суффиксами **-и-, -ова-** (часто с морфами **-ирова-, -изирова-**), в украинском языке доминантны типы с суффиксом **-ува-, -ізува-** (**-изува-**) (в сочетании с иноязычными основами), суффикс **-и-** представлен в единичных словах.

Самыми широкими синтагматическими связями в обоих языках характеризуется суффикс **-ова-** // **-ува-**, сочетающийся как со славянскими, так и с иноязычными основами: *районировать, проектировать, гримировать, планировать, комплектовать, тюковать, дозировать* // *районувати, гримувати, планувати, проектувати, комплектувати, дозувати*.

Русским глаголам с суффиксом **-ирова-** соответствуют украинские глаголы с суффиксом **-ува-**, выражающие значение “объединяя объекты, создавать то, что названо мотивирующим существительным”:

<i>агрегатировать</i>	<i>агрегатувати</i>
<i>группировать</i>	<i>групувати</i>
<i>картелировать</i>	<i>картелювати</i>

обозначающие “результаты умственной деятельности”:

<i>пародировать</i>	<i>пародіювати</i>
<i>резюмировать</i>	<i>резюмувати</i>
<i>рецензировать</i>	<i>рецензувати</i>
<i>проектировать</i>	<i>проектувати</i>
<i>планировать</i>	<i>планувати</i> и др.

Соответствия суффиксов *-ирова-* // *-ізува-* (*-изува-*) прослеживаются в глаголах, соотносительных с производными существительными на *-изац-* // *-ізац-* (*-изац-*):

<i>витаминировать</i>	<i>вітамінізувати</i>
<i>кристаллизировать</i>	<i>кристалізувати</i>
<i>капитализировать</i>	<i>капіталізувати</i>
<i>колонизировать</i>	<i>колонізувати</i>
<i>монополизировать</i>	<i>монополізувати</i>
<i>стандартизировать</i>	<i>стандартизувати</i>

Соответствия *-изирова-* // *-ізува-* (*-изува-*) представлены в глаголах, мотивированных русскими и украинскими существительными:

<i>большевизировать</i>	<i>більшовізувати</i>
<i>военизировать</i>	<i>воєнізувати</i>
<i>советизировать</i>	
<i>яровизировать</i>	

мотивированных существительными иноязычного происхождения:

<i>автоматизировать</i>	<i>автоматизувати</i>
<i>анализировать</i>	<i>аналізувати</i>
<i>коллективизировать</i>	<i>колективізувати</i>
<i>символизировать</i>	<i>символізувати</i>
<i>систематизировать</i>	<i>систематизувати</i>
<i>экранизировать</i>	<i>екранізувати</i>

2.2. Глаголы, мотивированные адъективами

Значение “совершать действия, свойственные тому, кто (что) имеет признак, названный мотивирующим прилагательным”, выражают русские глаголы с суффиксами *-и-*, *-ова-*, *-нича-*, *-ствова-*,

-а- и украинские с суффиксами -и-, -ува-, -ича- (в единичных словах):

глупый — *глуп-и-ть* “совершать действия, свойственные глупому, вести себя глупо”, *лукавить*, *хитрить*, *картавить*; *лютый* — *лют-ова-ть* (разг.); *важный* — *важничать* (разг.), *жадничать* (разг.), *капризничать*; *злоствовать*, *свирепствовать*, *усердствовать*; *хромать* // *хитр-и-ти*, *мудрити*; *бравувати*, *гордувати*, *лютувати*, *мудрувати*, *хитрувати*, *хворувати*; *скромн-ича-ти*.

Русская и украинская суффиксальные системы отадъективно-го глагольного словообразования четко различаются распределением продуктивности суффиксальных типов, выражающих значение “совершать действия, свойственные тому, кто (что) имеет признак, названный мотивирующим прилагательным”: в украинском языке продуктивны глаголы с суффиксом -ува-. В русском языке тип с суффиксом -ова- непродуктивен, продуктивны, особенно в разговорной речи и просторечии, образования с суффиксами -нича-/-ича- и -ствова-. Ср.: *азартничать* — укр. *входить в азарт*, разг. *розпалюватися*; *важничать* — укр. *величатися*; *любезничать* — укр. *залицятися*, разг. *упадати*¹.

В русском языке суффикс -нича-/-ича- переводит в категорию глагола как прилагательные со значением постоянного признака, так и прилагательные со значением непостоянного признака. “Глаголы, мотивированные прилагательными со значением постоянного признака... означают действие, субъекту которого не обязательно присуще это свойство”² (прост. *вредничать*, разг. *скарעדничать*). Глаголы, мотивированные прилагательными со значением непостоянного признака, представлены окказиональными образованиями, напр.: *сумрачный* — *сумрачничать*, *нарядный* — *нарядничать*.

В обоих языках глаголы с суффиксом -нича- характеризуются пейоративной семантикой, означают отрицательно оцениваемые занятия, поступки: *наивный* — *наивничать*, *интимный* — *интимничать*, *принципиальный* — *принципиальничать*, *оригинальный* — *оригинальничать*, *солидный* — *солидничать*, *деликатный* — *деликатничать*, *официальный* — *официальничать* // *наївничати*, *оригінальничати*, *скромничати*, *офіціальничати*.

Пейоративная семантика присутствует и в большинстве русских глаголов, мотивированных прилагательными со значением постоянного и непостоянного признака, образованных при помощи суффикса -ствова-: *мудрствовать*, *свирепствовать*, *усердство-*

¹ Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. — К., 1982. — С. 202.

² Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 344.

Значения отадективных суффиксальных глаголов в современных

Словообразовательное значение	Мотивирующие	Русский язык		
		Суффикс	Глагол	Продуктивность слово-обр. типа
Приобретать признак, названный мотивирующим адективом	Адективы разной семантики	-е-	стареть, умнеть, взрослеть, влажнеть, темнеть, тяжелеть, багроветь, белеть, чернеть	ПТ
	Супплетивная форма компаратива		лучшеть, хужеть, мягчать (прост.)	НТ
	Адективы в положительной и сравнительной степени Формы компаратива	-а-	дичать, крепчать, легчать, мельчать	НТ РР и просторечие
Проявлять признак, названный мотивирующим адективом	Некоторые адективы одновременно в положительной и сравнительной степени	-ну-	глохнуть, слепнуть, сохнуть	НТ
	Адективы со значением внешнего признака	-е-	белеть (виднеться), голубеть, пестреть, темнеть, светлеть	ПТ
	Адективы различной семантики	-и- -ствова- -ова-	горчить, фальшивить бодрствовать, лукавствовать, мудрствовать, свирепствовать пустовать	ПТ ПТ НТ
Проявлять признак (в своем поведении)	Адективы на -н[ый]	-нича-	азартничать, вольничать, деликатничать, важничать, любезничать, скромничать, интимничать	ПТ, особенно в РР и просторечии
		-ова-	лютовать (прост.)	НТ
		-и-	глупить, хитрить, косяпачить	ПТ

Примечания. Принятые сокращения: ПТ — продуктивный тип; МТ — малопродуктивная речь.

ТАБЛИЦА 6
русском и украинском языках

Украинский язык		
Суффикс	Глагол	Продуктивность слово-обр. типа
-і-	старіти, розумніти, багровіти, багряніти	ПТ
-а-	дрібнішати, кращати, легшати, розумнішати	НТ РР
-ну-	бліднути, глухнути, жовкнути, сліпнути, сохнути, тихнути	ПТ
-і-	біліти, голубіти, жовтіти, синіти, темніти	ПТ
-и-	гірчити, фальшивити	ПТ
-и-	лукавити, мудрити	МТ
-ува-	слабувати, сліпувати, щирувати	ПТ
-нича-	делікатничати (разг.), скромничати	ПТ в единичных словах
-ува-	бравувати, гордувати, лютувати, мудрувати, хитрувати, хворувати	ПТ
-и-	мудрити, хитрити (хитрувати)	МТ

вать, безмолвствовать, умствовать. В украинском языке им соответствуют образования с суффиксами **-ува-**, **-и-**: *лукавствовать — лукавити, мудрствовать — мудрити, мудрувати*.

Близкое предыдущему значение “совершать действия, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прилагательным”, выражается глаголами продуктивного в обоих языках типа с суффиксом **-и-** // **-и-**: *фальшивый — фальшивить // фальшивити*; а также русскими глаголами с суффиксом **-ствова-** и украинскими с **-ува-**: *усердствовать // фальшувати*.

Многие глаголы с суффиксом **-нича-/ича-** в обоих языках и с суффиксом **-ствова-** в русском языке одновременно выражают и значение “совершать действие, свойственное тому, кто обладает признаком, названным мотивирующим прилагательным”, и “совершать действие, характеризующееся признаком, названным мотивирующим прилагательным”, мотивируясь прилагательными, обозначающими признак, характеризующий не только

ный тип; НТ — непродуктивный тип; РР — разговор-

человека. Напр.: *принципиальный* (человек, взгляды, поступок) — *принципиальничать*; *оригинальный* (человек, решение) — *оригинальничать* // *оригінальничати*.

Значение “делать таким, как определено мотивирующим прилагательным; наделять признаком, который назван мотивирующим прилагательным”, выражают глаголы продуктивного в этих языках типа с суффиксом *-и-* // *-и-*: *белый* — *бел-и-ть*, *зеленить*, *сушить*, *веселить*, *горбатить*, *грязнить*, *леденить*, *пьянить*, *рыхлить*, *хохлатить* // *білити*, *бруднити*, *веселити*, *жовтити*, *зеленити*, *сліпити*, *батьорити*, *дрібнити*, *зорити*, *синити*, *чорнити* и др.

Каузативные глаголы этого типа противопоставлены глаголам эволютивным, оформленным суффиксами *-ну-* и *-е-* // *-і-*. Мотивирующими выступают те же типы прилагательных, что и в эволютивных глаголах — простые и аффиксальные (*белый* — *белеть* — *белить*, *ледяной* — *леденеть* — *леденить* // *білий* — *білити* — *білити*, *брудний* — *брудніти* — *бруднити*).

Глаголы с тем же значением от иноязычных основ оформляются в русском языке сложными суффиксами *-изова-/-изирова-*, *-фицирова-* и *-ізува-* (*-изува-*), *-фікува-* в украинском: *активный* — *активизировать* “сделать активным или более активным”, *нейтрализовать*, *стабилизировать*, *рационализировать* (*раціоналізувати*), *синхронизировать*, *специализировать*, *морализировать*, *гармонизировать*, *догматизировать*, *латинизировать*, *европеизировать*, *локализовать*, *кинофицировать*, *радиофицировать*, *интенсифицировать*, *мистифицировать*, *идентифицировать* // *активізувати*, *індустріалізувати*, *індивідуалізувати*, *локалізувати*, *матеріалізувати*, *нейтралізувати*, *популярізувати*, *стабілізувати*, *стерилізувати*, *інтенсифікувати*, *містифікувати*, *ідентифікувати* и др.

3. ОТГЛАГОЛЬНОЕ СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Во внутриглагольном суффиксальном словообразовании суффиксация служит средством выражения временных значений однократности и многократности действия. В суффиксальных глаголах выражаются также каузативное, локативное и видовые зна-

чения. Значение интенсивности выражается в сочетании со значением однократности ¹.

Глагольная система современных русского и украинского языков использует несколько типов внутриглагольного суффиксального словообразования.

Наиболее распространенные и продуктивные типы внутриглагольного суффиксального словообразования в обоих языках передают значения временной характеристики динамического признака, временной характеристики в сочетании с интенсивностью проявления динамического признака, значение несовершенного вида.

Значение однократности действия выражает продуктивный в обоих языках словообразовательный тип глаголов совершенного вида с суффиксом *-ну-*: *кричать — крикнуть, толкнуть, мазнуть, зевнуть, скрипнуть // крикнуть, штовхнути, стрибнути, бухнути*. Взаимодействуя с глагольными основами, суффикс *-ну-* ограничивает обозначаемое ими действие “пределами одного момента, мига, т. е. придает глаголу значение недлительности, мгновенности, одноактности, моментальности” ².

Дериваты с суффиксом *-ну-* мотивируются глаголами следующих структурных классов ³:

- большинство дериватов мотивируется глаголами с суффиксом *-а-*: *хлебать, звякать, лизать, лаять, кричать // качати — качнути, колихати — колихнути, копати — копнути, рубати — рубнути*.

Ударение падает на суффикс при отсечении ударного слога мотивирующих глаголов: *зевáть — зевну́ть, толкнóуть, копну́ть // качáти — качну́ти, колупáти — колупну́ти, колихáти — колихну́ти, копáти — копну́ти* (их большинство) или на предсуффиксальный слог: *кричáть — кри́кнуть, плевáть — плю́нуть*. Ударение на мотивирующей основе имеют глаголы с суффиксом *-ну-* при сохранении ударного слога мотивирующего глагола: *пры́гать — пры́гнуть, царáпать — царáпнуть, кáшлять — кáшлянуть, тóпнуть, кáпнуть // брызкати — брызнути, блі́скати — блі́снути, грі́мати — грі́мнути, кра́пати — кра́пнути*;

- небольшая группа мотивируется глаголами с суффиксами:

- и- // -и-: *скольз-и-ть — скользнуть, палить — пальнуть // ворух-и-ти — ворухнути, трусити — труснути*;

¹ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 397.

² Виноградов В.В. Указ. соч. — С. 362.

³ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 348; Словотвір сучасної української літературної мови. — С. 201—202.

-е- // -і-: свист-е-ть — свистнуть, скрипнуть, храпнуть, хрипнуть, хрустнуть // свист-і-ти — свис-ну-ти, скрип-і-ти — скрип-ну-ти, хруст-і-ти — хрус-ну-ти;

бессуффиксными глаголами: грес-ти — греб-ну-ть (разг.), скрести — скребнуть, трясти — трянуть, грызть — грызнуть // ду-ти — ду-ну-ти, тряс-ти — тряс-ну-ти, тер-ти — тер-ну-ти, гриз-ти — гриз-ну-ти, скуб-ти — скуб-ну-ти.

При образовании глаголов совершенного вида с суффиксом однократности -ну-, мотивированных глаголами несовершенного вида с основой на -а-, в русском и украинском языках наблюдается ряд общих фонетических изменений. Происходит чередование “гласная — нуль” в корне: тыкать — ткнуть (разг.), чихать — чхнуть (прост.) // відтикати — відіткнути, нагинатися — нагну-тися; чередование “гласная — нуль” с совмещением морфов: пинать — пнуть (прост.), пихать — пхнуть (прост.) // відтинати — відітнути, примикати — примкнути. В русских глаголах представлено чередование ы — о: дышать —дохнуть. Ср. в украинском глаголе дихати — дихнути.

В части глаголов происходит усечение предсуффиксальных согласных мотивирующей глагольной основы г, д, к, т:

брызгать — брызнуть (но без отсечения лязгать — лязгнуть), двигать — двинуть (но устар. двигнуть, дрыгать — разг. дрыгнуть) // двигати — двинути;

глядеть — глянуть, кидать — кинуть (но бодать — боднуть) // кидати — кинути, заглядати — заглянути;

кувыркать — кувыркнуть (прост.), кувырнуть (прост.), плескать — плеснуть, тискать — тиснуть (разг.) (но рыскать — рыскнуть) // блискати — блиснути, затискати — затиснути, тріскати — тріснути;

шептать — шепнуть (но болтать — разг. болтнуть) // завертати — завернути, розгортати — розгорнути.

Конечные гласные мотивирующей основы инфинитива в глаголах с суффиксом -ну- отсутствуют: кричати — крикнуть, рубить — рубнуть, свистеть — свистнуть // копати — копнути, рубати — рубнути, махнути, лизнути, штовхнути, труснути, кольнути, зойкнути.

Исключение составляют глаголы с односложной основой на гласную и предшествующей ей группой согласных, не сочетающихся с начальной согласной суффикса -ну-: дуть — дунуть, кашлять — кашлянуть // дунути, кашлянути¹.

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 348—349; Словотвір сучасної української літературної мови. — С. 201—202.

Это же значение однократности с дополнительным оттенком интенсивности или экспрессивности, резкости действия в обоих языках выражают глаголы с суффиксом *-ану-* // *-ону-* (все — разговорные или просторечные): *мазануть, резануть, толкануть* // *мазонути, ризонути, садонути*. Большая часть дериватов мотивируется глаголами несовершенного вида на *-ать*, чаще всего обозначающими действие, состоящее из однородных актов.

Специфической особенностью системы русского суффиксального внутриглагольного словообразования является выражение значения многократно повторяющегося действия посредством суффикса *-ыва-*, образующего глаголы несовершенного вида от глаголов того же вида: *есть — есть, петь — певать, ходить — хаживать*. Глаголы с суффиксом многократности характерны для стилизованных под фольклор художественных текстов, разговорной речи. Напр.: *Хаживать пешком; Хаживать в гости; Хаживать на медведя; Прежде, бывало, один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах* (Н. Гоголь); *Когда-то давно к бабушке хаживала за подаянием ее дальняя родственница, Марья Петровна* (А. Чехов); — *Акулина Ивановна, сделай милость, пройдишь разок! Как, бывало, с Максимом Савватеевым хаживала. Утешь! — ..Куда уж мне плясать!* (М. Горький).

Отличительная особенность украинской суффиксальной системы внутриглагольного словообразования связана с выражением значения повторяющегося действия суффиксами *-ота-*, *-оті-*. Эти суффиксы образуют глаголы несовершенного вида от глаголов того же вида, мотивированных звукоподражательными словами, и передают значение интенсивности. Напр.: *В stodолі пусто, серед току ями, Зачинений, не торохкоче млин...* (І. Франко); *Мотор торохкотів, здавалося, на всю бухту* (О. Донченко); *Торохкотіли колеса брички по бруку* (Н. Рибак); *Третю годину зморено торохкотить наш візок шляхами хлібосольної Таврії* (Хлібороб України).

В. ОТГЛАГОЛЬНОЕ ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Префиксально-суффиксальный способ словообразования глаголов в современных русском и украинском языках служит, главным образом, средством выражения модификационных значений интенсивности и характера протекания действия во времени.

Продуктивные словообразовательные типы префиксально-суффиксальных глаголов, выражающих временные модификационные значения, преимущественно в сочетании со значением интенсивности, в обоих языках представлены дериватами с формантами, состоящими из комбинации “живого суффикса несовершенного вида” (по выражению В.В. Виноградова) **-ива-** // **-ува-** с префиксами.

В русском языке продуктивны словообразовательные типы глаголов с суффиксом **-ива-** и префиксами **вы-**, **на-**, **от-**, **под-**, **при-**, **раз-**¹.

В современном украинском языке выделяются четыре продуктивных словообразовательных типа отглагольных префиксально-суффиксальных глаголов с формантами, представленными комбинацией суффикса **-ува-** с префиксами **по-**, **ви-**, **під-**, **при-**².

В префиксально-суффиксальном отглагольном словообразовании глаголов выражаются значения временной локализации действия (одновременности с другим действием, попеременности, нерегулярной повторяемости), временной длительности в сочетании со значением интенсивности (длительности, непрерывности действия, совершаемого с большой интенсивностью; кратковременности в сочетании с небольшой интенсивностью; однократности в сочетании с небольшой интенсивностью), квалификативные характеристики (медленности, неторопливости протекания действия во времени).

Значения интенсивности действия в префиксально-суффиксальных глаголах выражаются как в сочетании с временными модификациями, так и без сопровождения характеристикой проявления действия во времени.

Значение слабой интенсивности действия передают глаголы нескольких словообразовательных типов с формантами, представленными сочетанием суффикса **-ива-** // **-ува-** с префиксами **на-**, **под-**, **при-** // **на-**, **під-**, **при-**: *насвистывать* — “свистеть слабо, тихо”, *накрапывать, напевать* // *напрошувати, насвистувати, наспівувати*; *подпахивать* (разг.) — “немного пахнуть”, *поддуть, подкашливать, подхрапывать* (все — разговорные) // *підсвистувати, підтьохкувати*; *прихрамывать* — “немного хромать”, *припахивать, прихварывать, прихлебывать* (все — разговорные) // *прикульгувати, пришкандибувати*.

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 381.

² Словотвір сучасної української літературної мови. — С. 312—313.

Значение небольшой интенсивности в сочетании с нерегулярной повторяемостью выражают глаголы с формантом **по-...-ива-** // **по-...-ува-**: *повизгивать, подергивать, подрёмывать* (разг.), *покашливать, поругивать* (разг.) // *погойдувати, погрюкувати*.

Значение “старательно, тщательно совершать действие, названное производящим глаголом”, выражают продуктивные в обоих языках словообразовательные типы глаголов с формантом **вы-...-ива-** // **ви-...-ува-**: *вытанцовывать* — “старательно танцевать, отчетливо выделяя каждую фигуру танца”, *выплясывать, высвистывать, выщёлкивать* (все — разговорные) // *витьохкувати*.

Значение интенсивности действия, состоящего из ряда однородных актов, в русском языке передают также глаголы с формантом **от-...-ива-**: *отплясывать* (разг.) — “плясать с увлечением, с жаром”, *отстукивать, отщёлкивать*.

В украинском префиксально-суффиксальном отглагольном словообразовании модификационные значения интенсивности действия и характера его протекания во времени передают следующие словообразовательные типы.

Значение “действие, названное производящим глаголом, совершается время от времени и не очень интенсивно” выражают глаголы с префиксально-суффиксальным комплексом **по-...-ува-**: *поблискувати, погойдувати, погрюкувати, погукувати* и др.; глаголы с префиксом **під-** и суффиксом **-ува-**: *підкахикувати, підсьобувати, підхльостувати, підцмокувати*.

Значение “время от времени совершать действие, названное производящим глаголом”, выражают дериваты с суффиксом **-ува-** и префиксом **ви-**: *виблискувати, вигойдувати, вигукувати, вимазувати*.

Значение “действие, названное производящим глаголом, совершается не в полную силу и сопровождает другое действие” выражают глаголы с суффиксом **-ува-** и префиксом **при-**: *прицмокувати, притакувати*; глаголы с суффиксом **-ува-** и префиксом **під-**: *підсвистувати, підтакувати, підтьохкувати*.

Значение “неинтенсивного действия, названного производящим глаголом”, передают дериваты с суффиксом **-ува-** и префиксом **при-**: *прикульгувати, пришкандибувати, прихвалювати*; глаголами с суффиксом **-ува-** и префиксом **на-**: *накрапувати, насвистувати, наспівувати* (непродуктивный тип).

Значение “старательно, тщательно совершать действие, названное производящим глаголом”, выражают производные с суффиксом **-ува-** и префиксом **ви-**: *витьохкувати*.

Значение “действие, названное производящим глаголом, совершено заново” выражают глаголы совершенного вида с суффи-

**Префиксально-суффиксальные биморфемы глаголов
в современных русском и украинском языках**

№ п/п	Русский язык		Украинский язык	
	Префикс	Суффикс	Префикс	Суффикс
1	вы-...	-и-	ви-...	-и-
2	за-...		за-...	
3	из-...			
4	на-...		на-...	
5	о-...		о-...	
6	об-...		об-...	
7	обез-...		обез-... збез-... зне-...	
8	от-...		від-...	
9	пере-...		пере-...	
10	по-...		по-...	
11	под-...		під-...	
12	при-...		при-...	
13	про-...		про-...	
14	раз-...		роз-...	
15	с-...			
16	у-...		в-/у-...	
1	за-...	-е-		-і-
2	о-...		о-...	
3	об-...			
4	обез-...		обез-... збез-... зне-...	
5	по-...		по-...	

ксом **-и-** и префиксом **пере-**: *перевісити, перечепити* (непродуктивный тип).

Отадъективные префиксально-суффиксальные глаголы, включающие суффикс **-и-**, имеют значение наделения признаком, который назван мотивирующим адъективом, или наделения признаком в чрезмерной степени, в незначительной степени, а также значение “лишить того признака, который назван мотивирующим адъективом”.

Отадъективные глаголы образуются при помощи формантов, представленных преимущественно сочетанием суффикса **-и-** с ра-

зными префиксальными морфемами. Менее разнообразны форманты, образованные комбинацией префиксов с суффиксами -е- // -і- (см. табл. 7).

Значение “наделить тем признаком, который назван мотивирующим адъективом”, передает продуктивный словообразовательный тип глаголов с префиксом у- и суффиксом -и-, оформляющими как адъективные основы положительной степени, так и сравнительной: *удлинить, укоротить, уточнить; ухудшить* (непосредственная мотивация адъективом *худший* и опосредованная — компаративом *хуже*); *улучшить, уменьшить* (мотивация компаративам *лучше, меньше*).

Значение “наделить (иногда чрезмерно) тем признаком, который назван мотивирующим адъективом”, имеют глаголы продуктивных словообразовательных типов:

- с префиксом за- и суффиксом -и-: *затруднить* — “сделать трудным или труднее”, *завысить* — “представить в больших размерах, чем следует” (многие глаголы мотивируются положительной степенью и компаративом);
- с префиксом о- и суффиксом -и-: *облагородить, оздоровить, осложнить* — “сделать немного сложнее” и “сделать сложным”;
- с префиксом об- и суффиксом -и-: *облегчить* — “сделать легким или более легким”.

Г. ПОСТФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Постфиксация, заключающаяся в присоединении постфикса -ся к мотивирующей основе, является специфическим способом глагольного словообразования. В отглагольном словообразовании словообразовательная функция постфикса -ся носит самостоятельный характер, в отыменном словообразовании постфикс -ся выступает в сочетании с другими аффиксами, образуя с ними словообразовательный формант¹.

Русский и украинский языки не различаются механизмом постфиксального словообразования глаголов. Постфиксация выступает, главным образом, средством снятия значения переходности морфологическим (словообразовательным) способом, образуя непереход-

¹ *Городенская Е.Г. Словообразование // Украинская грамматика. — К., 1986. — С. 214.*

ные соответствия переходным глаголам¹. Все постфиксальные глаголы непереходны. Большая часть из них мотивируется переходными глаголами любой структуры. Взаимодействуя с переходными глаголами, постфикс *-ся* образует новые лексические единицы, относящиеся к одной из функционально-семантических групп непереходных глаголов² со значением: возвратности — *брить* — *бриться*, *стричься*, *умываться*, *купаться*, *спасаться* // *стригтися*, *умиватися*, *купатися*, *рятуватися* и др.; взаимной возвратности — *встретиться*, *сойтись*, *целоваться*, *здороваться* // *зустрітися*, *зійтися*, *цілуватися*, *вітатися* и др.; состояния, положения (общевозвратные) — *выпрямиться*, *подняться*, *согнуться* // *випрямитися* (*розпрямитися*), *піднятися* (*піднестися*, *підвестися*, *звестися*), *зігнутися*; свойства-качества (активно-безобъектные и характеризующе-качественные глаголы) — *царапать* (кого? что?) — *царапаться* “иметь склонность царапать” (*кошки царапаються*), *бодаться*, *дразниться*, *кусаться*; *жечь* — *жечься* (*крапива жжеться*), *биться*, *плавиться*, *рваться* // *дряпатися*, *буцатися*, *колотися* (рогами), *жалитися* (разг.), *битися*, *розриватися*; с побочно-возвратным значением — *цеплять* — *цепляться за руку*, *держаться за поручень* // *триматися за поруччя* (см.: Возвратные глаголы действительного залога)³.

Постфикс *-ся* в обоих языках взаимодействует также с непереходными глаголами, обозначающими:

а) состояние субъекта (обычно живого существа): *говорить* — *говориться* // *говорити* — *говоритися*; *лежать* — *лежаться* // *лежати* — *лежатися*; *спать* — *спаться* // *спати* — *спатися*; *петь* — *петься* // *співати* — *співатися*; *верить* — *вериться* // *вірити* — *віритися*⁴. Присоединяясь к таким глаголам, постфикс *-ся* пере-

¹ Русанівський В.М. Дієслово. — С. 335.

² Русанівський В.М. Структура українського дієслова. — К., 1971. — С. 215.

³ В лингвистической литературе представлены и другие трактовки функций постфикса *-ся* и статуса постфиксальных образований (см.: Уткин Д.В. О взаимосвязи глагольных категорий и форм // Ученые записки Петропавловского гос. пединститута. Вып. 2. — Петропавловск, 1957. — С. 240; Шершнева М.С. К вопросу о категории залога в современном русском языке // Ученые записки Дагестанского гос. университета им. В.И. Ленина. — 1962. — Т. 8. — С. 76).

⁴ Только страдательное значение постфикс *-ся* выражает в сочетании с переходными глаголами, обозначающими воздействие на объект типа *ассигноваться*, *асфальтироваться*, *автоматизироваться*, *аргументироваться*, *бетонироваться* // *асигнуватися*, *автоматизуватися*, *аргументуватися*, *бетонуватися* и т. п. (См.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 614; Русанівський В.М. Структура українського дієслова. — С. 216).

водит их в класс безличных, называющих состояния, переживаемые субъектом помимо его воли, напр.: *Свежо предание, а верится с трудом* (А. Грибоедов); *легко дышится*; “*Не спится, няня: здесь так душно!*” (А. Пушкин) // *легко дихається*; “*Ой, не спиться, й не лежиться, і сон мене не бере*” (Нар. пісня);

б) нарастание признака, пребывания в состоянии (отадъективные глаголы с суффиксами *-е-* // *-і-*): *белеть* — *белеться*, *чернеть* — *чернеться* // *біліти* — *білітися*, *чорніти* — *чорнітися* и т. п. Присоединяясь к непереходным глаголам, постфикс *-ся* образует пары лексически очень близких глаголов, привносит оттенок неопределенности, слабости выявления признака¹.

Д. СУФФИКСАЛЬНО-ПОСТФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Суффиксально-постфиксальные форманты осуществляют глагольную транспозицию субстантивных и адъективных основ. Большинство суффиксально-постфиксальных глаголов в русском и украинском языках мотивируется именами существительными.

1. Отсубстантивные суффиксально-префиксальные глаголы в русском и украинском языках оформляются преимущественно суффиксом *-и-* // *-и-* и постфиксом *-ся* и передают значения:

- “покрываться, наполняться тем, что названо мотивирующим существительным, создавать то, что названо мотивирующим существительным”: *ветвиться* “пускать от себя ветви”, *колоситься*, *куститься*, *пузыриться*, *щетиниться*, *слезиться*, *толпиться* // *колоситися*, *кущитися*, *пузиритися*, *пухиритися*, *щетинитися*;

- “уподобляться по некоторым признакам тому, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным”: *змеиться*, *петушиться* (разг.), *невеститься* (прост.); *квадратиться* (окказ.), *углиться*, *барахтаться* // *гадючитися*, *звіритися*, *комашитися*, *лопушиться*, *пирожитися*;

- “рождать детеныша”: *жеребиться*, *пороситься*, *телиться*, *щениться*, *ягниться* // *жеребитися*, *пороситися*, *телитися*, *щенитися* (лексически ограниченный тип);

- меньше представлены глаголы с другими значениями: *лениться*, *гнездиться*; *сторониться*, *гонориться*, *кумиться*, *сестриться* // *лінитися*, *гніздитися*, *буритися*; *бочитися*, *гоноритися* (диал.), *сестритися*.

¹ *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. — М., 1976.

Семантическая характеристика префиксально-суффиксальных гла

Словообразовательное значение	Русский язык		
	Форманты	Глаголы	Продуктивность слово-обр. типа
Полностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом	вы-...-ся	выговориться, вылежаться, выплакаться, выспаться	ПТ
Прийти в нормальное состояние с помощью действия, названного мотивирующим глаголом	от-...-ся ото-...-ся	отлежаться, отдышаться, отоспаться	ПТ
Интенсивное или длительное действие, названное мотивирующим глаголом, довести до чего-либо (границы, цели, результата и т. п.)	до-...-ся	добудиться, додуматься, дождаться, дозваться, достучаться	ПТ
Прибыть из разных мест в одно с помощью действия, названного мотивирующим словом	с-...-ся	сбежаться, слететься, съехаться, сойтись	ПТ
Достигнуть согласованности, взаимопонимания, совершая действие, названное мотивирующим глаголом	с-...-ся	сыгратся, сжиться, сработаться, спеться	ПТ
В течение длительного или чрезмерно длительного времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие, увлечься, утомиться	за-...-ся	забегаться, заслушаться, заговориться, заиграться, зачитаться	ПТ
Дойти до нежелательного состояния в процессе длительного действия, названного мотивирующим глаголом	у-...-ся	убегаться, упрыгаться, уходитьсь	ПТ, особенно в РР
Ошибочным, неудачным или невольным совершением действия, названного мотивирующим глаголом, причинить себе ущерб или выявить нежелательное	про-...-ся	просчитаться, проговориться, проболтаться, проторговаться	ПТ

ТАБЛИЦА 8
голов русского и украинского языков

Украинский язык		
Форманты	Глаголы	Продуктивность слово-обр. типа
ви-...-ся	вилежатися, виспатися	ПТ
від-...-ся	відлежатися, віддихатися, відіспатися	ПТ
до-...-ся	добудитися, додуматися, дочекатися, докликатися, достукатися	ПТ
з-...-ся	збігтися, злетітися, з'їхатися, зійтися	ПТ
з-/с-...ся	зігратися, зжитися, спрацюватися, зспіватися	ПТ
за-...-ся	заслухатися, заговоритися, загулятися, загратися, зачитатися, задивитися	ПТ
в-/у-...-ся	убігатися, уїздитися, уходитися, уплигатися	ПТ, особенно в РР
про-...-ся	прорахуватися, проговоритися, пробрехатися, проторгуватися	ПТ

Представлено в обоих языках также отыменное образование при помощи тематического суффикса **-а-** и постфикса **-ся**, производного суффикса **-ова-** // **-ува-** и постфикса **-ся**.

Глаголы с суффиксом **-а-** и постфиксом **-ся** передают различные типы отношений или взаимоотношений, связи между теми, кто назван мотивирующим существительным: *брататься, женихаться, чужаться // куматися, родатися, родичатися, женихатися, свататися*. В украинском языке этот тип продуктивен в разговорной речи и просторечии.

Другие суффиксально-постфиксальные пары выделяются в отдельных, разобщенных по семантике глаголах: *почковаться (спец.), рубцеваться, столоваться, нуждаться, виднеться; атрофироваться, гипертрофироваться, солидаризоваться (солидаризироваться) // -и-* в сочетании с **-ся**: *пізнитися*; **-ува-** в сочетании с **-ся**: *атрофуватися, клубуватися, листуватися, лінуватися, рубцюватися, силкуватися, біснуватися, солідаризуватися, адвербіалізуватися, гідролізуватися*; **-і-** в сочетании с **-ся**: *пишнітися* и др.

Словообразовательное значение	Русский язык		
	Форманты	Глаголы	Продуктивность слово-обр. типа
Не спеша, для отдыха или прогулки совершить действие, названное мотивирующим глаголом	про-...-ся	прогуляться, проехаться, пробежаться, пройтись	ПТ
Направиться в разные стороны, распространиться, разделиться с помощью действия, названного мотивирующим глаголом	раз-...-ся	разбежаться, разлететься, разойтись, разъехаться, разлиться, разрастись	ПТ
Углубиться, вникнуть во что-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом	в-...-ся	вдуматься, вслушаться, вчитаться	ПТ
Достигнуть какого-либо места с помощью действия, названного мотивирующим глаголом	до-...-ся	докопаться, дорыться, дочерпаться	ПТ
Неверно, ошибочно, неудачно совершить действие, названное мотивирующим глаголом	о-/об-...-ся	оговориться, обмолвиться, обсчитаться	Тип проявляет П
Действие, названное мотивирующим глаголом, совершить чрезмерно, причинив себе неприятность	о-/об-...-ся	объесться, объедаться, обпитья, обпитья	МТ
Прийти в нормальное состояние, совершив действие, названное мотивирующим глаголом	про-...-ся	продышаться, прокашляться, проспаться	Проявляет продуктивность в РР и просторечии
Окончить длившееся определенное время действие, названное мотивирующим глаголом	от-...-ся	отсеяться, откоситься, отработаться	ПТ в РР и просторечии
Названное мотивирующим глаголом действие обратить к объекту восприятия	при-...-ся	прислушаться, принюхаться	МТ

Продолжение табл. 8

Украинский язык		
Форманты	Глаголы	Продуктивность слово-обр. типа
про-...-ся	прогулятися, пробігтися, проїхатися, пройтися	ПТ
роз-...-ся	розбігтися, розлетітися, розійтисся, розїхатися, розлитися, розростися	ПТ
в-/-у...-ся	вдуматися, вслухатися, вчитатися	МТ
до-...-ся	докопатися, дошкрябатися	МТ
об-...-ся	обмірятися, обмовитися, обрахуватися	МТ
об-...-ся	обїстися, обжертися, обпитися	МТ
про-...-ся	проспатися, прокашлятися	МТ
об-...-ся	обсіятися, обкоситися, обробитися	МТ
при-...-ся	прислухатися, прийнятися	МТ

2. Отадъективные суффиксально-постфиксальные глаголы в обоих языках оформляются сочетанием суффикса *-и-* // *-и-* и постфикса *-ся* и выражают значения:

- “проявлять признак, названный мотивирующим прилагательным”: *дичитися* (разг.), *скупитися*, *угрюмитися* (разг.), *упрямитися*, *жеманитися*, *строптивитися* (устар.), *резвиться* // *гордиться*, *скупитися*;

- “приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным”: *трухлявиться* (разг.), *худитися* (разг.) // *золотавитися*, *височитися*, *широчитися*.

Таким образом, ядро суффиксально-постфиксальных глаголов в обоих языках составляют глаголы с основообразующим суффиксом *-и-* // *-и-*.

Е. ПРЕФИКСАЛЬНО-ПОСТФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Комплексный формант, состоящий из префикса и постфикса, в русском и украинском языках взаимодействует только с инфинитивными основами. С постфиксом выступают префиксы *в-*, *вз-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *о-*, *об-*, *от-*, *под-*, *при-*,

Словообразовательное значение	Русский язык		
	Форманты	Глаголы	Продуктивность слово-обр. типа
Совершая действие, названное мотивирующим глаголом, приспособиться, привыкнуть к чему-нибудь	при-...ся	притерпеться, прижиться	ПТ
Удобно или надолго разместиться, устроиться посредством действия, названного мотивирующим глаголом	у-...ся	усесться, улечься	НТ
Начав действие, названное мотивирующим глаголом, достигнуть большей интенсивности этого действия	раз-...-ся	развеселиться, раскричаться	ПТ
Интенсивно начать действие, названное мотивирующим глаголом	вз-...-ся	взвеселиться, вздуриться, всплакаться, взбучиваться, взмахаться	ПТ

Примечание. Принятые сокращения: ПТ — продуктивный тип; НТ — непродуктив разговорная речь.

про-, раз-, с-, у- // в-/у-, ви-, від-, до-, з-, з-/с-, за-, на-, об-, при-, про-, роз-.

Префиксально-постфиксальный способ словообразования глаголов в сопоставляемых языках обнаруживает значительную общность. В префиксально-постфиксальных словообразовательных типах находит свое выражение целый ряд словообразовательных значений¹ (табл. 8).

Продуктивные словообразовательные значения, выражаемые префиксально-постфиксальными глаголами, в сопоставляемых языках передаются преимущественно аналогичными словообразовательными типами.

¹ Набор словообразовательных значений префиксально-постфиксальных глаголов дается по: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1; Русанівський В.М. Структура українського дієслова; см. также: Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. — С. 220—232; Брицин М.А., Жовтобрюх М.А., Майборода А.В. Порівняльна граматики української і російської мов. — К., 1978.

Окончание табл. 8

Украинский язык		
Форманты	Глаголы	Продуктивность слово-обр. типа
при-...-ся	притертися, прижитися	МТ
в-/у-...-ся	усістися, улягтися, умоститися	МТ
роз-...-ся	розвеселитися, розкричатися	ПТ
з-/с-...-ся роз-...-ся	звеселитися, розвеселитися, розплакатися	ПТ

ный тип; МТ — малопродуктивный тип; РР —

Выделяются следующие соответствия префиксально-постфиксальных формантов русских и украинских глаголов:

в-...-ся // в-/у-...-ся
 вз-...-ся // з-/с-...-ся,
 роз-...-ся
 вы-...-ся // ви-...-ся
 до-...-ся // до-...-ся
 за-...-ся // за-...-ся
 из-...-ся // з-...-ся
 на-...-ся // на-...-ся
 о-/об-...-ся // о-/об-...-ся
 при-...-ся // при-...-ся
 про-...-ся // про-...-ся
 раз-/разо-...-ся/-сь //
 роз-/рози-...-ся
 с-...-ся // з-/с-...-ся
 у-...-ся // у-...-ся.

Расхождения в средствах выражения отдельных словообразовательных значений связаны с некоторыми отличиями в наборе словообразовательных формантов. Так, в русском языке выделяется формант **воз-...-ся** в слове *возгораться*, в украинской словообразовательной системе отсутствует формант **вз-...-ся**, оформляющий глаголы со значением “интенсивно начинать действие, названное мотивирующим глаголом” (*взвеселиться*) или “интенсивно углубиться в действие (состояние), названное мотивирующим словом” (*взъестся*).

Наблюдаются аналогии и в многозначных словообразовательных моделях, например, полисемичная модель **раз-...-ся** в исследуемых языках представляет два словообразовательных значения — локативности и интенсивности.

В сопоставляемых языках наблюдаются некоторые отличия в выражении словообразовательных значений, различающихся по признаку продуктивности/непродуктивности. Так, значение “окончить длившееся определенное время действие, названное мотивирующим глаголом”, в русском языке передается продуктивным в разговорной речи и просторечии словообразовательным типом с

формантом, состоящим из префикса **от-** и постфикса **-ся**, в украинском — аналогичным продуктивным словообразовательным типом с биморфемой **від-/ віді-...-ся**, а также малопродуктивным типом глаголов, образованных при помощи форманта, представленного префиксом **об-** и постфиксом, ср.: *отсеяться, откоситься, отработаться, отвоеваться // обсіятися, обкоситися, обробитися; відкоситися, відвоюватися.*

В целом же набор словообразовательных типов, представленных глаголами с соотносительными формантами, в русском и украинском префиксально-постфиксальном словообразовании, как правило, совпадает, и отличия наблюдаются лишь в отдельных лексемах. Например, русские глаголы с формантом **от-...-ся** (**ото-...-ся**) и соответствующие им украинские с формантом **від-...-ся** (**віді-...-ся**) представлены тремя словообразовательными типами:

а) глаголы, передающие значение “законченность, исчерпанность действия, названного мотивирующим глаголом”: *откоситься // відкоситися;*

б) глаголы, передающие значение “с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, прийти в нормальное состояние”: *отвисеться // відіспатися;*

в) глаголы, передающие значение “с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, уклониться от кого-нибудь или чего-нибудь”: *отвертеться // відкрутитися* и др.

Глагольное словообразование русского и украинского языков проявляет тесную взаимосвязь, широкое взаимодействие именных и глагольных категорий.

За исключением нескольких типов внутриглагольного суффиксального и смешанных способов словообразования глаголы продуктивных структурных (словоизменительных) классов представлены отыменными производными.

В системе глагольного словообразования находят выражение все типы словообразовательных значений: модификационные, мутационные, транзитивные.

В русском и украинском глагольном словообразовании представлены деривационные значения различной степени полиморфизма.

IV. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из морфологических признаков русских и украинских наречий является их соотнесенность с другими частями речи — именем существительным, прилагательным, числительным, глаголом.

Инвентарь формантов включает:

- соотносительные с предлогами префиксы **во-, до-, за-, из-, на-, от-, по-, поза-, после-** // **від-, до-, з- (зо-, із-), за-, на-, поза-, після-; не- // ні-**;
- словообразовательные суффиксы **-о, -е**;
- суффиксы субъективной оценки, унаследованные от качественных прилагательных: **-еньк-о, -оньк-о, -оват-о, -онечк-о, -оньк-о, -енечк-о, -охоньк-о, -ехоньк-о, -ешеньк-о // -еньк-о, -уват-о, -есеньк-о, -ісіньк-о**;
- модификационные префиксы **по-** // **якнай-**;
- формообразующие суффиксы **-е, -ее, -ше** // **-е, -че, -ше, -іше**;
- **кое-** // **аби-, ін-; -либо, -нибудь, -то** // **-небудь, -сь**, взаимодействующие с наречиями местоименного происхождения.

В русской и украинской системе наречного словообразования незначительное место занимает префиксальный способ. Наиболее развиты суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы образования: *просто, тихо, по-простому, по-тихому, по-семейному, дружески* // *просто, тихо, добре, по-доброму, по-родинному* и др.

А. НАРЕЧИЯ АДЪЕКТИВНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Большую группу наречий адъективного происхождения в современных русском и украинском языках составляют наречия, восходящие к адвербиализированным предложно-падежным формам утраченного нечленного склонения кратких прилагательных. В структуре таких наречий выделяются основа прилагательного, флексия существительного и префикс, соотносительный с предлогом. Они представлены общими для сопоставляемых языков

структурными типами, включающими утраченные формы родительного, винительного, предложного падежей кратких прилагательных с предлогами.

1. Наречия, соотносительные с субстантивированными нечленными прилагательными мужского-среднего рода в форме родительного падежа с предлогами *с, из, до* // *з (с), за, до*: *сполна, спроста* (разг.), *снова, сперва, смолоду, смалу, сослепу, сдуру, спьяна, спьяну, сглуна* (прост.), *сгоряча, свысока, справа, слева; издавна, изредка, издалека, искоса, исчужа; сызнова, сызмала; досыта, догола, дочиста, допоздна* // *звисока, здуру, здалеку, згрізна, згола, стиха, злегка, справа, зліва, зрідка; завидна, затемна, замолоду; досита, догола, дочиста, допізна* и др.

2. Наречия, соотносительные с субстантивированными нечленными прилагательными среднего рода в форме винительного падежа с предлогами *на, за, в*: *направо, налево, надолго, начисто, наголо, наново, насухо; заново, задолго, замертво, заживо, засветло; вправо, влево* // *начисто, наголо, наново, насухо, нарізно, надовго; заново, задовго; востаннє, вперше, втретє* и др.

3. Наречия, соотносительные с субстантивированными нечленными прилагательными в форме предложного падежа с предлогами *в, на*: *вдалеке, вчерне, вскорє, вкоротке, внове, вчуже, вдвойне, втройне; налегке, наготовє, навесєле* // *вповні; напотові, нарівні* и др.

4. Наречия, соотносительные с нечленными прилагательными в форме мужского-среднего рода дательного падежа единственного числа в сочетании с предлогом *по*: *понапрасну, попусту, поровну, почасту* (устар.), *посуху* // *потиху, помалу, поблизу, порану*.

В перечисленных группах наречий адъективного происхождения обнаруживается взаимодействие качественных и предметно-обстоятельственных значений: временные отношения выражаются наречиями, восходящими к сочетаниям предложных форм родительного (*смолоду, смалу, издавна* // *завидна, затемна, замолоду*), винительного (*задолго, засветло* // *надовго, задовго*), дательного (*порану*) падежей с предлогами; пространственные отношения передают наречия *издалека* // *здалеку, справа* // *справа, слева* // *зліва* и др. Продуктивны в обоих языках словообразовательные типы наречий, выражающих качественное значение "доведенность до признака, названного мотивирующим словом": тип с усилительным префиксом *на-* (*наглухо, набело, натуго, навечно* // *начисто, насухо, надовго* и др.); в русском языке продуктивны наречия, обозначающие оттенки цветового признака с префиксом *из-* (*ис-*) (*изжелта, искрасна, иссєра* и др.).

Наречия с усилительным префиксом *на-* употребляются преимущественно после наречий с суффиксом *-о*, мотивированных теми же прилагательными: *перво-наперво* (прост.), *строго-настро-го*, *крепко-накрепко*. Основная сфера их функционирования — разговорная речь.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТАДЪЕКТИВНЫХ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Наречия в современных русском и украинском языках образуются от имен прилагательных суффиксальным и префиксально-суффиксальным способами словообразования.

1. СУФФИКСАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ

Суффиксальные отадъективные наречия в сопоставляемых языках представлены двумя общими словообразовательными типами с суффиксами *-о*, *-е*; а в русском языке также продуктивным типом наречий с суффиксом *-и*.

Большинство качественных наречий в обоих языках составляют отадъективные наречия с суффиксом *-о* (*-е*). Они реализуют транзитивное словообразование, совмещая присущее мотивирующему прилагательному значение признака с категориальным значением наречия, и мотивируются общими для русского и украинского языков структурными типами прилагательных. Мотивирующими выступают как немотивированные, так и суффиксальные прилагательные, за исключением прилагательных с суффиксами *-ск-* // *-ськ-* и *-ий/-|j|*-, а также причастия с адъективным значением, чаще всего — действительные причастия настоящего времени с суффиксами *-ющ-*, реже *-ящ-*¹ // *-уч-* (*-юч*), *-ач-* (*-яч-*), а также *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*)²: *весело, зло, криво, гордо, низко, осторожно, радостно, стыдно, страшно, горделиво, боязливо, очаровательно, восхитительно, прощально, освежительно, басовито, двойко, певуче, искренне; несменяемо, осуждающе, ожидающе, знобяще* // *весело, зло, криво, гордо, радо, низько, сторожко, радісно, соромно, страшно, ви-грашно, заслужено, привабливо, чарівливо, добре, байдуже, хороше, боляче, гаряче, нетерпляче, войовниче, рішуче, чаруюче* и др.

¹ Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1986. — С. 287.

² В отличие от русского языка, в украинском наречий, соотносительных с причастиями настоящего времени, немного из-за ограниченного количества последних.

По замечанию В.В. Виноградова, высокая продуктивность отадъективных наречий на -о “свидетельствует о растущей потребности качественной дифференциации оттенков действия. Качественные наречия чаще всего определяют действия”¹.

В современных языках расширяется круг прилагательных, мотивирующих наречия на -о. Так, в русском языке значительно активизировалась наметившаяся в конце XIX в. тенденция образования наречий при помощи суффикса -о от относительных прилагательных². Такие наречия опосредованно мотивируются существительными, от которых образованы соответствующие прилагательные, и выражают значение “так, как свойственно тому, что названо мотивирующей основой прилагательного”: *каменно, бронзово, водопадно*. Мотивированные относительными прилагательными наречия на -о распространены в художественной речи: *минерально* (блестеть), *парчово* (сверкать), *жестяно* (прошелестеть). Употребляясь в официальной речи, мотивированные относительными прилагательными наречия на -о сохраняют относительное значение, ср.: *конструкционно* (устареть), *научно и проектно обоснованная разработка схемы* (Газета).

Продуктивный в русском языке тип отадъективных наречий с суффиксом -и, отсутствующий в украинской системе словообразования, передает значение “свойственности тому, что названо мотивирующей основой прилагательного”: *богатырский* — *богатырски*, *геройский* — *геройски*, посредством суффикса -и в категорию наречия переводятся прилагательные, содержащие суффиксы -ск- и -ий/|-j|-. Большую группу среди мотивирующих прилагательных составляют производные от наименований лица по родственным отношениям, социальному и возрастному статусу, роду занятий и т. д.: *братски, дружески, отечески, детски, ученически, страдальчески, рабски, мещански, вредительски, иночески, молодецки, хозяйски, варварски, воровски* и др.

В силу своей семантической емкости подобные наречия широко употребляются в художественной речи как средства образности. Напр.: [Лица] *почти не было видно за прядями длинных темных волос, первобытно, иночески и женски висевших вдоль щек* (И. Бунин). В этой же роли обычно употребляются и наречия, мотивированные прилагательными на -ий, нередко выступая перед прилагательным. Ср.: *Целил в его [селезня] фазаньи цветастую красоту* (Ю. Нагибин).

В украинском языке значение уподобления передают наречия, образованные префиксально-суффиксальным способом.

¹ Виноградов В.В. Указ. соч. — С. 287.

² См.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 398.

2. ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ

Префиксально-суффиксальные наречия в русском и украинском языках представлены двумя словообразовательными типами — с суффиксами *-ому (-ему)*, *-и // -ому (-ему)*, *-и* и префиксом *по-*: *по-прежнему*, *по-другому*, *по-деловому*, *по-флотски*, *по-дружески // по-весняному*, *по-дитячому*, *по-людськи*, *по-козацьки* и др.

Словообразовательную роль префикса-предлога *по-* в системе отадеквативных наречий В.В. Виноградов назвал живой иллюстрацией характерных для наречий, как и для прилагательных, процессов стирания граней между категориями качества и предметности, отмечая следующие соотношения синонимических префиксально-суффиксальных и суффиксальных типов наречий: “Чем реальнее и конкретнее предмет, от имени которого образованы прилагательное и наречие (на *-ски*) или с которым соотносятся эти слова, тем больше к ним подходит префиксный тип наречного словообразования (с *по-*); чем отвлеченнее и качественнее предмет, тем больше подходит беспрефиксный тип”¹.

При общности инвентаря словообразовательных морфем русский и украинский языки обнаруживают отличия как в использовании средств передачи идентичных значений, так и в продуктивности формально соотносительных словообразовательных типов префиксально-суффиксальных наречий.

Значение свойственности тому, что названо мотивирующей основой прилагательного, с оттенком “так, как полагается кому-нибудь, в соответствии с нормами чего-нибудь”, в русском языке выражают префиксальные наречия с суффиксом *-и*, в украинском — префиксальные наречия с суффиксами *-ому*, *-и*: *по-отечески // по-батьківськи*, *по-батьківському*, *по-людськи*, *по-людському*, *по-братерськи*, *по-братерському*.

Дифференциация украинских наречий с суффиксами *-ому*, *-и* и префиксом *по-* наблюдается в случае, когда наречие мотивируется прилагательным, образованным от существительного, обозначающего национальность, типа *по-російському* и *по-російськи*, *по-німецькому* и *по-німецьки*. В таких случаях значение “так, как полагается кому-нибудь, как свойственно кому-нибудь”, выражают

¹ Виноградов В.В. Указ. соч. — С. 290.

преимущественно формы на **-и**: *по-німецьки педантичний*, но *говорити по-німецькому*, *по-українському* и др.¹

В русском языке круг прилагательных, мотивирующих префиксальные наречия с суффиксом **-и**, шире, чем в украинском. Так, в русском наречном словообразовании этого типа мотивирующими выступают:

1) относительные и притяжательно-относительные имена прилагательные с суффиксами **-ск-** (**-цк-**): *людской* — *по-людски*, *по-товарищески*, *по-матерински* и др.;

2) притяжательные имена прилагательные с суффиксом **-ий/-|j|**: *волчий* — *по-волчьи*, *по-девичьи*, *по-лисьи* и др.

В украинском языке наречия с префиксом **по-** и суффиксом **-и** менее употребительны, чем в русском; круг мотивирующих прилагательных уже: этот формант не взаимодействует с основами притяжательных прилагательных; значение свойственности наречия этого типа, как уже отмечалось, выражают параллельно с наречиями, образованными посредством префикса **по-** и суффикса **-ому**.

Высокую продуктивность в обоих языках обнаруживают словообразовательные типы наречий, образуемые сочетанием формы дательного падежа единственного числа среднего рода прилагательных на **-ому**, **-ему** с префиксом **по-**: *по-семейному*, *по-военному*, *по-вечернему*, *по-разному*, *по-старому*, *по-новому*, *по-прежнему*, *по-всегдашнему* // *по-родинному*, *по-військовому*, *по-вечірньому*, *по-доброму*, *по-зверинному*, *по-німецькому*, *по-російському*, *по-осінньому*, *по-простому*, *по-доброму*, *по-новому*, *по-партійному*, *по-сирітському*, *по-чумацькому*, *по-бурлацькому*. Однако этот словообразовательный тип значительно продуктивнее в украинской системе наречного словообразования, чем в русской². В украинском языке отсутствуют ограничения в образовании наречий: мотивирующими выступают прилагательные любой структуры и семантики — качественные, относительные с суффиксом **-ськ-** (**-цьк-**), притяжательные с суффиксом **-ий / -|j|**. В русском языке наречия этого типа образуются преимущественно от имен прилагательных, в структуре которых отсутствуют суффиксы **-ий/-|j|**-, **-ов-**, **-ск-** (**-цк-**). Относительные и притяжательные прилагательные сравнительно редко мотивируют наречия на **-ому** с префиксом **по-**³: *по-городскому*, *по-деловому*, в разговорной речи — *по-волчьему*, *по-птичьему*, *по-собачьему*. Ср. нормативные в украинском языке *по-вовчому*, *по-дівоchому* и др.

¹ Сучасна українська літературна мова. — К., 1969. — С. 448.

² Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. — К., 1982. — С. 239.

³ Виноградов В.В. Русский язык. — С. 291.

Отметим, что наречия, образованные от качественных прилагательных, функционируют преимущественно в разговорной речи: *по-тихому, по-хорошему, по-честному, по-простому* и др.

Наречия с префиксом *по-* и суффиксами *-и, -ому* обычно определяют глагол, напр.: *Говорило все семейство по-северному, прицокивая* (В. Панов); *по-мышьи пискнув, отбежал; разойтись по-хорошему; по-матерински любить; по-отечески заботиться; по-доброму журишь; одеться по-зимнему // Заплатіть нам за роботу, дайте нам за полуйку, що нам належиться, і розійдемося по-доброму* (І. Франко); *Бронников, якому всі тут довірялись, до якого всі прислухались, який, по-новому розкрившись перед строковиками, сміливо навчав їх тепер своєї залізної правди, невже міг він бути з нею, з Вутанькою, неправдивим?* (О. Гончар); *Я п'ю екстракт луки. Або той чорний разовий хліб, який так гарно, по-сільськи пахне* (М. Коцюбинський).

Суффиксально-префиксальные наречия, выражающие значение “так, как полагается кому-нибудь”, которое ослабляет их атрибутивность, характеризуются широкой сферой синтаксического употребления, способностью определять глагол, наречие, имя прилагательное, существительное ¹.

Б. НАРЕЧИЯ, СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ С ИМЕНАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

Наречия, выражающие различные типы обстоятельственных отношений, в русском и украинском языках представлены большой группой адвербализированных предложно-падежных и беспредложных падежных форм существительных: *всерьез, вполнину, воистину, наудачу, напрокат, вдали, поблизости, сверху, жаль, галопом // відразу, догори, звечора, набік, на силу, жаль, галопом* и др.

1. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАРЕЧИЙ, СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫМИ ФОРМАМИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Как и во всех славянских языках ², обстоятельственные отношения в русском и украинском языках наиболее широко представлены наречиями, соотносительными с предложными формами имен существительных.

¹ Виноградов В.В. Указ. соч. — С. 291.

² См.: Шапиро А.Б. Об образовании наречий в современном русском языке // Русский язык в школе. — 1947. — № 1.

В сопоставляемых языках выделяются следующие структурные типы отсубстантивных наречий:

1. Наречия, в структуре которых выделяются форма родительного падежа имени существительного и предлоги **без, из, с, до, от // без, від (од), до, з (с), за**¹: *без толку, без умолку, без ума, без просыпу, издали, изнутри; сбоку, сверху, снизу, с разбегу, с ходу; доверху, до отвалу; отчасти, отроду // без угаву, безперестанку, безвісти; відразу (одразу), догори, донизу, додому, докупи; спочатку, зранку, звечора, зроду, збоку, скраю; заранку, зарання* и др.

2. Наречия, в структуре которых выделяются форма дательного падежа и предлоги **на, в, за, про, под // у (в), на, за, над, під, по, через**: *набок, навстречу, накрест, наизнанку, наперекос, на подбор, наперебой, наутек, нараспашку, наудачу, назло, наперед; вверх, вниз, вбок, в шутку, в одиночку, вразбивку, вприсядку, враскачку, вволю, впору, вдогонку, вдаль, ввысь, вглубь; за полночь; подчас, под стать, подряд // удень (вдень), умить (вмить), упень (впень), украй (вкрай), усмак (всмак), уволу (вволу), уперед (вперед), убік (вбік); насилу, наполовину, навиворіт, назад, наперед, надвір, навіки; заміж; надвечір; повік, попліч; через силу* и др.

В этой группе продуктивны типы наречий с префиксами **в-, на-**.

3. Наречия, соотносительные с формой творительного падежа с предлогами **с // з (с), під**: *с прохладцей, с оглядкой, с ленцой // згодом, зрештою, під сподом*.

4. Наречия, соотносительные с формами предложного падежа имени существительного с предлогами **в, на**: *вверху, внизу, вдали, вблизи, внутри, впереди, вначале, втайне, впоследствии; наверху, на весу, на лету, наяву, начеку, на боку, навывкате, накануне // вранці, увечері, вночі, нарешті, наостанку, надворі, нагорі, попереду, позаду, поволі*.

В целом наиболее продуктивны группы наречий, обнаруживающие в своей структуре предлоги **в, на** с формами винительного и предложного падежей. В.В. Виноградов подчеркивает неслучайность единства грамматических отношений в наречных выражениях с этими вообще наиболее употребительными и функционально нагруженными предлогами, отмечая в связи с адвербализацией указанных сочетаний развитие “особых грамматических форм для выражения специальных оттенков качественного состояния, качественного отношения. Здесь устанавливается новый

¹ См.: Виноградов В.В. Указ. соч. — С. 294—296; Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — К., 1969. — С. 449—452.

тип связи между функцией предлога и лексическим значением слова... Адвербализированная форма предложного падежа с предлогами... становится выражением обстоятельственного или качественно-обстоятельственного отношения к глаголу, прилагательному, наречию или существительному”¹.

2. НАРЕЧИЯ, СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ С БЕСПРЕДЛОЖНЫМИ СУБСТАНТИВНЫМИ ФОРМАМИ

Восходящие к беспредложным субстантивным формам русские и украинские наречия связаны с функциями наиболее склонных к адвербализации падежей. В этом отношении особенно выделяется форма творительного падежа, которая, по выражению В.В. Виноградова, “переобременена значениями — притом преимущественно приглагольными”². А.А. Потебня по близости к адвербиальному значению среди других значений форм творительного падежа выделял творительный образ действия³. Широкий диапазон значений форм творительного падежа существительного, их взаимодействие с предлогами, сохраняющими свое лексическое значение в этих сочетаниях, фиктивная субстанциональность творительного образа действия — все это делает его основным средством и источником образования беспредложных наречий от имени существительного⁴.

Большинство беспредложных наречий в сопоставляемых языках представляют собой изолированные формы творительного падежа имен существительных, преимущественно единственного числа мужского и среднего рода: *кругом, передом, задом, чудом, толком, порожняком, навалом, залом, добром, чередом, молодцом, мигом, крестом, дорогой, силой, толпой, честью, разом, живьем, рядом, градом, даром, силком, целиком, нагишом, босиком, молчком // вихором, горою, низом, верхом, рогом, стрілою, галопом, дибом, гуртом, слідом, нишком, раптом, тихцем, мигцем, назирцем, похапцем, прихапцем, нахильцем* и др.

В обоих языках адвербализируются главным образом формы творительного падежа существительных мужского рода, встречаются и наречия, аналогичные формам творительного падежа су-

¹ Виноградов В.В. Указ. соч. — С. 296.

² Там же. — С. 300.

³ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Вып. 1—2. — С. 484.

⁴ Виноградов В.В. Указ. соч. — С. 300.

ществительных женского и среднего родов единственного числа: *порой, гурьбой, толпой, украдкой, ночью, колесом // силою, горою, ступою, колесом*; а также формам множественного числа: *временами, сажёнками (плыть) // верхами, манівцями*.

В русском и украинском языках выделяется небольшая группа наречий, совпадающих с формами творительного падежа двойственного числа: *ревмя* в словосочетании *ревмя реветь, лежмя (лежмя лежать), торчмя, ливмя, дрожмя // лежма (легма), ліжма (ліжма) лежати, ревма ревити, сторчма стояти (стирчати), ницьма, стійма, давма, кружкома, крадькома, бігма*.

· Подавляющее большинство наречий, соотносительных с формами творительного падежа в обоих языках, — наречия образа действия. Наиболее широко представлены наречия, обозначающие способы передвижения: *шагом, бегом, пешком, ползком, летом, наскоком, волчком, галопом, рысью, рысцой, трусцой, верхом, боком, юзом, бочком, гуськом, петушком // пішком, пішки, галопом, повзком, боком, навприсядки, крадькома, бігцем*.

В русском языке, в отличие от украинского, представлены изолированные формы творительного падежа существительных, обозначающих время суток, года: *днем, вечером, утром, ночью, весной (весною), зимой (зимою), летом, осенью, днями, временами, порой (порою)*. В украинском языке временные значения передают наречия, соотносительные с предложно-падежными формами соответствующих существительных (ср. рус. *вечером* — укр. *увечері, ввечері*; рус. *ночью* — укр. *вночі*; рус. *осенью* — укр. *восени*; рус. *утром* — укр. *вранці* и др.).

В. ПРЕФИКСАЛЬНОЕ ОТАДВЕРБИАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Префиксальное словообразование наречий в современных русском и украинском языках реализует словообразовательную модель **префикс + наречие**.

Репертуар словообразовательных префиксов наречий представлен возникшими из предлогов аффиксами *во-, до-, за-, из-, на-, от-, поза-, после- // від-, до-, з- (зо-, із-), за-, на-, по-, поза-, після-*; развившимся из частицы префиксом *не- // не-*: *вовне, донныне, заранее, извне, навсегда, накрепко, отныне (книжн.), отовсюду, позавчера, послезавтра // відтепер, донині, дотепер, ззовні, задарма, повсюди, позаторік, понині, донедавна, післязавтра; недалеко, невпопад, некстати // небажано, невлад* и др.

Системы префиксального наречного словообразования в сопоставляемых языках характеризуются рядом общих черт.

Отрицательное значение выражают наречия с префиксом *не-*, мотивированные наречиями с суффиксом *-о* и одновременно адъективами с префиксом *не-* (*долго, недолгий — недолго*), а также другими структурными типами наречий различных семантических разрядов: *высоко — невысоко, недалеко, невдалеке, невдали, недаром, недалече* (устар. и прост.), *незамужем, ненамного, непутем* (прост.) // *абияк — неабияк, влад — невладе, небажано, небайдуже, поблизько, неважко, невправно, невразливо* и др.

Образование антонимов от наречий различных семантических и структурных типов при помощи префикса *не-* является древним способом наречного словообразования и выступает продуктивным словообразовательным типом в современных русском и украинском языках.

Другие словообразовательные типы префиксальных наречий в обоих языках непродуктивны. Они выражают различные видоизменения общего значения отнесенности к признаку, названному мотивирующим наречием, преимущественно пространственно-временного отношения.

Префиксальные наречия времени и места передают такие словообразовательные значения:

- значение “производное (во времени или пространстве) от признака, названного мотивирующим словом”, передают наречия с префиксом *от-/ото-* // *від-*: *отныне, откуда, оттуда, отсюда, отовсюду // відусюди, віднині, відтепер, віднедавна*;

- ограничение до временных, пространственных и т. д. пределов признака, названного мотивирующим наречием, обозначают наречия с префиксами *до-, на-, по-*: *дотепер, донедавна, дотепер, донедавна, понині, понікуди*.

Система аффиксального словообразования наречий в обоих языках представлена небольшим разнообразием префиксальных, суффиксальных и префиксально-суффиксальных словообразовательных типов. В составе и функциях аффиксальных морфем в каждом из языков наблюдаются отличия, связанные с лексико-семантической конфигурацией производящих основ, сочетающихся с тождественными словообразовательными формантами, а также набором передаваемых значений.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Морфологический уровень, выступая самым устойчивым уровнем грамматической системы, имеет семантическую основу, являющуюся своеобразной языковой универсалией, свойственной языкам разных семей. Элементы морфологической системы, существенно значимые в концептуализации знаний о действительности, национально специфичны на формальном уровне даже в близкородственных языках.

Частеречная классификация слов обусловлена формальными и содержательными морфологическими свойствами, присущими не отдельным словам, а целым их группам.

Морфологические категории, как носители обобщенного абстрактного значения, имеют специфический характер у лексем, принадлежащих к различным частям речи, поэтому их исследование в словоформах различной частеречной принадлежности дает объективную информацию об их существенных характеристиках в сопоставляемых языках.

І. КАТЕГОРИЯ РОДА

Категория рода — характерная черта грамматического строя индоевропейских языков. Будучи распространенной в самых разнообразных языках мира, категория грамматического рода, “возникнув в глубокой древности, поднялась в процессе длительного развития на высокую ступень отвлеченного грамматического значения”¹. В русском и украинском языках она свойственна четырем частям речи: существительным, прилагательным (в том числе

¹ Будагов Р.А. Введение в науку о языке. — 2-е изд. — М., 1965. — С. 256.

прилагательным-числительным), местоимениям и глаголам. Являясь для существительных классифицирующей категорией, категория рода в остальных частях речи выступает как словоизменительная, синтаксическая.

Грамматический род представляет собой одну из наиболее интересных проблем грамматики, так как он связан и взаимодействует, с одной стороны, с рядом морфологических категорий, а с другой стороны, его содержательные характеристики зависят от семантики лексем, их валентности. Категория рода — это сложное явление, проявляющее себя со стороны семантики, морфологии, синтаксиса¹.

Несловоизменительная категория рода свойственна всем именам существительным, за исключением субстантивов *pluralia tantum*. Грамматический род выступает в качестве основного признака, который определяет распределение существительных по типам склонения. Являясь для существительных классифицирующей морфологической категорией, род выполняет функцию сцепления синтаксических единиц, образования синтаксических комплексов вокруг существительного. Он выступает как синтаксический элемент значения русских и украинских имен.

Эта категория имен существительных имеет различное содержание в языках индоевропейской семьи. Например, в английском языке существительные лишены морфологических показателей рода, их распределение по родовым подклассам опирается лишь на наличие особых форм у местоимений. Во французском языке имена существительные распределяются по двум родам — мужскому и женскому.

Категория рода у русских и украинских существительных характеризуется триадой (мужской, женский, средний)² в школьной грамматике, научная грамматика выделяет еще и общий род у существительных, функционирующих в определенных контекстах то как существительные мужского рода, то как существительные женского рода.

Стремление некоторых лингвистов сделать категорию рода универсальной морфологической категорией для всех существи-

¹ Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология. — Минск, 1990. — С. 13.

² Правда, эта категория утрачивается в этническом языке украинцев Канады, так как “под влиянием английского языка грамматический род постепенно перестает восприниматься как живая категория” (Жлуктенко Ю.О. Мова етнічної групи в світлі теорії мовної варіативності // Мовознавство. — 1988. — № 1. — С. 6).

тельных привело к выделению так называемого парного рода существительных, присущего именам существительным *pluralia tantum*¹.

Попытки классифицировать по родовому признаку эти существительные были сделаны еще в XIX в. Так, Н. Греч относил *весы, кандалы* к мужскому роду, а *бусы, деньги* к женскому². Однако во множественном числе грамматическое значение рода не имеет выражения, а данные существительные имеют форму множественного числа, которая не позволяет ни по формально-грамматическим признакам (флексия в исходной форме), ни по синтаксическому окружению отнести их к одному из родов.

Реальное содержание категории рода различно в различных лексико-грамматических разрядах существительных³. В большинстве названий людей и животных, относящихся к одушевленному существительным, категория рода семантична, связана с реальным противопоставлением биологических полов. Исключение составляют лишь слова *животное, дитя, пресмыкающееся, лицо, божество, ничтожество, беспозвоночное*, имеющие значение среднего рода в русском языке. В украинском языке круг таких одушевленных имен существительных, относящихся к среднему роду, значительно шире, в него входят все названия детенышей животных, птиц: *кошеня, вовченя, голубеня, собаченя, лоша, теля, поросля, курча, гусеня, каченя*. Возможно, уменьшительные суффиксы и родовая принадлежность таких слов подчеркивают их семантику: невзрослость обозначаемого ими существа, невозможность определения его как полноценной особи мужского или женского пола. Специфика родовой принадлежности русских существительных, обозначающих детенышей: *теленок, щенок, котенок* — мужского рода, независимо от естественного пола, их же украинские аналоги — среднего рода — представляют отступления от обычного совпадения грамматического рода и пола у существительных одушевленных. Это своеобразные пережиточные явления, свойственные древнерусскому языку, ср. др.-р. *теля, поросля*.

Названия детенышей были отнесены к среднему роду еще в индоевропейскую эпоху как существительные с “не вполне определившимся полом, ср. средний род таких имен в украинском: *теля, дівча* и средний род уменьшительных в древнегреческом и

¹ Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. — М., 1981. — С. 46.

² Греч Н. Краткая русская грамматика. — 2-е изд. — СПб., 1860. — С. 11.

³ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 460.

немецком¹. В русском языке средний род “вообще потерял возможность определять живые существа и все слова среднего рода, означавшие имена одушевленные, перешли в мужской род: этим объясняется, быть может, переход *теля, жеребя* в *теленка, жеребенка*. Только слово *дитя, дитяtko* осталось среднего рода”².

В других славянских языках, принадлежащих к иным их группам, наблюдается отличное от русского семантическое наполнение среднего рода существительных. Например, в болгарском языке много названий одушевленных предметов среднего рода — *мамче* (мальчик), *момиче, дете*, уменьшительных или с экспрессивной оценкой субстантивов — *зайче, коте, котенце, мъжле, войниче, девойче*³.

В трехчленной категории субстантивного рода наблюдается дифференцированное отношение каждого из членов к связанной с данной морфологической категорией понятийной категории пола. Если имена мужского рода и женского рода хотя бы в части лексем передают биологический пол денотата, то средний род указывает на “асексуальный” характер референта. Дифференцированным отношением к понятийной сфере объясняются и связи членов категории рода с лексико-грамматическими разрядами субстантивов.

1. КАТЕГОРИЯ РОДА В ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В сфере неодушевленных имен существительных взаимодействие морфологической категории рода с лексической семантикой существительных минимально.

Род имен существительных выражается морфологическими средствами — системой флексий в единственном числе, то есть немаркированными числовыми формами: существительные I склонения типа *стол, учитель // стіл, коваль* относятся к мужскому роду; существительные III склонения *кость, лошадь // заповідь, молодь* — к женскому роду; существительные типа *время, семья // ім'я* — к среднему роду; существительные II склонения — либо к женскому роду (*сестра, земля // стіна, гребля*), либо к муж-

¹ Дурново Н. Грамматический словарь. — М.; Пг., 1924. — С. 98.

² Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. — М., 1941. — С. 127.

³ Димитрова Лиляна. За граматична род на съществителните в руския и българския език // Съпоставително езиковедение. — 1978. — № 6. — С. 49—55.

скому (*папа, домина // воєвода, дідуля*), существительные I склонения типа *окно* — к среднему (*поле, море, ущелье // вікно, поле, море*) либо к мужскому роду (*кострище, подмастерье, домишко // ідолище, батько, снопище*). Таким образом, система флексий не является вполне определенным показателем принадлежности существительного к тому или иному роду.

Более последовательным является синтаксическое выражение категории субстантивного рода, проявляющееся в согласовании с различными формами прилагательных и причастий в функции определения (*зеленый луг, зеленая пашня, зеленое дерево // великий завод, велика фабрика, велике озеро; поющий мальчик, поющая девушка, поющее поколение // квітучий край, квітуча земля, квітуче поле*), в координации слова, функционирующего в качестве сказуемого при субстантиве-подлежащем (прилагательные или причастия — полные и краткие, глаголы в прошедшем времени или в сослагательном наклонении (*Двор чистый. Двор чист. Улица чистая. Улица чиста. Полотно чистое. Полотно чисто // Роман цікавий. Книжка цікава. Оповідання цікаве. Шумел дождь. Шумела гроза. Шумело море // Скрипів клен. Скрипіла верба. Скрипіло перо*)). У несклоняемых существительных синтаксическое выражение родовой принадлежности является единственным средством: *сытый буржуа, широкая авеню, хрустальное бра // суворе журі, довгоногий кенгуру, красива міс.* Родовое оформление отдельных пар субстантивов, формально противопоставленных по грамматическим семам ‘мужской род’ / ‘женский род’, может зависеть от лексического значения слова. Это противопоставление связано с дифференциацией по лексической семантике членов оппозиции. Напр.: *зал*, м. “большое помещение в различных учреждениях, где устраиваются собрания, спектакли и т. п.”¹ — *зала*, ж. “парадная комната в частном доме”, *жар*, м. “сильная степень тепла, присущая чему-л. нагретому” — *жара*, ж. “высокая температура воздуха, нагретого солнцем, печью”, *манер*, м. — *манера*, ж. // *адрес*, ч. “письмовое вітання” — *адреса*, ж. “позначення місця помешкання або перебування”. Дифференциация их может быть и стилистической², а в некоторых случаях наблюдается варьирование родовых сем.

¹ Толкование слов дается по “Словарю русского языка” в четырех томах (2-е изд. — М., 1981).

² Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. — М., 1971. — С. 192; Озерова Н.Г. Морфологические варианты существительных // Пути повышения культуры русской речи на Украине. — Киев, 1986. — С. 38.

Явления родовой синонимии наблюдались в языке древнерусских источников, особенно в неодушевленных именах — отглагольных образованиях нулевой суффиксации: *завадь* — *завада*, *огородъ* — *огорода*, *обмънь* — *обмъна*, *завъсь* — *завъса*, *приманъ* — *примана*, *укоръ* — *укора*¹. Родовые варианты характерны для различных по происхождению и морфолого-фонетическому оформлению неодушевленных субстантивов. Часть таких вариантов — исконно восточнославянские слова или ранние заимствования: *занавес* — *занавесь*, *рельс* — *рельса*, *кадриль*, *-и*, — *кадриль*, *-я* // *безлад* — *безладдя*, *виднокіл* — *видноколо*. Наибольшее количество родовых вариантов наблюдается среди лексем с семой 'неодушевленность' иноязычного происхождения, особенно на начальных этапах их вхождения в язык, напр.: *фильм* — *фильма*, *фарс* — *фарса*, *вуаль*, *-и* — *вуаль*, *-я* // *арабеск* — *арабеска*, *бакенбард* — *бакенбарда*, *візит* — *візита*.

Хотя некоторые лингвисты, исследовавшие категорию рода в славянских языках, утверждают, что субстантивный род индифферентен к лексико-семантическим вариантам многозначного слова: "В каком бы значении мы ни взяли слово, род его остается неизменным"², сопоставительный анализ русских и украинских существительных — полисемантов показывает, что полисемические существительные могут испытывать колебания в родовом оформлении при употреблении не во всех, а лишь в одном из значений. Существительное *проток*, имея значение "рукав реки; река, ручей, соединяющие два водоема", может функционировать в форме *прото́ка*, *-и*, ж. Ср., напр., лексемы *проток* и *протока*, не являющиеся родовыми вариантами и дифференциальные по семантике: *Операция прошла неудачно, потому что Иван Петрович перерезал какой-то очень важный проток, и они пять часов ювелирно штопали этот важный проток* (В. Токарева) — *В Астрахань мы возвращались по одной из волжских протоков. Протоки здесь называют банками* (В. Поволяев). В следующих текстах лексемы *проток* и *протока* имеют одинаковый набор лексических сем и выступают родовыми вариантами: *Крутая каменная арка, облицованная белым известняком, переброшена через искусственный водоем с запрудой, напоминающий о былой протоке реки Пресни* (Известия) — Ту-

¹ Марков В.М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. — М., 1974. — С. 10.

² Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология. — С. 16.

ристы посещают берега протока Лыбедь, названного именем сестры трех братьев (Правда).

Украинское существительное *вінець*, -нця, м. только в одном из своих 8 значений — “горизонтальный ряд сруба” имеет вариант среднего рода *вінце*.

Специфика родовой принадлежности неодушевленных имен, представляющих собой компоненты бинарных оппозиций по категории рода, может быть вызвана неодинаковым набором сем, так как эти существительные имеют ограниченную сферу употребления, принадлежа к различным терминосистемам, напр.: родовые варианты *метаморфоз*, -а и *метаморфоза*, -ы употребительны в биологической терминологии, а *метаморфоза* “превращение” общеупотребительно; лингвистический термин *формант* квалифицируется “Орфоэпическим словарем русского языка” под редакцией Р.А. Аванесова (1985) как существительное мужского рода, напр.: *Каждое последующее слово отличается от предшествующего только формантом* (Энциклопедия “Русский язык”), в акустической терминологии *форманта* функционирует как имя женского рода.

В отдельных случаях фразеологически связанное значение может быть причиной иного родового оформления, напр.: *табель* в значении “таблица учета; жетон” — имя мужского рода, в устойчивом сочетании *табель о рангах* — это существительное женского рода (*Такая табель о рангах во всем предъявляла высочайшие требования* (Лит. газета)).

Колебание в роде характерно для ряда заимствованных неодушевленных существительных, не имеющих форм словоизменения, напр.: *ханты*, м. и ж., *манси*, м. и ж., *бибабо*, ж. и с., *мари*, м. и ж., *мартини*, м. и с. и др.

В украинском языке наблюдается аналогичное колебание в роде, напр.: *наргіле*, с. и м., *па-де-де*, с. и м., *па-де-труа*, с. и м. Однако группа заимствованных несклоняемых существительных, испытывающих колебания в родовом оформлении, состоит из гораздо меньшего числа компонентов в украинском языке, чем в русском. Многие заимствования, общие для русского и украинского языков, имеющие родовые варианты в русском языке, в украинском функционируют как слова одного, определенного грамматического рода, напр.: *мокко*, *пенальті* и др. Это неодушевленные несклоняемые существительные среднего рода. У неизменяемых неодушевленных многозначных существительных родовая принадлежность лексико-семантического варианта (ЛСВ) также зависит от его семантики: у несклоняемых двузначных суще-

ствительных ЛСВ, обозначающий язык: *балуба, бамбера, банту, йоруба, кечуа, маори, маратхи, масаи, хауса*, мужского рода. ЛСВ от этих имен, называющий народ, который пользуется данным языком, функционирует и как существительное мужского рода, и как субстантив женского рода.

Наличие в смысловой структуре существительного семы 'неодушевленность' определяет и характер грамматической категории рода таких имен, не связанной с естественным полом референта, выражающей лишь "отношения между единицами и классами самого языка"¹.

Дифференциация по родовой принадлежности собственного существительного, функционирующего в качестве названий марок автомашин, тракторов, телевизоров, ресторанов, кафе и тому подобных артефактов, занимающих как бы промежуточное положение между собственными и нарицательными именами, и нарицательного субстантива, который выступает видовым названием денотата, является причиной колебания в родовом оформлении подобных наименований. Напр.: *Эта модель представляет собой развитие знаменитой "Беларуси" (Известия) — Дали ему, как доброду, новенький "Беларусь" на больших колесах (В. Распутин); Поэтому и отъехал так далеко, благо мощный "вольво" не слишком пострадал (Лит. газета) — Коллега встречает на своей "Вольво" (Известия)*. Эта дифференциация, не учитываемая авторами при названии их изделий, вызывает затруднения в речевой практике. Например, электробритва "Харьков", мотоцикл "Ява", магнитофон "Яуза" и т. п.

1.1. КАТЕГОРИЯ РОДА У ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

С семантической точки зрения категория рода наиболее регулярно выражает различие мужского и женского пола у существительных — названий лица. Личные существительные женского рода последовательно обозначают лицо женского пола: *мать, сестра, прачка // мачуха, титка, вчителька*. В большинстве случаев женский пол лица выражен и словообразовательно — специальными суффиксами.

Семантическая категория 'лицо / не-лицо' выступает релевантной по отношению к категории субстантивного рода, поскольку

¹ Докулил М. К вопросу о морфологической категории // Вопр. языкознания. — 1967. — № 6. — С. 10.

в одушевленных именах существительных категория рода связана с денотативной сферой. В предметных именах, содержащих сему 'лицо', субстантивы мужского рода, обозначающие человека по профессии, должности, политическим, философским взглядам, "по отношению к различного рода реалиям: труду, к группе, коллективу людей, к собственности, охарактеризованного по социальной, имущественной, семейной, производственной и т. п. роли"¹, функционируют для обозначения лиц мужского пола.

В данных существительных семы 'профессия', 'должность', 'член такого-то коллектива' при ведущей семе 'лицо' в какой-то степени нейтрализуют сему 'пол'. Когда необходимо актуализировать эту сему при обозначении денотата женского пола, возможно внелексемное выражение феминальной семы.

Семантическая дифференциация по полу переносится из формы самого существительного на формы согласуемых или координируемых с ним слов: *автор разбирался — автор разбиралась, биолог работал — биолог работала // ветеран захворів — ветеран захворіла, гід переклав — гід переклала; тот бухгалтер — та бухгалтер, дежурный врач — дежурная врач // сам керівник — сама керівник*. Этот способ передачи смысловых различий в обозначении пола успешно конкурирует в исследуемых языках со словообразовательными корреляциями: *повар — повариха, доктор — докторша, поэт — поэтесса // абонент — абонентка, білетер — білетерка*.

Однако не все субстантивы с ведущей семой 'лицо' могут образовывать коррелятивные пары имен существительных, содержащих семы 'мужской пол', 'женский пол'. Во многих случаях образованию женских коррелятов препятствует фонетико-словообразовательная структура производящей основы существительного мужского рода. Невозможны такие образования от сложносокращенных слов: *завмаг, главбух, полпред*². Напр.: — *Раз получил — значит работает, — заключила главбух (Правда) // Проект рішення цих зборів профгрупорг писала сама (Веч. Київ)*.

Как известно, имена существительные мужского рода обладают свойством обозначать лиц обоего пола. "Именем мужского рода... обозначается самый род вообще (порода, genus, т. е. общее логическое значение лица...)"³. Отсюда "гораздо больший интел-

¹ Уфимцева А.А. Лексическое значение. — М., 1986. — С. 119.

² Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке. — М., 1963. — С. 32.

³ Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // Полн. собр. соч. — Т. 3: Сочинения филологические. — М., 1880. — Ч. 2. — С. 52.

лектуальный вес и семантический объем слов мужского рода”¹. В ряде существительных со значением лица непосредственная соотношенность категории рода (*genus*) и пола (*sexus*) выражается синтаксически, при помощи словоизменительной категории рода согласуемых прилагательных, местоимений, порядковых числительных, форм глаголов прошедшего времени и сослагательного наклонения. В парах *учитель — учительница, читатель — читательница // студент — студентка, ученый — ученица* существительные женского рода, обладая меньшим семантическим объемом, выступают в качестве маркированного члена оппозиции. Субстантивы мужского рода в этих парах могут иметь в качестве денотатов лиц обоего пола, то есть их референтная связь с лицом мужского пола не обязательна. В современных русском и украинском языках неологизмы со значением лица оформляются как существительные мужского рода, напр.: *космонавт, кибернетик, механизатор // бизнесмен, брокер, менеджер*. Однако экстралингвистические факторы (широкое участие женщин в производственной и общественной жизни) способствовали тому, что подобные существительные, а также ряд других, ранее обозначавших только лиц мужского пола, должны были передавать не только значение профессии, специальности и т. п., но и пол лица данной профессии, специальности и т. д.

Некоторые из них могли это делать, сочетаясь с определенными словообразовательными элементами: *трактористка, учительница, колхозница // спеціалістка, продавщиця, космонавтка*² или с соответствующими лексемами, указывающими на пол лица.

Такие сочетания образуют аппозитивные синтагмы, в которых семантическими определяющими выступают существительные с феминальной семой в качестве основного семантического компонента, а семантическими определяемыми служат личные существительные мужского рода, напр.: *женщина — бригадир, барышня — сантехник, дама — рентгенолог // дівчина — касир, жінка — водій*. Когда такие аппозитивные сочетания функционируют в качестве субъекта действия, то при глаголах настоящего времени феминальная сема содержится только в них. Пол денотата в глаголе не выражен. Форма прошедшего времени обладает формальными средствами передачи феминальной семантики субъекта, поэтому

¹ Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1947. — С. 67.

² Протченко И.Ф. О родовой соотносительности названий лиц // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М., 1964. — С. 106—137.

лексические или словообразовательные средства ее выражения поддерживают, усиливают данный семантический компонент.

1. *Но женщина-редактор пришла к заключению, что мои работы неинтересны* (Известия) // *Літня жінка-екскурсовод вела хлопця далі* (І. Цюпа).

2. *Знакомая редактриса сообщила, что в план ближайшего выпуска включена рукопись* (Лит. газета) // *Біля конторки сиділа молоденька касирка* (Ю. Яновський).

3. *Режиссер отстранен, а главный редактор была снята с работы* (Лит. газета) // *Агент уклала такий договір* (Веч. Київ).

В первых двух конструкциях феминальная сема субъекта действия выражена несколькими разноуровневыми средствами, в третьей наблюдается ее однократное выражение в глагольной форме, передающей пол субъекта действия.

В первой и второй конструкциях наблюдается явление концентрации и частичной дублетности семантического признака “лицо женского пола”, выраженного лексическими и грамматическими средствами высказывания, то есть своеобразная избыточность языкового значения.

Семантика родового противопоставления нашла свое выражение в исследуемых языках в аналитических средствах выражения категории рода у существительных, в смысловой структуре которых ведущей выступает сема ‘лицо’. Такие имена функционируют в качестве подлежащего в составе синтаксических конструкций со сказуемым, выраженным прошедшим временем глагола либо кратким прилагательным или причастием, находящимся в препозиции и постпозиции по отношению к подлежащему.

Феминальная сема личных субстантивов может передаваться еще одним аналитическим средством в пределах синтаксической конструкции — постановкой определения, относящегося к названию лица и выраженного прилагательным, местоимением, причастием в форме женского рода. Такие конструкции, по мнению И.П. Мучника, встречаются, но довольно редко в современной речи¹. Другие грамматисты еще более категорично утверждают, что “указанные слова (то есть *доктор, шофер* и т. п., обозначающие лиц женского пола. — *Н.О.*) не сочетаются с прилагательными в форме женского рода”².

¹ Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени... — С. 241.

² Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. — С. 52.

Причастия, выступающие в роли обособленного или необособленного определения, имеют тенденцию в современном языке употребляться в форме женского рода при личных существительных мужского рода, обозначающих женщин. В этом случае проявляются в большей степени глагольные признаки причастия, так как глаголы в форме прошедшего времени, как правило, с указанными лексемами согласуются по смыслу.

В словосочетаниях, состоящих из личного имени и зависимого прилагательного или причастия, выступающих в качестве названий профессий, должностей, почетных званий, в официально-деловой речи превалируют субстантивы мужского рода с согласуемыми по форме прилагательными, которые передают сему 'женский пол', напр.: *главный художник, заслуженный работник культуры, старший продавец // класний керівник, громадський кореспондент, головний лікар.*

В устной речи, а также в письменных формах русского литературного языка, отражающих устную речь, употребительны женские родовые параллели личных существительных — обобщенных наименований лиц по профессии, специальности и т. п. Чаще всего они образуются от заимствованных основ при помощи суффикса *-ша*. Функционируют такие образования не только в речи персонажей художественного произведения как характерологическое средство, но и в авторской речи, газетно-публицистической: *администраторша, аптекарша, гастролерша*. Лексемы с суффиксом, передающим феминальную сему, образуются от заимствованных личных существительных мужского рода, содержащих иноязычные суффиксы, которые в русском языке не всегда четко выделяются: *бухгалтер, директор, визитер*.

Фонетико-словообразовательной особенностью таких субстантивов является присоединение данного суффикса к производящим основам, оканчивающимся на сонорный согласный *р, л, н*, твердый или мягкий: *иллюстратор — иллюстраторша, почтальон — почтальонша, председатель — председательша*. Высоко продуктивен этот суффикс, имеющий стилистическую окраску сниженности, в разговорной речи¹.

В украинском языке носителями феминальной семантики шире выступают образования с суффиксами "женскости" от существительных мужского рода с семой 'лицо'. Это и стилистически нейтральные *авторка, агітаторка, агрономка*, и разговорные

¹ Земская Е.А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. — М., 1979. — С. 81.

бухгалтерка, директорка, інженерка. В украинском языке также спорадически встречаются одиночные примеры словообразовательных коррелятов личных существительных женского рода с суффиксом *-ша*: *білетерша, агрономша, дикторша*.

Более широкие возможности образования названий лиц женского пола в украинском языке обуславливают сравнительно редкое использование в нем внелексемных средств передачи феминальной семантики субстантива. Для обозначения лиц женского пола употребляются личные существительные мужского рода, не имеющие женских коррелятов, напр.: *диригент, соціолог, педагог*. Таким образом, поскольку в украинском языке довольно многочисленна группа коррелятов личных существительных мужского и женского рода, имеющих словообразовательный характер, то в нем менее развито, в отличие от русского языка, аналитическое выражение категории рода имен существительных.

Процесс субстантивации прилагательных и причастий отражается на родовом оформлении возникших в его результате субстантивов. Неодушевленные конкретные имена, представляющие собой субстантивированные прилагательные, могут принадлежать к любому из трех родов. Субстантивы с семой 'лицо' — это имена мужского и женского рода, причем, если неодушевленные имена зафиксированы в форме одного рода: *столовая, ванная, жаркое // минуле, майбутнє*, то личные имена этого типа в зависимости от пола денотата оформляются по парадигмам мужского и женского рода: *безработный — безработная, безпризорный — безпризорная, больной — больная // ведучий — ведуча, віруючий — віруюча, черговий — чергова*.

В рассматриваемых субстантивах носителем семы 'пол' выступают формообразующие по своей исконной функции морфемы *-ый, -ая // -ий, -а*, совмещающие в себе словообразовательные и словоизменительные элементы. Сема 'пол' настолько сильна в личных существительных, что во всех возможных случаях требует своего выражения в пределах лексемы или вне ее. Форманты *-ый, -ая // -ий, -а* в субстантивированных прилагательных и причастиях со значением лица многозначны, они передают сему 'лицо' и подчиненную ей сему 'пол'. Сема 'лицо' находится среди основных элементов значения словоформ личных существительных, а характеристика лица по полу выступает в качестве "семантического модификатора основного элемента значения"¹.

¹ Зализняк А.А. О понимании термина "падеж" в лингвистических описаниях. I // Проблемы грамматического моделирования. — М., 1973. — С. 59.

Это явление развилось в последнее десятилетие, так как лингвисты 20-х годов отмечали, что существительные мужского рода, имеющие сложное склонение и обозначающие существа мужского пола, обычно не имеют соответствующей формы женского рода; если же такая форма существует, то она, как правило, не является формой прилагательного: формой женского рода от *портной* является *портниха*¹. Современные исследователи насчитывают в русском языке около 100 пар анализируемых соотносительных мужских и женских наименований лиц по профессии, роду занятий, социальному положению, положению в обществе или в коллективе, по особенностям характера, поведения, физического состояния и т. п.²

Коррелятивные пары имен существительных *звеньевой* — *звеньевая*, *рабочий* — *рабочая*, *служащий* — *служащая* // *коханий* — *кохана*, *підлеглий* — *підлегла*, *уповноважений* — *уповноважена* являются предметом дискуссии в лингвистике из-за характера своих финалей, разная квалификация которых служит причиной спора о том, рассматривать ли подобные пары субстантивов в качестве разных слов или форм одного слова³.

Категория рода в таких именах выступает так же, как и в существительных других словообразовательных типов, классифицирующей, синтагматически выявляемой, избирательно относящейся к форме согласуемого с ней предиката. Каждый из членов коррелятивной пары *прохожий* — *прохожая* // *старый* — *старая* — самостоятельная лексема, независимая от синтаксических условий, тесно связанная с денотативной сферой. Напр.: *больной* — *больная* (*Больной весь день ходил по больнице* (Известия) — *Больная была без памяти* (Известия)) // *ведущий* — *ведущая* (*Ведущий оголосив ще одну народну пісню* (Веч. Київ). — *На сцену запрошуються учасники художньої самодіяльності, — оголосила ведуща* (Веч. Київ)).

Подобные субстантивы требуют спецификации родовой принадлежности и у атрибутивно-согласуемых форм, подчеркивая принадлежность лица к определенному полу, напр.: *старый рабочий* — *станционная рабочая* (Известия).

Как отмечалось выше, одушевленных существительных среднего рода в русском языке мало, а среди них субстантивов с семой 'лицо' вообще единицы: *дитя*, *чадо*, *ничтожество*, *лицо*, *совер-*

¹ Дурново Н.Н. О склонении в современном великорусском языке // Вопр. языкознания. — 1971. — № 4. — С. 92.

² Грамматическая правильность русской речи. — М., 1976. — С. 108—109.

³ Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени... — С. 207.

шенство, светило. Напр.: *Но вскоре высокое лицо, у которого они были, отказалось помогать* (Д. Гранин); — *Для нас он был светило* (Д. Гранин). Справедливо замечание акад. В.В. Виноградова, что “категория лица не сочетается с средним родом”¹. В предикативном метафорическом употреблении возможны лексемы среднего рода, характеризующие лицо мужского или женского пола: *Брат — просто чудо. Она — такое чудо. Слушать не хотят о каких-либо слабостях, недостатках своих кумиров, для них их изучаемый — совершенство* (Д. Гранин).

Лексико-семантические варианты от существительных среднего рода с первичной семой ‘конкретный предмет’, приобретая сему ‘лицо’, функционируют с положительными или отрицательными коннотациями в речи не только в качестве предикативов. Напр.: — *Станет меня совесть точить из-за такого барахла, как этот дед* (М. Шолохов); *Натasha кинулась ей на шею. — Даша, золото мое!* (Ф. Гладков); — *Обрати внимание, какое мурло у окна сидит* (Л. Леонов). Сравните также *железо, пузо, горюшко, горе, пугало, рыло* и другие субстантивы среднего рода, спорадически выступающие в качестве личных имен — экспрессивных номинаций.

В украинском языке именами среднего рода являются названия незрелых существ обоих полов: *дівча, дівчатко, дівчатонько, дівчаточко, дівчисько, хлоп'я, хлопча, хлопчатко, хлопченя*, напр.: *Він [Іван] наскочив з розгону на маленьке дівча, що тряслось з жаху біля самого воза* (М. Коцюбинський); *Таке собі ні занадто гарне, ні погане русяве дівчатко* (Ірина Вільде); — *То не моя черешня, — буркнуло хлоп'я, ображене підозрою* (О. Гончар); *Саме напровесні Настя злягла: знайшлось хлопчатко* (М. Коцюбинський). Сравните аналогичную родовую принадлежность чешского субстантива *děvče*, болгарского *мамъче*.

1.2. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА

Двойные согласовательные возможности выявляются у существительных общего рода (*genus commune*), способных обозначать лиц мужского и женского пола. Эти существительные традиционно выделяются русскими грамматистами со времен Ломоносова. Например, Н. Греч писал: “Некоторые из имен, кончающихся на *-а/-я* и означающих предметы одушевленные с выражением притом какого-либо качества, употребляются и в мужском, и в жен-

¹ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — 2-е изд. — М., 1972. — С. 75.

ском роде и суть, посему, рода общего: *ханжа, левша, пустомеля*¹. Принадлежат к оценочной лексике, подобные слова представляют собой класс наименований, дающих экспрессивную характеристику обозначаемому лицу. По своей словообразовательной структуре они представляют собой производные имена с формальными грамматическими признаками женского рода (флексидами -а, -я в русском и украинском языках). Стилистически исследуемые существительные принадлежат к разговорно-бытовой, просторечной лексике, активно пополняющейся новообразованиями (ср. новые *воображала, стилиага // стилиага*).

Эта группа существительных значительно расширилась в XIX в. в результате общего процесса пополнения лексики литературного языка за счет элементов живой, экспрессивно окрашенной речи². Процесс пополнения существительных общего рода новыми компонентами продолжался и в XX в. Так, если в “Грамматике русского языка” АН СССР (1952, т. 1), существительных общего рода 108, то в словаре “Грамматическая правильность русской речи” (М., 1976) этот перечень содержит свыше 200 наименований, поэтому кажется не совсем правомерным утверждение Т.В. Шанской о том, что группа слов общего рода непродуктивна³. Правда, Т.В. Шанская считает, что в грамматиках расширительно трактуется понятие “существительные общего рода”, такие слова, как *бедняга, меняла*, по ее мнению, мужского рода, так как нет иллюстраций, показывающих согласование этих слов по женскому роду⁴.

Однако, по нашему мнению, такая лексема, как *бедняга*, аналитическими средствами может передавать феминальную сему: — *Кому пожаловаться? И побрела бедняга на огонек* (Лит. газета).

Существительным общего рода свойственна зависимость их синтаксической сочетаемости от реальной характеристики денотата по полу: *Переливами голоса он изображал гостеприимного русского гуляку в приятельском кругу* (Ю. Бондарев) — *Дуй за отцом, за Викторией Мироновной, гуляка сопливая!* (В. Астафьев).

Иногда в словосочетаниях с существительными общего рода наблюдается формальное согласование, то есть зависимые от них

¹ Греч Н. Краткая русская грамматика. — С. 10.

² Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и в формах существительного и прилагательного. — М., 1964. — С. 144.

³ Шанская Т.В. Слова общего рода в русском языке // Рус. язык в школе (РЯШ). — 1959. — № 5. — С. 15.

⁴ Там же. — С. 17.

прилагательные и глаголы употребляются в форме женского рода, даже если существительное выступает носителем маскулинной семы, напр.: *Я столько друзей проводил, Прощался в печали глубокой, И столько над бездной могил Стоял сиротой одинокой* (М. Лисянский) — *Как же ты правильно ответил, умница моя! Ты умница, что не дал мне махнуть на все рукой* (А. Хруцкий).

Перечень существительных общего рода, представленный в словаре “Грамматическая правильность русской речи”, далеко не полный, в нем отсутствуют, по вполне понятным причинам, многие образования, бытующие в разговорной речи и в языке художественной литературы, напр.: — *Так вот этот наш столовский кот был ужась какой нахалюга* (Е. Евтушенко), а также некоторые слова, зафиксированные в 17-томном словаре, напр. *коротышка*, м. и ж. (ССРЛЯ, т. 5) — *Слева от атамана сидел его соратник и родственник — Хамад Гейлани, моложавый рыжий коротышка с хитровато-хищной мордочкой лисицы* (Лит. газета).

В украинском языке таких существительных значительно больше за счет имен с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *бідняжечка, бідняжка, бідолашечка, бідолашка* и т. п. По словообразовательной структуре они представляют собой отглагольные существительные:

а) бессуффиксные: *базіка, вереда, непосида, заброда*;

б) с суффиксом *-ка*: *валяка, верещака, випивака, вискочка, гуляка, каліка, вихваляка*;

в) с суффиксом *-ало*: *базікало*;

г) с суффиксом *-яга*: *блудяга*,

а также слова, образованные при помощи экспрессивных суффиксов от существительных (*бандюга, бідолаха, бідага*) и прилагательных (*бідняга*). Часть из них — сложные наименования (*білоручка, варивода, верховода*). Род у них так же, как и в русском языке, проявляется синтаксически, напр.: *Треба не стати рабом землі, отим жаднюгою, що в ґрунт без толку зажене і своє життя, і життя дітей своїх* (М. Стельмах) — *Громадянку! Яка ви жаднюга! Ви ні з ким не поділилися оцим яблуком* (О. Донченко).

Однозначные существительные двойной родовой принадлежности в качестве обязательного семантического компонента имеют сему ‘лицо’, которая далее конкретизируется семьей ‘пол’. Это “признаковые слова, представляющие собой качественное определение лиц по отрицательным или положительным свойствам”¹

¹ Васченко В. Грамматическая категория общего рода в русском языке // Вопр. языкознания. — 1984. — № 5. — С. 63.

с яркой экспрессивной окраской, родовая принадлежность которых формально выражена аналитически.

Родовая форма согласуемого с существительным прилагательного и координируемого глагола в сочетании с одушевленными именами, способными обозначить лиц мужского и женского пола, реализует семантические потенции этих субстантивов, выступает в качестве “морфологического показателя, изменяющего смысл сочетания или предложения”¹.

Зависимость родового оформления несклоняемых личных существительных от пола обозначаемого ими лица также показывает связь морфологической категории рода существительных с семантикой слова, с семантической категорией лица/не-лица, связь, проявляющуюся на синтаксическом уровне. Такие существительные, как *визави, протезе, хиппи // візаві, протезе* и т. п., по своему синтаксическому поведению примыкают к склоняемым существительным общего рода: *Он соответствующим образом обрабатывает предполагаемого арабского “визави” (Известия) // Ось мій нинішній візаві (І. Франко); Я не маю ніякої змоги і права втручатися в долю вашого протезе (З. Тулуб).*

1.3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО РОДАМ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Синтаксико-морфологическое выражение категории рода своеобразно у сложносоставных существительных, компоненты которых принадлежат к различным родам, напр.: *автомат-закусочная, вагон-цистерна, судно-холодильник // диван-ліжко, роман-газета, гараж-стоянка*. В подобных составных наименованиях с обоими склоняемыми компонентами род обычно определяется по первому компоненту, с которым согласуется определение, так как он “более информативно значим”²: *Отмечался день памяти поэта в уютной библиотеке-музее Маяковского на Таганке (Лит. газета)*. Это правило распространяется и на те аппозитивные синтагмы, одним из компонентов которых выступают личные существительные: *Срок, в течение которого воздвигнут тот или иной гигант-новостройка, — это первое, о чем вы узнаете от ваших гидов (Лит. газета); Лица-вели-*

¹ Милославский И.Г. К основам сопоставительного изучения падежной системы русского языка // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. — М., 1983. — С. 77.

² Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978. — С. 151.

кан ученым хорошо известна (Правда); Старинной Мясницкой понадобится в будущем просторная магистраль-дублер (Известия).

В украинском языке также главную роль при отнесении таких составных наименований к определенному роду играет родовая принадлежность первого компонента, напр.: *Спрямоване в майбутнє, древнє і вічно молоде місто-герой над Дніпром* (Веч. Київ); *Космічний корабель перебуває в складі багатоступінчастої ракети-носія* (Рад. Україна).

Когда имя существительное с семей 'лицо' в аппозитивных синтагмах утрачивает склоняемость, то несмотря на то, что оно находится в препозиции к другому компоненту сочетания, родовое оформление всего словосочетания зависит от родовой принадлежности определяемого, напр.: *Загадочная "король-рыба"* (Известия); *В этой сказке говорится о прекрасной царь-девице* (П. Ершов) // *цар-птица, ж., плакун-трава, ж.*

Подобные составные наименования представляют собой результат межуровневого взаимодействия: частая употребляемость определенных лексем с приложениями приводит к образованию составных наименований различной морфологической структуры со всеми склоняемыми компонентами и с первым несклоняемым. На основе приложения в современных русском и украинском языках активно формируются приобретающие качества отдельного слова названия новых явлений и предметов.

Определение родовой принадлежности всего составного наименования по первому склоняемому компоненту стало нормативным в последние годы, ибо даже в начале 60-х годов согласование в роде прилагательных и глаголов с первой частью сложения воспринималось как необычное проявление норм, так как "вторая (конечная) часть как бы этому сопротивляется"¹.

В синтаксических конструкциях с обособленными определениями и придаточными определительными, относящимися к изучаемым структурам, как правило, определения и союзные слова согласуются также с первым компонентом: *Завод, например, ремонтирует машины и оборудование хозяйства-партнера, которое оплачивает услуги по существующим расценкам* (Известия); *Превращение США из страны-кредитора в страну-должника, внешний долг которой может превысить к концу десятилетия один триллион долларов* (Известия) // *Львів — місто-новатор, місто-творець, яке відоме нині в країні як ініціатор багатьох добрих справ і починань* (Робітничка газета).

¹ Мучник И.П. Категория рода и ее развитие в современном русском языке // Развитие современного русского языка. — М., 1963. — С. 50.

1.4. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО РОДАМ АББРЕВИАТУР

Грамматический род буквенных аббревиатур в сопоставляемых языках определяется по роду стержневого, грамматически главенствующего слова соответствующего полного составного наименования, так *ФРГ* — слово женского рода в соответствии с родом главного слова *республика*, *КПП* — мужского рода в соответствии с родом слова *пункт*, *НПО* — среднего рода в соответствии с родом слова *объединение* // *УНР* (Українська Народна Республіка) — слово женского рода в соответствии со словом *республіка*, *ЕОМ* (електрична обчислювальна машина) — женского рода, *ЦНБ* (Центральна наукова бібліотека) — женского рода.

Та же тенденция характерна и для звуковых аббревиатур: *ЦУМ*, м. (центральный универсальный магазин), *АЭС*, ж. (атомная электрическая станция), *РИА*, с. (Российское информационное агентство) // *ОУН*, ж. (Організація українських націоналістів), *УПА*, ж. (Українська повстанська армія), *КИНГ*, м. (Київський інститут народного господарства).

Некоторые звуковые аббревиатуры, оканчивающиеся на твердую согласную, приобретают возможность склоняться и выступать субстантивами мужского рода: *вуз*, *МИД*, *ОВИР* (*Мотивировка ленинградского ОВИРа* (Известия)) // *КРАЗ* (Кременчучький автомобільний завод): *Працювати на КРАЗі. Будинок культури КРАЗу*; *СУМ* (Словник української мови): *Відредагувати 1-й том СУМу*.

2. КАТЕГОРИЯ РОДА В ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Категория рода имен прилагательных — это словоизменительная категория, служащая синтаксическим выражением значения родовой принадлежности определяемого существительного в словосочетании. В русских и украинских прилагательных родовая система трехчленна, представлена противопоставлением форм мужского, женского и среднего рода: *деревянный стол, деревянная скамейка, деревянное кресло* // *солоний борщ, солоня риба, солоне озеро*. Зависимость родовой формы прилагательных от семантики определяемого слова проявляется при их функционировании в предложении как в качестве определения, так и в предикативном употреблении: *Камень — крупный. Вишня — крупная. Зе-*

рно — крупное // Помідор червоний. Груша червона. Яблуко червоне. Родовые окончания прилагательных являются единственным средством указания на родовую принадлежность неизменяемых субстантивов: *старый падре, старая фрау, старое авто // сивий кюре, сива леді, молодіжне кафе*. Они полисемантичны в грамматическом отношении, так как выражают значения не только рода, но и числа, и падежа.

В русском языке, кроме склоняемых полных форм прилагательных, есть также краткие формы, изменяющиеся по родам: *Роман интересен. Книга интересна. Стихотворение интересно*. Краткие прилагательные мужского рода имеют нулевое окончание, в женском роде выступает окончание *-а (-я)*, в среднем *-о (-е)*: *Микола — тот молодец. Боек в работе* (М. Алексеев); *То ли песенка не та, только лесенка крута* (Е. Лямпорт); *Луг в ромашках серебряных сказочно бел, И высокое облако бело* (А. Сурков).

Как и у неизменяемых субстантивов, категория рода не свойственна неизменяемому прилагательному, в большинстве своем иноязычного происхождения. Они имеют одну форму, заключающую в себе весь комплекс родовых, числовых и падежных характеристик, напр.: *рубашка апаш, воротник апаш; шарф беж, косынка беж, платье беж; стиль модерн, стенка модерн, кресло модерн // спів соло, пісня соло; костюм хакі, сукня хакі; клас екстра, машина екстра, полотно екстра*.

Таким образом, основные характеристики адъективного рода в исследуемых языках совпадают.

3. КАТЕГОРИЯ РОДА У МЕСТОИМЕНИЙ

Русским и украинским местоимениям-существительным *я, ты, мы, вы, кто, что, никто, ничто, себя, некто, нечто, что-нибудь, кто-нибудь, кое-кто, кое-что, кто-либо, что-либо // я, ти, ми, ви, хто, що, ніхто, ніщо, себе, дехто, дещо, хтось, щось, хто-нибудь, що-небудь* категория грамматического рода не свойственна.

Однако личные местоимения *я* и *ты* могут иметь при себе определения, выраженные соответствующей родовой формой прилагательного, которая зависит от пола лица, на которое указывает личное местоимение: *А там, за взгорьем смолым, Иду тропу тая, Кудрявый и веселый, Такой разбойный я* (С. Есенин); *Но я жила, жила одним тобою, я всю войну тебя ждала* (В. Лебедев-Кумач); *Лишь ты, на славу сбитая боями, Вся сжатым залпом прелести рвалась* (Б. Пастернак) // *Я й тут чужий, одинокий, І на Україні* (Т. Шевченко); *Один я на світі без роду, і доля — Стеблина-билина*

на чужому полі (Т. Шевченко); — *Нема його, не прибуде — Одна я осталась* (Т. Шевченко); *А я край дороги Серед степену помолюся Зорям яснооким, Щоб без мене доглядали тебе, одиноку* (Т. Шевченко); *Чого тепер тобі, старому, У цій неволі стало жаль — Що світ зав'язаний, закритий!* (Т. Шевченко).

Личное местоимение 3-го лица *он // він* имеет морфологическую категорию рода, которая выражается при помощи родовых флексий: в мужском роде — нулевая флексия, в женском — флексия *-а*, в среднем роде — *-о*. Его родовые показатели зависят от пола лица, вместо которого употреблено это местоимение, или от рода заменяемого им существительного. Напр.: *Отец улыбается. Тут даже он безоружен* (А. Толстой); *В обыкновенной русской печи варят и парят, сушат и жарят, она же хранит жилой дух деревенского жилья* (Ю. Красавин); *Но было мгновение, оно Людмилу подменило: была одна, стала другой* (С. Залыгин) // *Не так серце любить, щоб з ким поділитися, Не так воно хоче, як Бог нам дає* (Т. Шевченко); *Колі ж милий на тім боці — Буйнесенький знаєш, Де він ходить, що він робить* (Т. Шевченко); *Кохалася мати сином, як квіткою в гаї, Оталася удовою, Пішла вона до сусідів поради просити* (Т. Шевченко).

К возвратному местоимению *себя / себе*, не имеющему морфологической категории рода, может относиться определение — местоименное прилагательное, синтаксически выражающее пол лица или род существительного, связанного семантически с этим местоимением, напр.: *Отец говорит негромко и просто, без всякого пафоса, словно себе самому еще раз объясняя* (А. Толстой); *Возникнув некогда сама собой, эта игра длится между ними, вероятно, не первый год* (А. Толстой) // *Ніколи ні перед ким не кривити душею, завжди бути самим собою, відкрито говорити правду* (Вітчизна); *І чого-чого не передумає удова отак сама собі в довгі осінні ночі* (А. Головка).

Вопросительные местоимения *кто, что // хто, що* не имеют морфологической категории рода, однако синтаксически они дифференцируются по родовой характеристике: местоимение *кто // хто*, передающее вопрос об одушевленном предмете, ведет себя как существительное мужского рода, а местоимения *что // що*, обозначающие вопрос о неодушевленном предмете, — как существительные среднего рода: — *Ну, я ему и сказала: тебя рази кто гнал?* (А. Толстой); *Что же осталось солдату?* (А. Толстой) // *Мій брате єдиний! Хто їй лихо заподіяв? Я була дитина* (Т. Шевченко); *Що ж на ниві уродилось?* (Т. Шевченко).

К местоимениям *кто // хто* могут относиться определения, выраженные местоименными прилагательными *такой, иной, дру-*

гой // *такий, інший* и т. п., которые могут функционировать в форме мужского или женского рода в зависимости от пола лица, на которое указывает местоимение: — *А вы кто такая?* (А. Толстой); — *Да вы кто такой?* (А. Чехов) // *Криється в пожарі за костюлом. Хто ж це такий?* (Т. Шевченко); — *Я не сестра! Хто ж я така? О Боже, мій світе* (Т. Шевченко).

Выступая в функции союзных слов в составе сложного предложения, местоимения *кто // хто, что // що*, будучи подлежащими, координируются со сказуемым в роде следующим образом: если сказуемое выражено прилагательным, причастием или глаголом прошедшего времени или в сослагательном наклонении, нормой является употребление этих слов при местоимениях *кто // хто* в форме мужского рода, а при местоимениях *что // що* — в форме среднего рода, напр.: *Для тех из нас, кто был на Урале, радостная встреча со старыми знакомыми* (М. Шагинян); *Всех, кто молод душою, мы зовем за собою* (М. Исаковский); *Что написано пером, то не вырубишь топором* (Пословица); *Что с возу упало, то пропало* (Пословица) // *Хто тут ввійшов, зціпи і зуби й руки, Спини думки* (І. Франко); *Що осталося, неклем запалало* (Т. Шевченко).

4. КАТЕГОРИЯ РОДА В ИМЕНАХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В современных русском и украинском языках имена числительные, кроме слов *два, оба, полтора // два, обидва, півтора*, не имеют морфологической категории рода и могут сочетаться с именами существительными всех трех родов: *три стола, три парты, три окна // чотири приймача, чотири лампи, чотири сита*. У числительных *два, оба, полтора // два, обидва, півтора* словоизменная категория рода представлена двумя рядами форм — словоформами мужского и среднего рода и рядом словоформ женского рода: *два календаря, оба продавца, полтора ряда; две подружки, обе девочки, полторы буханки // два будинки, обидва хлопця, півтора літра; дві дівчини, обидві учениці, півтори тарілки*. Последовательная дифференциация по роду свойственна всем падежным формам собирательного числительного *оба*: *обоих студентов, обеих подруг, обоими студентами, обеими подругами*. Украинское соответствие этого числительного *обидва, обидві* имеет общую парадигму склонения: *обох, обом, обома* так же, как и русские слова *два, полтора*, различающиеся родовыми формами только в им. и вин. падеже: *Всего за полторы недели до начала лета транспортни-*

ки преподнесли очередной сюрприз, объявив о повышении тарифов за проезд на авиатрассах в полтора раза (Известия), ср.: двух столов, двух книг, двумя столами, двумя книгами.

Числительное *один* в исследуемых языках изменяется как имя прилагательное, то есть обладает словоизменительной категорией рода: *один человек, одна женщина, одно дитя // один гвардієць, одна молодиця, одне немовля*.

Собирательные числительные в русском языке, не располагая формальными показателями рода, избирательно относятся к роду сочетающихся с ними субстантивов: они сочетаются только с существительными мужского и общего рода: *трое школьников, но три школьницы. На экране — нарядная искусственная новогодняя елка, возле нее двое мужчин, один из которых явно постарше* (Известия). Украинские собирательные числительные могут сочетаться с существительными всех родов: *двоє хлопців, двоє дівчат, двоє курчат*. В отличие от русского языка, в котором нормативные грамматики не рекомендуют употребление собирательных числительных с существительными женского рода, в украинском языке наблюдается параллельное функционирование конструкций *дві жінки / двоє жінок, дві дочки / двоє дочок*¹. Напр.: — *Тут пішли діти: дівчаток двоє* (Г. Квітка-Основ'яненко); *Він [рибалка] ввіймав тут двоє щук, І хотів позбути з рук* (Л. Первомайський).

5. КАТЕГОРИЯ РОДА В ГЛАГОЛАХ

Словоизменительная категория рода в глаголах характеризуется частичным охватом глагольных форм лишь прошедшего времени и сослагательного наклонения. Морфологическое значение категории рода выражается с помощью флексий: нулевая флексия — м. род, *-а*, — ж. род, *-о* — с. род: *мальчик побежал, девочка побежала, чудовище побежало // козак побіг, дівчина побігла, курча побігло*. Глагольный род как грамматическая категория выполняет такие функции:

1) указывает на грамматический род существительного, с которым координирует глагольная форма (м. род, ж. род, с. род): *Чичиков уехал, сопровождаемый долго поклонами хозяев* (Н. Гоголь); — *Жена уехала к отцу в Петербург, а я живу здесь* (Ф. Сологуб); *Сердце Луши принадлежало ему безраздельно, и он распорядился в нем* (Д. Мамин-Сибиряк); — *Ведь ты б у нас была царь-*

¹ Арполенко Г.П., Городенська К.Г., Щербатюк Г.Х. Числівник української мови. — К., 1980. — С. 208.

птица! (И. Крылов) // *Комар сховався, Лев упав, І довго, лежачи, стогнав* (Л. Глібов); *Висока сива шапка, перехиляючись набакир, натякала про парубоцьку вдачу* (Панас Мирний); *Назустріч з туману виринуло крите авто* (П. Козланюк); *Я жив би двічі і помер би двічі, Якби було нам два життя дано* (М. Бажан);

2) обозначает пол лица — носителя процессуального признака (формы мужского и женского рода). Если в качестве носителя процессуального признака выступает живое существо, грамматический род и пол — мужской и женский — этого существа совпадают, родовая глагольная форма не просто дублирует семы 'род', 'пол', но и усиливает их: *Неотвязчивый хозяин приходил раз по десяти на день требовать платы за квартиру* (Н. Гоголь); *Дом же Морозовой был большой, каменный, в нем проживала уединенно сама хозяйка* (Ф. Достоевский) // *Хазяїн Тарасів, маляр Ширяєв, посилав його красити на будинках покрівлю, стелі* (Панас Мирний); *Хазяйка вподобала наймичку, а наймичка — хазяйку* (Панас Мирний). Если носитель процессуального признака — живое существо, номинируемое субстантивом мужского рода или личным местоимением — существительным *я, ты*, то родовая форма глагола является единственным средством выражения пола этого носителя: *автор разбирался — автор разбиралась* // *гід переклав — гід переклала. Я имел слабость убавлять себе года* (Ф. Достоевский); — *Помилуйте! — сказала я* (А. Пушкин); — *Ты предвидел поездку в Прямухино* (В. Белинский); — *Эх, Липа, — проговорил он, — не уберегла ты внучка* (А. Чехов) // — *Говорила я тобі раз, щоб ти завела у цьому селі празник мирносиць* (І. Нечуй-Левицький); — *І що ж я мав? Яку я втіху мав?* (Леся Українка); — *Ти б собі пошукав, сину, хазяйки, а мені помочи* (Панас Мирний).

Форма среднего рода у глаголов используется для выражения безличности: у безличных глаголов форма прошедшего времени существует только в форме среднего рода, аналогичное явление наблюдается и у личных глаголов при функционировании их в качестве безличных: *Тихо, только луна да туман. И вдруг за лесом ухнуло и рассыпалось горохом* (А. Толстой); — *Забрало! — шепнул Артюшка... До того ушибло, что и не сердится* (М. Горький) // *Водою чортзна-як крутило, Що трохи всіх не потопило* (І. Котляревський); *Перед ним панів лихоманило, тряслися, як восени лист на осиці* (Я. Кочура).

Таким образом, категория рода выступает одной из главных конструктивных категорий в грамматических системах русского и украинского языков. Сопоставительное ее изучение в данных языках показало как общие процессы в развитии средств выраже-

ния на различных уровнях: лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, функциональной характеристики этой основной морфологической категории, так и структурное своеобразие, составляющее национальную специфику каждого из языков.

К общим тенденциям в развитии категории рода следует отнести ограничение вариативности в родовом оформлении субстантивов, аналогичную функциональную характеристику существующих родовых вариантов, аналитизм при обозначении пола лица, названного существительным общего рода, наличие родовых коррелятов мужского и женского рода субстантивированных прилагательных, оформление родовой принадлежности составных наименований.

Специфической чертой украинского языка в данной области выступает менее частотное, чем в русском, синтаксическое выражение категории рода у существительных мужского рода, обозначающих лиц женского пола, вызванное структурными особенностями украинского языка: более широкими возможностями образования женских коррелятов, синтагматическими возможностями украинских собирательных числительных и т. д.

II. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Мыслительная категория количества в языке реализуется в трех субкатегориях, отражающих количественные отношения в предметной, признаковой и процессуальной сферах. Количественность в предметной сфере выражается грамматически (через грамматическую категорию числа) и лексически (числительными и другими классификаторами)¹. В этом отражается связь морфологической категории числа с логико-понятийной категорией количества, с семантической категорией “исчисляемость/неисчисляемость”, конкретизирующейся в таких оппозициях: 1) единичность — множественность; 2) целостность — расчлененность; 3) определенность — неопределенность; 4) конкретизированность — обобщенность².

Морфологическая категория числа имен существительных — объективная категория, выражающая в обобщенной и абстраги-

¹ Бояджиев Ж. Категорията число и начините за изразяването и в различните езици // Сопоставително езиковедение. — 1987. — № 3. — С. 36.

² Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках: Историко-семантическое исследование. — Ростов н/Д., 1982. — С. 15.

рованной форме отражающиеся в нашем сознании явления объективной действительности¹, дающая количественную характеристику предметам. Данная субстантивная категория, обязательная для каждого существительного в русском и украинском языках, характеризуется бинарной оппозицией единственного и множественного числа. Формы единственного и множественного числа, имея обобщенное значение количественной семантики, конкретизируют его, выражая исчисляемость/неисчисляемость обозначенных существительными предметов.

Количественная семантика по-разному выражается в различных лексико-грамматических разрядах существительных. В существительных отвлеченных, вещественных, собирательных значение количества передается не грамматической семой числа, а лексически, при помощи другого слова, в семантической структуре которого есть сема 'количество', напр.: *много, мало, максимум, минимум, масса, толпа*, или названиями точных единиц измерения. На внелексемное выражение грамматической семы в отдельных языках указывал еще в XIX в. А.А. Потебня: «Есть языки .., в которых категория множественного числа выражается словами “много”, “все”»². Коррелирующие формы единственного и множественного числа образуются, как правило, от существительных, — обозначений исчисляемых понятий. В этом проявляется своеобразная кооперация, согласование лексической и грамматической сем³. Категория числа выступает как единица “двусторонняя, формально-семантическая, в которой тесной нерасторжимой связью соединены план содержания и план выражения”⁴. Эта категория многофункциональна: ее первичной функцией, реально значимой, является выражение количественности, а вторичной, конструкционной, выступает формально-согласовательная, оформляющая синтаксические связи слов в предложении⁵.

¹ Докулил М. К вопросу о морфологической категории. — С. 10.

² Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — М., 1958. — Т. 1—2. — С. 38.

³ Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 303.

⁴ Лопатин В.В. Морфологические категории в плане выражения // Русский язык. Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. — М., 1984. — С. 3.

⁵ Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология. — С. 54.

Морфологическая категория числа своеобразно взаимодействует с традиционно выделяемыми лексико-грамматическими рядами существительных, которые объединяют более дробные группировки, включающие ограниченное количество лексических единиц, например, среди конкретных существительных можно выделить названия лица, животных, мелких предметов, в которых единственное число имеет иное значение, нежели в группах вещественных или собирательных имен. В конкретных исчисляемых существительных единственное число в большинстве контекстов выражает значение, противоположное множественности, то есть единичность. В группах отвлеченных или собирательных существительных единственное число передает не столько семантику единичности, значение реального единичного денотата, сколько обобщенное номинативное значение числа.

Мыслительная категория количества отражает существующие в объективной действительности дискретные и недискретные множества предметов. Связанная с ней субстантивная морфологическая категория числа взаимодействует с определенным лексическим значением тех слов, через посредство которых она выражается. Дискретное множество предметов выступает денотатом для форм множественного числа конкретных субстантивов. Недискретное множество измеряется количественными величинами, находящимися вне существительного, которое называет денотат, поддающийся измерению, а не счету.

Семантический потенциал формы единственного числа, которая выступает в качестве немаркированного члена в оппозиции “единственное число — множественное число”, включает в себя основное значение формы единственного числа — значение единичности — и вторичные частные значения: обобщенно-номинативное, обобщенно-собирательное, дистрибутивное и т. п., характерные для определенных лексико-грамматических и лексико-семантических групп существительных. Частные значения грамматической формы реализуются в речи и обусловлены контекстом.

1. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Будучи независимой грамматической категорией, число имен существительных относится к тем морфологическим категориям, которые наиболее тесно связаны с лексикой. Это касается как возможности образования словоформ единственного и множественного числа от существительных, принадлежащих к различным

лексико-грамматическим разрядам, так и процесса лексикализации определенных форм, характера участия категории числа в развитии семантической структуры русских и украинских субстантивов.

Академик В.В. Виноградов еще в 1938 г. отмечал сложное переплетение лексической и грамматической семантики в категории числа имен существительных: “Категория числа в структуре имен существительных, как и все другие категории в этом классе слов, представляет сложный предметно-смысловый узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические, лексические и семантические особенности существительных”¹.

Регулярно выступающая оппозиция единичность/множественность, имеющая релятивный характер, связана с формированием лексической семантики конкретных существительных. Характер и качественная специфика выражения исчисляемости конкретных существительных являются одним из важных признаков их системной организации в современных русском и украинском литературных языках. У конкретных существительных числовые корреляции представлены формами двух частных симметричных парадигм: парадигмой единственного числа и парадигмой множественного числа. Флексии в этих парадигмах многозначны: они передают одновременно и числовое, и падежное значение: *стол, стола, столу, стол, столом, на столе, столы, столов, столам, столами, на столах* // *стіл, стола, столу, стіл, столом, на столі, столи, столів, столам, столи, столами, на столах*. Число существительных выражается и синтаксически: формами согласуемых с субстантивом слов: *письменный стол — письменные столы* // *письмовий стіл — письмові столи*. Синтаксические средства выражения числовой семантики выступают основными у неизменяемых субстантивов: *Организовал воздушное шоу над городом (Правда) — организатор музыкальных шоу по телевидению* // *маршрутне таксі — маршрутні таксі*. Форма единственного числа может не передавать значение единичности, одного лица или предмета, а выражать типические черты какого-то класса предметов или лиц, нести обобщенную информацию. Подобное частное значение грамматической формы появляется в результате взаимодействия категориального значения “с контекстом, с лексическим значением слов”². Существительные — названия считаемых

¹ Виноградов В.В. Современный русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1938. — Вып. 1. — С. 90.

² Бондарко А.В. Функциональная грамматика. — Л., 1984. — С. 33.

предметов (конкретных предметов, лиц, явлений природы и т. п.) обычно имеют формы ед. и мн. числа. Форма ед. числа у таких имен имеет и обобщенно-собирательное значение. “Общей отличительной чертой имен этого семантического разряда является то, что они, имея в составе своего логико-предметного содержания сему ‘конкретность’, именуют как отдельный экземпляр этого класса, так и общее понятие класса”¹, напр.: *Если бы вы знали, как достаются охотнику пышные, роскошные меха* (В. Астафьев); *Давняя и прочная дружба у вишни с русским человеком* (Известия); *Раньше любителей горячего бублика выручали пекари* (Неделя) // *Хіба справжній болільник колись економив час?* (М. Біл-кун); *Ластівка прилетіла — скоро грім загримить* (Веч. Київ); *Любий брате, визриває дичка, Груші ударяють у спориш* (Л. Забашта).

Нерасчлененное множество может выражаться и формами мн. числа определенных семантических групп существительных, среди которых наиболее многочисленны: 1) имена с ведущей семой ‘лицо’: названия лиц по национальности, месту жительства, профессии, семейному, социальному положению: *Жители нашего города и поныне славятся в России своей крикливой деловитостью, коммерческой изворотливостью* (С. Липкин); *Володя Пшеницын, по-прежнему состоящий в чьих-то то ли адъютантах, то ли порученцах, то ли референтах* (Ю. Герман) // *Майже двадцять років минуло — учень вийшов давно в поети* (С. Йовенко); 2) названия плодов и овощей: *собирать кедровые орехи; килограмм сушеных абрикосов; бочка соленых помидоров* // *чисті вишня, малина, яблука; холодець із свинячих ніжок*; 3) названия парных предметов (*глаза, уши, ноздри* // *панчохи, рейки, вуха*) или предметов, существующих в виде совокупного множества (*волосы, перья, ногти* // *зуби, нігті, боби*).

Имена существительные могут называть недискретный денотат, их числовые формы не связаны с выражением количественного противопоставления. Количественная характеристика денотата, обозначаемая таким субстантивом, осуществляется лексически, сочетанием этого существительного с конкретным именем с семой ‘дискретное количество’, напр.: *бутылка молока — бидон молока, пачка масла — ящик масла* // *кілограм цукру — мішок цукру, банка соку — діжка соку*. В таких словосочетаниях лексемы *бутылка, бидон, пачка, ящик* // *кілограм, мішок, банка, діжка* функ-

¹ Уфимцева А.А. Лексическое значение. — С. 115.

ционируют в качестве квантификаторов массы, не поддающейся счету по элементарным единицам¹.

Вещественные существительные обладают общим семантическим признаком и выделяются прежде всего на основе этой семантической общности. Грамматически значимым выступает у этой группировки существительных отношение к морфологической категории числа, которая, “как бы возвышаясь над отдельными именами и объединяя их, вместе с тем небезразлична к семантике этих имен”². Будучи существительными анумеральной семантики, они образуют типы имен *singularia tantum* и *pluralia tantum*: *агат, асфальт, бальзам, базальт // бетон, вода, каучук, граніт; дрожжи, сливки // макарони, вершки*.

Семантические отношения между формами числа вещественных существительных тесно связаны с их лексическим значением. Например, в названиях материалов, металлов, химических элементов форма множественного числа имен *singularia tantum* (*кварцы, кремни, яшмы, стали, бензины // олії, чавуни, емалі*) не выражает значения простой неопределенной множественности (“более одного предмета”), а имеет сорторазличительную семантику, показывает разнообразие видов вещества, происходит своеобразное семантическое смещение³. Напр.: *Настало время изучить месторождение агатов* (А. Ферсман); *Хватит словесных выжимок — время гранить базальты* (А. Вознесенский) // *Група спеціалістів підготувала геологічну документацію, призначену для розробки Шимановського родовища гранітів* (Веч. Київ); *Прищеплення цих препаратів до клеїв перетворило останні у свого роду ліки пролонгованої дії* (Веч. Київ).

Формы множественного числа от вещественных существительных образуются также для обозначения больших масс вещества: *во́ды, снегá, пескí, льды*. Этой формой множественного числа маркируется качественно иная семема, которая передает не вещественный, а скорее пространственный характер денотата, напр.: *На много верст лежат сугробы — Большие русские снега* (М. Матусовский); *Вот тут, в тридцати милях — девственные граниты и базальты острова Высокого* (В. Конецкий) // *По ровах, де ще недавно лежали сніги, стояла густа і чорна, як дьоготь, вода* (Г. Тютюнник); *Синіли невеличкі ліски, чорніли хутори, за ними піски, мов сніги, білили і виблискували* (П. Мирний).

¹ Уфимцева А.А. Указ. соч. — С. 127.

² Будагов Р.А. Введение в науку о языке. — С. 258.

³ Матвіяс І.Г. Іменник в українській мові. — К., 1974. — С. 17.

Множественное число имен существительных, обозначающих злаки, произрастания, традиционно квалифицируется как название посевных площадей, посевов этих сельскохозяйственных культур, то есть как средство передачи локальной семантики, напр.: *гречихи, житá, овсы́, клеверá, люпины, ячмени, льны // картоплі, люцерни, вівса, житá, пшениці*: *Один за другим двигались по желтым ячменям и белоснежным овсам комбайны* (А. Ананьев); *Конь пошел через канаву и забрался в клевера* (В. Боков) // *А голос сопілочки звідкілясь в'ється та в'ється над пшеницями, струмує з високості* (Г. Булах). Однако в современном употреблении наблюдается как бы возврат к “простой разделительной множественности”, обозначающей уже виды, сорта растений, напр.: *Стоят льны по колено в синей, раскрашенной воде* (В. Астафьев); *Ячменя убрали, завтра начнем овсы* (А. Ананьев) // *Мати тішила погляд на густих, як щітка, житах.., на картоплях, які ждали обгортання* (Ю. Збанацький); *Смолою синьою перекипало літо, І дихала земля з прив'ялених люцерн, Прощався з літом джміль* (М. Вінграновський).

В украинском языке возможно употребление формы множественного числа существительных — названий сельскохозяйственных культур для обозначения ситуаций “уход за определенной сельскохозяйственной культурой”, “уборка данной сельскохозяйственной культуры”, напр.: *В Козельщині на буряках з усіма прикажчиками гризся* (О. Гончар); *Можу лакузою стати, пригінчим на буряках або й прикажчиком* (М. Стельмах); *Усе у спірку йде суворо* *На давню тему: Фронт і тил. В бараці, в клубі чи в окрузі, В тайзі, в степу, на цілині, “На картоплях”, “на кукурудзі” — Як кажуть в нашій стороні* (А. Малишко). В русском языке подобная ситуация обозначается единственным числом: *на картошке* и т. п.

Вещественные существительные *singularia tantum*, обозначающие пищевые продукты, в разговорной речи могут сочетаться с количественными числительными. Подобные словосочетания несут в себе информацию не только о веществе, но и его части, заключенной в определенной исчисляемой емкости (порция, пакет, банка, стакан, пачка, кружка, бутылка и т. п.), напр.: *Дайте пять ряженок, шесть кефиров // п'ять сметан, сім осетрин*; — *Одно пиво*, — *сказал я пробежавшему официанту* (Крымская правда). Функционирование их связано с сегментацией вещественной субстанции. Исследователи отмечают подобное употребление вещественных существительных в древнерусском языке, в котором оно также было ограничено бытовой сферой разговорной речи, напр.:

“Варят пиво зимь 12”, “Шесть медов про гость, да два вина... ино два пива” (Домострой) ¹.

Различия в названии массы и предметов, сделанных из этой массы, выражаются с помощью числовых форм. В этом случае формальные характеристики слова служат для дифференциации лексического значения. Формы множественного числа образуются от вещественных существительных и в том случае, если имя называет конкретный предмет, изделие из этого вещества.

Перенос наименования вещества на продукт из него переводит этот субстантив из разряда существительных *singularia tantum* в счетные имена с полной числовой парадигмой. Напр.: *фарфор* — “керамическая масса белого цвета” и *фарфор* — *фарфоры* — “изделия из такой массы”: *Янтарь на трубках Цареграда, фарфор и бронза на столе* (А. Пушкин) — *Стены голые, дощатая мебель, и больше ничего. — Нет у них ни фарфоров, ни гарнитуров, — говорю* (Лит. газета) // *Паркан, за яким глубокий яр, асфальт, у ластовинні опаленого листа, мережані тіні дрижать під осокорами* (Є. Гуцало) — *Хіба це не їм лягають вдалині білястими килимами чеські асфальти?* (О. Гончар); *Кришталь співає від кожного дотику. Весь стіл сяє його синюватим блиском* (В. Собко) — *Старі буфети з кришталями та сріблом* (Ірина Вільде).

Окказиональные формы множественного числа вещественных существительных функционируют как вид метонимического переноса, для обозначения ситуаций, в которых используется денотат, названный вещественным субстантивом, напр.: *Будут, правда, валидолы, корвалолы, кардиамины, суета, а может быть, на недельку и гипертонический криз* (С. Есин); *В наших жалких комнатах устраивались жалкие чаи для какого-нибудь англичанина с женой или француза* (Н. Ильина).

Отвлеченные имена существительные, называющие свойства, качества предметов, абстрактные понятия, в большинстве своем выступают как субстантивы с дефектной числовой парадигмой, слова *singularia tantum*. Однако это общепринятое мнение корректно только для однозначных абстрактных имен. Анализ системы лексических значений полисемических субстантивов обнаруживает, что многие существительные имеют соотносительные формы числа только для части значений ².

¹ Дегтярев В.И. Формирование категории вещественности // Вопр. языкознания. — 1971. — № 6. — С. 56.

² Булатова Л.Н. Еще о грамматическом статусе категории числа существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1981. — М., 1983. — С. 128.

Абстрактные существительные, включаясь в общий процесс семантического развития лексики, могут стать носителями большего количества семем, то есть полисемантическими лексически единицами. Развивая новые значения, подобные субстантивы связываются с категорией счетности и переходят из разряда слов с потенциально полной парадигмой в разряд существительных с реально полной парадигмой, с грамматическим, формализованным выражением значения количества¹. Этому способствует также и возможность сочетания таких лексем с числительными, передачи ими чисто квантитативных отношений. Напр., *вечность — вечности, скорость — скорости, тонкость — тонкости // швидкість — швидкості, неоднорідність — неоднорідності, незручність — незручності: И каждая минута — вечность. Две тысячи вечностей* (В. Токарева) // *Бив грім, натискала буря, валилося десь поблизу двадцять смерек відразу — і падав дух чоловіка у навалі вічностей, безграничностей і всесильностей сил* (Г. Хоткевич).

Формы мн. числа у отвлеченных имен существительных *singularia tantum* могут иметь значение большой длительности и интенсивности проявления названного субстантивом признака или состояния: *холод — холода, жара — жары, боль — боли // мороз — морози, му́ка — му́ки, любовь — любові*.

От абстрактных существительных со значением действия формы мн. числа могут образовываться тогда, когда эти субстантивы обозначают отдельные акты совершения действия, напр.: *общение — общения, одергивание — одергивания, удаление — удалення // затримання — кілька затримань, навантаження — рівень навантажень, відвідування — п'ятсот відвідувань. Моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений* (М. Булгаков); *Много исследований, мало внедрений. Даная на его фоне смотрелась хорошо, и процент распознаваний был приличный* (И. Грекова) // *Робота йде швидко, без зайвих затримок і зачіпок* (М. Трублаїні); *Не чули чемних і несміливих запрошень відпочити й підживитися* (О. Довженко).

В украинском языке наблюдается межпарадигмальная омонимия словоформ единственного и множественного числа абстрактных субстантивов среднего рода с флексией -я: *вичікування — вичікування (мн. ч.): після тривалих вичікувань; відмовляння — відмовляння (мн. ч.): авторські відмовляння; відображення — відображення (мн. ч.): дитячі відображення світу*.

¹ Дегтярев В.И. Плюрализация имен собирательных в истории славянских языков // Вопр. языкознания. — 1987. — № 5. — С. 62.

Общие процессы создания числовых оппозиций в русском и украинском языках сосуществуют с отсутствием межъязыковых числовых соответствий в определенных субстантивах, имеющих дифференциальные числовые характеристики в близкородственных языках.

1. Русское существительное, имеющее формы ед. и мн. числа — украинское имя *pluralia tantum*: *грудь*, ж. — *груди*, -дей, мн.; *грызло*, с. (часть удила, вкладываемая в рот лошади поверх языка) — *вудила*, -дил, мн.; *дверь*, ж. — *двері*, -ей, мн., *дверца*, ж. — *дверці*, -рець, *дверцята*, -цят, *дверки*, -ок, мн.; *двойня*, ж. — *двійнята*, -нят, мн.; *десна*, ж. — *ясна*, ясен, мн.; *трущоба*, ж. — *нетрі*, -рів, *нетрища*, -рищ, *хащі*, -щів, мн.; *чахотка*, ж. — *сухоти*, мн. Иногда украинские имена *pluralia tantum* соответствуют лишь одному из значений русского полисеманта, имеющего числовые оппозиции “единственное — множественное ч.”. Например, существительное *ожерелье* имеет украинское соответствие *намисто*, выступающее в двучисловой парадигме, однако словосочетание *коралловое ожерелье* в украинском языке имеет аналог *pluralia tantum* *коралі*, -лів, *корали*, -лів. Русское *корыто* имеет украинское однокоренное соответствие с двучисловой парадигмой *корито*, в значении “емкость для стирки в домашнем обиходе” оно имеет два соответствия *pluralia tantum* *ночви*, мн. и диал. *вагани*, -нів, мн.

Русские существительные *pluralia tantum* могут иметь украинские соответствия с двучисловой парадигмой, напр.: *весы*, мн. — *вага*, *ваги*, -гів; *сутки*, мн. — *доба*; *часы*, мн. — *годинник*; *часики*, мн. — *годинничок*.

Такие субстантивы *pluralia tantum* могут иметь в украинском языке два соответствия: 1) имена существительные с полной числовой парадигмой ед. и мн. числа; 2) украинские имена *pluralia tantum*, напр.: *мостки*, мн. — *кладка*, ж., *підмостки*, мн.; *хлопоты*, мн. — *клопіт*, м., *турботи*, мн.; *будни*, мн. — *будень*, м., *будні* мн.; *похороны*, мн. — *похорон*, м., *похорони*, мн.

Грамматическая оппозиция единственное число — множественное число стирается при дистрибутивном употреблении форм единственного числа существительных, когда они обозначают не реальную единичность, а множество одинаковых предметов, имеющих у каждого. В грамматической семантике подобных словоформ актуализируется сема ‘обобщенность’ при одновременной нейтрализации семы ‘единичность’ в смысловой структуре исчисляемых конкретных неодушевленных имен, напр.: *А здесь электричество! Лампочки “Осрам” с зубчатой сияющей нитью* (И. Грекова); *“Движенцы” махали флажком, дудели в дудку, помогали те-*

те Гране перебрасывать стрелочный балансир (В. Астафьев); И вот уже, поеживаясь от холодного сиверка и потирая рукавицей вмиг задубевшие на морозе уши, новоиспеченные кубанские полярники проводно сбегают по трапу самолета (Правда) // Підперезувались чабани шкурним поясом і прив'язували до його гаман, вицвяхований гудзиками і мідними бляшками, з кресалом і губкою, швайку — часом наладодить збрую, і ложечник з ложкою (О. Стороженко); Шляхтичі й лицарі замовляли собі шоломи і шаблі, вибирали коштовні ланцюжки чи то держаки й піхви до меча (З. Тулуб).

Семантика нерасчлененной множественности доминирует в собирательных существительных, характерных для грамматических систем современных русского и украинского языков. Значение совокупного множества передается в них лексически и словообразовательно, при помощи определенных суффиксов. Наряду с тождественным представлением данной семантики в “картине мира” носителей исследуемых языков (ср.: *мещанство — міщанство, мордва — мордва, рвань — дрантя*) возможно несовпадение межъязыковых соответствий в плане выражения множественности, ср.: *овощи — городина, ветви — гілля, женщины — жіноцтво, опилки — тирса; бабье — баби, шкурье — шкури.*

В ряде случаев собирательному существительному одного языка может служить коррелятом форма множественного числа конкретного субстантива или имя *pluralia tantum* аналогичной семантики, напр.: *свёкла — буряки; садовина — фрукты, волосся — волосы, коріння — корни, проміння — лучи, рябиння — рябины.*

Формы собирательности по-разному представлены в исследуемых языках, что ведет к неоднотипному выражению соответствующей семантики количества: в украинском языке собирательные субстантивы более частотны.

В сопоставляемых близкородственных языках морфологическая категория числа существительных характеризуется аналогичной семантической и структурной организацией, однопорядковыми системными связями между лексической и грамматической семантикой в каждом из исследуемых языков, выявленными в процессе семантического и формального анализа этой категории. Специфической чертой русского языка выступает достаточно широкая вариативность в формах множественного числа, связанная с лексической семантикой имени. В украинском языке это — периферийный лингвистический феномен. Близость семантической и структурной организации категории числа в исследуемых языках не исключает дифференцированного отношения в них к

числовой форме лексических параллелей, наборам существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum*, лексическим конкретизаторам количественной семантики, средствам выражения собирательности.

2. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Категория числа прилагательных — словоизменительная категория, регулярная и обязательная для всех адъективов, имеющих падежную парадигму. Исключение составляет небольшая группа заимствованных неизменяемых прилагательных, которая находится вне сферы функционирования этой категории, напр.: *бордо, люкс, маренго, макси, миди, мини // модерн, ретро, беж*. Несамостоятельность, зависимость адъективного числа от морфологических характеристик определяемого им существительного отражается и в его структуре: категория числа прилагательных представлена двумя рядами форм: формами единственного числа, дифференцированными относительно рода (мужской, женский и средний) и формами множественного числа, общими для всех родов.

Эти формы показывают, что данные адъективы способны сочетаться с именами существительными соответствующего рода в ед. числе или с субстантивами во мн. числе, а также существительными *pluralia tantum*. Система падежных флексий прилагательного, будучи грамматически многозначной, служит средством выражения числовых характеристик определяемого существительного, “окончания имен прилагательных свободны от иной семантической нагрузки, кроме обозначения синтаксического согласования признака с определяемым именем существительным”¹. Напр.: *красный цветок, красная гвоздика, красное платье, красные цветы // червоний мак, червона гвоздика, червоне небо, червоні маки*.

Категория числа в именах прилагательных имеет более высокую степень абстракции, чем субстантивное число. Однако она может трансформироваться в самостоятельную независимую категорию при субстантивации прилагательных, которые обычно переходят в существительные в определенной числовой форме — ед. или мн. числа, напр.: *дежурный, горничная // вчений, ланкова* (названия лиц), *мороженое* (название блюда) // *майбутнє; осетровые, цитрусовые, наличные // добові, преміальні*. Числовая форма субстантивированного прилагательного зависит от его принадле-

¹ Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 151.

жности к определенной семантической группе. Для славянских языков, например, характерна субстантивация в форме ед. числа для названий лиц, конкретных предметов, в форме мн. числа субстантивируются названия классификационных категорий в различных областях знания¹. Ср., напр., *сельдевые, теплокровные, ракообразные, чешуекрылые, двужаберные, сложноцветные // зернові, парнокопиті, земноводні*.

Не имеющие падежной парадигмы, краткие прилагательные также находятся в сфере функционирования категории числа: *Полночь прекрасна, и весел рассвет* (В. Сорокин); *Навечно молода и весела та женщина, что Саскией зовется* (М. Головенчин) — *Мне ничего не надо от России, лишь были б веселы ее дела* (А. Прокофьев). Краткие прилагательные в форме мн. числа синтаксически значимы в конструкциях с неопределенно-личным значением, где они выступают в предикативной функции безотносительно к субъекту признака, отсутствующему в предложении, напр.: *В Токио стали менее эмоциональны и более аналитичны в отношении России и даже более практичны, если можно так выразиться* (Известия).

Числовые формы прилагательных являются единственным средством выражения морфологического значения числа существительных, если они сочетаются с неизменяемыми субстантивами, напр.: *Русскому лобби в США еще предстоит родиться. — В стране сотни разнообразных лобби и десятки тысяч лоббистов* (Известия) // *тонка міс — Бліді міс і рожеві мадемуазель, гуляючи з ними по Невському, навчали витончених манер* (О. Полторацький).

Известное противоречие между формой и содержанием наблюдается в словоформах мн. числа прилагательных, относящихся к существительным *pluralia tantum*: эти формы не являются однозначными в грамматическом отношении. В зависимости от контекста они выступают носителями как грамматической семы единственности, так и значения того, что признак относится к нескольким однотипным реалиям, напр.: *Нас снова переодели, выдали полусапоги на ребристых подошвах, каски, перчатки, защитные очки. — Кто был при своих обычных очках, тому наверх них навесили защитные с удлиненными дужками* (Известия) // *чужі сани*.

В исследуемых языках лексическое значение некоторых местоименных прилагательных предопределяет их сочетаемость избирательность по отношению к числовым формам определяе-

¹ Русская грамматика. — Прага, 1979. — Т. 1. — С. 623.

мых существительных. Так, прилагательные *многие, немногие, все* (в значении “в полном составе, без исключений”), *некоторые* (в значении “не все, часть”) // *усі, деякі* соединяются только с субстантивами во мн. числе: *многие писатели, немногие артисты, все деревья, некоторые ветки* // *усі люди, деякі лікарні*, напр.: *На конференции многие министры требовали применения военной силы* (Известия); *По некоторым сведениям, автор дал согласие* (Известия); *Не в правилах НАТО публично раскрывать все свои военные планы* (Правда). Словоформа мн. числа лексемы *все* // *усі* сочетается также со счетно-количественными сочетаниями: *все сорок пять минут, все три года, все двадцать пять ветеранов* // *усі три години*. Прилагательное *весь* в этом значении может функционировать и в форме ед. числа с субстантивами, обозначающими нечто целостное, неделимое, совокупность людей и т. п.: *весь отряд, вся дивизия, весь полк* // *увесь натовп, уся сотня, уся зграя*. Ср. метонимическое употребление *весь подъезд* “все жители подъезда”, *вся деревня* “все деревенские жители”, *вся школа* “все учащиеся данной школы”, *весь отдел* “все члены отдела” // *увесь інститут* “все сотрудники института”, *уся партія* “все члены партии”, *увесь парламент* “все парламентарии”.

Лексемы *каждый, один* // *кожний, один* употребляются при существительных в форме ед. числа: *каждый солдат, один мальчик* // *кожне дерево, один крок*. С традиционного шутливого приветствия начинался *каждый телефонный разговор* (Правда). Их словоформы во мн. числе сочетаются с субстантивами *pluralia tantum*, если они обозначают считаемые предметы: *одни ворота, каждые сутки* // *одні сани, кожні штани*. Форма мн. числа *каждые* соединяется также со счетно-количественными сочетаниями: *каждые три дня, каждые две недели* // *кожні п'ять кілометрів*. И самому Ридигеру вменялось *играть на курантах каждые четыре недели; Груз, подвешенный на цепях в грузовой шахте, через каждые четыре часа приходилось поднимать вверх* (М. Кураев).

Когда определение, выраженное прилагательным, относится к однородным членам, то оно может употребляться в форме мн. числа адъектива. Здесь наблюдается своеобразное семантическое согласование: признак, выраженный прилагательным, относится к более чем одной реалии, поэтому форма мн. числа не выглядит чужеродной. Напр.: *Взаимное сотрудничество предполагает совместные подготовку и издание аналитических материалов* (Известия); *Вешать на грудь заработанные чужими кровью и мужеством ордена стыдно* (Известия). Это же явление наблюдается и при определении, выраженном причастием: *Их мысли и чувства —*

концентрированные боль и гнев людей (Правда); В минувшие субботу и воскресенье в Московской мэрии прошел их III съезд (Известия) // Чисті вишня, малина, груша (Веч. Київ).

Имя существительное во множественном числе может определяться однородными прилагательными в форме единственного числа, относящимися к одному денотату, названному субстантивом, напр.: *Дела по-прежнему лежат в городском и областном управлениях Министерства безопасности (Известия); В этой престижной сфере существуют так называемый внебюджетный и валютный фонды (Правда).* Чаще всего так функционируют оттопонимные адъективы: *Под ударом оказались также датская и норвежская кроны (Известия); Материалы, воссоздающие малоизвестные страницы московского и петербургского периодов жизни писателя (Известия); После Оренбургской и Омской областей вице-президент навестил Приангарье (Правда); Депортируемые палестинцы блокированы между израильской и ливанской армиями (Известия).* В подобных случаях действует закон языковой экономии: наблюдается эллипсис одного из определяемых субстантивов в ед. числе, замена повторяющегося субстантива в форме ед. числа его формой мн. числа для передачи идеи множественности денотата, что придает тексту бóльшую выразительность, динамичность.

Принципом согласования по категории числа обусловлено употребление формы мн. числа адъектива, относящегося к одному лицу при вежливом обращении на *вы*, напр.: — *Вы свободны, товарищ (Б. Пастернак); — Какие вы невоспитанные, товарищ Португезя (М. Булгаков) // — Ви провінціальні, мій люб'язний, ви ніколи не зробите кар'єри (Ю. Яновський); — Ви здорові, тітко! — веселенько сказала Христя (Панас Мирний).*

3. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ГЛАГОЛОВ

Семантической основой словоизменительной категории числа русских и украинских глаголов выступает грамматическое значение количественности действий, названных глаголами в соотношении с субъектами действия. Синтаксичность глагольного числа проявляется в его функциональном предназначении: вместе с категорией лица служить средством согласования, координации между субъектом и предикатом в предложении.

Числовые характеристики глагольного слова находят формальное выражение в многозначной глагольной флексии в формах настоящего-будущего времени и повелительного наклонения:

ед. число -у, -ю, -ешь, -ишь, -ет, -ит; мн. число -ем, -им, -ете, -ите; -ут (-ют), -ат (-ят) // ед. число -у, -ю, -еш, -иш; -а (-е), -ить (-іть); мн. число -емо (-ємо), -ете (-ете); -уть (-ють). Повелительное наклонение: -и, -ай, -ите, -йте // -и, -ай, -іть, -йте. В формах прошедшего времени и сослагательного наклонения флексия -и однозначна: она служит лишь для передачи значения мн. числа: *писал, -а, -о — писал-и // говорил, -ла, -ло — говорил-и.*

Формы числа у личных глаголов обладают самостоятельной номинативной ценностью. При конкретных неизменяемых существительных (*бра, шоу, фойе // кафе, таксі*) числовые характеристики их передаются при помощи соответствующих глагольных форм, напр.: *Почти четыреста тысяч долларов компенсации присудило жюри присяжных в федеральном суде (Известия); На берегу командос не встретили никакого сопротивления (Известия) // Довідка з музею, вирізка з газети "Лесная промышленность" нашлись, а інтерв'ю наче крізь землю провалилося (Голос України).*

Характерной особенностью украинского языка является употребление формы повелительного наклонения глагола в форме 1-го лица мн. числа в качестве вводного слова, где семантика количества стирается, нивелируется: *Я, скажімо, про це не знав. Він, уявімо, не міг цього зробити.* В русском языке аналогичную функцию могут выполнять глаголы в формах ед. и мн. числа (*Он, представь, ничего не знал об этом. — Он, представьте, ничего не знал об этом*), хотя в формулах вежливости и в русском языке глаголы, функционирующие в качестве вводных слов, выступают, главным образом, в форме мн. числа: *Улыбаясь — мол, простите, формальность — попросил разрешения заглянуть в сундук и шкаф (С. Липкин).*

Количественная семантика в глагольных формах стирается также у безличных глаголов. Хотя они и функционируют в форме ед. числа настоящего времени или в форме ед. числа с. рода в прошедшем времени, отсутствие производителя называемого ими действия лишает эти формы значения количества: *Вечереет // Світало.*

Форма множественного числа — это единственная форма, в которой выступают неопределенно-личные глаголы, значение которых в количественном отношении неконкретно, неопределенно, указание на число производителей действия у них несущественно, напр.: *В Скопье также опасаются повторения прошлого, там считают, что возможны этнические конфликты (Известия); Что ожидают от этой поездки в Пекине? (Известия); Он не привык ждать, он привык, чтобы его ждали (И. Одоевцева).*

Обобщенно-личное употребление глагола в форме ед. числа и в форме мн. числа приводит к потере этими формами количественной семантики. Действие, названное такими глаголами, может быть отнесено и к каждому его производителю, и ко всем вообще. Напр.: *Туда, в Пригородный район, если ты не правительственный чиновник, не российский депутат, не проедешь* (Известия); *И вроде знаешь про развал экономики, но эта пустота на реке пугает* (Н. Коняев).

Дальнейшая утрата семы количества происходит при функционировании и неопределенно-личных, и обобщенно-личных форм глагола в качестве вводных слов: *На Совещании Советов, говорят, высказывались, что Временное правительство — самозванцы* (А. Солженицын); *Я, знаешь, уже слышал об этом. Я, знаете, уверен в нем.*

В определенных контекстах возможно отсутствие согласования в числовых формах глагола и существительного: в повелительном наклонении форма ед. числа может относиться к адресату речи, выраженному мн. числом субстантива, напр.: — *Так его. Не журишь, хлопцы!* — одобрительно сказал Козырь (М. Булгаков); — *Вооружайся, вооружайся, товарищи красные бойцы!* (В. Астафьев). Такое функционирование глагольных форм стилистически маркировано, характерно для разговорной речи и отражающих ее диалогов в художественных текстах.

Несовпадение числовых характеристик субстантива и относящегося к нему глагола используется с определенной стилистической целью в русском языке. Например, при существительном ед. числа употребляется глагол в форме мн. числа для выражения почтительности, раболепного отношения к лицу, названному субстантивом: — *Мы же еще канителемся, разгильдяев улагодворяем, товарищ младший лейтенант в землянке сидят и нервничают* (В. Астафьев); *Князь уехали в имение* и т. п. В украинском языке в подобных случаях отсутствует оттенок раболепия или сарказма, описанное явление стилистически нейтрально, оно лишь показывает, что говорящий к данному лицу обращается на “вы”: *Казали мені мама, щоб я не женився* (Из песни); *Андрій Іванович пішли обідати.*

Таким образом, в исследуемых языках наблюдается определенное совпадение объема грамматического значения глагольного числа, средств его выражения, специфика каждого из языков проявляется в функциональных характеристиках глагольных форм, дифференцированности их стилистико-семантической маркированности.

4. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЙ

Сложный, неоднозначный характер местоимения как части речи обуславливает и своеобразие присущих ему грамматических категорий, в том числе и категории числа. Традиционно противопоставляемые формы ед. и мн. числа у личных местоимений не являются коррелятами, поскольку каждая из них обладает своим собственным номинативным значением, содержащим и сему количества. Эта количественная сема не находит в них формального выражения, однако “и в системе, и в тексте число местоимений соотносится с числом других слов”¹. Не имея специальных форм числа, местоимения *я, ты // я, ти* (а также относящиеся к ним глаголы и прилагательные) передают значение единичности, а личные местоимения *мы, вы // ми, ви* — множественности. Однако *мы* не равно *я+я+я+я...*, а *вы* не равно *ты+ты+ты...* Местоимения *я — мы, ты — вы* не коррелируют по числу, это разные слова с различными лексическими значениями.

В русском и украинском языках местоимения *мы // ми* и *вы // ви* обладают достаточно обширным набором сем:

1) при эмоционально-экспрессивном употреблении *мы* и *вы* могут обозначать то же лицо, что и местоимения *я* и *ты* (так называемое множественное гиперболическое):

а) *мы* — это одно лицо, говорящее от имени коллектива (множественное коллективное): — *Мы с тобою, Родина, Мы за тебя умрем все до единого, только не горюй; — Потому оне и не отворяют второй фронт, чтобы мы надорвались, обессилели* (В. Астафьев) // *Ми так важко вчимося жити, що й власну історію доводиться писати заново* (Голос України);

б) *мы* авторского величия: — *Я вас оставлю наедине с собой. Мы — сила, мы очень большая сила, с нами — хорошо, против нас — плохо* (С. Липкин);

в) *мы* авторской скромности (формула скромности);

г) *мы* владетельных лиц (или *мы* торжественной важности);

д) *вы* вежливого или официального обращения: — *Что же вы плачете, товарищ боец? — спросил капитан Мельников* (В. Астафьев) // — *Вікторе, ви задоволені виступами?* (Вільне життя);

е) *вы* обобщенно-шутливое;

ж) *мы* в обращении ко второму лицу вместо *вы* или *ты* при выражении участия, снисходительности или насмешки (множественное сопереживания);

¹ Супрун А.Е. О лексической компетенции грамматического правила // Слово в грамматике и словаре. — М., 1984. — С. 38.

2) *Мы // ми, вы // ви*, обозначающие множественность:

а) *мы // ми* собирательное, указывающее на группу лиц (в их число входит и говорящий), объединенных по какому-то общему социальному, профессиональному, возрастному, территориальному, национальному, половому и т. д. признаку (*я, ты + + они*) // (*я, ты + вони*): — *А мы, дети, с крыльца швыряли пряники в народ и забавлялись* (А. Солженицын); — *Я говорю о католических храмах. Мы, русские, в свою церковь ходим* (С. Липкин); (*я + ты*) // (*я + ти*): *Ми, виборці, маємо заявити про свої права* (Голос України);

б) *вы // ви* номинирует множество собеседников (но без говорящего): *И как только это вы, бабы, дома сидите!* (И. Бунин) // — *Чи всі ви тут? — кличе мати* (Т. Шевченко);

3) *мы // ми, вы // ви* в сочетаниях, обозначающих группы лиц: *мы с тобой // ми з тобою* в значении “я и ты”; *мы с ним // ми з ним* в значении “я и он”; *мы с вами // ми з вами* в значении “я и вы”: — *Мы с вами едем в дом Чемадуровой* (С. Липкин); *мы с ними // ми з ними* в значении “я и они”: — *Мы с ним решили пойти искупаться, на камушки* (С. Липкин); *А мы с тобой вдвоем располагаем жить* (А. Пушкин).

Коррелятивные парадигмы ед. и мн. числа имеют лично-указательные местоимения *он, она, оно // він, вона, воно — они // вони*. Категория числа в этих лексемах отражает внеязыковые различия единственности и множественности предметов, лиц, на которые указывают данные местоимения. Напр.: *Всем был интересен Евгений Трубецкой. К Вере он доброжелателен* (А. Солженицын); *В снегу обозначаются проплешины, И бабочка-крапивница летит. Откуда же она, коль в рожице березовой Еще не видно и не слышно птиц* (И. Лиснянская) // *Розумовський сидів у Батурині і бачив, як нищилися залишки того автономного устрою, для якого старався він сам* (Голос України); *Кабінет Міністрів України прийняв постанову. Нею продовжено термін видачі посвідчень* (Голос України) — *Солдаты, угрюмо несущие на плечах и загорбках винтовки, шли вроде бы не с занятий, на бой они шли, на кровавую битву* (В. Астафьев) // *Весною, коли вилуплюються гусенята, їх загодовують цим горохом — щоб великі росли* (О. Воропай).

Числовые характеристики лично-указательных местоимений так же, как и личных, могут служить выразительным стилистическим средством для создания определенных ситуаций в речи:

1) лексема *они // вони* может употребляться вместо форм ед. числа для выражения подобострастия, раболепия: *Барин велели передать, что они заняты*. В украинском языке подобное употреб-

ление местоимения *вони* лишено определенного стилистического эффекта, оно нейтрально, поскольку в украинском языке шире распространена номинация лиц на “вы”, напр.: *Тато вже будять мене, вони кажуть: — Вставай, сину, годі спати* (О. Воропай); *Дядина медяника дали, вони сказали, щоб я у них посіяв* (О. Воропай);

2) местоимение *он* // *він*, имея обобщенный характер, может употребляться вместо названия лица — представителя целого класса, группы и т. п.: *Но он, и вор-то, ныне переродился один дьявол знает во что* (В. Распутин).

Возвратное местоимение *себя* // *себе* полисемантично в числовом отношении, оно может иметь значение и единственного, и множественного числа в зависимости от количественной семантики существительного, к которому относится. Напр.: *Он вел себя достойно* // *Хлопець себе не пам'ятав у дитинстві. — Если же вспомнить о партизанах, они себя пока никак не проявляли* (С. Липкин) // *Дядьки собі на умі.*

Это местоимение так же, как и местоимения *кто* // *хто*, *что* // *що* и их производные, не чуждо идее счета, но противопоставление по числу у него не имеет даже синтаксического выражения.

Таким образом, категория числа у местоимений различных разрядов имеет разный характер, зависящий от функционально-семантических и формально-грамматических особенностей составляющих их лексем.

5. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Грамматическая категория числа как таковая отсутствует в системе морфологических категорий русских и украинских числительных. Однако она косвенно отражается в сочетаемостных возможностях количественных и собирательных числительных с существительными. Избирательность в отношении числовых форм, зависящих от того или иного числительного, субстантива составляет специфику каждого из исследуемых языков. Количественные числительные *два*, *три*, *четыре*, а также *оба* в русском языке сочетаются с существительными в род. падеже ед. числа: *два стола, три телевизора, четыре аппарата, оба мальчика*. Если же при существительных в таких количественных сочетаниях есть определение, то оно ставится во мн. числе, напр.: *Приезжий сам поднес к двери два тяжелых кофра, перстнем на пальце постучал в стекло* (С. Липкин); *В магазин “Фортуна” среди бела дня ворвались два вооруженных преступника, похитили товары* (Правда). В косвенных падежах при склонении таких сочетаний существительные выступают в

форме мн. числа: *двух столов, двум столам, двумя столами* и т. п. В этом усматриваются остаточные следы двойственного числа.

В украинском языке указанные числительные сочетаются с именами (существительными и прилагательными) во мн. числе: *І отих два його таких різних таланти — дарунок щедрий* (Вільне життя).

Количественные числительные от *пяти* и далее, а также неопределенно-количественные слова *несколько // декілька, много // багато, немного // небагато, столько // стільки, сколько // скільки, мало // мало* требуют от зависимых от них субстантивов употребления в форме мн. числа и в русском, и в украинском языке, напр.: *На рынке цена килограмма свинины, как и месяц назад, колеблется от восьми до десяти юаней; Да и штат был невелик — всего человек тридцать; Немало бывших служащих тоталитарной системы всплывает в новых личинах и на новых постах* (Правда) // *Існує дев'ятсот видів огірків та інших представників гарбузових; Повітря в лісі чистіше в триста разів, ніж у місті; Я ж більша за неї, скоро п'ять років буде* (Вільне життя).

Такую же грамматическую модель представляют и количественно-именные сочетания собирательных числительных с субстантивами в сопоставляемых языках: *Лишь двое хозяев согласились дать свой адрес и провести освидетельствование животных* (Известия) // *Зайчиха народжує по троє-шестеро зайчат* (Вільне життя).

Порядковые числительные, как и прилагательные, имеют парадигмы ед. и мн. числа: *вторая роль — на вторых ролях // третій рівень — треті рівні*.

Формально-грамматическое и функционально-семантическое обличье категории числа в сопоставляемых языках характеризуется большой степенью сходства в различных частях речи, которым она свойственна. Дифференциальные моменты в структуре и семантике этой категории заключаются в разном объеме того или иного языкового феномена, в его стилистической маркированности, в сочетаемостных характеристиках и возможностях тех или иных числовых форм.

III. КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ

При категоризации сложной языковой картины мира человеческое сознание разделяет окружающий предметный мир на живое и неживое. Эта мыслительная операция трансформируется в

логико-понятийную категорию одушевленности/неодушевленности, свойственную языкам разных систем, выраженную лексическими и грамматическими средствами. Значительное развитие исследуемая категория, которую можно было бы отнести к лингвистическим универсалиям, получила в славянских языках. Биологическое представление объектов реальной действительности как “живых” и “неживых” не совпадает с лингвистическим пониманием категории одушевленности/неодушевленности. Данная двухчленная оппозиция, компоненты которой противопоставляются последовательно на основе лексико-семантических признаков, по-разному квалифицируется в лингвистике. Большинство грамматик рассматривают одушевленность/неодушевленность существительных как особый лексико-грамматический разряд имен в системе этой части речи¹. Некоторые лингвисты возводят эту оппозицию в ранг особой морфологической категории на основании особой парадигмы у одушевленных существительных мужского рода².

Другие языковеды рассматривают одушевленность/неодушевленность как отдельное функционально-семантическое поле в системе функционально-семантических полей данного языка, причем выражение семантики одушевленности/неодушевленности не затрагивает всего высказывания, а ограничивается лишь его “предметными элементами”³, то есть релевантной эта семантика является лишь для существительных как основных носителей грамматической семы ‘предметность’.

А.А. Зализняк в более ранней работе⁴ называет противопоставление по одушевленности/неодушевленности семантическим, а в предисловии к “Грамматическому словарю русского языка”⁵ одушевленность/неодушевленность относится к грамматическим характеристикам существительного. Сложная природа этой категории, механизм ее взаимодействия с другими субстантивными категориями является причиной столь неоднозначного ее толкования, квалификации ее статуса.

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 464; Украинская грамматика. — К., 1986. — С. 42.

² Русская грамматика. — Praha, 1979. — Т. 1. — С. 323.

³ Бондарко А.В. Грамматическая форма и контекст // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. — М., 1984. — С. 28.

⁴ Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. — М., 1967. — С. 75.

⁵ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. — М., 1977. — С. 8.

1. КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Сема 'одушевленность' находит формальное выражение в словоформах винительного падежа множественного числа имен существительных всех родов, а в единственном числе — и у существительных мужского рода: *вижу стол, шкаф, ящик; вижу друга, отца, академика // бачу телевизор, годинник, календар; бачу брата, професора, козака.*

Специфической чертой украинского языка является такой лингвистический феномен, как возможность вариантных словоформ винительного падежа единственного числа неодушевленных существительных мужского рода, совпадающих с формами именительного и родительного падежей: *посадити дуб и дуба, відправити лист и листа, дай ключ и ключа, виривати зуб и зуба, взяти каменя и камінь* и т. п.

Словоформы мужского рода с окончанием -а от названий неодушевленных предметов функционируют в предложениях в качестве прямого объекта действия, выражение которого является первичной функцией винительного падежа¹. Напр.: *Той спритно кидає важкого броньовика вперед* (В. Яворівський); *Пласкувате обличчя майора все ще розтуляє і стуляє рота, а я наслухаю краєчком вуха заметіль* (В. Шевчук); *Зовсім темно, і я засвічую сірника* (В. Шевчук); *Аж надто буденна практика: Він лиш перегонив трактора В цілинну зиму заплакану І на морозі... згорів* (Б. Олійник).

Таким образом, для украинских существительных мужского рода с семой 'неодушевленность' винительный объектный падеж имеет две формы, что позволило И.Р. Выхованцу квалифицировать его как второй винительный².

Вариативность флективного выражения неодушевленности, приближение парадигм неодушевленных имен к одушевленным свидетельствует о зыбкости и размытости границ между членами данной оппозиции, противопоставленными последовательно по лексико-семантическим параметрам.

Эти словоформы употребляются преимущественно в устной речи и языке художественной литературы, они отсутствуют совсем в научном стиле³. Семы 'одушевленность' и 'неодушевлен-

¹ Вихованець І.Р. Система відмінків української мови. — К., 1987. — С. 85.

² Там же. — С. 103.

³ Вихованець І.Р. Синтаксис знахідного відмінка в сучасній українській літературній мові. — К., 1971. — С. 34.

ность', иерархически подчиняясь значению предметности, представляют собой бинарную семантическую оппозицию, члены которой взаимно противопоставлены. Наличие одного из членов этой оппозиции в семантической структуре существительного исключает возможность присутствия другого члена.

Формальное выражение, как было сказано выше, имеет грамматическая сема 'одушевленность', которая может присутствовать в системе лексических значений имен, денотатами которых являются как вещи естественные (*мертвец, покойник*), так и артефакты, изделия (*кукла, марионетка*), относящиеся к неживой природе, напр.: *Пишет, что пробовала делать кукол, но нет сбыта* (Н. Ильина); *У огромной витрины детишки разглядывают механических кукол, ловко делающих зарядку* (Известия); *Я решительно бросил анатомию, потому что боялся мертвецов* (С. Аксаков); *Стрелы конгрессменов были направлены все-таки в матрешек* (Известия).

Одушевленные существительные номинируют живые существа, за исключением растений, или существа, представляемые в языковом сознании носителей конкретного языка как живые. Это поддерживает тенденцию к замене немотивированного, с точки зрения современного языка, противопоставления одушевленность/неодушевленность оппозицией "название живого предмета — название неживого предмета". При этом под живым предметом понимается предмет, способный к самостоятельному передвижению, к самостоятельным действиям, так что растения, как и в противопоставлении одушевленность/неодушевленность, относятся к неживым предметам¹.

Одушевленность/неодушевленность — это класс именных категорий, ядром которого выступает категория одушевленности существительных, на периферии класса находятся категории одушевленности/неодушевленности местоимений, прилагательных, числительных и полных причастий.

В русском и украинском языках категория одушевленности/неодушевленности включает аналогичные лексико-семантические разряды субстантивов, имея собственное категориальное морфологическое значение. Компонент этой категории — одушевленность — в русском языке монолитен. В украинском языке он распадается на категории анимальности/персональности, имеющие вариантное грамматическое выражение:

¹ Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. — М., 1982. — С. 87.

Русский язык		Украинский язык	
одушевленность/неодушевленность		одушевленность/неодушевленность	
↓	↓	↓	↓
<i>доить коров; выгонять врагов, лошадей</i>	<i>читать письма</i>	<i>анимальность пасти волів/воли давити мух/мухи</i>	<i>читати листи персональність бачити учнів, школярів, учителів</i>

Явление вариативности форм им. и вин. падежей мн. числа существительных, обозначающих животных, характерно и для словацкого языка¹.

Несовпадение номинаций живых существ и одушевленных существительных проявляется в том, что названия совокупностей, групп людей и животных: *народ, армия, стадо // натовп, військо, згряя*, принадлежат к неодушевленным существительным. Вне этой категории в исследуемых языках оказываются несклоняемые существительные *буржуа, леди, крупье // аташе, мадам, кенгуру*, не имеющие формально-морфологического выражения, единственным средством выражения одушевленности/неодушевленности несклоняемых субстантивов выступают синтаксические способы.

Семантическая дифференциация компонентов оппозиции одушевленность/неодушевленность в субстантивной сфере русского и украинского языков сталкивается с определенными трудностями, вызванными тем, что в исследуемых языках существуют многочисленные метонимические переносы, явления персонификации, омонимия, тонкие семантические трансформации, при которых употребление слова не в первичном словарном значении подкрепляется соответствующими грамматическими характеристиками — рода, числа, падежной парадигмы. Отмеченные в лингвистической литературе такие существительные, как *колпак, мешок, тюфяк // дуб, пень, язык*, отрицательно характеризующие лицо, можно дополнить новыми субстантивами такого плана: “челнок” (перевозчик товара через границу): *Примерно 900 уволенных текстильщиков пошли в челноки* (Известия); “пиджак”: *Такого сомнительной щедрости пассажира выдавшие виды таксисты с пре-*

¹ *Лифанов К.В.* Статус категорий одушевленности/неодушевленности, анимальности и персональности в словацком языке // XI Международный съезд славистов: Zbornik resume. — Bratislava, 1993. — С. 296.

зрительным уважением называют “пиджаком”. В зеркальце Савин незаметно разглядел “пиджака” (Известия).

Отмеченные в предыдущих грамматических исследованиях подобные лексемы с первоначальным нейтральным значением “вещь”, переходя в класс имен с основной категориально-лексической семой ‘лицо’, приобретают негативные коннотации. Однако в языке последнего времени наблюдается расширение круга неодушевленных имен, называющих лиц и функционирующих как одушевленные субстантивы, причем такие лексемы дают положительную характеристику денотату. Возьмем, к примеру, существительное “звезда”. Выступая в исходном значении “небесное тело”, это имя функционирует как неодушевленный субстантив: *Увидеть звезды — вот что необходимо тому, кто упал* (Известия). Сема ‘лицо, добившееся выдающихся результатов на каком-либо поприще’, с позитивными коннотациями соединяется с грамматической семой ‘одушевленность’, имеющей морфологическое выражение в словоформе винительного падежа множественного числа, напр.: *Его помощники спешно вербуют звезд французского кино и телевидения, суля им высокие гонорары* (Известия); *Этот эксперимент вдохновил на дерзание даже все повидавших звезд Большого театра* (Известия).

Имена существительные *идол, истукан, монстр, сфинкс*, функционируя со значением “статуя, изваяние”, то есть артефакт, изделие, тем не менее употребляются с морфологическими показателями одушевленности: *Самая реальная версия — идиолов передвигали с помощью деревянных валков* (Комс. правда); *И все это время оставалось загадкой, каким образом жители острова доставляли каменных монстров от карьера до места установки* (Комс. правда); *Неоднократные попытки приостановить этот процесс, спасти сфинкса от разрушения успехом не увенчались* (Известия); *Иван — надо же познакомиться с соседями! — принялся методично обходить каменных истуканов* (Р. Киреев). Иногда наблюдаются колебания в формах вин. падежа таких имен даже в пределах одного текста, вызванные противоречиями между реальным отношением денотата к неживому миру и морфологической формой: *Мы создали такие монстры [АЭС], которые зачастую не в состоянии держать под контролем. Правильна ли мысль, что обязательно новое технологическое развитие должно рождать новых монстров вооружения?* (Известия).

Абстрактное существительное *тип*, называя лицо, переходит из разряда неодушевленных имен, к которым принадлежат все абстрактные субстантивы, в одушевленные с соответствующими

формальными признаками, напр.: *Мы считали, что этого типа мы сможем использовать в качестве нашего убийцы внутри самой тюрьмы (Известия); Оба пола высказались за то, чтобы гнать типов, непохожих на нас, взащей, ибо "от них одна зараза" (Известия)*. Сравним развитие нового значения с семой 'одушевленность' у многозначного имени дух, первичные лексико-семантические варианты (ЛСВ) которого характеризуются высокой степенью абстрактности: "психические способности, сознание, мышление", "внутреннее состояние, моральная сила человека", "по мифологическим и религиозным представлениям, бесплотное сверхъестественное существо" — "душман в Афганистане": *За это время, наверное, прокляли "духов" и жару на всю оставшуюся жизнь. А тут увидели "духов" метрах в сорока (Известия)*. Возможно, это значение связано с ЛСВ "сверхъестественное существо", со словосочетанием *злой дух: Изгоняли злого духа, оказались на скамье подсудимых (Известия)*. Эти примеры говорят о том, что не только субстантивы с сочетанием сем 'конкретность', 'неодушевленность' могут развивать ЛСВ, обозначающие лицо, но и абстрактные существительные могут стать источником пополнения личных имен: *увидеть знаменитостей, посредственностей* и т. п.

Имена существительные, утрачивая сему 'одушевленность', по нашему наблюдению, утрачивают и ее формальные средства выражения, ведя себя как неодушевленные субстантивы, напр.: — *Ты, Фадеев, должен показать им, как надо атаковать бомбардировщики. Фадеев увидел Овечкина и дымящийся второй бомбардировщик (Н. Скоморохов); Навязывать Австрии американские истребители-перехватчики...* (Известия). Это положение распространяется и на случаи метафорического и метонимического использования одушевленных имен для называния вещей, напр.: *Командир звена вместе с товарищами сбил два стервятника (фашистских истребителя. — Н.О.) (Известия); ср., однако: Отремонтировали ветерана (залей воду, загрузи уголь и хоть сейчас в дорогу), — вкатили на пьедестал и назвали "Победой" (Известия)*. Сравнительно новое значение слова "дипломат" — "портфель в виде плоского чемоданчика"¹ — последовательно выступает как неодушевленное имя: *Орлов спрятал от зыв и удовлетворенно погладил новенький с замком-шифром "дипломат" (Е. Панов); В одной руке он нес черный "дипломат", а другою размахивал. Собрал "дипломат", щелкнул замкал и (О. Смирнов); — Увидел вот у вас "дипломат" — позавидовал (Известия) // "Будинок*

¹ Новые слова и значения / Под ред. Н.З. Котелевой. — М., 1984.

подарунків” пропонує “дипломати” (ціна — 22 крб. 40 коп.), виготовлені Северодонецькою фабрикою (Веч. Київ); Він поставив коло мене “дипломат” на лавку (Веч. Київ).

На базе личного существительного калькулятор — “специалист по калькуляции” — развилось значение неодушевленного имени — название артефакта, “прибора, производящего подсчет, вычисление”, формально выраженное в словоформе винительного падежа: *Кладет на столик калькулятор. Директор вынул из кармана куртки небольшой калькулятор, пробежал пальцами по кнопкам* (Известия). Аналогичное значение развилось и в украинском соответствии этого существительного: лексическая сема ‘производящий вычисление’ реализуется в двух семах ‘лицо, производящее вычисление’ и ‘прибор, производящий вычисление’, противопоставленных по отношению к членам семантической категории одушевленность/неодушевленность, напр.: *Трест їдалень запрошує на роботу кухарів, кондитерів, калькуляторів* (Веч. Київ); *Інженери з НДР сконструювали електронний калькулятор “Мінірекс-73”* (Знання та праця). Ср. также координатор — “лицо, осуществляющее координацию чего-л.”, и координатор — “прибор, автоматически указывающий летчику местонахождение (координаты) самолета”.

Иногда такие имена “могут сохранять морфологические признаки одушевленности”¹:

1) в названиях игр и используемых в них предметов, напр.: *В это время маленький Володя навел на татап свое зеркальце — что называется устроить зайчика, — и отражение света на минуту ослепило глаза ее* (И. Салтыков-Щедрин); *Он делал удивительных змеев, мы пускали их с крыши нашего дома* (И. Герасимов); *Теперь вместо жареных куропаток он “готовит” ледяных лебедей и другие изящные произведения искусства* (Известия); *Мишка с Титкой были смелые, боевые, метко плевались, искусно подбрасывали деревянного “чижика”* (И. Грекова); *В. Смыслов уже в дебютной стадии партии обменял своих слонов на коней соперника* (Известия) // — *Ой, вітряно нині, — малеча радіє, — запустим до хмар паперового змія* (Н. Забіла);

2) в названиях некоторых песен и танцев: *казачок // гопак, трепак: Казак протанцевал на славу казачка* (Н. Гоголь) // *Земля двигтіла під його ногами, краще від нього гопака ніхто не танцював у Заудайці* (О. Десняк).

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 464.

Если нарицательное одушевленное существительное функционирует как название марки автомобилей, тракторов, танков, приборов, их деталей и тому подобных артефактов, то в морфологическом оформлении таких имен наблюдаются большие колебания: они то сохраняют морфологические показатели исходного значения одушевленности, напр.: *Проводить “Волгарей”* [марка трактора] *из ворот предприятия пришли ветераны* (Известия); *Работали день, другой, третий. На четвертый запустили и “крота”* [пневмопробойник, которым прокалывают толщу земли под дорогой]. *Именно в присутствии руководства бригада рабочих включила “крота”*. *“Крот” уперся во что-то твердое* (Известия); *А пока человек сидит в бронемашине в относительной безопасности и направляет огромного “скарабея”* (марка бульдозера, управляемого по радио. — Н.О.) (Известия), то функционируют как неодушевленные существительные, напр.: *Он снабжает “леопард”* (название немецкого танка. — Н.О.) *гусеницами и боеприпасами и теперь, конечно же, хочет увеличить свое участие в выгодном бизнесе. Фирма ИВКА, ремонтирующая “леопарды”...* (Известия); *Руфь была прилежна в работе, имела твердые руки и смело водила “форд”* (А. Платонов); *Поскольку уборочной техники не хватает, решено восстановить все “херсонцы-7”* (марка комбайна. — Н.О.), *комбайны, которые отслужили свой век* (Известия); *Внешне трактор отличается от своих собратьев величиной гусениц и тем, что имеет впереди опускающийся “ленивец” — направляющее переднее колесо* (Известия) // *Лінійний монтер повернув свій “Запорожець” під дорожній знак, що забороняв в їзд у зону заповідника* (Веч. Київ); — *Як зараз бачу свій перший причинний “Комунар” № 20, — згадує з посмішкою тракторист* (Зоря Полтавщини); *Ви зможете придбати іграшки, ігри, “конструктори”, набори для технічної творчості* (Веч. Київ).

Колебания в оформлении винительного падежа единственного числа наблюдаются даже в одних и тех же именах и даже при функционировании их в одном контексте, напр.: *На Калужском или Рязанском шоссе добродушная зверина могла себе позволить шляться, норовя забодать “Запорожца” или какую другую машину; Один рассеянный поэт сделался толстым от пива, купил “Запорожца”, стихи писать бросил* (В. Астафьев); — *Долго и трудно усаживалась в “Запорожец” с негнущейся ногой своей и костылем и поехала торжественно, как за границу, в соседнее село верст за десять* (Лит. газета); *Встречаю одного знакомого и вижу, что он обул своего “Москвича” в новую резину* (Известия); — *И Молочков за шесть лет работы получил при содействии Крылова квартиру, купил “Москвич” после премиальных с трех картин и, наконец, в прошлом году*

женился (Ю. Бондарев); *“Тигра”* нашли на дне реки; *Немецкий танк “Тигр”* обнаружили мостостроители при возведении моста через реку Дзурь в Белоруссии (Известия); — *Берите “Зубренок”* [название автоприцепа], пока есть; *Все-таки* купить *“Зубренка”* и тянуть его домой на веревке, как козу; — *Наше дело — сделать “Зубренка”*, а тяглово-цепное устройство — это уж, извините, — рессорный завод (Известия); *И немцы, и жители деревни* увидели красноезвездного *“ястребка”*; *Услышав о точном месте падения самолета, захотели ребята достать “ястребок”* (Комс. правда).

Нарицательные одушевленные существительные — наименования судов, лодок, поездов — варьируют грамматические показатели одушевленности/неодушевленности, напр.: *Такой вот капитан. Он и поведет “Орла” в первое дальнее плавание* (Известия); *“Моран” таранит “Альбатроса”* (Известия); *Не забывайте, “Товарищ” строили больше, чем пятьдесят лет назад* (Известия); — *А на кого же “Товарищ” оставили?* (Известия).

Употребленные в качестве наименований неодушевленных предметов (марок самолетов, космических кораблей, приборов, названий орденов, медалей и т. п.) собственные имена существительные — имена людей, мифологических персонажей, сказочных героев и т. п. — испытывают колебания при морфологическом оформлении одушевленности/неодушевленности, напр.: *Только после того, как мы создали “Антея”* (название самолета. — Н.О.), *мы увидели, насколько необходим сегодня такой большой транспортный самолет* (О.К. Антонов); *Всплыл где-нибудь автомат, нужно проследить цепочку, приведшую “калашникову” в преступные руки* (Известия); *Во время осады этой крепости он не только заслужил “георгия”, но и был даже восстановлен в прежнем чине* (А. Игнатъев); *В музей Военно-Воздушных Сил в подмосковном городе Монине “Илью Муромца”* (название первого русского самолета. — Н.О.) *доставили из Старой Руссы* (Известия); *Фестивальные Катюши* (кукла, символ XII Всемирного фестиваля молодежи. — Н.О.) *демонстрирует главный художник фабрики* (Известия); *“Оскары”* ежегодно присуждает *Международная ассоциация журналистов, пишущих о шахматах* (Известия); *Теперь можно было поверить, что это те, кто делал знаменитые “катюши”* (А. Герман) // *“Катюш” натаскали — землі не знати* (Григорій Тютюнник). Сравним, например, колебания в морфологическом оформлении собственного одушевленного существительного, служащего наименованием разных артефактов — марки самолета и названия магазина: *Три Александра три года назад поднимали “Руслана” в первый полет* (Известия); — *Кстати, если судить по итогам прошлого*

года, наша “Людмила” вовсе не представительница слабого пола... “Руслан”-то мы опередили (Известия) // Чотири надзвичайно економічних двоконтурних турбореактивних двигуни дозволяють піднімати “Руслан” з вантажем у 150 тонн (Веч. Київ). Колебания наблюдаются даже при функционировании одного и того же наименования, напр.: “Сомов” — название судна — оформляется то как одушевленное имя, то как неодушевленное: *Пройдя панамский канал, экипаж принял решение “принарядить” своего “Сомова”, изрядно потертого торосами и исхлестанного жгучими ветрами* (Известия); — *Они отыщут затерянный среди айсбергов “Сомов”, и тогда мы услышим в залитой тропическим солнцем комнате: “Я — “Сомов”* (Известия).

Одушевленные имена, нарицательные и собственные, функционирующие в качестве названий магазинов, стадионов, издательств, газет, лагерей, кинотеатров и т. п., в соответствии с характером денотата формально выражают сему ‘неодушевленность’, особенно при передаче локальной семантики, которая манифестируется словоформой винительного падежа с пространственными предлогами *в* и *на*.

В украинском языке названия песен, плясовых, танцев, омонимичные именам собственным и нарицательным мужского рода с семой ‘лицо’, в винительном падеже единственного числа функционируют как одушевленные существительные, напр.: *Стане собі під калину, заспіває Г р и ц я. Виспіває, вимовляє* (Т. Шевченко); *Мале дитя коло його На сонці куняє, А тим часом старий кобзар І с у с а співає* (Т. Шевченко); *З ким ти усміхалась, плакала, журилась, Кому ти любила П е т р у с я співають І ти не згадаєш* (Т. Шевченко); *Не те вишиває; Замість Г р и ц я, задумавшись, П е т р у с я співає. Часом сонна розмовляє* (Т. Шевченко); *Добре співав. Як було заспіває Н е ч а я, то тобі здається, що от-от козаки вийдуть* (Марко Вовчок); *Зима, На фронт, на фронт! А на пероні люди... Біля вагонів ми співаєм “Чумака”... І радість лоскотно бентежить наші груди* (В. Сосюра); *В охопленій вогнем залізобетонній коробці гарнізон заспівав “Варяга”* (Веч. Київ). Эта форма закрепила и в составе фразеологизмов *співати (заводити) лаза-ря* — “скаржитися, прикидатися нещасним”.

Заимствованное из чешского языка слово *робот* со значением “автомат, предназначенный для замены человека при выполнении сложных технических операций”, является ареной борьбы сем ‘одушевленность’ и ‘неодушевленность’, вызванной противоречием между функцией денотата и его материальным воплощением. Эта борьба сем находит формальное выражение в колеба-

ниях в морфологическом оформлении данного существительного. Оно может функционировать как одушевленное имя самостоятельно, напр.: *Недолго дойти и до того, что работа сочтем за образец* (Г. Бакланов); *Когда выехали за проходную завода, шофер спросил: "Роботов смотрели? Занятное зрелище. Поставили, значит, двух роботов у стола. А на стол — лимонад. Смотрели роботов в деле, интересовались опытом использования обрабатывающих центров"* (Известия); *Японские фирмы предлагали в попутчики роботов* (Известия) // *Робота приводить у дію стиснуте повітря* (Веч. Київ); *Як приборкати робота. Приборкати примхливого робота можна лише спільними зусиллями* (Веч. Київ); *Зважаючи на обідню перерву, повиганяли вони своїх роботів з каналу, вишикували їх в ряд понад валом* (О. Гончар); *Як приручити робота. Він допоможе краще стикувати роботів з устаткуванням* (Веч. Київ), так и с приложением, напр.: *Здесь можно увидеть работа-машиниста, заменяющего оператора в зоне высокой концентрации ртути* (Известия); *А этой осенью компания "Деннинг мобил роботикс" (штат Массачусетс) обещает испытать работа-надзирателя, который будет патрулировать ночью тюремные коридоры* (Известия); *Ученые стремятся сконструировать роботов-сварщиков как можно более точными, умными* (Комс. правда); *Он изобрел работа-секретаря, который выполняет около 400 операций* (Известия).

Исследуемая лексема может употребляться и как неодушевленный субстантив, напр.: *Автор статьи на эту тему предостерегает руководителей предприятий, рассчитывающих со временем приобрести роботы западного производства* (Известия) // *Рівень сучасної науки і техніки дозволяє створювати роботи, які доцільно й вигідно використовувати при обробці металевих деталей різанням* (Веч. Київ); *Даремно наладчик боїться, що його примусять ремонтувати роботи* (Зоря Полтавщини). Сема 'неодушевленность', побеждая антонимичную себе сему в анализируемом имени, влияет и на слово, функционирующее в качестве приложения к лексеме *робот* и имеющее в смысловой структуре сему 'одушевленность'. Эти сочетания оформляются как неодушевленные субстантивы: *Здесь изготавливают и роботы-гиганты грузоподъемностью 120 килограммов, будут тиражировать роботы-универсалы* (Известия).

Колебания в морфологическом оформлении слова *робот* отмечаются даже в пределах одного и того же текста: *Когда привезли первый робот, на него буквально боялись дышать. Но два Сергея взяли того робота, проверили револьверы. Автомобилестроители стали делать своих роботов в Тольятти. Когда же робот включили снова и*

прибавили ему скорости, скептики поумолкли (Известия); Человек, обслуживающий робота, выключив компьютер, который определил мои характерные черты, подал мне упакованный портрет. Создать такой робот, который бы даже нажим кисти регулировал, — это да, это высочайшее достижение техники (Лит. газета).

Лексическая семантика существительных влияет на их морфологическую характеристику, которая зависит также от выполняемых субстантивом синтаксических функций. Лексическое противостоит в слове не только морфологическому, но и синтаксическому — синтаксической функции слова. Употребленные в качестве приложения к неодушевленным именам, одушевленные субстантивы приобретают идентичные с ними грамматические параметры, то есть признак семантической субкатегории “неодушевленность” получает приоритетное значение в таких словосочетаниях, находя соответствующее формальное выражение, напр.: *Локомотив широко и весело нес себя к синеющей кромке горизонта по сизой лестнице рельсов, увлекая за собой глазастые зеленые близнецы-вагоны* (И. Штемлер); *Товар подлежит возврату на завод-изготовитель*; *Лучше писать на завод-изготовитель* (Известия); *Очень скоро мы, надеюсь, получим возможность выделить ген-носитель этой болезни* (Лит. газета) // *В тебе, Левку, голова схожа на горнята-близнята: в одному борщ, а в другому — каша* (М. Стельмах); — *Це ваш псевдонім? — спитав редактор, розглядаючи літери-блошки, що також були примітною ознакою відомих йому рукописів* (А. Михайленко).

Выступающие в таких словосочетаниях имена существительные с первичной семой ‘одушевленность’ могут быть или однозначными, или полисемантами, все ЛСВ которых выступают только как одушевленные имена, напр.: *...призывает госудаства-члены внести свой вклад в практические меры...* (Известия); *В центре непроходимого леса ученые обнаружили два озера-близнеца глубиной 160 метров* (Известия); *Это или радиация, или вещества, способные генетически модифицировать клетку-носитель* (Лит. газета); *Об алгоритме анализа английского языка (для перевода через язык-посредник)* (Е.В. Падучева) // *Суднобудівники, створивши красені-атомоходи, знову повертаються до романтичного вітрила* (Знання та праця). Приложениями могут выступать и неодушевленные ЛСВ многозначных слов, в таком случае компоненты исследуемых словосочетаний характеризуются идентичными семантическими и формальными параметрами по категории одушевленность/неодушевленность. Например, один из ЛСВ слова *разведчик* — “самолет или судно, ведущее разведку”: *Одним из первых наших океанологов сел Сомов рядом со штурманом в самолет-разве-*

дчик (Известия). ЛСВ лексемы *паразит* — “растение или животное, живущее на поверхности или внутри другого организма”: *Дурная мода на слова-паразиты и трескучие фразы особенно укрепились в нашей педагогической литературе и науке* (Лит. газета). Одно из значений существительного *перехватчик* — “то, что перехватывает противника”: *Новой эмблемой отмечают ракеты, спутники-перехватчики, лазерные установки* (Известия). Полисемант *одиночка* имеет два неодушевленных ЛСВ — “тюремная камера”, “гоночная лодка”: *За три-четыре дня бойцы вырыли себе ячейки, колодцы-одиночки с земляными полками для гранат* (Д. Холендро). В украинском языке многозначное слово *спутник* имеет неодушевленный ЛСВ “штучне небесне тіло”: *Корабель-спутник “Восход” введено на орбіту, близьку до розрахункової* (Рад. Україна).

Часто одушевленные имена, выступая в качестве одиночных приложений к неодушевленным существительным, образно характеризуют названный неодушевленным субстантивом денотат: *остров-красавец, город-банкир, дом-великан, дерево-кормилец, искусство-борец, слово-урод, сосна-гигант, страна-должник, улица-змея, цистерна-гигант // будинок-велетен, місто-гігант, завод-велетен, місто-творець, місто-новатор, місто-воїн, завод-гігант, завод-ветеран, красень-санаторій, місто-красень*, напр.: *На орбиту предполагалось вывести очередной спутник-шпион* (Известия); *Очевидно, следовало бы поставить на поток необходимые каждой семье книги-советчики* (Известия); *Находили корни-великаны: по 120 и даже до 300 граммов* (Известия) // *Місто-ювіляр вшановує вся країна* (Робітничка газета); *Споруджують зерносховище-велетен в селіщі Савинці* (Робітничка газета); *Партизани використовували дерева-велетні для спостережень* (Наука і життя).

Они могут также выступать компонентами устойчивых сочетаний — официальных названий, функционирующих как неодушевленное имя: *город-герой, город-побратим, организация-разработчик, судно-носитель, поезд-тяжеловес, город-спутник, ракета-носитель // фортеця-герой, завод-виготовлювач, завод-виробник, організація-пайовик, літак-розвідник*, напр.: *Участницы слета посетили город-герой Новороссийск, возложили цветы у Вечного огня на Сопке героев* (Крестьянка); *Детали с телескопа снимали, украли искатель-рефлектор* (Комс. правда) // *Люди приїждять у фортецю-герой Брест, щоб схилити голови перед пам'яттю героїв* (Робітничка газета); *Давня дружба єднає міста-побратими Київ і Лейпциг* (Веч. Київ); *Фірма замовила диск-гігант* (Рад. Україна).

Таким образом, хотя формально взаимодействие семантической категории одушевленность/неодушевленность с многочлен-

ной категорией падежа ограничивается только одним членом — винительным падежом, оно достаточно сложно и многоаспектно отражает сущностные характеристики называемого денотата. Отмеченная непоследовательность в формальной передаче сем ‘одушевленность’ и ‘неодушевленность’, свидетельствующая о противоречии между словесной формой и денотатом, выступает причиной факультативной вариативности в винительном падеже единственного числа неодушевленных имен в русском языке. В украинском языке вариативность винительного падежа охватывает и одушевленные имена, и словоформы множественного числа, то есть круг имен и форм, подверженных вариативности, иной, более широкий, чем в русском языке.

Особые семантические функции характерны для падежей одушевленных имен существительных во множественном числе. Известно, что форма винительного падежа множественного числа неодушевленных имен совпадает с формой именительного падежа, а аналогичная словоформа одушевленных субстантивов — с формой родительного падежа: *вижу столы — вижу друзей*. Однако в исследуемых языках функционируют словосочетания *нанять в агенты, пойти в адвокаты // піти в залізничники, перевести в слюсарі* и т. п., которые содержат словоформы винительного падежа одушевленных имен существительных, совпадающих с формой именительного. Квалифицируемые иногда как фразеологизмы, эти словосочетания никак не могут быть отнесены к ним, так как постоянным элементом в них выступает только первообразный предлог *в*, а в качестве переменных компонентов может быть широкий спектр глаголов: *податься, вознестись, попасть // просити, брати, вийти* и т. д. Напр.: “Новый мир” извлек мои стихи из самотека и взял меня в свои авторы (Д. Сухарев); — Ты уж, гляди, если в артисты подашься, так чтоб все основательно! (Известия); На нем сидит некто (он или она), явившийся к профессору либо за консультацией, либо проситься в аспиранты. Кого же он брал себе в аспиранты? (Н. Ильина) // просити у свати, брати у дружини, вийти у начальники. А.А. Потенбня назвал данную словоформу “винительным падежом множественного числа состояния”¹, который употребляется не только при личных глагольных формах, но и при соответствующих причастиях и деепричастиях, напр.: *Призванный в арбитры начальник главка примирил нас* (Лит. газета); *Уж больно задела меня одна статья в “ЛГ”, где об инженере, пошедшем в грузчики, говорится так, будто он пошел чуть ли не в разбой-*

¹ Потенбня А.А. Из записок по русской грамматике. — С. 67.

ники (Лит. газета); *Где-то в уральском тылу появилась на свет девочка, предназначенная судьбой ему в жены, в матери его ребенку* (О. Смирнов).

Переход в определенное состояние может совершаться субъектом действия самостоятельно, напр.: *Будь я молод — только бы в альпинисты подался* (А. Курчаткин); — *А Григорий пошел в шахтеры* (С. Бабаевский); *Кто перед смертью вышел в генералы. А кто в сержанты выйти не успел; Такой был срок ему отпущен малый* (А. Твардовский).

В идентичное состояние может также переводиться объект действия, напр.: — *Бегают сейчас. Как бы сыночка в алкоголики не записали* (А. Каштанов); *Рокоссовского прямо из лагеря в командармы произвели* (В. Гроссман); — *Напугалась, что в кулаки тебя обратят* (С. Антонов).

В качестве независимого члена сочетаний с исследуемой словоформой имен существительных могут выступать отглагольные имена, производные от вышеназванных глаголов: *возвращение, выдвигание, назначение // перехід, посвята, запрошення* и т. п. Напр.: *Борьба за выдвигание в кандидаты на пост президента США* (Известия); *Переход в педагоги логичен для мастера, оставившего сцену* (Известия) // *День посвяти у майстри*.

Несколько особняком стоят аналогичные по своим синтагматическим связям существительные *кандидат, путь, претендент*, не имеющие соответствующих глаголов, но обязательно функционирующие с личными субстантивами в форме винительного падежа множественного числа, напр.: *Друзья поддерживали и помогали бывшему кандидату в женихи* (Известия); *Привезли кандидата в председатели в колхоз из Вологодского сельского района* (Известия); *Высокий гость сфотографировался с ним в группе других кандидатов в президенты на "выборах", намеченных на март* (Известия) // *Претендент в кандидати*.

В качестве зависимого члена в словосочетаниях с вин. падежом состояния выступают одушевленные существительные мужского и женского рода, ведущей семой в семантической структуре которых является сема 'лицо', а подчиненными, зависимыми — семы 'местожительство', 'социальное положение', 'профессия', 'промысел', 'занятие', 'ремесло', 'семейное положение', напр.: *Подумали, и решено было подаваться мне в бакенщики* (В. Астафьев); *То был памятный для него год, когда он бросил учебу и пошел в батраки* (Известия); *Ада Ефимовна, бывшая опереточная артистка, пошла в билетерши, лишь бы не расставаться с театром* (И. Грекова).

Эта способность личных существительных образовывать формы винительного падежа множественного числа с предлогом *в*, совпадающие с именительным падежом при выражении значения перехода в новое качество или состояние, распространяется и на другие имена с появлением в их семантической характеристике семы 'лицо', которая является определяющим семантическим моментом в образовании данной словоформы, напр.: *Так в "моржи" посвящают. Сюда на традиционный зимний праздник "Посвящение в моржи" прибыли любители зимнего плавания из разных районов столицы (Известия); Будто вызвали его когда-то куда-то и сказали: "Перебрасываем вас в Зайцы". Меня в козлы из баранов выдвинули (Лит. газета).*

В современном украинском языке, в отличие от русского, форму винительного падежа, совпадающего с именительным, могут иметь не только неодушевленные существительные, но и одушевленные имена, названия домашних животных, напр.: *бачу столи, коней и коні, пасти овец и вівці*. Квалифицируемая в "Сучасній українській літературній мові" как редкоупотребительная¹ в украинском языке последнего десятилетия форма винительного падежа множественного числа личных имен с предлогом *в* (*у*), аналогичная словоформе именительного падежа, стала достаточно частотной: *вийти в адміністратори, посвята у будівельники, потрапити в льотчики, взяти в свинопаси* и т. п. Напр.: *Ось Рябов піде в помічники, сам піду (О. Довженко); Якась випадковість відсовувала його у тінь, а тим часом двадцятип'ятирічні жевжики вибивалися у міністри чи послы (М. Стельмах); — Що ж, дівчині дев'ятий іде — в няньки годиться (Ю. Кротевич).*

Имена собственные, употребленные во множественном числе, с семой 'лицо', переходя в апеллятивы, могут образовывать и словоформу винительного падежа, идентичную именительному: *Мы метим все в Наполеоны Двуногих тварей миллионы (А. Пушкин) // Запишіть мене в Едісони (Веч. Київ).*

Глагол *играть* управляет винительным падежом множественного числа, совпадающим по форме с именительным падежом некоторых имен существительных одушевленных, напр.: *играть в кошки-мышки, в казаки-разбойники: Мальчики играли в лапту, в казаки-разбойники, в рюхи (И. Грекова); Когда в кошки-мышки играют дети, это понятно (Известия).* Эти словосочетания приближа-

¹ Сучасна українська літературна мова / За ред. В.М. Русанівського. — К., 1969. — С. 112.

ются к фразеологическим, в других аналогичных ситуациях подобные словоформы функционируют в виде словоформ родительного падежа множественного числа: *Только сегодня я наконец спокойно посмотрел в глаза Элизабет, спокойно поиграл с Майклом и Джозефом в сыщиков и гангстеров, спокойно прошел по дому* (Ю. Семенов).

Часто формы винительного падежа множественного числа личных существительных синтагматически связаны с формой родительного падежа множественного числа таких имен, называющих прежнее состояние или качество, происхождение и т. п., напр.: *Расстроишь кого-нибудь ненароком и попадешь из ангелов в черти: мундир тот же* (Известия); *Из дебютантов — в лидеры* (Известия); *Три года назад Саша написал в дирекцию заявление с просьбой перевести его из механиков в механизаторы* (Комс. правда) // *З начальників... у начальники* (Веч. Київ). Начальное состояние, социальное происхождение, принадлежность к какому-то кругу лиц, названных субстантивом в форме родительного падежа множественного числа с предлогом *из*, может быть выражено в предложении и без существительного, обозначающего превращение, переход в новое качество или состояние: *Помощником был не кто иной, как Сашка Девятый из архаровцев* (В. Распутин); *Костя не очень-то переполошился, но Федор был из беспризорников, и синяк Семену достался* (Б. Васильев); *Вышибала Прокофьев — крепкий мужчина из бывших борцов, — кроме уникальных физических данных, имел особый глаз и знакомства* (И. Штемлер); // *Бо я, бачите, не з міщан. Я дворянин* (І. Нечуй-Левицький). Эта форма стала штампом современной деловой речи: *из рабочих, из крестьян, из служащих* // *з робітників, із селян, із службовців*.

Форма родительного падежа множественного числа с предлогом *с* личных существительных служит для обозначения сферы деятельности, занимаемой должности, поста, от которых кто-либо освобождается: *В партии — со строгачем — оставили, а с председателей снять колхозники не дали* (И. Васильев).

Форма предложного падежа множественного числа личных существительных с предлогом *в* совмещает в себе значение “характеристика по роду деятельности” и временное, указывающее на продолжительный период осуществления деятельности подобного рода, напр.: *Он ходит в активистах архиреакционных организаций страны* (Известия); *Он на строительстве моста был в бригадах. Он в лидерах среди инженерной братии давно ходит* (И. Герасимов); *Сергей перестал посещать библиотеку и оказался в задолжниках* (Комс. правда) // *Вчора Вірина мама, яка завжди в*

круглих відмінницях ходила, телефонує і скаржиться (Веч. Київ); *Цей у новачках не засидиться* (Літ. Україна); — *Кравець. У підмайстрах у Френкеля був* (Ю. Смолич).

Эти личные имена входят в качестве зависимых членов в словосочетания с глаголами *ходить, застрять, проходить // жити, засидітися, затримуватися* и т. п., которые могут опускаться, напр.: *В доярках она пять лет, до этого долго работала телятницей* (Известия); — *Твои одноклассники уже академики, членкоры, а ты все еще в кандидатах* (А. Ананьев); — *А то, что вы в мастерах, хуже быть не может* (И. Герасимов) // *Папуга у поводитирях* (Літ. Україна).

Довольно ограниченной лексической базой представлено в предложном падеже множественного числа значение “характеристика лица по семейному положению”, также соединенное с временной семьей, напр.: *Родительница его, в девицах Agathe, а в генеральшах Агафокля Кузьминична, принадлежала к числу матушек-командириш* (И. Тургенев); *Настена жалела, что походила в девках мало* (В. Распутин); — *Он, что же, в женихах ходил?* (Б. Васильев); *Председатель с женитьбой медлил и, по хуторским понятиям, ходил в старых холостяках* (Б. Екимов); *Причина — нежелание родителей Игоря иметь в невестках Марину* (Комс. правда); — *Охотник я был хороший, когда в парнях ходил* (Ю. Бондарев). В украинском языке функционально эквивалентными этим словосочетаниям выступают однокоренные глаголы *діувати, парубкувати, холостякувати*, соответствующие русским предложно-падежные формы имен *у парубках, у дівках* менее употребительны. Другие одушевленные имена, приобретая сему ‘лицо’, в словоформах предложного падежа множественного числа с предлогом *в* передают временное состояние: *Не хочется Тигру в телятах ходить* (Лит. газета).

Во множественном числе личные существительные могут входить в словосочетания, обозначающие различные временные и пространственные характеристики субъекта, образуя триаду: *из кого — в кого — в ком: из дворников — в дворники — в дворниках; из прачек — в прачки — в прачках; из жен — в жены — в женах*. Напр.: *Из дворников на курсы слесарей при Институте труда, оттуда и на курсы чертежников* (Д. Гранин) — *Жена сына обратилась в домоуправление с просьбой перевести ее в дворники* (Лит. газета); *А получилось так, что из работниц она попала в работницы, только двор другой* (В. Распутин) — *Настену еще и подстегнуло то, что надоело ей жить у тетки в работницах, гнуть спину на чужую семью* (В. Распутин) // *Скупщики з одслужених кавалеристів-москалів поприганяли свої гурточки селянських скуплених коней і постави-*

ли їх рядками по проїздах (І. Нечуй-Левицький) — Слава Богу, що пішов у москалі, а то б вона його і так покинула (Панас Мирний) — Порай, Максиме, ти ж у москалях бував, світа бачив (М. Коцюбинський).

Личные имена существительные в исследуемых сочетаниях обозначают не простое множество лиц, а среду, группу, откуда кто-нибудь выходит, происходит (*из чиновников, из азиатцев, из офицеров, из приказчиков*), куда переходит (*в библиотекари, в борзописцы, в батраки, в бригадиры, в бурильщики*) или где пребывает (*в денщиках, в командирах, в лидерах, в новичках, в прислугах, в проводниках, в подсобниках*), то есть в таких именах актуализируется сема 'собираемость', в какой-то степени нейтрализующая сему 'одушевленность' и позволяющая им образовывать словоформы винительного падежа, идентичные словоформам неодушевленных имен: *в столы, в шкафы, в ящики, в книги, в сумки, в открытки — в генералы, в металлосты, в сержанты, в герои, в гиды, в гусары, в воспитательницы, в жены, в матери*. Формальное выражение эта сема находит только в словоформах винительного падежа, словоформы родительного и предложного падежей остаются такими же, как и у личных имен, множественное число которых имеет значение "неопределенной расчлененной множественности". В украинском языке возможны словоформы винительного падежа, идентичные формам именительного падежа, от некоторых личных существительных и без предлога *в*, когда предложно-падежное сочетание обозначает переход в новое качество или состояние. Такие беспредложные формы винительного падежа передают объектную семантику, выступая при переходных глаголах, напр.: *А наймичка до царівни б рада Слать старости* (Т. Шевченко).

Кроме личных существительных, подобные словоформы выступают вариантами к формам винительного падежа, аналогичного родительному, у других одушевленных имен, напр.: *доїть корів и корови, пасти волів и воли* и т. п. По мнению А.А. Потемни, в украинском языке XIX в., как правило, "имена одушевленные во множественном числе, имеющие винительный падеж, равный именительному, т. е. и одушевленные предметы во множественном числе, сообщающем им объективный неличный характер, уравниваются с неодушевленными"¹. Напр.: *Ні, не буду чужі воли пасти, загаяти* (Т. Шевченко); — *Ти гляди мені, жени коні під са-*

¹ Потемня А.А. Указ. соч. — С. 66.

місінський ганок: треба бундючиться! (І. Нечуй-Левицький); *Чіпка на поминки заколов свиню, зарізає три овечки, убив великого бузівка* (Панас Мирний); *Ще змалечку удвох ягнята пасли, А потім побралися* (Т. Шевченко).

Словоформу винительного падежа, равного родительному, у одушевленных имен он считал “отклонением от данного правила”, приводя примеры из произведений А. Метлинского “*сірі воли запрягайте*” и “*сірих волів позапрягали*”, “*гості вітати*” и “*гостей вітати*”¹. Эти отклонения были достаточно распространены в языке художественной литературы XIX в., напр.: *Ти, чарівнице, на фігуру драться, чужих корів доїть ночами йдеш!* (І. Франко); *Було на хуторі погане Мале байстря, свиней пасло, Петрусем звалось* (Т. Шевченко).

В современном украинском языке от названий домашних животных, насекомых возможны равноправные варианты словоформы винительного падежа, соотнесенные с формами именительного и родительного падежей, выступающие в функции прямого объекта, напр.: *Невеликий статечний пастушок з гідністю погнав дві корови, телицю та бузимки* (М. Стельмах); *Хіба ж не було, що корів шлангами підв'язували до бантин? Як і личить добрій господарці, Галя ще й курей і качок розвела. Тоня купає з чабанами овець* (О. Гончар).

2. КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ У МЕСТОИМЕНИЙ

Категория одушевленности/неодушевленности наиболее ярко проявляется у субстантивных местоимений, которые в зависимости от отношения к этой категории делятся на два больших разряда: местоимения со значением лица и местоимения со значением предмета, которые охватывают более частные семантические подгруппы. В зависимости от отношения к способу выражения одушевленности/неодушевленности местоимения-существительные делятся на такие разряды: 1) личные местоимения *я, ты, мы, вы // я, ти, ми, ви* и возвратное *себя // себе*, последовательно выступающие как одушевленные существительные, а также *он (она, оно, они) // він (вона, воно, вони)*, которое формально ведет себя как одушевленное (винительный падеж у него всегда совпадает с родительным); 2) местоимения вопросительные, отрицательные и

¹ Потебня А.А. Указ. соч. — С. 67.

неопределенные, которые, в свою очередь, образуют два подразделения: слова *кто//хто* и с компонентом *кто//хто*, которые формально ведут себя как существительные одушевленные, и слова *что//що* и с этим же компонентом, которые формально ведут себя как существительные неодушевленные (винительный падеж у них совпадает с именительным).

Вопросительные местоимения *кто // хто* обозначают вопрос об одушевленном, а *что // що* о неодушевленном предмете. Местоимение *что // що* может употребляться в качестве вопроса в ситуации, неизвестной спрашивающему: *Что случилось? // Що тут відбувається?*

Местоимение *что//що* обнаруживает свое вторичное значение в тех случаях, когда целью вопроса является установление отличительных черт характера, свойств человека, его принадлежности к какой-то категории людей: [Уланбекова]: *А что такое губернский секретарь или титулярный советник?* (А. Островский) // *Все розберіть... та й спитайте тойді себе: що ми? Чиї сини? яких батьків?* (Т. Шевченко). В текстах это местоимение может содержать вопрос о том, является ли предмет вопроса живым существом или неодушевленным предметом, напр.: *Что это шуршит, птица или ветер? // Що там в полі — пень чи вовк?*

При словоизменении *кто//хто* последовательно выступает как существительное одушевленное, а *что//що* — как существительное неодушевленное, ср. вин. падеж *кого//кого* и *что//що*.

Отрицательные и неопределенные местоимения-существительные, мотивированные словами *кто//хто* и *что//що*, образованы при помощи аффиксов *не-*, *ни-*, *кое-*; *-то*, *-нибудь*, *-либо* // *-небудь*, *-ось*; *будь-*, *аби-*, *казна-*, *де-*, *хтозна-*, *ні-*. Выражение отрицательными и неопределенными местоимениями категории одушевленности/неодушевленности совпадает с вопросительными местоимениями *кто//хто*, *что//що*.

Отрицательные и неопределенные местоимения противопоставлены друг другу по признаку личности/неличности, слова с компонентом *кто//хто* обозначают лицо (реже — вообще живое существо), а слова с компонентом *что//що* — неодушевленный предмет. Напр.: *Кто-то из исследователей вышел самостоятельно на имя Бланта в конце 70-х. Кто-нибудь из противников мог запомнить лица освободителей. Кое-кто ушел с обидами на “альма-матер”* (Известия); *Правительственные силы не собираются разоружаться перед кем-либо* (Известия) // *Хтось живе — наживеться, а хтось живе — нагорюється* (Укр. присл.); *Еней стояв і дожидався, щоб вийшов з хати хто-небудь* (І. Котляревський). *Мама и бабушка*

вряд ли могут вспомнить что-то; Игорь наотрез отказался комментировать что-либо; Мы кое-что им заплатим (Известия) // Для "Вісника" я хотів би дати не будь-що, а хорошу річ (М. Коцюбинський); Маєвський абичого йому не порадить (А. Шовкопляс); Вийди, Катре, з хати: я щось маю розпитати, дещо розказати (Т. Шевченко); Він б'є свого дядька, говорить панночкам казна-що (З. Тулуб); Уночі хтозна від чого хлипали двері, шелестіло по хлівах сіно, щось перешиптувалося (Г. Тютюнник).

3. КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Именам прилагательным, а также адъективным местоимениям и порядковым числительным присуща способность последовательно обозначать одушевленность/неодушевленность тех существительных, с которыми они сочетаются: форма вин. падежа ед. числа мужского рода и мн. числа всех родов у адъективов, определяющих одушевленные существительные, совпадают соответственно с формами род. падежа ед. числа мужского рода и мн. числа, а у прилагательных, определяющих неодушевленные существительные — с формами им. падежа ед. числа мужского рода или им. падежа мн. числа. Напр.: Я увидел *старого* приятеля; Я увидел *старый* дом // Кожного разу, коли загін поспішав туди, він заставав *гарячий* слід (І. Цюпа); Видно там дуже *гарячого* чоловіка приставили до видавницького діла (Панас Мирний). Мы купили *аквариумных* рыбок; Библиотека *выписала новые* журналы // — Для послів велів *запрягати угорських* коней з полкової стайні (Н. Рибак); Зараз *окрили Шрама шапками, військовими корогвами*, дали йому до рук *полковницькі клейноди, вдарили з гармат* (П. Куліш).

В том случае, если прилагательные сочетаются с несклоняемыми существительными, падежные формы прилагательных выступают единственными показателями одушевленности/неодушевленности определяемого существительного, напр.: *Эта тайна мучила многих военных атташе в Пекине* (Известия); *Необычное хобби выбрал водитель совхоза* (Известия); *Изготовили новые клише* // *Туристы побачили справжнього кенгуру на волі; Артисти готують до нового року захоплююче музичне шоу; Президент дав позачергові інтерв'ю кільком засобам масової інформації.*

Субстантивированные прилагательные, обладая категорией одушевленности/неодушевленности в такой же степени, как и собственно существительные, передают ее такими же падежными

формами, напр.: *Выбираем шампанское для новогоднего стола* (Известия); *Вызвать дежурного // Нагородити підручного; Викликати військових*. Прилагательные, подвергшиеся субстантивации в форме множественного числа, выступают как имена pluralia tantum, то есть как носители семы 'неодушевленность', напр.: *"Хонер-инвест" обещает комиссионные прокурору области* (Комс. правда).

4. КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Числительные непоследовательно обозначают одушевленность/неодушевленность тех существительных, с которыми они сочетаются. На одушевленность указывают количественные числительные *два, три, четыре // два, три, чотири*: при сочетании с одушевленными существительными винительный падеж этих числительных совпадает с родительным, напр.: *Хладнокровно, еще не целя, два врага походкой твердой, тихо, ровно четыре перешли шага, четыре смертные ступени* (А. Пушкин) // — *Я ось тільки ще два слова скажу, я тебе наздожену* (Марко Вовчок), однако: *Бригадир отослал трех нефтяников на скважину ставить вертлю* (В. Злотников); *Хозяева квартиры приютили трех журналисток* (Известия); *Лев нашел двух опытных ополченцев, которые берутся добросить четырех человек до перекрестка* (Известия) // *Побачив двох хлопців, трьох подруг*.

Расчлененность категории одушевленности в украинском языке на субкатегории анимальности и личности отражается на форме вин. падежа количественно-именных словосочетаний с зависимым существительным, номинирующем животных, птиц и т. п. Эта форма возможна в двух вариантах: совпадает с им. и род. падежами, напр.: *Зараз ми двох зайців уб'ємо: халявки, де ціліші, по-підв'язуємо* (Г. Тютюнник) и *Ярошенко почував себе переможцем. Так би мовити — два зайці вбив — і попові на хвіст наступив, і хату-читальню для села відвоював* (В. Речмедін).

Реликтовые явления в категории анимальности в русском языке можно наблюдать в следующем: при сочетании с существительными женского рода — названиями живых существ (но не лиц), а также со словом среднего рода *существо* возможно употребление в вин. падеже формы, совпадающей с формой им., а не род. падежа: *поймал две синички* и *двух синичек*.

Категория одушевленности/неодушевленности в сфере числительного проявляется в синтагматике: способности сочетания одушевленных и неодушевленных субстантивов с определенными разрядами числительных. В количественных сочетаниях личные имена существительные мужского рода, оканчивающиеся на согласный, могут соединяться как с количественными, так и с соответствующими собирательными числительными, напр.: *два снайпера/двое друзей, три товарища/трое молодчиков, четыре сына/четверо студентов // два бізнесмени/двоє пасажирів, п'ять синів/п'ятеро токарів, шість брокерів/шестеро уланів*. Напр.: *Вместе с переводчиком в квартиру вломились четыре молодца* (Известия); *Четверо террористов убиты во время штурма самолета в марсельском аэропорту* (Известия) // *Три вершники, три молодых партизаны влетели на фольварк у тишу німу* (П. Воронько); *У тому селі жив один чоловік та мав четверо дітей* (М. Коцюбинський).

В русском языке в сочетании с личными существительными мужского рода, оканчивающимися на -а в именительном падеже, употребляются только собирательные числительные: *двое воевод, трое старост, четверо мужчин, пятеро мальчишек. Двое мужчин призывного возраста* (Известия).

Аналогично “ведут” себя по отношению к собирательным числительным и существительные общего рода: *двое разинь, трое сирот, четверо бродяг // двоє заїк, трое зайд, четверо зануд*. Специфика сопоставляемых языков в исследуемой сфере связана с более широким функционированием в украинском языке собирательных числительных. Для русского языка характерна жесткая привязанность неодушевленных существительных к количественным числительным: *два карандаша, три стола, четыре завода*. В украинском языке неодушевленные существительные могут сочетаться как с количественными числительными (*два слова, три столи, чотири стільці*), так и с собирательными (*двоє барил, трое слів, п'ятеро тістечок, семеро яєць, восьмеро відер*).

Собирательные числительные при обозначении лиц могут употребляться без зависимого существительного, одушевленная сема которого переходит к субстантивированному числительному, напр.: *Едва дверь была открыта, через нее вломилось четверо* (Известия); *Теперь уже ржут все пятеро и дружно машут рукой куда-то в сторону* (Известия); *Трое точно были мирными жителями: мужчина и две женщины* (Известия) // *На чудній тачанці сиділо четверо* (Ю. Яновський); *Вже можна було розібрати, що там, у човні, сиділо четверо — двоє на веслах, а двоє — один проти одного* (М. Коцюбинський); *На возі нас п'ятеро* (Ю. Збанацький).

Употребление количественно-именных сочетаний с числительными *два, три, четыре* и предлогом *по* в дистрибутивном значении характеризуется тем, что форма вин. падежа этих числительных при сочетании с одушевленными существительными совпадает с формой им. падежа, напр.: *построиться по два человека, в каждом ряду по три бойца, у каждой колонны по четыре охранника*.

Форма винительного падежа указательного местоимения в главной части сложноподчиненной конструкции определяет выбор относительного местоимения, выступающего средством связи придаточной и главной части, напр.: *Он хорошо знает того, кому пишет* (Н. Гоголь); *Татьяна узнала меж гостей того, кто мил и страшен ей* (А. Пушкин); *Он хорошо знает то, что пишет*. Эта закономерность характерна для сложноподчиненных предложений, в которых главная часть представляет собой по форме утвердительное предложение. В предложениях с главной частью — отрицательной конструкцией нет такой жесткой зависимости: *Писатель не видит за словами того, о чем пишет* (К. Паустовский).

IV. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Во флективных языках, к которым относятся восточнославянские языки, одной из центральных грамматических категорий является категория падежа, выражающая в субстантиве его синтаксические отношения к другим словам высказывания, а в зависимых от субстантива словах выполняющая согласовательную функцию. Падеж характерен для таких частей речи, как существительное, прилагательное, числительное, местоимение, а также для причастных форм глагола.

Словоизменительная, синтагматически сильная морфологосинтаксическая категория падежа тесно связана с “лексическим наполнением того слова или предложения, к которому относится соответствующая падежная форма”¹.

Категориальное значение отношения реализуется в двух различных типах значений падежных форм — диктальных (“объективных”) и модальных (“субъективных”). Диктальные значения могут быть: 1) субъектными — указание на производителя действия или носителя состояния, отношения, признака; 2) объект-

¹ Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология. — С. 98.

ными — указание на предмет, претерпевающий воздействие или испытывающий отношение; 3) обстоятельственными — указание на обстоятельства осуществления действия; 4) определительными.

Модальные значения могут быть связаны с указаниями на условия протекания акта речи (например, вокативом обозначен пассивный участник акта речи — слушающий), с объективной модальностью (волеизъявление, пожелание и др.), с оценкой, с отношением говорящего к тексту (метатекстовые значения) и др.¹

Высокая степень общности развития категории падежа в исследуемых языках не исключает и существенных различий, свойственных русскому и украинскому падежу: внешне это выражается в количественном несовпадении компонентов падежной системы: в русском языке — шесть падежей, в украинском — семь, где существует звательный падеж.

Грамматическая категория падежа представлена многочленной парадигмой, компоненты которой (им. п., род. п. и т. п.) обладают сложной смысловой структурой, включающей “несколько дифференциальных признаков, представляющей собой, однако, чаще всего совокупность не равноправных, а иерархических единиц”². Например, основными значениями родительного падежа выступают субъектное, определительное и объектное, однако в каждое из этих значений могут входить дополнительные, подчиненные этим основным значениям грамматические семы. Например, количественная сема той или иной модификации входит в родительный субъекта: *Народу — уйма! Вот смеху-то было! Денег ни шиша // Студентів тисячі! А гостей!!* Значение количества включает в себя смысловые оттенки “много”, “мало”, “приблизительное количество”. Такая многозначность русских падежей породила отрицательную точку зрения на возможность объединения семантически и функционально дифференцированных словоформ в рамках одного падежа, дала повод говорить об омонимии падежных форм. А.А. Потемня писал: “Мы привыкли, например, говорить об одном творительном падеже в русском языке, но на деле этот падеж есть не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных меж-

¹ Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. — М., 1991. — С. 234.

² Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — С. 159.

ду собою... Собственно у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного..."¹.

Грамматическая полисемия падежных форм приводит к тому, что разные лингвисты выделяют различное количество падежей: В.В. Виноградов считал, что в русском субстантивном склонении выделяется восемь основных падежей: именительный, родительный, количественно-отделительный, дательный, винительный, творительный, местный и изъяснительный². А.А. Зализняк число падежей доводит до 14³, И.Г. Милославский выделяет 11 падежей⁴. С.В. Бромлей и Л.Н. Булатова, описывая русские говоры, также принимают систему из 11 падежей⁵.

Те или иные значения падежей зависят от лексической семантики существительных, например, в именных словосочетаниях род. падеж с субъектным значением осложнен определительной семантикой, если он является словоформой одушевленного существительного: *монолог чтеца, пение соловья // лекция профессора, гарчання собаки*. Количественной характеристики в этих случаях родительный падеж не дает.

Многообразные значения падежей связаны с определенными лексико-семантическими группами существительных, то есть присущие тем или иным падежам грамматические семы сопрягаются с определенными лексическими значениями и проявляются в словоформах имен, манифестирующих эти значения. Например, значение принадлежности определяемого субъекту, выраженному родительным падежом, свойственно словоформам род. падежа личных существительных, собственных и нарицательных: *рука отца, деньги сестры, паспорт Дмитрия // книжка учителя, щоденник писменника*. Напр.: *Глазами Пушкина мы смотрим на мир, по-пушкински чувствуем, по-пушкински мы думаем* (Ф. Абрамов); *Мы говорим о влиянии огромного национального поэта, писателя на формирование сознания народа, его духовных качеств* (Вл. Солоухин) // *А між усіма голосами найсильніший голос Івана виводив* (І. Франко).

¹ Поттебня А.А. Указ. соч. — С. 64.

² Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 146.

³ Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. — С. 54.

⁴ Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. — С. 75.

⁵ Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. — М., 1972. — С. 32—42.

1. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Падеж существительных, являясь конститутивной единицей высшего порядка, охватывает как разные значения данного падежа, выраженные одной формой (напр., творительный орудия и творительный времени), так и разные формы с синонимическими окончаниями (напр., флексии *-у/-ові* в дательном падеже в украинском языке). Именно частные системы являются важным исходным пунктом для выявления многих различий, наблюдаемых в функционировании одних и тех же грамматических единиц в близкородственных языках¹.

Будучи обязательной грамматической категорией для русских и украинских существительных, категория падежа обладает широким спектром значений, которые проявляются в различных лексико-грамматических разрядах субстантивов и их лексико-семантических группах, воплощаясь в определенных морфологических показателях. Падежные семы существительных не интегрируются в единую категорию, поскольку падежные формы существительных служат для выражения различных категорий: отношение к деятелю, постоянному признаку и т. п.² Однако семантика каждого падежа характеризуется определенным набором грамматических сем, определяющих многозначность падежных словоформ. В зависимости от лексической семантики существительного в его падежных словоформах актуализируется та или иная грамматическая сема, входящая в системно организованный круг значений данного падежа.

Н.Ю. Шведова пишет: “Каждый падеж имеет несколько значений, организующихся в систему. Поэтому говорить о каком-то одном едином значении падежа, присутствующем во всех его синтаксических позициях и объединяющем все его употребления в некое семантическое ядро, нельзя”³. Например, словоформа родительного падежа может показывать отношение к субъекту, объекту, постоянному признаку, партитивности, которые актуализируются в зависимости от лексической семантики субстантива.

¹ *Затовканюк М.* Словоизменение существительных в восточнославянских языках. — Прага, 1975. — С. 13.

² *Русанівський В.М.* Поняття семантичного інваріанта // І.Р. Вихованець, К.Г. Городенська, В.М. Русанівський. Семантико-синтаксична структура речення. — К., 1983. — С. 105.

³ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 482—483.

Для вещественных существительных беспредложная словоформа родительного падежа характеризуется актуализацией семы партициптивности или объектности: *добыча йода, атомы йода, запах йода // запас нефти, видобування нафти, цистерна нафти*.

Семантический потенциал падежных форм взаимодействует с лексико-грамматическими и лексико-семантическими разрядами слов, выделяемых “по грамматически значимым категориальным семантическим признакам”¹. Характеризуемые особой семантикой и специфическим отношением к морфологической категории числа, абстрактные существительные в словоформах родительного падежа, функционирующих в беспредложных именных словосочетаниях, чаще передают определительное значение: *тон игривості, чувство избранности // принцип змінності, режим ліцензування*. Иногда определительная семантика усложняется объектным значением: *средство изобразительности, сияние исключительности // захисник державності*, наложением количественной семы, напр.: *степень идейности, изношенности, иммунности, интенсивности // рівень забруднення*.

Семантическая дифференциация грамматических сем, входящих в круг основных значений падежей, в отдельных случаях находит и формальное выражение в показателях того или иного падежа. Количественная сема в родительном падеже вещественных существительных имеет специализированную флексию -у(-ю) в субстантивах мужского рода, оканчивающихся на согласный: *сахару, квасу, жиру, чаю, меду, дыму, табаку // азбесту, азоту, алебастру, алкоголю*. Это свидетельствует о тенденции, наблюдаемой в языках с развитым синтетизмом, ко “все более тонкой дифференциации значений через дифференциацию форм выражения. Для классов слов, семантика которых наиболее часто ставит их в такие контексты, где внешнее выражение различия падежных смысловых оттенков оказывается релевантным, желательны более богатые и тонкие парадигмы словоизменения”².

ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ

Фонетико-морфологические и семантические признаки субстантивов определяют их объединение в классы, обладающие одинаковыми особенностями словоизменения, которые называются

¹ Теория грамматического значения и аспектологические исследования. — Л., 1984. — С. 12.

² Мельников Г.П. К проблеме критериев разграничения литературных, разговорных и просторечных форм (на материале русских падежей) // Социально-лингвистические исследования. — М., 1976. — С. 74.

склонениями. В русской и украинской грамматиках выделяется различное количество типов склонения: в русском языке — три склонения, в украинском — четыре. Кроме чисто количественных различий в типизации склоняемых существительных, русские и украинские субстантивы дифференцируются при изменении и в зависимости от качества последнего согласного основы. В русском языке существительные I и II склонения изменяются только по твердому и мягкому образцам, в украинском таких образцов три: мягкий, твердый и смешанный. По твердому образцу склоняются существительные с основой на твердый согласный (кроме шипящих), по мягкому — с основой на мягкий согласный, по смешанному — с основой на шипящий.

Русские грамматики к I типу склонения относят существительные мужского рода с нулевым окончанием (*дом, конь, край, шалаш, мяч*), кроме слова *путь*, и все существительные с окончанием -о, -е (*окно, поле, увлечение, домишко, волчище*). Ко II склонению относятся существительные женского, мужского и общего рода с окончанием -а, -я (*вода, земля, линия, дядя, сирота*). К III склонению относятся существительные женского рода с нулевым окончанием (*дверь, печь, ночь*), среднего рода на -мя (*имя, знамя*), существительные среднего рода *дитя* и мужского рода *путь*¹.

В украинских грамматиках выделяются четыре типа склонения существительных. К I склонению относят существительные мужского и женского рода, имеющие в именительном падеже окончания -а, -я (*жінка, хата, Микита, земля, Ілля, суддя*). II склонение — это существительные мужского и среднего рода, оканчивающиеся в мужском роде на согласный или -й, а в среднем — с окончанием -о, -е, а также парадигмы существительных с двойной родовой принадлежностью (мужского и среднего рода) с суффиксом -ищ-е (*вовчище, вітрище*). III склонение составляют субстантивы женского рода с нулевой флексией в именительном падеже, оканчивающиеся на твердый или мягкий согласный основы (*кров, піч, тінь, юність*), а также слово *мати*.

К IV склонению относятся существительные среднего рода, обозначающие молодых существ или уменьшительные названия предметов и получающие при склонении суффикс -ат-(-ят-) (*курча — курчати, теля — теляти*), и существительные с суффиксом -ен- — при склонении: *ім'я — імені, вим'я — вимені*².

¹ Краткая русская грамматика. — М., 1989. — С. 165.

² Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 83.

1.1. Первое склонение

Единственное число

Поскольку нумерация типов склонения условна, то в первом склонении мы будем рассматривать русские и украинские субстантивы мужского рода с нулевой флексией в им. падеже ед. числа и слова среднего рода с окончанием -о, -е. Здесь же рассмотрим украинские субстантивы мужского рода с окончанием -о (*бацько, Дніпро*).

В обоих языках формы им. падежа совпадают с формами вин. падежа у неодушевленных существительных мужского и среднего родов, в украинском языке возможны варианты формы от некоторых неодушевленных существительных в вин. падеже, о которых будет сказано ниже.

Все существительные мужского рода в род. падеже в русском и украинском языках имеют окончание -а (-я). Вариантное окончание -у (-ю) в этих формах зависит от лексического значения слова. Прежде всего, оно характерно для имен, обозначающих нерасчлененную массу — названия веществ, материалов, видов пищи, напитков, совокупность некоторых растений и т. п.

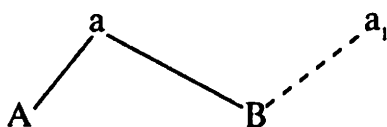
Флексия -у (-ю) у вещественных существительных передает количественную сему, когда они сочетаются с существительными, обозначающими определенную емкость, или количественными словами: *Нашли в ней [рябине] много всего: и сахару, и кислоты какой-то яблочной, и витамину С* (Вл. Солоухин); *Голодная Кумалиса залезла в сад; В нем винограду кисти рделись* (И. Крылов) // — *Крижку меду з їж лишень!* (І. Франко); *Брали в обійми, підв'язували той куц чаушу-винограду, що, розбуявшись, ласкаво шелестів до них листям* (О. Гончар).

Неисчисляемые понятия передаются также абстрактными существительными, их количественной характеристике свойственна неопределенность, поэтому род. падеж с флексией -у (-ю) у них сочетается с неопределенно-количественными словами “много, мало, сколько, столько, немало” и т. п.: *Хозяйка мне делала тогда много кредиту* (Ф. Достоевский); *Родом венгерка, а глаза настоящие персидские...* *Шуку было столько, что хоть графине* (Л. Толстой) // *В місті менше клопоту: нема там цього копітливого сільського господарства* (І. Нечуй-Левицький).

О дифференциации морфем -а и -у в род. падеже ед. числа существительных мужского рода В.А. Богородицкий писал так: «Если, с одной стороны, в языке с течением времени нарождаются»

ся новые разновидности морфем, то, с другой — вырабатываются и новые оттенки значения (обозначим $a, a_1, a_2 \dots$). Вместе с тем языку присуще стремление к выразительности, т. е., чтобы особые оттенки значения имели по возможности особое обозначение, благодаря чему может случиться, что одна разновидность морфемы закрепится за одним оттенком значения, другая — за другим и т. д., и таким образом произойдет “дифференциация” морфем. Пусть в языке существует оттенок a , ассоциированный с двумя разновидностями морфем — A и B ; вырабатывается новый, родственный с прежним, оттенок a_1 ; теперь за этой разновидностью морфемы может утвердиться один оттенок, a за другою — другою:

снега/снегу — цвет снега и много снегу; -а служит собственно окончанием род. п. ед. мужск., *-у* преимущественно употребляется в именах вещественных и вообще измеряемых, количество которых указывается (*casus partitivus*), а также некоторых других случаях»¹. Среди факторов, влияющих на выбор флексии в род. падеже, кроме стилистических, необходимо выделить семантические: практически все вещественные существительные, оканчивающиеся на твердый согласный, могут принимать в партитивном значении флексию *-у*, она наблюдается не только в исконно восточнославянских лексемах: *снегу, льну, мозгу, луку, соку // жому, льоду, меду, воску*, но и в заимствованиях и новообразованиях: *витамину, инсулину, аспирину, седуксену, пудингу, рислингу, омлету, мускату // амиаку, амоналу, аніліну, анісу, бісеру, бітуму*.

Флексия *-у* появляется в словоформах род. падежа ед. числа исследуемого типа склонения существительных в составе устойчивых сочетаний: *нет доступу, нет износу, дать маху, отбою нет* и т. п. Здесь также проявляется зависимость формы выражения падежного значения от лексической семантики имени, от типа лексического значения слова — свободного или фразеологически связанного, ср., напр.: *с глаза была снята повязка и с глазу на глаз; без года напряженной работы нельзя закончить эту тему — без году неделя; не было духа доброжелательности в этих словах — не хватало духу* и т. п.

¹ Богородицкий В.А. Об основных факторах морфологического развития языка: Очерки по языковедению и русскому языку. — М., 1939. — С. 191.

Последовательно флексия -у(-ю) выступает в род. падеже русских уменьшительных форм с ударным окончанием: *кваску́, кофейку́, чайку́* и т. п.: *Хозяйка встает и Проклу из белого жбана напиться кваску подает* (Н. Некрасов); *Из дома спешишь, кусок сахаркухватишь, бублик у тещи подзаймешь* (Г. Немченко).

В украинском языке диапазон употребления флексии -у (-ю) у существительных мужского рода в род. падеже ед. числа гораздо шире, чем в русском. Он охватывает не только семантические группы вещественных, собирательных, абстрактных имен существительных, обозначающих явления природы, чувства, процессы, состояния, как в русском языке, но и субстантивы — названия растений и массивов, покрытых этими растениями, названия учреждений, заведений, организаций, названия пространственных понятий, явлений общественной жизни и т. п.¹ Напр.: *Шаланда пройшла поза купою очерету й випливла на Кардашинський лиман* (Ю. Яновський); *Якийсь хижий птах з пронизливим криком вилетів з лісу* (З. Тулуб); *З будівництва пішов учитися і тепер не без гордощів міг уже похвалитися тим, що він — студент розвідувального факультету політехнічного інституту* (О. Донченко); *Потім хлопча погнав з вигону гусей* (В. Кучер); *Ракета раптом здригнулась, хмарина густого білого диму зтягнула бетон стартового майдану* (В. Собко); — *Для кого заводь, а для кого берег Світового океану* (О. Гончар); *Увагу спеціалістів, які вивчають біологічну і соціальну природу людини, привертає феномен прискорення біологічного ритму, росту і розвитку організму людини* (Веч. Київ).

Некоторые семантические группы анализируемых украинских существительных функционируют в род. падеже с вариативными окончаниями -а и -у, напр.: названия танцев и игр, названия помещений, строений и других сооружений, суффиксальные названия массивов, покрытых растительностью, могут иметь формы с обеими финалями: *барліг, -лога і -логу, баштан, -а і -у, гурт, -у і -а, двір, двора і двору, паркан, -ана і -ану, стіл, стола і столу, рій, рою і роя, пліт, плоту і плота* и т. п., напр.: *В училищі працюють спортивні секції картингу, футболу, боксу, волейболу, плавання* (Веч. Київ).

Украинские словоформы род. падежа ед. числа мужского рода на согласный отражают иную картину взаимодействия этого падежа с семантической категорией исчисляемости/неисчисляемо-

¹ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 99.

сти, нежели в русском языке. Если в русском языке флексия -а семантически и функционально способна перекрывать словоформы с окончанием -у (-ю), функционально ограниченные, в основном, неисчисляемыми существительными (вещественными, абстрактными, собирательными), то в украинском языке произошло довольно четкое семантическое размежевание словоформ с этими флексиями по отношению к семантической категории одушевленности/неодушевленности: флексия -а свойственна, главным образом, одушевленным именам (антропонимам и фаунонимам), неодушевленные имена могут употребляться с обеими финалями. Напр.: *Культ особи впливає із спроби поставити окремого героя над масами, над народом — і притому не як водія і виразника їх інтересів, а як вершителя їх долі* (З журналу); *Інтелігентність і духовність, без яких немає справжнього артиста* (С. Козак); — *Ото за-пал! Пізнаю героя Смоленська* (З. Тулуб); *З козла ні шерсті, ні молока* (Укр. прислів'я); *Він набирає гасу якнайбільше собі в рот і потім з усієї сили випускає на вогонь* (А. Шиян); *Був він із науковою експедицією у водах океану* (О. Гончар).

В русском языке словоформы род. падежа с флексией -у, как было показано выше, передают количественную, локальную и причинную семантику, в украинском языке подобным словоформам свойственен весь семантический спектр родительного падежа, весь набор его грамматических сем.

Широкий функциональный диапазон флексии -у в родительном падеже украинских имен приводит к тому, что грамматическая синонимия окончаний -а и -у выступает формальным средством различения лексико-семантических вариантов в сложной смысловой структуре многозначных субстантивов. Квалифицируемое в “Сучасній українській літературній мові” как тенденция языка “закреплять за синонимическими грамматическими формами семантические оттенки”¹, это языковое явление, специфическое для украинского языка, нашло практическое воплощение в 11-томном “Словнику української мови”, в котором при толковании ЛСВ многозначных существительных анализируемой структуры даются соответствующие грамматические формы², напр.: *борт* — 1. род. -у. Бокова стінка судна. [Шагайда:] — *Всім від борту! Вахтовим посилює спостереження* (В. Кучер). 2. род. -у. Невисока стінка кузова автомашини. 3. род. -а. Боковий край у по-

¹ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 101.

² См.: Словник української мови: В 11 т. — К., 1970—1980. Здесь и ниже все толкования даются по этому источнику.

суді. 4. род. -а. Край одягу, капелюха; *буфет* — 1. род. -а. Шафа для зберігання посуду. 2. род. -у. Стіл або стойка для продажу закусок; *звук* — 1. род. -у. Слухове відчуття. *Але звуку не було чути* (Веч. Київ). 2. род. -у, фіз. Механічні коливання. 3. род. -а, муз. Тон певної висоти і сили. 4. род. -а, лінгв. Елемент людської мови. *Залежно від якості приголосного звука в кінці основи іменники I та II відміни поділяються на три групи* (Сучасна укр. літ. мова).

Флексія -а характерна для ЛСВ полисемантов, обозначающих лицо или другое существо, мыслимое как лицо, напр.: *авторитет* — 1. тільки одн., род. -у. Загальновизнане значення. 2. род. -а. Про особу, що користується впливом; *дух* — 1. род. -у. Психічні здібності, відомості. 2. род. -у. Внутрішній стан. 3. род. -у. Загальний внутрішній зміст і напрям. 4. род. -а. Надприродна істота; *колектор* — 1. род. -у. Установа, що займається збором і розподілом чого-н. 2. род. -а. Особа, що збирає певні зразки чого-н. 3. род. -у. Широкий канал або труба для збирання рідин чи газів.

Семантическая дифференциация между ЛСВ со значением неодушевленного конкретного исчисляемого предмета и ЛСВ пространственной семантики находит формальное выражение в употреблении грамматических форм род. падежа с финалями -а и -у, напр.: *клин* — 1. род. -а. Загострений з одного кінця шматочок дерева. 2. род. -а. Про трикутну форму чого-н. 3. род. -у. Частина земельного угіддя; *торець* — 1. род. -рця. Поперечна грань предмета. 2. род. -рця, буд. Бокова сторона споруди. 3. род. -рця. Короткий дерев'яний брусок. 4. род. -рцю. Бруківка з таких брусків.

Наиболее ярко смысловая и грамматическая противопоставленность сем 'один конкретный предмет' и 'совокупность данных конкретных предметов, мыслимая как единое целое', в семантической структуре многозначных существительных отражается в формах родительного падежа, функционирующих с окончанием -а (сема 'конкретность') и -у (сема 'собирательность'), напр.: *волос* — 1. род. -а. Те саме, що *волосина*. 2. род. -у, збірн. Те саме, що *волосся*. 3. род. -у, збірн. Шерсть тварини. 4. род. -у, збірн. Волокна деяких тропічних рослин; *інструмент* — 1. род. -а. Знаряддя для праці. 2. род. -у, збірн. Сукупність таких знарядь. 3. род. -а. Те саме, що музичний інструмент; *колос* — 1. род. -а. Суцвіття більшості злаків і деяких інших рослин. 2. род. -у. Те саме, що *колосся*; *кругляк* — 1. род. -а. Колодка, стовбур зрубаного дерева. 2. род. -у, збірн. Лісовий матеріал, колоди тощо. 3. род. -а. Круглястий камінь; *лист* — 1. род. -а. Орган повітряного живлення рослини. 2. род. -у. Те саме, що листя; *соняшник* — 1. род. -а. Однорічна

трав'яниста олійна рослина. 2. род. -а. Зрізана голівка цієї рослини. 3. род. -у, збірн. Насіння цієї рослини.

ЛСВ со значением собирательности, совокупности лиц, формально выраженным финалью -у, может соседствовать с ЛСВ, обозначающим конкретный неодушевленный предмет, с формантом -а, напр.: *екіпаж* — 1. род. -а. Загальна назва легких повозок. 2. род. -у. Особовий склад корабля. 3. род. -у. Берегова військова частина; *корпус* — 1. род. -а. Те саме, що тулуб. 2. род. -у. Кістяк, основа чи оболонка машини. 3. род. -у. Один з кількох будинків, що мають спільне призначення. 4. род. -у. Військове з'єднання.

Падежные окончания -а и -у в род. падеже, наряду с другими формальными показателями, служат для разграничения имен собственных — географических наименований и нарицательных существительных (вещественных, пространственных субстантивов, названий растений, мифологических существ, пород животных, рыб, сооружений), напр.: *Антрацита* (город в Донбассе) и *антрациту* (один из сортов каменного угля); *Кизиля* (город в Туве) и *кизилу* (кустарниковое растение) — *Частіше траплялися гаї й куці кизилу та тамариску* (З. Тулуб); *Кургана* (город в России) и *кургану* (насыпь над древней могилой).

И в русском, и в украинском языках флексией дат. падежа исследуемых субстантивов выступают -у (-ю): *сахару, заводу, народу* // *цукру, заводу, народу*. В украинском языке специфика этой падежной формы состоит в том, что она характеризуется вариантными окончаниями -у (-ю) и -ові (-еві/-єві): *сину* — *синові, гостю* — *гостеві, товаришу* — *товаришеві*¹. Дательный падеж на -ові (-еві) более предпочтителен для одушевленных субстантивов мужского рода со значением лица, хотя возможны формы на -ові (-еві) и у существительных не-лиц, в том числе и неодушевленных, напр.: *Всьому світові дає свій метал, дзвінка сталь його вібрує у космосі* (О. Гончар); *Беріть, якщо дарують, дарованому коневі в зуби не дивляться!* (Панас Мирний); *В них там орної землі і котові на сльози нема, єдиний зарібок біля колії* (І. Муратов).

Вариантные окончания в словоформах дат. падежа характерны и для субстантивов среднего рода, независимо от их отношения к категории одушевленности/неодушевленности: *гавенятку* — *гавеняткові, галченятку* — *галченяткові; серцю* — *серцеві*.

Наличие в словоформах род. и дат. падежей украинских субстантивов мужского рода вариантных окончаний дает возмож-

¹ Украинская грамматика. — К., 1986. — С. 137.

ность снять омонимию этих форм в определенных типах словосочетаний с субъектными и объектными значениями *привітання колективу, підтримка квартету*. Снимается омонимия путем выбора вариантного окончания *-ові (-еві)* в дат. падеже: *привітання колективу* (субъектное значение зависимого существительного) и *привітання колективові* (объектное значение — дат. падеж).

В винительном падеже ед. числа неодушевленные существительные мужского и среднего рода имеют форму, идентичную с именительным падежом, а одушевленные субстантивы мужского рода — с формой родительного падежа: *вижу стол, шкаф, ящик, поле — вижу друга, отца, академіка // бачити ліс, словник, зошит, сонце — бачити товариша, гостя, вчителя*.

Специфической чертой современного украинского языка является такой лингвистический феномен, как возможность вариантов словоформ винительного падежа единственного числа неодушевленных существительных мужского рода, совпадающих с формами именительного и родительного падежей: *посадити дуб и дуба, відправити лист и листа, дай ключ и ключа, виривати зуб и зуба, взяти камінь и каменя* и т. п. Эти существительные представляют собой названия конкретных предметов, частотных в бытовой речи: *буквар, комір, наган, ніж, карбованець, плуг, дичок, олівець, медяник, окраєць, віз, чуб, коник (игрушка), ніс* и т. п. Напр.: *Я пам'ятаю даль чайну, той, кулями пробитий, дуб* (В. Сосюра) — *Те моргання, часте, як від літніх далеких блискавиць у степу, здавалось, погойдує дуба* (О. Гончар); *Копу назбирала Та до сина лист писала, У військо послала* (Т. Шевченко) — *Оце сьогодні забігала до мене прочитати листа* (Панас Мирний).

А.А. Потебня объясняет подобную вариативность психологическими причинами, тем, что украинский язык “представляет воодушевленными и некоторые неодушевленные предметы”¹.

По его мнению, это прежде всего лексико-семантические группы названий деревьев (*бук, дуб, граб, явір, ясен*) и монет (*шаг, цілковий*), хотя в качестве примеров словоформ винительного = родительному он приводит гораздо более широкий семантический круг неодушевленных имен (*лучка, човна, коржа, гребінця, смичка, корова, меча, обіда, серпика, воза, носа*).

Совпадение словоформ винительного и родительного падежей неодушевленных имен фиксируется в составе фразеологизмов: *втерти носа, врізати дуба, шукай вітра в полі, дати ляпаса* и т. п.,

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — С. 64.

напр.: *Люди часто живуть після смерті: Вріже дуба, а ходить і їсть* (В. Симоненко); *За гульнею йому було ніколи, як то кажуть, і носа втерти* (Веч. Київ).

Названия игр и танцев имеют обычно словоформу винительного падежа, идентичную родительному, напр.: *Усі чоботи свої пробив, вибиваючи гоцака* (Г. Квітка-Основ'яненко).

Вариативность флективного выражения неодушевленности, приближение парадигмы неодушевленных имен к одушевленным свидетельствует о зыбкости и неопределенности границ между членами данной оппозиции, противопоставленными последовательно по лексико-семантическим параметрам. Эти словоформы употребляются преимущественно в устной разговорной речи и языке художественной литературы, они полностью отсутствуют в научном стиле ¹.

В творительном падеже существительные мужского и среднего рода имеют аналогичные окончания -ом, -ем // -ом, -ем (-єм): *столóm, товáрищем, краем, полем, серцем // столóm, товáришем, краєм, полем, серцем*. Кроме общих с русским окончаний, в украинском языке в творительном падеже есть еще и флексия -ям, присущая существительным среднего рода с удвоенными согласными: *каяття, життя, знання, весілля* (*каяттям, життям, знанням, весіллям*), а также "тем существительным этой парадигматической разновидности, у которых в силу соответствующих морфологических условий удвоение согласных в конце основы отсутствует (*подвір'я, пір'я*): *пір'ям, подвір'ям*" ².

У русских существительных после шипящих и -ц — под ударением пишется окончание -ом, в безударном положении -ем: *камышóm, ножóm, за рубежóm, циркачóm, концóm, но стóрожем, мéсяцем, полотénцем*. В украинском литературном языке акцентологический фактор не влияет на распределение флексий -ом, -ем: *хло́пцем, бійце́м, куще́м, місце́м, ноже́м, плече́м, прізвище́м, слухаче́м, місто́м, столóм*.

Полифункциональность русского предложного падежа, соединение в его семантике изъяснительного и местного (в широком смысле) значений, которые могут передаваться только его словоформами, находит отражение в разнообразии его флексий: окончание -е (*о столе*); существительные мужского рода на -ий и сред-

¹ Вихованець І.Р. Синтаксис знахідного відмінка в сучасній українській літературній мові. — С. 34.

² Украинская грамматика. — С. 139.

него на *-ие* — *гений, здание* — окончание *-и* (*о гении, в здании*). В отличие от русского языка, в котором словоформа предложного падежа передает объектную семантику: *говорить о лесе, столе, стуле*, украинский предложный падеж ее не имеет. Эту функцию выполняет винительный падеж: *говорити про ліс, стіл, стілець* и т.п. Обстоятельственная функция, свойственная украинскому предложному падежу, послужила основанием для отнесения его словоформы к наречиям. Мы же будем придерживаться традиционной точки зрения, выделяя предложный падеж в парадигме украинских существительных. Полисемантизм предложного падежа имеет частично эксплицитное выражение в словоформах ограниченного круга субстантивов.

Формальное выражение находит семантическое различие объектного и определительного значений в части имен существительных мужского рода на согласный в словоформах предложного падежа, что давало основания для выделения двух падежей: изъяснительного и местного (С.П. Обнорский, А.А. Зализняк, И.Г. Милославский и др.). Однако лишь частичный охват этой формой (флексия *-у*) существительных мужского рода на согласный не может быть достаточным основанием для дифференциации, обособления двух самостоятельных падежей, для выделения одного из значений падежа в особый член многочленной грамматической категории. Сравним, напр.: *о столе — на столе, о цветке — на цветке, о ящике — на ящике, о языке — в языке* и т.п.; *о годе — в годе, о шкафу — в шкафу, о луге — на лугу, о мосте — на мосту* и т.п.

Словоформа предложного падежа с окончанием *-е* у существительных мужского рода на согласный многозначна: она выражает объектную и обстоятельственную семантику. Напр.: *Я говорю о стуле — Я сижу на стуле. Ты спрашиваешь о словаре — Ты нашел слово в словаре*. Конкретизация семантики достигается за счет употребления определенного предлога, а функционирование флексии *-е* не ограничено никакими условиями.

Словоформы с флексией *-у* выступают только с обстоятельственной семантикой, обусловленной как значениями предлогов, так и лексической семантикой самих существительных¹. Принимать финаль *-у* могут только неодушевленные конкретные имена: *на берегу, в бою, в боку, в бору, в бреду, в быту* и т.п. “Очевидно, в первичной стадии образования интересуемого явления в психике говорящих все одушевленные имена существительные были обо-

¹ Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. — С. 89.

соблены”¹, и эта обособленность распространялась не только на винительный падеж, как в современном языке, но и на другие падежи, в частности на предложный.

Обстоятельственная семантика подобных словоформ охватывает значения места, времени и образа действия. Они, эти значения, не являются равноправными в семантической структуре этих форм, поскольку основными выступают локативное и темпоральное значения, выражаемые сочетаниями с предлогами *на* и *в*, а значение образа действия можно квалифицировать как производное от основных. Темпоральная и локативная (реализуемая в ее статическом варианте) семантика словоформ с окончанием *-у* зависит в основном от лексического значения существительных: *в году, на веку, в часу, в аду, в аэропорту, на берегу, в бою, на боку, в бреду* и т.п. Эти словоформы употребительны с первообразными предлогами *в* и *на*: *в глазу, в дыму, в кругу, на краю, на полу, на верху, на возу, в гробу* и т.п.

Значение образа действия словоформы с финалью *-у* получают в сочетании с предлогом *на*, напр.: *на бегу, на весу, на скаку, на ходу, на лету*.

Существительные, способные образовывать словоформы с финалью *-у*, входят в семантические группы, обозначающие пространство, которое может быть вместительным чего-либо, поверхность, на которой может что-либо находиться, вещество или массу; собрания людей или предметов, слова, называющие действия или состояния, периоды времени и т.п.

Формы на *-у* ряда существительных могут варьироваться с формами на *-е*, охватывающими более широкий круг имен: *в гное — в гною, на дубе — на дубу, в дыме — в дыму*.

Исследователями падежной вариантности отмечено около 150 существительных, принимающих вариантную форму в предложном падеже единственного числа². Вариантные формы употребительны даже в языке произведений одного и того же автора, напр.: *Через год пролетал он над нами, В белом гробе на фоне небес; Ждал в хрустальном гробу, как в стручках, оробелых царевен горошины* (А. Вознесенский).

В большинстве случаев вариантности падежной флексии предложного падежа один из компонентов вариантной пары стилис-

¹ Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. — Вып. 1. Единственное число. — Л., 1927. — С. 145.

² Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. — М., 1980. — С. 183.

тически маркирован по временной шкале или по сфере употребления, являясь устаревшим, просторечным, профессионализмом или окказионализмом. Напр., *в аду* и устар. *в аде*, *в бою* и устар. *в бое*, *на валу* и устар. *на вале*, *на возу* и устар. *на возе*, *в доме* и поэт., разг., простореч. *в дому*.

В украинском языке словоформы с флексией *-у* в предложном падеже имеют несколько иную семантическую характеристику. С одной стороны, она расширяет сферу своего функционирования за счет употребительности в словоформах одушевленных имен, в которых она выступает вариантом окончания *-ові*, *-еві*: *на господарникові* — *на господарнику*; *на будівельникові* — *на будівельнику*; *на будочникові* — *на будочнику*; *на змовникові* — *на змовнику*; *на жукові* — *на жуку*; *на коникові* — *на конику*; *на метеликові* — *на метелику*; *на женихові* — *на жениху*. В русском языке, как указывалось выше, эта финаль характерна лишь для неодушевленных имен.

С другой стороны, в сфере неодушевленных имен она имеет распространение в существительных, содержащих локальную сему, в отличие от русского языка, в котором окончание *-у* возможно и в именах темпоральной семантики. Локальная сема в подобных именах может выступать в таких модификациях:

а) пространство, которое может быть вмещением чего-либо: *у бору*, *в саду*, *на пагорбку*, *в степу*, *на борту*;

б) сооружение: *в аеропорту*, *у будинку*, *у гуртожитку*, *в зоопарку*, *в льоху*, *в цеху*, *на ставу*;

в) поверхность: *на льоду*, *на майданчику*, *на шляху*, *на молу*;

г) вещество как масса: *у жиру*, *в соку*, *у меду*, *у льону*;

д) объединение людей: *в авіаполку*, *в артиполку*, *у полку*.

Обстоятельственная семантика образа действия представлена одиночными словоформами *на бігу*, *на виду*.

Часть неодушевленных имен пространственной семантики характеризуется наличием вариантных флексий *-у* (*-ю*) и *-і* (*-ї*), различающихся акцентными признаками: окончание *-у* (*-ю*) ударное, а в словоформах с финалью *-і* (*-ї*) ударение падает на основу: *у гаї* и *у гаю*, *на мосту* и *на мості*, *в краю* и *в краї*.

Специфичной чертой украинского языка выступает флексия *-у* в предложном падеже в сочетании с первообразным предлогом *по*: *по двору*, *по світу*, *по берегу*.

Финаль *-у* характерна также для предложного падежа географических наименований, оканчивающихся на заднеязычные *г*, *к*, *х*: *в Александровську*, *у Красноярську*, *у Луцьку*, *у Данцігу*, но *в Петербурзі*.

Если в русском языке вариантную флексию предложного падежа -у (-ю) можно рассматривать как результат межпадежной транспозиции (родительный → предложный) (*снігу — в снігу*), то в украинском языке результатом подобного процесса, правда, с иным начальным компонентом (дательный → предложный), явилось окончание -ові (-еві/-єві) (*робітникові — на робітникові*), “сферой употребления которого выступают прежде всего существительные со значением лица, хотя в живой языковой практике, не выходящей за пределы литературной нормы, это ограничение нередко снимается: *на коневі, на рушникові, по світові, у стрибкові, при обшукові*”¹.

Звательный падеж (вокатив) у украинских существительных I склонения выражается при помощи окончаний -е и -у (-ю): *голубе, друже, козаче, місяцю, Андрію*. В основе распределения окончаний лежат словообразовательные и этимологические признаки: а) форма на -у (-ю) образуется от существительных твердой разновидности, с суффиксами -к-, -ок-, -ник- (*батьку, синку, мандрівнику*), иноязычных имен с основами на г, к, х (*Людвигу, Генріху*), существительных мягкой разновидности склонения (*краю, лікарю*); б) форма на -е образуется от бессуффиксных существительных (но *діду, сину, тату*), существительных на -ак (*козаче, юначе*), -ець (*хлопче, молодче*).

Множественное число

Плюральная субстантивная парадигма в сопоставляемых языках характеризуется высокой степенью унифицированных флексий в косвенных падежах — дательном, творительном и предложном — для существительных всех родов и типов склонений каждого из языков и в межъязыковых грамматических аналогиях, напр.: *столам, краям, столами, краями, на столах, в краях // столам, краям, столами, краями, на столах, у краях*. Дифференциальные моменты в парадигме множественного числа I склонения находятся в области образования, функционирования и семантики именительного и родительного падежей. В зависимости от способов образования словоформ множественного числа русские и украинские субстантивы I склонения можно разделить на две группы: 1) существительные, образующие формы ед. и мн. числа от одной и той же основы; 2) имена, образующие словоформы мн. числа от видоизмененной основы ед. числа.

¹ Украинская грамматика. — С. 142.

**Склонение существительных, образующих формы
множественного числа от одной и той же
основы единственного числа**

Определенная часть существительных мужского рода на согласный и *-j* имеет в именительном-винительном падеже множественного числа, кроме универсального флективного показателя *-ы* (*-и*) (*столы, голуби, бои*), всегда ударную флексию *-а* (*-я*) (*домá, городá, лесá, поля, берега́*). Это окончание в словоформах именительного-винительного падежа множественного числа является специфическим признаком русской морфологии, ни в одном из славянских языков нет такой флексии у существительных мужского рода на согласный (ср. укр.: *лісі́, береги́, майстри́, сніги́, острови́*).

Формы на *-а* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода отражаются в памятниках деловой письменности с XV в., охватывая сравнительно небольшой круг существительных, обозначающих конкретные неодушевленные предметы: *глаза, города, жернова, колокола, леса, луга*¹.

К концу XVIII в. исследуемые формы распространяют сферу своего функционирования на одушевленные имена — личные существительные (*докторá, лоцманá, мастерá, поварá*) и неличные (*боровá*).

В современном русском литературном языке формы на *-а* в именительном падеже множественного числа наблюдаются у довольно большого круга конкретных имен, одушевленных и неодушевленных, различной словообразовательной структуры и акцентных характеристик. В кругу одушевленных субстантивов эта форма особенно частотна у личных существительных, называющих лиц по профессии, напр.: *кучера, сторожа, профессора, егеря, фельдшера, писаря, директора, инспектора*. Среди одушевленных неличных существительных она выступает как единственно возможная или вариантная у названий птиц (*перепела, тетерева, дупеля, ястреба*), животных (*боровá, пойнтера, сеттера*), насекомых (*овода*).

Неодушевленные имена существительные с флексией *-а* в именительном падеже множественного числа нельзя классифицировать на какие-то четкие лексико-семантические группы, но в кругу их можно все-таки выделить названия частей тела че-

¹ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. — М., 1964. — С. 207.

ловека и животных (*бока, глаза, рога, черепа*), конкретных предметов (*стога, дома, тома, корма, борта, погребя, желоба, кузова, жемчуга, поезда, провода*), названия пространственных географических объектов (*лога, луга, края, леса, острова, округа, города, хутора, полуострова*), то есть эти субстантивы служат наименованиями как вещей естественного образования, так и артефактов, семой, объединяющей их, выступает 'конкретность'.

Авторы грамматик XIX в. отмечали, что форму на *-а* принимают названия предметов, "общепонятных народу" (Я. Грот): *вечера, снега, голоса, колокола, холода, номера* и т.п.

Функциональное своеобразие словоформ на *-а (-я)* состоит в том, что в случае, если они выступают маркированными вариантами форм именительного падежа множественного числа на *-ы (-и)*, они имеют разговорную, просторечную, профессиональную окраску, напр.: *ветра́* (в поэтической речи), *вентиля́, бурова́* (в профессиональной речи), разговорные формы: *автоинспектора́, бухгалтера́, воза́, волоса́, глассера́, грома́*.

В просторечии возможны формы *аптекаря́, архитектора́, бархата́, баса́, беркута́*.

Стилистическая противопоставленность словоформ на *-ы* и *-а* сочетается с их семантической дистрибуцией: "считается, что слова с предметным значением свободнее принимают флексию *-а (-я)*, чем слова, обозначающие лиц"¹, напр.: *катера́, леера́, буера́, лемеха́, рукава́, обшлага́, паспорта́, поезда́, тома́*. Среди неодушевленных существительных, по общему мнению, чаще образуют варианты с флексией *-а (-я)* слова, относящиеся к конкретной лексике.

Исследуемые словоформы с флексиями *-а* и *-ы* в современном русском языке в отдельных случаях различаются характером грамматической семантики: в формах на *-а* актуализируется грамматическая сема 'собирательность, совокупное множество', а в вариантных формах с флексией *-ы* на первый план выступает сема 'раздельное множество'.

А.А. Потебня отмечал, что окончание *-а* "означает не просто множественность, а множественность собирательную, приличную лишь известным значениям слов. Это явственно чувствуется в таких случаях, как *поводы* и *повода́, образы* и *образа́* и т.п."².

¹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. — С. 181.

² Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — М., 1985. — Вып. 1. — Т. 4. — С. 35.

Процесс семантической дифференциации форм на *-ы* и *-а*, начавшийся в первой половине XIX в., например формы *образи* и *образá* уже для начала XIX в. являются формами разных слов¹, продолжается и в современном языке. Различное оформление именительного падежа множественного числа выступает средством дифференциации лексико-семантических вариантов многозначных существительных или омонимов.

Грамматическая характеристика словоформ именительного падежа множественного числа, служащая для дифференциации отдельных лексико-семантических вариантов в пределах одного многозначного существительного, находит отражение при подаче их в лексикографических изданиях.

В современном украинском языке флексия *-а* (*-я*) выступает вариантом окончания *-и* (*-і*) в ограниченном круге конкретных имен существительных мужского рода: *вівса* и *вівси*, *вуса* и *вуси*, *очерети* и *очерета*, *рукава* и *рукави*. В староукраинских памятниках фиксировались формы *гвозда*, *грунта*, *города*². А.А. Потебня отмечал “собираемые формы на *-а*: в украинском восточном *города* (*и*), *голоса*, *за повода* (*и*), *рукава*; *золоті хреста*. В галицком *мідяні човна*”³. Украинские диалектологи считают финаль *-а* (*-я*) в словоформах именительного падежа множественного числа типической чертой североукраинских говоров, в которых возможны варианты *грунти* — *грунта*, *поводи* — *повода*, *голоси* — *голоса*, *вечори* — *вечора*, *труди* — *труда*⁴.

Варианты *вуса* — *вуси*, *вівса* — *вівси*, *очерета* — *очерети*, *рукава* — *рукави* имеют идентичные семантические и стилистические характеристики, напр.: *Сафрон смикає рукою смільні вуса* (М. Стельмах); *Майже зовсім позбавлені дефектів ниткоподібні кристали — так звані вуса* (Знання та праця) — *Марта Кирилівна почала пускати з очей солоденькі проміння на вуси й очі того Зевса* (І. Нечуй-Левицький); *І весело, що на молодих обличчях стирчать молочні вуси, як на маскарадi* (М. Коцюбинський).

Семантическая дифференциация наблюдается лишь в паре вариантов *хліба* — *хліби*. Словоформа *хліба* употребляется в значении “зерновые (рожь, пшеница и др.) на корню”, напр.: *Коли хліба вилягають, втрати урожаю іноді становлять 30—40 %* (Хлібороб України); *Південні області України першими починають*

¹ Горбачевич К.В. Указ. соч. — С. 187.

² Історія української мови: Морфологія. — К., 1978. — С. 102.

³ Потебня А.А. Указ. соч. — Т. 4. — С. 39.

⁴ Історія української мови: Морфологія. — С. 103.

збирати хліба (Робітничка газета). Форма с флексией -и обозначает изделия из муки (буханки, батоны, караваи), напр.: *Манашка із своєю Сурою студять холодці, печуть хліби, готують усяку гуцульську снідь* (Г. Хоткевича).

В родительном падеже русские существительные I склонения имеют окончания -ов (-ев), -ей и нулевое, в украинском языке в аналогичных позициях выступают флексии -ів (-їв), -ей и нулевая, однако дистрибуция этих окончаний различна для каждого из исследуемых языков. Она зависит от морфологических и морфонологических характеристик анализируемых субстантивов, ср., напр.: *портфель — портфелей // портфелів, голубь — голубей // голубів, море — морей // морів, поле — полей // полів*. Окончание -ей в русском языке употребляется шире, чем в украинском: кроме форм, общих с украинскими (*коней, гостей*), в русском языке флексию -ей имеют существительные с основой на шипящий и на мягкий согласный; в украинском языке в этих позициях функционирует окончание -ів (-їв): *ключей // ключів, токарей // токарів, огней // вогнів, врачей // лікарів*.

Особого внимания при описании субстантивных словоформ род. падежа мн. числа заслуживает соотношение окончаний -ов // -ів и нулевого, базирующегося главным образом на семантических характеристиках существительных.

В многофункциональном род. падеже мн. числа наблюдается зависимость падежного окончания от семантического фактора в группах личных существительных мужского рода на твердый согласный, имеющих в этой падежной форме нулевую флексию. Прежде всего, это группа имен с финалью -е в именительном падеже множественного числа: *островитяне — островитян, северяне — северян, хуторяне — хуторян, марсиане — марсиан, прихожане — прихожан*.

Нулевую флексию имеют и другие существительные аналогичной семантической структуры с облигаторной семой 'национальность', но отличающиеся от предыдущих имен своими словообразовательными характеристиками и флексиями в именительном падеже множественного числа: *грузины — грузин, болгары — болгар, татары — татар, осетины — осетин, лезгины — лезгин, башкиры — башкир*.

К данной семантической группе названий лиц по национальной принадлежности примыкает группа одушевленных существительных — названий лиц, обозначающих принадлежность к различным родам войск: *гренадеры — гренадер, уланы — улан, гусары — гусар*.

В украинском языке нулевую флексию в род. падеже мн. числа имеют личные существительные мужского рода, утрачивающие в словоформах мн. числа суффикс *-ин*: *слов'ян, росіян, болгар, татар, громадян*.

Словоформа род. падежа мн. числа существительного *чоловік* зависит от его семантики. В значении “человек, Homo sapiens, лицо” это слово имеет в анализируемой форме нулевую флексию, напр.: *Пішли ми. З нами ще чоловік п'ять активістів* (Г. Тютюнник); *Шість чоловік ввійшли в ліс* (І. Нечуй-Левицький). ЛСВ этого многозначного субстантива “муж”, “мужчина” употребляется в родительном падеже множественного числа с окончанием *-ів*: *Не так-то стара Мотря, хоч і поховала трьох чоловіків, сорок п'ять-шість буде* (М. Коцюбинський).

Нулевую флексию в русском род. падеже мн. числа имеют названия обуви (*ботинки — ботинок, валенки — валенок, мокасины — мокасин, сапоги — сапог, штиблеты — штиблет*), одежды и ее элементов (*чулки — чулок, погоны — погон, эполеты — эполет, манжеты — манжет, шаровары — шаровар*), а также существительные *глаз, волос, зубок, глазок*.

В украинском языке нулевая флексия выступает лишь в слове *чобіт*, а также в нескольких существительных, стоящих после слов с числовой семантикой: *п'ять раз (і разів)* и т.д.¹ Напр.: — *Там, кажуть, на станції чобіт та шапок навалили стільки, що й на весь район хватило б* (Г. Тютюнник); *Сама вона скільки раз і на прощу молитися їздила* (Панас Мирний); *Встають та й встають у пам'яті цілі картини з недавнього минулого, стільки вже разів передивлені жінкою, але й досі хвилюючі* (А. Головка).

Наиболее ярко количественная семантика проявляется у существительных — названий единиц измерения, денотаты которых характеризуются прежде всего с количественной стороны. Ведущая сема в семантической структуре подобных имен — сема ‘количество’ — обуславливает употребление их словоформ в родительном падеже множественного числа с нулевой флексией или вариативность ее и окончания *-ов*: *грамм и граммов, люкс и люксов*. Упорно отвергаемая еще два десятилетия назад нулевая флексия в данных субстантивах в родительном падеже множественного числа завоевала себе права нормативного варианта в последних грамматиках и словарях. “Русская грамматика” (1980) в качестве предпочтительного варианта дает *ампер, ватт, вольт, герц, грамм, килограмм, гектар*, а грамматиче-

¹ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 110.

ские варианты с флексией *-ов* ограничивает сферой письменной речи и указанием на то, что в устной речи такие словоформы неупотребительны¹. Авторы пражской грамматики считают, что только нулевая флексия “является живой, искусственной формой”². В разговорной речи и в художественных текстах, ее отражающих, возможна даже счетная форма такой единицы измерения, как *центнер*, напр.: — *А летом — на комбайне. Десять тысяч центнер в этом году намолотили* (Б. Екимов); *В этом году ячмень “мираж” дал урожай 48 центнер с гектара* (Устная речь).

В словоформах родительного падежа множественного числа с нулевой флексией субстантивов количественной семантики отражается “органическая взаимосвязь лексико-семантических и грамматико-семантических ингредиентов слова”³.

В “Орфоэпическом словаре русского языка” под ред. Р.И. Аванесова (М., 1983) впервые в лексикографической практике признается существование еще одного падежа — так называемой “счетной” формы. Категория слов, в которой он выделен, — названия единиц измерения. Счетными формами признаются формы с нулевой флексией при указании количества: *5 вольт, 10 ампер, 100 ватт*⁴. Возможны также словоформы с нулевой флексией и счетные формы с вариантными финалями *-Ø/-ов*: *грамм — граммов, карат — каратов, килограмм — килограммов; люкс — люксов, кулон — кулонов, микрокулон — микрокулонов, микрон — микронов*.

Другие частотные единицы измерения *грамм* и *килограмм* в устной речи и стилях письменной речи, отражающих устную, функционируют в родительном падеже множественного числа с нулевой флексией, напр.: *Хлеб выпускается по 750 грамм, по 500 грамм* (Инженер-технолог, Киев, интервью по ТВ); *Давление 5 килограмм на квадратный сантиметр* (Преподаватель, Киев).

В научном, деловом, публицистическом стилях в их письменных формах эти существительные выступают в словоформах *граммов* и *килограммов*: *Вес каждой не превышает тридцати килограммов; Среднегодовой надой на корову снизился с 2609 килограммов до 2520* (Известия).

В разговорной речи функционируют в качестве вариантов словоформы с нулевой флексией в родительном падеже множест-

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 500.

² Русская грамматика. — Praha, 1979. — Т. 1. — С. 471.

³ Русанівський В.М. Структура лексичної і граматичної семантики. — К., 1988. — С. 27.

⁴ Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы. — М., 1983. — С. 689.

венного числа от названий некоторых плодов и овощей: *абрикосов* — абрикос, *ананасов* — ананас, *бананов* — банан, *мандаринов* — мандарин, *апельсинов* — апельсин.

В украинском языке аналогичные семантические группы существительных, русские соответствия которых имеют нулевую флексию в родительном падеже множественного числа, выступают, как и другие имена существительные мужского рода с основой на твердый согласный, с окончанием *-ів*: *гектарів, грамів, кілограмів, кіловольтів, люксів, люменів, мінівольтів, ватів, вольтів, кіловатів, міліватів, омів*. Напр.: *Підведено струм напругою 230 вольтів* (Веч. Київ); *Українська Сахара! Двісті тисяч гектарів мертвих піщаних арен* (О. Гончар).

Однако в живой украинской устной и письменной речи активно функционируют словоформы с нулевой флексией родительного падежа множественного числа от названий единиц измерения, несмотря на строгие рекомендации словарей. Речевая практика дает примеры вариантов данной словоформы с нулевой флексией: *Нині точно встановлено, що людський організм здатний відчувати магнітні (напругою приблизно 10 тисяч ерстед) та електричні (напругою приблизно 10 кіловольт на метр) поля* (Наука і суспільство); — *А таки ж було, — відказує хлопець. — Кілограм на сто бюрократа підчепив!* (О. Гончар).

Типичной для словоформы род. падежа мн. числа русских и украинских существительных среднего рода выступает нулевая флексия: *болот // боліт, вёдер // відер, окон // вікон*, а также окончания *-ов // -ів* (*облаков // морів*). Специфически русскими выступают флексии *-ев, -ей* (*деревьев, морей*). Украинские существительные среднего рода типа *бажання, завдання, засідання* неоднозначны в плане выражения словоформы род. падежа мн. числа: часть из них функционирует с флексией *-ів // -їв* (*почуттів, прислів'їв*), однако определяющим для них выступает нулевое окончание, сопровождаемое морфонологическими изменениями финали слова: удвоенная согласная → единичная согласная: *бажань, завдань, засідань, змагань*.

Склонение существительных, образующих формы множественного числа от видоизмененной основы единственного числа

В русском и украинском языках в основах ед. и мн. числа субстантивов I склонения могут чередоваться конечные согласные:
а) русские существительные *колени, сосед, черт* образуют фор-

мы мн. числа от основы на мягкий согласный: *колени, соседи, черти*;

б) слово *око* // *око* образует формы мн. числа от основы *оч-*: *очи* // *очи*;

в) слово *ухо* // *вухо* имеет словоформу мн. числа от основы *уш-*: *уши* // *уші* (хотя в украинском языке чаще употребляется форма *вуха*).

В русском языке все существительные мужского рода с уменьшительным суффиксом *-онок (-ёнок)* образуют формы мн. числа от основы на *-ат (-ят)*: *козлёнок — козлята, телёнок — телята, маслёнок — маслята, опёнок — опята* (наряду с *опёнки*). У существительных *бесёнок, чертёнок, лисёнок*, а также у слова *щенок* в основе отсекается *-ок*: *бесенята, чертенята, лисенята* (наряду с *лисята*), *щенята* (наряду со *щенки*).

Отдельные русские и украинские существительные среднего рода во мн. числе принимают суффикс *-ес-*: *небо — небеса, чудо — чудеса* (ср. устар. слово — *словеса*).

Украинское существительное *друг*, принадлежащее в ед. числе к твердой группе, во мн. числе сохраняет архаичную форму *друзі* (с переходом *г* в *з* как следствием смягчения) и склоняется по образцу существительных мягкой группы. Префиксальный производный субстантив *недруг* во мн. числе сохраняет конечный согласный основы *г* и принадлежит к твердой группе (*недрузи*).

Часть русских существительных мужского рода образуют формы мн. числа от основы на [j]: *брат — братья, брус — брусья, князь — князья, зять — зятья, колос — колосья*.

Грамматическая форма множественного числа имен существительных служит средством семантической дифференциации существительных — лексических омонимов, напр.: *поводы* (“обстоятельство, которое может быть основанием для чего-либо”) и *поводья* (“ремень, прикрепленный к удилам и служащий для управления лошастью”), *полозы* (“неядовитые змеи семейства ужей”) и *полозья* (“скользящие по снегу пластины, на которых закреплены сани”): *Пушкин проезжал по Мясницкой ребенком — в дрожках, в санях с вижжащими полозьями, тепло закутанный в тулуп* (Ю. Нагибин).

В языке существует большая группа полисемичных существительных, ЛСВ которых характеризуются полной числовой парадигмой, однако формы множественного числа они образуют по-разному, и именно эти формы являются средством различения значений. В.В. Виноградов писал об этом так: “Категория числа имен существительных находится в особом положении сравнительно с категори-

ей падежа. Она все более и более лексикализуется, т.е. используется как средство разграничения лексических значений и оттенков слова (ср. *крюк* — *крюки* и *крючья*; *корень* — *корни* и *коренья*)¹.

Семантически и формально отличается множественное число ЛСВ слов: *зубы* (“костный орган во рту”) и *зубья* (“острый выступ на чем-либо”, “зубец”): *Глазом вдоль зубьев развод выверил* (Ан. Приставкин); *колья* (“толстая прямая палка с заостренным концом”) и *колы* (“низшая школьная отметка”); *листья* (“один из основных органов растения”) и *листы* (“тонкий и плоский кусок, пласт какого-либо материала”); *мужья* (“мужчина по отношению к женщине, состоящей с ним в браке”) и *мужи* (“деятель на каком-либо общественном, научном поприще”): *Да, ученые американские мужи нам кое-что доказали, главным образом помимо собственной воли. Ученые мужи претендуют на то, что им известно будущее* (Известия); *сыновья* (“лицо мужского пола по отношению к своим родителям”) и *сыны* (“человек как уроженец, житель какой-либо страны, местности, представитель какой-либо национальности”): *В первых рядах освободительной борьбы находились верные сыны своих народов* (Известия).

Семантические различия между отдельными лексико-семантическими вариантами сопровождаются возможностью формальных различий в системе числовых противопоставлений. В отдельных многозначных субстантивах некоторые ЛСВ обладают вариантными формами множественного числа, отсутствующими в других лексико-семантических вариантах. Ср., напр.: *камни* и *каменья* (“всякая горная твердая порода”): *Забыв об этом, он пал на камни* (М. Горький) — *Пусть поют под ногами каменья, Высоко зацветают поля* (В. Саянов) и *камни* (“о могильной плите”), *колени* (“суставы, соединяющие бедренную и берцовую кости”), *коленья* (“в составе стеблей злаков, а также стволов некоторых других растений — отдельное сочленение”), *коленья* и *колена* (“отдельная часть чего-либо, идущего ломаной линией, от одного сгиба или поворота до другого”)², *кузова* и *кузовья* (“коробки из лыка или бересты”), *кузовы* и *кузова* (“корпус повозок, автомашин, вагонов”).

1.2. Второе склонение

Существительные второго склонения имеют две разновидности — твердую и мягкую. Характерными основами являются такие:

¹ *Виноградов В.В.* Русский язык. — М., 1972. — С. 50.

² В.В. Виноградов обратил внимание на семантические особенности некоторых форм множественного числа, в которых распознается значение.

- а) на твердый согласный: *сестра, масса, толпа* // *сестра, весна, хата*;
 б) на мягкий согласный: *земля, вишня, задача* // *праця, доля, бабуся*;
 в) на |j|: *линия, струя, аллея* // *надія, мрія, сім'я*;
 г) на заднеязычные г, к, х: *тарелка, банка, книга* // *дорога, рука, стріха*.

Единственное число

Основные особенности употребления падежных окончаний

В дательном и предложном падежах русские существительные имеют окончания *-е, -и*: *карте, сестре, вишне, линии, тарелке, юноше*. В украинском языке в дат. падеже существительные всех основ имеют флексию *-і*: *весні, землі, доли*. В существительных с конечным звуком основы |j| окончание на письме передается буквой *ї*: *надії, мрії, сім'ї*. У украинских существительных с основой на заднеязычные перед флексией *-і* г, к, х переходят в з, ц, с: *ріці, нозі, руці, дорозі, дочці, стрісі*, вследствие исторического смягчения заднеязычных согласных перед звуком [ʋ], от которого происходит современная флексия *-і*. Аналогичные процессы характерны и для словоформы предложного падежа.

В творительном падеже русских существительных варьируются окончания *-ой, -ей, -ёй* и *-ою, -ею, -ёю*: *дорогой — дорогою, улицей — улицею, землёй — землёю*; флексия *-ою (-ею)* характерна для книжной и поэтической речи. В украинском языке такая флексивная вариативность отсутствует, в творительном падеже украинские существительные твердой разновидности имеют окончание *-ою* (*рукою, стіною, шафою*), существительные мягкой разновидности — *-ею* (*землею, долею, волею*), а субстантивы с основой на |j| — *-ею* (*надією, мрією*). Флексия *-ой (-ей)* в словоформах тв. падежа субстантивов ж. рода встречается в украинских говорах и в текстах художественной литературы на раннем этапе развития нового украинского литературного языка¹.

парности как след утраченного двойственного числа. Например, форма множественного числа *колени* (в отличие от формы *коленья* и *колена*) связана с такими значениями слово *колени*, которое относится к парным предметам. Таково, например, значение: “сустав, соединяющий берцовую кость с бедренной (голень с ляжкой)”, “чашечка этого сустава” (ср.: *ползати на колінах; стати на колінах*). См.: *Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 134.*

¹ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 87.

Множественное число

В именительном падеже русские и украинские субстантивы женского рода имеют коррелирующие словоформы с флексиями *-ы // -и* (твердая группа), *-и // -і* (мягкая группа).

Существительные в родительном падеже чаще всего имеют нулевые флексии, то есть словоформы в род. падеже заканчиваются согласным звуком основы: *школ, рук, рек // хат, круч, ламп*.

Если в существительных последним гласным звуком основы выступает | о |, то в соответствии с фонетическими законами украинского языка в род. падеже мн. числа в конечном закрытом слоге происходит чередование этого звука с | і | (*нога — ніг, школа — шкiл, гора — гір*). Ср. русские соответствия: *ног, школ, гор*. Однако эта закономерность часто нарушается под действием закона грамматической аналогии: *вода — вод, проба — проб, шкода — шкод, розмова — розмов, істота — істот*.

Отсутствует чередование чаще всего в односложных формах, особенно в словах иноязычного происхождения (*мод, нот, рот, доз*) и в многосложных формах с неподвижным ударением (*колод, будов, основ, нагород, метафор, установ*).

У отдельных существительных наблюдается варьирование словоформ род. падежа мн. числа: *лоз и ліз, сльоз и сліз, нор и нір*. Для русских и украинских субстантивов в данном падеже характерна общая фонетическая закономерность: при стечении двух или более согласных в конце основы между ними появляются гласные звуки | о | или | е |: *сосен, сестер, вёсен, птичек, земель, деревень, тарелок, банок, балок // жінок, казок, качок, думок, весен, вишень, воєн, гребель, овець, домен*. Однако многие субстантивы неславянского происхождения допускают стечение согласных звуков в словоформах род. падежа: *банд, битв, бирж, бомб // барв, бульб, вахт, назв*.

Русские и украинские субстантивы в вин. падеже мн. числа имеют словоформы, идентичные с род. падежом, в названиях одушевленных и словоформы, аналогичные формам им. падежа, для неодушевленных имен. В украинском языке для названий некоторых домашних животных, а также насекомых в вин. падеже употребляются параллельно формы род. и им. падежей: *пасу корів и корови, кіз и кози, викури бджіл и бджоли, давити мух и мухи*.

1.3. Третье склонение

Русские и украинские субстантивы, объединяемые грамматистами в III склонение, имеют общие признаки (существительные женского рода с нулевой флексией в именительном падеже) и специфические для каждого из сопоставляемых языков. В русском языке самую многочисленную и продуктивную группу этих имен составляют абстрактные существительные с суффиксом *-ость*, а также другие субстантивы женского рода, оканчивающиеся на мягкий согласный. В украинском языке аналогичные существительные имеют несколько иные морфонологические показатели: конечный согласный основы может быть твердым, если им выступает шипящий или губной звук, в падежных окончаниях проявляющийся в полусмягченном комбинаторном варианте.

Единственное число

Парадигма этого склонения в обоих языках довольно однообразна: в родительном, дательном и предложном падежах словоформы представляют собой омонимичные формы с окончаниями *-и // -і*. Омонимия присуща также именительному и винительному падежам, кроме украинского существительного *мати*, которое в винительном падеже выступает с основой, распространенной суффиксальным элементом *-ір-* (вариантом суффикса *-ер-* в открытом слоге): *матір*¹. В русском языке существительные *мать* и *дочь* образуют формы косвенных падежей от основы *матер'*, *дочер'*: *матери*, *дочери*. Хотя в словоформах творительного падежа изучаемых русских и украинских субстантивов функционирует общее для них окончание *-ю*, морфонологическим признаком словоформ украинского творительного падежа выступает удвоение согласного, если он находится после гласного: *тінню*, *подорожжю*, *міддю*. Исключения составляют случаи, когда основа оканчивается группой согласных: *радістю*, *честю*, *шерстю*, а также губными согласными и *р*: *кров'ю*, *любов'ю*, *кіновар'ю*.

Существительное *любовь* в род., дат. и пр. падежах в русском языке имеет беглую гласную *о*: *любви*, имя собственное *Любовь* сохраняет *о* в формах всех падежей. Его украинское соответствие *любов* (и нарицательное, и собственное) также сохраняет гласный *о*: *любові*, *Любові Омелянівни*.

¹ Украинская грамматика. — С. 146.

Неодушевленные односложные имена существительные в формах предложного падежа объектное значение передают безударным окончанием **-и**: *о кро́ви, о те́ни, о сте́ни, о но́чи*, а локальное — ударной флексией **-и**: *в крови́, в тени́, в степи́, в ночи́*. Грамматически эти имена распадаются на две группы, выражая их отношение к категории “исчисляемость / неисчисляемость”:

1) существительные *singularia tantum*: *глубь, пыль, тишь*;

2) имена с полной числовой парадигмой: *бровь, грудь, дверь, ночь, тень*.

Напр.: *Дух и вольтерьянства, и славянства с жгучей африканинкой в крови́* (Е. Евтушенко); *Мы в России девушек весенних На цепи́ не держим, как собак* (С. Есенин); *И только раз мне видеть удалось У озера, в густой тени́ чинары, В тот предвечерний и жестокий час, Сияние неутоленных глаз Бессмертного любовника Тамары* (А. Ахматова).

У исследуемых исчисляемых имен существительных второй группы акцентуационное оформление локативной семантики в предложном падеже единственного числа служит средством дифференциации данной словоформы от формы именительного-винительного падежей множественного числа этого субстантива, напр.: *на двери́ — двéри, в горсти́ — го́рсти, в степи́ — сте́ни; на цепи́ — це́пи, в грязи́ — гря́зи, в ночи́ — но́чи, в дали́ — да́ли, в щели́ — щéли*. Акцентное оформление пространственного значения пр. падежа существительных женского рода на мягкий согласный служит для разграничения омонимов-субстантивов, напр.: *в тени́* (в неосвещенном пространстве) и *в, на те́ни* (на темном отражении предмета; в силуэте; призраке). Таким образом, ударное окончание **-и** в предложном падеже служит дополнительным средством дифференциации грамматических форм исследуемых имен и формальному размежеванию локальной и определительной семантики в одной падежной словоформе.

Склонение слова *путь* отличается от склонения существительных ж. рода только окончанием **-ём** тв. падежа: *путём*.

Множественное число

В именительном падеже русские и украинские существительные этого типа склонения имеют флексии **-и** // **-і**: *горсти, ночи, тени* // *артілі, області, тіні*, окончания род. падежа также сходны — **-ей** // **-ей**: *горстей, ночей, теней* // *артілей, областей, тіней*.

В украинском языке словоформа род. падежа мн. числа от субстантива *мати* оформляется только при помощи флексии **-ів**: *матерів*. В русском языке окончание тв. падежа **-ами** у некоторых

слов с основой на парномягкую согласную имеет вариант **-ми**: *дверями* и *дверьми*, *дочерьми* и разг. *дочерями*, *лошадьми* и разг. *лошадями*. Форма **-ми** употребляется в устойчивых оборотах *лечь ко- стьми*, *бить плетьюми*.

Украинское существительное *кість* имеет в тв. падеже парал- лельные формы *костями* и *кістьми*.

2. СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Сопоставляемые языки имеют близкие семантическую и грам- матическую системы прилагательных. Категория падежа русских и украинских прилагательных так же, как категории рода и числа, не является самостоятельной, она зависит от формы определяемого существительного. Синтаксическая связь между прилагательными и существительными осуществляется путем согласования.

Русские и украинские прилагательные имеют полную и крат- кую формы, характеризующиеся дифференцированным отноше- нием к категории падежа: краткие прилагательные не изменяются по падежам и, как правило, функционируют в предложении в ро- ли сказуемого. Полные формы изменяются по падежам.

Украинские полные прилагательные существуют в двух мор- фологических вариантах: стяженном и нестяженном.

Нестяженные варианты полных прилагательных возможны (параллельно со стяженными) только в им. и вин. падежах ед. и мн. числа. Причем в единственном числе эти формы могут иметь лишь прилагательные женского и среднего родов: окончания **-ая** (**-яя**), **-ее** (**-єє**) в им. падеже, **-ую** (**-юю**), **-ее** (**-єє**) в вин. падеже, напр.: *смілива* — *сміливая*, *сміливую*; *вечірня* — *вечірняя*, *вечірню*; *сміливе* — *сміливеє*, *вечірнє* — *вечірнєє*. Во мн. числе (им. и вин. па- дежи) нестяженными могут быть украинские прилагательные в соединении с существительными всех трех грамматических ро- дов — мужского, женского и среднего, поскольку родовое значе- ние во мн. числе прилагательные не передают (имеют флексию **-ії** вместо обычного для стяженной формы окончания **-і**): *чорні* — *чо- рнії*, *карі* — *карії*, *молоді* — *молодії*.

В русских академических грамматиках последних лет выделя- ются две парадигмы склонения прилагательных: а) адъективное, к которому относится большинство прилагательных; б) смешанное, имеющее черты адъективного и субстантивного склонений¹. Ака-

¹Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 547; Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. — 2-е изд., испр. — М., 1990. — С. 234.

демическая грамматика украинского языка подобные парадигмы склонения прилагательных не выделяет. В ней описывается склонение полных стяженных прилагательных твердой и мягкой групп склонения¹.

АДЪЕКТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

По адъективному склонению изменяются качественные, относительные, местоименные и порядковые прилагательные. Прилагательные твердой разновидности имеют окончания: **-ый /-ой** под ударением, **-ая, -ое** (в ед. числе), **-ые** во мн. числе // **-ий, -а, -е**.

2.1. Твердая разновидность

Единственное число

Мужской род

	Рус.	Укр.
И.	бел-ый	біл-ий
Р.	бел-ого	біл-ого
Д.	бел-ому	біл-ому
В.	как И. или Р.	
Т.	бел-ым	біл-им
П.	(о) бел-ом	(на) біл-ому и (на) біл-ім

Женский род

И.	бел-ая	біл-а
Р.	бел-ой	біл-ої
Д.	бел-ой	біл-ій
В.	бел-ую	біл-у
Т.	бел-ой	біл-ою
П.	(о) бел-ой	(на) біл-ій

Средний род

И.	бел-ое	біл-е
Р.	бел-ого	біл-ого
Д.	бел-ому	біл-ому
В.	бел-ое	біл-е
Т.	бел-ым	біл-им
П.	(о) бел-ом	(на) біл-ому и (на) біл-ім

¹ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 223.

Множественное число

И.	бел-ые	біл-і
Р.	бел-ых	біл-их
Д.	бел-ым	біл-им
В.	как И. или Р.	
Т.	бел-ыми	біл-ими
П.	(о) бел-ых	(на) біл-их

Русские прилагательные с ударным окончанием **-ой** имеют украинские аналоги с ударной флексией **-ий**: *молодой* — *молодий*, *сухой* — *сухий*, которые в косвенных падежах имеют такие же словоформы, как и адъективы с безударным окончанием, но с постоянным ударением на флексии: *молодого, молодому, молодым* // *молодого, молодому, молодым*.

Прилагательные мягкого склонения, характеризующиеся в основном наличием в основе суффикса **-|н'|**-, имеют четкую пространственную и темпоральную семантику: *вечерний, верхний, весенний, всесторонний, дальний* // *давній, дорожній, досвітній, древній, задній, зимній, крайній*.

2.2. Мягкая разновидность**Единственное число****Мужской род**

	Рус.	Укр.
И.	летн-ий	осінн-ій
Р.	летн-его	осіннь-ого
Д.	летн-ему	осіннь-ому
В.	как И. или Р.	
Т.	летн-им	осінн-ім
П.	(о) летн-ем	(на) осіннь-ому и (на) осінн-ім

Женский род

И.	летн-яя	осінн-я
Р.	летн-ей	осіннь-ої
Д.	летн-ей	осінн-ій
В.	летн-юю	осінн-ю
Т.	летн-ей	осіннь-ою
П.	(о) летн-ей	(на) осінн-ій

Средний род

И.	летн-ее	осінн-є
Р.	летн-его	осіннь-ого
Д.	летн-ему	осіннь-ому
В.	летн-ее	осінн-є
Т.	летн-им	осінн-ім
П.	(о) летн-ем	(на) осіннь-ому и (на) осінн-ім

Множественное число

И.	летн-ие	осінн-і
Р.	летн-их	осінн-іх
Д.	летн-им	осінн-ім
В.	как И. или Р.	
Т.	летн-ими	осінн-іми
П.	(о) летн-их	(на) осінн-іх

Склонение прилагательных с основой на шипящий характерно только для русского языка. В украинском языке склонение прилагательных на шипящий отдельно не выделяется, они изменяются по твердой разновидности. Русские прилагательные мужского рода с основой на твердый шипящий с ударным окончанием (*большой, чужой*) отличаются от прилагательных с безударной флексией (*хороший, свежий*) в ед. числе во всех падежах, кроме именительного и винительного. Склонение прилагательных на твердые шипящие **ж** и **ш** в русском языке имеет свою специфику вследствие особенностей русской графики: на письме у них оказываются окончания мягкого варианта: *чужие, большие, свежее, хорошего*; наоборот, у прилагательных на всегда мягкий русский | ч' | на письме оказывается окончание твердого варианта: *рабоч-ая*.

У прилагательных при согласовании их с неодушевленными существительными мужского рода форма вин. падежа ед. числа и вин. падежа мн. числа совпадает с им. падежом соответствующего числа (*вижу белый дом, вижу белые дома // бачу білий будинок, бачу білі будинки*); при согласовании с одушевленными существительными мужского рода форма вин. падежа ед. числа и вин. падежа мн. числа совпадает со словоформами род. падежа соответствующего числа (*вижу белого медведя, белых медведей // бачу білого ведмедя, білих ведмедів*).

У русских прилагательных женского рода имеют место варианты окончания тв. падежа ед. числа -ой, -ою и -ей, -ею: *белой,*

белую, летней, летнею; варианты **-ою, -ею** имеют книжный характер и встречаются, главным образом, в поэтической речи ¹: *Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют* (А. Пушкин); *Все же хочу я стальною видеть бедную, нищую Русь* (С. Есенин).

Особенностью падежной системы украинских прилагательных, в отличие от украинского субстантивного склонения, является отсутствие словоформы звательного падежа. С существительными, употребленными в звательном падеже, прилагательные не согласуются и функционируют при них в именительном падеже соответствующего рода: *вітре буйний, праведная душе, цвіте рожевий, соколе милий, любий Іване, орле сизий, світе тихий, краю милий; Упаду я зорею, мій вічний народе* (М. Хвильовий).

2.3. Смешанное склонение

К смешанному склонению в русском языке относятся все прилагательные, у которых конечные **-ий, -ой** принадлежат основе и не являются окончанием. Сюда включаются такие лексемы: а) местоименные прилагательные *мой, твой, свой* // *мій, твій, свій*; б) русские притяжательные прилагательные типа *волчий, лисий*; в) русское прилагательное *третий*. Это склонение совмещает падежные формы существительных и прилагательных.

Внутри смешанного склонения выделяются два типа: 1) местоименное склонение; 2) притяжательное склонение. По местоименному склонению изменяются местоименные прилагательные *мой, твой, свой, сей, чей, ничей, этот, сам, наш, ваш*, притяжательные прилагательные на **-ий**: *акулий, слоновий, рыбий*, а также притяжательные прилагательные с основой на **-ин, -ын**: *мамин, братнин, дядин, Петин, Мишин*.

Единственное число

Мужской род

	Рус.	Укр.
И.	мой	мій
Р.	моего	мого
Д.	моему	моєму
В.	как И. или Р.	
Т.	моим	моїм
П.	(о) моём	(на) моєму и (на) моїм

¹ Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 236.

Женский род

И.	моя	моя
Р.	моей	моєї
Д.	моей	моїй
В.	мою	мою
Т.	моей	моєю
П.	(о) моей	(на) моїй

Средний род

И.	моё	моє
Р.	моего	мого
Д.	моему	моєму
В.	моё	моє
Т.	моим	моїм
П.	(о) моём	(на) моєму и (на) моїм

Множественное число

И.	мои	мої
Р.	моих	моїх
Д.	моим	моїм
В.	как И. или Р.	
Т.	моими	моїми
П.	(о) моих	(на) моїх

Русские притяжательные прилагательные с суффиксом **-ий** имеют следующую парадигму склонения:

Единственное число

	Мужской род	Женский род	Средний род
И.	лисий	лись-я	лись-е
Р.	лись-его	лись-ей	лись-его
Д.	лись-ему	лись-ей	лись-ему
В.	как И. или Р.	лись-ю	лись-е
Т.	лись-им	лись-ей	лись-им
П.	(о) лись-ем	(о) лись-ей	(о) лись-ем

Множественное число

И.	лись-и
Р.	лись-их

Д.	лись-им
В.	как И. или Р.
Т.	лись-ими
П.	(о) лись-их

К притяжательному склонению относятся притяжательные прилагательные с суффиксами **-ов, -нин** (частично с **-ин**) // **-ів (-їв), -ин (-їн)**: *отцов, мужнин, материн* // *вчителів, материн, Софійн*.

Прилагательные притяжательного склонения представлены такими парадигмами:

Единственное число

Мужской род

	Рус.	Укр.
И.	отцов	вчителів
Р.	отцов-а	вчителев-ого
Д.	отцов-у	вчителев-ому
В.	как И. или Р.	
Т.	отцов-ым	вчителев-им
П.	(об) отцов-ом	(на) вчителев-ому

Женский род

	Рус.	Укр.
И.	отцов-а	вчителев-а
Р.	отцов-ой	вчителев-ої
Д.	отцов-ой	вчителев-ій
В.	отцов-у	вчителев-у
Т.	отцов-ой (-ою)	вчителев-ою
П.	(об) отцов-ой	(на) вчителев-ій

Средний род

И.	отцов-о	вчителев-е
Р.	отцов-а	вчителев-ого
Д.	отцов-у	вчителев-ому
В.	как И. или Р.	
Т.	отцов-ым	вчителев-им
П.	(об) отцов-ом	(на) вчителев-ім

Множественное число

И.	отцов-ы	вчителев-і
Р.	отцов-ых	вчителев-их

Д.	ОТЦОВ-ЫМ	вчителев-ИМ
В.	как И. или Р.	
Т.	ОТЦОВ-ЫМИ	вчителев-ИМИ
П.	(об) ОТЦОВ-ЫХ	(на) вчителев-ИХ

В русском языке в им. падеже ед. числа притяжательные прилагательные мужского, женского и среднего рода имеют те же окончания, что и существительные первого субстантивного склонения: м. рода — нулевое, с. — -о, ж. рода — -а. В украинском языке формы косвенных падежей притяжательных прилагательных полностью входят в общую систему адъективного словоизменения, то есть выражаются при помощи флексий, характерных для твердого склонения, однако в них отсутствуют варианты нестяженные флексии им. и вин. падежей среднего и женского родов.

Русские притяжательные прилагательные на -ин (-ын), как правило, изменяются по местоименному склонению. Притяжательные падежные формы этих прилагательных в современном языке выглядят как устаревшие, они сохраняются в сложных топонимах *Канин Нос* (полуостров), *Ласточкино гнездо*, в составе фразеологизмов: *шемякин суд*, *тёщин язык*, *тришкин кафтан*. Украинские притяжательные прилагательные с суффиксами -ин (-їн) изменяются так же, как и другие прилагательные твердой группы: *материн*, *материного*, *материному*, *материним* и т.п.; *Надіїна*, *Надіїної*, *Надіїній*, *Надіїною* и т.п.

3. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Имя числительное, обозначая число предметов или их количество, выражает это значение последовательно в морфологической категории падежа. По отношению к категории падежа в русском и украинском языках все числительные разделяются на склоняемые и несклоняемые. К несклоняемым относятся слова *мало*, *немало* // *мало*, *немало*, *чимало*, а также украинские числительные *пів*, *півтора* (*півтори*), *півтораста*, *двійко*, *трійко*, *четвірко*, *п'ятірко*, к склоняемым — все остальные числительные. Категория падежа у русских и украинских числительных является словоизменительной морфологической категорией, представленной шестью рядами падежных форм, по флексиям совпадающих с падежными формами существительных или прилагательных¹. Количественные и собирательные числительные изменяются по падежам.

¹ Русская грамматика. — М., 1990. — С. 249; Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 251.

Числительным свойственно большее, нежели существительным и прилагательным, разнообразие падежных парадигм. Это объясняется особенностями этимологии и спецификой формирования русских и украинских числительных как особой части речи.

В сопоставляемых языках числительные, обозначающие единицу *один, одна, одно // один, одна, одно (одне)*, которые по происхождению являются местоименными прилагательными, синтаксически не отличаются от прилагательных. Они согласуются с существительными в роде, числе и падеже (в том числе и в тех случаях, когда это числительное выступает последним компонентом составных числовых названий).

В парадигме ед. числа мужского и среднего рода различия между русскими и украинскими словоформами этого числительного касаются формы предложного падежа: *на одном // на одному и на однім*. Женская парадигма его специфична для каждого из сопоставляемых языков.

Единственное число

	Рус.	Укр.
И.	одна	одна
Р.	одной	однієї (одної)
Д.	одной	одній
В.	одну	одну
Т.	одной	однією (одною)
П.	(на) одной	(на) одній

Парадигма мн. числа различается характером конечного согласного основы в косвенных падежах; в русском языке сохранилась основа на мягкий согласный (*одни, одних, одним*), в украинском — на твердый (*одних, одним, одними*).

Падежная парадигма числительных *два (две), три, четыре // два (дві), три, чотири*, а также собирательных *оба (обе) // обидва (обидві), обоє* представляет собой индивидуальную систему, представленную рядом непродуктивных образований.

	Рус.	Укр.
И.	дв-а, дв-е	дв-а, дв-і
Р.	дв-ух	дв-ох
Д.	дв-ум	дв-ом
В.	как И. или Р.	
Т.	дв-умя	дв-ома
П.	(о) дв-ух	(на) дв-ох

В обоих языках различаются словоформы тв. падежа: в русском языке сохранилась основа на мягкий согласный: *двумя*, в украинском — на твердый: *двома*.

Русское собирательное числительное *оба (обе)* образует формы косвенных падежей от разных основ, оканчивающихся на |j|: для мужского и среднего — основы *обо[j]*-, для женского рода — *обе[j]*-.

	Мужской и средний род	Женский род
И.	об-а	об-е
Р.	обо-их	обе-их
Д.	обо-им	обе-им
В.	как И. или Р.	
Т.	обо-ими	обе-ими
П.	(об) обо-их	(об) обе-их

Украинские собирательные числительные *обидва (обидві), обоє* в косвенных падежах имеют общую систему форм и склоняются по образцу числительного *два: обох, обом, обох (или обидва, обидві), обома, на обох*.

Количественные числительные *три, четыре // три, чотири* в сопоставляемых языках имеют один ряд падежных форм для м., с. и ж. рода.

Определенная дифференциация, связанная с мягкостью и твердостью согласного |м|, наблюдается в форме тв. падежа: *тр-емя, четыре-мя // трьо-ма, чотир-ма*.

Основные различия в словоформах русских и украинских числительных наблюдаются в падежных парадигмах количественных числительных *пять — десять // п'ять — десять* и всех числительных на *-дцать // -дцять* и *-десять // -десят*.

	Рус.	Укр.
И.	пять	п'ять
Р.	пят-и	п'ят-и и п'ять-ох
Д.	пят-и	п'ят-и и п'ять-ом
В.	пять	п'ять или п'ять-ох
Т.	пять-ю	п'ять-ма и п'ять-ома
П.	(о) пят-и	(на) п'ят-и и (на) п'ять-ох

В косвенных падежах украинским числительным этого типа склонения свойственны варианты формы, одни из которых (словоформы на *-і*) связаны исторически с прежним субстантивным склонением, а другие возникли под влиянием падежных парадигм числительных *два, три, четыре*.

	Рус.	Укр.
И.	семь	сім
Р.	сем-и	сем-и и сім-ох
Д.	сем-и	сем-и и сім-ом
В.	семь	сім или сім-ох
Т.	семь-ю	сьом-а и сім-ома
П.	(о) сем-и	(на) сем-и и (на) сім-ох

В винительном падеже украинские числительные *п'ять* — *десять* имеют или форму именительного, или форму родительного (во втором ее варианте) падежа в зависимости от существительного, с которым сочетается числительное: в словосочетаниях с неодушевленным субстантивом употребителен им. падеж, с одушевленным — словоформа, совпадающая с вариантом род. падежа: *написав п'ять листів — прийняв п'ятьох відвідувачів, купив сім олівців — викликав сімох школярів, перевірів вісім творів — оглянув вісьмох футболістів*. Подобной дифференциации падежных словоформ в зависимости от отношения существительного к категории одушевленности / неодушевленности в русском языке нет.

Парадигма числительного *восемь* // *вісім* аналогична приведенной выше парадигме числительного *семь* // *сім*. В русских формах род., дат., предл. падежа слова *восемь* отсутствует беглая гласная: *восьми*. Беглая гласная сохраняется в форме тв. падежа: *восемью*, вариантная форма *восьмью* свойственна разговорной речи.

	Рус.	Укр.
И.	одиннадцать	одина́дцять
Р.	одиннадцат-и	одина́дцят-и и одинадцять-о́х
Д.	одиннадцат-и	одина́дцят-и и одинадцять-о́м
В.	одиннадцать	как И. или одинадцять-о́х
Т.	одиннадцать-ю	одинадцять-ма́ и одинадцять-ома́
П.	(об) одиннадцат-и	(на) одина́дцят-и и (на) одинадцять-о́х

В числительных *одиннадцать* — *девятнадцать* // *одинадцять* — *дев'ятнадцять* в обоих языках, за исключением русских *одиннадцать*, *четырнадцать*, ударение падает на слог *-на-*: *двена́дцать* // *дванáдцять*, *тринáдцать* // *тринáдцять*.

Идентичные парадигмы в исследуемых языках имеют числительные *сорок*, *дев'яносто*, *сто* // *сорок*, *дев'яносто*, *сто*. Для них характерны только две различающиеся падежные формы: форма им. и вин. падежей. Форма всех косвенных падежей (за исключе-

нием вин.) с флексией -а: *сорока, девяноста, ста // сорока, дев'яноста, ста*.

Русское слово *сто* в значении существительного “сотня” имеет в косвенных падежах иную парадигму, нежели числительное *сто*. Оно склоняется по типу существительных с. рода мн. числа, напр.: *мне не хватает нескольких сот рублей; к несколькимстам рублям отечественного гонорара добавили суточные в карбованцах; несколькимистами рублей [редко] не откупишься*¹.

Наибольшая дифференциация падежных парадигм русских и украинских числительных наблюдается при склонении сложных числительных на -десять // -десять: *пятьдесят, шестьдесят* и т.п. // *п'ятдесят, шістдесят*.

	Рус.	Укр.
И.	пятьдесят	п'ятдесят
Р.	пятидесят-и	п'ятдесят-и и п'ятдесять-ох
Д.	пятидесят-и	п'ятдесят-и и п'ятдесять-ом
В.	пятьдесят	п'ятдесять-ох и как И.
Т.	пятьюдесять-ю	п'ятдесять-ма и п'ятдесять-ома
П.	(о) пятидесят-и	(на) п'ятдесят-и и (на) п'ятдесять-ох

Отличительной особенностью русского склонения числительных на -десять является склонение обеих составных частей этих сложных слов: *шестьдесят, шестидесяти, шестьюдесятью*, в украинских изменяемой выступает только вторая часть: *шістдесят, шістдесяти* и *шістдесятьох* и т.п. в обоих вариантах словоформ косвенных падежей. В русском языке являются вариантными формы тв. падежа *пятьюдесятью* и *пятидесятью*, *шестьюдесятью* и *шестидесятью*, *семьюдесятью* и *семидесятью*. Первые из них считаются нормативными для русского литературного языка, вторые — разговорными, противоречащими строгой литературной норме².

В исследуемых языках аналогично склоняются сложные числительные, обозначающие сотни (*двести // двісті, триста // триста — девятьсот // дев'ятсот*). У них изменяются оба компонента, которые во всех случаях пишутся слитно.

	Рус.	Укр.
И.	двест-и, трист-а	двіст-і, трист-а

¹ Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. — М., 1990. — С. 254.

² Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология. — С. 143.

Р.	двухсот, трехсот	двохсот, трьохсот
Д.	двумст-ам, тремст-ам	двомст-ам, трьомст-ам
В.	двест-и, трист-а	как И. или Р.
Т.	двумяст-ами, тремяст-ами	двомаст-ами, трьомаст-ами
П.	(о) двухст-ах, трехст-ах	(на) двохст-ах, трьохст-ах

В форме им. падежа числительные *двести* // *двісті* имеют флексию -и // -і, числительные *триста* // *триста*, *четыреста* // *чотириста* — флексию -а, все числительные на -сот — нулевую флексию.

	Рус.	Укр.
И.	пятьсот	п'ятсот
Р.	пятисот	п'ятисот
Д.	пятист-ам	п'ятист-ам
В.	пятьсот	как И. или Р.
Т.	пятьюст-ами	п'ятьмаст-ами и п'ятьомаст-ами
П.	(о) пятист-ах	(на) п'ятист-ах

В русской разговорной речи для всех числительных на -сот (*пятьсот*, *шестьсот*) наблюдается тенденция в тв. падеже употреблять форму типа *пятистами*, *шестистами* вместо *пятьюстами*, *шестьюстами*, такое употребление не соответствует нормам литературного языка.

Первая часть украинских сложных числительных *п'ятсот* — *дев'ятсот* склоняется как обычное собственно количественное числительное *п'ять* — *дев'ять*. Однако из двух параллельных форм, которые обычно имеют при склонении числительные *п'ять*, *шість*, *сім*, *вісім*, *дев'ять*, в родительном, дательном и предложном падежах числительных *п'ятсот* — *дев'ятсот* закрепились только форма на -и: *шестисот*, *шестистам*, *на шестистах* и т.п. В тв. падеже возможны оба падежных варианта: *шістьмастами* и *шістьюстами*, *сьомастами* и *сімомастами*.

В русском и украинском языках различен репертуар собирательных числительных: определенная корреляция их наблюдается лишь в первой десятке (*трое* // *троє*, *четверо* // *чотверо* и т.п.). В украинском языке функционируют, кроме общих с русскими *пятеро* // *п'ятеро*, *семеро* // *семеро*, собирательные числительные второго десятка *одинадцатеро* — *дев'ятнадцатеро*, а также *двадцатеро*, *тридцатеро*. Для русских собирательных числительных характерны окончания полных прилагательных во мн. числе: *двое*, *трое* изменяются по мягкому типу, *четверо*, *пятеро*, *шестеро* и т.п. — по твердому склонению.

Специфика нумерального склонения в исследуемых языках проявляется и в формах словоизменения собирательных числительных: русские собирательные числительные *двое, трое, четверо, пятеро* и т.п. образуют в косвенных падежах словоформы, отличные от соответствующих количественных числительных: *двоих / двух, двоим / двум, четверых / четырёх, четверым / четырёхм*. Напр.: *Секрет обаяния четырёх героев Дюма* (Лит. газета) — *Кто же эта живая масса из четверых, что за характер?* (А. Битов).

Украинские собирательные числительные *двоє, троє, четверо* имеют формы косвенных падежей, аналогичные соответствующим собственно количественным числительным:

И.	два, дві	двоє
Р.	двох	двох
Д.	двом	двом
В.	как И. или Р.	как И. или Р.
Т.	двома	двома
П.	(на) двох	(на) двох

Парадигма остальных собирательных числительных (начиная с *п'ятеро*) также строится по образцу количественных числительных, однако при этом возможны только вторичные развившиеся под влиянием *два, три, чотири* формы, то есть *п'ятеро, п'ятьох, п'ятьом, п'ятеро, п'ятьма / п'ятьома, на п'ятьох*¹; *дванадцятро, дванадцятьох, дванадцятьом, дванадцятьма* и *дванадцятьома, на дванадцятьох*.

В современном украинском языке наряду с собирательными числительными нередко употребляются также неизменяемые слова с финалью *-ко* со значением собирательности: *двійко, двойко, двоєчко; трійко, тройко, троєчко* и т.п., которые образовались под влиянием существительных². Напр.: *Коло стіни стоять двійко дівчаток* (С. Васильченко); *Македониха теж взяла до своєї хати двойко хлоп'ят* (А. Шиян); — *От десь горе: ми ще самі, двоєчко нас, а то, борони Боже, сім'я велика* (М. Коцюбинський); *Впіймалося з трійко окунців, і Миколина юшка їлася з апетитом* (Ю. Збанацький); *На дворищі біля крайньої хати стояло тройко дівчат, плели вінки* (А. Хижняк).

Падежные парадигмы неопределенно-количественных числительных специфичны в каждом из исследуемых языков. Русские

¹ Украинская грамматика. — С. 150.

² Арполенко Г.П., Городенська К.Г., Щербатюк Г.Х. Числівник української мови. — С. 184.

неопределенно-количественные числительные *много, немного, сколько, сколько-нибудь, сколько-либо, несколько, столько, столько-то* образуют формы косвенных падежей по типу склонения полных прилагательных мн. числа в его мягкой разновидности. Украинские неопределенно-количественные числительные *кілька, декілька, багато, небагато* в косвенных падежах имеют флексии, аналогичные словоформам определенно-количественных числительных *два, три*, то есть парадигмы сопоставляемых слов ориентированы на падежные словоформы разных частей речи: русские числительные — на склонение прилагательных, украинские — на изменение числительных другой структурно-семантической группы.

	Рус.	Укр.
И.	скольк-о	кільк-а
Р.	скольк-их	кільк-ох
Д.	скольк-им	кільк-ом
В.	как И. или Р.	
Т.	скольк-ими	кільк-ома
П.	(о) скольк-их	(на) кільк-ох

Формы косвенных падежей русских числительных *много, немного* совпадают с формами косвенных падежей местоименных прилагательных *многие, немногие*, их украинские соответствия *багато, небагато* склоняются, как числительные *три, чотири*.

	Рус.	Укр.
И.	мног-о	багат-о
Р.	мног-их	багать-ох
Д.	мног-им	багать-ом
В.	как И. или Р.	
Т.	мног-ими	багать-ма или багать-ома
П.	(о) мног-их	(на) багать-ох

Характерные для украинского языка наименования со значением неопределенного количества *кільканадцять, кількадесят, стонадцять* изменяются, как числительное *п'ять*, и имеют обе варианты падежные формы:

И.	кільканадцять
Р.	кільканадцят-и и кільканадцять-ох
Д.	кільканадцят-и и кільканадцять-ом

- В. кільканадцять и кільканадцять-ох
 Т. кільканадцять-ма и кільканадцять-ома
 П. (на) кільканадцят-и и (на) кільканадцять-ох

Функционирующие в обоих языках дробные числительные имеют аналогичную систему словоизменения, для них характерна дифференциальная падежная парадигма числительных, выступающих в роли числителя и знаменателя. Числитель — это обычное количественное числительное, а знаменатель — порядковое прилагательное во мн. числе: *три десятых, две седьмых, пять восьмых // три десятых, дві сьомих, п'ять восьмих*.

	Рус.	Укр.
И.	три пятых	три п'ятих
Р.	трех пятых	трьох п'ятих
Д.	трем пятым	трьом п'ятим
В.	три пятых	три п'ятих
Т.	тремя пятыми	трьома п'ятими
П.	(на) трех пятых	(на) трьох п'ятих

При склонении украинские числительные *два, три, чотири*, употребляясь в качестве числителя, в род., дат. и предл. падежах сохраняют более позднее окончание *-ох, -ом*. Другие же числительные, начиная с *п'яти*, имеют в этих падежах только флексию *-и*. В этом проявляется своеобразие их функционирования в составе дробных числительных. Числительные, выступающие в качестве знаменателя, в им. и вин., род. и предл. падежах имеют общую форму — родительный падеж мн. числа: *две третьих, двух третьих // дві третіх, двох третіх*¹.

Определенная специфика наблюдается при склонении дробных числительных, в которых числителем выступает слово *один*: во всех падежах числитель согласуется со знаменателем в единственном числе: *одна шестая, одной шестой, одной шестой, одну шестую, одной шестой, на одной шестой // одна шоста, однієї шостої, одній шостій, одну шосту, однією шостою, на одній шостій*. Напр.: *Всей земли одна шестая Нашей радостью наполнена широкой* (В. Лебедев-Кумач).

Дробные числительные *полтора* (м. и с. р.), *полторы* (ж. р.), *полтора́ста* в русском языке имеют только две различающиеся падежные формы: им. и вин. падеж (*полтора, полторы, полтора́ста*) и форму всех косвенных падежей, кроме винительного (*по-*

¹ Арполенко Г.П., Городенська К.Г., Щербатюк Г.Х. Зазн. праця. — С. 187.

лутора, полтораста). Существительные м., ж. и с. родов в сочетании с этими числительными употребляются в ед. числе в им. и вин. падежах — *полторы минуты, полтора часа, полтора ведра*, во всех остальных падежах — во мн. числе — *полтора часов, полтора часам, полтора часами, (о) полтора часах*. В русском языке в косвенных падежах первая часть пол- изменяется и имеет форму полу-.

И.	полтор-а	полтор-ы	полтораст-а
Р.	полутор-а	полутор-а	полутораст-а
Д.	полутор-а	полутор-а	полутораст-а
В.	полтор-а	полтор-ы	полтораст-а
Т.	полутор-а	полутор-а	полутораст-а
П.	(о) полутор-а	полутор-а	(о) полутораст-а

Встречающееся в русской разговорной речи и просторечии количественное числительное, дробное по словообразовательной структуре *полста* “пятьдесят”, не склоняется.

Украинские числительные, номинирующие аналогичные реалии: *півтора, півтори, півтораста*, полностью утратили способность к склонению в современном украинском языке.

В обоих языках все порядковые числительные изменяются по родам и склоняются как полные прилагательные твердой и мягкой разновидности. Специфика их склонения в исследуемых языках заключается в акцентной характеристике коррелирующих нумеративов в им. падеже ед. числа, которая сохраняется во всей падежной парадигме, напр.: *шестой // шóстий, седьмой // сьóмий, восьмой // вóсьмий, одиннадцатый // одинáдцятий, четырнадцатый // чотирна́дцятий, сороковой // сорокóвий*.

Составные количественные числительные в исследуемых языках изменяются по падежам. При образовании падежных форм нормально изменение по падежам каждого компонента, входящего в составное числительное.

Рус.

Укр.

И.	двести восемьдесят семь	двісті вісімдесят сім
Р.	двухсот восьмидесяти семи	двохсот вісімдесяти семи
Д.	двумстам восьмидесяти семи	двомстам вісімдесяти семи
В.	двести восемьдесят семь	двісті вісімдесят сім
Т.	двумястами восемьюдесятью семью	двомастами вісімдесятьма сьома (сімома)
П.	(о) двухстах восьмидесяти семи	(на) двохстах вісімдесяти семи (сімох)

Русское слово *тысяча* в сочетании с лексемой *одна* имеет в твор. падеже только форму *тысячей*, напр.: *одной тысячей тремястами рублями*.

В современной устной русской и украинской речи наблюдается тенденция к упрощенному склонению составных числительных, при этом склоняются только начальные и конечные компоненты или только последний компонент составного числительного: *пособие с четырьмястами семьдесят пятью таблицами, прибавить к двести восемьдесят семи* (вместо нормативных *четырьмястами семьюдесятью пятью, к двумстам восьмидесяти семи*) // *не вистачає двісті п'ятдесят карбованців* (нормативное *двохсот п'ятдесяти*).

В составных порядковых числительных в обоих языках изменяется только последнее слово, имеющее форму порядкового: *дев'яносто четвертый год, дев'яносто четвертого года* // *дев'яносто четвертий рік, дев'яносто четвертого року*.

Слова нумеральной семантики *тысяча, миллион, миллиард, триллион* // *тисяча, мільйон, мільярд, трильйон* в обоих языках изменяются по падежам, как существительные первого склонения (*дом*) или второго (*задача*).

4. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА МЕСТОИМЕНИЙ

Характер категории местоименного падежа, падежных парадигм местоимений зависит от соотношения отдельных их разрядов с разными частями речи — существительным, прилагательным, числительным. Особого внимания требует к себе парадигматика местоимений-существительных, характеризующаяся наличием в обоих языках единичных и архаичных форм.

Личные местоимения-существительные имеют собственные падежные характеристики.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица

	Единственное число		Множественное число	
	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.
И.	я	я	мы	ми
Р.	мен-я	мен-е	н-ас	н-ас
Д.	мн-е	мен-і	н-ам	н-ам
В.	мен-я	мен-е	н-ас	н-ас
Т.	мн-ой (-ою)	мн-ою	н-ами	н-ами
П.	(обо) мн-е	(на) мен-і	(о) н-ас	(на) н-ас

И.	ты	ти	вы	ви
Р.	теб-я	теб-е	в-ас	в-ас
Д.	теб-е	тоб-і	в-ам	в-ам
В.	теб-я	теб-е	в-ас	в-ас
Т.	тоб-ой (-ою)	тоб-ою	в-ами	в-ами
П.	(о) теб-е	(на) тоб-і	(о) в-ас	(на) в-ас

Предметно-личное местоимение *он // він* характеризуется дополнительным грамматическим признаком — категорией рода: *он, она, оно, они // він, вона, воно, вони*.

Единственное число

	Мужской род		Женский род	
	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.
И.	он	він	он-а	вон-а
Р.	его	й-ого	ее	її
Д.	ему	й-ому	ей	їй
В.	его	й-ого	ее	її
Т.	им	н-им	ей (ею)	н-ею
П.	(о) нём	(на) нь-ому, н-ім	(о) ней	(на) н-ій

Единственное число

Множественное число

Средний род

	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.
И.	он-о	вон-о	он-и	вон-и
Р.	его	й-ого	их	їх
Д.	ему	й-ому	им	їм
В.	его	й-ого	их	їх
Т.	им	н-им	ими	н-ими
П.	(о) нём	(на) нь-ому, н-ім	(о) н-их	(на) н-их

Основой косвенных падежей предметно-личных местоимений в обоих языках являются | j | и | н' |, как две разновидности фонемных основ, реализующихся в том или ином варианте в зависимости от условий контекстуального функционирования. В русском языке при объединении с предлогом формы косвенных падежей образуют так называемые припредложные формы (без | j |, но с начальным | н' |): *от него, к ней, с ним, между ними, о нем, при ней, о них*. Звук | н | отсутствует:

а) после недавно перешедших в предлоги наречий: *вопреки ему*;

б) после предлогов наречного происхождения, управляющих дат. падежом: *согласно ей, наперекор им*, а также после предлога *благодаря* (из деепричастия): *благодаря ему*;

в) после отыменных предлогов (независимо от падежа): *в отношении его, в течение его, при помощи ее, по поводу их*;

г) после сравнительной степени прилагательных и наречий в местоимении 3-го лица: *Брат старше ее на два года. Лучше ее нет на свете мастерицы.*

Вариативность начального |н'| в косвенных падежах русского предметно-личного местоимения наблюдается в таких случаях:

а) после предлога *внутри*: *внутри их — внутри них*;

б) если перед указанным местоимением 3-го лица употребляется определительное местоимение *весь*: *у всех их — у всех них*;

в) в случаях отрыва местоимения 3-го лица от предлогов в результате вставки какого-либо другого слова: *между вами и ими — между вами и ними.*

Явление мены основ в словоформах предметно-личных местоимений |j| и |н'| характерно и для современного украинского литературного языка, однако дистрибуция однофонемных основ |j| и |н'| в местоименных словоформах здесь несколько иная, чем в русском языке: в русском языке основа |н'| жестко связана с условиями контекстной реализации, в украинском для части словоформ основа |н| является единственно возможной.

Украинские формы родительного и винительного падежей местоимений мужского-среднего рода выступают в виде *й-ого* при отсутствии предлога (*його не було на роботі; я зустрів його сьогодні на вулиці*). Для этих же форм в позиции после предлогов обязательной является основа |н'|: *він позичив у нього гроші; він посилався на нього*. Только основа |н| выступает в творительном падеже. Она же в мягком варианте характерна и для предложного падежа |н'|-, однако словоформе предл. падежа присуща флексийная вариантность: *-ому* (*на ньому — функциональная транспозиция дательный → предложный*) и *-ім* (*на нім — первичная в плане генетического развития флексия*)¹.

Такое же распределение |j|- и |н|-основ характерно и для парадигмы женского рода, однако в словоформах родительного и винительного падежей происходит дифференциация фонемного состава

¹ Украинская грамматика. — С. 153.

ва флексий: беспредложные формы с основой |j| — имеют окончание | -iji |, в припредложных формах после основы |н| употребляется флексия -еї (| -eji |). В словоформах множественного числа вариантность основ |j| и |н| характерна для род.-вин. падежа, в дат. падеже выступает только основа |j|, а в твор. и предл. — |н| независимо от того, функционируют эти формы с предлогами или без них.

Достаточно большое сходство исследуемых языков проявляется в падежной парадигме возвратного местоимения *себя // себе*: это местоимение не имеет формы им. падежа, в обоих языках формы косвенных падежей образуются с помощью тех же окончаний, что и формы местоимения-существительного *ты // ти*. И в русском, и в украинском языке основа падежных форм местоимения *себя // себе* выступает в двух вариантах *себ-* и *соб-*, однако дистрибуция этих вариантов по падежным словоформам различна в сопоставляемых языках:

	Рус.	Укр.
И.	—	—
Р.	себ-я	себ-е
Д.	себ-е	соб-і
В.	себ-я	себ-е
Т.	соб-ой (-ою)	соб-ою
П.	(о) себ-е	(на) соб-і

При словоизменении вопросительные местоимения *кто // хто* последовательно выступают как одушевленные местоимения-существительные, а *что // що* как неодушевленные.

	Рус.	Укр.	Рус.	Укр.
И.	кт-о	хт-о	чт-о	щ-о
Р.	к-ого	к-ого	ч-его	ч-ого
Д.	к-ому	к-ому́	ч-ему	ч-ому́
В.	к-ого	к-ого	чт-о	щ-о
Т.	к-ем	к-им	ч-ем	ч-им
П.	(о) к-ом	(на) к-о́му, к-і́м	(о) ч-ем	(на) ч-о́му, ч-і́м

Формы косвенных падежей и русского местоимения *кто*, и украинского *хто* образуются от основы к-, местоимений *что // що* (кроме формы вин. падежа) — от основы ч-. В предложном падеже украинских местоимений *хто*, *що* выступают варианты формы на -ому (совпадение по фонемному составу с дательным падежом, но различная акцентуация) и -ім.

Неопределенные и отрицательные субстантивные местоимения (*некто, ничто, кое-что // ніхто, будь-що, казна-хто*) склоняются по типу *кто, что // хто, що*. Местоимения *некого // нікого, нечего // нічого* не имеют формы им. падежа. Русское местоимение *некто* имеет только форму им. падежа, а *ничто* — только форму им. и вин. падежей. В предложных сочетаниях предлог ставится между классификационно-функциональным маркером¹ и собственно местоимением, напр.: *никто, никого, никому // ніхто, нікого, нікому, но ни от кого, кое с кем, ни о чем // ні до кого, будь з ким, казна з ким*.

У русских неопределенных местоимений с префиксами *кое-, кой-* предлог может стоять не только после префикса: *кое с кем, кое к кому, кое на что, кое о ком*, но и перед ним: *отговорить от кое-чего, оставить для кое-кого, вспомнить про кое-что, повидаться с кое-кем*.

Украинские неопределенные местоимения *хтось, щось* в твор. падеже ед. числа имеют параллельные формы со вставным звуком | о | и без него: *кимсь, чимсь* и *кимось, чимось*.

V. КАТЕГОРИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ

1. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В русской и украинской грамматической традиции категория степеней сравнения всегда вызывала различные, нередко взаимоисключающие трактовки и определения. Если М.В. Ломоносов, А.В. Барсов, Н.И. Греч, Г.И. Павский в основном следовали концепции, восходящей к средневековым латинским грамматикам — концепции трехчленной морфологической категории степеней сравнения², то начиная с первой половины XIX в. русские грамматисты обнаруживают специфические черты разных форм степеней

¹ Украинская грамматика. — С. 152.

² *Воротников Ю.Л.* Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке. — М., 1987; *Воротников Ю.Л.* Использование форм сравнительной степени с приставкой *по-* // РЯШ. — 1987. — № 3. — С. 86—89.

сравнения в русском языке. В частности, обсуждался вопрос о статусе форм превосходной степени на *-ейший/-айший*¹.

К “Запискам по русской грамматике” А.А. Потебни восходят первые случаи сопоставления русских и украинских степеней сравнения. Указывалось, например, что значение русской сравнительной степени *лучше* отвлеченно, а украинской *кращий* сохраняет конкретность прилагательного².

В течение последнего полувека прослеживается борьба двух основных направлений в трактовке рассматриваемой категории, соответствующих двум крупным лингвистическим школам — формальной фортуатовской школе и школе соссюрвской, до определенной степени отвлекающейся от “косной субстанции”. Вследствие борьбы этих систем взглядов долгие годы остаются дискуссионными вопросы о включении/невключении положительной степени в парадигму категории, проблема статуса синтетического и префиксального компаратива, вопрос об аналитических формах степеней сравнения, проблема разграничения суперлатива и элатива, вопрос о частеречной принадлежности форм степеней сравнения.

“Формалисты”, как правило, стремятся развести формально разнородные элементы грамматической категории по разным уровням языка, избегая их сближения либо противопоставления по семантическим или функциональным признакам. Наиболее полно такие взгляды отражены в “Грамматике — 80”. Автор соответствующих параграфов В.А. Плотникова оставляет в парадигме категории только положительную степень и простую форму сравнительной степени, вынося на словообразовательный уровень формы префиксального компаратива и простой превосходной степени, а аналитические формы сравнительной и превосходной степени — на синтаксический уровень³.

Другие исследователи несколько по-иному разрушают парадигму категории в русском языке, изымая из нее сравнительную степень как синкретический адъективно-адвербиальный дериват⁴,

¹ Калайдович И.Ф. О степенях сравнения прилагательных и наречий качественных // Тр. Отд. лит-ры и рус. словесности (ОЛРС). — 1823. — Ч. 3. — С. 107—132.

² Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — М., 1978. — Т. 4. — С. 81.

³ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1. — С. 301, 308, 429.

⁴ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1935. — С. 137.

который можно даже квалифицировать как отдельную часть речи¹. Многие ученые не рассматривали аналитические степени как грамматические. Характерно высказывание из давней статьи П.Г. Стрелкова: "...исключаю из рассмотрения и случаи подобно таким: *более смелый, наиболее серьезный* и т. д., так как здесь интересующие нас формы *более* и *наиболее* являются в полной мере наречиями при прилагательных"². Это мнение повторялось во многих работах и отразилось в "Грамматике—80".

Представители другой, интегративной школы стремились исходить из функциональной гомогенности конstituентов данной грамматической категории. В.В. Виноградов в своей этапной книге "Русский язык. Грамматическое учение о слове" писал о том, что серия описательных, аналитических форм степеней сравнения является живой и продуктивной в современном русском языке³. На замечание М.И. Стеблин-Каменского о том, что *более* и *самый* аналогичны наречиям-интенсификаторам *очень* или *слишком*⁴, М.И. Морозова достаточно убедительно ответила, что форманты степеней сравнения выражают именно идею сравнения, их круг замкнут (*более, наиболее, самый*), они грамматикализовались, закрепились в препозиции, почти перестали употребляться дистантно, образуют единое семантическое и синтаксическое целое со словом качественного значения⁵. Подступы к будущей функциональной грамматике были намечены В.Н. Ярцевой, писавшей о большей широте грамматической категории, чем грамматической формы: "...следует говорить о наличии категории степеней сравнения, которая охватывает прилагательные определенной семантики, но эта категория передается как в формообразовании, так и в словосочетаниях"⁶. Тем не менее "грамматические категории, которые находят свое выражение в словосочета-

¹ Головенко Е.И. Структуры с простой сравнительной степенью в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1972. — С. 5.

² Стрелков П.Г. О степенях сравнения прилагательных в русском языке // Уч. зап. Перм. ун-та. Вып. 1. — 1929. — С. 47—52.

³ Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 200.

⁴ Стеблин-Каменский М.И. Грамматика норвежского языка. — М.; Л., 1957. — С. 73—74.

⁵ Морозова М.И. Развитие аналитических конструкций степеней сравнения в русском языке // Уч. зап. Вологод. пед. ин-та. Вып. 28. — 1964. — С. 27—58.

⁶ Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — С. 24—25.

нии, должны рассматриваться не в разделе морфологии, а в разделе синтаксиса”¹.

Эти идеи были развиты А.В. Бондарко в его концепции “коррелятивных”, “непоследовательно-коррелятивных” и “некоррелятивных” категорий. Степени сравнения он относит к числу непоследовательно коррелятивных категорий, то есть к таким, которые “могут быть представлены корреляциями форм одного слова, но вместе с тем репрезентуются и формами разных слов”².

Меньшая острота споров украинских грамматистов по поводу рассматриваемой категории объясняется, видимо, тем, что украинские степени сравнения синтетически унифицированы, формально последовательно выводимы друг из друга, а аналитические образования мало распространены и периферийны. Разногласия наблюдались лишь по вопросам вхождения/невхождения позитива в парадигму категории и словоизменительного либо словообразовательного статуса ее³.

Современная трактовка категории степеней сравнения связана с новейшими концепциями русских и украинских грамматистов, среди которых выделяется функциональная грамматика А.В. Бондарко и комплексный подход к грамматическим единицам И.Р. Выхованца и А.А. Загнитко. Последователи А.В. Бондарко рассматривают степени сравнения в одном ряду с разноуровневыми средствами градационности (выражения степени) признака⁴. Два исследователя, параллельно и независимо друг от друга писавшие кандидатские диссертации на материале русского (Ю.Л. Воротников) и украинского (Т.С. Баран) языков⁵, включили в эту функционально-грамматическую сферу (термин Ю.Л. Воротникова), кроме степеней сравнения наречия, интенсификаторы и кванторы, уменьшительные и увеличительные суффиксы, префиксоиды, гаплогонии, сравнительные обороты, некоторые виды придаточных предложений и др.

Авторы “Пражской грамматики” свели качественные прилагательные и наречия в единую морфологическую парадигму, что по-

¹ Ярцева В.Н. Указ. соч. — С. 24—25.

² Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. — Л., 1975. — С. 57.

³ См.: Баранник Д.Х. Прикметник // Сучасна українська літературна мова: Морфологія / За ред. І.К. Білодіда. — К., 1969. — С. 140—237.

⁴ Бондарко А.В. Указ. соч. — С. 57.

⁵ Баран Т.С. Система средств выражения степени признака в современном украинском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — К., 1987; Воротников Ю.Л. Указ. соч.

зволило им целостно рассмотреть категорию степеней сравнения. При таком подходе они, как и тартуские грамматисты М.А. Шелякин и Ю.П. Князев¹, пришли к выводу о существовании трехчленной словоизменительной категории степеней сравнения.

И.Р. Выхованец, рассматривая грамматические категории украинского языка в лексико-грамматическом аспекте и учитывая комплекс морфологических, функционально-синтаксических и семантических факторов, приходит к выводу о словообразовательном характере категории степеней сравнения. Он обуславливается как формальным аспектом их деривации, так и семантическими модификациями по сравнению с положительной степенью².

А.А. Загнитко стремится рассмотреть грамматические категории как в онто-, так и в филогенезе, в системе предикатности и предикативности предложения³. В своей докторской диссертации он справедливо отмечает близость категории степеней сравнения к межуровневой категории глагольной валентности. По А.А. Загнитко, это словообразовательно-синтаксическая категория, имеющая в поверхностном представлении морфологическое выражение⁴.

Сказанное выше дает основание квалифицировать степени сравнения в русском и украинском языках как межуровневую и межчастеречную лексико-грамматическую словообразовательно-синтаксическую категорию.

Принято считать неизменяемый русский компаратив прилагательным, если он употребляется в функции сказуемого или определения: *Этот плащ теплее; Плащ теплее мог бы согреть*, и наречием — в функции обстоятельства или стативного предикатива: *Одень его теплее; Вчера было теплее*⁵. Эта дифференциация

¹ Князев Ю.П. О семантике степеней сравнения прилагательных // Уч. зап. Тарт. ун-та. — Вып. 524. — Тарту, 1980. — С. 62—67; Шелякин М.А. О семантической структуре степеней сравнения прилагательных, частных значениях и морфологических формах // Уч. зап. Тарт. ун-та. — Вып. 651. — Тарту, 1983. — С. 70—74.

² Выхованец І.Р. Частини мови в лексико-граматичному аспекті. — К., 1988. — С. 101.

³ Загнітко А.П. Морфологічні категорії в системі предикатності та предикативності речення. — К., 1990.

⁴ Загнітко А.П. Система и структура морфологічних категорій сучасної української мови: Проблеми теорії. — К., 1992. — С. 51.

⁵ В данном разделе разграничение наречия и так называемой “категории состояния” не является релевантным.

строится на внешних синтаксических различиях, хотя ее основание лежит глубже — в семантической природе подвергаемых сравнению денотатов. В первом случае — это субстанциальные объекты, а во втором — предикативные признаки (динамические или статические). Скорее, здесь следует говорить не о морфологическом наречии, а о синтаксическом прилагательном либо наречии.

Устоявшееся в русле функционального направления положение о допустимости межуровневых и межчастеречных грамматических категорий позволяет проводить сопоставление деривационно-синтаксических гибридных категорий русского и украинского языков, охватывающих адъективную и наречную лексико-грамматическую сферу.

Разноуровневые конститuentы рассматриваемой категории интегрируются семантической доминантой, которую определяют (с незначительными вариациями) как “выражение степени (меры) признака, без которой он не имеет качественной определенности”¹. Конструкции с *менее/наименее // меньше/наименее*, обозначающие исходящую градацию признака, не включают в парадигму данной категории, так как они квантифицируют сам признак, а не его степень².

Сопоставление категорий степеней сравнения в разных, особенно близкородственных языках должно проводиться с учетом как формального, так и семантического аспектов, включая также функциональные характеристики.

Многие русские и украинские грамматисты не включают положительную степень прилагательного и наречия в парадигму степеней сравнения, отказывая ей в “выражении сравнения”³. На наш взгляд, сравнение понимается ими слишком одномерно и прямолинейно. Позитив является исходным, нейтральным пунктом развертывания парадигмы степеней сравнения. Его немаркированность в отношении категориальных оппозитивных значений — сопоставительной / выделительной относительности и предельности — не может вывести позитив за

¹ Шелякин М.А. Указ. соч. — С. 68.

² Русская грамматика. — Praha, 1979. — С. 112.

³ См.: Арват Н.Н., Арват Ф.С. Сопоставительное изучение русского и украинского языков в школе. — К., 1989; Баранник Д.Х. Зазн. праця. — С. 140—237; Зорівчак Р.П. Прикметник // Порівняльні дослідження з граматики російської, української та англійської мов. — К., 1981.

пределы степеней сравнения. Положительная степень образует с двумя остальными степенями сравнения привативные оппозиции, тогда как компаратив и суперлатив между собой — эквивалентную. Относительность является основным признаком, отграничивающим компаратив и суперлатив от остальных средств выражения степени признака. Лишь в определенных микроконтекстах значение положительной степени приобретает относительность. Однако сравнение пропозиций *Петр добрее Ивана // Петро добріший за Івана* и *Петр в сравнении с Иваном добрый // Петро порівняно з Іваном добрий* показывает, что в первом случае устанавливается взаимоположение двух предметов по степени признака, а во втором — данное, привычное, нормативное взаимоположение характеризуется с новой точки зрения¹.

Позитив в силу своей способности непосредственно представлять нормативную степень признака входит в состав трехчленной категории степеней сравнения в качестве немаркированного члена. Он способен выражать широкий спектр коннотативных модификаций нормативного значения, передаваемый средствами разных уровней языка и речи, сохраняя, однако, безотносительность к другому признаку, нерелятивность.

2. ФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НЕПОЗИТИВНЫХ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Степени сравнения — это лексико-грамматическая категория, так как они охватывают лишь часть прилагательных и наречий, ориентируясь на лексемы с диффузной качественной семантикой. Весьма сходны существующие в обоих рассматриваемых языках лексические ограничения на образование компаративных и суперлативных дериватов. В частности, непозитивные степени сравнения не образуются в обоих языках от относительных прилагательных, от качественных прилагательных, обозначающих недиффузный абсолютный признак (собственно-качественные, по терминологии А.В. Исаченко), напр.: *живой, мертвый, немой, слепой, пустой // живий, мертвий, німий, пустий*; обознача-

¹ Поцелуевский Е.А. Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними // Проблемы семантики. — М., 1974.

ющие масть животных: *гнедой, буланый, вороной // гнідий, буланий, вороний*; от прилагательных, обозначающих безотносительную степень признака: *здоровенный, прескверный, сверхскромный // здоровенный, препоганий, надскромный*. Такие ограничения не носят абсолютного характера. Так, Р.П. Зоривчак утверждает, что степени сравнения не образуются от названий цветов, “образованных сравнительно позже, главным образом по цвету определенных предметов”, причисляя к таковым и укр. *жовтогарячий*¹. Однако у Григора Тютюнника мы встречаем сравнительную степень: *Сонце звернуло з полудня, світило навскіс, і Климкова тінь з торбиною ковзала у надвечірньому промінні — ближчали і ближчали, ставали більші й жовтогарячіші промені*.

Сохраняют невозможность образования степеней сравнения и качественные наречия, транспонированные от таких прилагательных в приглагольную позицию и морфологически оформившиеся суффиксами -о, -е: *слепо, глухо, жгуче // сліпо, глухо, боляче* и т. д.

Степени сравнения, определенным образом организуя микроконтекст, сами попадают под воздействие макроконтекста, в зависимость от его стилевой принадлежности. Присущие художественным и публицистическим текстам установки на эффект выразительности и аттрактивности вызывают появление аномальных градуальных дериватов, причем в русском языке это явление распространено значительно шире. В частности, наблюдаются неопозитивные степени сравнения от относительных прилагательных: *Снеговое скатерти, — Мертвец — весь сказ* (М. Цветаева) // *Наша економіка була найплановішою у світі* (Голос України)². Некоторые позитивные степени сравнения не имеют соответствующей положительной степени: *Думать бросивши, звереет человек. Он звереет, мы зверей того делаемся* (В. Астафьев); *Снобейший сноб ездил в ржавой акуле* (В. Аксенов) // *Наша троянда, здається, трояндніша за москвичку, котру означили: “непідробна свіжість троянди, що розпускається”* (Голос України)³. Специфические речевые

¹ Зорівчак Р.П. Зазн. праця. — С. 149.

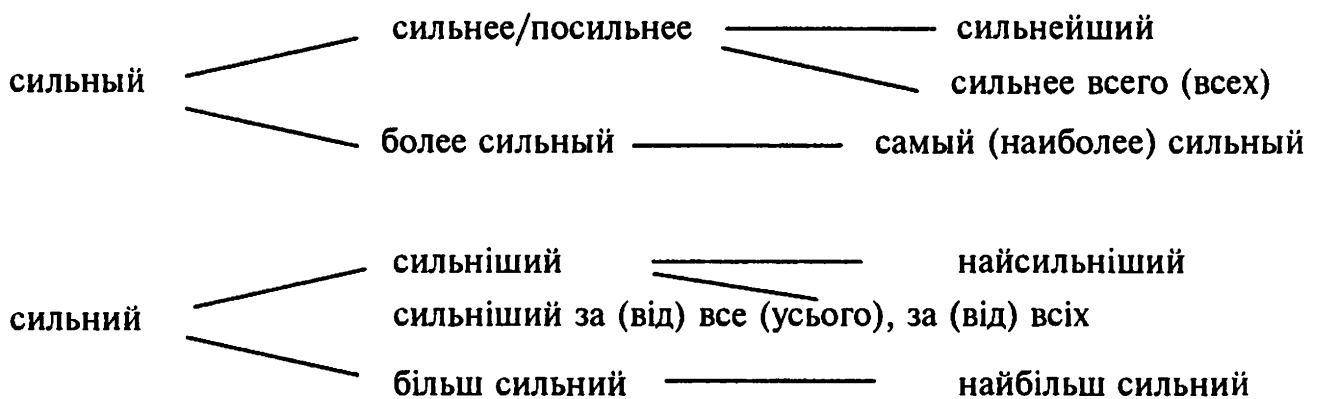
² См.: Архангельская Т.А. Степени сравнения относительных прилагательных, приобретающих качественное значение // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. — Т. 451. — М., 1971. — С. 167—178; Масальський В.І. До питання про творення форм вищого ступеня прикметників в українській мові // Мовознавство. — 1936. — № 9.

³ Пример из: Мусиенко В.П. Функционально-семантическая категория меры в русском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — К., 1992.

интенции вызывают к жизни в сопоставляемых языках и степени сравнения тех качественных прилагательных, которые в норме не могут их иметь в силу недиффузного характера обозначаемого признака: — *Он жив?.. — Мертвей и Гитлер не придумает* (Ф. Искандер) // ... *був німішим на погуки світу...* (П. Грабовський). Зафиксированы непозитивные дериваты и от местоимений: *А правдисты бывшие где? Уж куда были своей!* — *увильнули от правдистской колеи* (А. Солженицын); *Ты душеблуд. У тебя нынче сам, завтра еще Самее* (А. Злобин) // “*Свої та своїші*” (в газетном заголовке), от предикативных некачественных наречий: *Он самый бездельный, самый непричем, неприкаянный* (В. Ямпольский) // *Та на ці суто київські враження яось незбагнено накладались інші пейзажі, де Зеров, можливо, був іще більш вдома* (С. Білокінь).

И русские, и украинские степени сравнения характеризуются формальным дуализмом, так как могут манифестироваться как синтетическими, так и аналитическими морфемами. В обоих языках образуются параллельные ряды адъективных дериватов:

Обращает на себя внимание большая соотносительная корректность украинских дериватов, где синтетическая превосходная степень непосредственно образуется от компаратива префиксальным способом, причем префикс *най-* прибавляется как к производящей основе, так и к аналитической морфеме *більш*. Русский формальный аналог *най-* передает чисто усилительное значение (*наисильнейший*) и жестко ограничен стилистически. Составной дериват превосходной степени в украинском языке сохраняет перед послеслогами *за (від) все (усього), за (від) всіх* все формы адъективной словоизменительной парадигмы. Вопреки высказанному Б. Куликом мнению о нормативности в украинском языке превосходной степени с *самий*¹, такие образования следует считать ин-

¹ Жовтобрюх М.А., Кулик Б.М. Сучасна українська літературна мова. — К., 1964.

терференционными. Так, например, Григорий Тютюнник использует это сочетание для стилизации речи малообразованного человека: *Хвилинами Кузь зупинявся і роздумував про те, що самий найученіший чоловік на землі не може розгадати, що за дивне створіння людина.*

Сохранение украинскими синтетическими непозитивными степенями адъективной природы и деривационных потенций прилагательного иллюстрируют нередко встречающиеся деминутивные суффиксальные образования: *Вона росте ще, завтра буде вищенька* (Л. Костенко); *Вдало увиразнює цей переполох образ одного з найменшеньких учнів, який сховався у куток* (А. Погрібний). Подобные дериваты транспонируются и в приглагольную наречную сферу: *Сідай лиш ближченько, отут* (Т. Шевченко). В русском языке подобное явление отсутствует.

Русский синтетический компаратив, закрепившись в позиции именной части составного глагольного сказуемого, утратил ставшие избыточными флексии и формально адвербиализовался¹. Компаративные финали *-е, -ще, -ее* следует признать деривационными суффиксами, так как отсутствуют характерные для флексий в русском языке многочленные оппозиции, да и семантические модификации по сравнению с исходным значением позитива слишком значительны. Русские дериваты представляют собой пример более последовательной, чем в украинском языке, транспозиции, включающей, кроме синтаксической, морфологическую ступень.

Кроме того, компаратив с префиксом *по-* является особенностью русского языка и не имеет аналогов в других славянских языках. В украинском языке подобные образования являются до определенной степени чужеродными и могут без ущерба для смысла заменяться обычными компаративами: *Обняла його Уляна за*

¹ Пережиточным следует признать употребление формы на *-ейший / -айший* в значении компаратива, напр.: *Но есть у Пугачева, кажется, еще подлейший поступок* (М. Цветаева). Только две формы закрепились в русском языке в этом значении — *дальнейший, позднейший*. Еще в начале XIX в. значение этих форм было неустоявшимся. Ср. у Лермонтова: 1. *Беднейший среди существ земных* (суперлативное значение); 2. *Наш прах лишь землю умягчит другим, чистейшим существам* (компаративное значение); 3. *Я не могу любовь определить, но это — страсть сильнейшая* (элативное значение). См. также: Еськова Н.А. Употребление форм прилагательного с суффиксами *-ейш-/-айш-* в значении сравнительной степени в русском литературном языке XIX—XX вв. // Уч. зап. Башкир. пед. ин-та. Вып. VII. — Уфа, 1956. — С. 32—44.

спину поміцніше (ср. міцніше) та й повела геть від смерті (Г. Тютюнник). Интерференционный характер образований с по- доказывает его неизменяемость в следующем примере: *Вартові матір посварили, але особливо не докучали, і один з них, постарше, вказав: "Ти, стара, не рюмсай!"* (Г. Тютюнник). Неестественно выглядят в украинском и склоняемые компаративы с по-: *Може, то лисиця вигулювала очеретами, може, вовк-сіроманець підшукував собі посухіший острівець* (Г. Тютюнник); *Кожен із нас залишився собою, хоч, висвітлений на побільшому екрані, доокреслився за рахунок невикористаних можливостей* (В. Стус). Показательно, что они не упоминаются и не интерпретируются в имеющихся украинских грамматиках.

В обоих языках существуют доминантные для простых сравнительных степеней суффиксы -ее и -іш-, которые оттягивают на себя ударение и, имея в начале гласный, сохраняют, как правило, "первозданный" вид корневой морфемы. Однако в русском языке распространен и непродуктивный суффикс -е, присоединяющийся к основам, оканчивающимся на г, к, х, д, т, ст, ск. Он обуславливает регулярные чередования согласных, напр.: *строгий — строже, молодой — моложе, тихий — тише, простой — проще* и т. д. Для обоих языков характерна тенденция усечения при компаративной деривации суффиксов -к- и -ок-: *глубокий — глубже, широкий — шире // глубокий — глибокий, широкий — ширший*. Если же суффиксальный элемент основы сохраняется, то в русском языке наблюдаются чередования (*яркий — ярче*), а в украинском остается -к- (*мілкий — мілкіший, гладкий — гладкіший*). Напротив, немногочисленные морфотактические изменения корневой морфемы в украинском происходят при усечении суффикса, если корень оканчивается на с, з, г: *вис+ш(ий) → вишщ(ий) → вишч(ий)*, орфографически *вищий*; *дорог+щ(ий) → дорожщ(ий) → дорожчий*. "При образовании форм сравнительной степени здесь происходит двойной фонетический процесс: с, з, г в результате регрессивной ассимиляции по месту образования уподобляется шипящему (з+ш → жш, с+ш → шш, ч+ш → шш), а после этого происходит прогрессивная диссимиляция фрикативного ш в аффрикату ч"¹.

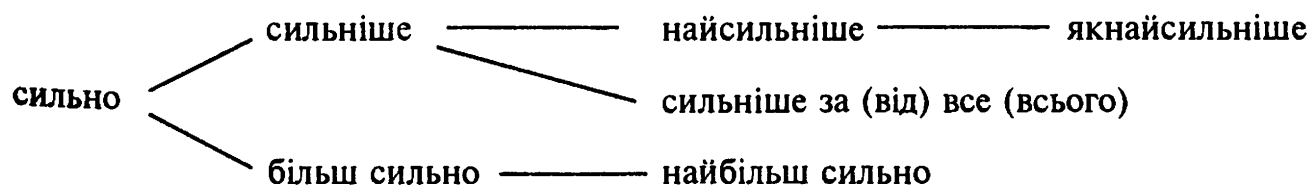
Внутрисистемное стремление избежать морфотактических искажений основных смысловесущих корневых элементов в укра-

¹ *Майборода А.В.* Прикметник // Кононенко В.І., Бріцин М.Я., Майборода А.В. Порівняльна граматики російської та української мов. — К., 1978. — С. 153.

инском языке реализуется с помощью суффикса *-іш-*, а в русском — при помощи аналитической морфемы *більше*, которая явственно расширяет свое функционирование. В частности, компаративы с *більше* из сферы книжной речи все чаще проникают в устную речь интеллигенции. “Аналитические формы такого образования (то есть с *більше*. — А. К.) в украинском языке распространены меньше, чем в русском, т. к. продуктивный суффикс *-іш-* достаточно полно охватывает группу качественных прилагательных”¹. Как следствие, область функционирования в украинском языке форм с *більше/найбільше* более сужена, а их образование обуславливается такими факторами, как длина производящего позитива, его заимствованный характер (*більше цивілізований, більше серйозний*) или необходимостью смысловой дифференциации: *Ходить танк чи то на бензині, чи то на більше важкому пальному — питання технічне* (Ю. Яновський). «Употребление формы *важчий* навело бы на мысль о весе горючего, тогда как на самом деле речь идет о его качестве. Аналитическая же форма *більше важкий* позволяет не вносить внешнего нарушения во фразеологическое сочетание “важке пальне”»².

Приведенные выше морфологические различия характерны и для наречий-деадъективов в обоих языках. Существует, однако, одна весьма важная деталь, демонстрирующая “размытость” и непоследовательность оформления категории степеней сравнения в русском языке по сравнению с украинским. В последнем сохраняется трехчленный градуальный адвербиальный ряд: позитив — суффиксальный компаративный дериват — откомпаративный префиксальный дериват, осложненный аналитическими энклитическими и постклитическими образованиями:

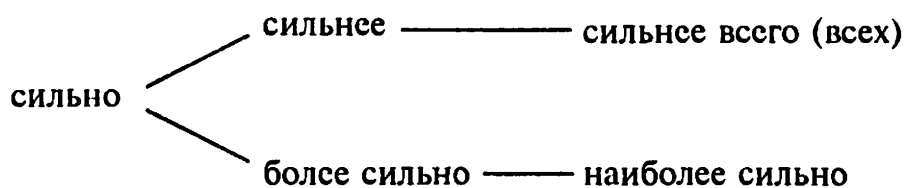
Устанавливаются межпарадигматические соответствия *сильний* — *сильно*, *сильніший* — *сильніше*, *[най]більш сильний* — *[най]більш сильно*, *сильніший за все (всіх)* — *сильніше за все (всіх)*, *найсильніший* — *найсильніше*. В русском же языке сложная превосходная

¹ Майборода Л.В. Прикметник. — С. 155.

² Карпенко Ю.О. Ступені порівняння прикметників в українській мові // Укр. мова в школі (УМШ). — 1960. — № 1. — С. 9.

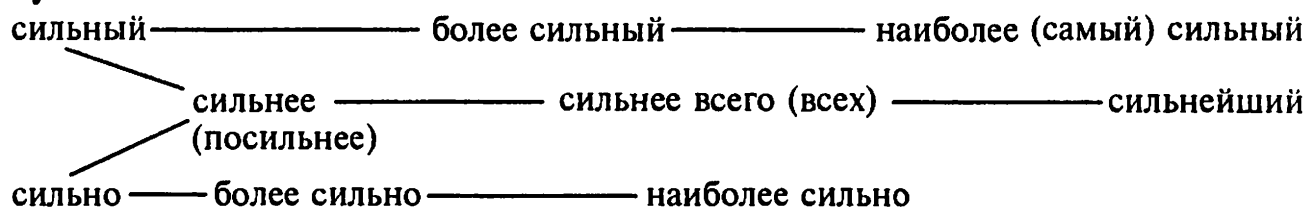
степень не имеет возможности транспонироваться в адвербиальную сферу, так как аналитическая морфема *самый* адъективно оформлена и не может быть адвербиализована (**само*). Следовательно, возникает такой градуальный ряд:

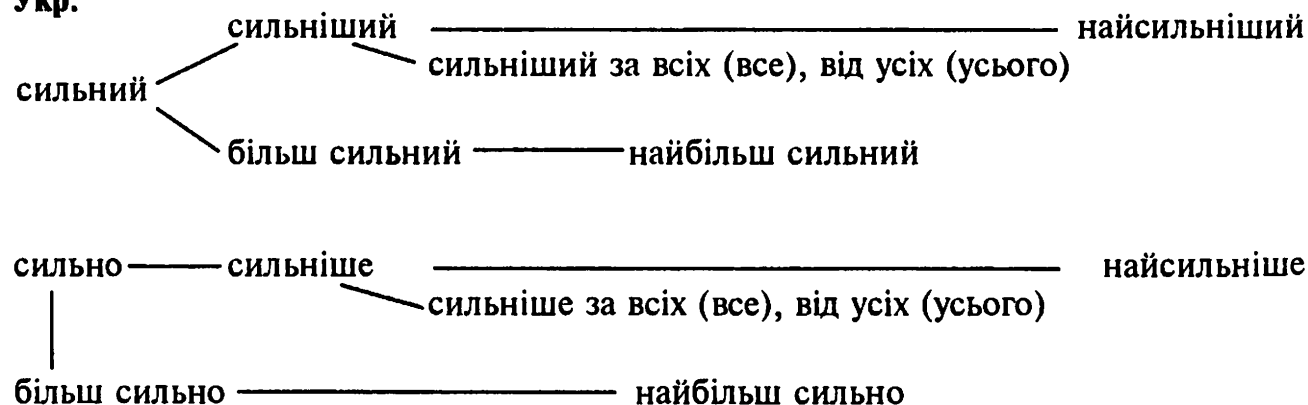
Здесь адъективное образование *самый сильный* не находит себе формального наречного соответствия, как *сильный* — *сильно*, *сильнее* — *сильнее*, *сильнее всего (всех)* — *сильнее всего (всех)* (в этих двух случаях адъективная и адвербиальная сферы перекрещиваются), *более сильный* — *более сильно*, *наиболее сильный* — *наиболее сильно*.

Итак, сводные парадигмы степеней сравнения качественных имен в двух языках выглядят следующим образом:

Рус.

Укр.

Таким образом, украинская сводная парадигма корректна и последовательна, а ее адъективная и адвербиальная субпарадигмы не пересекаются. В русском языке эти сферы пересекаются в формах простого компаратива и составного суперлатива, а в отношениях между субпарадигмами наблюдается частичная коррелятивность¹.

¹ В частности, практически отсутствуют корреляты адъективам на *-ейший* (*-айший*), так как образования *нижайше*, *покорнейше* устарели.

Несколько в стороне от парадигматической матрицы стоят русские склоняемые компаративы *меньший, больший, лучший, младший*. Хотя с диахронической точки зрения они являются реликтами, эти образования весьма активны и в современном русском языке¹. Возможно, это объясняется их автосемантической и генерализованностью значения, что находит выражение в их частой аппозиции, субстантивации и в возможности приобретения словом *лучший* суперлативного значения. Кроме того, *меньший* и *лучший* формально не связаны с соответствующими позитивами, а *младший* не может быть в современном языке семантически соотнесено с *молодой*.

3. СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕПОЗИТИВНЫХ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ

С учетом интенциональности и синсемантической адъективов и адverbов рассмотрение степеней сравнения должно включать не только морфологический, но и синтаксический аспект.

В обоих языках синтаксические связи сравнительной степени определяются тем, что с логической точки зрения она является (как оператор сравнения) двухместным предикатом². Если исходить из схемы языкового сравнения, предложенной Т.А. Тулиной³ и предполагающей в полностью эксплицированном виде четыре члена (показатель сравнения — основание сравнения — две предметные переменные), то следует заметить, что сравнительная степень совмещает в себе показатель и признак-основание сравнения, вследствие чего схема может приобретать трехчленный вид: *Иван сильнее Петра // Иван сильніший за Петра*, либо сохранять четыре члена, если имеется дополнительный показатель сравнения *чем (нежели) // ніж (аніж)*: *Иван сильнее, чем Петр // Иван сильніший, ніж Петро*. “В качестве падежа сравнения именительный слабее, чем родительный (добавим, что в украинском родительный употребляется с предлогом *від* и винительный — с предлогом *за*. — А.К.). Поэтому такое его значение должно быть усилено дополнительным лексическим средством — сравнительным союзом *чем*”⁴.

¹ Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. — К., 1952. — Т. 1. — С. 137.

² Воротников Ю.Л. Указ. соч. — С. 14.

³ Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке // Науч. докл. высш. школы. Филологические науки (НДВШ ФН). — 1973. — № 1. — С. 21—23.

⁴ Тулина Т.А. Указ. соч. — С. 52.

Вряд ли можно признать нормативным изредка встречающееся в украинском языке прикомпаративное употребление сравнительного союза *як*: *Опанас поганший, як ми його знаєм; Василій Іванович вернувся з Італії ще товщий, як був, і розумніший, і добріший* (из писем Т. Шевченко).

Заполнение правых, объектных позиций при адъективном компаративе в русском и украинском языках формально-синтаксически различается. В русском языке — это родительный беспредложный имени или его субститута, а в украинском — родительный с предлогом *від* или винительный с предлогом *за*, где предлоги десемантизировались и “оттянулись” к компаративу, функционально став его послелогоми¹. Как показал П.О. Бузук, эти формы являются рефlekсами индоевропейского и праславянского аблатива, но в русском сохранилась формальная идентичность генетива и аблатива, а в украинском предлоги восстанавливают первичный пространственный элемент семантики аблатива².

Заимствованный из русского характер беспредложного управления в украинском языке доказывает тот факт, что оно наблюдается, как правило, при заимствованных же неизменяемых присубстантивных компаративах: *І ясна ніч мене не втіше, І ти її стократ миліше* (О. Олесь). Такие формы могут употребляться в составе устойчивых сравнений, выражающих нерасчлененное значение: *...скільки не скреби, то воно біліше лебедя не буде* (Григір Тютюнник); *Чорніше чорної землі блукають люди* (Т. Шевченко). Как правило, в их составе имеется “ложный” объект сравнения — носитель данного признака в высокой степени: *Меду солодші для мене слова ті...* (М. Зеров); *Тітки — біліші наміток* (Л. Костенко). Большей смысловой цельности таких конструкций по сравнению с обычными сравнительными оборотами соответствует и более цельная, более синтетическая оформленность.

Несколько особняком в формально-синтаксическом плане стоит русский префиксальный компаратив. Для него характерно значительное преобладание атрибутивных, обычно постпозитивных употреблений: *Но вслед за похмельем кому-то требуется забвение поглубже* (Известия); *Одни, поблагоразумней или потрусова-*

¹ Вихованець І.Р. Нариси функціонального синтаксису сучасної української мови. — К., 1992. — С. 104.

² Бузук П.О. Уваги з приводу casus comparationis // 36. іст.-філол. відділу УАН. — Кн. 76. — Ч. 1.

тей, умягчили свой режим (А. Солженицын). Особенно часто компаратив с префиксом *по-* выступает предикатом придаточной изъяснительной части, где подлежащее — местоимение *кто*: *Будь ты штатский иль военный, Дай тому, кто побойчей* (А. Твардовский); *Те, кто порастороннее, как правило, заранее находят себе работу* (Известия); в том числе и без соотносительного указательного местоимения: *Люди прислушивались к тем согласным звонам и, кто постарше да попамятливее, догадывались...* (С. Михеенков). При таком автономном употреблении оборот *кто* + префиксальный компаратив выступает в качестве самостоятельного подлежащего: *Кто пооткровеннее, заявляют, что нет больше сил воевать с бюрократами* (Известия).

Беспрефиксальный компаратив в русском (в отличие от украинского) очень редко определяет местоимение *кто*: *Здесь был общий мировой закон: побеждает тот, кто жесточе* (А. Солженицын).

При префиксальной форме более регулярно употребляется усилительная частица *и*: *Перебежчиков и так у него было много, и были среди них и поценнее ничем не замечательного дворянского сына Гринева* (М. Цветаева); *Есть аппарат и пострашнее самогонного* (Известия).

Можно указать главные различия в синтаксическом функционировании синтетических и аналитических компаративов в русском и украинском языках¹:

1) для русских аналитических компаративов характерна препозиция, а для синтетических — постпозиция, тогда как украинские в норме препозитивны;

2) русские синтетические компаративы закрепились в функции сказуемого, тогда как аналогичные украинские дериваты чаще бывают определениями;

3) синтетические формы, в отличие от аналитических, в обоих языках открывают объектную валентность не только для сравнительного оборота с *чем // ніж*, но и для падежных именных форм;

4) преобладают употребления синтетических форм с эксплицитно выраженным объектом сравнения, а аналитических — с элиминированным;

5) аналитические формы, в отличие от синтетических, почти не употребляются с кванторами точной меры различия степеней признака;

¹ Еще раз оговорим разницу стилистико-статистических параметров аналитических компаративов в русском и украинском языках.

б) аналитические формы почти не образуют грамматикализованных конструкций с суперлативным значением в сочетании со *всего (всех) // за (від) все (усього)*;

7) в русском языке синтетические дериваты практически не способны субстантивироваться и, следовательно, выступать в качестве подлежащего или дополнения. В украинском же, вследствие адъективного оформления синтетического компаратива, эта особенность не наблюдается: *Обережніші хуленько відступили від незрозумілого предмета* (М. Дашкиев).

Другими, более редкими случаями грамматической экспликации объекта сравнения в микроконтексте объемом до предложения¹ в обоих языках выступают:

1) сочинительные противительные конструкции типа *Петр ленив, а Иван еще ленивее*² // *Вовк лютий, а ця звірюка ще лютіша*;

2) придаточные определительные или изъяснительные, представляющие собой ответы на косвенные вопросы: *Я не знал, что крепче и ценней: тишь предгорья или взмывы вала...* (Н. Асеев) // *В обіймах з радістю журба, Одна летить, друга спиня... І йде між ними боротьба, І дужчий хто — не знаю я* (О. Олесь);

3) предлоги и условные придаточные части, которые демонстрируют, эксплицируют не только объект, но и самоё “идею”, операцию сравнения: *Первое противопоставление оказывается семантически важнее и универсальнее сравнительно со вторым противопоставлением* (Р. Будагов); — *Если сравнивать мою работу там с нынешней, — говорит Ракель, — то система семейного врача, несомненно, более прогрессивная* (Известия) // *Порівняно з Катериною наймичка Ганна — натура безмірно глибша* (І. Франко); *Речення, що входять до складу тексту, мають... децю слабкіший зв'язок (порівняно з реченнями, які утворюють складні речення)* (І. Вихованець);

4) аргументы сравнения, представляющие собой множество однородных предметов, обычно закрытое (два и более), могут вводиться предлогами *из, среди // з-поміж, серед* и др.: *Из двух врагов, стоящих друг против друга, — Церкви и Революции, — Церковь идеальнее и возвышеннее* (В. Розанов) // *З-поміж братів Артемко був тямковитішим і моторнішим* (І. Цюпа).

В обоих языках являются регулярными следующие способы включения сравнительной степени в суперлативный контекст³:

¹ Колшанский Г.В. О природе контекста // Вопр. языкознания. — 1959. — № 4. — С. 48—49.

² Карцевский С.О. Сравнение // Вопр. языкознания. — 1976. — № 1. — С. 110.

³ Данные образования могут служить еще одной иллюстрацией классического положения об асимметрии языкового знака.

1) вполне грамматикализованными признают исследователи (напр., Н.А. Еськова)¹ сочетания компаратив + *всего (всех)* // компаратив + *за все (всех)* (последнее в меньшей степени, так как множественное число местоимения содержит указание на множество объектов сравнения): *Предпочтительней всего — петиционное движение, но с революционными лозунгами* (А. Солженицын); *Были телексы от нескольких западноевропейских клубов, но настойчивее всех оказалась "Севилья"* (Известия) // *Практичнішим від усіх виявився молодик, що торгував дефіцитом прямо з службового ходу* (Веч. Київ); *Але сильніш за все хотілося Миколі не вилазити звідси годин із двадцять* (С. Дудар);

2) суперлативное значение имеет и конструкция *нет (не было)* + компаратив + род. п. // *немає (не було)* + компаратив + род. п.: *Но в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас* (А. Ахматова); *Страшен чиновник — лицо, как тюфяк — Нету его ни страшней, ни нелепей* (О. Мандельштам); *Но в целом мире не было людей Забитее при всей наружной спеси* (Б. Пастернак) // *Немає мудріших, ніж народ, учителів* (М. Рильський).

Реже подобное значение выражают другие конструкции с отрицанием: *Дремлющий человеческий разум все еще склоняется к мысли о том, что, кроме нас, в мироздании никого нету, а уж умнее и быть не может* (В. Астафьев); *Виртуозней и ловчее истамбульского шофера в целом свете, как ни бейся, не найти* (Б. Окуджава) // *Людина живе, щоб жити. Дуже неокреслено, але окресленіше не сказав ще ніхто* (В. Стус);

3) специфическую семантику возможно высшей меры признака выражают сочетания *как можно (нельзя)* + компаратив // *якомога* + компаратив: *Сталин и Молотов были заинтересованы в том, чтобы состав Оргбюро был как можно более узок* (Огонёк) // *Нам потрібно бути якомога обережнішими*;

4) конструкция *трудно // важно* + инфинитив + вин. п. существительного + компаратив, где инфинитив — глагол мыслительной деятельности: *Более чудовищную нелепость трудно себе представить* (Огонёк) // *З турнірної точки зору цікавішу кінцівку чемпіонату важко придумати* (Веч. Київ);

5) компаратив приобретает суперлативное значение в составе риторического вопроса, подразумевающего отрицательный ответ, который означает, что мера данного признака — наивысшая: *О,*

¹ Еськова Н.А. Об одном случае разграничения описательных конструкций и аналитических форм (сочетания типа *сильнее всех* и *сильнее всего*) // НДВШ ФН. — 1971. — № 3. — С. 55—63.

есть ли что на свете мне знакомей, Чем шпилей блеск и отблеск этих вод! (А. Ахматова); *Отчего отстают поэзия? От чего отстают она? Да и что ее бесполезнее в переломные времена?* (В. Корнилов) // *Бо що є прекраснішого, як тая мати молода з своїм дитяточком малим?* (Я. Гоян); *Рідна мова в рідній школі! Що бринить нам чарівніш? Що нам ближче, і миліш, і дорожче в час недолі?!* (О. Олесь).

Среди соотносительных структур с компаративом, в которых сравниваются два предиката¹, особняком стоят сложные предложения с союзами *чем.., тем (что.., то) // чим.., тим (що.., то)*. Они специфически ориентированы на грамматическую категорию степеней сравнения², характер синтаксической связи между их частями не имеет аналогов в русском языке³, и, добавим, в украинском. А.М. Мухин на том основании, что отношения между частями не сводятся к причинно-следственным, так как имеет место обратимость частей (*Чем более красива книга, тем более она дорога = Чем более дорога книга, тем более она красива*), назвал подобные образования “сложное социативное целое” (ССЦ)⁴: *Чем ближе час, тем сон тяжеле* (А.К. Толстой) // *Складаючи легенди, фріци діяли за принципом: чим невірогідніша брехня, тим більше схожа на правду* (О. Коломієць).

Большая семантическая самодостаточность и автономность суперлатива обуславливает значительное преобладание употреблений превосходных степеней без эксплицитно выраженного множества объектов сравнительного выделения (имплицитно подразумевается целый класс однородных объектов) и сравнительную бедность грамматических средств такой экспликации. Наиболее типичными средствами обозначения множества сравнительного выделения являются субстантивные генетивные плюральные синтаксемы с предлогами *из, среди // з, серед, з-поміж*: *Воистину Шевченко самый нежный и ласковый из всех в мире поэтов* (К. Чуковский); *Из всех звуков для меня самый главный и самый жизненный — мышинный писк* (В. Песков); *Все-таки славно придумано: найти среди тысяч самую остроумную, находчивую...* (Известия) // *Степан Руданський належить, без сумніву, до найбільше талановитих поетів серед тих, що появились по смерті Шевченка*

¹ Карцевский С.О. Сравнение // Вопр. языкознания. — 1976. — № 1. — С. 109.

² Ванслова Л.М. Сложные предложения с союзом *чем—тем* // Вопр. языкознания. — 1957. — № 2. — С. 96—101.

³ Головенко Е.И. Указ. соч.

⁴ Мухин А.М. Структура предложений и их модели. — Л., 1968. — С. 38.

(І. Франко); *Тебе ношу я в грудях темних І в невсипущому мозку — Мою найкращу з дум наземних* (М. Рильський); *З-поміж усіх будівель на цій вулиці будиночок з химерами був найоригінальнішим* (Веч. Київ).

Как отмечалось, любой эксплицитный рестриктор в правой позиции придает превосходной степени суперлативный характер¹, тем или иным образом ограничивая множество сравнения. В подобной роли регулярно выступают в обоих языках:

1) притяжательные генетивные синтаксемы: *Академик П.Л. Капица считал захоронение радиоактивных шлаков самой трудной задачей ядерной энергетики* (Известия) // *Допінг — чи не найстрашніша біда сучасного спорту* (Веч. Київ);

2) локативные синтаксемы: *Самым выдающимся лицом в очереди был высокого роста человек в зимней бекеше* (А. Макаренко) // *Се був найзначніший в Україні притулок освіти та науки* (І. Огієнко);

3) сочетание предлога для с дат. п. существительного (одушевленного или отглагольного): *Самый волнительный нынче для болельщиков вопрос: расскажите о переменах в вашей команде* (Известия); *Монреаль, Мельбурн и Сизтл — самые удобные для жизни крупные города* (Известия) // *Найгірше для Олени наставало зимою* (Г. Тютюнник); *... ця речовина вважається найпридатнішою для виготовлення високоякісних парфумів* (Україна);

4) адъективная экспликация: *Ответственность за все сделанное и несделанное — не моральная, а самая предметная* (Известия) // *Найогидніші очі порожні, ... Найнікчемніші дурні вельможні, Найпідліша брехлива сльоза* (В. Симоненко).

4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕПОЗИТИВНЫХ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В случаях, когда субъект и объект сравнительного превышения или субъект и манифестант множества сравнительного выделения разведены в контексте, в силу вступают логико-семантические факторы. Для придания компаративному или суперлативному предикату валентной завершенности на семантическом уровне должны производиться логико-семантические процедуры. Они

¹ Воротников Ю.Л. Употребление форм сравнительной степени с приставкой по-. — С. 12.

могут выявить соотнесенность материального и “дематериализованного” аргументов предиката. Это может быть установление лексических парадигматических отношений, например, в предложении *И вытаскивает Дидель из котомки заповедной Самый легкий, самый звонкий Свой березовый манок* (Э. Багрицкий) — по предыдущему тексту *березовый*, а не *бузинный* и не *сосновый* — носительные прилагательные, образованные от названий деревьев. При анализе отрывка *Думаю про світогляд: як на мене, це поняття дуже метафізичне. Більш дійове почуття — співвідношення мусу і бажання, волі і логіки, волі і мусу* (В. Стус) прикомпаративный объект (*світогляд*) восстанавливается при семантическом соотнесении *світогляд — поняття — почуття — мус, бажання, воля*.

Достаточно часто объект или множество сравнения вообще отсутствует в контексте и восстанавливается по пресуппозиции, напр.: ... *надо сказать, польская социологическая школа остается одной из наиболее авторитетных* (Известия) — по пресуппозиции, *польская*, а не, скажем, *чешская, болгарская* или *гаитянская* // *Лебединий пух справедливо вважається найніжнішим* (Україна) — по пресуппозиции, среди *пухов* всех других птиц.

При отсутствии экспликации правой части действует механизм приоритетных стратегий, “выделяющих, усиливающих коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющих, редуцирующих менее значимые”¹. В данном случае происходит редукция, эллипсис правых, становящихся семантически и прагматически избыточными, частей. По Ю.С. Степанову, вместо повторений одних и тех же имен или предикатов по несколько раз их различие “выражается наложением на одно и то же имя или один и тот же предикат различных координат”², а именно, координат прагматического локационного треугольника “я” — “здесь” — “сейчас”. По отношению к рассматриваемым нами предикатам-компаративам русского и украинского языков это означает элиминацию в объектной позиции того же имени или глагола, попавшего в иные по отношению к участникам речевой коммуникации временные и/или пространственные координаты.

При полном опущении объектной части и отсутствии каких-либо материальных дистантных восполнителей семантики компарати-

¹ Бергельсон М.В., Кибрик А.Е. К вопросу об общей теории языковой редукции // Разработка формальной модели естественного языка. — Новосибирск, 1981. — С. 344.

² Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка // Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985. — С. 307—308.

вного предиката обычно доминирует временная координата. Это связано с самой природой компаратива, передающего изменение степени признака, которое (как всякое изменение) может происходить только во временной динамике. Регулярной и нормативной является утрата объекта сравнения, когда компаратив является именной частью составного сказуемого, где глагольная часть — связка *быть // бути*, полусвязочные глаголы *становиться/стать // става-ти/стати; делаться/сделаться // робитися/зробитися*: ...но все длинней косые тени кленов... (О. Мандельштам); Суицид. Это страшное слово становится, как ни печально, все более привычным для нас (Комс. правда); ... нас лишь руины делают гуманней (Е. Евтушенко); ... он был почти неузнаваем: выглядел меньше ростом, суше, отчужденнее (В. Максимов) // І з кожним кроком до своєї смерті була усім видніша звідусіль (Л. Костенко); Стане ближчою наша мета, як не будуть у небо димом підніматись жіночі літа (В. Симоненко); Зробилося затишніше, — увійшли в хутір (Г. Тютюнник); ...він майже не посміхається при бійцях і зовсім не усміхається при жінках: він хотів здаватися більш серйозним (Г. Тютюнник).

Таким образом, по отношению к “я” говорящего (и реципиента) временная локализация имплицитного, полностью элиминированного объекта сравнения направлена в прошлое. Это связано с информационной насыщенностью и стабильностью прошлого в сознании речевого индивида и, как следствие, с возможностью его подразумевания. Об этом образно писал В.А. Жуковский: “...Существует только то, чего уже нет. Будущее может не быть; настоящее может и должно перемениться; одно прошедшее не подвержено изменемости: воспоминание бережет его...”¹. Именно в этом не подверженном изменемости прошедшем сознание располагает объект его сравнения — тот же субъект, но в стабильном, устойчивом мире прошлого.

Если же определяющей становится эгоцентрическая, субъективная координата, то субъект сравнения соотносится с нормой признака, выраженного основой компаратива. Этому термину отказывали в праве на существование² или ограничивали зону его применения безотносительными степенями качества³. Однако

¹ Цит. по: Лихачев Д.С. Как мы остались живы // Нева. — 1991. — № 1. — С. 5.

² Никулин А.С. Семантика степеней сравнения прилагательных в современном русском языке. — М., 1938.

³ Воротников Ю.Л. Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке.

его применил по отношению к степеням сравнения прилагательных М.А. Шелякин¹. Он справедливо утверждает, что компаратив передает сверхнормативное значение в составе образных сравнений (*темнее ночи // гостріш штика*). Объект сравнения здесь носит “ложный” характер, выступает не в качестве референциального термина, а как носитель высокой нормы признака.

Некоторые морфолого-синтаксические условия в русском языке и синтаксические в украинском способствуют полной деконкретизации и генерализации объекта сравнения и его опущению в поверхностном представлении.

В русском языке на соотнесение субъекта с нормой признака ориентированы префиксальные и (в меньшей степени) аналитические компаративы. Многие исследователи отмечали неоднозначность сравнительной степени с префиксом *по-* в русском языке². Большинство префиксальных компаративов выражает релятивно-вещественные значения, среди которых принято выделять: 1) дублирующее беспрефиксальный или аналитический компаратив (количественно оно доминирует); 2) деминутивное (смягченное): *Некоторые из них были постарше меня, некоторые — помладше* (В. Солоухин), то есть “немного старше” и “немного младше”; 3) интенсивное или усилительное: *Вы же бегали, помнится, в морозы и покрепче* (Комс. правда); 4) выделительное (сходное с суперлативным): *Петя выбрал для учительницы букет покрасивее* — “Петя выбрал для учительницы самый красивый букет из всех букетов (предложенных ему на выбор)”. Однако представляется, что уже в 4-м пункте нет чистой относительности значения. Она опосредуется призмой субъективности, которая вкладывает в семантику соотнесение с субъективной нормой признака (...*выбрал букет покрасивее...* — “выбрал букет красивее нормального для выбирающего”). Это менее заметно в случаях, когда субъект сравнения (в предложении обычно прямое дополнение) имеет референтом определенное дискретное множество, как в приведенном вы-

¹ Шелякин М.А. Прилагательное // Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный русский язык: Теоретический курс. — М., 1989. — С. 74.

² Юхас Й. Формы сравнительной степени с приставкой *по-* // *Studia slavica*. — 1958. — Т. 4. — С. 60—78; Воротников Ю.Л. Употребление форм сравнительной степени с приставкой *по-* // РЯШ. — 1987. — № 3. — С. 86—89; Кирейцева А.Н. Релятивные и абсолютные значения префиксального компаратива (на материале современного русского языка) // Вест. ЛГУ. Серия 2. — Вып. 4. — 1989. — С. 79—81.

ше примере или в предложении ... *молодой бригадир перед осколком зеркала выбирает рубашку понаряднее* (В. Ермолова). Но субъективно-нормативный элемент значения актуализируется в большей степени при меньшей дискретности субъекта/объекта сравнения: *Наш фотограф выбирал пейзаж посимпатичнее* (Известия) (пейзажи мало дискретны и трудно исчисляемы) и при генерализации множества, выраженного субъектом/объектом: *Эмигранты побогаче вскоре пересекли Средиземное море в направлении Европы* (Известия) — то есть побогаче из всех эмигрантов, богаче какой-то усредненной “эмигрантской нормы”.

Нормативно-превышающее значение тяготеет к таким лексико-синтаксическим условиям (хотя далеко не обязательно реализуется в них): 1) определение при обобщенном множественном подлежащем: *В то же время комментаторы посерьезнее нет-нет да и посетуют...* (Известия); 2) определение при прямом дополнении при глаголах (или иных предикатах) целенаправленного, избирательного действия: *Дай только выбрать место на небе посвободнее, без проводов, без домов* (Огонёк); 3) приимперативное употребление: *Завари-ка ты чаю покрепче* (Д. Кедрин); *Алла Викторовна, будьте с ней поласковее* (Ю. Поляков).

Достаточно часто от нормативной точки отсчета отталкивается в русском языке и семантика аналитических образований: *Более закаленные люди меньше болеют.*

В украинском языке нормативно-превышающее значение передается компаративами, не имеющими формальных модификаций. Такая семантика регламентируется только лексико-синтаксическими факторами, аналогичными приведенным выше: *Цей почуввається в силі, — міцніше вино вибирає, Той попиває легеньке* (М. Зеров); *Та чутливіші з літературних критиків, розглядаючи його поетичну спадщину, раптом згадували слова Еміля Золя про Стендаля* (С. Білокінь); *І досі той звичай є, що дрібніші пани, як хочеться вечір видати, вдаються до семінаристів-музикантів* (А. Свидницький); *Її визнали непрацездатною тільки частково, тобто рекомендували легші роботи* (Ю. Мушкетик).

Нормативно-относительная семантика имеет материальную “привязку” и среди дериватов превосходной степени в русском языке. Это так называемая элативная форма на *-ейший/-айший*, семантика которой включает также элемент эмоционально-экспрессивного выражения степени признака. Субъективная норма признака играет важную роль в семантике таких дериватов, особенно при их нахождении в высказываниях типа *Умнейший человек! Красивейшая женщина!* В украинском языке к выражению

элативного значения тяготеют дериваты превосходной степени, осложненные префиксами *що-* или *як-*.

Проблема разграничения суперлативно-нормативного и элативно-оценочного значения в обоих языках может быть решена лишь с известной долей вероятности, так как элативные формы могут выражать и суперлативное значение: *Курлович — сильнейший человек в мире // ...пройдімо лабіринтом від свого речення, де щонайбільша з нагород і найчесніша — мста...* (В. Стус). В то же время элативное значение могут выражать и обычные формы превосходной степени. Показателем суперлативности значения является возможность трансформации типа *Он самый умный человек — Он самый умный из людей // Він найрозумніша людина — Він найрозумніший з людей*. Кроме того, можно выделить следующие лексические и синтаксические условия, способствующие формированию элативного значения:

1) образование превосходной степени от качественных слов со значением разнородной множественности: *... тенденции в политике самые противоречивые* (Известия); *В этом удивительном для него человеке сочетались самые, казалось бы, взаимоисключающие качества* (В. Максимов) // *Особистий настрої членів комісії був найрізноманітнішим* (Григорій Тютюнник);

2) при сочетании наречий с перфектами, инфинитивами и императивами: *идите быстрее! Это нужно сделать самым тщательным образом // Треба було кінчати якнайшвидше* (Григорій Тютюнник); *Коли всі пішли з барака, він якнайтепліше закутався в свою заробітчанську одяжину* (М. Стельмах);

3) при наличии в семантике производящих качественных слов сем сильной отрицательной или реже положительной оценки: *Самая свирепая цензура, самые плотные идеологические заслоны бессильны приостановить циркуляцию идей* (Известия); *Но самые великоленные цифры должны ложиться в цельную концепцию* (Известия) // *...посилали гінців із записками Оксена, в яких найсуворішим словом вимагалось, щоб коваль негайно повертався в село і роздмухував горен* (Григорій Тютюнник); *В давніх літописах наших єсть одне оповідання, що зворушує у серці Найсвятіші почування* (М. Вороний). Оценочный признак может интенсифицироваться модальными частицами: *Ничто не сходит с рук. Ни самый малый крюк С дарованной дороги* (Е. Евтушенко) // *Ну, поговоримо ж любенько: треба повинчатися і найхутше* (М. Старицький).

В сопоставляемых языках можно выделить такие семантические инварианты непозитивных степеней сравнения:

1. Общим значением **сравнительной степени** следует признать “выражение признака данного предмета (или признака. — А. К.) по сравнению с признаком другого предмета (или признака. — А. К.)”¹. Однако следует учитывать, что роль “другого предмета или признака”, то есть объекта сравнения, может играть одноименный (чаще всего неэксплицированный) субъект или предикат, отличающийся от субъекта сравнения некоторыми дифференцирующими признаками. В связи с этим необходимо различать гетерорелятивное и гоморелятивное значение компаратива, представляющее первую ступень деления общего значения на более частные, контекстуальные. Особо выделяется соотнесительное значение.

1) В свою очередь, гетерорелятивное значение может быть:

а) **общепревышающим** — *Петр умнее Ивана // Петро розумніший за Івана; Двигаться полезнее, чем лежать // Рухатися корисніше, ніж лежати;*

б) **ослабленного превышения** — *Петр поумнее Ивана*. В украинском это значение передается описательно — *Петро дещо розумніший за Івана*.

2) **Гоморелятивное значение** зависит от характера дифференциации одноименных субъекта и объекта сравнения и подразделяется на:

а) **релятивно-атрибутивное**, одноименные аргументы которого различаются атрибутивными признаками — *Белый цветок красивее, чем красный // Біла квітка красивіша, ніж червона;*

б) **релятивно-циркумстантивное** — одноименные аргументы находятся в разных обстоятельствах:

• **релятивно-динамических** (в разных временных планах) — *Раньше люди были выносливее; Все тише становится эхо // Раніше люди були витривалішими; Усе тихшою стає луна;*

• **релятивно-локативных** (в разных местах) — *В лесу ветер слабее, чем в поле; В жидкости тело вращается медленнее, чем в газах // У лісі вітер слабкіший, ніж у полі; У рідині тіло обертається повільніше, ніж у газах;*

в) **релятивно-альтернативное** (при нахождении одноименных аргументов в разных альтернативных мирах) — *Встреча могла бы быть теплее; Стена должна быть выше; Спортсмен мог бы бежать*

¹ Шелякин М.А. О Семантической структуре степеней сравнения прилагательных, частных значениях и морфологических формах. — С. 74.

быстрее // Зустріч могла б бути теплішою; Стіна має бути вищою; Спортсмен міг би бігти швидше;

г) **релятивно-нормативное** — в объектной части могут находиться обороты, эксплицирующие нормальную, обычную степень признака: *...чем обычно, ...чем всегда, ...чем нормально // ...ніж звичайно, ...ніж завжди, ...ніж нормально.* В русском языке значение превышения субъективной нормы передает префиксальный (реже аналитический) компаратив в указанных ранее позициях: *Фотограф выбирал пейзаж посимпатичнее; Горожане посостоятельнее могут позволить себе купить это; Более старые деревья будут вырубаться раньше.* В украинском формирование подобного значения обуславливается не формально, а лексико-синтаксически: *Фотограф вибирав симпатичніший пейзаж; Заможніші городяни можуть дозволити собі купити це; Старіші дерева буде вирубано.*

Значение превышения объективированной нормы признака в обоих языках передает синтетический компаратив в составе образного сравнения при выражении объекта сравнения лексемой, обозначающей носителя данного признака в высокой степени: *смелее льва, крепче камня, темнее ночи // сміливіший за лева, міцніший за камінь, темніший за ніч.*

3) **Релятивно-соотносительное значение** — два компаратива выражают взаимосвязанные динамические неравенства разных признаков у разных субъектов / предикатов в составе сложного социативного целого с союзами *чем... тем, что... то // чим... тим, що... то.*

2. **Общее значение суперлатива** — выделение предмета по наличию предельной степени признака по сравнению со всем рядом (классом). Частные значения сравнительной степени таковы:

1) **Суперлативно-относительное** — при сравнении в замкнутом множестве, где выделяется один или несколько носителей предельного признака. В свою очередь, оно может быть подразделено на еще более частные значения:

а) **собственно суперлативное** — *Он самый сильный в классе // Він найсильніший у класі;*

б) **включительно суперлативное** — *Он один из самых сильных в классе // Він один з найсильніших у класі;*

в) **ограничительно суперлативное** — *Он самый сильный после тебя // Він найсильніший після тебе.*

2) **Суперлативно-нормативное** — при сравнении с незамкнутым, открытым классом однородных объектов: *Коралловое море —*

самое большое из морей; Он водит машину лучше всех // Коралове море — найбільше з морів; Він водить машину краще за всіх.

3) Элативно-оценочное — значение предельное по отношению к норме степени признака, осложненное, как правило, эмоционально-оценочной коннотацией: *Это умнейший человек!* В украинском подобное значение может передаваться превосходными степенями, осложненными префиксами *що-* или *як-*, или сочетаниями с наречиями: *Надзвичайно розумна людина!*

Таким образом, в исследуемых языках функционирует трехчленная деривационно-синтаксическая лексико-грамматическая категория степеней сравнения, обслуживающая адъективную и адвербиальную функционально-семантическую сферу. Возможности уточнения степени признака, выраженного позитивом, практически совпадают в обоих языках.

С формальной точки зрения, категория степеней сравнения в украинском языке более синтетически унифицирована и целостна. Синтетические дериваты в нем явственно доминируют над аналитическими в отличие от их функционального равноправия (немного ограниченного стилистически) в русском языке. Это объясняется адъективным характером словоизменения украинского компаратива (в отличие от русского) и практически полным охватом группы качественных прилагательных и наречий продуктивным компаративным суффиксом *-іш-* и суперлативным префиксом *най-*. Кроме того, украинские степени сравнения ввиду наличия флексий у компаратива более последовательно распределены по частеречным сферам, а с деривационной точки зрения последовательны и соотносительны внутри- и межпарадигматически. В русском языке две сферы пересекаются в простых компаративах и составных суперлативах, а простые и сложные адъективные превосходные степени не имеют наречных соответствий. В украинском языке являются чужеродными и немногочисленными префиксальные компаративы и отсутствуют специальные средства выражения элативного значения, как русские дериваты с *-ейш-/-айш-*.

Предикатная, валентная сущность непозитивных степеней сравнения в обоих языках обуславливает тот факт, что при различии их нормально-синтаксических характеристик в семантико-синтаксическом плане она сходна.

Отсутствие префиксальных компаративов и специальных элативных дериватов обуславливает отсутствие материальной “привязки” украинских степеней сравнения к субъективной норме признака. Нормативно-соотносительные значения здесь подчи-

нены, производны (ср. *люди поумнее // розумніші люди*). Вследствие этого категория степеней сравнения в украинском языке является семантически моноцентральной, релятивно-объектной. В русском же языке эта категория семантически двуцентровая. Наряду с семантическими оппозициями **безотносительность** (позитив) — **сравнительная относительность** (компаратив) — **выделительная относительность** (суперлатив); **отсутствие превышения** (позитив) — **предельность превышения** (компаратив) — **непредельность превышения** (суперлатив), которые характерны и для украинских степеней сравнения, в рамках русской категории существуют неопозитивные различия **нормативность** (позитив) — **субъективное предельное превышение нормы** (тяготеют префиксальный и аналитический компаратив) — **непредельное эмоционально-оценочное превышение нормы** (тяготеет синтетическая превосходная степень). Соответственно, в русской категории степеней сравнения выделяются две линии семантических различий — основная, опозитивная релятивно-объектная, и побочная, неопозитивная релятивно-нормативная.

VI. КАТЕГОРИЯ ВИДА

Аспектология, как учение о глагольном виде и смежных явлениях, в зависимости от языка исследования и господствующей научной парадигмы акцентировала свое внимание на различных сторонах характеристики протекания глагольного действия. Древние греки говорили о предельности/непредельности глагола, в средние века вид включался в систему глагольных времен, в XIX в. вид трактовался как специфическое свойство славянского глагола. Аспектуальные исследования XX в. прямо или косвенно детерминированы идеей С. Апреля о противопоставлении собственно вида в узком смысле (*Aspekt*) и способа действия (*Aktion*).

С одной стороны, предпринимаются попытки “устроения” вида грамматической категории славянского глагола — традиционная грамматика, с другой — вид все чаще трактуется как универсальная психологическая, понятийная категория. Несомненно, аспектуальные признаки в том или ином варианте присущи всем языкам, и современные исследования ведутся на материале латинского, древнегреческого, романских и германских языков, а также тюркских, финноугорских, кавказских и др.

Широкое понимание вида как аспекта с включением классов предельных/непредельных, динамических/статических глаголов, группировок способов действия, а также аспектуально релевантных средств контекста, является теоретической основой для структурирования поля аспектуальности в русле функциональной грамматики (А. Бондарко). Преодоление анализма при рассмотрении аспекта в рамках теории функционально-семантических полей осуществляется за счет установления оппозиции (и только так возможно) категории вида как грамматического ядра и иерархически упорядоченной периферии. Категория вида является одной из наиболее сложных грамматических категорий. До сих пор не имеют однозначного решения ни в русистике, ни в украинистике проблемы семантического содержания видов, чистовидовых префиксов, состава дефектных парадигм, словоизменительного или словообразовательного характера категории, способов действия и др. Содержание и манифестация категории вида в русском и украинском языках характеризуются высокой степенью общности, что понятным образом не исключает частных расхождений, которые касаются в первую очередь способов перфективации и имперфективации, а также сопровождающих их фонетических процессов.

1. СЕМАНТИКА ВИДА И СТРУКТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВИДОВОЙ ОППОЗИЦИИ

Категория вида — это система противопоставленных форм глагола по линии предельности/непредельности¹, комплексности (целостности)/некомплексности (нецелостности)², реализованного целостного комплекса/разворачивания признака³, протекания или распределения действия во времени⁴.

Существующие различия в понимании семантического содержания вида не имеют принципиального характера, так как все определения так или иначе указывают на внутреннюю темпоральную структуру. Представляется, что украинские термины **доконаний** и **недоконаний вид** более прозрачны в аспекте семантическом, чем русские **совершенный** и **несовершенный**.

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — С. 583.

² Русская грамматика. — Praha, 1979. — С. 215.

³ Сучасна українська мова: Морфологія. — К., 1969. — С. 337.

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 83.

Содержание видового противопоставления хорошо ощущается говорящими, о чем свидетельствуют сентенции такого рода: *Робити — мало, треба зробити*; [ученик]: *Я вчив* — [учитель]: *Учити* — дієслово недоконаного виду. Аналогично и на материале русского языка.

В современной лингвистике общепризнанным является положение о том, что в оппозиции форм совершенного/несовершенного вида сильным, маркированным членом выступает глагол совершенного вида.

Форма совершенного вида выражает также действие, которое реализует свою внутреннюю цель (*писал, писал и написал // писав, писав и написав*), выражает исчерпанность действия (*слабел, слабел и ослабел // слабнув, слабнув и заслаб*), представляет момент на фазисной линии глагольного действия: начало, конец, отрезок или точку (*закурить, доесть, поспать, взглянуть // запалити, доїсти, поспати, поглянути*). Форма несовершенного вида выражает действие в процессе его протекания: *писать, расти, ослабевать // писати, рости, слабнути*.

Грамматическая интерпретация членов видовой оппозиции в современной лингвистике неоднозначна. Одни ученые рассматривают видовую пару как две лексемы, находящиеся в отношениях словообразовательной мотивации¹, другие — как формы одного слова, вводя ограничения лексико-семантического плана, влекущие за собой феномен дефектной парадигмы (В. Виноградов, Ю. Маслов, А. Бондарко, В. Русановский). В своей трактовке вида мы придерживаемся второго направления в том варианте, как он представлен в “Русской грамматике”².

Структурное ядро видовой категории представлено оппозицией префиксального глагола и соответствующего вторичного имперфекта (*переписать : переписывать // списати : списувати*). Остальные типы видовых пар составляют периферию с различной степенью удаления от центра, пары, образованные по типу соотношения глагольных основ, супплетивизма, а также включающие дериваты с так называемыми чистовидовыми префиксами.

Непременным условием вхождения в видовую пару является полное лексико-семантическое тождество. Если подобрать второй член, удовлетворяющий данному требованию, не удастся, такая пара (парадигма) считается дефектной.

¹ См.: Русская грамматика. — М., 1980.

² Русская грамматика. — Praha, 1979.

Видовая корреляция устанавливается не на уровне лексем, а на уровне лексико-семантических вариантов, поскольку не все основы в процессе семантического развития сохраняют свойственное исходному значению отношение к предельности. Последнее является лишним свидетельством тому, что видовая семантика определяется лексической.

Видовая близость русского и украинского языков находит подтверждение и в данном разрезе. Видовая неоднородность эквивалентных многозначных лексем характеризуется известным параллелизмом в пределах тождественных лексико-семантических вариантов. Например, глаголы *загрeбать* // *загрібати* в значениях “собирать в кучу”, “получать чрезмерно много чего-либо” образуют видовые пары: *загрeбать сeно* : *загрести сeно* // *загрібати сіно* : *загрести сіно*; *загрeбать бешeные дeньги* : *загрести кучу дeнeг* // *загрібати шалeні гроші* : *загрести куну грошeй*; но значение “делать сильные, размашистые движения” ввиду отсутствия в семной структуре компонента предельности не дает возможности корреляции по виду, ср. *загрeбать руками при плавании, ногами (при ходьбе)* : *загрести руками* // *загрібати руками, ногами* : *загрeбти руками, ногами (при ходьбі)*¹. Ср. еще *отвечать за проступок* : *ответить за проступок* // *відповідати за шкoду* : *відповісти за шкoду*, но: *отвечать за шефскую помощь* : — // *відповідати за переселення* : —. В данных глагольных словосочетаниях возможны только глаголы несовершенного вида. Изолированное значение глагола *выходить* // *виходити* “быть обращенным куда-либо” также не имеет видового коррелята в обоих языках: *окна выходят в сад* : — // *вікна, дeрeві виходять на вулицю* : —.

Функционально-семантическая структура категории вида детерминирует состав и характер соответствующих парадигм действительного времени и наклонения.

Взаимодействие вида и времени проявляется в первую очередь в том, что глаголы совершенного вида не могут образовывать форму настоящего времени в традиционном ее понимании (со значением действия, совершающегося в момент речи)². Это характерно как для русской, так и для украинской категории вида.

¹ Форма *загрести* // *загрeбти* возможна и в значении начинательном, но видовая корреляция с глаголом *загрeбать* // *загрібати* в таком случае невозможна.

² Чешские русисты (Русская грамматика. — Praha, 1979. — С. 166, 173) трактуют форму совершенного вида с вневременным значением (*Такие люди всегда найдутся*; *На всех не угодишь*) как форму совершенного настоящего времени, с непредшествованием и неследованием относительно момента речи. См. также: *Виноградов В.В.* Русский язык. — М., 1972. — С. 451—456.

В отличие от русского языка глагол несовершенного вида в украинском языке способен продуцировать простую, синтетическую форму будущего времени: *читатиму, вчитимуться, працюватиму*.

Различия касаются и так называемого давнопрошедшего времени. В русском языке этим понятием объединяются глаголы типа *хаживал, сиживал*, о которых А. Пешковский писал, что здесь или особое давнопрошедшее время, но от многократного вида, или это многократный вид, но только в давнопрошедшем времени¹. Современная аспектология не выделяет многократный вид, поскольку количество таких образований незначительно, что не дает возможности для организации трехчленной видовой оппозиции. Кроме того, они имеют дефектную временную парадигму, и потому рассматриваются как глаголы несовершенного вида в кругу способов действия, а в аспекте времени — как глаголы, способные выражать дополнительное значение².

В украинском языке давнопрошедшее время (давноминулий час — плюсквамперфект) — форма на *-в (-ла, -ло, -ли) + вспомогательный глагол бути* в прошедшем времени — образуется преимущественно от глаголов совершенного вида: *пішов був, вступив був*³.

Влияние вида ощущается также в образовании и функционировании форм наклонения. Форма несовершенного вида повелительного наклонения при отрицании является **основной**: *не подходи, не говори, не вспоминай // не підходь, не говори, не згадуй*. Форма же совершенного вида имеет значение предостережения: *не скажи ему об этом // не скажи йому про це*. Формы совершенного и несовершенного вида повелительного наклонения в зависимости от лексемы могут противопоставляться по линии категоричности. Поскольку несовершенный вид не направлен на результат, обычно его связывают со смягчением: ср. *сядь* (“окажись в сидячем положении”) : *садись* (“я предлагаю сесть, но ты можешь и не сесть”), аналогично и в украинском языке.

Однако длительность семантики несовершенного вида дает возможность акцентировать решительность приказа, немедленность исполнения, ср.: *говори правду : немедленно скажи правду, убирай комнату* (“действуй”) : *убери комнату* (“я хочу, чтобы ты сделал комнату чистой”) // *кажи правду : скажи правду, прибирай кімнату : прибери кімнату*. Члены видовых пар могут непоследо-

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938. — С. 211.

² См. также: Виноградов В.В. Указ. соч. — С. 431—434.

³ Русанівський В.М. Структура українського дієслова. — К., 1971. — С. 261.

вательно участвовать в образовании форм повелительного наклонения; ср.:

Рус. *замерзнуть — замерзать — замерзай; привыкнуть — привыкать — привыкай; смочь — смогли : мочь — хотя не могли; услышать — услышь : слышать — разг. слышь;*

Укр. *замерзнути — замерзати — замерзай; звикнути — звикай — звикай; почути — почуй : чути — .*

В русском языке в образовании форм повелительного наклонения со значением совместности участвуют преимущественно глаголы совершенного вида (СВ), в то время как в украинском языке активны и глаголы несовершенного вида (НВ), что несомненно объясняется наличием специального показателя — морфемы *-імо, -мо*, тогда как в русском здесь наблюдается омонимия, ср.:

	Рус.	Укр.
СВ:	<i>простим[те] споем[те] поедем[те]</i>	<i>пробачмо заспіваймо поїдьмо</i>
однонаправленное движение:		
	<i>идем[те] едем[те] бежим[те]</i>	<i>ходімо (ходімте) їдьмо біжимо</i>
НВ: <i>будем[те]</i> —	в сложных формах будущего времени	<i>читаймо співаймо ставаймо хвалімо лишаймо живімо будьмо шануймось кладімо їжмо</i>

Отличия между языками в соотношении вида и наклонения обнаруживаются и в образовании форм повелительного наклонения со значением прошедшего времени, описанных для русского языка А.А. Шахматовым: *возьми и приди, пойд и скажи*. В украинском языке возможны образования только со словом *взяти*: *а він візьми і скажи йому...*

В русском и украинском языках существуют видовые ограничения на образования форм причастий, которые сопряжены с категориями залога и времени. Категория времени не является для

причастий сильно маркированной семантически ¹: *прочитанная книга* распространяет свойство “прочитанности” и на момент речи, равно как и *потемнѣле обличчя* — свойство “потемнения”. Тем не менее учет исходной основы позволяет говорить условно о двух временах — настоящем и прошедшем.

Соотношение значений вида, залога и времени в обоих языках может быть представлено следующим образом:

Время	Вид	Действительный залог (Активні)		Страдательный залог (Пасивні)	
		Русский язык	Украинский язык	Русский язык	Украинский язык
настоящее	НВ	читающий	бажающий	любимый	—
	СВ	—	—	—	—
прошедшее	НВ	читавший	—	читаный ²	бажаний
	СВ	прочитавший	зів'ялий	прочитанный	прочитаний

Как видно из таблицы, видовые ограничения отсутствуют только для форм действительных причастий прошедшего времени в русском языке и страдательных причастий в прошедшем времени в украинском языке. Таблица также демонстрирует сходство и различия в видовых ограничениях: глаголы совершенного вида не образуют причастий настоящего времени в обоих языках, а глаголы несовершенного вида ограничены в образовании форм прошедшего времени, но: в русском языке — страдательных, в украинском — действительных ³; в украинском языке также отсутствуют страдательные формы несовершенного вида настоящего времени.

Система деепричастий (укр. дієприслівник) также различается в языках в аспектах соотношения вида и времени. В русском языке дейктическое время не актуально, деепричастия соотносятся

¹ *Виноградов В.В.* Указ. соч. — С. 221; *Сучасна українська літературна мова.* — К., 1969. — С. 431.

² Редко.

³ Вероятно, ввиду того, что прошедшее время причастий условно, об осуществлении признакового действия можно судить в момент речи по его результату: *полюбивший, измученный // зів'ялий, скошений*. Действие “несовершенное”, то есть такое, которое не оставило результата, должно быть принято на веру; в русском языке след от действия как бы остается на субъекте (*читавший, гулявший*), в украинском языке — на объекте (*бажаний, люблений, боронений*).

только по виду, образуясь при помощи специализированных для вида суффиксов:

читать (НВ) — *читаю*; *прочитать* (СВ) — *прочитав*.

В украинском языке собственная временная семантика формы выступает ярче — от глаголов несовершенного вида образуются формы типа: *читаючи, ваблячи*, которые осознаются как формы настоящего времени на фоне образований типа *білівши, бігши* (НВ) и *стукнувши, зробивши* (СВ). Они образуются от глаголов обоих видов и могут быть противопоставлены первому классу только по линии времени, а следовательно, осознаются как формы прошедшего времени. Однако в украинском языке формы прошедшего времени несовершенного вида почти полностью вытеснены конкурирующими формами настоящего времени, и система приобретает вид, сходный с русской, в которой специализация суффиксов целиком зависит от видовой семантики.

Видовая оппозиция характеризует и парадигму предикативных пассивных деепричастий на *-но, -то*, свойственных только украинскому языку: *Скільки разів казано... : кому сказано?; змову розкрито*.

Отглагольные имена существительные не входят в систему форм глагола, и видовая оппозиция в кругу дериватов не сохраняется: обычно мотивирующей основой оказывается один член оппозиции:

зализать : *зализывать* — *зализывание*;
переписать : *переписывать* — *переписывание*;
выкурить : *выкуривать* — *выкуривание*;
приобрести : *приобретать* — *приобретение*;
высвободить : *высвобождают* — *высвобождение*;
присудить : *присуждать* — *присуждение*;
охладить : *охлаждать* — *охлаждение*.

Девербативы в разной комбинации сочетают в себе значения длительности и результата; в словах, образованных от глаголов несовершенного вида, “процессность” подавляет, поэтому им требуется очень определенный контекст для выражения результативности, завершенности: *каждодневное выкуривание сигареты, переписывание трудной задачи у отличника*; в словах, образованных от глаголов совершенного вида, наблюдается баланс “процесса” и результата: *присуждение премий состоится в четверг — присуждение премий затянулось до ночи; охлаждение продукта —*

непрерывное технологическое условие — охлаждение осуществляется при помощи холодильных камер.

Языковая система как бы сама ощущает неудобство, допуская параллельные образования:

*наказание — наказывание;
предсказание — предсказывание;
размежевание — размежевывание;
озвучение — озвучивание¹.*

Ср. также (из объявления): *в кассах для приобретения билетов²*; не менее интересна форма со значением лица, зафиксированная в украинском языке: *Слово про навчителя³* — ср.: *учити — учитель; навчити — навчитель.*

Украинские абстрактные deverbatивы более последовательны в сохранении корреляции, отсылающей их к исходным видовым основам:

*випарувати : випарювати — випарування — випарювання;
дослідити : досліджувати — дослідження — досліджування;
виховати : виховувати — виховання — виховування.*

В русском и украинском языках также совпадают функциональные значения видовых форм.

Значения совершенного вида как маркированного члена более однородны⁴, и на их реализацию накладывает отпечаток категория времени.

Основная функция совершенного вида призвана обозначать действие как совершившийся или имеющий совершиться факт, ср.: *написал статью — напишу статью // прочитав книгу — прочитаю книгу.*

Совершенный вид способен также выражать значения наглядного примера в случае повторяющейся ситуации (*Он всегда бросится в спор, потом думает // У них завсегда нагодують, зігріють*) и способности/неспособности (чаще) к действию, которое реализуется по преимуществу в конструкциях с обобщенным значением:

¹ Ср. также новое: *Режиссеры озвучания* (Клуб кинопутешествий, 7.03.1993).

² Зафиксировано в 1993 г., когда приобретать билет перестало обозначать “приобрести”.

³ Сільські вісті. — 1992. — 30 дек.

⁴ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — С. 604—612.

Всего не переделаешь (не переделать); Человека до конца не поймешь (не понять) // Всього не запам'ятаєш (не запам'ятати); Людину не переробиш (не переробити).

Вспомогательные функции реализуются в рамках неактуального настоящего времени.

Основная функция несовершенного вида — обозначение действия в его процессуальном развертывании. Форма несовершенного вида, и только она, может обозначать действие как актуальный процесс: *Что ты делаешь? — Пишу.*

Только формами несовершенного вида выражаются регулярно повторяющиеся, обычные действия: *Поезда отправлялись от станции каждые полчаса // Щоденно він приходить на це місце*, а также способности к действию (в прошедшем времени): *Он отжимался от пола сто раз (ср.: он отжался сто раз) // Він піднімав сто кілограмів (ср.: він підняв сто кілограмів)*. В функционировании видов в русском и украинском языках наблюдается явление конкуренции, которая может находить выражение в функциональной эквивалентности: *Кто красил/покрасил дверь?; Мне писали/написали из Киева, что..; Ты читал/прочитал “Мастера и Маргариту”, в том числе и в вопросно-ответном диалоге, — в отрицательной ответной реплике: Ты взял — Не брал; Ты открыл — Не открывал; Ты включил — Не включал; Ты съел — Не ел* и тому подобное, хотя возможны и формы совершенного вида при частичном отрицании и определенных актантах: *открыл, включил, съел не я; еще не включил, открыл, съел* и т. д. — аналогично и в украинском языке.

1.1. Структурные типы видовых пар

Структурные типы видовых пар¹ образуются путем имперфективации, соотношения основ, перфективации и супплетивизма. Ядерной, “образцовой” видовой парой является пара с суффиксом — выразителем видового значения, который может представлять это значение либо самостоятельно, либо сопровождать соотносительные основы.

Рус.: -ива- (-ыва-)/-[ов]ыва-, -ева-/-ва-:

разрисовать : разрисовывать — разрисую : разрисовываю;

засеять : засеять — засею : засеваю;

охладеть : охладевать — охладею : охладеваю;

переписать : переписывать — перепишу : переписываю;

втянуть : втягивать — втяну : втягиваю;

спрыгнуть : прыгивать — прыгну : прыгиваю.

Укр.: -ува-(-юва-)/-[ов]ува-, -ва-:

вибілити : вибілювати — вибілю : вибілюю;
замалювати : замальовувати — замалюю : замальовую;
обрахувати : обраховувати — обрахую : обраховую;
переписати : переписувати — перепису : переписую;
нажити : наживати — наживу : наживаю;
надихнути : надихати — надихну : надихаю;
перестрінути : перестрівати — перестріну : перестріваю.

Как показывают примеры, роль собственно видового показателя несовершенного вида — суффикса с компонентом **-в-** — в украинском языке менее значима по сравнению с соотношением основ: в ядерных видовых формах вторичного имперфекта в настоящем времени они сохраняются далеко не всегда. Соотношение основ как способ реализации видовой оппозиции свойственно обоим языкам, но в украинском языке этот способ ведущий в кругу префиксальных глаголов:

Укр.: *направити : направляти — направлю : направляю;*
зібрати : збирати — зберу : збираю;
заявити : заявляти — заявлю : заявляю;
оберегти : оберегати — обережу : оберегаю;
вивчити : вивчати — вивчу : вивчаю;
розкидати : розкидати¹ — розкидаю : розкидаю;
надихнути : надихати — надихну : надихаю.

Рус.: *загореть : загорать — загорю : загораю;*
выслать : высылать — вышлю : высылаю;
включить : включать — включу : включаю;
вырасти : вырастать — вырасту : вырастаю.

Периферию системы видовой корреляции составляют непродуктивные типы, супплетивизм, пары, образованные путем перфективации (глаголы с видовым синкретизмом и дефектные парадигмы).

Непродуктивные видовые пары включают беспрефиксальные основы, связанные основы, а также немногочисленные образования несовершенного вида от двувидовых глаголов.

¹ Возможны варианты с суффиксальным выразителем вида и без него:

надихнути : надихувати/надихати;

розкидати : розкидувати/розкидати и некоторые другие.

Они часто аналогичны в русском и украинском языках, ср.:

Рус.	Укр.
<i>ступить : ступать;</i>	<i>ступити : ступати;</i>
<i>поручить : поручать;</i>	<i>доручити : доручати;</i>
<i>простить : прощать;</i>	<i>простити : прощати;</i>
<i>стать : ставать (разг.);</i>	<i>стати : ставати;</i>
<i>лишить : лишать;</i>	<i>лишити : лишати;</i>
<i>кончить : кончать;</i>	<i>кінчити : кінчати;</i>
<i>деть : девать;</i>	<i>діти : дівати;</i>
<i>организовать : организовывать;</i>	<i>організувати : організовувати ¹.</i>

Супплетивные видовые пары в русском и украинском языках частично совпадают, ср.:

Рус.	Укр.
<i>брать : взять;</i>	<i>брати : взяти;</i>
<i>говорить : сказать;</i>	<i>говорити : сказати;</i>
<i>ловить : поймать;</i>	<i>ловити : піймати (зловити);</i>
<i>искать : найти;</i>	<i>шукати : знайти;</i>
<i>класть : положить;</i>	<i>ср.: класти : покласти;</i>
<i>возвращать ² : вернуть;</i>	<i>ср.: повертати : повернути.</i>

К периферии относятся также и видовые корреляции, в которых обнаруживается некоторая нетождественность семантики: 1) пары с чистовидовыми префиксами (их чистовидность признается не всеми): *писать : написать // писати : написати; читать : прочитать // читати : прочитати*; 2) пары с соотношением по признаку кратности: *ахнуть : ахать, крикнуть : кричать, блеснуть : блеснуть, хрустнуть : хрустеть // бахнуть : бахати, крикнуть : кричати, блиснуть : блищати (блистіти), хрустнуть : хрустіти*.

На периферии располагаются и двувидовые глаголы, характеризующиеся видовым синкретизмом, актуализирующим конкретное видовое значение в зависимости от контекста. В обоих языках они включают две группы лексем:

¹ Здесь, как выше, в сопоставляемых лексемах, разное отношение к суффиксу *-овы-/-ва-/-овува-*; ср.: *организовываю // організовую*. Вероятно, поэтому формы подобного типа более многочисленны: *ізолювую, мобілізовую, нормалізовую* и др.

² Пары, корни которых разошлись в результате сложных фонетических и других процессов (*стать : становиться, сесть : садиться*) признаются супплетивными не всеми; однако см.: *Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 424; Русская грамматика. — М., 1980. — С. 586.*

1. Слова исконно русские и исконно украинские:

Рус.	Укр.
жениться	женити[ся]
расследовать	розслідувати
молвить	мовити
велеть	веліти
родить[ся]	родити[ся]
казнить	стратити (страчувати)
крестить	хрестити
венчать	вінчати
ранить	ранити
обещать	обіцяти
наследовать	
образовать	
использовать	
миновать и др.	

2. Иноязычные слова с суффиксом -ова-//-ува-:

Рус.	Укр.
организовать	адресувати
атаковать	актуалізувати
кодифицировать	анотувати
аккредитовать	фінансувати
акцентировать и др.	парафувати
	діагностувати

В кругу двувидовых глаголов в обоих языках наблюдаются две тенденции. Во-первых, их количество увеличивается за счет заимствований (в данный момент составляет приблизительно 600 единиц), во-вторых, происходит их переосмысление в видовом плане и установление формально выраженной видовой корреляции при помощи суффикса и чистовидовых префиксов, причем это касается и исконных по происхождению глаголов; более активно, на наш взгляд, этот процесс идет в украинском языке, где префиксальные формы типа *народитися*, *промовити*, *поранити*, *оженити* не имеют признака разговорности¹ и где суффиксальные формы часто короче не только в инфинитиве (*изолировать // ізолювати — ізолювати*; *мобилизовать // мобілізувати — мобілізувати*), но и в личных формах: *ізолювую*, *мобілізую* (ср. рус. *мобилизовываю*).

¹ Ср. формы укр. *організувати* и рус. *организовать*: *Як зорганізувати боротьбу з інфляцією* (сесія Верховної Ради України, 20.10.91).

Как в русском, так и в украинском языках есть много непарных по виду глаголов. Природа их различна. С одной стороны, это разнообразные группы глаголов, которые представляют способы действия ¹, с другой — это глаголы, которые не могут образовать пару ввиду сопротивления лексического материала ².

Массив дефектных видовых парадигм зависит от исследовательского подхода — признания/непризнания чистовидовых префиксов, а также интерпретации одноактности (*кутнуть* — *кутить*). Так, в “Русской грамматике” ³ их круг достаточно значителен. Признание чистовидовых префиксов и корреляций одноактности с длительностью, как это делается в нашем исследовании ⁴, сокращает их объем. Это глаголы связочные и полусвязочные, модальные; некоторые церковнославянизмы, безличные, напр.:

Рус.	Укр.
<i>доводиться</i> (отцом)	<i>доводитися</i> (батьком)
<i>состоять</i> (членом)	<i>перебувати</i> (в членах)
<i>означать</i>	<i>значити</i>
<i>рассчитывать</i> (на кого)	<i>розраховувати</i> (на кого)
<i>проповедовать</i>	<i>проповідувати</i>
<i>соответствовать</i>	<i>відповідати</i> (посаді)
<i>предчувствовать</i>	<i>передчувати</i>
<i>морозить</i> (меня)	<i>морозити</i>
<i>лихорадить</i>	<i>лихоманити</i>
<i>недоумевать</i>	<i>запобігати</i>
<i>отсутствовать</i>	<i>вимагати</i>
<i>обуревать</i>	<i>відати</i>
<i>недомогать</i>	<i>намагатися</i> , но:
<i>предвидеть</i> : —	<i>передбачити</i> : <i>передбачати</i>
<i>преобладать</i> : —	<i>переважати</i> : <i>переважити</i>
<i>иметь</i> : (разг. <i>поиметь</i>)	<i>мати</i> : —
<i>млеть</i> : —	<i>мліти</i> : <i>зімліти</i>
<i>сопроводить</i> : <i>сопровождать</i>	<i>супроводити</i> ⁵

¹ Дефектность видовой парадигмы в кругу способов действия будет рассмотрена ниже.

² *Виноградов В.В.* Русский язык. — М., 1972. — С. 424—425.

³ *Русская грамматика.* — Прага, 1979. — С. 592 и далее.

⁴ См. также: *Виноградов В.В.* Указ. соч. — С. 421 и далее; *Русская грамматика.* — Прага, 1979. — С. 235, 250—251.

⁵ Ср.: Члени комісії пообіцяли супровести проект бюджету на розгляд Верховної Ради “суворими” висновками (Голос України).

Отличия в данном виде дефектных видовых парадигм между русским и украинским языками носят индивидуальный характер и не поддаются типизации.

Установление видовой корреляции в динамическом аспекте представлено процессами перфективации и имперфективации. Эти процессы имеют в русском и украинском языках общий механизм. Различия касаются продуктивности слово- и формообразующих моделей, редких специфических моделей и отдельных форм.

1.2. Перфективация

В процессах перфективации — образовании глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида — переплетаются два явления: формообразование (чистовидовые префиксы) и словообразование (модификация глагольных основ несовершенного вида в акциональном разрезе). Большая часть глагольных префиксов сохраняет всю полноту лексического значения, и в таком случае формирование видовой семантики совершенности происходит под давлением нового лексического значения, включающего компонент предельности (*нести — внести*) — в рамках словообразования.

Однако в исследуемых языках есть префиксы, которые выполняют функцию чистовидовых показателей. Эта функция свойственна собственно результативным префиксам при условии их лексико-семантического опустошения. Сопутствующим формальным показателем обычно признается невозможность образования вторичного имперфекта¹. Дело в том, что исходный беспрефиксный глагол и глагол префиксальный несовершенного вида не могут быть признаны семантически тождественными, так как суффикс имперфективации аннигилирует перфектную семантику префикса, а идея предельности, привносимая префиксом, сохраняется: *мыть лицо — умыть лицо — умывать лицо*.

В русском языке продуктивны в чистовидовой функции префиксы *о-(об-), по-, с-*; менее продуктивны *за-, на-, вз-, у-*; еще реже формализуются префиксы *из-, вы-, при-*. Напр.: *варить — сварить; шить — пошить; робеть — оробеть; ржаветь — заржаветь; писать — написать; пользоваться — воспользоваться;*

¹ Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 251; Сучасна українська літературна мова. — К., 1969. — С. 341.

красть — украсть, печь — испечь; купаться — выкупаться; снится — присниться; сметь — посметь.

Чистовидовые префиксы в украинском языке — *в-, з-, с-, за-, на-, по-, при-, про-*. Наиболее продуктивны в этой роли *з-, в-, за-, на-*. Напр.: *білити — побілити; лякати — злякати; красти — вкрасти; платити — заплатити; шити — пошити; писати — написати; снитися — приснитися; відмінювати — провідмінювати; читати — прочитати.*

В самое последнее время возникают в том и в другом языке новые глаголы с чистовидовыми префиксами в речи представителей властных структур: укр. *Якщо ми працюємо, то можемо досягти результатів* (сесія Верховної Ради України, 20.10.93); *питання пропрацьовано* (*пропрацьовується, пропрацювали*) (Заст. міністра фінансів, 12.11.92); рус. *Мы это проговаривали/проговорили* (А. Бессмертных, Останкино, 30.05.91). В таких формах нам представляется попытка представить результат вообще, если нет результата конкретного, ср.: *опрацювати документ; обговорили, обговорили проблему*; в семантической структуре глагола *опрацювати* как бы просвечивает возможность “*працювати без результату*”, хотя труд имманентно нацелен на результат — положительный или отрицательный.

Поскольку значение чистовидовых префиксов абстрактно, возможна их внутриязыковая конкуренция, напр.: *покупать : выкупать : искупать ребенка; оробеть : заробеть; удушить : задушить; изжарить : пожарить : нажарить рыбы // зварити : наварити борщу; скупати : покупати дитину; зростити : виростити дитину; почепити : вчепити квітку молодому; опломбувати : запломбувати.*

Отвлеченностью числовидовых префиксов объясняется и их “*межъязыковая конкуренция*”, то есть перфективация глаголов общего лексического фонда при помощи различных маркеров, даже если имеются общие:

*спеть // заспівати (пісню);
погубить // згубити;
погибнуть : погибать // загинути;
похоронить (схоронить) // схоронити (поховати);
посвятить // присвятити;
обмелеть // зміліти;
отредактировать // відредагувати, зредагувати;
поранить (душу) // зранити;
погасить // згасити и др.*

Поскольку эти различия строятся на конкурентной основе и не поддерживаются семантикой, они не поддаются типизации. Од-

нако межъязыковое варьирование может быть индикатором чистовидовых оппозиций.

1.3. Имперфективация

Имперфективация — наиболее распространенный в славянских языках способ видообразования. Различают два типа имперфективации: первичная — образование от беспрефиксных глаголов совершенного вида форм несовершенного вида (*бросить : бросать // дати : давати*) и вторичная — образование форм несовершенного вида от префиксальных глаголов совершенного вида (*перечитать : перечитывать // перечитати : перечитувати*), она включает в свой круг и глаголы со связанной основой.

Первичная имперфективация — это непродуктивный тип видообразования. Она охватывает одинаковые типы глаголов и осуществляется сходными способами в русском и украинском языках, ср.:

- а) *арестовать — арестовывать // арештувати — арештовувати;*
конфисковать — конфисковывать // конфіскувати — конфісковувати;
организовать — организовывать // організувати — організовувати;
- б) *дать — давать // дати — давати;*
деть — девать // діти — дівати;
- в) *кончить — кончать // кінчити — кінчати;*
лишить — лишать // лишити — лишати;
спасти — спасать // спасти — спасати;
лягти — лягати;
сісти — сидати;
- г) *обеспечить — обеспечивать // забезпечити — забезпечувати;*
обидеть — обижать // образити — образжати;
воскресить — воскрешать // воскресити — воскрешати.

В некоторых источниках к первичной имперфективации относят и формирование пары к одноактным глаголам: *крикнуть : кричать // крикнути : кричати.*

Вторичная имперфективация — регулярный и продуктивный способ видообразования в русском и украинском языках. В результате имперфективации образуется видовая пара. При наличии семантических расхождений глаголы принято считать парой, если хоть одна линия оппозиции чистовидовая.

В русском языке вторичная имперфективация манифестируется суффиксами *-ыва-* (*-ива-*); *-ва-*, *-а-*, которые в “Русской грам-

матике”¹ трактуются как морфы одной морфемы. В украинском языке суффиксы имперфективации *-овува-*, *-ува-*, *-ва-*, *-а-*. Суффиксация может сопровождаться чередованием, изменением ударения. Иногда последнее средство является самостоятельным показателем вида. Русским суффиксам *-ва-*, *-а-* соответствуют украинские *-ва-*, *-а-*, ср.: *согревать, убивать, доживать, продавать, выпекать, прикреплять, направлять // зігрівати, вбивати, доживати, продавати, випікати, прикріпляти, направляти*.

Русскому суффиксу *-ыва-* (*-ива-*) соответствует украинский *-ува-*: *придумывать // придумувати; надписывать // надписувати; провеивать // провіювати*. Однако это соответствие не является регулярным, ср.:

переглянуться — переглядываться // переглянутися — переглядатися;
осудить — осуждать // осудити — осуджувати;
растегнуть — растегиывать // розстібнути — розстібати;
насадить — насаждать // насадити — насаджувати и др.

Как отмечалось выше, возможны варианты форм чаще в украинском языке: *викупляти — викуплювати, вивчати — виучувати, виготовляти — виготовувати, вигоряти — вигорювати, видибати — видибувати* и многие другие.

Отличия касаются и глаголов на *-овывать*. В русском языке компонент *-ов-* принадлежит суффиксу исходной основы *-ова-*, являющемуся классным показателем и средством русификации основы: *рисовать — разрисовать — разрисовывать*. Понятным образом он не служит средством имперфективации, ср. еще: *вмуровать — вмуровывать; втолковать — втолковывать*.

В украинском языке классным показателем и средством украинизации заимствований является суффикс *-ува-* (*-юва-*): *малювати, торгувати, римувати, маринувати, гіпнотизувати* и др. В процессе вторичной имперфективации образуются формы на *-овува-*ти: *розмальовувати, приторговувати, заримовувати, замариновувати, загіпнотизовувати*, то есть украинский и русский вторичный имперфект и здесь отличаются только закономерным соотношением суффиксов *-ува-*/*-ыва-*. Возможно, в таком случае можно говорить о переогласовке классного показателя *-ува-* в *-ов-* под ударением².

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — С. 588.

² В украинских северных говорах фиксируется: *мальковать, мариновать, торговать, шпакльовать, рихтовать, кльовать* и т.п.

2. КАТЕГОРИЯ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ

С категорией вида тесно связаны лексико-грамматические разряды глаголов, которые в славянской аспектологии называют **способами действия**. В украинистике используется термин *роди дії* во избежание омонимии с категорией наклонения (укр. *спосіб*). В способах действия модификация протекания или завершения действия выражена формально.

В зависимости от значения дериваты в кругу способов действия могут вступать в чистовидовую корреляцию, но могут и не вступать, образуя новые глаголы.

Способы действия (СД) целесообразно расчленить на несколько типов: фазисные, результативные, квантификативные, кратные. Основная масса способов отличается параллельностью. Вместе с тем заполняемость моделей глагольными основами имеет в сравниваемых языках известную специфику, образуя семантико-грамматические корреляты. Так, в кругу интенсивно-результативного СД, выражающегося в обоих языках посредством префикса **вы-** // **ви-**, иногда осложняющегося постфиксом **-ся** (*выбелить*, *вызреть* // *вистояти*, *випросити*), некоторые русские единицы не имеют в норме параллели в системе украинского языка, и они создаются в разговорной речи по аналогии, ср., напр.: *Що там видивилась (вигляділа)?* (норм. *нагледіти*, ср. рус. *высмотреть*). По тому же принципу расширяется в украинской речи массив единиц, образуемых по моделям: **за-...**, **за-...-ся** (*забить*, *заспаться* // *зацілувати*, *заслухатися*), за счет русского просторечного *забодать* в украинском оформлении: *забодав ти мене*, аналогично в отношении моделей **на-...ся** (*наслушался* // *нагулявся*, *нагрузився*, *накачався* (о пьяном)); **об-...** (*обмерзнуть* // *обшукати*, *обтяпав діло*, *обделав діло*); **в-...-ся** (*всмотреться* // *вслухатися*; *вляпався в дурне діло*; *не врубався, що ти кажеш*; *втравився в бійку*); **у-...** (*углядеть* // *усидіти* “съесть все”; *що він учудив?*; *насилу уломав*).

Давление русских моделей СД на украинскую устную речь наблюдается и в отношении префикса **при-** со значением интенсивности действия: *він за нею приударяє* (норм. *упадати*, ср. рус. *приударять*); *приб'ю до смерті* (норм. *забити*, ср. рус. *прибить*); *прикрив лавочку* (норм. *закрити*, ср. рус. *прикрыть*), *звестися* (*зневіритися*); **на-...ся**: *настраждатися*.

Второе различие в системе способов действия касается специфических моделей.

Так, в украинском языке отсутствуют модели с префиксом **у-** со значением сатуративности *увлажнить*, *украсить* (“достаточно”).

Передача их при помощи слов *зволжити, прикрасити* теряет компонент “по норме, достаточно”.

Отсутствие в украинском языке префикса *у-* с интенсивной семантикой восполняется без потерь сходными моделями, общими для обоих языков: *угонять, уморить // заганяти, заморити* (голодом). Сложнее передать значение исчерпывающего действия в моделях префиксально-постфиксальных, ср.: *убегался, упрыгался, уходился // забігатися, набігатися, знаходиться*.

Результативное значение русского префикса *у-* передается близкими по смыслу аффиксами *по-, при-*: *увезти // повезти, убрать // прибрати*, но *угнать автомобиль — ?* (ср. *украсть*). Вероятно, поэтому широко фиксируется даже в кодифицированной украинской речи: *угнали автомобіль, угон автомобіля* (УТ-2, 13.04.93).

В системе русских СД модели *из-..., из-...-ся* способны выражать различные оттенки интенсивности, которым в украинском языке соответствуют разные модели, причем установить формально-семантическую зависимость практически невозможно. Так, значение “доведение до нежелательного результата” (рус. *истрадаться*) может передаваться в украинском языке посредством моделей *з-...-ся звестися (зневіритися), на-...-ся: настраждатися*; тотально-объектная семантика посредством префикса *по-*: *порвати, поранити* (ср. рус. *изорвать, изранить*), префикса *ви-*: *вілазити* (ср. рус. *излазить*), а собственно интенсивное значение — посредством префиксов *з-*: *знижити* (ср. рус. *изнежить*) и *роз-*: *розбалувати* (ср. рус. *избаловать*).

Поскольку сема интенсивности у префикса *из-* однозначно выше эквивалентных *по-, ви-, на-*, в разговорной украинской речи появляются образования типа: *зірвав дві пари черевик за літо* (норм. *порвав*); *збили його до полусмерті* (норм. *побили*); *іссохла вся* (норм. *висохла*); *ісушила своє серце* (норм. *висушила*); *скусили ноги дитині* (норм. *покусали*).

В украинском языке отсутствуют модели *воз-...¹; воз-...-ся* для выражения инхоативного (*взвуть*), начально-результативного (*возрадоваться*), собственно-результативного (*воспретить*) и одноактного (*взгрустнуть*) СД. Выразительная сила аффикса не покрывается украинскими эквивалентами *по-, за-, з-* и др., и, вероятно, поэтому в живой бытовой речи встречаются: *вздумав, взбудився, не возмущайся*.

¹ Кроме уст. *возвеличити* и кальки *возз'єднатися*.

В русском языке существуют многократные глаголы, употребляющиеся в форме прошедшего времени: *хаживал, говаривал*, для которых нет параллелей в украинском языке.

Специфическим акциональным средством украинского языка являются глаголы с префиксом *попо-*, выражающие значение интенсивной длительности. В системе русского языка, хотя и имеющего с украинским черты близкого родства, трудно найти формально выраженный СД, соответствующий значению украинского глагола. Они близки к длительно-ограниченному СД, но не тождественны ему, ср. *попоболів* (длительность и интенсивность) и *проболел до весны* (завершенная длительность).

Украинско-русские словари, а также “Словарь” Б. Гринченко (1959) переводят данные глаголы, используя другие аффиксы, либо сочетания с наречиями *долго, сильно, много, очень* в разных комбинациях, причем последний способ более адекватно отражает семантику итеративности, напр.: *поповчити* — “учить достаточно долго, много”; *попоїздити* — “поездить много, долго, поколесить”¹.

Модель с префиксом *попо-* служит таким емким выражением многопланового действия, что его легко включают в свою систему носители русского языка, подвергающегося интерферирующему воздействию украинского². Так, семантико-грамматическая лакуна в русском языке провоцирует функционирование в устной речи в условиях билингвизма глаголов итеративного СД с приставкой *попо-*: *она тогда попоболела; попостоишь на морозе — вспомнишь, что я говорила; она с ним попомучилась*, а также: *попогулять, попождать, попоучиться, пополежать, поповисеть*, в структуре дистрибутивного СД существует в обоих языках модель *по + префиксный глагол (повытолкать // порозливати)* образования совершенного вида. Однако русские единицы стилистически ограничены разговорно-просторечной сферой, в то время как украинские нейтральны. Кроме того, мотивирующей основой в украинском языке выступают формы несовершенного вида (*повибілювати, порозсипати, понаносити*), в русском — теоретическая

¹ Модель в украинском языке очень продуктивна. В “Словнику української мови” (т. 7) зафиксировано 108 глаголов, в “Словаре” Б. Гринченко еще 23 неповторяющиеся единицы.

² Нами зафиксированы глагольные модели с этим префиксом в островном русском говоре бывшего села Замощье Чернобыльского района Киевской области: *Папаехать прийшлося; папахадити по лесу*.

мотивирующая основа может быть и совершенного, и несовершенного, однако “Словарь русского языка” (1984, т. 3) приводит преимущественно образования от основ совершенного вида. Ср., напр.: *подошивала всю Машину одежду; поотвыкали дети от отца; Как вы позагорали!; поперебирала всю картошку; пришлось подосаливать; подоедали все остатки.*

Многие способы действия представлены дефектными видовыми парадигмами по преимуществу за счет *perfectiva tantum*. Это начинательный способ: *заходить, разволноваться // заходити, розхвилюватися*; ограничительный: *погулять // поплакати*; финитивный: *отгулять // відгуляти*; результативный: *познакомиться // познайомитись*; накопительный: *насобирать // назбирати*; дистрибутивный: *накормить // нагодувати*; интенсивный: *закормить // нагодувати* и др.

К разряду *imperfectiva tantum* относятся кратные способы: *погуливать, подпевать, переглядываться // підгулювати, підспівувати, переглядатися, постукувати*¹.

Аспектуальные системы русского и украинского языков обнаруживают высокую степень общности. Совпадают типы видовых оппозиций, механизмы перфективации и имперфективации. Отличия здесь касаются, как правило, явлений вариативности префиксов, некоторых соотношений основ с видовыми суффиксами.

Основная специфика заключается в мощности способов действия, отсутствии/наличии определенных моделей, не находящихся синонимических эквивалентов. Подобные лакуны составляют трудность для билингвов.

Аспектуальные структурно-семантические отличия выявляются во взаимодействии вида и категорий времени и наклонения, особенно в формообразовании причастий. В украинском языке обнаруживается бóльшая пластичность в аспекте усвоения и систематизации заимствований: здесь чаще образуются маркированные формы несовершенного и совершенного вида от двувидовых глаголов: *деморалізувати — здеморалізувати : деморалізовувати; паралізувати — спаралізувати : паралізовувати* и др. Бóльшая пластичность украинского языка уравнивает в правах формы, находящиеся в русском языке за пределами литературной кодифицированной нормы.

¹ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — С. 267.

VII. КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

В русском и украинском языках категория лица является одной из основных глагольных категорий, важным предикативным глагольным признаком. Лицо может быть выражено одновременно и в субъекте, и в предикате предложения.

Категория лица выражается в обоих языках морфологически и синтаксическими средствами. Синтаксически лицо выражается соединением личного местоимения и глагола, глагол выступает в форме, коррелирующей с соответствующим местоимением. И в русском, и в украинском языке лицо выражается двумя лексемами отдельно, то есть аналитическим способом. Ср.:

*Я наблюдаю // Я спостерігаю;
Ты наблюдаешь // Ти спостерігаєш;
Он наблюдает // Він спостерігає.*

Значение лица может выражаться морфологически в сказуемом — глаголе в формах настоящего и будущего времени при помощи соответствующих личных окончаний. Ср.:

*Я разговариваю // Я розмовляю;
Он позовет друга // Він покличе друга.*

Категория лица выражена также в форме повелительного наклонения:

Андрей, позови своего друга // Андрію, поклич свого друга.

Поскольку лицо выражается морфологически соответствующей формой сказуемого, употребление личного местоимения в обоих языках является факультативным.

Противоположная ситуация в случае, если сказуемое выражено формой глагола прошедшего времени. Личное местоимение оказывается необходимым, как показатель лица подлежащего. Личное местоимение является связующим звеном для всех трех форм: временной парадигмы, например, 1-го лица ед. числа:

*Я говорил // Я говорив;
Я говорю // Я говорю;
Я буду говорить // Я говоритиму (буду говорити).*

Поскольку личное местоимение является: а) необходимым и единственным выразителем категории лица в прошедшем времени; б) одним из выразителей этой категории в настоящем и в бу-

душем времени, то для парадигмы всех трех времен личное местоимение не представляется факультативным. Из вышеприведенных примеров видно, что сказуемое в форме будущего времени несовершенного вида в русском языке, выраженное при помощи вспомогательного глагола и инфинитива, может переводиться на украинский язык двойко: при помощи вспомогательного глагола и без него.

Личное местоимение необходимо, если сказуемое выражено в русском языке причастием, именем существительным и именем прилагательным, так как является единственным показателем категории лица. Напр.: *Мы, нижеподписавшиеся. Ты большой сноб. Ты совсем больной. Я постоянно оглядываюсь, уйду* (здесь и личная форма глагола является выразителем категории лица).

В украинском языке личное местоимение необходимо как единственный показатель категории лица, если сказуемое выражено именем существительным или именем прилагательным. Напр.: *Ти ж викладач інституту. Ти був тоді червоний від сорому.*

Глагол-связка *быть* может быть выразителем одновременно категорий времени (будущего и прошедшего), лица (будущее время) и наклонения. Ср.:

*Я был дома // Я був удома;
Я буду на работе // Я буду на роботі;
Он был бы уже далеко // Він був би вже далеко.*

Различий в употреблении глагола-связки в русском и в украинском языках не наблюдается в формах прошедшего и настоящего времени. В форме настоящего времени украинский язык характеризуется употреблением в большем числе случаев глагола-связки *быть*, в то время как в русском языке эта связка опускается. Чаше глагол-связка в форме настоящего времени встречается в предложениях с отрицанием в украинском языке, в русском языке глагол-связка опускается и в предложениях с утверждением, и в предложениях с отрицанием. Ср.:

*Он ненормальный // Він ненормальний (не є нормальний);
Он был ненормальный // Він був ненормальний;
Он будет ненормальным // Він буде ненормальним.*

В форме настоящего времени глагол-связка не выражает категорию лица, поэтому данную категорию следует рассматривать при сравнении всей временной парадигмы с глаголом-связкой.

Отличие русского и украинского языков по показателю частоты употребления глагола-связки в форме настоящего времени никак не сказывается на употреблении его в форме будущего времени, где будущее время выражает и лицо. В будущем времени глагол-связка употребляется в обоих языках с одинаковой частотой, не является формально необходимой для выражения категории лица и других глагольных категорий.

В случае, если личные местоимения опускаются, морфологические формы выражения лица оказываются неполными, если личные местоимения не опускаются — полными.

Признак непосредственного либо опосредованного выражения категории лица в глагольных формах служит критерием разделения этих форм на личные и неличные. В русском и в украинском языках это разделение является еще одной стороной выражения глагольной категории лица. К неличным формам глагола относятся в обоих языках: причастие, деепричастие, инфинитив. Для них характерным является также то, что предикативность (как совокупность собственно глагольных признаков, характеризующих глагольное действие) и номинативный характер (название, номинативная сторона действия) разделены. Предикативность со всем набором собственно глагольных характеристик выражена одним глаголом, часто вспомогательным, номинативность — другим. Ср.:

Работа будет завершена // Робота буде закінчена;

Я буду писать // Я буду писати;

[Он] Играючи побеждает врагов // [Він] Бавлячись перемагає ворогів.

В личной форме глагола предикативные и номинативные характеристики выражены нераздельно. В одной словоформе сосредоточено название действия и морфологические показатели его грамматических признаков. Ср.:

Я читаю // Я читая;

Ты пишешь // Ты пишущ;

Она рисует // Она рисує.

Итак, личные формы глаголов выражают одновременно и номинативные, и предикативные характеристики, неличные глагольные образования выражают номинативные характеристики и нуждаются в дополнительных глаголах для выражения предикативных характеристик аналитическим способом. Глаголы-связки,

наоборот, лишены возможности выражения номинативных признаков и выражают лишь предикативные. Напр.:

*Работа будет выполнена // Роботу буде виконано;
Дети стали делать уроки // Діти почали робити уроки.*

Вспомогательному глаголу *быть* соответствует в украинском языке глагол *бути*, и в обоих языках глаголы выражают только предикативные характеристики. Глагол-связка *стать* переводится на украинский как *стати* и *почати*. Ср.:

Дети стали делать уроки // Діти стали (почали) робити уроки.

Если глагол *стать* употребляется в форме единственного числа, то перевод его украинским *почати* предпочтителен:

Я стал собираться // Я почав збиратися.

Глагол *почати* соотносим с русским *начать*, в обоих языках эти начинательные глаголы обретают отчасти и номинативное значение. Начинательность входит как компонент в номинативную характеристику глагола, при этом глаголы *начинать* // *починати* по-прежнему выражают все предикативные характеристики сказуемого. Аналогичным образом, частично номинативным характером обладают глаголы *заканчивать* // *закінчувати*, являясь выразителями всех черт предикативности сказуемого.

Таким образом, глагол-связка *стать* в русском языке является выразителем категории лица в числе других предикативных категорий и не имеет номинативного значения. В украинском языке он переводится в единственном числе глаголом *почати* (соотносясь собственно с личными местоимениями единственного числа), как правило, и реже — этим же глаголом во множественном числе, приобретая отчасти номинативные глагольные характеристики.

Если в русском языке глагол-связка не имеет номинативного значения, он может приобретать его при переводе на украинский язык. Если в русском языке глагол со значением начала или окончания действия выражает все предикативные функции сказуемого и часть номинативных, он переводится в украинских текстах глаголом с аналогичным набором функций. Ср.:

*Я начал собираться // Я почав збиратися;
Я стал просить // Я почав просити;
Мы стали просить // Ми стали (почали) просити.*

Аналогичным образом, если личный глагол в русском языке имеет префикс со значением начала или конца действия, он пере-

водится глаголом с подобным же префиксом в форме будущего времени, если же глагол в форме будущего времени несовершенного вида не имеет префиксов и оформляется при помощи глагола-связки *быть*, то в украинском языке возможны два варианта перевода к одному русскому варианту. В одном из вариантов предикативные категории, в частности лицо, выражены при помощи глагола-связки, во втором — без него. Ср.:

Я почитаю // Я почитаю;

Я буду читати // Я буду читати (читатиму);

Я стану читать // Я стану (почну) читати (не переводится — *читатиму*) — синтетический вариант перевода не возможен, во всяком случае, будет неточен.

Итак, категория лица является составным компонентом предикативной характеристики глагола, может выражаться одной словоформой, обладающей и номинативным значением (личные формы глаголов), сочетанием двух словоформ, распределивших между собой предикативные и номинативные признаки (в сочетании с формами причастий, деепричастий, инфинитива).

Категория лица выступает в комплексе с другими глагольными категориями: числа, времени, наклонения, залога. Ее специфическая функция заключается в выражении взаимоотношений субъекта и предиката, при которых субъект занимает различные позиции в языковом общении. Форма глагола приводится в соответствие с этой позицией субъекта. В обоих языках соблюдается параллелизм глагольных форм и форм лица субъекта. Шесть личных глагольных форм соответствуют шести личным местоимениям, трем единственного и трем множественного числа.

Единственное число:

1-е лицо — субъект действия является тождественным с говорящим: *Я рисую // Я малюю;*

2-е лицо — выступает как адресат 1-го лица, собеседник 1-го лица: *Ты рисуешь // Ти малюєш;*

3-е лицо — субъект действия не принимает участия в разговоре: *Он рисует // Він малює.*

Множественное число:

1-е лицо — говорящий считает себя относящимся к группе лиц, он является их представителем именно как говорящий, выступает от их имени: *Мы рисуем // Ми малюємо;*

2-е лицо — адресат включен в определенную группу лиц, рассматривается говорящим как их представитель: *Вы рисуете // Вы малюете;*

3-е лицо — речь идет о нескольких лицах, объединенных тем, что они не принимают участия в разговоре: *Они рисуют // Вони малюють.*

Таким образом, личные местоимения выражают различный характер субъекта действия: 1) по степени участия в разговоре; 2) по признаку количества участвующих в разговоре.

Глагольные же личные формы в обоих языках являются соотносимыми с личными местоимениями. Глагольная морфологическая категория лица и ее формы выполняют функцию связующего звена двух частей речи: глаголов и одного из местоименных рядов.

Шесть глагольных форм и шесть личных местоимений приведены в соответствие и образуют три вида оппозиций:

1) в единственном числе — ряд из трех лиц и трех глагольных форм;

2) во множественном числе — ряд из трех лиц и трех глагольных форм;

3) каждое из лиц в единственном и во множественном числе вступает в оппозицию по признаку единственное/множественное число.

Категория лица соотносится с тремя формами категории наклонения. По признаку различных взаимоотношений категории лица и категории наклонения возможно выделить в русском и в украинском языках три личных парадигмы:

- первая охватывает только глаголы изъявительного наклонения;
- вторая — изъявительного и условного наклонений;
- третья — только глаголы повелительного наклонения.

Первая парадигма

Рус.

Укр.

Я читаю, слушаю, говорю;

Я читаю, слухаю, говорю;

Ты читаешь, слушаешь, говоришь;

Ти читаєш, слухаєш, говориш;

Он читает, слушает, говорит;

Він читає, слухає, говорить;

Мы читаем, слушаем, говорим;

Ми читаємо, слухаємо, говоримо;

Вы читаете, слушаете, говорите;

Ви читаєте, слухаєте, говорите;

Они читают, слушают, говорят.

Вони читають, слухають, говорять.

Для глаголов I спряжения характерны в русском языке следующие чередования тематических гласных основы:

нес-у, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут;
пиш-у, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут;
чита-ю, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ют.

Таким образом, существует шесть личных глагольных форм, соотносимых с местоимениями:

Я — 1-я	Мы — 4-я
Ты — 2-я	Вы — 5-я
Он — 3-я	Они — 6-я

В 1-м лице ед. числа и в 3-м лице мн. числа наблюдается параллелизм тематических гласных. Если -у в 1-м лице ед. числа, то и в 3-м лице мн. числа тоже -у-; тематической гласной -ю в 1-м лице ед. числа соответствует тематическая гласная -ю- в 3-м лице мн. числа. Тематическая гласная -е- появляется во 2-м и 3-м лице ед. числа и в 1-м, 2-м лице мн. числа как в глаголах, имеющих -у, так и в глаголах, имеющих -ю в 1-м лице ед. числа и в 3-м мн. числа. Тематическая -е- появляется во 2-м и 3-м лице ед. числа и в 1-м и во 2-м лице мн. числа только в глаголах, имеющих -у в 1-м лице ед. числа и в 3-м лице мн. числа.

Таким образом, мы наблюдаем параллелизм оформления 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа, с одной стороны, и четырех других форм лица (2-го и 3-го л. ед. числа, 1-го и 2-го л. мн. числа). Противопоставление тематических -е- и -е- в четырех формах лица является лишь частично различительным признаком для противопоставления тематических -у и -ю; -е- характерно лишь для форм, имеющих в 1-м л. ед. числа и в 3-м л. мн. числа -у, -е- характерно для обоих вариантов тематических гласных -у- и -ю-. По вероятности появления форм с тематической -ю- глаголы I спряжения в русском языке распределяются с учетом показателей всех шести форм лица следующим образом:

нести (-у чередуется с -е-);
читать (-ю чередуется с -е-);
писать (-у чередуется с -е-).

В украинском языке для I спряжения характерны следующие чередования гласных в личных формах глагола:

нес-у, -еш, -е, -емо, -ете, -уть;
пиш-у, -еш, -е, -емо, -ете, -уть;
чита-ю, -єш, -є, -ємо, -єте, -ють.

Как и в русском языке, в украинском есть параллельное соответствие форм 1-го л. ед. числа и 3-го л. мн. числа (-у- или -ю-) и соответствие в остальных четырех лицах (-е- или -є-). Если в формах 1-го л. ед. числа в 3-го л. мн. числа как в русском, так и в украинском языке выступают одни и те же гласные -у- и -ю-, то по иным показателям обнаруживаются следующие различия:

1) в остальных четырех лицах в русском языке глагольные чередования -е-/-е-, в украинском -є-/-е-;

2) русскому -е- соответствуют две украинские гласные -е- и -є- (*пишешь, читаешь // пишеш, читаеш*);

3) в украинском языке, в отличие от русского, наблюдается четкий параллелизм во всех шести лицах по признаку твердости и мягкости предшествующего согласного: -у — в 1-м л. ед. числа и в 3-м л. мн. числа всегда соответствует -е-; -ю — в 1-м л. ед. числа и в 3-м л. мн. числа всегда соответствует -є- в остальных четырех лицах.

Параллелизм украинских форм конкретизирует и не столь четкий параллелизм форм русского глагола. Каждый из двух близкородственных языков может характеризоваться по отношению к другому как диахронический фактор сравнения.

Глаголы II спряжения в русском языке характеризуются следующими чередованиями:

молч-у, -ишь, -ит, -им, -ите, -ат;
виж-у, -ишь, -ит, -им, -ите, -ят;
говор-ю, -ишь, -ит, -им, -ите, -ят.

Если в глаголах I спряжения представлен полный параллелизм форм 1-го л. ед. числа и 3-го л. мн. числа по твердости/мягкости конечных согласных основы, то в глаголах II спряжения нет полного параллелизма (*вижу — видят*). 1-е л. ед. числа и 3-е л. мн. числа отличаются еще и тем, что тематическим -у, -ю 1-го л. ед. числа соответствуют тематические -а-, -я- 3-го л. мн. числа. Формы всех остальных четырех лиц глаголов II спряжения имеют один тематический гласный -и-. Таким образом, соответствий между мягкостью/твердостью согласных основы 1-го л. ед. числа и 3-го л. мн. числа, а также мягкостью/твердостью конечных согласных основы остальных четырех лиц в глаголах II спряжения не наблюдается.

В украинском языке глаголы II спряжения характеризуются такими чередованиями гласных:

мовч-у, -иш, -ить, -имо, -ите, -ать;

бач-у, -иш, -ить, -имо, -ите, -ать;
говор-ю, -иш, -ить, -имо, -ите, -ять.

Тематическому гласному **-и-** в русском языке во всех случаях соответствует тематический **-и-** в украинском. В обоих языках тематические гласные, **-и-** русское и **-и-** украинское, не влияют на мягкость/твердость согласных основы 1-го л. ед. числа и 3-го л. мн. числа. В обоих языках гласным **-у/-ю-** в 1-м л. ед. числа соответствует **-а/-я-** в 3-м л. мн. числа. Вместе с тем в украинском языке обнаруживается четкий параллелизм мягкости/твердости в формах 1-го л. ед. числа и 3-го л. мн. числа в отличие от частичного параллелизма в русском языке.

Таким образом, в украинском языке в обоих спряжениях обнаруживается полная последовательность соответствия форм по твердости/мягкости конечных согласных. Эта последовательность охватывает формы всех шести лиц для глаголов I спряжения и только 1-е л. ед. числа и 3-е л. мн. числа для глаголов II спряжения.

С точки зрения прибавления флексий лица русские и украинские глаголы характеризуются следующим образом:

Рус.		Укр.	
пиш-у	пиш-ем	пиш-у	пиш-емо
пиш-ешь	пиш-ете	пиш-еш	пиш-ете
пиш-ет	пиш-ут	пиш-е	пиш-уть

Почти во всех формах, где выделяются флексии лица, в двух языках обнаруживаются определенные отличия. В русском языке 2-е л. ед. числа заканчивается на **-шь** и в украинском на **-ш**, и наоборот, 3-е л. мн. числа заканчивается на твердый | **т** | в русском и на мягкий | **т'** | в украинском.

3-е л. ед. числа в русском языке имеет флексию лица **-т**, в украинском языке эта форма лишена флексии (*пишет // пише*).

1-е л. мн. числа в русском языке заканчивается на **-м**, в украинском — **-мо** и гораздо реже употребляется **-м**.

Только во 2-м л. мн. числа в обоих языках оформляются одинаковые флексии **-те** (*пишете // пишете*), хотя | **е** | в русском языке смягчает предшествующий согласный, а | **е** | в украинском нет.

И в русском, и в украинском языке имеют специфические формы спряжения атематические глаголы *дать* и *есть* (в украин-

ском языке еще глагол *відповісти*). В обоих языках глагол *есть* образует специфические формы и в настоящем, и в будущем времени, глагол *дать* — только в будущем:

Рус.	Укр.
Я да-м, е-м	Я да-м, ї-м
Ты да-шь, е-шь	Ти дас-и, їс-и
Он дас-т, ес-т	Він дас-ть, їс-ть
Мы дади-м, еди-м	Ми да-мо, ї-мо
Вы дади-те, еди-те	Ви дас-те, їс-те
Они даду-т, едят-т	Вони даду-ть, їдя-ть

В обоих языках тематическая гласная появляется только в 3-м лице множественного числа, в других мягких формах тематическая гласная не появляется. Только на основании факта появления тематической гласной в форме 3-го л. мн. числа можно отнести глагол *есть* // *їсти* ко II спряжению в обоих языках, а глагол *дать* имеет тематические гласные показатели I спряжения в формах настоящего времени. Инфинитив *дать* в русском языке и *дати* в украинском при соотношении с личными формами настоящего времени соотносится с инфинитивом *давать* // *давати* в обоих языках.

В русском языке три личные формы множественного числа глаголов *дать* и *есть* характеризуются появлением -д- в корне, в отличие от форм единственного числа. Для глагола *дать* это удвоение -д- (*дадим, дадите, дадут*) может прямо ассоциироваться с семантикой множественного двойственного числа, в таком случае появление -д- в формах от *есть* можно рассматривать как следствие аналогии. По признаку появления -д- в корне три формы множественного числа противостоят трем формам единственного числа в русском языке, в украинском же -д- в корне появляется только в форме 3-го лица мн. числа, в которой появляется и тематическая гласная. Только форма 3-го лица мн. числа в украинском языке противостоит всем остальным по этому признаку.

Если в русском языке форма 2-го лица ед. числа глаголов *дать, есть* отличается от форм 2-го лица ед. числа других глаголов только отсутствием тематической гласной, то в украинском языке эта форма отличается от параллельных форм русского и от всех остальных глаголов украинского языка в этой форме специфическим окончанием. Ср.: *да-шь, е-шь* // *да-си, ї-си*.

В обоих языках в 1-м лице ед. числа к неполному корню прибавляется личное окончание -м, противопоставляющее глаголы *дать*, *есть* в этой форме остальным глаголам.

В остальных личных формах к корням глаголов *дать* и *есть* без тематической гласной прибавляются окончания, не отличающиеся от окончаний остальных глаголов, с которыми данные глаголы объединены в первой личной парадигме:

3-е л. ед. ч. -т // -ть
 1-е л. мн. ч. -м // -мо
 2-е л. мн. ч. -те // -те
 3-е л. мн. ч. -т // -ть

Таким образом, атематические глаголы отличаются от остальных глаголов парадигмы в русском языке по двум параметрам: 1) в форме 1-го лица — окончание -м; 2) отсутствием тематических гласных во всех формах, кроме формы 1-го лица мн. числа.

В украинском языке атематические глаголы отличаются от остальных глаголов парадигмы по трем параметрам, два из них совпадают с параметрами отличий атематических глаголов в русском языке, третий — наличие специфического окончания -и во 2-м лице ед. числа. В украинском языке глагол *відповісти* имеет те же три отличия от остальных глаголов парадигмы, что и глаголы *дать* и *есть*. Для формы 3-го лица мн. числа этот глагол имеет два варианта: 1) сложный, описательный: [вони] *дадуть відповідь*; 2) простой: [вони] *відповідять*.

Я відпо-ві-м	Ми відпо-ві-мо
Ти відпо-віс-и	Ви відпо-віс-те
Він відпо-віс-ть	Вони відпо-від-я-ть (дадуть відповідь)

Форме *вони дадуть відповідь* соответствует в остальных личных формах украинского языка также описательная конструкция: *дати (давати) відповідь*. На русский язык *відповідати* переводится *отвечать*, *дати відповідь* — *дать ответ*. *Отвечать* не относится к атематическим глаголам в русском языке. Описательная конструкция *дати відповідь* переводится на русский язык и словосочетанием *дать отповедь* со специфическим стилистическим оттенком усиления: *дать гневную отповедь*.

Существительные *відповідь* и *отповедь* происходят от единого корня, однако глагольной парадигмы от слова *отповедь* русский язык не развивает, а само слово имеет узкую сферу употребления.

В украинском языке представлены парадигмы и глагольных (*відповідати*), и именных (*відповідь*) форм. В 3-м лице мн. числа именная форма вытесняет глагольную, и это является частичным ограничением глагольного употребления. Данное именное ограничение глагольного употребления соотносимо с абсолютным ограничением образования глагольных форм от этого корня в русском языке. В украинском языке именной вариант вытесняет глагольный только в одной из форм. В русском языке образование глагольных форм в настоящее время невозможно. Оба процесса частичного и абсолютного ограничения глагольного формообразования в обоих языках следует рассматривать как параллельные процессы развития однокоренных слов в близкородственных языках. Процессы при этом характеризуются разной интенсивностью, вытесненные глагольные формы от однокоренного *отповідь* заменены полной глагольной парадигмой глагола другого корня *отвечать*.

Ограничение на употребление словоформы *відповісти* в украинском языке может быть связано с атематическим характером. Именно в форме 3-го лица мн. числа становится возможным появление тематической гласной, и именно в этой форме образование данного глагола затруднительно. Если форма *відповідять* станет со временем в украинском языке невозможной, то глагол *відповісти* будет единственным, не допускающим вовсе тематической гласной, отличаясь этим от глаголов *дать* и *есть*.

Нерегулярное употребление тематической гласной глагола *відповісти*, ограничение этого глагола по показателям образования формы 3-го лица мн. числа и отличия его от остальных глаголов парадигмы в формах 1-го л. ед. числа и 2-го л. ед. числа также может служить объяснением подобного явления относительно глагольных форм слова *отповідь* в русском языке. Гипотетически возможная парадигма глагольных форм от слова *отповідь* в русском языке имела бы, вероятно, те же ограничения, которые имеют атематические глаголы, и это вызвало бы ограничения глагольного образования.

В русском языке редко и преимущественно со стилистическими ограничениями употребляются личные формы глагола *быть*: *еси, есте, суть*. Эти формы могут встречаться в художественных текстах, преимущественно исторического жанра, где они служат цели организации речи автора или персонажей и создания соответствующего колорита. Форма 3-го лица мн. числа *суть* может встречаться и в научных текстах. Стилистически нейтральной и

не имеющей ограничений в употреблении является в русском языке форма 3-го лица ед. числа *есть*.

В украинском языке употребление всех личных форм настоящего времени от глагола *бути* (*єси, єсть, єсті, суть*) является редким и стилистически маркированным. Все эти слова встречаются в художественной литературе, и мотивация их употребления авторами совпадает с мотивацией их употребления в русском языке. Функционирование глагола *суть* не характерно для стиля украинской научной речи. Во всех стилях и без ограничения употребляется форма глагола в 3-м лице ед. числа *є*.

Эта форма употребляется со всеми личными местоимениями, равно как и форма *есть* в русском языке. Показателем лица является в данном случае только личное местоимение. Ср.:

Рус.	Укр.
<i>Я есть</i>	<i>Я є</i>
<i>Ты есть</i>	<i>Ти є</i>
<i>Он есть</i>	<i>Він є</i>
<i>Мы есть</i>	<i>Ми є</i>
<i>Вы есть</i>	<i>Ви є</i>
<i>Они есть</i>	<i>Вони є</i>

Форма *єсть* в украинском языке может окказионально заменять в сочетании со всеми личными местоимениями форму *є*, которая является нормативной для украинского языка.

В русском и в украинском языках при образовании личных форм в первой личной парадигме происходит чередование конечных согласных перед флексией.

В глаголах V класса в украинском языке во всех личных формах перед суффиксами основы *-у-/-е-* происходят следующие чередования согласных: *з/ж, к/ч, с/ш, т/ч, х/ш*.

В русском языке в соответствующем классе также происходят чередования: *з/ж, с/ш, т/ч, х/ш*.

Как видно из примеров, не всем чередованиям в украинском языке соответствуют чередования в русском:

Рус.: *вязать* — *вяжу, вяжешь, вяжет, вяжем, вяжете, вяжут*;

Укр.: *в'язати* — *в'яжу, в'яжеш, в'яже, в'яжемо, в'яжете, в'яжуть*;
ткати — *тчу, тчеш, тче, тчемо, тчете, тчуть*.

Но в рус.: *ткать* — *тку* (чередования не наблюдается).

Рус.: *писать* — *пишу, пишешь, пишет, пишем, пишете, пишут*.

Укр.: *писати* — *пишу, пишеш, пише, пишемо, пишете, пишуть*.

Рус.: *шептать* — *шепчу, шепчешь, шепчет, шепчем, шепчете, шепчут.*

Укр.: *белькотати* — *белькочу, белькочеш, белькоче, белькочемо, белькочете, белькочуть.*

Рус.: *колыхать* — *колышу, колышешь, колышет, колышем, колышете, колышут.*

Укр.: *колихати* — *колишу, колишеш, колише, колишемо, колишете, колишуть.*

Глаголы с губной согласной в конце корня в 1-м лице ед. числа перед флексией приобретают эпентетическое л. Ср.:

Рус.: *долбить* — *долблю, долбишь, долбит, долбим, долбите, долбят.*

Укр.: *довбати* — *довблю, довбеш, довбе, довбемо, довбете, довблять.*

Рус.: *терпеть* — *терплю, терпишь, терпит, терпим, терпите, терпят.*

Укр.: *терпіти* — *терплю, терпиш, терпить, терпимо, терпите, терплять.*

В глаголах VI класса в украинском языке во всех личных формах перед окончанием -у/-е- в конце корня т чередуется с ч. Ср.:

Рус.: *хотеть* — *хочу, хочешь, хочет, хотим, хотите, хотят.*

Укр.: *хотіти* — *хочу, хочеш, хоче, хочемо, хочете, хочуть.*

Таким образом, в русском языке не во всех личных формах происходит замена т, бывшего в инфинитиве, на ч — т остается во множественном числе.

В глаголах VII класса также можно наблюдать чередование согласных основы (г/ж, к/ч, ч/г/ж). Ср.:

Рус.: *мочь* — *могу, можешь, может, можем, могут;*

беречь — *берегу, бережешь, бережет, берегут;*

волочь — *волоку, волочешь, волочет, волокут;*

печь — *пеку, печешь, печет, печем, пекут;*

течь — *теку, течешь, течет, течем, течете, текут.*

Укр.: *могти* — *можу, можеш, може, можемо, можете, можуть;*

берегти — *бережу, бережеш, береже, бережемо, бережете, бережуть;*

волокти — *волочу, волочеш, волоче, волочемо, волочете, волочуть;*

пекти — *печу, печеш, пече, печемо, печете, печуть;*

текти — *течу, течеш, тече, течемо, течуть.*

Если в украинском языке заднеязычные в инфинитиве переходят в шипящие в личных формах, то в русском, наоборот, — шипящие инфинитива переходят в заднеязычные в отдельных личных формах. Таким образом, чередование в русском и украинском языках в личных формах глаголов этого класса проявляет

противоположные тенденции. В инфинитивах в украинском языке — заднеязычные, в русском — шипящие; наоборот, в личных формах в украинском языке — шипящие, в русском — заднеязычные. Русские инфинитивы, заканчиваясь на шипящие, не имеют окончания -ть, более свойственного русскому глаголу в неопределенной форме. В украинском языке заднеязычные шипящие в инфинитиве сочетаются с характерным для украинского глагола окончанием -ти без посредства тематических гласных. Если в украинском языке при образовании личных форм отбрасывается окончание инфинитива, то в русском языке окончание на шипящую не отбрасывается, а чередуется в личных формах с заднеязычным согласным.

В глаголах IX класса в русском языке в 1-м л. ед. числа перед флексией -у происходит чередование губных | б |, | в |, | м |, | п |, | ф | / | бл |, | вл |, | мл |, | пл |, | фл |. В украинском языке такое же чередование происходит в двух формах: в 1-м л. ед. числа и в 3-м л. мн. числа (перед суффиксом основы | -ја- |). Ср.:

Рус.	Укр.
<i>любить — люблю — любят</i>	<i>любити — люблю — люблять</i>
<i>ловить — ловлю — ловят</i>	<i>ловити — ловлю — ловлять</i>
<i>ломить — ломлю — ломают</i>	<i>ломити — ломлю — ломлять</i>
<i>терпеть — терплю — терпят</i>	<i>терпіти — терплю — терплять</i>
<i>графить — графлю — графят</i>	<i>графити — графлю — графлять</i>

В 1-м лице ед. числа перед окончанием -у происходят следующие чередования согласных в обоих языках: з/ж, с/ш, т/ч. Напр.:

Рус.	Укр.
<i>возить — возжу</i>	<i>возити — возжу</i>
<i>носить — ношу</i>	<i>носить — ношу</i>
<i>просить — прошу</i>	<i>просити — прошу</i>
<i>крутить — кручу</i>	<i>крутити — кручу</i>

Кроме того, в русском и украинском языках в 1-м л. ед. числа перед флексией -у происходят и различные чередования: д/ж — в русском, д/дж — в украинском. Ср.:

Рус.	Укр.
<i>водить — возжу</i>	<i>водити — воджу</i>

Таким образом, в русском языке происходит чередование согласного с согласным, в украинском — согласного с сочетанием согласных. Наблюдается различие и в чередованиях, если корень инфинитива оканчивается сочетанием согласных зд, ст. Ср.:

Рус.	Укр.
<i>ездить — езжу</i>	<i>їздити — їжджу</i>
<i>мостить — мощу</i>	<i>мостити — мощу</i>
<i>пустить — пущу</i>	<i>пустити — пущу</i>

В русском языке *зд* в инфинитиве чередуется с *зж* в 1-м л. ед. числа, а *ст* — с *ш*, в украинском языке сочетанию *ст* в инфинитиве отвечает *ш* в 1-м л. ед. числа, как и в русском языке, но *зд* чередуется в 1-м л. ед. числа с еще более сложным сочетанием согласных — *ждж*. Украинский язык допускает более сложные сочетания согласных, состоящие из бóльшего числа звуков сравнительно с русским языком, в определенной части случаев.

В глаголах X и XI классов в русском языке в 1-м л. ед. числа перед флексией *-у* после губных возникает эпентетический согласный *л*. В украинском языке эпентетический *л* возникает в 1-м л. ед. числа перед *-у* и в 3-м л. мн. числа перед *-а-*, то есть, как и в глаголах IX класса, возможен в украинском языке в бóльшем числе форм. Ср.:

Рус.	Укр.
<i>спать — сплю — спят</i>	<i>спать — сплю — сплять</i>

В русском языке в глаголах со значением звучания (*тарахтеть*, *грохотать*) в 1-м л. ед. числа *т* в конце суффикса переходит в *ч* перед гласной флексии: *тарахтеть — тарахчу*, *грохотать — грохочу*.

В украинском языке в глаголах звучания происходит аналогичный процесс в 1-м л. ед. числа, если в наличии суффикс *-о-* перед гласной флексии и (как в случае с *торохтіти*) если суффикс, *-т-*, а не *-от-*. Напр.: *гримотіти — гримочу*, *джеркотіти — джеркочу*, *дзеленькотіти — дзеленькочу*, *торохкотіти — торохкочу*.

В русскому языку для глагола XII класса *бежать* характерно чередование *ж* в конце корня инфинитива и *г* в форме 1-го л. ед. числа и 3-го л. мн. числа.

В украинском языке, наоборот, для глагола *бігти* характерно чередование *г* в инфинитиве и *ж* во всех личных формах. Ср.:

Рус.	Укр.
<i>Я бегу</i>	<i>Я біжу</i>
<i>Ты бежишь</i>	<i>Ти біжиш</i>
<i>Он бежит</i>	<i>Він біжить</i>
<i>Мы бежим</i>	<i>Ми біжимо</i>
<i>Вы бежите</i>	<i>Ви біжите</i>
<i>Они бегут</i>	<i>Вони біжать</i>

В формах русского глагола *бежать* выделяется параллелизм 1-го л. ед. числа и 3-го л. мн. числа, в то время как все остальные формы имеют *ж* в конце корня. Следует отметить, что *г* в конце корня в русском языке появляется только перед флексией *-у-*, а в украинском — во всех случаях и перед всеми флексийными формами. В украинском языке и в этом случае наблюдается более четкая и последовательная система чередований, инфинитиву противопоставлены все шесть личных форм, в то время как в русском языке только две. Вместе с тем на непоследовательность парадигмы личных форм глагола *бежать* в русском языке может влиять оппозиция *г* и *ж* при сопоставлении инфинитивов однонаправленного *бежать* и разнонаправленного *бегать*. В украинском языке и в однонаправленном глаголе *бігти*, и в разнонаправленном *бігати* в инфинитиве корень заканчивается на *г*. И в русском, и в украинском языке личные формы глаголов *бегать* и *бігати* имеют в корне только согласный *г*.

Глаголы первой личной парадигмы спряжения образуют форму будущего простого времени при помощи добавления префиксов и в русском, и в украинском языке:

Рус.	Укр.
<i>рисую — нарисую</i>	<i>малюю — намалюю</i>
<i>рисую — срисую</i>	<i>малюю — змалюю</i>
<i>вижу — увижу</i>	<i>бачу — побачу</i>

Формы составного будущего времени в обоих языках образуются при помощи глаголов-связок *быть* // *бути*, которые в обоих языках выражают категорию лица в этой форме. Ср.:

Рус.	Укр.
<i>Я буду просить</i>	<i>Я буду прохати</i>
<i>Ты будешь просить</i>	<i>Ти будеш прохати</i>
<i>Он будет просить</i>	<i>Він буде прохати</i>

В украинском языке, кроме того, возможна синтетическая форма будущего времени, в которой показатели лица являются одновременно и показателями будущего времени: *знатиму, знатимеш, знатиме, знатимемо, знатимете, знатимуть*.

Вторая парадигма

В обоих языках вторая личная парадигма включает глагольные формы прошедшего времени и условного наклонения. Она образуется синтаксическим способом: в русском языке — в результате сочетания глаголов на *-л, -л-а, -л-о, -л-и* (в зависимости от рода и числа глагола) и личных местоимений, в украинском языке — при

помощи соединения тех же личных местоимений и глаголов на -в (форма мужского рода), -л-а, -л-о, -л-и. В украинском языке, таким образом, показатель мужского рода противостоит показателям женского, среднего рода и множественного числа. Ср.:

	Рус.		Укр.
<i>Я просил</i>	<i>Мы просили</i>	<i>Я прохав</i>	<i>Ми прохали</i>
<i>Ты просил</i>	<i>Вы просили</i>	<i>Ти прохав</i>	<i>Ви прохали</i>
<i>Он просил</i>	<i>Они просили</i>	<i>Він прохав</i>	<i>Вони прохали</i>
<i>Я знал</i>	<i>Мы знали</i>	<i>Я знав</i>	<i>Ми знали</i>
<i>Ты знал</i>	<i>Вы знали</i>	<i>Ти знав</i>	<i>Ви знали</i>
<i>Он знал, -а</i>	<i>Они знали</i>	<i>Він знав, -ла</i>	<i>Вони знали</i>

Третья парадигма

Третья личная парадигма представляет собой модель для образования форм повелительного наклонения. В нее входят не все формы лица, в обоих языках это глаголы в форме 2-го л. ед. числа и 1-го, 2-го л. мн. числа. Ср.:

Рус.	Укр.
<i>Ты показывай, смотри, езжай</i>	<i>Ти покажуй, дивись, їдь, носи</i>
<i>Он —</i>	<i>Він —</i>
<i>Мы показываем, смотрим, едем</i>	<i>Ми показуймо, дивімо, їдьмо, носімо</i>
<i>Вы показывайте, смотрите, едьте</i>	<i>Ви показуйте, дивіться, їдьте, носіть</i>
<i>Они —</i>	<i>Вони —</i>

В русском языке форма 2-го лица ед. числа образуется в результате добавления окончаний: -и в позиции после сочетания согласных, а также под ударением и нулевого окончания в остальных случаях. В украинском языке в первом случае форма повелительного наклонения образуется при помощи добавления окончания -и и нулевого окончания в остальных случаях. В обоих языках при образовании формы повелительного наклонения с помощью нулевого окончания конечные согласные корня д, з, л, с, т смягчаются: *глядь, слазь, карауль, посторонись // гладь, злазь, вивозь, виходь*.

В русском языке смягчается и согласный корня при нулевом окончании после | р |: *Не гутарь*.

Для 1-го лица мн. числа в русском языке нет специфической формы повелительного наклонения, значение повелительности может приобретать личная форма 1-го л. мн. числа. В украинском языке наблюдается расхождение форм 1-го л. мн. числа и повели-

тельного наклонения в противоположность их тождеству в русском языке. В украинском языке повелительное наклонение в этой форме образуется при помощи окончаний **-імо** (если во 2-м л. ед. числа **-и**) или **-мо** (если во 2-м л. ед. числа нулевое окончание).

Форма повелительного наклонения глаголов во 2-м лице мн. числа в русском языке образуется при помощи прибавления окончания **-ите** (если во 2-м л. ед. числа — окончание на гласный **-и**) и **-те** (если во 2-м л. ед. числа — окончание нулевое).

В украинском языке окончанию **-и** во 2-м лице ед. числа соответствует **-іть** (**-іте**), нулевому окончанию — **-те**. Таким образом, в украинском языке данная форма образуется и при помощи окончания **-іть**, которое в русском языке в этой форме не употребляется. Ср.: укр. *носіть, везіть*, рус. *носите, везите*.

И в русском, и в украинском языке многие глаголы в форме 2-го лица ед. числа повелительного наклонения теряют в положении перед окончаниями тематические гласные. В большинстве случаев глаголы одного корня в обоих языках одинаково теряют тематические гласные. Ср.: *ре-з-ать* — *режь*, *бормот-а-ть* — *бормоч-и*, *прос-и-ть* — *прос-и*, *бр-а-ть* — *бер-и*, *эконом-и-ть* — *экономь*, *бурч-а-ть* — *бурч-и*, *крич-а-ть* — *крич-и*, *терп-е-ть* — *терп-и*, *вел-е-ть* — *вел-и*, *гляд-е-ть* — *гляд-и* // *різ-а-ти* — *ріж*, *шепот-і-ти* — *шепоч-и*, *прос-и-ти* — *прос-и*, *бра-ти* — *бер-и*, *эконом-и-ти* — *эконом*, *бурч-а-ти* — *бурч-и*, *крич-а-ти* — *крич-и*, *терп-і-ти* — *терп-и*, *вел-і-ти* — *вел-и*, *гляд-і-ти* — *гляд-и*.

В других глаголах во 2-м лице ед. числа в обоих языках суффиксы сохраняются: *розви-вай*, *приним-ай*, *влад-ей*, *гр-ей*, *жал-ей* // *розви-вай*, *прійм-ай*, *волод-ій*, *гр-ій*, *жал-ій*.

Глаголы I класса сохраняют перед личными окончаниями первый гласный и **-j** (*лет-аj*, *счит-аj* // *літ-аj*, *віт-аj*). В VII классе глаголы в обоих языках сохраняют перед личными окончаниями и вместо суффикса основы **-ну**: *ки-ну-ть* — *ки-нь*, *прыг-ну-ть* — *прыг-н-и*, *вдох-ну-ть* — *вдох-н-и* // *ки-ну-ти* — *ки-нь*, *стриб-ну-ти* — *стриб-ни*, *вдих-ну-ти* — *вдих-ни*.

В русском языке глаголы, которые заканчиваются в инфинитиве на гласный **-и**, имеют в повелительном наклонении также окончания **-и**: *мести* — *мети*, *идти* — *иди*, *вести* — *веди*.

Большинство глаголов в русском языке оканчивается в инфинитиве на **-ть**, и этим глаголам соответствует форма повелительного наклонения на **-и** или на нулевое окончание. В украинском языке глаголы в инфинитиве оканчиваются на **-ти**, и им соответствуют в повелительном наклонении окончания **-и** или нулевое.

И в русском, и в украинском языке при образовании форм повелительного наклонения происходит чередование: сочетание согласных / один согласный. Такое же чередование происходит при построении парадигмы инфинитив — личные формы: *мести — мету — мети, идти — иду — иди // мести — мету — мети, вести — веду — веди*.

В глаголах V, VIII и XI классов при образовании форм повелительного наклонения происходят чередования согласных того же характера, что и при образовании глагольных форм (см. выше). Эти чередования происходят при образовании форм повелительного наклонения в обоих языках.

Для глаголов V класса характерны следующие чередования сочетаний согласных: *з/ж, с/ш, т/ч, ск/щ*.

В определенных случаях чередование в украинском языке происходит чаще, чем в русском. Ср.: *ткать — тки, колыхать — колыхай // ткати — тчи, колихати — колиши*.

Как и при образовании личных форм, при образовании форм повелительного наклонения глаголов VIII класса в русском языке шипящие инфинитива заменяются заднеязычными, в украинском языке заднеязычные переходят в шипящие: *беречь — береги — берегите, печь — пеки — печем — пеките // берегти — бережи — бережемо — бережіть, пекти — печи — печемо — печіть*.

В русском языке 1-е лицо мн. числа не дает чередования, остается шипящий. Соответственно, шипящий остается и в форме повелительного наклонения в 1-м л. мн. числа. Часть глаголов в русском языке (например, *беречь*) в этой форме вообще не могут выступать в роли повелительного наклонения, в отличие от глаголов украинского языка.

XIII класс глаголов: *бежать — бежим — бегите // бігти — біжи — біжімо — біжіть*. В русском языке ж инфинитива чередуется с г в форме повелительного наклонения, кроме форм 1-го л. мн. числа. Эта форма может выступать и как форма повелительного наклонения в русском языке. В украинском языке происходит регулярное чередование г в инфинитиве с ж во всех трех формах повелительного наклонения.

В русском языке совпадают формы 2-го лица ед. числа и 1-го лица мн. числа и соответствующие им формы повелительного наклонения: *Ты ешь; Мы едим*.

Форма 2-го лица мн. числа повелительного наклонения образуется по аналогии с формой глагола 2-го лица ед. числа, в то время как личная форма 2-го л. мн. числа образуется по аналогии со

всей парадигмой множественного числа этого глагола: *Мы едим; Вы едите; Они едят, но ешьте!* (повелительное наклонение).

В украинском языке атематическому глаголу *їсти* соответствуют следующие формы в повелительном наклонении:

2-е л. ед. ч. — *їж*
1-е л. мн. ч. — *їжмо*
2-е л. мн. ч. — *їжте*

Отметим, что в украинском языке есть, в отличие от русского, специфическая форма повелительного наклонения в 1-м лице мн. числа. Ср.:

Рус.: 1-е л. мн. ч. — *едим* — повелительное значение может придаваться лишь соответствующей интонацией.

Укр.: 1-е л. мн. ч. — *їмо/їжмо* — специфическая форма повелительного наклонения.

2-е лицо ед. ч. — и в русском, и в украинском языке формы повелительного наклонения и личные формы совпадают.

2-е лицо мн. ч. — и в русском, и в украинском языке существуют различные формы повелительного наклонения и параллельно личные формы.

Таким образом, в обоих языках формы множественного числа противостоят формам единственного числа по способности образовывать во множественном числе два ряда форм — собственно личных и личных форм повелительного наклонения во 2-м лице мн. числа. В украинском языке, кроме того, формы множественного числа противостоят формам единственного числа и в 1-м лице.

В обоих языках повелительное наклонение оказывается более сильным в формах множественного числа.

В украинском языке формы повелительного наклонения являются для части глаголов (например, *єсть // їсти*) более дифференцированными и развитыми сравнительно с русским языком.

VIII. КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Категория залога в восточнославянских языках принадлежит к числу наиболее сложных глагольных категорий. Она формируется в результате взаимодействия категорий актива/пассива, возвратности/невозвратности, переходности/непереходности.

Категория залога отображает соотношение действия и основных принимающих в нем участие приглагольных членов (субъек-

та и объекта). Эти соотношения могут выражать направленность действия на субъект или ограничение направленности действия и изменение ролей приглагольных членов.

В “Русской грамматике”¹ дается следующее определение категории залога: “Залог — это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом. Различия заключаются в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю, выраженному подлежащим”.

Категория залога по-разному интерпретировалась как в русской, так и в украинской лингвистической традиции.

История учения о залоге изложена в работе В. Виноградова “Русский язык”². Ввиду того, что категория залога в русском языке вырастает на пересечении значений переходности, возвратности, обусловлена семантикой глагола и синтаксической моделью, концептуальная картина залога отличается противоречивостью, причем не только в плане историческом, но и на современном этапе. По замечанию В. Виноградова, “клубок грамматических вопросов, связанных с учением о залоге”, сформировался к концу XIX в. Развивая образ, можем сказать, что из этого клубка по-прежнему торчит несколько нитей, и все так же трудно определить основную.

Идея залога была воспринята русскими грамматистами из греко-римской традиции в трехчленном варианте: действительный, страдательный, средний. Однако уже к концу XIX в. их насчитывалось шесть: действительный, страдательный, средний, возвратный, взаимный и общий, — которые выделялись на основе лексико-синтаксических параметров. А. Шахматов, опираясь на морфологические признаки, “возвращается” к трехчленной концепции: действительный (действие проистекает от субъекта), страдательный (действие переходит на субъект-подлежащее с другого субъекта), средний, или возвратный (действительный глагол, изменивший свое отношение к субъекту путем присоединения постфикса -ся). Позже ученый расширил рамки действительного залога, включив в него не только прямо-переходные, но и косвенно-переходные и непереходные глаголы. Именно из шахматовс-

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — С. 613.

² Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972. — С. 476—494.

кой концепции, переосмысленной В. Виноградовым, выросла современная трехчленная теория залога; в поздней широкой трактовке действительного залога видны ростки двучленной теории.

Современные концепции залога различаются интерпретацией значения залоговости, а отсюда — количеством форм залога, характером их оппозиций, охватом глагольной лексики ¹.

Поскольку при глаголе имеется два члена, залоговость может определяться либо путем обращения к обоим — субъекту и объекту (А. Шахматов, А. Потебня, В. Виноградов), либо только к одному — подлежащему как логическому субъекту ². Объект-дополнение не может быть идентификатором, поскольку легко опускается: *Окно открыли. Окно открыто* (логический субъект окно является здесь пациенсом, логический объект — агенс опущен). Если в качестве исходного принимается значение переходности в его связи с возвратностью и в отношении к субъекту и объекту, структурируется трехчленная система залогов: действительный — действие субъекта переходит на прямой объект (прямо-переходные глаголы); страдательный — объект-подлежащее испытывает воздействие субъекта-дополнения (глаголы с постфиксом *-ся*, образованные от переходных, страдательные причастия); возвратный, или средневозвратный, — действие замыкается на подлежащем (возвратные глаголы). Эта классификация исключает из поля залоговых отношений непереходные глаголы без *-ся* и образованные от них глаголы с постфиксом *-ся*, глаголы с *-ся*, не имеющие соответствующих основ без *-ся*, а также разошедшиеся с производными переходными основами по значению ³.

Если в качестве исходного принимается значение переходности в его отношении к субъекту и объекту, языковая база категории резко сужается, структурируя два залога, противопоставленных достаточно регулярными рядами форм: действительный (прямо-переходные глаголы) и страдательный (страдательные причастия и отпереходные глаголы с *-ся*). Весь оставшийся массив глаголов оказывается вне залога. Эта концепция именуется “залогом в узком понимании” ⁴.

И наконец, если в определении залоговости ключевую роль играет отношение действия к синтаксическому субъекту, катего-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 160.

² Милославский И.Т. Русская грамматика. — М., 1981.

³ Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. — М., 1998. — 280 с.

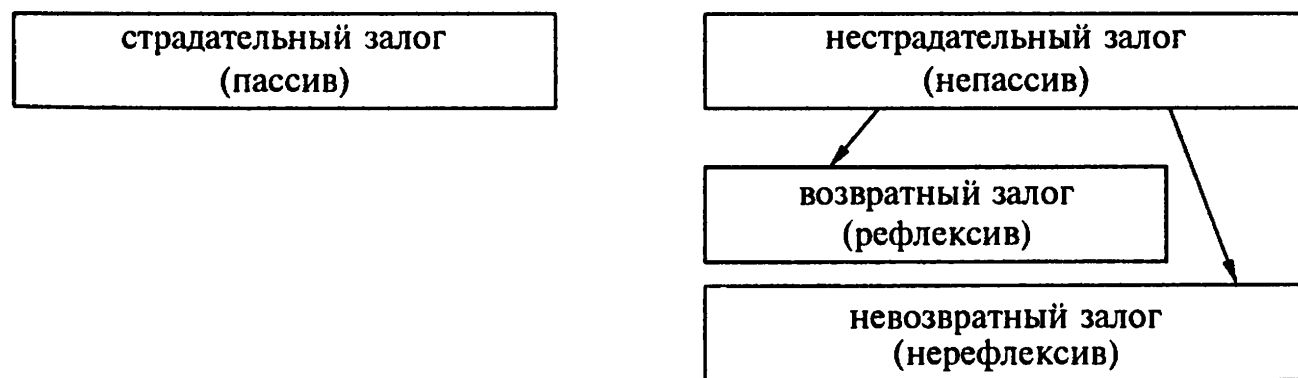
⁴ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 399—408.

рия залога приобретает тотальный характер. Залог — это морфологическая категория, отражающая способность глагола сочетаться с подлежащим как с объектом действия. Эта категория может принимать два значения: действительное и страдательное¹. Если подлежащее выступает объектом действия, глагол-предикат имеет страдательное значение, если нет — действительное².

Глагольная лексика русского и украинского языков может быть интерпретирована в рамках любой из этих концепций. Однако представляется, что для целей нашего исследования наиболее плодотворным является функциональный подход, представленный в теории поля А. Бондарко³ и перекликающийся с концепцией, разработанной пражской “Русской грамматикой”⁴. Ядро поля составляет оппозиция: актив/пассив. Морфологическим ядром актива являются невозвратные глаголы, пассива — страдательные причастия. На периферии находится оппозиция по линии возвратности/невозвратности, переходности/непереходности.

В “Русской грамматике”⁵ выделяется залог в узком смысле слова, то есть противопоставление пассива и непассива, и залог в широком смысле, то есть противопоставление рефлексива и неререфлексива. Иерархия залоговых категорий приобретает следующий вид:

Горизонтальный ряд оппозиций составляет ядро категории. Собственно залоговые категории пересекаются с лексико-синтаксической категорией переходности/непереходности; объем переходных глаголов задает объем ядра залоговых оппозиций. Упорядочение залоговых категорий имеет асимметричный характер:

¹ Милославский И. Русский язык. — М., 1981. — С. 183—184.

² Русская грамматика. — М., 1980. — С. 613.

³ Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. — Л., 1976.

⁴ Русская грамматика. — Прага, 1979.

⁵ Там же. — С. 267—270.

Ряд	1	2	3
А	пассив: <i>умыт // умитий</i>	непассив нерефлексив: <i>умывает // умиває</i>	непассив рефлексив: <i>умывается // умивається</i>
Б	—	непассив нерефлексив: <i>белеет // біліє</i>	непассив рефлексив: <i>белеется // біліється</i>
В	—	непассив нерефлексив: <i>сапожничает // чоботарює</i>	—
Г	—	—	непассив рефлексив: <i>борется, несетя // бо- реться, несеться</i>

Ряд А составляют глаголы, соотносительные по категориям переходности, пассива и возвратности: это действительные глаголы (2 А), от которых образуются пассивные причастия (1 А), непассивные (или действительные в другой терминологии) возвратные глаголы (3 А). В этом ряду в позиции 1 А могут быть глаголы, образованные от 2 А при помощи *-ся*, так называемый возвратный пассив. Напр: *текст изучается, слова разбиваются на морфемы, морфемы сопоставляются, подсчитываются // питания обговариваются, проблемы ставятся, умови узгоджуються* и т. д.

Все остальные ряды составляют непереходные глаголы, так называемые *nonpassiva tantum*, то есть действительные глаголы, не имеющие пассивного соответствия. При этом действительные глаголы могут быть противопоставлены по линии возвратности (2 Б/3 Б), а могут составлять тип *irreflexiva tantum* (2 В) или *reflexiva tantum* (3 Г). В группу *reflexiva tantum* входят не только глаголы, которые без *-ся* не употребляются, но и глаголы, разошедшиеся с исходной основой по значению (*нести ведро — нестись*).

Приведенная система залоговых категорий позволяет рассмотреть весь массив языковых единиц, так или иначе характеризующих действие с точки зрения соотношения логического субъекта и агенса. В рамках данного подхода категория залога характеризуется следующими признаками:

1. Категория залога — это глагольная категория, отражающая способность глагола сочетаться с подлежащим в роли пациенса.

2. Категория залога охватывает все глаголы. Внезалоговых глаголов нет.

3. Категорию залога формируют значения актива/пассива, рефлексива/нерефлексива.

4. Ядром категории залога являются формы актива/пассива, организуемые в оппозицию на базе прямо-переходных глаголов.

5. Образование залоговых форм зависит от переходности и вида исходного глагола, от склонения, времени, косвенно — от рода и числа.

6. Система залоговых противопоставлений отличается асимметрией, что обусловлено дефектностью глагольной парадигмы и нерегулярностью словообразования.

7. С точки зрения объема значительный перевес имеют немаркированные члены оппозиции, то есть формы действительного (нестрадательного) залога.

8. Значение залога выражается в языке морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами.

9. Реализация залоговых значений зависит также от категории персональности/имперсональности.

Основным носителем залогового значения является глагольное слово, как средоточие лексического и морфологического значений и синтаксической валентности. С этой точки зрения глагольная лексика русского и украинского языков может быть разбита на несколько групп.

1. Прямо-переходные глаголы, образующие формы причастий (страдательных), страдательные глаголы с постфиксом *-ся*, а в украинском языке и предикативные формы на *-но (-ено), -то*. Ср.:

Рус. *нумеровать* — *нумерованный* — *нумероваться*;
подвергнуть — *подвергнутый* — *подвергнуться*;
ампутировать — *ампутированный* — *ампутироваться*;
анализировать — *анализируемый* — *анализироваться*;
прослушать — *прослушанный* — *прослушаться*;

Укр. *ангажувати* — *ангажований* — *ангажовано* — *ангажуватися*;
атакувати — *атакований* — *атаковано* — *атакуватися*;
вистіювати — *вистіюваний* — *вистіювано* — *вистіюватися*;
в'ялити — *в'ялений* — *в'ялено* — *в'ялитися*;
скосити — *скошений* — *скошено* — *скоситися*.

В русском и украинском языках существует так называемый возвратный пассив, который трактуется в грамматиках то как форма, то как новое слово. Здесь рассматривается возвратный пассив как форма, поскольку он вступает в оппозицию с исходным переходным глаголом только по признаку залога¹.

¹ Сучасна українська літературна мова. — С. 336; Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 286.

2. Переходные глаголы, не образующие регулярных страдательных форм: *повыбивать, жалеть, потеть, лизнуть, щадить, громоздить, поспрашивать, наруководить, метать*¹ // *думати, жаліти, хотіти, любити, спасати, мислити, розуміти, ждати, зазнавати, терпіти*².

3. Непереходные глаголы с формально невыраженной непереходностью, *irreflexiva tantum*: *лежать, сидеть, страдать, ходить, сапожничать, батрачить, закипеть, заблестеть, накалить, надерзить* // *спати, лежати, бігти, забігти, ходити, заблищати, накричати, горіти, наймитувати*.

4. Непереходные глаголы без *-ся* с основообразующими аффиксами *-е-*, *-ну-* и значением выявления признака: *белеть* (ср. *белить*), *темнеть* (ср. *темнить*), *сохнуть* (ср. *сушить*), *чернеть* (ср. *чернить*) // *біліти* (ср. *білити*), *темніти* (ср. *темнити*), *сохнути* (ср. *сушити*), *чорніти* (ср. *чорнити*).

5. Непереходные глаголы, образованные от переходных при помощи аффикса *-ся* и получившие возвратное значение, в трехчленной концепции залога “средневозвратные”: *одеваться, успокаиваться, веселиться, уложиться, ругаться, обниматься, бодаться, мучиться* // *одягатися, умиватися, лаятися, хвилюватися, цілуватися, чіплятися, веселитися, будуватися*.

6. Возвратные глаголы, образованные от непереходных невозвратных: *белеться, плакаться, чернеться, стучаться, смотреться* (в зеркало), *хвастаться* // *чорнітися, білітися, темнітися, стукатися, грюкатися, бризкатися, гепнутися, силкуватися*.

7. Возвратные глаголы, которые без *-ся* не употребляются, *reflexiva tantum*: *бороться, бояться, глумиться, здороваться, каяться, нравиться, улыбаться, надеяться, кланяться* // *боротися, боятися, глумитися, каятися, подобатися, насміхатися, сміятися, вклонятися, сумніватися*.

8. Возвратные глаголы, которые разошлись по значению с исходными невозвратными основами: *нести — нестись, прощать — прощаться, бросать — бросаться, метать — метаться, сказать — сказаться, водить — водиться, забыть — забыться* // *прощати — прощатися, кинути — кинутися, в'язати — в'язатися, молити — молитися, просити — проситися, брати — братися, тягти — тягтися*.

9. Возвратные глаголы префиксально-постфиксального образования: *разгуляться, задуматься, нагуляться, перекликаться, добегаться, истосковаться, выгуляться* // *замислитися, наїстися, пе-*

¹ Зализняк А. Грамматический словарь русского языка. — 2-е изд. — М., 1980.

² Сучасна українська літературна мова. — С: 332, 405.

регукуватися, догулятися, запрацюватися, розлягтися, розласуватися.

10. Возвратные безличные глаголы: *работается, спится, не сидится, хочется, думается, читается, дышится, смеркается // спиться, не лежаться, думается, працюється, не ждється, не терпиться, дихається, ведеться (добре), смеркається.*

11. Безличные невозвратные: *тошнит, мутит, лихорадит, вечереет, смеркает, светает // смеркає, темніє, вечоріє, світає, знудило, лихоманить, трусить.*

12. Некоторые ученые выделяют глаголы *passiva tantum*: *казаться — показаться, чудиться — почудиться, нравиться — понравиться, снится — присниться*¹. Подобные глаголы есть и в украинском языке: *здаватися — здатися, увижатися — привиджуватися — привидитись, подобатись — сподобатись, снитись — приснитись — наснитись.*

Например, страдательное значение усматривается на основе синонимизации двух последних конструкций в следующих предложениях:

- а) *Татьяна видит сон* (действительный залог);
- б) *Татьяне видится сон* (страдательный);
- в) *Татьяне снится сон* (тоже страдательный).

В последней конструкции форме именительного падежа приписывается значение семантического объекта — пациенса, следовательно семантическим субъектом оказывается Татьяна. На наш взгляд, Татьяна не может быть агенсом действия, поскольку сон ей навязывается, он появляется помимо ее воли. Заметим, что все глаголы имеют подобную семантику: *нравиться, чудиться*, — “я не хочу, но оно охватывает меня”. В “Русской грамматике”² глаголы с подобной семантикой в конструкции с дательным падежом называются средне-пассивным (напр.: *Какой сон мне виделся!; Вспомнилась Жаннетта*). Глаголы модифицируют состояние пассивного субъекта действия *мне* (пропущенный дательный). Это довольно туманное объяснение: “пассивный субъект” и “источник” является, скорее, всегда сигналом нерасчлененности направления агенса и пациенса: с одной стороны, это Татьяна воспринимает, и она субъект, а сон — объект, но с другой — сон снится, он сам является Татьяне, и тут он тоже субъект, а Татьяна объект.

¹ Современный русский язык. — М., 1981. — С. 323.

² Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 289.

Категория залога находится в обоих языках в системе сложных отношений с категориями вида, наклонения, времени, лица (рода, числа), будучи зависимой от них в формообразовании и определяя семантическую функцию.

Категория вида обуславливает образование страдательных форм: от совершенного вида образуются по преимуществу страдательные причастия, от несовершенного — страдательные формы на *-ся*: *дом построен рабочими — дом строился рабочими // дiм побудований робiтниками — дiм будувався робiтниками.*

Вместе с тем именно залоговая форма страдательного причастия способна выразить видовое значение перфектности.

Формы действительного залога возможны во всех трех наклонениях: действительном, сослагательном и повелительном; страдательного — только в действительном и сослагательном. Ср.:

Рус. <i>написал письмо</i>	— <i>написал бы письмо</i>	— <i>напиши письмо;</i>
Укр. <i>написав листа</i>	— <i>написав би листа</i>	— <i>напиши листа;</i>
Рус. <i>письмо написано</i>	— <i>письмо было бы написано</i>	— ;
Укр. <i>лист написаний</i>	— <i>лист був би написаний</i>	— .

Описательные формы повелительного пассива редки: *будьте любимы, прокляты, читаемы // будьте прокляті, бажані, люблені.*

Связь категории залога и времени проявляется в образовании форм причастий (настоящего и прошедшего времени), а также в разновидностях значения времени: действительный залог прошедшего времени совершенного вида функционирует чаще в аористическом значении (*я приехал и уехал, написал и порвал, прочитал и забыл*), страдательные причастия представляют перфектность: *письмо написано, книга прочитана // листа написано, книжку прочитано.*

Находясь в тесных связях с категорией персональности (более подробно см. ниже), залог вступает в косвенные отношения с числом и родом, поскольку безличные глаголы имеют формальные показатели единственного числа и среднего рода: *мне нездоровится, светало.*

Таким образом, категория залога в русском и украинском языках имеет общее содержание, сходную структуру внутризалоговых оппозиций, сходный языковой материал (лексико-грамматические типы глагола). Отличия, следовательно, касаются специфики формообразования, периферии категорий переходности и возвратности, типичности синтаксических конструкций и функционирования.

2. КАТЕГОРИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ/ НЕПЕРЕХОДНОСТИ

Категория переходности/непереходности (или транзитива/интранзитива) является лексико-синтаксической категорией¹. Переходность/непереходность проявляется в способности обозначать признак самостоятельно (интранзитивно) или в объединении с прямым объектом (транзитивно). То есть переходность/непереходность заключается в лексическом значении слова, но выявляется в синтаксической конструкции, маркируется ею.

Связь категории переходности/непереходности с морфологией состоит в том, что она, как было сказано выше, составляет основу для формирования ядра залоговой категории, или категории залога в узком понимании. Кроме того, категория непереходности может иметь морфемные маркеры (-ся).

Категория переходности/непереходности свойственна в русском и украинском языках глаголам, причастиям, деепричастиям, инфинитиву.

Показателем переходности в обоих языках выступает прямой объект в форме:

- винительного падежа без предлога: *читать книгу, строить дом, жечь дрова, представлять море // читати книгу, будувати будинок, палити дрова, уявляти море;*

- родительного падежа при отрицании: *не читать книг, не просить хлеба, не рвать цветов // не читати книжок, не просити хліба, не рвати квітів;*

- родительного падежа при отдельных глаголах: *жаждать славы, ждать письма, просить милостыни, желать счастья, хотеть любви² // бажати здоров'я, хотіти слави, чекати листа, зичити добра³.*

Русская грамматика⁴ трактует как переходные также глаголы с префиксом *на-* и значением кумулятивности: *накупить, нарвать, наварить, настрелять, насочинить, народить, натаскать*, управляющие родительным или винительным падежом. Подоб-

¹ Русанівський В. Структура українського дієслова. — К., 1971. — С. 211; Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 268.

² Русский язык: Энциклопедия. — М., 1979. — С. 208.

³ Русанівський В. Зазн. праця. — С. 213.

⁴ Русская грамматика. — М., 1980. — С. 362.

ная словообразовательная модель активна и в украинском языке: *натягати води, нарвати квітів, накупляти стрічок, настріляти качок, наварити вареників, налити вина*¹.

Иногда глаголы последнего типа относят к так называемым косвенно-переходным глаголам (невозвратным и возвратным), которые жестко управляют именем в косвенном падеже (*верить другу, надеяться на друга, гордиться другом*).

Если переходный глагол способен употребляться без прямого объекта, его семантика модифицируется в направлении процессуальности, например: *мальчик рисует дом* (перех.); *мальчик рисует* — “процесс” (неперех.); *мальчик рисует уже хорошо* — “способность” (неперех.) // *дівчинка співає пісню* (перех.); *дівчинка співає* (неперех.); *дівчинка співає гарно* — “способность” (неперех.)

При квалификации переходности/непереходности следует иметь в виду, что форма винительного падежа может и не выражать прямого объекта, следовательно, глагол не имеет при нем значения переходности²: *писать неделю, работать целый день* // *писати годину, працювати весь день*.

Непереходные глаголы синтаксически не маркированы — они определяются по отсутствию самого объекта (*лежать, сидеть* // *лежати, сидіти*). Вместе с тем в обоих языках имеются морфологически соотносительные пары с каузативными глаголами. Ср.:

Рус.		Укр.	
<i>белеть</i>	— <i>белить</i>	<i>веселити</i>	— <i>веселити</i>
<i>чернеть</i>	— <i>чернить</i>	<i>білити</i>	— <i>білити</i>
<i>сохнуть</i>	— <i>сушить</i>	<i>сохнути</i>	— <i>сушити</i>
<i>гаснуть</i>	— <i>гасить</i>	<i>нянькувати</i>	— <i>няньчити</i>
<i>багреть</i>	— <i>багрить</i>	<i>тухнути</i>	— <i>тушити</i>

Важнейшим показателем переходности является постфикс **-ся**. Присоединяясь к переходному глаголу, он делает его непереходным — страдательным или возвратным: *Мама умывает мальчика. — Мальчик умывается мамой. — Мальчик умывается* (сам).

От глаголов с постфиксом **-ся** могут быть образованы действительные причастия (*умывающийся, улыбавшийся*) с сохранением значения “возвратности”, а также “страдательности” (*читаться — читающаяся книга*); **-ющ-** указывает на действительный залог, **-ся** — на страдательный, а потому форма *книга, читающаяся*

¹ Безпояско О., Городенська К., Русанівський В. Граматика української мови. — К., 1993. — С. 236.

² Русанівський В. Структура українського дієслова. — К., 1971. — С. 212—213.

мальчиком, синонимична форме *книга*, читаемая *мальчиком*. В украинском языке такие формы отсутствуют. Однако в том и другом случае прямого синтаксического объекта нет и глагол значение переходности теряет.

На этом основании постфикс *-ся* трактуется как абсолютный показатель непереходности. Представляется, что это не совсем так.

В украинском языке есть несколько переходных глаголов с постфиксом *-ся*: *сподіватися щастя*¹, *роздивлявся хустку* (*дівчину*), *обдивлявся місцевість* (ср. редкое *роздивляти* кого—що).

Переходность/непереходность глагола во многом обусловлена лексической семантикой, потому в обоих языках выделяются параллельные семантические группы. Так, значение переходности может быть обусловлено семантикой созидания или разрушения: *шить, рвать, строить, ломать, писать, стирать* // *шити, рвати, будувати, ламати, писати, витирати*.

Значение непереходности детерминируется семантикой положения, состояния, проявления признака, изменения состояния, рода занятия и т. п.: *лежать, болеть, белеть, худеть, слесарничать* // *лежати, хворіти, біліти, худіти, слюсарювати*.

Категория переходности/непереходности, являясь, по сути, лексико-синтаксической категорией, формирует пассив путем семантических сдвигов в процессе деривации.

Так, в русском и украинском языках непереходные глаголы образуются от переходных путем прибавления постфикса *-ся*, а переходные — от непереходных при помощи префиксов. Подобные преобразования глубоко затрагивают семантику глагола — в нем происходят не только модификационные сдвиги, но и мутационные. Ср.:

Рус.

<i>играть на скачках</i>	— <i>выиграть приз,</i>
<i>лежать</i>	— <i>отлежать руку,</i>
<i>работать</i>	— <i>заработать деньги,</i>
<i>спать</i>	— <i>проспать урок,</i>
<i>идти</i>	— <i>перейти дорогу,</i>
<i>стрелять</i>	— <i>прострелить руку,</i>
<i>судить</i>	— <i>обсудить урок;</i>

Укр.

<i>їсти</i>	— <i>з'їсти борщ,</i>
<i>їхати</i>	— <i>проїхати перехрестя.</i>

¹ Русанівський В. Зазн. праця. — С. 213.

Вместе с тем эти и другие префиксы широко модифицируют глагольное значение, не меняя транзитивной перспективы. Чаще всего это префиксы **на-**, **пере-**, **с-**, **при-**, **про-**, **раз-**; при этом наблюдается почти полное соответствие эквивалентов (при одинаковых корнях). Ср.:

Рус.		Укр.	
<i>греть</i>	— <i>подогреть</i>	<i>гріти</i>	— <i>підігріти</i>
<i>окать</i>	— <i>поокать</i>	<i>акати</i>	— <i>поакати</i>
<i>писать</i>	— <i>переписать</i>	<i>писати</i>	— <i>переписати</i>
<i>стоять</i>	— <i>перестоять</i>	<i>стояти</i>	— <i>перестояти</i>
<i>ехать</i>	— <i>приехать</i>	<i>їхати</i>	— <i>приїхати</i>
<i>мазать</i>	— <i>намазать</i>	<i>мастити</i>	— <i>намастити</i>
<i>гнать</i>	— <i>пригнать</i>	<i>гнати</i>	— <i>пригнати</i>
<i>гореть</i>	— <i>прогореть</i>	<i>горювати</i>	— <i>прогорювати</i>
<i>искать</i>	— <i>разыскать</i>	<i>шукати</i>	— <i>розшукати</i> и т. д.

Изучение различий в переходности глагола в русском и украинском языках, предпринятое нами на базе невозвратных единиц по материалам “Русско-украинского словаря”¹, позволяет полнее судить о природе переходности.

При сопоставлении учитывалась семантика и соотношение корней. Ввиду того, что различий оказалось не так много — около трехсот случаев, можно говорить об онтологической обусловленности категории переходности, ср.: *женить сына* // *дружити дитину*. Поскольку основная масса пар представляет данный тип, ограничимся здесь одним примером (см. еще выше).

Вместе с тем особенности восприятия действия сквозь призму семантического субъекта и объекта приводят к расхождениям, которые могут быть интерпретированы как логические; то есть в одном языке объект как бы вычленяется из действия, в то время как в другом он либо подразумевается в действии, либо пропускается сознанием, ср.: *горланить песню* // *горланити*.

На этой основе формируется полисемия внутри глагольной лексемы в одном языке и межъязыковая омонимия на уровне ЛСВ. Подобный тип различий в категории переходности в русском и украинском языках является доминирующим. Покажем на примерах.

¹ Русско-украинский словарь: В 3 т. — К., 1980—1981.

Рус.	Укр.
А. 1. <i>Задумать статью.</i> 2. <i>Задумать карту.</i>	А. 1. <i>Задумати статтю.</i> 2. <i>Задумати карту.</i> 3. <i>Куди голова задумала, туди ноги йдуть.</i>
Б. 1. <i>Залепить пощечину.</i> 2. <i>Залепил ему ("сказал").</i>	Б. 1. <i>Заліпити в морду.</i>
В. 1. <i>Временил приступать.</i>	В. 1. <i>Зволікати з роботою.</i> 2. <i>Зволікати розмову.</i>
Г. 1. <i>Караулить врага.</i> 2. <i>Караулить тюленя.</i>	Г. 1. <i>Вартувати склад.</i> 2. <i>Вартувати ("дежурить").</i>
Д. 1. <i>Куриль махорку.</i> 2. <i>Куриль в детской благо- вония.</i> 3. <i>Куриль смолу.</i>	Д. 1. <i>Курити тютюн.</i> 2. <i>Курити фіміам.</i> 3. <i>Курити горілку.</i> 4. <i>Троянці добре так курили.</i>
Е. 1. <i>Куковала кукушка.</i>	Е. 1. <i>Кувала зозуля.</i> 2. <i>Кувала щастя.</i>
Ж. 1. <i>Морщить лоб.</i> 2. <i>Подкладка морщит.</i> 3. 1. <i>Пенить волну.</i>	Ж. 1. <i>Морщити лоб, воду.</i> 3. 1. <i>Пінити море.</i> 2. <i>Вода пінить.</i>
И. 1. <i>Перезимовать в деревне.</i> 2. <i>Бобры перезимовали.</i>	И. 1. <i>Перезимувати зиму (ср. пере- ночувати нічку).</i> 2. <i>Перезимувала озимина.</i> 3. <i>Перезимувати худобу.</i>
К. 1. <i>Перекачивать бочку.</i> 2. <i>Перекачивать поезд.</i>	К. 1. <i>Перекочувати діжку.</i> 2. <i>Перекочувати артилерію.</i> 3. <i>Вітер перекочував хмари.</i> 4. <i>Громи перекочують глухо.</i>
Л. 1. <i>Перерасти друга.</i> 2. <i>Для детского сада ребенок перерос.</i> 3. <i>Перерос поселок в город.</i>	Л. 1. <i>Перерости Максима.</i> 2. <i>Переростати життя.</i> 3. <i>Переростати в дружбу.</i> 4. <i>Перерости красу.</i> 5. <i>Переросла доріжка чарами.</i>
М. 1. <i>Перестаивать непогоду.</i> 2. <i>Простокваша перестояла.</i>	М. 1. <i>Перестоювати в садку.</i> 2. <i>Перестояти годину.</i> 3. <i>Перестояти зиму.</i> 4. <i>Чай перестояв.</i> 5. <i>Механізми перестоюють.</i>

Ср. также разнокорневые эквиваленты:

Н. 1. Сопутствовать ему.	Н. 1. Супроводжувати гостя.
2. Фольклор сопутствует истории.	2. Супроводжувати історію (ср. сопровождать).
О. 1. Хороводить парней.	О. 1. Зваблювати хлопців.
2. Хороводил с военными чиновниками.	
П. 1. Позавтракать вместе.	П. 1. Поснідати разом.
	2. Поснідали б тебе вовки.

Значительные колебания в анализируемых языках наблюдаются в обнажении объекта в глаголах говорения. Представляется, что при украинских глаголах он появляется регулярнее, ср.: *гуторить, вопиять, калякать, рыкать, лаять, пролаять, прокалякать, свистеть, кричать, сквернословить, пророчествовать, заголосить, пустозвонить, пустословить* (а также ряд слов с префиксом **воз-** с переходными украинскими эквивалентами — о чем ниже) // *струмок гомонів пісню, волати молитву, пробалакати талант, теревенити дурниці, прогавкати зневагу, рикати лайку, свистати армію, кричати пробі, лихословити мене, пророкувати добро, загорлати пісню, молоти брехню, лаяти чоловіка, базікати дурниці* и др. Обратных случаев меньше: *раззвонить новость, разводит бодягу, гаркать команду, славословить героя* // *розбовкувати, розп'якувати, гаркати, славословити*.

Специфика логической интерпретации события, действия в языке проявляется и в отношении безличности, то есть когда не важен субъект, а иногда и объект действия, напр.: *вьюжит, завихрило клубы снега, натянуло облаков, ломит суставы, засентябрило за окном* // *вітер вихорив сніг, завихрило надворі, натягнули хмари, заломило в крижах* и др.

Значение переходности/непереходности зависит и от собственно лингвистических факторов. Так, в русском языке имеются префиксы **воз-**, **из-**, которым в украинском языке соответствуют приблизительные эквиваленты, что резко нарушает параллелизм переходности, ср.:

- а) *вострубить* // *засурмити збір, возопить* // *закричати щось, возражать* // *заперечувати думку;*
- б) *исцарапать руку* // *подряпати за вухом, испить воды, вина* // 1. *випити води, вина;* 2. *любити випити.*

По-разному относятся к переходности разговорно-просторечные глаголы с междометными и звукоподражательными основа-

ми, типа *чебуракнути, обшмыгати, мурлыкати, тренкати* // *цвенькати, туркати, начовгувати, лепетати, муркати* и др. Если в глаголе акцентируется способ действия, прямой объект отсутствует, и это бывает чаще: *він мурликав, тренкав на балалайці, човгав ногами, цвенькав по-польськи* и т. д., однако при них возможен объект: *мурликав пісню, цвенькав анекдоти, човгав долівку, тренкав краков'яка*; рус. *чебуракнул рюмку, обшмыгал рукава, лепетал просьбу*. Препятствием для регулярности пар по переходности служит образ, который стоит за подобными лексемами, а потому расхождения в языках не поддаются типизации.

Различия в реализации категории переходности/непереходности в русском и украинском языках убеждают в том, что ее природа вовсе не обусловлена объективными отношениями, как это часто утверждается, но особенностями восприятия, углом зрения.

Категория переходности/непереходности, несмотря на сильный грамматический маркер (винительный падеж), в некотором роде лексикализируется: способность глаголов употребляться без прямого объекта или с ним свидетельствует о лабильности глагольной семантики по линии конкретизации и абстрагирования, ср.: *кричать — кричать песню*, в последнем сочетании глагол конкретизирует свою семантику “петь громко, переходя на крик (часто о пьяных)”.

Категория переходности/непереходности осложняется в обоих языках ее взаимодействием с категорией рефлексива/нерефлексива.

3. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Категория рефлексива/нерефлексива составляет ядро категории залога в широком понимании.

В противопоставлении возвратных и невозвратных единиц маркированным членом является возвратный (рефлексив): глагольное слово с *-ся*. Это противопоставление сохраняется и в формах причастий и деепричастий, однако не регулярно, поскольку в отдельных звеньях как в одном, так и в другом языке транспозиция глаголов с *-ся* в непредикативные формы затруднена.

Значение возвратности широко выражается также конструкциями с возвратными местоимениями: *проявить себя, справиться с собой, изменить себе, взять себя в руки* // *пам'ятати себе, тримати себе в руках, працювати над собою, сумніватися в собі*.

Эти конструкции могут осложняться местоимением *сам*: *обманывает самого себя, помнит о себе самом, разговаривает сам с собой* // *сам себе не забуває, сам з собою розмовляє, не вірить сам собі*.

Сочетание возвратных глаголов с местоимением *сам* может обозначать усиление возвратности (*ребенок умылся сам, чашка свалилась сама, поезд остановился сам*), но может и подчеркивать добрую волю субъекта, отсутствие другого влияния: *причесалась сама* (а не у парикмахера), *признался сам* (а не заставили), *сам построился* (никто не помогал).

Значение возвратности свойственно и конструкциям с местоименными сочетаниями: *друг друга // один одного*, ср.: *любить друг друга, жалеть друг друга, ненавидеть друг друга // любить одне одного, лаяти одна одну, питати один одного*. Усиление возвратности наблюдается также у глаголов с компонентом *само*: *самообеспечиваться, самоограничиваться, самоуправляться, самовозбуждаться, самооплодотворяться, самоопределяться, саморазрушаться, самосовершенствоваться // самооподаткуватися, самоусуватися, самовизначатися, самозайматися, самозапилюватися, самоокупатися*.

Некоторые ученые называли возвратные формы с *-ся* и сочетания с *себя, сам* однородными грамматически (А. Маргулиес), причем вторая форма трактовалась как усиленная. В. Виноградов отвергает такой подход на том основании, что *застрелиться* и *застрелить себя, беречься* и *беречь себя* различны по грамматической природе, нерегулярны, а многие отличаются значениями¹. Вместе с тем нельзя отрицать, что аналитическое возвратное местоимение восстанавливает часто стертую возвратность *-ся*: *он упорно защищался — он защищал себя сам* (на судебном процессе).

Накопление маркеров возвратности обусловлено ее многозначностью, а следовательно, необходимостью уточнения значения, напр.: *бояться* “самому испытывать страх” (обще-возвратное значение) — *бояться друг друга* (взаимно-возвратное значение) “каждому испытывать страх под воздействием другого”, *обманываться* (невольнo) — *обманывать самого себя* (осознанно); *опыляться* (безотносительно к объекту) — *самоопыляться* (самому выступать в качестве объекта); *любоваться цветком* — *любоваться собой* — *любоваться друг другом*.

Между тем во многих случаях имеет место простая амплификация: *обольщаться — самообольщаться, определиться — самоопределиться; помирились друг с другом — они помирились // листувались один з одним; змагалися один з одним; усунувся від вирішення проблеми — самоусунувся від вирішення проблеми*.

¹ См.: Виноградов В. Русский язык. — М., 1972. — С. 494.

Возвратные глаголы образуются от невозвратных переходных и непереходных. В обоих языках имеются и непроизводные возвратные глаголы, или *reflexiva tantum*, которые во многом совпадают: *бороться, артачиться, бояться, мерещиться, кланяться, касаться, улыбаться, остаться, смеяться, надеяться, глумиться, добиться, каяться, гнушаться // боротися, боятися, вклонятися, посміхатися, надіятися, сміятися, спізнитися, захопитися, маніритися, торкатися, баритися, глумитися, добитися, каятися, сахатися* и др.

Глаголы с постфиксом *-ся*, образованные от переходных глаголов, могут иметь значение пассива (они рассматриваются здесь как формы) и значения средне-возвратные. Это зависит от глубины семантических преобразований и способности “освобождаться” от семантического субъекта и объекта. Если в конструкции агенс выступает в роли дополнения, глагол имеет значение страдательности (пассив). Если его нет, то это либо неполная пассивная конструкция, либо активная — со средне-возвратным глаголом. Неполная пассивная конструкция чаще мыслится при “вещественном” пациенсе — подлежащем, когда действие однозначно выполняется людьми: *смола извлекается, лен вымачивается, сушится, теребится // зерно провіюється, картопля копається*. В остальных случаях, как и при образовании возвратных глаголов от непереходных единиц, формируются рефлексивы с разными оттенками средне-возвратного глагола¹. При образовании постфиксальным способом происходят модификационные сдвиги в семантике глагола (изменение значения в его отношениях к субъекту и объекту): *встречать — встречаться, кусать — кусаться, убирать — убираться*, то есть имеет место категориальное противопоставление по возвратности. Ср. укр. *мити — митися, червоніти — червонітися*.

Если в результате словообразовательных процессов происходят мутационные сдвиги — метафоризация корня, изменение семантической валентности, — формируются глаголы *reflexiva tantum*: *бросать книжку — броситься на отца // кинути м'яча — кинутися з кулаками*.

Категория возвратности связана в русском языке словообразовательно с видовыми противопоставлениями: *ложиться — лечь, садиться — сесть, становиться — стать* (ср. укр. *лягати — лягти, сідати — сісти, ставати — стати*).

¹ См.: Виноградов В. Указ. соч. — С. 494—501.

Связь возвратности с видом наблюдается в обоих языках в префиксально-постфиксальных моделях в кругу способов действия¹, ср.: гулять — догуляться, читать — вчитаться, есть — наестся // бігати — добігатися, хворіти — розхворітисся, читати — начитатися (украинские “роди дії”)². Эти глаголы нерегулярно образуют вторичный имперфект.

Сильные мутационные сдвиги также выводят данные глаголы за рамки противопоставления по возвратности, делая их словами reflexiva tantum.

В русском и украинском языках есть способы действия со значением кумулятивности: на-...-ся, о-...-ся, об-...-ся, которые сильно управляют родительным падежом, ср.: наестся хлеба, нанюхаться табаку, наглядеться горя, натерпеться обид, опиться квасу, объестся капусты, обхлебаться супу // набратися горя, наслухатися байок, начитатися книжок, об'їстися вареників, обкуритися маріхуани, обпитися квасу. Соответствующие безаффиксальные глаголы управляют винительным падежом, а их семантика противоречит идее переходности на объект, поскольку объект “принимается” субъектом “в себя”: їсти вареники. Возвратная форма закрепляет это значение: він наївся вареників, — но форма родительного количества снова противоречит на сей раз уже возвратности, так как формально маркирует переходность. Входят в эту группу и модели до-...-ся со значением “доведения до результата”, образованные от переходных глаголов, управляющих родительным падежом: ждуть Петра — дождатися Петра; просять хлеба — допроситися хлеба // чекати Дмитра — дочекатися Дмитра.

Вероятно, в данных способах действия упор делается не на семантику возвратности, а на значение количества действия, ср.: просять хлеба — выпросить хлеба — допроситися хлеба — субъект тот же, объект тот же; меняется мера действия.

Стирание лексико-семантических различий между переходными формами с -ся и без -ся свидетельствует о дальнейшей лексикализации возвратности в обоих языках. Общность процесса наблюдается, в первую очередь, в кругу глаголов со значением “выявление признака”.

В. Виноградов, анализируя пары типа зеленеть — зеленеться, чернеть — чернеться, усматривает в возвратных единицах падение активности процесса на том основании, что имеющиеся у не-

¹ См. в этой связи: Русская грамматика. — Praha, 1979. — С. 285.

² См.: Безпояско О., Городенська К., Русанівський В. Зазн. праця. — С. 201—210.

возвратных глаголов активные значения “становиться черным”, “начинать чернеть” индуцируют активный компонент и на значение “виднеться”: *лес чернеет вдали*. Заметим, что у Н. Некрасова в одном ряду употребляются обе формы с явно одинаковой семантикой: *Морозно. Равнины белеют под снегом, чернеется лес впереди*. Современный носитель языка также не ощущает особых различий между членами пары — в “Словаре русского языка”¹ глагол *чернеться* толкуется путем отсылки к глаголу *чернеть*.

Аналогичное явление наблюдается и в украинском языке, тем более что значение “становиться более черным” выражается другим глаголом, образованным от сравнительной степени прилагательного: *чорнішати*. Поэтому аффикс *-ся* не привносит “ощутимых изменений” в семантику невозвратного глагола со значением обнаружения признака: *темніли верхівття верб — темнілася слобода*².

Сравните другие примеры из данной функционально-семантической группы: *краснеть — краснеться, алеть — алеться, рдеть — рдеться, светлеть — светлеться, синеть — синеться, желтеть — желтеться*, но: *голубеть // червоніти — червонітися, світліти — світлітися, багріти — багрітися, синіти — синітися, темніти — темнітися, сіріти — сірітися, жовтіти — жовтітися*, но: *голубіти*.

Круг данных глаголов ограничивается основными цветами, относящимися к природным явлениям, которые как бы исключены из сферы воли человека.

Круг возвратных глаголов, образованных от непереходных, немногочислен, однако здесь очень часто нейтрализуется оппозиция по возвратности. Как сами возвратные глаголы не структурируются в группы, так не поддаются учету типы их пересечений в русском и в украинском языках, что на фоне общего корня и / или семантики еще раз свидетельствует об утрате постфиксом *-ся* в таких условиях значения возвратности, ср.:

	Рус.		Укр.
<i>дымить</i>	— <i>дымиться</i>	<i>димити</i>	— <i>димитися</i>
<i>скисать</i>	— <i>скисаться</i>	<i>скисати</i>	— <i>скисатися</i>
<i>стучать</i>	— <i>стучаться</i>	<i>стукати</i>	— <i>стукатися</i>
<i>сыпать</i>	— <i>сыпаться</i>	<i>сипати</i>	— <i>сипатися</i> (про сніг)

¹ Словарь русского языка. — М., 1984. — Т. 4. — С. 665.

² Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 337.

<i>обещать</i>	—	<i>обещаться</i>	<i>обіцяти</i>	—	<i>обіцятися</i>
<i>спорить</i>	—	<i>спориться</i>	—	—	<i>сперечатися</i>
<i>двигать</i>	—	<i>двигаться</i>	<i>сунути</i>	—	<i>сунутися</i> (про натовп)
<i>кружить</i>	—	<i>кружиться</i>	<i>кружляти</i>	—	—
—	—	<i>заблудиться</i>	<i>заблудити</i>	—	<i>заблудитися</i>
<i>переть</i>	—	<i>переться</i>	—	—	<i>пертися</i>
<i>играть</i>	—	—	<i>грати</i>	—	<i>гратися</i>
<i>развиднеть</i>	—	<i>развиднеться</i>	<i>розвидняти</i>	—	<i>розвиднятися</i>
<i>насесть</i>	—	—	<i>насісти</i>	—	—
(с угрозами)					
<i>сеять</i>	—	<i>сеять (о дожде)</i>	<i>сіяти</i>	—	<i>сіятися</i>

Некоторая закономерность наблюдается в кругу префиксальных образований с префиксами *от-* // *від-* и значением “закончить действие ввиду невозможности его продолжения” (часто о покойнике): *отжил, отходился*. В украинском языке более вероятны глаголы без *-ся*, но в конструкции, как правило, имеется или подразумевается местоимение *свое*: *він своє відходив, відстраждав, віджив, відробив, відлюбив, відговорив, відтанцював* и т. д.

В русском языке возможны и возвратные образования: *отлазился, отплясался, отходился, отзвонился, отгостился, отмолотился, отговорился, отвоевался*.

Нейтрализация “возвратности” постфикса *-ся*, замыкание при его помощи действия на субъекте, влечет за собой широкую лексическую синонимию непереходных рефлексивных и нереклексивных глаголов. В “Словаре синонимов русского языка”¹ таких рядов 169, напр.:

1. *Бушевать, свирепствовать, неистовствовать, бунтовать, безумствовать, бесноваться, беситься, буйствовать* (о природе).

2. *Бухнуть, бухнуться, брякнуться, грохнуться, грянуть, грянуться, хлопнуться, бахнуться, бахнуть, трахнуться, чебурахнуться, загреметь*.

3. *Горевать, скорбеть, сокрушаться, крушиться, тужить, убиваться*.

Аналогично и в украинском языке. Более редка, но вместе с тем возможна, синонимия переходных глаголов и возвратных, ср.:

Рус.

1. *Родить, принести, разрешиться*.

2. *Касаться, затрагивать, задевать* (об интересах).

¹ Словарь синонимов русского языка: В 2 т. — М., 1970—1971.

3. Толкать (дверь), толкаться (в дверь), пихать, пихаться.
4. Убрать, прибрать, убраться, прибраться (о комнате).
5. Перейти, перебежать, переметнуться, перекинуться.

Укр.

1. Народити, розродитися.
2. Торкати, торкатися, доторкуватися.
3. Штовхати, штовхатися, пхати, пхатися (у хвіртку).
4. Порати худобу, поратися коло худоби.

Такая синонимия оказывается возможной, поскольку глаголы с *-ся*, теряя переходность, не теряют способности к управлению. См. на материале украинского языка: *носити торбу — носитися з торбою*; *вітати сусіда — вітатися з сусідом*; *переконати опонента — переконатися в протилежному*¹.

Постфикс *-ся* может переводить непереходные глаголы в класс безличных в русском и украинском языках, ср.: *(мне) не спится, не лежится, не стоится, верится, думается, плачется // не спиться, не лежится, співається, дихається, живеться*. Эти глаголы имеют средне-возратно-безличный залоговый оттенок. Как правило, они сопровождаются либо отрицанием, либо оценочным качественным наречием: *не (плохо/хорошо/быстро/легко/трудно)... работалось*². Полагают, что безличные глаголы образуются при помощи *-ся* и от переходных: *пью — не пьется, ем — не ется*. Представляется, что при образовании акцентируется непереходное значение, ср.: *я читаю книгу — я читаю — мне (не) читается*. Безличные глаголы не образуются от возвратных, ибо это влекло бы за собой удвоение аффикса *-ся*. Возвратность и безличность формируются в таких случаях одновременно.

В кругу безличных глаголов как в русском, так и в украинском языке есть параллельные формы с *-ся (-сь)* и без этого постфикса: *разведрило — разведрилось, стемнело — стемнелось // розвидніло — розвиднілось, смеркло — смерклося*. Хотя постфикс *-ся* по своему происхождению является местоимением, а в западных украинских говорах еще встречается в свободном употреблении (*як ся маєш?*), в современных русском и украинском языках происходит его лексикализация, то есть он выполняет все чаще словообразовательную функцию.

Вероятно, по этой причине различия по линии возвратности в русском и украинском языках не поддаются логическому упорядочению.

¹ См.: Сучасна українська літературна мова. — С. 336.

² Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 292.

Постфиксальное образование зависит от комбинации разнородных и разнонаправленных факторов онтологической характеристики действия, типизированной модели, стилистических показателей, готовности к амплификации.

В русском и украинском языках соотношение возвратных и невозвратных глаголов приблизительно одинаково. Так, в корпусе “Обратного словаря русского языка”¹ всего глаголов — 37 319, глаголов на *-ся, -сь* около 14 тыс., в корпусе “Інверсійного словника української мови”² глаголов на *-ся* около 11 тыс., а всего — около 24 тыс.

Для соотношения возвратности/невозвратности между языками нами был предпринят анализ эквивалентов в трехтомном “Русско-украинском словаре”³. Несмотря на пестроту, перекрещиваемость связей, частую случайность форм, удалось все же установить некоторые закономерности и тенденции.

Совпадение форм на *-ся* наблюдается в рамках способов действия; ср. русские модели: *на-...-ся, до-...-ся, раз-...-ся, пере-...-ся, вы-...-ся, при-...-ся, за-...-ся* и их украинские соответствия. Напр.: *наестся, догуляться, разбросаться, передвинуться, выучиться, прижиться, затратиться // наїстися, догулятися, розкричатися, перевернутися, вивчитися, прижитися, зачитатися.*

К некоторым моделям фиксируется однотипное соответствие. Например, русским *уменьшаться, улучшаться, укорачиваться, удлиняться, убыстряться* и т. п. соответствуют украинские невозвратные: *меншати, кращати, коротшати, довшати, швидшати.* Правда, в словаре даются и возможные возвратные варианты: *зменшуватися, покращуватися, скорочуватися* и т. п. Этим кратким перечнем, собственно, и исчерпывается регулярность в отношении возвратности, и далее мы вступаем в поле тенденций.

Различия в возвратности наблюдаются в кругу глаголов движения, отношения, эмоционального состояния, оценки, отмеждоментных, безличных, специальных. Покажем на примерах:

а) *слоняться, болтаться // тиняться, вештатися, сновигати, швендяти;*

пускаться // рушати;

скитаться // блукати;

переметнуться // перемахнути;

направляться // прямувати;

¹ Обратный словарь русского языка. — М., 1974.

² Інверсійний словник української мови. — К., 1985.

³ Русско-украинский словарь: В 3 т. — К., 1980—1981.

- надвигаться // насувати, насуватися;
 метнуться // кинутися, метнутися, шарахнути;
 двинуться // рушити;
 б) спорить // сперечатися;
 одолжаться // позичати;
 супротивничать // опиратися;
 соваться, лезть, встревать // лізти, встрявати;
 свкаться // звикати;
 гнушаться // гребувати;
 насмехаться // глузувати;
 уступать // поступатися;
 дружить // дружити;
 наседать // насідатися;
 мстить // мститися;
 в) скучать // нудитися, нудити;
 прослезиться // заплакати;
 радоваться // радіти;
 тронуться (умом) // збожеволіти, стеряти розум;
 смешаться // зніяковіти;
 взбеситься // розлютіти, розлютитися;
 беситься // шаленіти, лютувати;
 сникнуть // знітитися;
 г) брякаться // гепати, гепатися;
 бултыхнуться // шубовснути;
 грохнуться // гримнути, бебекнути(ся), хряснути(ся);
 аукать, аукаться // перегукуватися, гукати.
- Ср. также отдельные лексемы:
- состоять // складатися, полягати, бути;
 отрезветь // протверезитися;
 смотреть // дивитися;
 хлопотать // клопотатися;
 обессилеть // знесилитися;
 чесаться // свербіти;
 трескаться // репати;
 зарониться // запасти;
 лакомиться // ласувати;
 оклемаются // оклигати.

Из шести тысяч словарных статей, выбранных нами из трехтомного “Русско-украинского словаря”, приблизительно в полутора тысячах встречаются пересечения рефлексива/нерефлексива — либо в виде варианта, либо реже в виде расхождения.

Приведенные примеры убеждают в немотивированности возвратности онтологическим и логическим фактором — слишком много расхождений по семантическим полям. Отсутствие параллелизма в однокоренных образованиях снижает роль и логико-грамматического фактора. Ведущее положение занимает фактор словообразовательного моделирования и лексической вариативности.

4. ПРИЧАСТИЕ В СИСТЕМЕ ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Категория залога в узком понимании представляет оппозицию актива и пассива. В самом чистом виде она представлена в рамках причастия. Причастия являются такими формами, которые выражают значение залога при помощи морфологических показателей. Собственно, именно в рамках причастия категория залога приобретает морфологический статус.

Основой для противопоставления причастий является направленность или ненаправленность действий на определяемый предмет или лицо. Если действие направлено на этот предмет, причастие квалифицируется как страдательное, если предмет является производителем действия — причастие действительное. То есть залоговая оппозиция причастия косвенно подтверждает двучленную теорию залога, так как причастия могут быть образованы и от непереходных глаголов.

Причастия в обоих языках выступают в функциях предикативной и атрибутивной, представляя основу для грамматической синонимии конструкций актива и пассива.

Парадигма причастий в украинском и русском языках устроена по-разному, хотя основана на одних принципах: образование причастий зависит от вида, переходности и лексического значения производящей глагольной основы.

В русском языке причастие имеет четыре формы:

- 1) действительное настоящего времени: *рисующий*;
- 2) действительное прошедшего времени: *рисовавший*;
- 3) страдательное настоящего времени: *рисуемый*;
- 4) страдательное прошедшего времени: *рисованный*.

Ограничения накладывают вид (невозможность настоящего времени для совершенного вида) и переходность (невозможность страдательных форм от непереходных глаголов), таким образом, схема образования форм приобретает следующий вид — с указанием достаточных условий:

Время	Действительные	Страдательные
Настоящее	Несовершенный вид (переход./непереход.): <i>читающий</i> <i>бегающий</i>	Несовершенный вид (переход.): <i>читаемый</i>
Прошедшее	<i>читавший</i> <i>прочитавший</i> <i>бежавший</i> <i>убежавший</i>	Переходный: <i>читанный</i> <i>прочитанный</i>

Как видим, ограничений категориального плана не имеет только разряд действительных причастий прошедшего времени; наиболее “ущербным” разрядом являются страдательные причастия настоящего времени.

Полная парадигма русского причастия включает 5 (6) членов (для переходных глаголов, образующих видовую пару). Однако далеко не все глаголы способны производить все формы. Непоследовательность образования форм обусловлена причинами формального или лексико-семантического свойства.

Страдательные причастия в русском языке могут иметь краткую форму: *прочитан, игран, управляем, ранен, читаем, открыт*.

Формы настоящего времени несовершенного вида могут употребляться по отношению к прошедшему и будущему, то есть они выражают действие, одновременное с глагольным сказуемым, ср.:

Я вижу читающего мальчика.

Я увижу читающих детей.

Я видел читавших/читающих детей.

Поэтому форма действительного причастия прошедшего времени несовершенного вида является функционально избыточной.

Форма страдательного причастия несовершенного вида прошедшего времени (*читанный*) чаще выражает значение результативности, нежели процессуальной одновременности, поэтому в известной степени синонимична форме совершенного вида и тоже избыточна: *квашенная капуста — заквашенная капуста*. В этой связи она часто адъективизируется.

Образование причастий в украинском языке (дієприкметників) может быть представлено следующим образом:

Время	Действительные (укр. активні)	Страдательные (укр. пасивні)
Настоящее	Несовершенный вид (непереход./переход.): <i>в'янучий</i> <i>співаючий</i>	—
Прошедшее	Совершенный вид (непереход.): <i>зів'ялий</i>	Переходный: <i>співаний</i> <i>заспіваний</i>

Страдательные причастия в украинском языке значение времени не выражают, но поскольку образуются от инфинитивной основы, обычно трактуются в системном плане как формы прошедшего времени.

В украинском языке избыточная форма действительного причастия несовершенного вида прошедшего времени отсутствует, а данную функцию выполняет специализированная форма настоящего времени:

Я бачу в'януче листя.
Я бачив в'януче листя.
Я побачу в'януче листя.

Что касается страдательных причастий несовершенного вида (*мальований, співаний, освітлюваний*), образуемых достаточно регулярно, то они совмещают значение процессуальной одновременности и результативности:

Я люблю мальовану вами картину (“зараз” — і “вже намальовану”).
Я любив мальовану вами картину, а ви її зіпсували поправками.
Я любив, люблю і любитиму мальовані вами картини, бо мені ім-понує ваш стиль.

В украинском языке более сильна позиция категории переходности: именно она противопоставляет действительные и страдательные причастия, в то время как в русском языке действительные причастия образуются и от переходных глаголов. Это различие обусловлено тем, что в русском языке действительные причастия не теряют исходной способности к управлению: *читающий книгу, читавший книгу, прочитавший книгу*. В украинском языке причастие теряет такую способность (*співає арію* — **співаючий арію*) и начинает соотноситься с непереходным глаголом: *Він — співає — співаючий юнак*¹.

¹ Сучасна українська літературна мова. — С. 409; Безпояско О., Городенська К., Русанівський В. Зазн. праця. — С. 133—134.

Следовательно, в украинском языке по числу категориальных ограничений разряды причастий выстраиваются таким образом: страдательные прошедшего времени — ограничены переходностью, действительные прошедшего — совершенным видом и непереходностью, действительные настоящего — и несовершенным видом, и непереходностью.

Большая парадигматическая регулярность русских причастий, по сравнению с украинскими, проявляется и в их способности образовываться от глаголов с постфиксом *-ся*. Их функция и способность вступать в оппозицию по линии “актив — пассив” зависит от грамматического значения *-ся*: возвратного или страдательного.

Так, если глагол *строиться* имеет значение возвратное (*строющийся человек*), то форма сохраняет ту же перспективу действующего лица, и ведущую роль играет показатель действительного залога: *-ящ-*. Если глагол имеет значение страдательное (*Дом строится СМУ-1*), образованное причастие (*строющийся, строившийся*) имеет значение пассива: *Дом, строящийся СМУ-1, переходит на баланс СМУ-2*, — то есть значение суффикса *-ящ-* нейтрализуется страдательным постфиксом.

Причастные формы с постфиксом *-ся* в русском языке достаточно активны: *волнующийся, радующийся, читающий, причесывающийся, раскланивающийся* и соответствующие формы прошедшего времени. Ввиду того, что в русском языке страдательные формы несовершенного вида прошедшего времени образуются редко и склонны к выражению результативности, а не процессуальности, действительные причастия с *-ся* компенсируют пробел (ср. возможность выражения процессуальности относительно прошедшего времени: *груженная вчера баржа — на грузящейся вчера барже; варенная вчера морковь — варящаяся вчера морковь*):

*груженная баржа — грузящаяся баржа,
варенная морковь — варящаяся морковь;
*строенный — строящийся мною дом,
*разносимый — разносящиеся мною блюда,
*бередимый — бередящиеся кем-то раны,
прядимый — прядущаяся мною нить.

Поскольку украинские страдательные причастия несовершенного вида способны выразить значение процессуальной пассивности и одновременности по отношению к глаголу, являясь вневременными, они замещают собой пассивные формы настоящего времени и возвратные с *-ся*: *руководимый вами коллектив // керо-*

ваний вами коллектив; улыбающееся лицо // усміхнене обличчя; ср. также потерю -ся при заимствовании формы: *трудящиеся* // *трудо- дящі*.

Формообразующие аффиксы причастий современных русско- го и украинского языков унаследованы от древнерусского языка, но круг унаследованных аффиксов и их мощность не одинаковы по языкам.

Во-первых, древнерусские суффиксы -ач-, -яч-, -уч-, -юч- сохранились только в украинском языке, где они малопродуктивны, а образованные формы часто адъективируются. В русском языке эти суффиксы были вытеснены старославянскими продуктивными -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-.

Во-вторых, древнерусские суффиксы -въш-, -ъш-, -л- распре- делились между языками: -вш-, -ш- продуктивны в русском языке; в украинском языке употребляется -л-, и то достаточно огра- ниченно; суффикс -ш- фиксируется в отдельных образованиях: *перемігший*.

В-третьих, древнерусский суффикс -ом- (-ем-, -им-) исполь- зуется в образовании причастий в русском языке, в украинском он сохранился в составе отдельных имен прилагательных: *види- мий, знайомий*.

Совпадения инвентаря формантов наблюдаются в формооб- разовании только страдательных причастий прошедшего време- ни: -т-, -ен-, -нн- (-н-) // -т-, -н-, -ен-.

И в русском, и в украинском языке образуются далеко не все теоретически возможные причастия. Основные ограничения в русском языке касаются страдательных причастий настоящего и прошедшего времени. Редко образуются причастия страдатель- ные прошедшего времени несовершенного вида типа: *груженный, варенный*. Ср. также глаголы, от которых не образуются причастия настоящего времени: *беречь, вить, крыть, косить, мерить, мести, серебрить, мылить* и др.; прошедшего времени — глаголы с суф- фиксами -ыва-, -ва-, -ану-, -ну- на ударные -ать, -ять (*посни- мать*), отдельные глаголы: *гнать, гасить, любить, колебать, моло- дить, чтить* и др.¹ В украинском языке ограничения касаются действительных причастий прошедшего времени: так, из 12 глаго- льных классов только 4 дают формы действительных причастий прошедшего времени². Многие глаголы, дефектные в этом отно-

¹ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — С. 667—671.

² Сучасна українська літературна мова. — С. 412.

шении в одном языке, производят причастия в другом, ср.: *дававший, бывавший, пускавший, смеявшийся, бравшийся, хотевший, любивший, кричавший, бежавший* — при отсутствии украинских эквивалентов.

Многие различия носят несистемный характер, и в способности образовать причастие от конкретного глагола языка могут как совпадать, так и расходиться, ср.:

Рус.		Укр.
<i>обувать</i>	—	<i>взувати — взуваний</i>
<i>знать</i>	—	<i>знати — знаний</i>
<i>писать — писавший</i>		<i>писати —</i>
<i>нести — несший</i>		<i>нести —</i>

В русском языке есть некоторые непереходные глаголы с сильным управлением, от которых могут быть образованы страдательные причастия: *руководимый, управляемый, отмищенный, обладаемый, предшествуемый, следуемый, польщённый*.

В обоих языках причастия функционируют в предикативных и атрибутивных конструкциях. Причастные обороты, выполняющие функцию определения, называют еще полупредикативной конструкцией. В предикативной функции в русском языке выступают краткие причастия: *Окно открыто; Книга набрана; Дело сделано; Он был любим друзьями*.

Если на роль сказуемого претендует действительное причастие, оно выступает в полной форме: *Публика здесь читающая; День был волнующим; Танк оказался сгоревшим*. В некоторых случаях возможно употребление краткого действительного причастия, но тогда происходит адъективация: *День волнующ*.

В украинском языке в предикативной конструкции выступают полные формы (кратких нет): *Книга була надрукована вчасно*.

В атрибутивной функции в обоих языках выступают полные формы; ср.:

Рус. *ученик, читающий книгу — книга, читаемая учеником; художник, нарисовавший картину — картина, нарисованная художником;*

Укр. *книга, подарована автором; побіліле від горя волосся.*

Поскольку в русском языке возможно образование от переходных глаголов как страдательных, так и действительных причастий, образуются обратимые по линии пассива/непассива конструкции:

*рабочие, построившие дом — дом, построенный рабочими;
ветер, открывший окно — окно, открытое ветром.*

В украинском языке такая обратимость невозможна, поскольку действительные причастия образуются от непереходных глаголов, а страдательные — от переходных. Если возникает необходимость заменить пассив на актив, используют атрибутивную конструкцию в ранге подчинения:

*дім, збудований робітниками — дім, який будували робітники;
книга, набрана на комп'ютері — книга, яку набрали на комп'ютері.*

Конструкция типа: *учень, пояснюючий завдання; плуц, обвиваючий дерева; селяни, сіючі пшеницю*, — нежелательны в украинском языке как кальки. Им соответствуют атрибутивные конструкции с придаточными определительными: *учень, який пояснює завдання; плуц, який обвиває дерево; селяни, що сіють пшеницю*. Синонимия причастных оборотов и придаточных определительных свойственна обоим языкам.

Причастия в русском и украинском языках переходят в прилагательные и в таком случае выпадают из залогового противопоставления актива/пассива. Степень адъективации зависит от синтаксической позиции и морфологического типа.

Самые благоприятные условия для адъективации — функция небособленного нераспространенного определения.

Легче адъективируются страдательные причастия прошедшего времени, ибо означают результат; действительные причастия настоящего времени легче, чем прошедшего, ибо означают одновременность действия с глаголом, то есть собственно вневременность, и этим приближаются к прилагательному. “Русская грамматика”¹ предлагает такую шкалу степеней способности к адъективации:

вареный — определенный — ведущий — наболевший.

Условия адъективации украинских причастий определяются синтаксической позицией и способностью выступать в составе пассивной (непассивной) конструкции.

Активные причастия употребляются в украинском языке преимущественно в роли определения, стоящего в препозиции к определяемому слову: *На мarmурі застиглих хмарин, мов тiнь, стоїть висока тополя* (М. Стельмах), — что способствует адъективации.

¹ Русская грамматика. — Praha, 1979. — С. 276.

Страдательные причастия могут выступать в роли сказуемого или полупредикативного определения: *Невже оце дівчисько зуміло сколиснути притуплені захопленнями почуття* (М. Стельмах); *Тепер має бути тихо в стаї, двері замкнені, і навіть спузар не сміє кинути оком на молоко; Її очі звернені десь на полонину; Стояв безпорадний, згублений у липкому тумані* (М. Коцюбинський).

Страдательные причастия адъективируются, если они находятся вне предикативной или полупредикативной конструкции, а также не могут быть соотнесены с активной конструкцией: *Здоєне молоко важко спочиває в дерев'яному посуді; Здоєні вівці, немов ступанілі, падають у загороді на камінь* (М. Коцюбинський).

В украинском и русском языках имеется особая предикативная форма причастия на **-но (-ено)**, **-то** (укр. *зроблено, видано, казано*), однако ее функционирование (и интерпретация) в исследуемых языках различно.

В русистике такие формы (*сказано, суждено, убрано*) квалифицируются как краткие предикативные формы страдательных причастий среднего рода, функционирующие в роли главного члена безличного предложения, или причастные предикативы.

В украинистике причастия на **-но**, **-то**, хотя и называются причастиями, резко от них отграничиваются. Эти формы, в отличие от русских, управляют винительным падежом, то есть ведут себя как действительные единицы и не употребляются в пассивных конструкциях: *Ой, у полі жито копитами збито* (Песня). По мнению А. Потевни и его ученика А. Попова, обе формы в обоих языках имеют одинаковую природу — это специальные небезличные формы, выходящие за пределы страдательных. А. Потевня приводит примеры образования их от непереходных глаголов: *в девках сижено — плакано, замуж выдано — выто*.

А. Потевня полагает, что эти конструкции вышли из конструкций типа: *кому это сказано* — путем опущения местоимения и привлечения впоследствии винительного имени: *взято его в рекруты*, — характерное для северного русского наречия и украинского языка. А. Попов считал форму с винительным падежом более древней, а конструкцию — восходящей к тем глубоким временам, когда еще не было различий между именительным и винительным падежами, между именем и глаголом. Следы этой стадии обнаруживаются в оборотах русской разговорной речи (*построено там три терема*) и, если принять эту концепцию, то и в современном украинском языке¹. Если встать на двучленную теорию

¹ См.: *Виноградов В. Русский язык*. — С. 485—488.

залога, то любая форма и конструкция, и безличная в том числе, должна быть квалифицирована в залоговом отношении.

В таком случае конструкции *книжку було видано* можно квалифицировать как страдательную, ибо подразумевается какой-то деятель в творительном падеже; конструкция синонимична высказыванию: *книгу видали* (кто?), безличному и активному. Аналогично в русском языке: *в комнате убрано* (кем?) — *в комнате убрали* (кто?).

Заканчивая обзор форм причастий и их значений в русском и украинском языках, отметим принципиальное сходство категориального обеспечения (зависимость от вида, переходности).

Вместе с тем парадигматическая организация форм зависит от взаимодействия детерминирующих категорий. Так, в украинском языке актив и пассив по переходности находятся в эквиполентной оппозиции, а в русском — привативной.

Действительные причастия настоящего и прошедшего времени в украинском языке тоже вступают в эквиполентную оппозицию по виду (настоящее время — несовершенный вид, прошедшее — совершенный вид), в то время как в русском языке она привативна (настоящее время — НВ, а прошедшее немаркировано).

Таким образом, причастная парадигма в украинском языке скорее залогово-видовая, нежели просто залоговая, как в русском языке (видовые ограничения в нем касаются только настоящего времени, что обусловлено не причастной системой, но невозможностью любой формы совершенного вида употребляться в настоящем времени).

Системные отличия обусловлены и значениями форм. Отсутствие страдательных причастий настоящего времени и возвратных в украинском языке объясняется широкими возможностями пассива несовершенного вида: он может выражать процессуальность и различные значения времени.

Категориальные совпадения наблюдаются лишь в разряде страдательных причастий прошедшего времени.

В основном совпадают по языкам грамматические показатели, с некоторыми вариантами унаследованные от древнерусского языка. Различия касаются действительных форм: исконной огласовки в украинском и старославянской в русском языках, а также дифференциации древнерусских суффиксов прошедшего времени по языкам.

Отмеченные различия в системе причастий оказывают влияние и на противопоставление и синонимию конструкций актива и пассива в русском и украинском языках.

5. СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ. ЗАЛОГОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

В системе залоговых форм есть формы, которые вступают в оппозицию по линии пассива/непассива, и так называемые дефектные члены, не вступающие в противопоставление.

Основой для противопоставления выступают направленность/ненаправленность действия на субъект, потому грамматической базой категории пассива/непассива являются переходные глаголы. От них образуются страдательные формы, употребляющиеся в пассивных конструкциях и вступающие в оппозицию с исходной формой, имеющей значение актива (непассива). Страдательные формы представляют в данной оппозиции сильный маркированный член. Важным условием противопоставления является взаимная обратимость активных и пассивных конструкций.

Круг страдательных форм одинаков во всех теориях залога: 1) страдательные причастия; 2) страдательные глаголы с *-ся*, или так называемый возвратный пассив, интерпретируемый то как форма, то как дериват.

Действительный залог представлен формами: 1) переходных и непереходных глаголов; 2) образованных от них действительных причастий. (В трехчленной теории залога сюда входят только переходные глаголы и образованные от них причастия.)

Категория залога сохраняется также в формах деепричастия и инфинитива.

Глагольные формы с действительными и страдательными значениями образуют конструкции актива и пассива. Любое действие, интерпретируемое в отношении семантического субъекта (агенса) и семантического объекта (пациенса), может быть представлено как актив или пассив, и в таком случае может иметь место залоговое преобразование.

Преобразования возможны в рамках залога в узком понимании, который имеет в своей основе переходный глагол. Согласно определению, залоговым преобразованиям подвержены все страдательные конструкции (пассив). Соответствующие им действительные члены формируют оппозицию (актив). Все остальные формы со значением действительного залога формируют действительные конструкции (обороты), которые обычно активом не называются, хотя источником действия в них есть имя — подлежащее. В таком расслоении форм действительного залога проявляется его асимметрия, или дефектность парадигмы.

Итак, страдательный залог (пассив) в русском языке может быть выражен (ср. с оппозицией неpassива):

1) атрибутивной конструкцией: *ученик, прочитавший книгу — книга, прочитанная учеником.*

Читаемый — читающий;

прочитанный — прочитавший;

2) предикативными конструкциями: *дверь открылась ветром — ветер открыл дверь.*

Строится — строит;

снабжаются — снабжают;

открылась — открыл.

Возвратный пассив (на -ся) в русском и украинском языках употребляется редко, в основном в форме 3-го лица или родовых формах ед. и мн. числа прошедшего времени;

3) предикативным залоговым противопоставлением: *он движим инстинктом — инстинкт движет им.*

Прочитан — прочитал;

движим — движет;

4) полупредикативными конструкциями: *Читая Пушкина, открываешь... — Пушкин, будучи читаем, открывает...*

Будучи читаем — читая;

будучи нарисован — нарисовав;

5) предикативным залоговым противопоставлением: *Пушкин должен быть прочитанным — Пушкина должно прочитать.*

Быть читаемым — читать;

быть прочитанным — прочитать.

Конструкции 4 и 5 теоретически возможны, но практически почти не употребительны.

Аналогичные типы залоговых противопоставлений (актив/пассив) и, следовательно, преобразований свойственны и украинскому языку с учетом возможности образования форм.

Так, в залоговых оппозициях предикативного характера 3 и 4 в украинском языке выступают не краткие, а полные формы причастий, что, впрочем, не меняет их предикативной перспективы: *Пісня складена поетом — Поет склав пісню.*

Некоторые замечания необходимы и относительно типа 4 в плане оппозиции деепричастий синтетических и аналитических.

В русском языке суффикс -учи от старой древнерусской системы не сохранился: он зафиксирован в отдельных словах, но форма *будучи* употребляется активно. В украинском языке суффикс -учи, наоборот, регулярен, а форма *будучи* употребляется редко, однако: *знаючи поета — поет, будучи знаним.*

Конструкции актива и пассива могут иметь атрибутивную и предикативную форму:

Актив: *Мальчик читает книгу.*

Мальчик, читающий книгу.

Пассив: *Книга прочитана мальчиком.*

Книга, прочитанная мальчиком.

Предикативные конструкции могут быть превращены в атрибутивные придаточные определительные. Так, устанавливаются цепи трансформации:

1) *Мальчик читает книгу* ↔ *Мальчик, читающий книгу* ↔ *Мальчик, который читает книгу.*

2) *Книга прочитана мальчиком* ↔ *Книга, прочитанная мальчиком* ↔ *Книга, которую прочитал мальчик.*

В украинском языке:

1) *Хлопчик читає книжку* ↔ *Хлопчик, що читає книжку.*

2) *Книжка прочитана хлопчиком* ↔ *Книжка, прочитана хлопчиком* ↔ *Книжка, яку прочитав хлопчик.*

Пассивные конструкции могут быть трехчленными — с указанием агенса и пациенса (см. выше), двучленными — с опущенным агенсом, и одночленными — без агенса и пациенса.

Двучленные пассивные конструкции преобразуются в русском языке в активные неопределенно-личные, а в украинском еще и в безличные с формой на *-но*, *-то*, способной сохранять при себе прямой объект, ср.:

Рус. *Дом построен — Дом построили;*

Дом строится — Дом строят;

Укр. *Книга надрукована — Книгу надрукували;*

Книга друкується — Книгу друкують;

Книгу надруковано.

В обоих языках имеются причастные предикативы, употребляющиеся в бесподлежащих предложениях. Таким образом, при них нет объекта в форме именительного падежа, что колеблет их страдательность: *Мне сообщено Петровым о начале кампании* (агенса — *Петров* в творительном падеже). Но агенс не только может опускаться, но и отсутствовать по неизвестности, превращая такую конструкцию в одночленную: *В зале накурено; натоптано; закрыто на учет* и др. Залоговые преобразования в актив возможны посредством неопределенно-личной формы: *накурили, закрыли.*

В украинском языке причастный предикат всегда требует объекта в винительном (реже дательном, родительном) падеже (то есть

конструкция двучленная), но никогда субъекта творительного: *Співано пісню. Йому пороблено*. Таким образом, данная конструкция не может быть интерпретирована как пассивная¹. Залоговое преобразование с необходимостью требует: *Пісня співана*.

Однако такие конструкции иногда рассматриваются как пассивные; соотносятся они с неопределенно-личными и безличными: *Козаченька вбито — Козаченька вбили/вбило*².

В современном украинском языке фиксируются предикативные причастия без винительного падежа, аналогичные русским: *в хаті прибрано, тихо, гарно; зроблено багато, а треба ще більше; було б сказано — а там...* То есть система залоговых соответствий актива—пассива теряет свою строгость по мере утраты приглагольных членов — агенса и пациенса.

Атрибутивные конструкции пассива в русском языке легко обращаются в атрибутивные же конструкции актива (см. выше многочисленные примеры типа: *дом, построенный рабочими — рабочие, построившие дом*). В украинском языке такая замена невозможна, ввиду несовпадения лексем по классам актива—пассива, ср.: *будинок, збудований робітниками* (требование переходности) — *робітники збудували (? !)* будинок (требование непереходности).

Особый интерес в плане организации конструкций актива—пассива представляет в обоих языках так называемый описательный пассив. Это страдательные причастия в предикативной функции, в русском языке — в краткой форме, в украинском — в полной. Ср.: *Изумруд был уже окончательно высушен, вычищен щетками и вытерт шерстяной рукавицей, когда пришел главный наездник конюшни, англичанин (А. Куприн) // Вони вже вертали з храму, тато був трохи напий* (М. Коцюбинський).

При этом заметим, что краткие формы настоящего времени в русском языке очень редки, в украинском — отсутствуют. Поэтому сосредоточим внимание на страдательном пассиве прошедшего времени — совершенного и несовершенного вида.

Если в полных атрибутивных формах выражается настоящая страдательность, то краткие страдательные формы в русском языке выражают результативность, причем и формы несовершенного вида, о чем говорилось выше; эта результативность в контексте может сохранять свой статус или видоизменять его, выступая то как статальный, то как процессуальный пассив³.

¹ Сучасна українська літературна мова: Морфологія. — С. 417.

² Безпояско О., Городенська К., Русанівський В. Зазн. праця. — С. 412.

³ Русская грамматика. — Прага, 1979. — С. 271.

В русском языке страдательные краткие причастия несовершенного вида редки, но по семантике и месту в оппозиции актива—пассива они вписываются в картину форм совершенного вида, ср.: *Эта книга читана/прочитана мною в детстве — Я читала/прочитала эту книгу в детстве*; или: *Поле не мерено, овцы не считаны, а пастух рогат (Поля не мерили, овец не считали)*.

Процессуальный пассив обозначает страдательное действие: *Окно было открыто ветром*, стательный пассив выражает состояние как результат предыдущего действия: *Окно открыто. Лепестки от вишен летят в него* (К. Симонов).

В конструкциях процессуального пассива допускается появление производителя действия (*ветром* — в нашем примере), и он, будучи по преимуществу выражен формами совершенного вида, соотносится, как правило, с прошедшим временем (*окно было открыто ветром, окно открыто ветром*) и реже с будущим (*окно будет открыто ветром*). Стательный пассив способен выражать актуальное настоящее: то есть “окно было закрыто *ветром* час назад; оно закрывалось и закрылось”, но сейчас мы наблюдаем: *окно закрыто*. Стательный пассив может быть назван также перфектным пассивом.

Причину отрыва перфектного пассива от идеи процессуальности, которая лежит в основе причастия, следует искать в совмещении значения совершенного вида (результат, завершение) и атрибутивном характере исходного полного причастия.

Позиция предиката не разрушает этих свойств стательного пассива, поскольку краткие прилагательные тоже могут выполнять эту функцию, но усиливает, способствуя тем самым адъективации.

При разграничении стательного и процессуального пассива следует иметь в виду, что основное значение формы есть стательный, или перфектный, пассив. Процессуальный же должен быть актуализирован контекстом. В украинском языке страдательные формы не противопоставлены по времени, широко образуются от глаголов совершенного и несовершенного вида и, будучи не скованными структурными формообразовательными ограничениями краткой формы, свободно функционируют в роли предиката.

Для формы совершенного вида, как и в русском языке, основным значением является перфектное, а процессуальность обусловливается контекстом.

Активные формы несовершенного вида, выражая одновременность, способны репрезентировать как процессуальность (легче, чем формы совершенного вида), так и результативность (см.

примеры выше со словом *мальована*). Таким образом, в украинском языке по способности выражать действие или состояние формы совершенного вида и несовершенного сходны.

Важнейшим условием актуализации процессуального значения выступает присутствие производителя действия и других приглагольных детерминантов, — напр.: *Книга набрана лінотипистом в городській типографії*; деятель может подразумеваться: *С растениями были проведены експерименти (исследователями) // Книга оформлена художником; Снаряд зірваний (мінером)*.

Процессуальность может актуализироваться связкой *было*, повторами, широким контекстом: *При написании работы были использованы материалы словаря, выбраны иллюстрації из текстов, подсчитаны частоты*.

В других случаях страдательный описательный пассив имеет перфектное значение: *Посуда вимита, поли подметены, комната проветрена — рай*.

Ср. на материале украинского языка: *Ліси вирубані, ґрунт заражений, болота осушені; Дрова були нарубані; Ще звечора поклепана коса, підмазаний віз, граблі налагоджені — батько готувався до косовиці* (значение процессуальности) — *Коса поклепана, вози підмазані, граблі налагоджені, коні доглянуті, одно слово: хазяїн* (значение статальности). В украинском языке идентификатором может выступать способность замены конструкций на *-но*, *-то*, возможная применительно к процессуальному пассиву: именительный объекта заменяется винительным объекта.

Краткий обзор залоговых преобразований показал, что ядром категории залога в русском языке является противопоставление страдательного и действительного причастий в атрибутивной форме и конструкций процессуального пассива и соответствующих ему переходных глаголов.

В украинском языке регулярным чисто залоговым противопоставлением является оппозиция страдательных причастий и личный глагольных форм.

Стилистически функционирование страдательного залога зависит от его разновидностей — атрибутивной или предикативной. Атрибутивные полупредикативные конструкции не употребляются в устной разговорной речи ни в русском, ни в украинском языке. Предикативная позиция страдательного причастия или позиция нераспространенного определения является для разговорного стиля естественной.

В языке беллетристики встречаются все виды страдательности, поэтому полагаем, что ограничением для употребления прича-

стных оборотов в устной речи является только лишь их неядерный характер в разрезе глубинного синтаксиса. Для того чтобы быть воспринятыми, они должны быть преобразованы в предикативные единицы, а в процессе порождения речи — наоборот. И то и другое требует дополнительного времени и усилий.

При чтении и письме они сокращают объем высказывания (время во власти говорящего/слушающего), поэтому атрибутивные страдательные конструкции распространены в письменной речи.

Ср. примеры употребления разного рода страдательных конструкций в художественной литературе:

Рус. Обе лошади были разделены легкой дощатой перегородкой; кобыла была выработана прекрасно по той же американской системе; Через несколько минут Изумруда, уже распряженного, приводят опять к трибуне; с Изумруда снимают попону и устанавливают его перед ящиком на трех ногах, покрытым черной материей (А. Куприн).

Укр. Син загинув у лісі, придушений деревом; Її круглі литки обпалені сонцем; Задуманий все, встромляв очі кудись поза гори; Все ще гарячий, роз'юшений злістю, він наскочив з розгону на маленьке дівча; Її очі звернені десь на полонину (М. Коцюбинський).

Особой сферой применения страдательных форм является научный стиль. Полупредикативные конструкции служат цели сжатия текста, а предикативные формальному — устранению авторского “я”. В современном научном слоге принято избегать как конструкций с “я”, так и авторского “мы”. Это достигается двумя способами — либо персонификацией понятий, либо употреблением безличных конструкций. Для этой цели используются все средства: краткие причастия в русском, формы на -но, -то в украинском языках, и что особенно важно отметить, возвратный пассив как бы призван обслужить научный стиль (с творительным субъекта: *нами прочитываются*).

Ср. в текстах: *Ряд статей сборника посвящен проблемам представления знаний; Вопросы о составлении теснейшим образом связаны между собой. Но если методы представления знаний интенсивно развивались в связи с работами в области искусственного интеллекта на протяжении последних двадцати лет, то вопросы организации знаний были поставлены только в последние годы (И. Герасимов, В. Петров) // Особливу увагу звернуто на питання, що перебувають тепер у сфері зацікавлень теоретиків-синтаксистів; У підручнику поєднано усе цінне, апробоване, яке пов'язане з вітчизняною лінгвістичною традицією, і ті безперечні здобутки, що їх внесли до мово-*

знавчої скарбниці лінгвісти інших країн; У підручнику певною мірою застосовано принцип функціонального аналізу синтаксичних явищ; Необхідність вивчення синтаксичної будови мови з позицій функціоналізму викликана й тим... (І. Вихованець); На цій підставі виділяються займенникові іменники; Службові частини кваліфікуються як аналітичні синтаксичні морфемі; До кожної частини мови подається список наукової літератури (К. Городенська).

6. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Действительный залог является слабым членом залоговой оппозиции, поскольку не имеет формальных показателей, кроме действительных причастий, поэтому выделяется “по остаточному принципу” — все, что осталось от страдательного, и именуется как нестрадательный залог, или неpassив.

Как было показано выше, определенная часть форм действительного залога входит в оппозицию по линии актив—пассив.

Русский язык	Украинский язык
а) переходные глаголы (<i>Мальчик читает книгу</i>);	а) переходные глаголы (<i>Хлопчик читає книжку</i>);
б) причастия, образованные от переходных глаголов (<i>Мальчик, читающий книгу</i>);	б) —
в) деепричастия (<i>читая книгу</i>);	в) деепричастия (<i>читаючи книжку</i>);
г) инфинитивы (<i>читать книгу</i>).	г) инфинитивы (<i>читати книжку</i>).

Привативные члены залоговых оппозиций в основном совпадают в русском и украинском языках:

Русский язык	Украинский язык
а) средне-возвратные глаголы (<i>Мальчик умывается</i>);	а) средне-возвратные глаголы (<i>Хлопчик усміхається</i>);
б) непереходные глаголы без -ся (<i>Мальчик сидит</i>);	б) непереходные глаголы без -ся (<i>Хлопчик лежить</i>);
в) образованные от средне-возвратных и непереходных глаголов без -ся формы причастий (<i>улыбающийся мальчик, стоящий мальчик</i>);	в) образованные от непереходных глаголов без -ся причастия (<i>лежачий хворий</i>);

г) образованные от указанных глаголов деепричастия (<i>сидя, улыбаясь</i>);	г) образованные от средне-возвратных и непереходных глаголов деепричастия (<i>усміхаючись, лежачи</i>);
д) инфинитивы (<i>умываться, сидеть</i>);	д) инфинитивы (<i>усміхатись, лежати</i>);
е) безличные глаголы (<i>светает, смеркается</i>).	е) безличные глаголы (<i>світає, смеркається</i>).

Такова полная парадигма действительного залога. В основном ее члены описаны выше. Напомним только, что в русском языке имеются особые в залоговом отношении формы — действительные причастия, образованные от возвратного пассива (*строющийся рабочими дом*), имеющие значение пассива. (В украинском языке вообще нет причастий с *-ся*). В свою очередь, в украинском языке также существуют формы, имеющие в своем составе маркеры актива и пассива — формы на *-но, -то*: с одной стороны, по образованию это страдательные причастия, с другой — они управляют винительным падежом.

Безличные глаголы по определению не могут употребляться при подлежащем: *Меня знобит; Дождит; Мне работается радостно // Світає, край неба палає; Не спалося, А ніч як море; Мрячить; Гримить! Благодатна пора наступає*. Однако, несмотря на отсутствие агенса в предложении и невозможность его подстановки, он может если не мыслиться, то чувствоваться, ибо человеку интуитивно свойственно искать причину явлений. Среди безличных глаголов имеются разошедшиеся с личными по значению, то есть “личные в безличном значении”: *в ушах зазвенело, в глазах засверкало, в голове потемнело // в очах потемніло, на серці защеміло, занудило коло серця, закололо в боці*.

В безличных конструкциях может быть указан “объект” в винительном падеже: *ломает руку, крутит суставы, тянет ногу, голову клонит*, но такие сочетания довольно стойки, объект как бы “вписан” в семантику глагола.

При безличных глаголах может быть и подобный “агенси” по форме, как и полагается в страдательном обороте, в творительном падеже. Напр.: *Град побил посевы — Посевы побил градом; Дождь размыл дорогу — Дорогу размыв дождем; Снег припорошил поля — Поля припорошило снегом*. Если внимательно взглядеться в семантику творительного падежа, обнаруживается, что это не деятель, а орудие в руках мистического деятеля. Ср. в украинском: *ніколи не показувало, щоб робити поминки в хаті* (Голос України).

Именно поэтому глаголы в таких конструкциях трактуются как действительные, и они легко трансформируются в типизированную активную конструкцию: *Дождь размыл дорогу; снег припорошил поле*; — а также в пассив: *Дорога размываема дождем; Поля припорошены снегом*. Глаголы действительного залога, в отличие от глаголов страдательного, употребляются также и в 1-м, и во 2-м лице.

Причастия действительного залога в русском языке имеют полную форму. Спорадические краткие формы (*Вид пугающ; взгляд уничтожающ*) картины не меняют, поскольку адъективируются.

Основной конструкцией для русского действительного причастия является атрибутивная — с разной степенью распространения и “адъективации”. Ср., например: *Черная колеблющаяся трибуна проплывает мимо; мальчик — поддужный, припавший, стоя на коротких стременах, к лошадиной гриве; слаживается в одно плотное, быстро несущееся тело, одухотворенное одной волей, одной красотой мощных движений, одним ритмом, звучащим, как музыка; Воздух, бегущий навстречу, свистит в ушах* (А. Куприн); *Природа жаждущих степей его в день гнева породила* (А. Пушкин).

В украинском языке активные причастия употребляются редко. Формы с суффиксом -л- омонимичны глаголам прошедшего времени и отглагольным прилагательным; ср., однако: *побіліле від горя волосся*.

Все деепричастия (укр. дієприслівники) относятся к действительному залогу. Деепричастие всегда выступает в роли дополнительного сказуемого, поэтому относится к подлежащему. Отсюда невозможность употребления деепричастий в страдательном обороте: **Дом построен мэрией, заручившись поддержкой экологического центра*.

Они широко функционируют в художественной литературе, в обоих языках. Ср.: *Он шел ровной машистой рысью, почти не колеблясь спиной, вытянутой вперед и слегка привороченной к левой оглобле шеей; казалось, что рысак меряет, не торопясь, дорогу прямыми, как циркуль, передними ногами, чуть притрагиваясь концами копыт к земле; это была настоящая американская выездка., где внешняя красота форм приносится в жертву легкости, сухости, долгому дыханию и энергии бега, превращая лошадь в живую безукоризненную машину* (А. Куприн) // *В згоді вони разом згинали коліна, благаючи Бога, щоб припустив до вечері душі [потоплені]. Ніхто за них не згадає ані встаючи, ані лягаючи, ніхто не згадає дорогою йдучи, а вони, бідні душі, гірко пробувають у пеклі, чекаючи Вечора Святого* (М. Коцюбинський).

Сопоставительное изучение залоговых категорий в русском и украинском языках позволяет сделать некоторые выводы. Категория залога детерминируется восприятием действия сквозь призму субъекта и объекта. По этой причине однотипные действия в одном языке и одно и то же действие в двух языках обозначаются в разных залоговых терминах.

Категория залога вырастает на пересечении значений переходности и рефлексива, потому теория залога существует в двух вариантах: узком (актив/пассив), который принят в украинистике, и широком (с учетом рефлексива/нерефлексива), распространившимся в русистике.

Значение залоговых форм зависит также от категории вида, связано со временем, наклонением, лицом.

В обоих языках залоговая оппозиция асимметрична: она включает формы *tantum* по линии пассива и рефлексива. Системы залоговых форм в русском и украинском языках отличаются параллелизмом, хотя в отдельных пунктах (причастия, причастные предикативы) имеются расхождения. Так, в украинских причастиях прослеживается тенденция к одновременному переходно-видовому противопоставлению.

Расхождения в переходности и возвратности значительны, но не поддаются систематизации, что еще раз подчеркивает их лексическую природу.

Основные различия залоговой системы в сравниваемых языках сконцентрированы в причастиях: их формообразовании и функционировании. Если в русском языке широко функционируют в атрибутивных конструкциях и активные, и пассивные причастия, то в украинском — только пассивные; в роли предиката в русском языке частотны конструкции с кратким причастием — для украинского причастия эта функция маловыразительна; зато в украинском языке активны предикативные формы на *-но*, *-то*, тогда как причастные предикативы единичны.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИС РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

І. СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Словосочетание — это синтаксическая единица, возникающая в результате смыслового и грамматического объединения двух или нескольких полнозначных слов (или форм слов) на основе их подчинительной связи. Ср.: *вишневый сад // вишневий сад; читать книгу // читати книгу; пять студентов // п'ять студентів; быстро бежать // швидко бігти.*

Как особая синтаксическая единица словосочетание противопоставляется предложению с точки зрения выполняемой функции, по грамматическому статусу и структурным особенностям.

Являясь компонентом единицы сообщения (предложения), словосочетание производится в речи в связи с задачами акта коммуникации и разрешает таким образом противоречие между конечным числом лексических (шире — номинативных) единиц и бесконечным числом конкретных предметов и явлений, существующих и воспринимаемых в их взаимосвязи, информация о которых и составляет содержание всякого коммуникативного акта.

Словосочетание, как и входящие в него компоненты, выполняет лишь актуальную номинацию, то есть обозначает некоторые предметы и явления, выступающие в роли участников или элементов ситуации. Именно в этом ключе возможно трактовать функцию **свободного** (спонтанно возникающего в речи) **словосочетания** как развитие номинации в целях и интересах коммуникации, а само свободное словосочетание может квалифицироваться как способ обозначения (с целью передачи информации) всех воспринимаемых сознанием человека предметов и явлений действительности, осуществляющийся с опорой на объективированные с помощью языковых знаков результаты членения мира.

При толковании функциональных особенностей свободного словосочетания как единицы актуальной номинации (соотнесения конкретного обозначающего, языковой формы, с данным ре-

ферентом) в центре внимания оказывается проблема номинации в широком плане — изучение того, “как ситуация в целом и отдельные ее элементы получают языковое обозначение”¹.

Языковой знак может выступать не только как элемент коммуникативных единиц, но и как оперативная единица, участвующая в закреплении результатов когнитивной деятельности человека.

В этой связи словосочетание как знаковая форма может стать номинативной единицей, обладающей денотативно-сигнификативным содержанием, если обозначаемый предмет или явление окажется общественно осознанным и если это словосочетание окажется конвенционально закрепленным за ним наименованием. В таком случае оно уже не будет возникать в речи спонтанно, а будет воспроизводиться, актуализироваться.

Положение о том, что материализация номинативной единицы, закрепляющей результаты познавательной деятельности человека, осуществляется не только средствами словообразования, но и синтаксиса, подтверждается фактом формирования и функционирования так называемых расчлененных единиц наименования, организованных в форме словосочетания, компоненты которого, утрачивая свою номинативную самостоятельность, перераспределяют значения и образуют иные, более сложные (в разной степени) формальные и содержательные зависимости. Ср.: *орбитальная станция // орбітальна станція, военно-промышленный комплекс // військово-промисловий комплекс, белое вино // біле вино, научно-исследовательский институт // науково-дослідний інститут, холодная война // холодна війна*. Подобные словосочетания — составные наименования относятся к разряду **несвободных** (или **устойчивых**).

К несвободным словосочетаниям примыкают так называемые расчлененные единицы наименования фразеологического типа (ср.: *золотые руки // золоті руки, железная воля // залізна воля, волны протеста // хвилі протесту, экологическая пропасть // екологічна безодня*). Основное назначение подобных сочетаний — служить средством экспрессивно-эмоциональной характеристики явлений.

Те несвободные словосочетания, в которых отсутствуют живые синтаксические связи, а также те, которые включают компонент с утраченным или стершимся лексическим значением, пред-

¹ Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. — М., 1972. — С. 13.

метом грамматики не являются (напр.: *ничтоже сумняшеся, шутка сказать, точить лясы, остаться с носом // байдики бити, собаку з їсти, повісити носи*).

Словосочетание, как элемент предложения, всегда передает некоторую информацию, но в отличие от предложения никогда не относит эту информацию в тот или иной объективно-модальный и временной план. Сравните словосочетание *пение соловья // спів соловейка* и предложение *Соловей поет // Соловейко співає*. Передавая одно и то же объективное содержание, эти синтаксические единицы различаются грамматически. В предложении соответствующее событие характеризуется как реальный факт, происходящий в момент говорения. Сравните, например, способность синтаксической формы предложения характеризовать то или иное событие как реальный факт, имевший место до или после момента говорения (*Соловей пел // Соловейко співав; Соловей будет петь // Соловейко буде співати*), или как нереальный факт (*Если бы соловей пел! // Якщо б соловейко співав!*). Словосочетание этой информации не выражает.

Словосочетание и предложение — это единицы разного синтаксического качества, с разными синтаксическими свойствами.

Словосочетание возникает на основе подчинительной связи слов, которая носит субординативный характер, то есть предполагает наличие главного и зависимого (зависимых) компонентов: *историческое событие // історична подія, стоять перед домом // стояти перед будинком, хорошо работать // добре працювати*. Отличительными признаками подчинительной связи являются обязательность/необязательность и предсказуемость/непредсказуемость.

Так, например, в русском и украинском языках глагол *находиться // знаходитися* нельзя употребить без распространяющей его зависимой словоформы — пространственного конкретизатора (*находиться в школе/на поляне/за деревом/слева // знаходитися в школі/на галявині/поза деревом/ліворуч*). Связь между компонентами приведенных словосочетаний носит обязательный характер. Сравните также словосочетания с обязательной связью компонентов *надевать пальто // одягати пальто, отличать умом // відрізнятися розумом, стать ученым // стати вченим, много дел // багато справ* и т. п. В качестве главных (стержневых) компонентов подобных словосочетаний выступают информативно недостаточные слова, то есть такие, которые в силу своего лексического значения требуют зависимой словоформы с информативно восполняющей функцией.

В русском и украинском языках возможна необязательная подчинительная связь компонентов словосочетания. Так, существительное *сад* // *сад*, глагол *гулять* // *гуляти* сами по себе достаточны для обозначения определенного предмета или действия. Поэтому словосочетания, возникающие в результате их распространения (*большой сад* // *великий сад*, *гулять в саду* // *гуляти в саду*), характеризуются необязательной связью компонентов. Ср.: *Дети гуляли в большом саду* — *Дети гуляли* // *Діти гуляли у великому саду* — *Діти гуляли*.

Другим отличительным признаком подчинительной связи словоформы выступает ее предсказуемый/непредсказуемый характер. Если главный компонент словосочетания предопределяет соответствующую (конкретную) форму зависимого, то связь их носит предсказуемый характер. Ср.: глагол *писать* // *писати* предопределяет появление зависимого существительного в винительном падеже (*писать* (что?) *книгу* (*сочинение*) // *писати* (що?) *книжку* (*твір*)). В отличие от русского в украинском языке при глаголе *писати* возможно использование двух форм винительного падежа неодушевленных существительных мужского рода единственного числа: *писати лист, вірш* — *писати листа, вірша*. Первая форма винительного падежа является основной, вторая, совпадающая с формой родительного падежа, свойственна разговорной речи и жанрам художественной литературы. В данном случае предсказуемая связь носит вариативный характер.

Предсказуемая связь широко и разнообразно представлена в сочетаниях существительного и зависимого адъективного компонента. Например, стержневой субстантив в форме женского рода единственного числа (*кукла* // *лялька*) предопределяет соответствующую форму зависимого компонента (*новая кукла, новой куклы, новой кукле, новых кукол* // *нова лялька, нової ляльки, новій ляльці, нових ляльок*).

При непредсказуемой связи компонентов словосочетания форма зависимого слова однозначно не предопределена. Сравните возможность появления зависимого существительного в форме предложного, творительного падежа, а также неизменяемого наречного компонента при распространении глагола *находиться* // *знаходиться*: *находиться на дереве, под водой, наверху* // *знаходиться на дереві, під водою, нагорі*.

Средствами выражения подчинительной связи компонентов словосочетания в русском и украинском языках являются форма слова и предлог: *красные яблоки* // *червоні яблука, зйти к брату* // *зйти до брата, беспокоиться о детях* // *турбуватися про дітей*.

Неизменяемые зависимые слова (или формы слова) связываются с главным по смыслу: *громко читать // виразно читати, умение понимать // вміння розуміти.*

Между компонентами словосочетания устанавливаются различные семантико-синтаксические отношения, определяемые лексическими и грамматическими значениями стержневого и зависимого слов.

Определительные отношения складываются на основе значения предметности главного компонента и значения признака (внешнего или внутреннего качества, свойства, принадлежности) зависимого: *отцовский дом // батьківський будинок, дом отца // будинок батька, железные ворота // залізна брама, четвертый день // четвертий день, мое счастье // моє щастя, жизнь в городе // життя у місті, желание петь // бажання співати.* Зависимая словоформа в таких словосочетаниях отвечает на вопросы: какой?, чей?, который?

Объектные отношения возникают между главенствующим компонентом, обозначающим действие или состояние, и зависимым компонентом, называющим тот предмет (в широком смысле этого слова), на который направлено действие или с которым сопряжено состояние: *читать книгу // читати книгу, работать над проектом // працювати над проектом, думать о детях // думати про дітей, покупка обуви // купівля взуття, сердиться на сына // сердитися на сина.* Зависимая словоформа в словосочетаниях с объектными отношениями отвечает на вопросы косвенных падежей.

Субъектные отношения возникают в словосочетаниях, главный компонент которых (обычно существительное) называет действие, состояние или свойство, а зависимый, выраженный родительным падежом имени, — производителя этого действия или носителя состояния, свойства: *радость матери // радість матері, глубина реки // глибина річки, приезд дочери // приїзд доньки.*

Обстоятельственные отношения устанавливаются в словосочетаниях, стержневой компонент которых обозначает действие, состояние или признак, а зависимый — некоторое обстоятельство, сопровождающее это действие, состояние, признак: *проснуться рано // прокинутись рано, лаконично сообщить // лаконічно повідомити, жить в лесу // жити в лісі, сделать сгоряча // зробити зопалу.* Зависимая словоформа таких словосочетаний отвечает на вопросы: как?, каким образом?, когда?, с каких пор?, где?, куда?, откуда?, зачем?, с какой целью? и другие вопросы обстоятельственных значений.

В ряде словосочетаний значимая сторона связи не устанавливается и отношения между компонентами являются только **информативно восполняющими**, то есть главный и зависимый компонент образуют вместе минимальное информативно достаточное словосочетание: *стать директором // стати директором, превратиться в принца // перетворитися на принца, десять тетрадей // десять зошитів.*

В современных русском и украинском языках словосочетания возникают на основе нескольких типов подчинительной связи: **согласования (узгодження), управления (керування), примыкания (прилягання)**, которые дифференцируются на основе морфологических особенностей их проявления.

Согласование — такой вид подчинительной связи, при котором зависимое слово уподобляется главному в одноименных грамматических категориях : *радостный взгляд // радісний погляд, седые волосы // сиве волосся, четвертый этаж // четвертий поверх, подводное царство // підводне царство.* Главным словом при согласовании может выступать существительное (*новый телевизор // новий телевізор*), местоимение-существительное (*кто-то свой // дехто свій*), зависимым — полные прилагательные (в том числе порядковые), причастия, счетно-местоименное слово “один//один”. К этому виду связи в русском языке относится уподобление во всех формах косвенных падежей числительного существительному (*с пятью студентами, для трех семей, без семнадцати минут шесть*), в украинском языке — уподобление (во всех формах) числительных *два, три, чотири* (*два студенти, три олівці, чотири чоловіки*) и в формах косвенных падежей (кроме винительного) всех остальных количественных числительных: *п'яти книжок, п'ятьма книжками, двадцяти стільців, двадцятьма стільцями.*

Различается полное и неполное согласование. При **полном согласовании** зависимое слово уподобляется главному во всех одноименных грамматических категориях (*ранняя весна // рання весна, творческое вдохновение // творче натхнення, третья встреча // третя зустріч*). Неполное согласование, в отличие от полного, предполагает уподобление зависимого компонента главному не во всех одноименных грамматических категориях. Напр.: *английский и французский языки // англійська та французька мови, золотая и серебряная медали // золота та срібна медалі* (отсутствует уподобление в категории числа). В разговорной речи при распространении существительных мужского рода, называющих лицо по профессии и способных обозначать лицо как мужского, так и женского пола, возможно функционирование словосочетаний типа

молодая врач // молода лікар, энергичная депутат // енергійна депутат, компоненты которых объединяются на основе неполного согласования (отсутствует уподобление в категории рода).

Неполным согласованием называют связь между компонентами аппозитивных словосочетаний, в составе которых в отношении определяемого и определяющего вступают существительные: *студент-отличник // студент-відмінник, город Киев // місто Київ, село Корчи // село Корчі, гостиница “Украина” // готель “Україна”, девочка Наташа // дівчинка Наталка*.

Существительные, выступающие в функции приложения, обычно коррелируют со стержневым компонентом в падеже (*самолет-истребитель // літак-винищувач, самолета-истребителя // літака-винищувача, самолету-истребителю // літаку-винищувачу*). Поскольку имя существительное в русском и украинском языках по своим морфологическим свойствам не приспособлено к воспроизведению грамматических значений другого слова (род и число у него самостоятельны), постольку в так называемых аппозитивных словосочетаниях совпадение родовых значений компонентов не является обязательным (*женщина-космонавт // жінка-космонавт, врач Петрова // лікар Петрова, доцент Иванова // доцент Іванова, город Полтава // місто Полтава*). Согласование в числе осуществляется, однако это не исключает возможности употребления одного из компонентов словосочетания в форме единственного числа, а другого — в форме множественного (в функции такого компонента нередко выступают существительные *pluralia tantum* *сани-вездеход // сани-всюдихід*).

В словосочетаниях с приложением, выраженным условным собственным именем, в русском и украинском языках действует тенденция к сохранению формы именительного падежа зависимого компонента во всей парадигме: *магазин “Сказка” // магазин “Казка”, магазина “Сказка” // магазину “Казка”, магазином “Сказка” // магазином “Казка”; завод “Арсенал” // завод “Арсенал”, заводом “Арсенал” // заводом “Арсенал”; газета “Спорт” // газета “Спорт”, газете “Спорт” // газеті “Спорт”*.

В словосочетаниях с приложением — географическим названием (особенно широко употребительным) действует правило падежного изменения зависимого компонента: *город Берлин, города Берлина, в городе Берлине // місто Берлін, міста Берліна, у місті Берліні; город Харьков, города Харькова, в городе Харькове // місто Харків, міста Харкова, у місті Харкові; село Мотовиловка, села Мотовиловки, в селе Мотовиловке // село Мотовилівка, села Мотовилівки, у селі Мотовилівці*. Если в русском языке возможен и разнопадежный параллелизм (*миновали деревню Александровку / минова-*

ли деревню Александровка), то в украинском языке действует правило обязательного изменения приложения: *селу Моринцям, селом Моринцями, у селі Моринцях*.

Некоторые лингвисты считают необходимым так называемый падежный параллелизм выделять не только в особый способ морфологического выражения подчинительной связи, отличный от согласования, но и в особый вид синтаксической связи, отличающийся от подчинения¹.

Управление — вид подчинительной связи, при которой стержневой компонент обуславливает появление той или иной падежной формы зависимого существительного, которая остается неизменной при изменении форм управляющего слова: *посадить дерево, посажу дерево, посадил бы дерево // посадити дерево, посажу дерево, посадив би дерево; красный от стыда, красным от стыда // червоний від сорому, червоним від сорому*.

В истории лингвистической науки выдвигались различные критерии для дифференциации видов управления. Например, А.М. Пешковский на основе комплексного представления о предсказуемости-обязательности и непредсказуемости-необязательности связи зависимой падежной формы субстантива с опорным словом выделяет две разновидности управления — сильное и слабое². Признание логичности такого подхода к дифференциации видов управления все же сопряжено с необходимостью признать наличие таких словосочетаний с зависимой падежной формой существительного, которые “не вписываются” в общую схему, например, словосочетание *находиться под водой / на берегу // знаходиться під водою / на березі*, в которых связь носит обязательный, но непредсказуемый характер.

В “Грамматике современного русского литературного языка” 1970 г., в “Русской грамматике” 1980 г. критерием выделения видов управления являются типы отношений между компонентами. При таком рассмотрении понятие управления сужено. К управлению относится только такая связь зависимого компонента в форме косвенного падежа существительного, при которой между компонентами словосочетания устанавливаются отношения восполняющие или объектные либо контаминированные: объектно-восполняющие, объектно-определительные, объектно-обстоятельственные. При сильном управлении возникают отношения

¹ Сиротина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980. — С. 14.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956. — С. 285.

восполняющие или объектные либо их контаминации: *пять студентов // п'ять студентів; рисовать дом // малювати будинок; склонность к математике // схильність до математики*; при слабом управлении объектные отношения контаминируются с определительными и обстоятельственными: *пилить пилой // пиляти пилкою; гимн труду // гімн праці*.

Те же случаи, когда при присоединении косвенного падежа возникают отношения определительные, субъектные или обстоятельно-восполняющие (при информативно недостаточных словах), рассматриваются как падженое (или именовое) примыкание: *памятник Пушкину // пам'ятник Пушкіну; лодка из дерева // човен із дерева*¹.

Отрыв этих связей от управления (а в силу субъективности в установлении отношений между компонентами словосочетания в ряде случаев практически разграничить управление и падежное примыкание весьма затруднительно) нарушает общий морфологический принцип дифференциации видов подчинительной связи.

Как грамматически наиболее значимый выступает признак предсказуемости/непредсказуемости, в частности при анализе управления как вида подчинительной связи словоформ. Такая точка зрения восходит к концепции А. А. Потебни, который, развивая, правда, узкое понимание управления, отмечал: “Чтобы понятие управления не расплзлось в туман, следует понимать под ним только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого. Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи”².

Основываясь на большей значимости признака предсказуемости/непредсказуемости при широком понимании управления возможно различать два его вида: сильное (с предсказуемой связью зависимой формы существительного) и слабое (с непредсказуемой связью зависимой падежной формы существительного). Ср.: *вышить цветок // вишити квітку; десять рублей // десять карбованців и ваза с цветами // ваза з квітами; лежать на дороге // лежати на дорозі*.

В зависимости от средств связи выделяют беспредложное и предложное управление: *половина хлеба // половина хліба; вид искусства // вид мистецтва; букет для любимой // букет для коханої; приехать в Киев // приїхати до Києва; думать о жизни // думати*

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 2. — С. 69.

² Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — М., 1958. — Т. 1—2. — С. 120.

про життя. При беспредложном управлении средством связи в словосочетании выступает форма слова зависимого компонента, при предложном — форма слова и предлог.

По сравнению с русским языком управление в украинском имеет ряд особенностей.

1. При переходных глаголах в украинском языке возможны две формы винительного падежа управляемых неодушевленных существительных мужского рода единственного числа. Первая (основная) форма винительного падежа совпадает с формой именительного: *написати лист, покласти м'яч, взяти словник*. Вторая форма винительного падежа, совпадающая с формой на -а родительного, чаще встречается в разговорной речи и художественных текстах: *написати листа, покласти м'яча, взяти словника*.

В русском языке при переходных глаголах возможна одна форма винительного падежа неодушевленных имен существительных мужского рода: *написал рассказ, положил мяч, взял словарь*.

2. В украинском языке управляемые существительные множественного числа, называющие животных, могут также иметь две формы: одна форма совпадает с формой родительного падежа, другая — с формой именительного: *побачити коней — побачити коні, пасти гусей — пасти гуси, годувати кіз — годувати кози*.

В русском языке возможна лишь одна форма винительного падежа множественного числа соответствующих существительных: *увидеть лошадей, пасти гусей, кормить коз*.

3. В украинском языке при глаголах говорения (*говорити, казати, розповідати, сперечатися, розмовляти*) управляемая форма винительного падежа существительных имеет предлог *про*, в русском языке при соответствующих глаголах употребляется предлог *о*: *говорить о матери // говорити про матір; спорить о погоде // сперечатися про погоду; разговаривать об искусстве // розмовляти про мистецтво*.

4. В украинском языке глаголы, обозначающие приближение к чему-либо, требуют постановки зависимого существительного в форме родительного падежа с предлогом *до*: *наближатися до річки, прилипати до дерева, приєднатись до друзів*. В русском языке соответствующие глаголы управляют дательным падежом существительного с предлогом *к*: *приблизиться к речке, прилипнуть к дереву, присоединиться к друзьям*.

5. В украинском языке при глаголах движения и нахождения предлог *по* с пространственным значением сочетается с предложным падежом существительного, в русском языке — с дательным падежом: *бродить по лугам // бродити по луках, блуждать по улицам // блукати по вулицях; стоять по очередям // стояти по чергах*.

6. Украинские прилагательные типа *високий, малий, бідний, багатий, веселий, хворий* управляют винительным падежом существительного с предлогом *на*, соотносительные прилагательные в русском языке проявляют беспредложное управление творительным падежом: *высокий ростом // високий на зріст; бедный витаминами // бідний на вітаміни; больной диабетом // хворий на діабет*.

7. В украинском языке форма сравнительной степени прилагательных требует либо управляемой формы винительного падежа с предлогом *за* (реже — с предлогом *над*), либо формы родительного падежа с предлогом *від*, в русском языке соответствующие формы имен прилагательных управляют родительным падежом имени существительного: *больше брата // більший за брата, більший від брата; умнее отца // розумніший за батька, розумніший від батька*.

8. Русский и украинский языки различаются управляемыми формами при целом ряде опорных компонентов в соотносительных словосочетаниях: *насмеяться над другом // глузувати з друга, привычный к работе // звичний до роботи, любовь к книгам // любов до книг, приобретать знания // набувати знань, упрекать родителей // дорікати батькам, овладеть языком // опанувати мову, изменить любимой // зрадити кохану, стремиться к успеху // прагнути успіху, заботиться о животных // дбати про тварин, благодарить учителя // дякувати вчителю, говорить на украинском языке // говорити українською мовою и т. п.*

Примыкание — вид подчинительной связи, который выражается не изменением формы зависимого компонента, а лишь его “местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения”¹.

В качестве зависимых компонентов словосочетаний, построенных на основе примыкания, выступают неизменяемые слова и формы слов: наречия (*давно говорить // давно говорити, очень веселый // дуже веселий*), инфинитив (*привычка курить // звичка палити, решил работать // вирішив працювати*), деепричастие (*идти танцуя // йти танцюючи*). В качестве примыкающих компонентов в русском и украинском языках могут выступать неизменяемые прилагательные: *пальто реглан // пальто реглан; час пик // година пік*. В русском языке связью примыкания могут быть связаны с существительными формы притяжательных местоимений *его, её, их*: *его дети, её заботы, их квартира*. В отличие от русского языка в украинском местоимение *їхній* (*їхня, їхнє*) изменяется, как

¹ Грамматика русского языка. — М., 1954. — Т. 2, ч. 1. — С. 23.

прилагательное, в отличие от неизменяемых притяжательных местоимений *його, її*: *його діти, її лекція, їхній відпочинок, його дітей, її лекції, їхнього відпочинку*.

Примыкание — преимущественно необязательная связь, однако выделяется и обязательное примыкание:

1) при модальных глаголах (*хотел, желал // бажав, хотів, волів*): *хотел работать, желал учиться // хотів працювати, бажав учитися*;

2) при фазисных глаголах (*начал, закончил // почав, закінчив*): *начал работать, закончил учиться // почав працювати, закінчив учитися*;

3) при информативно недостаточных словах, например, глаголах местонахождения: *находиться слева, очутиться поблизости // знаходиться ліворуч, опинитися поблизу*.

В основе построения словосочетаний лежат абстрактные формальные образцы — структурные схемы, которые получают конкретное лексическое наполнение. Сравните: модель “глагол + имя существительное в вин. падеже” (VN_4) — *рисовать картину // малювати картину, варить борщ // варити борщ, петь песни // співати пісні*; “имя прилагательное + имя существительное” ($AdjN$) — *веселый человек // весела людина, большая радость // велика радість*; “имя существительное + инфинитив” ($NInf$) — *желание работать // бажання працювати, стремление учиться // прагнення вчитися*. Конкретизация схем возможна за счет введения в них семантической информации. Сравните схему “имя существительное с количественным значением + имя существительное в род. падеже, обозначающее конкретный предмет” ($N_{\text{quant}}N_2 \text{ coner}$), где фиксируется количественное значение главного слова и конкретность семантики зависимого компонента: *тонна яблок // тонна яблук, килограмм огурцов // кілограм огірків*; “имя существительное с модальным значением + зависимый инфинитив, обозначающий целенаправленное агентивное действие” ($N_{\text{mod}} Inf_{\text{ag}}$): *желание рисовать // бажання малювати*.

Словосочетания в их схематизированном выражении отличаются высокой степенью воспроизводимости, поскольку однотипные схемы реализуются достаточно часто.

Словосочетания обладают системой форм (или парадигмой). Парадигма словосочетания равна парадигме стержневого слова: *родная земля, родной земли, родной земле, родную землю, родной землей... // рідна земля, рідної землі, рідній землі, рідну землю, рідною землею...*

II. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Украинский и русский языки располагают разнообразными средствами выражения синтаксических значений. Изучение этих значений дает возможность раскрыть как общие явления двух родственных языков, так и национально-самобытные, специфические для каждого в отдельности — украинского и русского.

Процесс формирования национальных литературных языков на народной основе характеризовался в украинском и русском языках многими в основном общими чертами. Однако в этом историческом процессе обнаруживаются черты, специфические для каждого из этих языков.

Если русский литературный язык донационального периода, переходя в национальный и все более сближаясь с разговорным, делает старославянский язык источником лексических и морфемных заимствований, то в украинском языке процесс превращения его в национальный литературный завершается тем, что его основой становится разговорная речь, а старославянские элементы превращаются в дополнительный источник его развития ¹.

Русский литературный язык в процессе своего формирования основывался преимущественно на разностилевой системе, воспринимая также большое количество элементов живой разговорной речи.

Структура украинского литературного языка базировалась на народно-разговорной основе (литературный язык И. Котляревского) ².

Формирование и развитие таких функциональных стилей, как научный, официально-деловой, публицистический, способствовали развитию синтаксической системы и русского, и украинского языков. Следует отметить большое сходство синтаксических систем этих двух славянских языков, в особенности типов связи слов и предложений, организации предложения и порядка слов. Но, кроме общих, каждый из этих языков имеет и свои специфичес-

¹ *Русанівський В.М.* Народнорозмовна мова як джерело розвитку слов'янських літературних мов XVI — поч. XVIII ст. — К., 1978. — С. 25; *Филин Ф.П.* Что такое литературный язык // *Вопр. языкознания.* — 1979. — № 3. — С. 4—5.

² *Білодід І.К., Їсакевич Г.П., Франко З.Т.* Співвідношення стилів української літературної мови в порівнянні з іншими східнослов'янськими в період творення національних літературних мов. — К., 1963. — С. 37.

кие черты. Эти особенности удастся выделить только путем тщательного лингвистического анализа. “Установить специфические отношения между близкородственными языками в отличие от языков родственных, но не имеющих подобной степени близости, задача совсем не такая простая, как это иногда кажется”¹.

А. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Простое предложение — это особая грамматическая категория, построенная по специальному предикативному структурному образцу, структурной схеме, которая способна видоизменяться для выражения разных объектно-модельных значений. Оно является самостоятельной единицей сообщения, грамматическим значением которой выступает предикативность, а формой — минимальная структурная схема, которая как отвлеченный образец построения лишена интонации. Определенное интонационное оформление она приобретает после наполнения ее конкретным лексическим материалом, то есть после того, как на ее основе строится конкретное высказывание.

Русский и украинский языки характеризуются не только сходной грамматической системой и наличием большого пласта общей лексики. Структурные типы предложения в обоих языках также близки.

По целенаправленности сообщения простые предложения в русском и украинском языках делятся на два типа: повествовательные (невопросительные) и вопросительные. Оба эти типа предложений вследствие интонационных изменений могут стать восклицательными.

Простые предложения, построенные по какой-либо структурной схеме и не осложненные, считаются нераспространенными. Если в простое нераспространенное предложение ввести дополнительные члены, оно становится распространенным. По своей структуре эти предложения в русском и украинском языках в основном идентичны, правда, словоформы этих структур могут находиться формально и не в одинаковых грамматических отношениях друг с другом.

По характеру формальной связи главных членов двухкомпонентные предложения можно разделить на две группы: первая —

¹ Будагов Р.А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения // Типология сходств и различий близкородственных языков. — Кишинев, 1975. — С. 8.

это предложения, в которых семантический субъект выражен номинативом имени; вторым компонентом, который называет предикативный признак, выступает спрягаемая форма глагола, инфинитив, имя существительное или наречие. Напр.: *Овцы спали; Он остановился; Она вышла; Я не пустила // Идуть дощі; Підрозділи рушили* (О. Гончар); *Ніч минає; Степ квітував* (О. Гончар). Вторая группа двухкомпонентных предложений — это не подлежащно-сказуемые. Субъект этих предложений выражен словоформой, которая не является именуемой. Напр.: *Людей прибывает // Снігів меншає*.

Если структурной основой является, например, сочетание именительного падежа имени с личной формой глагола или формой другого имени, то она формирует двусоставное предложение, имеющее два главных члена — подлежащее и сказуемое. Напр.: *Лейтенант потерял сознание* (А. Степанов); *Утро было холодное и ветреное* (А. Адамов) // *Морози були люті* (О. Гончар); *Орест прискорює ходу* (Ю. Мушкетик); *Глибина ж буде собаці по коліна* (В. Лисенко).

В двусоставных подлежащно-сказуемых предложениях русского и украинского языков подлежащее и сказуемое формально могут уподобляться друг другу. Они пребывают в связи координации, что внешне напоминает подчинительную связь — согласование. Напр.: *Сад цветет — Сады цветут; Цель накрыта* (А. Твардовский) — *Цели накрыты // Ліс росте — Ліси ростуть*.

Следует отметить, что второстепенные члены предложения не входят в состав его структурной схемы, часто являясь необходимой составной частью семантической системы предложения.

Двусоставные подлежащно-сказуемые предложения строятся по свободной структурной схеме: подлежащее, выраженное существительным (местоимением) в именительном падеже, — сказуемое в форме спрягаемого глагола. В позиции подлежащего могут выступать целые словосочетания или другие субстантивированные формы. Напр.: *Красная рыба последние годы плохо идет на крюк* (В. Песков); *Все утро я ловлю рыбу* (К. Паустовский) // *Дорога йде по під лісом* (О. Гончар); *І “Ніч яка, Господи, місячна, зоряна”, і “Ой видно село”, і “Їхав стрілець на війноньку” мають своїх відомих на ім’я — не всім, звичайно, — авторів* (М. Рильський).

Для предложений типа существительное в именительном падеже (подлежащее) — глагол (сказуемое) характерны неполные реализации:

1) с пропущенным подлежащим: *Ходит. Читаю // Бігаю. Сиджу;*

2) без сказуемого: *Я кратко // Я швидко.*

В ряде предложений этого типа действуют правила ситуативно обусловленных реализаций. Это бывает в тех случаях, когда опущен глагол-сказуемое со значением движения, речи, сообщения, конкретного действия и др. В таких случаях распространители сказуемого непосредственно относятся к подлежащему, несмотря на то, что грамматически зависят от глагола-сказуемого, не представленного в предложении. Такие структурные схемы характерны и для русского, и для украинского языка. Напр.: *У нас в клубе лекции регулярно // А він мені про це ні слова.* На основании таких предложений образуются высказывания со значением побуждения. Напр.: *От края! Вперед! // Ні слова! Від гвинта!*

Подлежащее и сказуемое координируются в одинаковых схемах русского и украинского языков:

1) в форме числа и рода: *Молва не врёт (А. Твардовский); Голоса разделились (А. Степанов) // Піхота встала (О. Гончар); Наталка прибігла сердита, задихана (О. Гончар);*

2) в форме числа и лица: *Я пишу. Ты слышишь. Он гуляет. Мы читаем // Він розповідає. Ти слухаєш. Вони відповідають;*

3) в формах числа: *Дети гуляют // Дівчата співають.*

В координации подлежащего и сказуемого в формах числа и рода наблюдаются колебания, в русском и украинском языках они иногда формально различаются.

В разных структурных схемах простых предложений подлежащие, выраженные сочетанием некоторых количественных числительных с именем существительным, формально различаются в русском и украинском языках. В русском языке числительные *два, три, четыре* требуют после себя существительного в родительном падеже единственного числа, в украинском языке — именительного падежа множественного числа. Напр.: *Два стола стояли у окна // Два столи стояли біля вікна; Три дня пройшло // Три дні минули.* Подлежащие, выраженные сочетанием дробного числительного с именем существительным, в русском и украинском языках формально не различаются. После этих числительных существительное стоит в родительном падеже единственного числа. Напр.: *Вспаханы два и три десятых гектара // Очищені два і три десятих центнера.* Если дробное числительное в составе подлежащего заменено нумеральным названием — *половина, треть, четверть* (в украинском — *половина, третина, чверть*), такие формы

в русском языке требуют после себя существительного в родительном падеже единственного числа, в украинском — в именительном падеже множественного числа. Напр.: *Два с третью гектара вспаханы // Два з третиною гектари виорані.*

В разных структурных схемах простого предложения в отдельных случаях наблюдаются колебания в формах рода и числа в сочетании подлежащее—сказуемое. Как в русском, так и в украинском языке это определяется в первую очередь формальным видом подлежащего, а также может зависеть от позиции главных членов, распространенности/нераспространенности структурной схемы, иногда от стилистической окраски, одушевленности/неодушевленности предметов.

Колебания в формах числа часто встречаются тогда, когда подлежащее выражено числительным или словом с количественно-числовым значением, или количественно-именным сочетанием. При этом характерно: если подлежащее выражено количественным числительным или количественно-именным сочетанием, то сказуемое согласуется с относительно бесформенным подлежащим (ибо числительное не имеет формы числа и рода, кроме *один*) и стоит в украинском языке в форме среднего рода единственного числа или ее заменителе — форме 3-го лица единственного числа. В русском языке в таких случаях сказуемое функционирует в форме множественного числа. Напр.: *В строю бежали только десять // В цепену бігло тільки десять.* Ср.: *Через двадцать минут в камере остались только шестнадцать* (Н. Островский) // *Окрім посольської варти, їхало ще сорок стрільців воєводських* (Н. Рибак). *Однажды человек десять наших офицеров обедали в Сильвно* (А. Пушкин) // *На току лежало три чоловіки* (Панас Мирний); *Двоє подає, двоє на возі складає* (Панас Мирний).

Однако подобные согласования в современной русской и украинской речи не регулярны и зависят от конкретности/абстрактности номинированных предметов. При конкретном подлежащем в украинском языке сказуемое чаще выступает в форме множественного числа. Наблюдаются колебания формы единственного/множественного и в русском языке. Напр.: *Бьются двое в клубах пара* (А. Твардовский); *Прошло минут пять* (М. Лермонтов) // *Шість чоловіків увійшло в ліс* (І. Нечуй-Левицький); *Два штучних будинки з скляними стелями стояли один біля другого, дивуючи очі своєю красою* (Панас Мирний).

Колебания в формах числа в русском языке бывают при подлежащем — собирательном числительном; форма единственного числа частотнее в нераспространенных предложениях. Напр.: *Двое милиционеров по знаку Извекова протиснулись толчеей в горни-*

цу (А. Федин); *Двое не пришло; И вместе трое все в него впряглись* (И. Крылов).

В украинском языке колебания в формах числа свойственны структурным схемам с подлежащим — собирательным числительным. Но при числительных *обоє, обидва*, которые имеют местоименное значение и не употребляются как абстрактное название числа, сказуемое функционирует только во множественном: *Знову замовкли обидва* (Панас Мирний).

Кроме непосредственно числительных, нумеральное значение в подлежащем могут выражать некоторые количественные наречия и местоимения: *много, мало, достаточно, несколько // багато, чимало, трохи, досить, доволі*. Сказуемое в таких структурных схемах выступает преимущественно в единственном числе. Но в русском и украинском языках наблюдаются и колебания. Напр.: *Особенно много колосистой травы и цветов росло около старых пней* (К. Паустовский); *Много огней манили не одного меня своей близостью* (В. Коризна); *Несколько человек были наказаны / было наказано плетью и сосланы / сослано на поселение* (А. Герцен); *Прошло с тех пор много времени* (М. Лермонтов) // *Минуло чимало років* (С. Васильченко); *Трохи люду одійшло ліворуч і стало* (С. Васильченко).

Если именная часть сказуемого стоит во множественном числе, то в украинском языке нормативным является употребление и глагольной части сказуемого во множественном числе. Напр.: *Чимало дерев стояли і зовсім голі* (Ю. Смолич). Ср. ненормативное: *Чимало дерев стояло й зовсім голих*.

Как в русском, так и в украинском языке колебания в формах числа свойственны структурным схемам, в которых подлежащее выражено собирательными существительными или аналогичными субстантивами *большинство // більшість, часть // частина, оставшиеся // решта* и др. В русском языке в этих структурных схемах преобладает единственное число. Напр.: *Большинство согласно / согласны // Більшість погоджується. Большинство забав определялось течением деревенской жизни* (В. Солоухин); *Большинство завсегдаев Гамбринуса состояло вечными Сашкиными должниками* (А. Куприн). В украинском языке в этом случае чаще употребляется множественное число. Напр.: *Більшість командирів та політпрацівників полягли смертю героїв* (О. Гончар). Но если сказуемое предшествует подлежащему — употребляется только единственное число. Напр.: *Явилось большинство // Прибула більшість*.

В украинском языке архаической и ненормативной выступает структурная схема, в которой сказуемое стоит в форме среднего рода при подлежащем — собирательном имени существительном

несреднего рода. Напр.: *Базар людей походило і панства чимало* (Т. Шевченко). Такая форма сказуемого подчеркивает в подлежащем его количественное значение: *Повен віз понасідало проводжачючих* (А. Шиян). Она свойственна даже тем структурным схемам, в которых подлежащее стоит во множественном числе. Напр.: *Між густою листвою цвірінькало сотні пташок* (П. Панч). Иногда она встречается со стилистической окраской, свойственной фольклору, речи произведений, стилизованных под народную или диалектную речь: *Старшина пузата Стоїть рядом, Соне, хроне Та понадувалось, Як індики, і на двері косо поглядало* (Т. Шевченко).

Если подлежащее выражено собирательным существительным среднего рода типа *гілля, колосся*, то употребление среднего рода сказуемого в украинском языке является нормативным. Напр.: *Довге гілля поспіталось над ним високою оселею* (Панас Мирний).

В структурных схемах с подлежащим, выраженным открытым рядом словоформ с союзной или бессоюзной связью, в русском языке наблюдается колебание в формах числа сказуемого. Напр.: *Всех покори / покорили его ум, доброта, отзывчивость* (А. Куприн); *В голосе ее звучало удивление и сострадание* (А. Куприн); *По утрам маленькие озера и старицы затягивались звонким льдом* (Ю. Козаков). В украинском языке в этих случаях преобладает форма множественного числа сказуемого. Напр.: *У садах, на вулицях шумливих ходили льотчики, поети, слюсарі* (О. Гончар); *Жито, пшениця і овес разом поспіли і посохли* (І. Нечуй-Левицький).

Если подлежащее представлено закрытым рядом словоформ, в русском и украинском языках нормативным является употребление сказуемого во множественном числе. Способствует этому также препозиция сказуемого. Следует отметить, что в современных языках распространена и постпозиция. Напр.: *Солдаты и китайцы работали вперемежку* (А. Степанов); *К дому подходили отец и сын; Брат и я огорчены // Ні зради яд, ні танки, ні гармати не допоможуть ворогу в бою* (В. Сосюра); *Валерій і Ліна мовчали* (Ю. Мушкетик); *Назустріч ішли знайомі й незнайомі*. При сложном подлежащем со значением совместности возможны сказуемые как в единственном, так и во множественном числе. Это колебание числа свойственно и русскому, и украинскому языку. Напр.: *Пришел/пришли мастер с бригадиром; Я с Борисом бросился к рюкзакам* (В. Песков); *Вечером Раевский с сыном осторожно подошли к своему дому* (Н. Островский) // *За кілька хвилин надійшли Рудик із заспанним Савченком* (М. Коцюбинський); *Мати з Сашком була щаслива* (О. Копиленко).

Украинскому языку свойственны синтаксические структуры, в которых при подлежащем — существительном в именительном

падеже единственного числа или местоимении вежливости стоит сказуемое в форме 3-го лица множественного числа или прошедшего времени. Это так называемые плюральные формы вежливости, свойственные преимущественно диалектной и фольклорной речи. В современном украинском литературном языке это архаические, редко употребляемые формы. Русскому языку они не свойственны. Напр.: *Встали мати, встали тато. Де ластовенятко* (П. Тичина); *Ви б лягли, мамо, спочили, — упоравшись коло печі, каже Христя* (Панас Мирний). Напротив, употребление структурных схем со сказуемым — глаголом в форме 2-го лица множественного числа в значении вежливости свойственны как украинскому, так и русскому языку. В этом случае координация между подлежащим и сказуемым полная. Напр.: *Вы должны быть нашим первым драматургом* (К. Федин) // *А ви поетично малюєте стел* (І. Тобілевич); *Та й ви до нас привітайте* (Леся Українка).

Колебания, уподобления или координации в роде имеют место в нескольких случаях. Они свойственны в русском языке структурной схеме двусоставного предложения, в котором именное составное сказуемое включает вспомогательный глагол на -л при наличии родового несоответствия именной части сказуемого и подлежащего. Напр.: *Его спокойствие было/была личиной. Кабинетом был/была большая комната.*

В украинском языке уподобление (координация) между главными членами происходит преимущественно на основании подлежащего. Напр.: *Ольга була мастак побалакати* (О. Гончар); *Двері були зачинені й защепнені.* В русском и украинском языках колебание уподобления в формах рода бывает также в тех двусоставных предложениях, в которых подлежащее выражено количественным сочетанием, включающим существительное с приблизительным количественным значением. Способствует этому и препозиция сказуемого. Напр.: *Прошло минут пять* (М. Лермонтов); *Прошло дней десять со дня приезда Звонарева в Порт-Артур* (А. Степанов); *Пришли человек десять* (М. Горький); *От хутора в майские лагеря уходило человек тридцать казаков* (М. Шолохов) // *Минув/минуло майже тиждень.* В обоих языках эти формы нормативны. Но если в предложении идет речь о конкретном предмете, колебание в форме рода часто отсутствует. Если подлежащее называет предмет уже ранее известный, то правильная (нормативная) форма согласуется с количественным существительным. Напр.: *Накопилось/накопилась масса досок.* Но: *Эта масса досок загроздила всю мастерскую* // *Насідало/насідали повен віз проводжаючих* (А. Шиян). Але: *Насідав повен віз наших знайомих.*

В украинском языке структурные схемы двусоставных предложений со сказуемым в форме среднего рода при собирательном количественном подлежащем среднего рода считаются архаическими. Напр.: *Над ними, з-за лутки вікна, з'явилося в небі безліч вогників, зелених і червоних* (А. Ковальчук).

Колебание координации в роде в обоих языках свойственно и тем структурным схемам, в которых подлежащее — существительное мужского рода, называющее лицо по роду деятельности, относится к лицу женского пола. Напр.: *Доктор сказав / сказала // Лектор виступив / виступила з доповіддю*.

Современным русскому и украинскому языкам свойственны двусоставные предложения без спрягаемой формы глагола. Эти предложения строятся по схеме: подлежащее (имя существительное) — сказуемое (имя существительное). Лексико-семантическое наполнение компонентов свободное.

Напр.: *Этот человек — мой отец. Смех — хорошая разрядка. Дело — перила человеку* (М. Горький); *Вот эта линия окопов — наша* (К. Симонов) // *Голуб — эмблема миру* (Остап Вишня); *Степ по весні — чарівне море* (Н. Рибак); *Морок — то ворог світовий* (Панас Мирний).

Позицию подлежащего может занимать именное или количественное сочетание. Напр.: *Николай с женой — мои друзья. Двое сыновей — студенты // Батько з матір'ю — найдорожчі наші гості. Троє друзів — наша радість*. В таких синтаксических схемах подлежащее преимущественно координируется со сказуемым в падеже и числе. Исключением являются некоторые случаи выражения подлежащего количественным сочетанием, при котором отдельные семантические структуры предложения допускают колебания в числе главных членов предложения. Как в русском, так и в украинском языке этим структурным схемам свойственны колебания в падеже: именительный падеж сказуемого — творительный падеж сказуемого. Это бывает в синтаксических схемах без связки и без полузнаменательного компонента со значением эпизодической деятельности. Напр.: *Дед в колхозе пчеловод/пчеловодом; Твое слово — мне порука/порукой // Дід у колгоспі пасічник/пасічником; Твоє слово — мені запорука/запорукою*.

Следует отметить, что в украинском языке более употребительны структуры с творительным падежом. В формах будущего и прошедшего времени и всех ирреальных наклонений колебания именительного и творительного падежей сказуемого в русском и украинском языках нормативное. Напр.: *Ты будешь артистом/артист; Он был вообще деловой человек/деловым человеком* (М. Горь-

кий); *Дискуссия была бы полезное дело/полезным делом // Зміст цієї угоди був таємницею/таємниця* (Н. Рибак); *Дід був суворою і жорстокою людиною/людина* (Д. Бедзик); *Кожна гвинтівка в руках німецького солдата була пострілом/постріл у спину німецької революції* (Ю. Смолич). Если определение подлежащего, выраженного предикативным именем, рассматривается как что-то нехарактерное, несущественное, временное, тогда в украинском языке такая именная предикативная форма выражается винительным падежом с предлогом *за*. Напр.: *Дід у них за бригадира*. Более употребительны предложения такого типа с наличием согласованной связки *бути*: *Був я і за перекладача, і за редактора мови* (Остап Вишня); *Постійно Костя був у партизанів за ад'ютанта* (Ю. Смолич); *У косовицю він став за косаря* (Панас Мирний).

В ряде случаев несовпадение родовых и числовых значений подлежащего и сказуемого сопровождается колебаниями в формах на -л вспомогательного или полужнаменательного глагола. Напр.: *Первый урок оказался/оказалась история*. Ср.: *Перший урок виявився/виявилась історія*.

Если составной частью сказуемого выступает имя существительное в творительном падеже, глагол-связка согласуется в роде и числе с подлежащим. Напр.: *Полковник был одним из первых лиц по нашему месту* (Ф. Достоевский); *Твое доброе слово было мне поддержкой в трудную минуту* (Ю. Казакевич) // *Грек назвался Олексю, а дружина його — Галиною* (А. Кримський); *У біноклі вона [постать] стала солдатом* (Ю. Яновський); *Він був не тигром, а радше лисом* (М. Рильський). Следует отметить, что если глагол-связка стоит непосредственно при имени — подлежащем или сказуемом, — то он координируется с этим именем. Напр.: *Ермолай был человек престранного рода* (А. Твардовский); *Иванова была хороший инженер; Идушка был малый не брезгливый* (М. Салтыков-Щедрин); *Его слова была ложь // Дід був людина проста й малописьменна* (О. Довженко); *Тепер така ініціатива вважалася справою гріховною* (О. Гончар).

Двусоставные предложения со сказуемым, координируемым прилагательным, в русском и украинском языках строятся по общей схеме: имя существительное в именительном падеже (подлежащее) — имя прилагательное (в русском языке в полной форме, в украинском — в стянутой) в именительном падеже. Именительный падеж сказуемого этих предложений может чередоваться с творительным, если в предложении присутствует глагол-связка. Напр.: *Утро свежее. Ветер сильный. Старикашка казался просто-*

душным (А. Писемский) // *Всі знайомі, всі рідні. Місто мале* (Є. Плужник); *Всі мовчазні і серйозні* (К. Станюкевич).

Следует отметить, что в русском языке составной частью именного сказуемого, кроме полной, членной формы, может быть краткая форма. Эти конструкции различаются смысловыми, грамматическими и стилистическими оттенками. Как правило, полные прилагательные обозначают признак постоянный, вневременной. Только в полной форме употребляются относительные прилагательные и некоторые качественные с определенным значением. Напр.: *Переулок глухой, безлюдный, пустынный; Бедный ты, несчастный.*

В современных русском и украинском языках, особенно в письменной речи, вместо именительного падежа прилагательного в сказуемом выступает творительный падеж в структурах с глаголом-связкой. Следует отметить, что в украинском языке творительный падеж прилагательного-сказуемого преобладает при связках *здаватися, вважатися, уявлятися, зробитися*. Напр.: *Без окулярів високий тонкий юнак здається зовсім безпомічним* (О. Копиленко); *І зробився я знову незримим та й попхався у палати* (Т. Шевченко).

При других глаголах-связках наблюдается колебание в падеже именительный/творительный в координации главных членов. Напр.: *Він став синій, і жили на лобі напнулися* (Ю. Смолич); *Трава ставала рудою, то сивою, то голубою* (І. Вирган); *Ліс ставав усе густішим та темнішим* (К. Воробйов).

Как и в предикативном существительном, в предикативном прилагательном формы именительного и творительного падежей по признаку постоянности/временности не всегда четко противопоставляются. Напр.: *Позы у них были внимательные, лица красные* (И. Бунин). В этом предложении полные предикативные прилагательные выражают признак временный. Колебания в формах рода в этих конструкциях бывают при координации главных членов в тех случаях, когда подлежащее — существительное мужского рода называет по роду деятельности лицо женского пола. Эти предложения в русском и украинском языках свойственны деловой, официальной речи. Напр.: *Врач в нашей поликлинике новый/новая // Наш кербуд задоволений/задоволена*. Это активно развивающаяся форма, обозначающая признак, присущий предмету в определенный момент. Прилагательное в таких структурных схемах может сочетаться со сравнительным союзом. Напр.: *Платье как новенькое // Він як намальований*.

Современному русскому языку свойственны двухкомпонентные предложения, построенные по схеме: подлежащее — имя су-

существительное в именительном падеже, сказуемое — имя прилагательное в краткой форме. Например: *Ребенок весел. Он согласен. Оба были бледны и страшны* (М. Горький).

Следует отметить, что краткая форма прилагательного употребляется в русском языке в позиции сказуемого или бывает обособленным оборотом. Синонимическая замена краткой формы сказуемого полной формой и наоборот возможны, за исключением тех случаев: 1) когда лексическое значение полной и краткой формы прилагательного расходятся. Ср.: *Девочка умна — девочка умная, но Она хороша (= “добрая”). Она хороша (собой). Она была хороша, как ясный майский день на севере* (М. Горький);

2) если краткая форма прилагательного обозначает относительный признак. Напр.: *Коротка солдату ночь* (А. Твардовский). Здесь речь идет не вообще о короткой ночи, а о том, что таковой она кажется солдату;

3) при подлежащем, выраженном местоимением *что, это*. Напр.: *Он там ходит, это — ясно* (А. Пушкин);

4) при наличии слов *как, так*. Напр.: *Ты знаешь, как я счастлив* (Ю. Казаков);

5) при сочетании с инфинитивом. Напр.: *Согласен отвечать*.

Употребление краткой формы прилагательного современному украинскому литературному языку не свойственно. Сохранились такие краткие формы сказуемых только в языке фольклора: *Човен води повен. Зелен сад*. Они образуют небольшую группу форм в функции сказуемого: *повинен, винен, варт*. Краткие формы сказуемых в украинских художественных произведениях воспринимаются как стилизация под песенный фольклор. Напр.: *Ти весел будь і будь здоров* (Л. Первомайський).

Русскому языку свойственны структурные схемы, построенные по типу: имя существительное в именительном падеже (подлежащее) — страдательное причастие в краткой форме преимущественно с суффиксами *-ен/-н, -т* (сказуемое). Напр.: *Комбинат построен. Отец убит на войне. Сергей был ошеломлен* (М. Горький).

Страдательные причастия с суффиксом *-ем/-им* в русском языке считаются архаизмами: *Человек он уважаем*. Все предложения этого типа передают отношения между субъектом и его состоянием как результат действия. В украинском языке в аналогичной структурной схеме выступают нестянутые формы причастия. Напр.: *Батько був убитий на війні*.

Как в русском, так и в украинском языке распространены двусоставные подлежащно-сказуемые предложения с некоординируемым главным членом. Они строятся по схеме:

- 1) имя существительное в именительном падеже (подлежащее) — инфинитив (сказуемое);
- 2) инфинитив (подлежащее) — имя существительное в именительном падеже (сказуемое);
- 3) инфинитив (подлежащее) — связка-инфинитив (сказуемое).

Для схем первой группы характерно подлежащее, выраженное абстрактным существительным или субстантивированным прилагательным (*долг, идея, главное, решение, основное*). Напр.: *Наше обязательство — дать отличную продукцию // Головне — вчасно сплатити податки.*

В схемах второго типа сказуемое часто выражается именем существительным с оценочным, квалифицирующим значением и абстрактными словами — *долг, труд, цель, удовлетворение // об-в'язок, мета* и др. В составе этих предложений бывают связки и связочные частицы. Напр.: *Найти себя в жизни — счастье. Слушать его — это наслаждение // Розмовляти з вами — велика приємність* (Ю. Андрухович); *Не вірить людям — це твій щоденний труд* (М. Бажан).

В состав схем третьего типа часто входят связки и связочные образования: *это, называется, значит, все равно как* и др. Напр.: *Сдаваться вам было не миновать* (К. Федин); *Выбирать профессию — все равно что выбирать жизнь // Кохати — що нові землі відкривати* (І. Драч); *З вовками жити — по-вовчому вити* (Пословица). Некоторые предложения этого типа могут принимать в свой состав полужнаменательные глаголы, образуя сложное сказуемое. Напр.: *Получать письма — стало для него как глотнуть свежего воздуха.*

Идентичны в русском и украинском языках двухкомпонентные структурные схемы с некоординируемыми главными членами предложения, построенные по типу:

1) имя существительное в именительном падеже (подлежащее) — наречие на -о (в русском языке), на -о, -е (в украинском) — сказуемое. Напр.: *Клевета — это страшно // Хліб — святе;*

2) инфинитив (подлежащее) — наречие на -о или имя существительное в косвенном падеже (сказуемое). Напр.: *Жить в одиночестве тяжело // Співати — завжди приємно;*

3) имя существительное в именительном падеже (подлежащее) — имя существительное в косвенном падеже или обстоятельственное наречие (сказуемое). Такие предложения могут принимать в свой состав полужнаменательные глаголы *стать, стано-*

виться, бывать, оказаться и др. Напр.: *Ткань — в клеточку. Все волнения — позади. Отец оказался в разъездах // I вікна всі з морської піни (І. Котляревський). Екзамени — позаду.*

В ряде случаев в двусоставном предложении типа имя существительное в именительном падеже (подлежащее, субъект действия) — глагол (сказуемое, предикат) в русском и украинском языках субъектное значение подлежащего ослабляется или утрачивается. Субъектное значение в таких случаях сосредоточивается в распространенной словоформе, имеющей объектное значение. В этих структурных схемах весь состав предложения сообщает о состоянии субъекта или о его отношении к чему-либо. Напр.: *Охотнику встретился волк. Ученику не дается математика // Хазяїну чимало хліба постачав млин (Є. Гребінка).*

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Распространение простого предложения — это введение в него таких членов, которые не являются компонентами структурной схемы. Распространяют простое предложение так называемые второстепенные члены предложения, однородные члены предложения, обособленные обороты, вводные слова, словосочетания, обращение, вставные предложения.

Одни из этих распространителей участвуют в формировании структурной схемы предложения и являются обязательными для представления ее как законченной, другие — расширяют ее семантическую структуру. Они могут относиться как к главному, так и к какому-либо распространяющему члену предложения или к предложению в целом.

1. ОБОСОБЛЕННЫЕ ОБОРОТЫ

Обособленными оборотами бывают распространяющие члены предложения или словосочетания, которые обладают относительной смысловой самостоятельностью и выделяются в устной речи интонационно, в письменной — пунктуацией. Это в грамматическом плане. В стилистическом — это явление базируется на усилении роли обособленных членов в определенной позиции при помощи интонации, ударения и других средств. Обособление придает обособленному обороту добавочную предикацию или выразительную обстоятельность. В зависимости от степени смысловой самостоятельности и связи с предложением можно выделить

обособленные обороты со значением относительно самостоятельного сообщения и обособленные обороты с уточняющим или конкретизирующим значением.

Обособленные обороты со значением относительно самостоятельного сообщения указывают на признак предмета или обстоятельства, относящиеся к ситуации в целом. Напр.: *Солнце спрята-лось в черной туче, отдыхавшей на хребте западных гор* (М. Лермонтов) // *Чудова мрія, розкішна та ясна, кохана в ту ніч обгорнула мене* (Леся Українка); *Они были смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза* (Н. Гоголь) // *Перестрибуючи одна через одну, хвилі кидались на берег і тут знесилено затихали* (О. Копиленко).

Обособленные обороты с уточняющим или конкретизирующим значением передают детализирующие подробности информации или заключают в себе наименование того, что названо предшествующим словом. Напр.: *Через два дня, в полдень, торжественно открыли шлюзы и потоки холодной воды хлынули с гор к лагерью* (А. Гайдар) // *Здається, і сама пісня складалася саме десь тут, серед ступу* (О. Гончар); *В отделе кадров Игорю дали обходной листок, или как его называли на заводе, “бегунок”* (Д. Гранин) // *Оце і був той самий Павлуша, годованець Катрин* (А. Головки).

Следует отметить, что обособленные обороты иногда бывают близки к отдельным типам сложного, иногда простого предложения. Это явление свойственно и русскому, и украинскому языку, но адекватными такие конструкции в обоих языках бывают далеко не всегда. Об этом надо помнить при переводе с одного языка на другой.

Сопоставляя сочетания в русском языке — *аспирант, который защитил диссертацию; аспирант, защитивший диссертацию; аспирант, защитив диссертацию; аспирант после защиты диссертации; аспирант после того, как он защитил диссертацию* — мы видим, что они имеют общность значения. Между некоторыми из этих сочетаний можно усмотреть наличие синонимических отношений, то есть возможность взаимозамены. Например, между причастным оборотом *аспирант, защитивший диссертацию*, и определительным придаточным предложением *аспирант, который защитил диссертацию*. Однако в этом случае правомернее говорить не о синтаксических синонимах, а о параллельных синтаксических конструкциях. Синтаксическими синонимами являются конструкции с общим грамматическим значением и одинаковой функцией, которые различаются семантическими или стилистическими оттенками. Приведенные конструкции при наличии общего грам-

матического значения (определяющего — первое и второе сочетания, обстоятельственного — третье, четвертое и пятое) различаются своей структурой и функцией (например, во втором, третьем и четвертом сочетаниях имеем члены предложения, в первом и пятом — придаточные предложения). Эти черты соответствуют параллельным конструкциям. Не все приведенные сочетания являются адекватными украинским сочетаниям. Так, сочетание *аспирант, защитивший диссертацию* (причастный оборот) не имеет соответственного выражения (причастного оборота) в украинском языке и может быть заменен определяющим придаточным предложением — украинскому языку не свойственны действительные причастия этого типа.

Учитывая грамматическое значение слова, организующего обособленный оборот, можно выделить обособленные обороты причастные, деепричастные, обороты с инфинитивом, с наречием, со спрягаемой формой глагола.

1.1. Причастные обороты и обороты с прилагательными

Эти обособленные обороты состоят из прилагательного или причастия с распространяющими его словами, либо одиночного причастия или прилагательного. Они содержат в себе добавочное сообщение, дополнительную характеристику предмета. Как в русском, так и в украинском языке причастные обороты могут обозначать признак предмета или лица по их действию или действию, которое они испытывают на себе со стороны другого лица или предмета. Они, как и обороты с прилагательным, могут выражать постоянный признак, не приуроченный к определенному времени, обозначенному глаголом-сказуемым. Напр.: *Дорога шла среди болот, по песчаным буграм, поросшим низким сосновым лесом* (К. Паустовский) // *По сірому виступу скелі тулилися татарські халупи, зліплені з дикого каменю* (М. Коцюбинський). Относятся такие обороты с прилагательным и причастные обороты непосредственно к имени существительному или местоимению — и, выражая признак, стоят в постпозиции к ним. Опосредствованно относясь к глаголу-сказуемому, причастные обороты могут означать признак, связанный со временем действия глагола-сказуемого. Он может совпадать с действием глагола-сказуемого. Напр.: *Немного подальше на берегу сидела еще одна рота, ждавшая переправы* (К. Симонов) // *Непорушно стояли дерева, загорнені в сутінь, рясно вкриті краплистою росою* (М. Коцюбинський). И мо-

жет предшествовать, реже — следовать действиям, выраженным глаголом-сказуемым. Напр.: *Месяц, светивший сначала, зашел за горы* (Л. Толстой); *Молодой парень скоро появился с большой белой кружкой, наполненной хорошим квасом* (И. Тургенев) // *Ішли богунці й таращанці, овіяні славою походів* (С. Скляренко).

Благодаря своему грамматическому значению (вид, время, залог), подкрепленному интонационно обособлением, причастные обороты выступают как второй полупредикативный центр предложения. Напр.: *Река, стесненная горами, все время извивается между утесами* (В. Арсеньев) // *Ліс схожий на масу колон, забитих в землю на крутій горі* (І. Нечуй-Левицький).

Причастный оборот в русском и украинском языках может включать в себе обстоятельство-характеризующее значение, то есть в предложении он обнаруживает более тесную связь с основным сообщением. Он может иметь значение причины, условия или уступки. Напр.: *Рита, утомленная, задремала, положив голову на сумку* (Н. Островский); *Отрезанные от всего мира, уральцы с честью выдержали казачью осаду* (Д. Фурманов) // *Охоплені патріотичним почуттям, вони були здатні на подвиг* (З газети); *Зовні спокійний, Петро жив усі ці місяці якоюсь внутрішньою тривогою* (Н. Рибак); *Осяяний сонцем, перед нами розкрився зовсім інший світ* (О. Довженко). В большинстве случаев обороты с таким значением стоят в препозиции к имени существительному. Следует отметить, что в тех случаях, когда в русском или украинском языке причастные обороты стилистически неоправданны, их надо заменять параллельными синтаксическими конструкциями — определительными придаточными предложениями. Так, необычны для современного русского языка причастия на **-щий** от глаголов совершенного вида (со значением будущего времени): *вздумающий написать, сделавший ошибки, сумеющий доказать*. Напр.: *Человек, попытающийся бежать, будет задержан* (Газета). Ср.: *Человек, который попытается бежать...* Подобные образования, заимствованные из канцелярской речи, иногда встречались у писателей XIX в. Напр.: *Буде окажется в их губернии человек, не предъявляющий никаких свидетельств и папшпортов, то задержать его немедленно* (Н. Гоголь). Такие образования нормой русской литературной речи не стали.

Украинскому языку причастные формы на **-щий** не свойственны. Не употребляются в украинском языке и обороты с действительным причастием на **-ш-** (**-вш-**). Их также заменяют параллельными синтаксическими конструкциями — определительными придаточными предложениями. Напр.: *Той, що переміг... Той, що допоміг...*

Ограничено употребление в украинском языке и причастных оборотов с действительными причастиями с суффиксами -уч- (-юч-), -ач-(-яч-). Вместо них употребляются определительные придаточные предложения. Напр.: *Працюючий робітник — Робітник, який працює. Відпочиваючі студенти — Студенти, що відпочивають.*

Одиночные постпозитивные определения — причастия и прилагательные — обособляются реже, чем распространенные. Как в русском, так и в украинском языке их обособлению способствует наличие в них добавочного сообщения. Если такого сообщения нет, то они по смыслу сочетаются с именем существительным (местоимением-существительным), распространителем которого являются. Напр.: *По дорожке чистой, гладкой я прошел, не наследя* (С. Есенин) // *Дерева простягали до неба свої цурупалки тверді й колючі* (М. Коцюбинський). Ср.: *Все это были для нас одни слова, заманчивые, прекрасные* (И. Тургенев) // *Румун, худощавий, смаглий, дивився на Маковейчика, а той — на нього* (О. Гончар). Способствует обособлению таких одиночных постпозитивных прилагательных и причастий наличие в предложении препозитивного распространителя, который не обособляется. Напр.: *Прошло два года странной жизни, молчаливой, грустной* (М. Горький) // *Безлюдне повітря, просте, піскувате й гаряче, нагадувало собою шматок південної пустелі* (О. Гончар). Обособлению не мешает удаление распространенных и одиночных прилагательных от существительного, к которому они относятся. Они могут обособляться и в том случае, когда относятся к пропущенному имени существительному. Напр.: *В конце января, овечьи первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады* (М. Шолохов) // *Дружина підійшла до вікна, висока, в білій сорочці, що сягала їй аж до п'ят, прекрасна і страждена, і ніщо в світі не могло звільнити її від цього страждання* (П. Загребельний); *І, залита жарким рум'янцем, перемайнула до іншого куца і не знала, що з ним робити* (О. Гончар).

Если причастия и прилагательные с распространяющими словами или без них относятся к местоимению-существительному, то и в русском, и в украинском языке они всегда обособляются и в постпозиции, и в препозиции. Напр.: *Измученные, мы долго молчали, сидя друг против друга* (М. Горький); *И когда он, утомленный, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним* (М. Горький) // *Веселый та говіркий, він сміливо заводив розмову з кожним стрічним і поперечним* (М. Коцюбинський); *Вона, вражена, спостерігала за швидкими рухами свого наставника* (А. Головка).

В русском языке в поэтической речи обособляются также обороты с краткой формой страдательного причастия или краткой формой прилагательного. Напр.: *И, озарен луною бледной, простерши руку в вышине, за ним несется Всадник Медный на звонко-скачущем коне* (А. Пушкин).

1.2. Обороты с существительными

Обособленное приложение

Обособленное приложение — это субстантивный оборот, организующим центром которого является существительное, согласуемое в падеже со словом (именем существительным или местоимением-существительным), которое им определяется. Организующий центр обособленного приложения имеет полупредикативное значение. Обособленное приложение может представлять собой одиночное существительное или несколько существительных, существительное с распространяющими его словами.

Функции, которые выполняет обособленное приложение в предложении, в русском и украинском языках идентичны.

Обособленные приложения по смыслу могут приближаться к отдельному сообщению о признаке предмета. Тогда приложение передает дополнительные данные о предмете: о роде деятельности, имени, названии, родственных или социальных отношениях, возрасте, может содержать качественную характеристику лица или предмета. Напр.: *Нас два брата, — начал он, — я, Иван Иванович, и другой — Николай Иванович, года на два моложе* (А. Чехов); *Мария Викторовна, бывшая жена моя, живет теперь за границей, а ее отец, инженер, где-то в восточных губерниях строит дорогу и покупает там имения* (А. Чехов) // *У другій кімнаті вчився майструвати сімнадцятилітній невисокий сирота Григорій Шевчик — далекий родич* (М. Стельмах); *І світає, і смеркає, і знову смеркає, а москаля, її сина, немає, немає* (Т. Шевченко). Такие обособленные приложения свойственны всем функциональным стилям современных русского и украинского языков. В художественном стиле обособленное приложение часто имеет четко выраженную определительную функцию, сравнительный, оценочный характер. Напр.: *Итак, два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собой* (Н. Гоголь) // *І Оксану, мою зорю, мою добру волю, що день божий умивали* (Т. Шевченко).

В украинских фольклорных произведениях или произведениях, стилизованных под фольклорные, обособленное приложение

бывает объектом распространения обращений. Напр.: *Ой ти, Петруню, ой ти серце, набери води у відерце* (Нар. пісня). *Ой дівчино, дівчинонько, квітко розмаїта, чому ми ся так не любим, як тамтого літа?* (Коломийка).

Обособленные приложения могут иметь обстоятельственное значение, чаще всего причины, реже — уступки, источника или предпосылки. Напр.: *Человек живой, страстный, увлекающийся, Врубель стоял в центре умственных интересов и идейных движений своего времени* (М. Алпатов); *Суровый славянин, я слез не проливал* (А. Пушкин) // *Людина високогуманна, щира й добра, непоганий художник, Сошенко з величезним довір'ям і піклуванням ставився до Шевченка* (П. Федченко); *Сам депутат, Іван Петрович добре розумів усі складності сучасної економічної політики* (З газети).

Обособленные приложения могут иметь конкретизирующее значение. Тогда они находятся в постпозиции к имени существительному или личному местоимению, называя лицо или предмет. Напр.: *Жмухин, Иван Абрамович, отставной казачий офицер.., как-то в жаркий летний день возвращался из города к себе на хутор* (А. Чехов); *Абрамыч, может и сам не желая, напомнил ему, что он, Синцов, прощается с батальоном* (К. Симонов) // *Хазяйка, тридцятилітня худенька жінка в жовтій кофточці, застелила табурет газетою, налила в бляшані кухлі кип'яток* (С. Берз.); *Ось і він, Дніпро, величний і древній, народна українська ріка* (Ю. Яновський).

Номинация уже названный предмет, обособленные приложения дают толкование значения слов. Присоединяются они к словам, которые объясняют, при помощи союзов *то есть, либо, или, по имени, по прозванию, в особенности // тобто (себто), або, на прізвище, на ймення, родом, так званий, як от*. Напр.: *Студент этот, по имени Михалевич, энтузиаст и стихотворец, искренне любил Лаврецкого* (И. Тургенев); *Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти* (А. Пушкин) // *Отаман полюбив Миколау і настановив його за крилаша, себто за свого помічника* (І. Нечуй-Левицький); *Гей, був у Січі козак, на прізвище Чалий* (Нар. пісня).

Приложение с союзом *как // як* обособляется, если оно имеет причинное значение. Напр.: *Как истинный поэт, Шишкин в самом простом мотиве умеет найти повод для создания глубокого образа* (В. Яковлев) // *Івась, як менший, завжди терпів від Карпа* (Панас Мирний).

Если приложение не указывает на добавочные семантические оттенки и имеет значение “в качестве кого (в роли кого, чего)”, оно

не обособляется. Напр.: *Шишкин как художник известен во многих странах // Черкащина давно оспівана як хлібний край* (3 газеты).

Следует отметить, что и в русском, и в украинском языке всегда обособляется приложение, относящееся к личному местоимению. Напр.: *Ему ли, карлику, тягаться с исполином* (А. Пушкин) // *Місто-сталевар, воно живе своїм особливим неповторним життям* (В. Дяченко). Личное местоимение иногда в предложении опускается. Обособленное приложение в таких случаях имеет выраженную эмоциональную окраску. Эти конструкции фиксируются в русской разговорной речи и употребляются в художественных произведениях. Напр.: *Так и нужно. В другой раз пусть не фискалит, каналья* (А. Куприн).

Обособленные предложно-падежные формы

Для обособления предложно-падежных форм в русском и украинском языках решающую роль играет их смысловая нагрузка.

Обособленные предложно-падежные формы — это существительные в косвенных падежах с предлогами, которые обособляются, если нужно подчеркнуть их значение. При помощи обособления выделяется какой-либо важный в данной ситуации признак, связанный с временем действия глагола-сказуемого или постоянного признака. Напр.: *Я нашел в этой конторе молодых купеческих приказчиков, с белыми, как снег, зубами, сладкими глазами и бойкой речью, сладко-плутоватой улыбочкой* (И. Тургенев); *Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами* (И. Тургенев) // *Був то молодий безвусий парубок, у високій кучмі, короткій чугайніці, з довгим ціпком* (М. Коцюбинський); *Це була їхня хата, з теплою солом'яною стріхою, з низьким тином* (О. Довженко). Такие обороты часто выступают как однородные с обособленными прилагательными или причастными оборотами. Напр.: *Потом прилетел бархатный шмель — черный, с золотой полоской на брюшке, — сел на цветы кипрея и деловито загудел* (К. Паустовский) // *Юрій Яновський — високий, ставний, з вольовим обличчям і розумними очима, то морщить лоба, то ледь помітно усміхається* (П. Панч).

Обособленные предложно-падежные формы иногда имеют обстоятельственное значение. Более употребительны конструкции с такой семантикой в русском языке. В украинском языке такие значения чаще передаются придаточными предложениями. Напр.: *Мы, при всем нашем спокойствии, рассердились на шалунов* //

У свої двадцять шість літ, Христя така маленька дівчинка. Ср.: Христя така маленька дівчинка, хоч їй і двадцять шість літ (М. Хвильовий).

Обособленные предложно-падежные формы могут иметь пояснительно-уточняющее значение. Они уточняют место, время, способ действия, признак предмета. Напр.: *Самый большой щит, метров в пять шириною, занимал середину левого ряда (Н. Чуковский); На станции Привалье, — а такая есть на Донецкой дороге, — в его вагон вошел белокурый господин, средних лет, пухлый, с поношенным портфелем, и сел против (А. Чехов) // Трактор гуркотів у другому кінці, біля лісосмуги (Ю. Мушкетик); За селом, на перехресті степових доріг, на проса золотошерсті партизан поліг (Б. Олійник).*

Обособляются именные обороты с предлогами *кроме, вместо, вопреки, за исключением, несмотря на // крім, опріч, замість, за винятком*, имеющие значение включения и исключения, восполнения, замещения. Они выступают с именами существительными в родительном падеже. Напр.: *Лекарь второпях, вместо двенадцати капель, налил целых сорок (Л. Толстой); Кроме большого дома в Замоскворечье, ничто не напоминало о ночной схватке (Л. Леонов) // Микола, замість панського лану, вийшов на своє поле (І. Нечуй-Левицький); Але нікого, опріч неї, не було (М. Коцюбинський).*

1.3. Деепричастные обороты

В качестве деепричастного оборота выступает деепричастие с распространяющими его словами или без них. Это одно из наиболее употребляемых обособлений письменной книжной речи русского и украинского языков. Структура предложений с этим типом обособления имеет свою специфику, общую для обоих языков. Если структурной особенностью простого нераспространенного предложения является наличие одного предикативного центра, то спецификой простого предложения, осложненного деепричастным оборотом, является наличие дополнительного полупредикативного центра, выраженного деепричастием. Обособление создает, с одной стороны, относительную независимость деепричастного оборота, а с другой — тесно связывает его с предикативным центром предложения — сказуемым — особыми отношениями, которые можно назвать зависимопредикативными.

Отношения между деепричастным оборотом и остальным предложением соответствуют тем отношениям, которые существуют между частями сложноподчиненного предложения, реже — между распространителями предложения и главными членами, частями сложносочиненного предложения.

Деепричастие как неизменяемой глагольной форме свойствен особенный характер действия. Он близок семантически к личной форме глагола. Но по сравнению с ней деепричастие имеет значительно меньше возможностей изолировано от контекста выражать действие. Его морфологическая форма указывает только на вид (*рассказывая // розповідаючи, написав // написавши*). Временное значение деепричастия зависит от временного значения глагола, к которому оно относится (*рассказывает стоя // розповідає стоячи, сказал подумав // сказав обміркувавши*).

Следует отметить некоторое различие в словообразовательных формах русского и украинского языков. Деепричастия несовершенного вида в обоих языках образуются от основы настоящего времени, в русском языке преимущественно при помощи суффикса -а (-я), в украинском — при помощи суффикса -чи (*крича, плача, работая // розмовляючи, плачучи, працюючи*). В русском языке в старых текстах и устной народной поэзии тоже встречаются формы на -чи (*идучи, сидячи*) и в украинском языке в произведениях XIX в. — формы на -а (-я) (*стоя, сидя*). Напр.: *Вдруг, пресерьезнейше пишучи, вижу я, что мой платок как бы движется и внезапно падает на пол* (Н. Лесков) // *Не співає чорнобрива, стоя під вербою* (Т. Шевченко).

Деепричастия совершенного вида в обоих языках образуются от основы прошедшего времени, в русском языке при помощи суффиксов -в, -вши, -ши, в украинском — -ши, -вши (*открыв, открывши, привезши // відкривши, привізши*).

Деепричастные обороты могут выполнять полупредикативную функцию. В этих случаях они имеют значение действия сопутствующего и одновременного. Напр.: *В тени фиалка, притаясь, зовет к себе талант безвестный* (А. Вяземский); *Морозка опустил мешок и, трусливо вбирая голову в плечи, побежал к лошадям* (К. Федин) // *Клопочуться хозяйки невсипущі, стрічаючи отару і черідку* (Леся Українка); *Отже, Грицько, хвастаючи своєю бувалістю, пишаючись своїми достатками, сам тепер думав не про убожество* (Панас Мирний).

Обособленные деепричастия в русском и украинском языках могут также выражать действие: 1) предшествующее действию глагола-сказуемого. Напр.: *И вдруг уцепившись за что-то руками, Челкаш поднялся в воздух и исчез на стене* (М. Горький); *За несколько дней до Бородинского сражения Николай получил деньги, бумагу и, послав вперед гусар, на почтовых поехал в Воронеж* (Л. Толстой) // *Карпо й Мотря, заробивши літом собі хліба, вже знали, що вони їдять свій хліб, а не батьківський* (І. Нечуй-Левицький); *Аж*

коли дочитав і, одірвавши очі, озирнувся навколо... (В. Козаченко); 2) последующее по отношению к действию глагола-сказуемого. В этих конструкциях деепричастие может выражать результат действия глагола-сказуемого, напр.: *Чиркнула спичка, на секунду осветив развешенные сети, сено старика* (А. Серафимович) // *Вона витерла руки, закрасивши ними білий хвартух* (М. Коцюбинський).

Среди обособленных деепричастий в русском и украинском языках наиболее употребительны обороты с обстоятельственным значением — обстоятельства образа действия, времени и причины. Напр.: *Трезор бежал впереди, помахивая хвостом* (Н. Островский) // *Максим закивав, підтакуючи* (Ю. Смолич). *Однако, болтая с тобой, грибов не наберешь* (А. Пушкин) // *Поїхавши в лісо-степову зону, він найчастіше згадував своє село, свій ліс по цьому дубові* (Ю. Мушкетик). *Испугавшись неведомого шума, стая тяжело поднялась над водой* (А. Первенцев) // *Уявивши собі зустріч з ним, Данько одразу повеселішав* (О. Гончар).

Реже обособленные деепричастия употребляются со значением обстоятельства условия и уступки. Напр.: *Я знаю — солнце померкло б, увидев наших душ золотые россыпи* (В. Маяковский) // *Виявивши впертість, можна загнудати натуру* (В. Копань). *Берестов, признавая в своем соседе некоторое сумасбродство, однако не отрицал в нем и многих отличных достоинств* (А. Пушкин) // *Не хочючи, образив я людину* (Леся Українка).

Обособленные деепричастия со значением обстоятельства образа действия могут присоединяться к глаголу-сказуемому в русском языке при помощи сравнительного союза *как*, в украинском — союзов *мов, немов, наче, неначе, ніби*, которые придают обособлению ирреальное значение. Напр.: *Сидевший у двери мальчик... улыбался, как бы подтверждая своей улыбкой слова отца* (Л. Толстой) // *Спокійно, наче зважуючи кожне слово, гетьман заговорив* (Н. Рибак). Часто такие деепричастные обороты имеют уточняюще-сравнительное значение. Напр.: *Он говорил медленно, как будто что-то вспоминая* // *То тут, то там вже починали бри-ніти перші заробітчанські пісні, поступово наростаючи, немов розгойдуючись* (О. Гончар).

Часто со значением обстоятельства образа действия выступают деепричастные обороты фразеологического типа. Если такие деепричастные фразеологические обороты вместе с глаголом-сказуемым образуют одну ритмо-мелодическую группу, то они не обособляются. Напр.: *И день и ночь по снеговой пустыне спешу к*

вам голову сломя (А. Грибоедов) // *Годі вже панам сидіти згорнувши руки* (І. Нечуй-Левицький).

На обособление деепричастий влияет их двойственная грамматическая природа, заключающая в себе признаки глагола и наречия. В зависимости от смысла высказывания деепричастие может быть близко или к глаголу-сказуемому, или к наречию-обстоятельству. Если деепричастие выполняет функцию обстоятельства и по смыслу тесно сливается с глаголом-сказуемым, оно не обособляется. Чаще это одиночные деепричастия в постпозиции по отношению к глаголу-сказуемому. Напр.: *Татьяна любит не шутя* (А. Пушкин) // *Співають ідучи дівчата* (Т. Шевченко).

Некоторые устойчивые обороты, включающие деепричастие, получили значение вводных словосочетаний (*собственно говоря // власне кажучи, по совести говоря // по совісті кажучи* и др.).

Как в русском, так и в украинском языке архаическими являются возникшие под влиянием устной разговорной речи обороты с включением в их состав подлежащего. Напр.: *На ель ворона взгромоздясь, позавтракать совсем уж было собралась, да призадумалась* (И. Крылов) // *Розбивши вітер чорні хмари, ліг біля моря відпочить* (Т. Шевченко).

В конструкциях с обособленными деепричастными оборотами действие глагола-сказуемого и добавочное действие деепричастия указывают, что их исполнителем является общее подлежащее. Поэтому неправильно построенными, ненормативными считаются предложения, в которых действия глагола-сказуемого и деепричастия имеют разных исполнителей. Наличие таких конструкций в языке писателей-классиков можно объяснить влиянием диалектной речи. Напр.: *Имея право выбирать оружие, жизнь его была в моих руках* (А. Пушкин) // *Дивлячись на сумну Христю, думка Грицькова знай верталася та верталася назад* (Панас Мирний). Ср.: *Не сіявши, не оравши, не буде родити* (Прислів'я).

Однако возможно употребление деепричастного оборота в безличном предложении при инфинитиве. Напр.: *Редактируя рукопись, нужно учитывать не только содержание произведения, но и общую стилистическую его направленность // Відігравуючи, треба відгадувати і його істоту, щоб зрозуміти мотив самої композиції* (О. Кобилянська). В этих предложениях действующее лицо не выражено, но ясно, что тот, кто “редактирует”, тот и “учитывает”, а тот, кто “відіграє”, тот и “відгадує”.

Если безличное предложение указывает на состояние, не связанное с определенным действующим лицом, то и употребление деепричастного оборота в таких случаях является ненорматив-

ным. Напр.: *Возвращаясь домой, мне стало грустно* (М. Горький) // *Отак поплакавши чимало і поблукавши по морях, якось і землю видно стало* (І. Котляревський).

В русском языке деепричастный оборот встречается при формах причастных, обозначающих признак действия, субъект которого не совпадает с субъектом действия, выраженного сказуемым. Напр.: *Она не ответила ему, задумчиво следя за игрой волн, избежавших на берег, колыхая тяжелый баркас* (М. Горький).

В русском языке допускается употребление деепричастного оборота при кратком прилагательном, поскольку ему присуща значительная предикативность. Напр.: *Варвара Васильевна была права, оскорбившись его долгим молчанием по приезде в Петербург* (Н. Чернышевский). Но ненормативными являются предложения, в которых деепричастный оборот относится к страдательному причастию, то есть употребляется в пассивных конструкциях. Напр.: *Убежав из дома, мальчик был вскоре найден родителями; Пройдя несколько комнат, я был встречен самим графом, дрожащим и бледным, как полотно* (М. Лермонтов).

Нежелательно употребление деепричастного оборота и в тех случаях, когда сказуемое в пассивной конструкции выражено возвратным глаголом со страдательным значением. Напр.: *Идея строительства тоннеля под Ла-Маншем обсуждается специалистами с 1980 года, не приводя, однако, к конкретным решениям* (Газета).

2. ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Особым структурным типом простых предложений являются односоставные предложения, предикативность которых представлена только одним главным членом. Отсутствие другого главного члена — это конструктивная особенность односоставных предложений.

В зависимости от семантических признаков главного члена и формы его выражения односоставные предложения в русском и украинском языках можно разделить на определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, номинативные, инфинитивные.

2.1. Определенно-личные предложения

Это односоставные предложения, главный член которых обозначает действие, отнесенное к определенному лицу. Этот исполнитель действия настолько четко определен, что его можно легко вербализировать в форме личного местоимения 1-го или 2-го ли-

ца единственного и множественного числа. Напр.: *Особенно не беспокойтесь* (А. Степанов) // *Обідаємо* (Г. Косинка); *Коли лежиш в полі лицем до неба і вслухаєшся в многоголосу тишу полів, то помічаєш, що в ній є щось не земне, а небесне* (М. Коцюбинський); *Натомилися* (В. Земляк).

В русском и украинском языках их значения адекватны. Главный член этих предложений может быть выражен: 1) глаголом 1-го лица единственного или множественного числа настоящего или будущего времени. Напр.: *Люблю парусное дело* (А. Степанов); *Даю вам на это час времени* (А. Степанов); *Ничего не понимаю* (А. Степанов) // *Вийду в садочок та погуляю при місяченьку, та й заспіваю* (Т. Шевченко); *Летим. Дивлюся — аж світає* (Т. Шевченко); 2) глаголом 2-го лица единственного или множественного числа настоящего или будущего времени. Напр.: *Все стараетесь быть остроумным* (Н. Гоголь) // *Дивишся й не надивишся, дишеш і не надишешся тим чистим, гарячим та пахучим повітрям* (І. Нечуй-Левицький); 3) глаголом повелительного наклонения. Напр.: *Песню свою отправляя в полет — помните!* (Р. Рождественский); *Идем со мной* (В. Ильин); *Возьмите себя в руки* (А. Степанов) // *Не перевтомлюйтесь* (О. Коломієць); *Не бійся досвітньої мли — досвітній вогонь запали* (Леся Українка); 4) реже — глаголом 1-го лица множественного числа в значении повелительного наклонения с целью смягчения приказа. Напр.: *Приступим к делу* (А. Степанов); *Постоим, интересно, — предложила Галя* (В. Солоухин) // *Берімось краще до роботи, змагаймося за нове життя* (Леся Українка). В украинском языке в этой функции чаще употребляется форма прошедшего времени. Напр.: *Взяли, хлопці, ящики — пішли!* (Ю. Смолич).

Определенно-личные предложения широко используются как в русском, так и в украинском языке. Те односоставные предложения, в которых главный член выражен глаголом в форме 1-го или 2-го лица единственного и множественного числа изъявительного наклонения, синонимичны двусоставным с подлежащим — личным местоимением. Эти предложения употребляются при логическом выделении лица, обращении к лицу или при сопоставлении, отрицании. Напр.: *Молчи и слушай* (В. Кожевников); *Прошу, предоставьте мне отпуск*; *Вышел в чулан и выдвинул тяжелый ящик* (А. Гайдар). Возможно подлежащее *ти*. Напр.: *І все то те... Душе моя, чого ти сумуєш?* (Т. Шевченко); *Хіба ти не бачиш? Хіба ти не чуєш?* (Т. Шевченко); *Бери, Орисю! Рятуй її! Ховай!* (М. Старицький); *Не дуже тут затишно. Як думаєш, Чумаченко* (О. Гончар).

Реже определенно-личные конструкции бывают синонимичны личным двусоставным, если в них главный член выражен гла-

голом повелительного наклонения. Напр.: *Не тревожь* [ты] *меня, не тревожь...* (М. Матусовский) // *Збуди його, заграй* [ти] *з ним, спитай синє море* (Т. Шевченко).

2.2. Неопределенно-личные предложения

В неопределенно-личных предложениях русского и украинского языков действие или процессуальное состояние отнесены к неопределенному субъекту. В каждом конкретном случае значение этого субъекта уточняется. Субъектом может выступать: а) вообще каждый любой: *Проруби были очень нужны: там полощут белье, поят скотину, берут воду для домашних нужд* (В. Ильин); *Пусть ищут нас в этой темноте* (А. Степанов) // *Не ведуть, а самі йдемо* (О. Гончар); б) кто-то (некто) или некоторые: *О гибели Петьки мне написали, когда я вернулся в Ленинград* (И. Соколов-Микитов) // *Про Андрія забули й думати на селі, порішили, що він загинув* (М. Коцюбинський); в) конкретное, определенное лицо: *Раньше бы сказали, манкирует службу* (К. Федин) // *Мені це вчора розказали*.

Неопределенность субъекта создается в значительной мере значением форм 3-го лица, которые в отличие от форм 1-го и 2-го, обладают меньшей конкретностью: — *Нас выселяют, — ответила она просто* (К. Федин) // *Буває, що й бідкаються — дня не вистачає* (Ю. Збанацький).

Логическим центром неопределенно-личных предложений является действие (состояние), выражаемое главным членом. Этот главный член может быть также глаголом прошедшего времени в форме множественного числа. Главным в таких предложениях выступает действие: *С пучком полыхавшей сухой березовой лучины осторожно обходили отмели, руками брали на освещенном дне подползавших к берегу раков* (И. Соколов-Микитов); *С “Цесаревича” опять засигналили уже по-ночному — фонарями* (А. Степанов) // *Учили музики — слуху не вистачило* (О. Коломієць).

Итак, грамматическая форма неопределенно-личных предложений детерминируется главным членом. Вместе с этим основные грамматические значения этих предложений заключены в самой его структуре: *В дверь опять негромко постучали* (Ю. Бондарев) // *Повертаються додому змучені, в пилюзі, голодні* (Г. Косинка); *Світла ще не світили*. Семантика его, выразительность связаны с порядком слов в предложении. Перенесение дополнения в постпозицию ослабляет независимость главного члена и приближает неопределенно-личное предложение к неполным: *Ходили тут утром в сапогах* // *Ще не світили світло*.

По структуре и семантике неопределенно-личные предложения близки в русском и украинском языках.

2.3. Обобщенно-личные предложения

Это односоставные предложения, главный член которых выражает действие, в равной мере относящееся к любому субъекту (обобщенному лицу), в том числе и к говорящему: *Ласковым словом и камень растопишь* (Пословица); *Без совести и при большом уме не проживешь* (М. Горький) // *Вік живи, вік учись* (Прислів'я); *Пожалій скотину раз, вона тобі послужить десять раз* (І. Тобілевич).

В обобщенно-личных предложениях как русского, так и украинского языка говорящий не противопоставляет себя другим участникам действия (лицам, к которым это действие может быть отнесено), а как бы объединяется с ними. По функционально-семантическим признакам можно выделить несколько типов этих предложений: 1) со значением совета или предостережения: *Знай больше, а говори меньше* (Пословица) // *На брехні далеко не поїдеши* (Прислів'я); 2) с условно-следственным значением: *Снявши голову, по волосам не плачут* (Пословица) // *Як не навчиш дитину в пелюшках, то не навчиш і в подушках* (Прислів'я). Подобные обобщенно-личные структуры выступают в сложных бессоюзных предложениях со значением цели, реже — уступки: *Биться в одиночку — жизни не перевернуть* (Пословица) // *Вовків боятися — в ліс не ходити* (Прислів'я); 3) со значением возможности — невозможности: *Чужую беду руками разведу* (Пословица) // *Наука не пиво: в рот не віллєш* (Прислів'я).

Своеобразной разновидностью обобщенно-личных предложений являются структуры с так называемым частичным обобщением. В них в обобщенной форме передается психологическое состояние говорящего, его интимные мысли, настроение. При этом говорящий указывает на то, что действие (процессуальное состояние) может быть свойственно и всем остальным. Наличие в структуре предложения модальных частиц *было, бывало* // *було, бувало* подчеркивает повторяемость, многократность прошедшего действия: *В себя ли заглянешь — там прошлого нет и следа* (М. Лермонтов); *В жаркий июльский день идешь, бывало, крепко задумавшись, по лесной знакомой тропинке и вдруг остановишься* (И. Соколов-Микитов) // *Ще було набігаєшся, нагуляєшся з хлопцями по тих горах, по тих долинах* (І. Нечуй-Левицький).

Типичной формой выражения обобщенности в обобщенно-личных предложениях выступает главный член предложения —

глагол в форме 2-го лица единственного числа настоящего или будущего времени изъявительного наклонения: *Виден край, да не доедешь* (Пословица); *Ведь когда любишь, то обязательно надеешься* (В. Астафьев) // *Тільки в праці невтомній крилатим стаєш* (В. Сосюра); *Що в молодості навчишся, то в старості як знайдеш* (Прислів'я).

Главный член обобщенно-личных предложений бывает также выражен: 1) глаголом повелительного наклонения (2-е лицо единственного и реже — множественного числа): *Не бойся работать, бойся безделья* (Пословица); *Глупому в поле не давай воли* (В. Даль); *Не родись красивый, а родись счастливый* (Пословица) // *Вчись не до старості, а до смерті* (Прислів'я); 2) глаголом в форме 1-го лица единственного и множественного числа, когда в предложении выражается сентенция и рассуждения общего плана: *Хочу — казню, хочу — милую* (Пословица); *Что имеем — не храним, потерявши плачем* (Пословица) // *Моя хата з краю, нічого не знаю* (Прислів'я); 3) глаголом в форме 3-го лица множественного числа: *После драки кулаками не машут* (Пословица); *Во время брани добра не говорят* (Пословица); *Мудрость обретают в трудном споре* (Е. Долматовский) // *По горобцях з гармат не стріляють* (Прислів'я); *Курчат восени лічать* (Прислів'я). Эти обобщенно-личные предложения как в русском, так и в украинском языке имеют структуру, общую с неопределенно-личными. Отличие между ними не структурное, а смысловое. Ср.: *И без золота в радости живут* (Пословица) — обобщенно-личное; *Вас, наверное, тоже арестуют* (М. Горький) — неопределенно-личное // *Дарованому коневі в зуби не дивляться* (Пословица) — обобщенно-личное; *Кажуть, біля Борисполя, на озерах, качви тієї, ну, як хмари* (Остап Вишня) — неопределенно-личное; 4) глаголом прошедшего времени в форме единственного числа: *Метил в лукошко, а попал в окошко* (Пословица) // *Стріляв у ворону, а попав у корову* (Прислів'я).

Главный член обобщенно-личных предложений может быть выражен аналитической формой — спрягаемая форма глагола + инфинитив. Семантика главного члена раскрывается инфинитивом, обобщенный характер и временное значение — спрягаемой формой глагола. Напр.: *Из белой бумаги предпочитают не делать фантиков* (Афоризм) // *Умій помилятися, умій і виправитися*.

Обобщенно-личные предложения иногда выступают как структурно двусоставные. Это бывает в том случае, когда местоимение — подлежащее (*ты, мы* или *вы*) не ассоциируется с опреде-

ленным конкретным лицом, а имеет обобщенно-личное значение. Напр.: *Другим ми часто пророкуєм, як знахарі, чуже толкуєм* (І. Котляревський).

Следует отметить, что обобщенно-личные предложения и в структурном, и в смысловом, и в функциональном плане в русском и украинском языках адекватны. Наиболее часто они встречаются в народно-поэтической речи, пословицах, поговорках, в художественных произведениях.

2.4. Безличные предложения

К односоставным предложениям относятся также безличные предложения. Для предложений этого типа характерно наличие бессубъектного действия или действия (процессуального состояния), отнесенного к субъекту, грамматически не оформленному.

Безличным предложениям в русском и украинском языках свойственна семантическая дифференциация — от полной безличности до безличности ослабленной. В большинстве случаев главный член этих предложений приобретает глагольную форму, но возможны и неглагольные конструкции. В зависимости от лексического значения глагола действие безличного предложения может иметь или не иметь своего производителя, то есть быть безличным бессубъектным или безличным субъектным. Если глагол обозначает состояние живого существа (*надоело, везет*) или по своим лексико-грамматическим свойствам требует объекта (*трясет — кого?, ранило — кого?*), в таких конструкциях процессуальный признак этим отнесен к своему исполнителю. Напр.: *Человека убило. Лодку качает.*

Безличные бессубъектные предложения выражают такое действие, которое по своей природе (или процессуальному состоянию) не может иметь конкретного исполнителя. Напр.: *Светает. Вновь морозит слегка* (К. Ваншенкин) // *Світає, князю* (П. Загребельний); *Розвиднілось* (Г. Косинка).

Безличные предложения содержат извещения о стихийных явлениях, состояниях и процессах, которые происходят в природе и внешнем окружении. Напр.: *Вечерело; Быстро темнело; Дорогу замело* // *Тихо; Тихо й тепло, скрізь червоно* (Марко Вовчок); *Уночі знов задощило* (П. Тичина); *З Дніпра віяло прохолодою* (П. Тичина). Предложения этого типа в русском и украинском языках могут включать в свой состав полужнаменательные глаголы *стать* // *ставати, начинать* // *починати, бывать* // *бувати, казаться* // *здаватися* и др. Главный член их по своей структуре — аналитическая

форма: *На Земле было тоже холодно* (К. Симонов); *Стало жарко* (С. Алексеев) // *Хоча б скоріше почало світати* (Ірина Вільде); *Починало благословлятися на світ* (Г. Косинка); *Тиші не стало* (Ю. Мушкетик).

В безличных субъектных предложениях главный член выражает действие, направленное на объект, либо действие, исходящее от лица или указывающее на его состояние. В таких предложениях субъект — производитель действия является составной частью главного предложения.

В зависимости от степени известности субъекта главный член предложений выражает: 1) внутреннее состояние живого существа, его переживания, настроение: *Второй день он мучился лихорадкой, и в это время его знобило и ломало* (Л. Толстой); — *Вроде бы угарно, — подумал Андрей. — Так и давит сердце* (И. Бунин); *Ребенку нездоровится // Ой не спиться й не лежаться* (Нар. пісня); *Однак мене морозить* (М. Коцюбинський); 2) модальные значения желания (бажання) или нежелания (небажання), которое концентрируется в самой семантике главного члена, состоящего из безличного глагола *хочется/не хочется // кортит* и инфинитива со значением конкретного действия. Часто компонентом безличных предложений выступает косвенное дополнение в форме дательного падежа, оно определяет лицо, которое воспринимает действие, а не выполняет его: *Ему хочется кричать от боли // Хочеться їй висватати за невістку Наталку Рудикову* (Г. Косинка); *І мені заспівати хотілося лебединую пісню собі* (Леся Українка); *Хочеться сісти на човен і поплисти* (М. Коцюбинський); *Іноді чоловікові кортить прикусити язика* (П. Загребельний).

В украинском языке значительную группу безличных субъектных предложений составляют предложения с главным членом, выраженным личным глаголом с послефлексийным суффиксом *-ся (-сь)*. Эти глаголы обычно выражают своеобразное психическое и физическое состояние людей, реже — физическое явление, источником которого выступает неизвестный субъект: *Нагадалось вражій бабі молодю бути* (Нар. твор.); *У вікнах світиться* (І. Франко); *Не спиться щось панам* (П. Тичина); *Мені зробилося смішно* (Г. Косинка).

Многие предикативные слова (слова категории состояния) в сочетании с инфинитивом дают оценку действия, выраженного инфинитивом: *Хорошо плыть ночью по реке* (М. Горький); *Мне было неловко и грустно* (А. Чехов) // *У хуторі було тихенько, як у вусі* (Марко Вовчок); *Як весело було широкими грудьми повітря краяти*

(М. Рильський). Такие предложения в украинском языке бывают эквивалентами личных двусоставных. Инфинитив в таких предложениях может быть или главным членом односоставного предложения, или подлежащим двусоставного. Ср.: *Тяжко матір покидати у безверхій хаті* (Т. Шевченко); *Сором тобі таке говорити* (Леся Українка); *Вертатися назад безглуздо* (Н. Рибак). Эти предложения стоят на грани односоставных и двусоставных.

Главный член безличного предложения рассматриваемой разновидности в русском и украинском языках может быть выражен несклоняемым словом; по форме совпадающим с именем существительным (*грех, лень, позор, ужас* и под.) в сочетании с инфинитивом. Такие безличные предложения дают оценку действия человека с морально-этической стороны, различные модальные оттенки в отношении к совершаемому действию: *Ну, барин, не пора ли за дело приниматься* (И. Крылов); *Но нашим дамам, видно, лень сойти с крыльца* (А. Пушкин) // *Хіба в такого гада гріх украсти?* (Г. Косинка); *Сором тобі таке говорити* (Леся Українка).

В русском языке распространены безличные предложения, главный член которых выражен кратким страдательным причастием среднего рода с суффиксами *-ен, -н-, -т-* (*велено, решено, приказано, забыто, сделано* и под.): *Не приказано впускать* (Н. Островский). Эти предложения выражают результат действия, совершенного неназванным лицом: *С дождями связано много примет* (Ю. Яковлев); *Сколько прожито, сколько проработано после того дня* (К. Паустовский).

Этим предложениям в украинском языке соответствуют безличные предложения с главным членом, выраженным предикативным страдательным причастием на *-но(-ено), -то*. Эти предложения в украинском языке употребляются значительно шире, чем в русском. Свойственны они официально-деловой речи, научному и публицистическому стилю, встречаются в языке художественной литературы, фольклорных произведениях: *В указі було відзначено; Визначено й структуру такої картини; Враз було вбито всі хлоп'ячі мрії* (О. Довженко); *Насіяно, наорано, та нікому жати* (Прислів'я); *А в грудях у парубка немов теж струну натягнуто одному* (А. Головка).

Отдельную группу составляют безличные предложения, в которых главный член — предикативное наречие. Образование этого типа безличных предложений ограничено как в русском, так и в украинском языке словами таких семантических групп: а) общим значением состояния — субъектного и бессубъектного (*жутко, холодно, весело, скучно, заметно, видно, слышно* // *холодно, су-*

мно, тихо и под.): *На душе у нее было весело, ясно и тепло* (А. Чехов); *Мне было неловко и грустно* (А. Чехов); *Изрядно парило* (А. Степанов) // *В хаті холодно* (Г. Косинка); *Було сумно* (Г. Журба); *І стало тихо скрізь* (П. Тичина); *Стало зовсім видно* (Іван Ле); б) внутреннего субъектного состояния (*больно, жалко, жаль, страшно, трудно, досадно* // *журно, боляче, соромно* и под.): *С молодостью человеку расстаться жаль* (К. Паустовский); *Было тяжело* (В. Пикуль) // *І так же стало журно та боляче* (П. Тичина); *Соромно про таке мовчати*; *Шкода того барвіночка* (Т. Шевченко); *Чого ж мені його шкода, чого його жаль* (Т. Шевченко); в) внешнего бессубъектного состояния (*шумно, людно, морозно, глухо* и под.): *Было совершенно темно* (Г. Бакланов) // *Біля церкви людно*.

Иногда место предикативного наречия может занимать предложно-падежная форма имени, имеющая наречное значение. Чаще это бывает фразеологизм или сравнительный оборот: *Туда рукой подать* (=близко); *Здесь по колено* (=мелко); *Без компаса как без рук* (=неудобно) // *Йому стало не по собі* (Панас Мирний); *На річці було по коліно* (О. Донченко). В предложениях этого типа главный член сочетается с нулевой связкой или с глаголом полужнаменательного типа: *Степанова нигде не было видно* (А. Первенцев); *В самолете становилось все жарче, все душней* (В. Катаев) // *Йому стало соромно за Феропонта* (М. Коцюбинський); *Вже зовсім смеркало* (Г. Косинка); *Йї стало дуже шкода звіра* (О. Донченко).

Выступающие в качестве главного члена безличных предложений безлично-предикативные слова в сочетании с инфинитивом могут обозначать различные модальные оттенки — возможность или невозможность, долженствование, необходимость: *Можно без лыж идти по хрустящему снежному паркету* (И. Соколов-Микитов); *Мальчишек надо приучать к строгости* (К. Паустовский) // *Але треба було вартувати* (Г. Косинка); *Через три дні їх справді випущено і дозволено піти попрощатись з рідними* (Панас Мирний).

Соотносительны в русском и украинском языках безличные предложения, главный член которых — отрицательное предикативное слово *нет* (*нету*) // *нема* (*немає*). Обязательным элементом этой структуры является косвенное дополнение в форме родительного падежа, на отсутствие которого указывается: *Нет здесь ни объездчиков, ни егерей, ни лесников* (Н. Почивалин); *Мечтам и годам нет возврата* (А. Пушкин); *Надежды нет! Он уезжает, Свое безумство проклинаят* (А. Пушкин); *У меня нет свободного времени* // *Нема руїн* (М. Коцюбинський); *У гаю, гаю вітру немає* (Т. Шевченко); *І нема тому почину і краю немає* (Т. Шевчен-

ко). В русском и украинском языках такие конструкции могут быть коррелятивны конструкциям с отрицательными частицами *не, ни // ні, ані*: *Обойдите всех подряд, Лучше не найдете* (А. Твардовский); *С земли не сгонят, дальше фронта не пошлют* (А. Твардовский); *Ни огня, ни черной хаты... Глушь и снег* (А. Пушкин); *На площади ни души* (А. Чехов) // *Ні меж, ні краю колгоспному врожаю* (Прислів'я); *Спокою на серці у них не було. І чомусь у відповідь не почулось ні сміху, ні жарту* (В. Собко); *Ой не спиться й не лежитьсья* (Нар. пісня).

2.5. Номинативные предложения

Это односоставные предложения, которые в русском и украинском языках указывают на наличие (существование) предмета или предметно представленного явления, действия, состояния. Предикативный признак конкретизируется как существование. Грамматическая структура: главный член — имя существительное в именительном падеже. В нераспространенных предложениях этого типа выражение главного члена семантически ограничено. Это преимущественно имена существительные, называющие явления природы, стихийные явления, события, периоды времени: *Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...* (А. Пушкин); *Полночь. Мгла и вечер* (И. Грибачев) // *Літо. Починає благословлятися на світ* (Г. Косинка); *Ніч. Електричні ліхтарі, як парубки, моргають на молоді тополі, милуються, грають світлом на біло-зеленому листі...* (Г. Косинка).

В номинативных предложениях отсутствует глагольное выражение грамматических значений времени и наклонения. Предикативность в них выражается при помощи синтаксического времени (настоящего) и синтаксической модальности (реальность). Поэтому содержание номинативных предложений воспринимается в плане настоящего времени: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (А. Блок); *Полдень. За окном душное лето* (К. Симонов) // *Мокрий сніг, дощ і тумани, тумани* (М. Стельмах); *Темна ніч. Чорні хмари, ніби великі хвилі, насуваються одна на другу. Дощ... Блискавка... Грім* (М. Коцюбинський).

Только в определенном контексте содержание этих предложений может восприниматься в прошедшем времени: *Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом, по мертвому плачущий девичий крик, седая старуха в салопчике плисовом, весь в белом, как насмерть, одетый старик* (К. Симонов) // *Війна. Фашизм. Розставлені тенета* (П. Воронько).

Следует отметить, что некоторые исследователи именительный падеж существительного — главного члена, употребляющийся вне предложения при передаче воспоминаний о называемом предмете, явлении называют именительным представлением, или именительным темой, и такие предложения не считают односоставными номинативными: *Время... Как незаметно и плавно течет оно в обычной жизни человека* (А. Миронов)¹.

Номинативные предложения различаются между собой по содержанию и употреблению. Среди них выделяются:

1. Бытийные номинативные: а) предложения, сообщающие о бытийном, никому не принадлежащем состоянии: *Ни огня, ни черной хаты... Глушь и снег... навстречу мне только версты полосаты попадаютя одне* (А. Пушкин) // *Осінь. І така тиха, така ласкава* (А. Головка); б) предложения, сообщающие о ситуациях или событиях в полном отвлечении от их носителя или производителя: *Канонада... Не слышно канонады... Только тут догадалась Маруся, чего с утра не хватало ей среди привычных звуков погожего утра* (Б. Полевой) // *Шопена вальс... Ну хто не грав його і хто не слухав* (М. Рильський); в) предложение сообщает о предмете — одушевленном и неодушевленном: *Костел, особняки, еще костел, пустых домов визжащие ворота* (К. Симонов) // *Проста хата, світлиця. На полу багато одежі, килимів, подушок у цвітних наволоках. Великий стіл. Віденські стільці, канпки* (І. Тобілевич); г) предложения, сообщающие о чьей-либо деятельности, действии, о чем-либо состоянии: *Шепот, робкое дьханье, трели соловья, серебро и колыханье сонного ручья* (А. Фет) // *Сміх. Підходить до садка, що розкинувся он на горбах, вище калини, і маячить назустріч своїм зелено-синім листом* (Г. Косинка).

2. Указательные номинативные. В состав этих предложений входит указательная частица *вот, вот и // ось, от, осьде, реже вон // он, онде; это // це, оце*. Посредством указательных номинативных предложений говорящий обращает внимание на имеющиеся предметы, явления: *Вот синее стекло Волги, расколотое надвое поперечной избела-солнечной дорогой* (К. Паустовский); *Вон мостовая, ряды асфальтовых котлов* (К. Симонов) // *Ось дерево, яке ти любиш* (О. Довженко); *Зима, холод, мороз. Оце негарний час* (Марко Вовчок).

¹ Ковалева Е.С. Простое предложение // Русский язык / Под общ. ред. проф. М.Г. Булахова и И.С. Козырева. — Минск, 1979. — С. 50.

3. Оценочные номинативные предложения¹. Они соединяют в себе констатацию существования предметов, их эмоциональную оценку и подразделяются на: а) оценочно-утвердительные номинативные предложения: *Он отрекся от старого товарища. — Подлец* (А. Писемский); *Пусто и длинный день* (К. Симонов) // *Боягуз він, а не агроном... Кар'єрист* (О. Корнійчук); *Справді гарна дівчина*; б) оценочно-восклицательные: *Пожар! — Спасайтесь! Бомба! — Ложись! Аня! — крикнул он с порога. — Победа!* (В. Катлинская) // *Вогонь?! Язики вогню почали слатися за димом Костевої цигарки, писати якісь криваво-чорні літери на гречці, і вималювалась над млином сіра, страшна, давно забута, чортова ніч бою...* (Г. Косинка).

Многие эмоционально-оценочные предложения употребляются с восклицательными частицами *какой, что за, ну и, во, что* // *який же, ну й, що за*. Напр.: *Погляди-ка, раздолье-то какое!.. Волга!* (Ф. Гладков) // *Ну й день! Що за краса!* В современном украинском языке такие конструкции не продуктивны.

Русскому языку также свойственны номинативные побудительно-восклицательные предложения, которым в украинском языке соответствуют двусоставные побудительные: *Господа! Молчание! Наш прекрасный поэт прочтет нам свое прекрасное стихотворение* (А. Блок). Ср.: *Панове! Хвилинку!* или синонимичные: *Панове! Давайте хвилину помовчимо!* Эти предложения имеют ярко выраженную экспрессивную окраску и произносятся с соответствующей интонацией.

Примыкают к номинативным предложениям собственно назывные. Эти слова и словосочетания по форме совпадают с номинативными предложениями. Некоторые исследователи вообще не считают их предложениями². Это названия газет, книг, учреждений, кинофильмов и др., основной функцией которых является название без значения бытия.

Используются номинативные предложения в художественных произведениях, в публицистике. Как лаконичная форма изображения, употребляются в описаниях (картин природы, обстановки, внутреннего состояния человека) с целью выделения отдельных предметов, явлений и сосредоточивания внимания на них.

Номинативные предложения могут выполнять и композиционную функцию, начиная повествование или завершая его.

¹ А.Г. Руднев называет этот тип номинативных предложений полупредикативными. См.: Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. — М., 1963. — С. 17.

² См.: Современный русский язык. Ч. 2: Синтаксис / Под ред. Д.Э. Розенталя. — М., 1979. — С. 83.

2.6. Инфинитивные предложения

Это односоставные предложения, в которых главный член выражен независимым инфинитивом, то есть при нем не может быть ни безличного глагола, ни безлично-предикативного слова.

Инфинитивные предложения в русском и украинском языках обозначают действие, которое произойдет в ближайшем будущем. Употребляются они преимущественно в экспрессивной речи и в связи с этим связаны с различными модальными значениями. Эти модальные значения выражаются самой формой инфинитива и интонацией. В зависимости от этих значений можно выделить:

1. Инфинитивные предложения с модальным значением необходимости, обязательности или невозможности действия: *Не догнать тебе бешеной тройки* (Н. Некрасов) // *Ані піти тобі, ані погуляти, ані чого забажати* (Марко Вовчок).

2. Инфинитивные предложения, выражающие побуждение — приказ, совет, пожелание, просьбу: *Прекратить огонь!* (А. Степанов); *Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку* (М. Лермонтов) // *Розбити пута, скинути полуду з очей і чесно та сміливо вернути скривдженім те, що до них належить* (М. Коцюбинський); *Все, все покинуть, до тебе полинуть, мій ти єдиний зламаний квіте* (Леся Українка).

3. Инфинитивные предложения, выражающие сомнение, неуверенность в целесообразности исполнения действия: *Вдруг ты его испугаешь, а мне отвечать* (М. Горький).

В украинском языке этот тип предложений часто бывает по интонации близок к вопросительным. Если в их составе имеется вопросительная частица, местоимение, наречие, они могут быть вопросительными: *Можє, піти самому в хату?* (М. Стельмах); *Хіба лишити сані з ялинкою в лісі, а самому вертати додому?* (М. Коцюбинський).

При глаголе, образующем ядро инфинитивного предложения, возможна частица *бы* (*б*). Такие предложения выражают, как правило, ирреальное действие: а) действие желательное или нежелательное: *Вам бы здесь до осени пожить* (А. Чехов). В украинском языке в составе этих предложений бывают частицы *якби*, *коли б*: *Коли б хоч з чоловіком словечко промовили* (Марко Вовчок); б) предупреждение, связанное с действием, которое может быть невыполнимо. Такие предложения, как правило, бывают отрицательными: *Все бинокли были направлены в сторону бронепоезда, на котором находится командующий, — не прозе-*

вать бы с выполнением того или другого его приказа (А. Новиков-Прибой) // *Поїхати нам треба, та тільки не програти б змагання* (3 газеты); в) субъективное отношение говорящего к действию: *Отдохнуть бы Григорию, отоспаться!* (М. Шолохов) // *Вам тільки б сміятися.*

За небольшим исключением в русском и украинском языках инфинитивные предложения идентичны. Они отличаются экспрессивностью и эмоциональностью, и поэтому используются преимущественно в художественных и публицистических произведениях. Они являются одним из выразительных средств авторской речи (в размышлениях, рассуждениях), в заглавиях газетных статей.

Б. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В ряде исследований сложное предложение рассматривается как синтаксическая конструкция, состоящая из двух или нескольких простых предложений. Но сложное предложение — это не соединение обычных простых предложений. Часто сложное предложение обладает не всеми свойствами простого предложения. Ему присуща формальная и смысловая организация простого предложения, но сложное предложение не имеет основного свойства простого предложения как коммуникативной единицы — смыслового завершения отдельного сообщения¹. Подобно простому предложению, сложное имеет три относительно автономных аспекта своей организации: формальную, смысловую и коммуникативную. Сложным называют предложение, представляющее единое интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей (двух или более), которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однородны с простым предложением.

В современном языкознании широко дискутируется вопрос о критериях классификации сложных предложений. Принцип сочинения и подчинения не является основным и всеобъемлющим. Выдвигаются принципы структурного деления сложных предло-

¹А.М. Пешковский и А.А. Шахматов считали неприемлемым сам термин “сложное предложение”, поскольку он называет несколько предложений одним, создавая этим путаницу. Они предлагали называть его “сложным целым” или “соединением предложений” (А.А. Шахматов). См.: *Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении.* — М., 1938. — С. 455; *Шахматов А.А. Синтаксис русского языка.* — М.; Л., 1941.

жений (гибкость—не гибкость и открытость—закрытость структуры). Критерий гибкость—не гибкость предусматривает наличие таких сложных предложений, структура которых допускает варьирование порядка их частей.

Сложное предложение — своеобразное грамматическое образование, которое противопоставляется в синтаксической системе простому предложению. Эта синтаксическая единица образована грамматической связью между несколькими составными частями, которые относительно внутренней структуры в большинстве случаев изоморфны с простыми предложениями. Но своей совокупностью они образуют единую коммуникативную единицу высшего грамматического порядка¹.

По грамматической традиции славянских языков принято выделять в основном следующие разновидности сложного предложения: 1) сложносочиненное предложение, 2) сложноподчиненное предложение, 3) бессоюзное предложение, 4) сложное предложение с осложненной структурой.

Первые два типа последовательно выделяются по выразительным признакам грамматической связи. Относительно природы бессоюзных сложных предложений существуют разные точки зрения. Эти предложения или выделяются в отдельный тип, или исследуются в составе сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. Разделяются взгляды лингвистов и на природу образования этих предложений.

Несколько подробнее учение о сложном предложении разработал Ф.Ф. Фортунатов, а позднее Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Ф.Ф. Фортунатов наиболее определенно указал на синтаксическую целостность сложного предложения. Он говорил о “частях” сложного предложения, а не о ряде простых предложений, — называл сложносочиненные предложения соединением “равностных”, а не независимых значений, отказался от проведения аналогии между придаточными предложениями и соответствующими членами простого предложения, отметив, что придаточное предложение “разъясняет собой ту или другую часть главного суждения значений...”².

У Д.Н. Овсяннико-Куликовского не было последовательности в понимании сложного предложения. Как и Ф.Ф. Фортунатов, он

¹ Bauer J. Klasifikace souvětí // Jazykovedné studie. IV. — Bratislava, 1959. — С. 131; Мельничук О.С. Основні лінії розвитку складнопідрядних речень у слов'янських мовах. — К., 1963. — С. 6.

² Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языкознание. Курс 1899—1900. — М., 1901. — С. 107.

брал за основу признаки синтаксической целостности данной категории, но в “Руководстве к изучению синтаксиса русского языка” изменил определение сложного предложения как соединения в одно синтаксическое целое двух или более предложений и стал называть сложными только такие, “в которых одно зависит от другого”¹. И хотя в этой работе упоминалось о сочинении и подчинении предложений, понятие сочинения он отождествлял отчасти с понятием соподчинения, так как определял его как соединение двух главных или двух придаточных предложений. Наличие сочинительных союзов при однородных придаточных заставляло его приравнивать их к сочиненным предложениям. Не было последовательности и в проведении классификации придаточных предложений. Занимаясь главным образом классификацией союзов или типов подчинения, он в то же время упоминал о придаточных подлежащего, сказуемого, дополнения и приложения, причем названия придаточных давал в зависимости от того, какой член главного предложения им поясняется. В результате этого равные по значению придаточные попадали в различные рубрики. Напр.: *Я читаю книгу, которую ты рекомендовал* — придаточное дополнительное, а *человек, которого я ожидал...* — подлежащее. Одни придаточные получали наименование в зависимости от того, какой член главного они поясняли, а другие — по средствам связи с главным предложением. Отличительным признаком обстоятельственных предложений он считал наличие “союзных наречий”.

Он также назвал два способа связи предложений: сочинение и подчинение, но сочиненные предложения в состав сложных не включал.

Наиболее последовательно формально-грамматическую точку зрения воспроизвел в своих работах В. Гиппиус². Чтобы подчеркнуть, что сложное предложение — это категория иного рода, нежели простое предложение, он заменил термин “сложное предложение” термином “сложная фраза”, пытаясь подчеркнуть этим синтаксическую целостность сложного предложения. Термин “фраза” он заимствовал у А.М. Пешковского, который относил к фразе все сложное предложение. В книге “Наш язык” использован еще один термин: “То синтаксическое целое, которое получается от такого соединения, называется сложным целым”³.

¹ Овсянко-Куликовский Д.Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. — М., 1907. — С. 230.

² Гиппиус В. Синтаксис современного русского языка. — Л., 1924.

³ Гиппиус В. Наш язык: Учебная книга по грамматике для учителя. Ч. 2: Элементы морфологии и синтаксиса. — М.; Л., 1926. — С. 179.

Д.Н. Ушаков в отредактированном им учебнике К.Ф. Петрова “Русский язык” проводил грамматическую и логическую классификацию. Первая была основана на учете средств связи придаточного предложения с главным, вторая — на значении придаточных предложений.

В “Грамматике русского языка” С.Г. Бархударов в основу классификации придаточных предложений положил их синтаксические функции и в связи с этим называл придаточные определительные, дополнительные, подлежащные, сказуемые, обстоятельственные с условными и уступительными предложениями. В определении сложного предложения он обратил внимание на его целостность в отношении содержания. Он назвал сложным “такое предложение, которое состоит из двух или нескольких простых предложений, выражающих одну сложную мысль”¹.

В.В. Виноградов говорит, что строительным материалом для сложного предложения является не слово и не словосочетание, а простое предложение. Сложным называется предложение, представляющее единое интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей (двух и более), которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однотипны с простым предложением, но в составе целого они не имеют смысловой и интонационной законченности, характерной для категории предложения, и, следовательно, не образуют простых предложений. Особенностью частей, входящих в состав сложного, может быть неполнота одной из них (обычно не первой), обусловленных тенденцией к неповторению общих членов².

1. СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложносочиненным называется предложение, состоящее из двух или нескольких предикативных частей, объединенных посредством сочинительных союзов и образующих в своем сочетании структурно-синтаксическое и смысловое единство. Сочинительные союзы указывают на относительную грамматическую и смысловую автономность соединяемых предложений. О смысловой самостоятельности частей сложносочиненного предложения можно говорить лишь условно, рассматривая каждое из составляющих сложносочиненное предложение в отдельности, без учета

¹ Бархударов С.Г. Грамматика русского языка. Ч. 2: Синтаксис. — М., 1938. — С. 4.

² Краткая русская грамматика. — М., 1989. — С. 515.

связи его с другими. Обязательным смысловым компонентом сочинительных отношений является соединительное значение, оно включено в семантику всех сложносочиненных предложений. В наиболее общем виде соединительные отношения конкретизируются как собственно соединительные и несобственно соединительные (противительные и разделительные).

Синтаксическая самостоятельность и равноправие частей сложносочиненного предложения свойственна лишь небольшой группе предложений, связываемых посредством соединительного союза *и // і*, не имеющего никаких дополнительных оттенков. Напр.: *Луна начала одеваться тучами, и на море родился туман* (М. Лермонтов); *Хлынули потоки дождя, и запрыгал угловатый град* (И. Тургенев) // *Відчинив я вікно, і в кімнату зоря увійшла золотою ходою* (В. Сосюра); *Сонце ледве промініє, і на сході вже світає* (Леся Українка).

Сложносочиненные предложения разнообразны как по структуре, так и по значению. Они могут состоять из двух частей, связанных одним значением, и более чем из двух частей, передающих одно грамматическое значение. Напр.: *Обо всем можно сказать красиво, но лучше всего слово о хорошем человеке. И поля цветут, и леса шумят, и лежат в земле груды золота, и во всех концах света белого про тебя идет слава громкая* (И. Никитин) // *Прилинув вітер, і в тісній хатині він про весняну волю заспівав, а з ним прилинули пісні пташині, і любий гай свій відгук з ним прислав* (Леся Українка); *Скрипка раптом замовкла, і лише хвилину стояла в повітрі далека луна* (В. Василевська); *Реве та стогне Дніпр широкий, Сердитий вітер завива, Додолю верби гне високі, Горами хвилі підійма* (Т. Шевченко).

Части сложносочиненного предложения вступают в сложные, многообразные смысловые отношения, которые могут быть сведены к трем основным типам: соединительные, сопоставительные, разделительные. В пределах каждого из них наблюдаются более частные оттенки.

В выражении семантики сложносочиненных предложений принимают участие союзы, интонация, соотношение глагольно-сказуемых и лексико-грамматических форм.

1.1. Сложносочиненные предложения с соединительными союзами

С помощью соединительных союзов соединяются синтаксически равноправные предикативные части сложносочиненного предложения. Чем больше частей соединяются в таком предложе-

нии, тем ярче проявляется его перечислительная семантика. Перечисляемые явления могут представляться и как одновременные, и как последовательные.

1. Одновременность действий: *Где-то ворковали голуби и пчелы жужжали, низко перелетывая по редкой траве* (И. Тургенев); *В саду было прохладно, и темные покойные тени лежали на земле* (А. Чехов) // *Вечір був місячний, ясний, і зорі лагідно сіяли* (Леся Українка); *І нема дощу, і води підземні тікають* (О. Довженко); *Грала промінням, ясним самоцвітом порання роса, і усміхалась весняним привітом натури [природи] краса* (Леся Українка).

2. Последовательность действий: *В небе ярко вспыхнула первая звездочка, и в окнах домов замелькали огоньки* (И. Гончаров); *Ветер опять утих, и снег начал прямо медленно белыми клочьями опускаться на землю* (С. Аксаков) // *Я назвал себе, і вона запросила зайти до них додому* (О. Коломієць); *Сонце ледве променіє, і на сході все світає* (Леся Українка); *Зоря жевріла червоним світлом, і хмари були з червоним відблиском* (Марко Вовчок).

Значение одновременности действий передается совпадением видовременных форм глаголов-сказуемых обеих частей, интонацией и лексическими средствами. Значение последовательности действий создается за счет соотношения видовременных форм глагола, определенного порядка размещения частей, лексических средств. Грамматическим показателем одновременности действий выступает чаще всего несовершенный вид глагола-сказуемого, а последовательности — совершенный вид.

Соединительные отношения в русском и украинском языках выражаются с помощью соединительных союзов *и, да, ни...ни // і, так, та й, ні...ні*. С их помощью могут быть выражены временные соединительные отношения (одновременные и последовательные), условно-следственные, результативные: *Кругом зелено, и поют птицы* (А. Чехов); *С улицы пахнуло пылью от проехавшего извозчика, и где-то близко звонко залаяла собака* (С. Сергеев-Ценский); *Молодые листья лепетали, да зяблики кое-где пели, да две горленки ворковали все на одном и том же месте* (Л. Соболев); *В лесу было весело, да и привык уж очень к такой жизни Елеска* (Д. Мамин-Сибиряк) // *Там було темно навіть удень, і ми боялися гадюки* (О. Довженко); *Нове століття вже на видноколі, і час новітню створює красу* (Л. Костенко); *Лише гул од копитів степом котився, та хліба шелестіли* (А. Головка).

Присоединительно-перечислительные отношения выражаются союзом *а // та* в значении *и*: *Вскоре подошли саперы, а затем —*

и моряки (А. Степанов) // *Хата біліє ярко між зеленими тополями, та блищать ясні віконця* (Марко Вовчок).

В ряде случаев однородность сообщений осложнена тем, что второе предложение обозначает последующее явление или событие, обусловленное первым: *Рванул ветер, и в воздухе закружилась пыль; Мороз еще сердитой застучал в окно, и ветер запел о чем-то в каменной трубе; Сейчас брызнет майский дождь, и начнется настоящая гроза* (А. Чехов) // *Може квіти зійдуть — і настане ще й для мене весела весна* (Леся Українка).

Соединительно-перечислительные отношения проявляются особенно ярко при употреблении союза *ни...ни* // *ні...ні*. Они могут состоять из двух и более предикативных частей: *Ни солнца мне не виден свет, ни для корней моих простору нет* (И. Крылов) // *Ні звірина не залишала свого сліду на землі, ні птиця не оголошувала своїм співом та криком німого повітря* (Панас Мирний). Сказуемые этих частей обычно обладают одинаковыми видовременным и модальным значениями. Эти союзы употребляются только в отрицательных предложениях.

В русском языке соединительные отношения изредка выражаются при помощи союзов *тоже* и *также*. Они располагаются внутри присоединяемого ими предложения: *Она мне нравилась все больше и больше, я тоже, по-видимому, был симпатичен ей* (А. Чехов).

В украинском языке соединительные отношения могут выражаться при помощи союза *коли, як* и усилительной частицы *аж*, которые передают значение неожиданности, в русском языке им соответствует сочетание *как вдруг*: *Говорять вони, аж знову щось загуло біля хати* (М. Стельмах); *Одного ранку лежу я і думаю, коли в хату вбігає Катря* (Марко Вовчок).

Предложения с соединительным союзом *да* синонимичны предложениям с союзом *и* и указывают на одновременность событий. Напр.: *Только иволги кричат, да кукушки наперебой отсчитывают кому-то непрожитые годы* (М. Шолохов).

В предложениях чередования перечисляется ряд событий, которые повторяются, чередуясь в одно и то же время: *То ветер подует и тронет верхушки берез, то лягушки зашелестят в прошлогодней траве, то за стеной часы пробьют четверть* (Л. Толстой); *То амбар в колхозе построят, то коровник в совхозе, то школу отремонтируют* (Г. Боровиков) // *З-за темного дуба то калинова гілка витягнеться, то колюча чайова рожка покаже дрібні листочки й пахучу квітку* (Марко Вовчок). Предложения чередования имеют общий временной план прошедшего, настоящего и будущего времени.

1.2. Сложносочиненные предложения с противительными союзами

Основным средством выражения противопоставления являются противительные союзы *а, но, да // а, але, та*. Эти предложения, как правило, двучленны и представляют тесное объединение частей. В русском языке наиболее употребителен союз *но*: *Все время Варя порывалась что-то сказать, но какая-то сила удерживала ее* (М. Шолохов); *Это очень важно, но это не все* (Г. Боровиков); *Низкое солнце не греет, но блестит ярче летнего* (И. Тургенев); *Дождя не было, но темнота и лесной шум оставались прежние* (В. Белов); *Месяца не было, но звезды ярко светили в черном небе* (Л. Толстой); *Правда, за душой у него ничего нет, но зато ты не бесприданница* (А. Степанов). Модальное слово *правда* усиливает уступительный оттенок предложения.

В украинском языке наиболее употребителен союз *але*: *За містечком через річку мусила бути перша ворожа застава, але ніяких ознак її не знайшлося* (П. Панч); *Пройшлися вулицею, але швидко повернули в тихий завулок* (Ю. Збанацький); *Їй теж не хотілося мести, але для порядку вона здіймала неймовірний галас і пилюку* (Ю. Збанацький).

Противопоставление выражается и союзом *а*: *Гроза была там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце* (М. Горький); *Я пойду один, а вы дожидаетесь здесь* (А. Рыбаков) // *Ты, тату, їдь у ліс, а я зостанусь дома* (І. Нечуй-Левицький); *Ты гукай не гукай, а літа не почують* (Б. Олійник).

Кроме того, в русском языке употребляются союзы *зато, однако*, в украинском — *зате, проте, однак*: *Песня над домом смолкла, зато над прудом соловей заводил свою* (В. Короленко); *Парнишка упал, однако он не был убит* (А. Фадеев); *Ржавеют в арсеналах пушки, зато сияют кивера* (К. Симонов) // *Думки критиків щодо виставлених робіт не збігалися, зате наші враження були якнайкращими* (Газета); *Він десь пішов і не вернувся, проте тут була його тінь, була про нього згадка* (У. Самчук); *І земля, і вода, і повітря — все послуло, однак та нічна тиша повна всякими звуками* (М. Коцюбинський).

Союзы *однако // проте* контрастные по значению, а союз *зато // зате* придает предложению дополнительный семантический оттенок компенсации.

Союз *да* в противительных конструкциях близок к союзу *но*. Союзу *да* в украинском языке соответствует союз *та*: *На свете чудеса рассеяны повсюду, да не везде их всякий примечал. Были бури, непогоды, да молодые были годы* (Е. Баратынский); *Горячее лицо ис-*

кало ветра, да ветра-то и не было // *Сміється день, та сміх його зловісний, Співає ніч, але страшний той спів* (М. Рильський); *Ясно ще осіннє сонце сяє, та холодом осіннім вже в повітрі потягає* (І. Франко).

Союз *а* в отличие от союза *и* выражает, наряду с соединением и присоединением, также значение сопоставления. Сложносочиненное предложение с союзом *а* обычно состоит не более чем из двух простых. Сопоставляться могут факты контрастные, тогда ярко выражено противопоставление: *Слышались голоса лесных синичек, а лес еще не шумел* (В. Белов); *Туча приближалась к нам, а мы к ней* // *Шевченка читати треба, а не паніку здійсмати серед ночі* (Ю. Збанацький); *Федір попробував, а Кесар відмовився* (Ю. Збанацький).

Таким образом, основным средством выражения противопоставления в русском языке наряду с союзом *а* являются союзы *но, да, зато, только*. Наиболее употребителен союз *но*.

В украинском языке противительные союзы — *а, але, проте*. Наиболее распространенный в украинском языке союз *але*.

Союз *а* придает соединительно-перечислительным предложениям значение сопоставления: *Днем таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов* (Л. Толстой); *Через полгода осколком снаряда ему оторвало ступню, а врачи отрезали ногу по самое колено* (Г. Боровиков) // *За хатою розстеляється город, а далі над берегом зеленіє левада* (І. Нечуй-Левицький); *Місяць світить на полі, а під лісом лежить густа тінь* (І. Нечуй-Левицький); *По вулицях стікали каламутні струмки, а вузькі й горбаті тротуари блищали від болота* (П. Панч). При таких семантических отношениях допустима обратимость частей.

1.3. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами

Разделительные предложения бывают двух видов: предложения взаимоисключения и чередования. Они различаются союзами и выражаемыми ими смысловыми отношениями. В предложениях взаимоисключения перечисляется ряд явлений, каждое из которых исключает все остальные: *Отдайте ей ее посланье, иль не читайте их совсем* (Н. Некрасов) // *Пошлю Енея до Плутона, Або і сам в ад копірсну* (І. Котляревський).

В предложениях чередования сущность разделительной семантики состоит в том, что названные явления оказываются не-

совместимыми в один и тот же момент в одном и том же месте. Напр.: *В душном воздухе то раздавались удары кирок о камень, то заунывно пели колеса тачек* (М. Горький) // *То мало грошей татусь приніс, то за квартиру багато платить, то Микола черевики дочасно збив у того клятого футболу, то ціни на базарі підскочили* (Ю. Збанацький).

Союзы *или, либо* // *або* чаще всего выражают отношения взаимоисключения. Напр.: *Либо моя речь произвела сильное впечатление, либо и без того у колонистов накопело, на Буруна обрушились дружно и страстно* (А. Макаренко) // *Ось би по такому льодку покатались на ковзанах, або хоч і просто на підшвах* (Ю. Збанацький).

Украинский союз *чи* указывает на трудность, неуверенность при выделении из ряда явлений одного: *Хотів, бач, перевірити, чи міцний лід, чи можна всю школу поставити на ковзани* (Ю. Збанацький).

Сопоставительный анализ сложносочиненных предложений приводит к выводу о большой синтаксической близости русского и украинского языков. Она проявляется как в совпадении смысловых связей, так и в общности структурных особенностей предложения: порядок слов, употребление местоимений, видовременные соотношения глаголов. Совпадают также и наиболее часто употребляющиеся союзы: *а, и, ни...ни, то...то, однако, зато* // *а, і, ні...ні, то...то, однак, зате*. Различия незначительны в лексическом несовпадении отдельных союзов: *но, или, либо* // *але, або, чи, протє*.

2. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложноподчиненными считаем такие сложные предложения, части которых связаны подчинительной связью. При подчинении связываются разнотипные единицы, одна из которых грамматически зависит от другой. Подчинение — явление главным образом грамматическое, так что смысловой центр всего сложного предложения может оказаться в придаточной части.

Характерным признаком сложноподчиненных предложений является гибкость их структуры, проявляющаяся в свободном расположении придаточной части относительно главной, включая и интерпозицию придаточной части. Однако этот признак не универсален: в некоторых сложноподчиненных предложениях расположение частей фиксировано. Таким образом, одни сложноподчиненные предложения противостоят сложносочиненным по

двум признакам: формально выраженной подчинительной связи между частями и гибкости структуры, а другие только по первому признаку.

Взаимосвязанность главной и придаточной частей бывает более тесной и менее тесной. В связи с этим все сложноподчиненные предложения делятся на два структурных типа:

1. Предложения, в которых главная часть незакончена грамматически и лексически и требует непременно распространения придаточной частью. При этом придаточная часть оказывается теснейшим образом связанной с главной, конкретизируя какое-либо слово (сочетание слов) в главной части. Такие сложноподчиненные предложения называют нерасчлененными, или одночленными.

2. Предложения, в которых главная часть грамматически и лексически закончена, а придаточная присоединяется ко всей главной части. Такие сложноподчиненные предложения называют расчлененными, или двучленными.

Одночленные структуры представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, определительными, места, образа действия, меры и степени.

В современном русском и украинском языках двучленные структуры представлены сложноподчиненными предложениями с придаточными времени, причины, цели, следствия, условными, уступительными, сравнительными.

Основными средствами синтаксической связи придаточного предложения с главным являются союзы и союзные слова, функции которых дополняются соотношением форм слов и порядком расположения главного и придаточного предложений, а также интонацией.

Следует отметить, что смысловые и синтаксические отношения между частями сложноподчиненных предложений в рассматриваемых двух языках — русском и украинском — чрезвычайно разнообразны, хотя структура и типы этих предложений сходны. В то же время каждый из этих языков имеет свою специфику связи главного предложения с придаточным, выражающуюся главным образом в различии союзов и союзных слов, а также указательных (соотносительных) слов. Нерасчлененные и расчлененные предложения различаются и характером союзов.

Кроме подчинительных союзов, специфическим средством связи частей сложноподчиненного предложения являются соотносительные местоимения. В главной части сложноподчиненных

предложений иногда употребляется соотносительное с союзом (союзным словом) местоимение (или наречие). В таком случае придаточная часть относится к местоименному слову или сочетанию его со знаменательным словом. Соотносительные местоименные слова сочетаются (соотносятся) с определенными союзами (союзными словами), образуя с ними пары: *тот — кто, такой — который, так — что // той — кто, такой — який (котрий), так — що* и т. д.

Роль и значение соотносительных местоименных слов в сложноподчиненном предложении различны. Предложения с конструктивным местоименным словом в главной части (без которого предложение не может существовать) составляют большую группу предложений, называемых местоименно-соотносительными. Неконструктивное местоимение появляется в предложениях, когда хотят особо подчеркнуть какое-либо слово, раскрываемое придаточной частью.

2.1. Сложноподчиненные предложения с изъяснительной придаточной частью

К этому типу относятся сложноподчиненные предложения с придаточными, которые распространяют одно из слов главной части, нуждающейся в объектном разъяснении. Придаточная часть этого предложения занимает при опорном слове позицию, соответствующую позиции косвенного падежа с объектным значением или позиции подлежащего. Это изъяснительно-объектный тип. Свойством сочетаться с придаточной частью, выступающей в роли объектного определителя или вместе с опорным словом образующей структурную основу предложения, обладают слова определенных лексических групп со значением речи, мысли, восприятия, чувства, оценки, бытия. Напр.: *говорить, думать, видеть, чувствовать, знать, сообщать, заявлять, заверять, передавать, настаивать, соглашаться, слышать, вспоминать, понимать, верить, забывать, признавать // говорити, думати, бачити, відчувати, знати, повідомляти, заявляти, запевняти, передавати, наполягати, згоджуватись, чути, згадувати, розуміти, вірити, забувати, визнавати* и др.

Опорным словом может быть, кроме названных глаголов, имя существительное, напр.: *сообщение, слух, заявление, ответ, мысль // повідомлення, чутка, заява, відповідь, думка* и др.; имена прилагательные, напр.: *рад, виноват, согласен // радий, винуватий, згодний*

и др., а также причастия, деепричастия, слова категории состояния.

Придаточные предложения присоединяются к главному при помощи одинаковых по значению в русском и украинском языках союзов: *что, чтобы, будто, будто бы, как, словно, как будто, как будто бы* // *що, щоб, мов, немов, як, ніби, наче, неначе*.

Придаточные изъяснительные могут связываться с главным предложением также при помощи союзных слов-местоимений: *кто, что, какой, чей, который, сколько* // *хто, що, який, чий, котрий, скільки* в именительном или косвенном падежах либо при помощи союзных слов-наречий: *как, где, куда, откуда, когда, почему* // *як, де, куди, звідки, коли, чому* и др.

Наиболее продуктивна модель предложений с союзами *что* // *що*. Напр.: *По весне шептали мне в садах цветы, что нужна, нужна мне в жизни только ты; Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей* (Р. Гамзатов); *Пусть думает, что знакомство с ней мне не так уж интересно* (Ю. Казаков); *Ласка, еще с утра понявшая, что едут на охоту, навизжавшись и напрыгавшись досыта, сидела на козлах возле кучера* (Л. Толстой) // *Що нишком діється по всіх кутках, відчутти мусимо на власній шкурі* (Ю. Клен); *Треба показати, пояснити, що світ наш не замерзає і не згасає* (О. Довженко); *Я певен, що від них [гір] на тебе також війне чимось теплим, чимось близьким...* (О. Гончар); *Звук цей ворухнув щось болісне в душі Дороша, він подумав, що завтра йому треба виїжджати і все це покидати* (Г. Тютюнник).

Придаточная часть с другими союзами приобретает различные смысловые оттенки:

1) с союзом *будто* // *ніби, нібито* получает значение предположительности или недостоверности сообщаемого, напр.: *Но вчера приснилось мне, будто принц за мной примчался на серебряном коне* (И. Резник) // *Тим часом пан поїхав до міста й пожалівся, ніби Джеря бунтує громаду* (І. Нечуй-Левицький); *А казали, нібито паннич ваш машин з Америки навиписував, на машини хоче переходити* (О. Гончар);

2) с союзом *чтобы, чтоб* // *щоб* приобретает оттенок желательности, сомнительности, недоверия, опасения, напр.: *И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова* (М. Лисянский); *Я схватил бумаги и поскорее унес их, боясь, чтоб штабс-капитан не раскаялся* (М. Лермонтов) // *Бо хочу я, щоб на чолі народу світився*

знак і від мого життя (М. Вінграновський); Чи й справді необхідно, щоб жінка була мужня? (Л. Костенко);

3) с союзными словами *где, куда, откуда* // *де, куди, звідки* придаточная часть получает дополнительное локальное значение, напр.: *Родина слышит, Родина знает, где в облаках ее сын пролетает* (Е. Долматовский) // *Підійшов, потиснув руку міцно Прокопові й став розпитувати, де ходив та що виходив* (А. Головка);

4) с союзным словом *когда* // *коли* дополнительное темпоральное значение, напр.: *Пчеловодам важно знать, когда цветет орешник, служащий своеобразным эталоном* (В. Солоухин) // *Товариш Цюпа чекав, коли покажеться з лазарету поранений комісар танкової частини* (Ю. Яновський);

5) с союзом *почему* // *чому* — значение причины, напр.: *Почему червяки избегают лисичек, я не знаю* (В. Солоухин) // *І не важко збагнути, чому зітхається дівчині місячними вечорами* (М. Стельмах);

6) с союзным словом *как* // *як* — значение образа действия, напр.: *Я песней, как ветром, наполню страну о том, как товарищ пошел на войну* (Э. Багрицкий) // *Було тепло, та не задушно.., почувалося щось бадьоре та радісне, як відчувається тільки або ранньою весною, або в ясний та тихий осінній день* (Панас Мирний).

Союз *ли* // *чи* вносит вопросительный оттенок. В русском языке он стоит после первого слова придаточной части, в украинском — на обычном месте союза, напр.: *Изредка раздавался писк трех бекасов, прилетевших поглядеть, не уехали ли непрошеные гости* (А. Чехов) // *На зеленому горбочку, у вишневого садочку, притулилась хатинка, мов маленька дитинка стиха вийшла виглядати, чи не вийде її мати* (Леся Українка).

2.2. Сложноподчиненные предложения с определительной придаточной частью

Эти предложения представляют собой как в русском, так и в украинском языке нерасчлененную структуру, при которой придаточная часть определяет в главной части слово с предметным значением. В зависимости от их структуры и значения различают присубстантивно-определительные предложения и приместоименно-определительные.

Присубстантивно-определительный тип предполагает обязательное наличие в главной части существительного, которое опреде-

ляется придаточной частью. Напр.: *Слово ценится по силе, с которой говорит человек* (М. Горький); *Джек Лондон — писатель, который хорошо видел, глубоко чувствовал и умел изображать волевых людей* (М. Горький) // *Григорій і Данило одразу вилетіли з саней, кілька разів перевернулися на снігу, скочили на ноги і разом з найстарішими побігли доганяти коней, які в усі боки метляли перекинутими санками* (М. Стельмах); *Він міцніше закутався холодним брезентом, який тхнув рибою, звів голову на груди і поглядом, який поступово осклівав од задуми, вбирив миготіння кінських копит, олов'яні калюшки, прим'яті чебреці, обвислі стебла петрового батога* (Є. Гуцало).

Приместоименно-определятельный тип предполагает наличие в главной части конструктивно обязательного местоимения. Напр.: *В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг* (В. Маяковский); *Она имела улыбку такую, будто разговаривала с господами* (А. Чехов) // *Не всякий, хто читає, в читанні силу знає* (Приказка); *Лист складає такий, що всі душі вмить пронизує стрілою* (М. Бажан).

Придаточные определятельные присоединяются к главному предложению при помощи союзных слов: *который, какой, кой, каков, чей, что, когда, где, куда, откуда* и союзов *будто, как будто, как, словно, чтобы, что* // *котрий, який, чий, хто, що, відколи, коли, де, куди, звідки* и союзами *ніби, неначе, мов, немов, як, щоб*. Союзные слова-местоимения *который, какой, каков, чей* // *котрий, який, чий* согласуются с определяемым словом-существительным главного предложения в роде и числе, а падеж его зависит от того, каким членом предложения оно выступает в придаточном. Напр.: *На общенародное признание имеет право только умная и зрелая поэзия, которая, как и проза, охватывает разнообразные области жизни и решает серьезные задачи* (С. Маршак); *Даже коренные и всем необходимые слова, которые сами по себе не могут устареть, часто соединяются в гладкие, привычные, штампованные выражения* (С. Маршак); *Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный прямоугольник* (М. Лермонтов) // *Попадались маленькі озера, які грали лускою* (М. Коцюбинський); *І сама вона теж була вся чистота, сонячність, усмішка природи, і великим став би художник, який зумів би передати все це* (О. Гончар). Ср.: *При згадці про хліб Чайчиха мимоволі зітхає, дивиться на ту діжу, в якій місила тісто для себе й молодого Чайченка, а потім для дітей та внуків* (М. Стельмах).

Следует отметить, что в современном украинском языке союзное слово *який* употребляется намного чаще, чем *котрий*, тогда

как в XIX в. наблюдалось обратное — союзное слово *котрий* в придаточных определительных предложениях было более употребительным¹.

В связи с тем, что в современном украинском языке местоимение *котрий* начало употребляться с разделительным числовым значением (напр.: *Візьміть з цих двох, котре вам подобається*), употребление его в определительных придаточных сузилось. Но полностью из употребления оно не вышло. Напр.: *До тієї решти попав Палійчук і ще один чоловік, чорноокий мовчун, котрий знав тільки свою роботу, а про все інше ні з ким не ділився* (Є. Гуцало); *Пан обозний добре знав, яку силу має вимовлене при народі слово, ущипливе українське слово, котре прилипає до людини на віки вічні* (О. Ільченко).

В русском языке отмечается широкое употребление союзного слова *который* в определительном придаточном. Союзные слова *какой, каков // який* употребляются в основном тогда, когда в определительных предложениях они “являются специализированными носителями значений: 1) сходства, подобия, соответствия норме; 2) исключительности, превосходства, превышения нормы; 3) интенсификации”². Напр.: *Отношения к службе у меня те же, какие у иного школьника к уроку* (Н. Помяловский); *Каково лето, таково и сено* (Пословица); *Каким ты был, таким остался, орел степной, казак лихой* (М. Исаковский).

Союзное слово *чей // чий* вносит в значение предложения с определительным придаточным оттенок принадлежности. Напр.: *Не тот живет больше, чей век дольше* (Пословица); *О ты, чья дружба мне дороже приветов ласковой молвы* (Н. Языков) // *І юний ватажок, чий зір такий безсонний, неначе умочив в огонь своє лице...* (В. Сосюра).

В связи с тем, что союзные слова *где, куда, откуда // де, куди, звідки* в придаточном предложении употребляются в роли обстоятельства места, они соединяют определительное придаточное только с именем существительным с пространственным значением. Напр.: *В лесу, где поляна забежала под тенистый полог дремучей ивы, десяток купальщиц освещали это пространство как настоящие фонарики* (В. Солоухин); *Эти слухи с молниеносной быстротой пронеслись по всему городу, где почти все знали друг друга в лицо* (А. Чижевский) // *І зацвітуть червоні маки на тих столочених по-*

¹ Порівняльна грамати́ка української і російської мов. — К., 1957. — С. 213.

² Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 2, ч. 2. — С. 316.

лях, де люди, вбиті в час атаки — довіку житимуть в піснях (Л. Дмитерко); *В кімнаті, куди він зайшов, пахло молоком, на вікнах висіли марлеві занавіски, на столі горіла лампа, кидаючи відсвіти на блискучий сепаратор* (Г. Тютюнник).

Союзные слова *когда // коли, відколи* как в русском, так и в украинском языке вносят темпоральный оттенок, и придаточная часть определяет, как правило, существительные с временным значением. Напр.: *Хорошо это дерево в пору молодости, когда оно еще не дерево, а деревцо, ярко-зеленое, пахучее, стройное* (В. Солоухин); *Для него наступило время, когда так легко портится характер* (Н. Помяловский) // *Благословенна будь та віща мить, коли йому на думку спала така ідея* (В. Шевчук); *Так було з прадавніх часів, відколи людина сягнула своєю уявою в реальний і в той же час фантастичний світ* (В. Качкан).

Сравнительным значением сопровождается атрибутивная семантика придаточных предложений, которые соединяются с главными союзами *будто, как будто // мов, немов, немовби, наче, неначе, ніби, нібито*. Оттенок сравнения имеет гипотетический характер. Напр.: *Она имела такую улыбку, будто разговаривала с господами* (А. Чехов) // *Устим і справді був гарним, наче з якоїсь картини зійшов* (М. Стельмах).

2.3. Сложноподчиненные предложения с придаточной частью времени

К придаточным времени относятся части сложноподчиненных предложений, в которых выражено указание на время действия или проявление временного признака, о которых говорится в главной части. Напр.: *И как этот же самый лес хорош осенью, когда прилетают вальдшнепы* (И. Тургенев) // *Ледве встигли вони вмитись і повдягати свої парадні кунтуші, як із замкової вежі... розляглися звуки фанфари* (В. Гжицький).

Придаточные времени связываются с главной частью союзами: *когда, пока, едва, как только, лишь только, лишь, только, как скоро, с тех пор как, до тех пор как, после того как, в то время как, перед тем как, прежде чем // коли, поки, доки, відколи, як, як же, тільки, тільки що, ледве, лиш[e], скоро, щойно, в той час як, перед тим як, з тих пір як та ін.*

Стилистически нейтральными и самыми употребительными как в русском, так и в украинском языке являются союзы *когда, пока // коли, доки (поки)*. Напр.: *И нет вершин, непокоренных тебе,*

пока ты шагаешь навстречу судьбе (Э. Скобелев) // *Поки сонце зійде, роса очі виїсть* (Приказка).

Следует отметить, однако, что союзы *пока* // *доки*, *поки* указывают на временную границу.

Между частями сложноподчиненного предложения с придаточными времени возможна различная видовременная зависимость. Действия главной и придаточной частей могут быть представлены:

1) как одновременные. Значение одновременности выражается глаголами несовершенного вида и союзами (*когда*, *пока* // *коли*, *доки* (*поки*)). Напр.: *Каждый раз не могу не удивляться, когда поблизости от белого гриба вижу яркие мухоморы* (В. Солоухин); *Когда живется весело, тогда работа спорится* (Пословица) // *Якраз тоді, коли заклалась була велика держава, коли сподівались були кращого життя, татари вкрили наш край і підрізали крила народу-орлу* (І. Огієнко); *Воронцов щоразу був у захваті від свого таджика, коли той керував боєм* (О. Гончар);

2) как разновременные, если в придаточной части с союзом *когда* // *коли* выступает глагол совершенного вида и действие придаточной части предшествует действию главной. Напр.: *Когда срежешь гриб у самой земли, екнет сердце* (В. Солоухин); *И ты порой почти полжизни ждешь, когда оно придет, твое мгновение* (Р. Рождественский) // *Як зайшли в хату, Христя вже розпалювала в печі* (А. Головка); *Коли спала з дикуна личина, всі одразу ж упізнали отця Альберта* (М. Лукаш).

Сложные предложения с другими временными союзами всегда выражают разновременные действия составных частей в русском и украинском языках.

Составные временные союзы *после того как*, *с тех пор как*, *перед тем как* // *з тих пір як*, *після того як*, *перед тим як* и др. могут расчленяться. Первая часть их в качестве указательных слов остается в главной части. Напр.: *По-настоящему любить и понимать наш народ мы начинаем после того, как приехал Николай* (Л. Толстой) // *В той час, як підрозділ проходив через село, почувлися постріли* (А. Головка).

2.4. Сложноподчиненные предложения с придаточной частью места

К этому типу сложных предложений как в русском, так и в украинском языке относятся предложения, содержащие указание на место действия, выраженного в главной части. Напр.: *Первая волна земляники поспекает там, где стоял сосновый или еловый лес*

(В. Солоухин); *Красота растет всюду, где есть люди* (В. Солоухин) // *Забудь усе й лети, куди життя несе вогні труда, ритмічно й плавно, як у дротах енерготок* (В. Сосюра); *Я подумав — він помер тут, де поставив його обов'язок солдата, його останнє зітхання розтануло над цією могилою* (Ю. Яновський).

Сложноподчиненные предложения с придаточными места — это нерасчлененная структура, где придаточные предложения чаще всего раскрывают соотносительные наречия главной части. Напр.: *Там, где смолою пахнет горячо, там, где прохладой остро пахнет мята, пульсировал безвестный родничок, от глаз туристов зарослями спрятан* (Ю. Друнина); *И там, где когда-то влюбленные шли, деревья теперь подросли* (Е. Долматовский) // *Він жив у кінці села там, де глибокий яр входив у ліс вузьким клином* (І. Нечуй-Левицький); *І вище Києва, і нижче, там, де височить Тарасова могила, ми добре показали ворогам* (П. Тичина).

Различий в структурах этих предложений в русском и украинском языках нет. Они могут уточнять другие обстоятельства места либо пояснять сказуемое главной части. Напр.: *Тут дождя ждуть, а он идет, где жнут* (Пословица); *Откуда ветер, оттуда и счастье* (М. Лермонтов) // *Ти пішов лейтенантом, де тане далечінь у холодних огнях* (В. Сосюра); *Корнюша поглядав, куди той показував, але захоплення особливого не виявляв* (А. Головка).

Придаточные места соединяются с главной частью союзными словами: *где, куда, откуда* // *де, куди, звідки*.

Употребление соотносительных слов-наречий в главном предложении имеет двойственный характер. В одних случаях эти наречия выступают как факультативные элементы структуры сложноподчиненного предложения с придаточным места, в других — без них эти предложения невозможны или построение их затруднено, поскольку им принадлежит конструктивная роль в формировании их структуры. Напр.: *Тешка вздрогнула и посмотрела [туда], где заранее была намечена межа* (А. Чехов); *В одном краю [там], где шли, небо чуть начало зеленеть* (А. Толстой) // *Минула тривожна беззоряна ніч, і [там], де попелясті сніги єдналися з небом, почав виділятися світанок* (М. Стельмах).

2.5. Сложноподчиненные предложения с придаточной частью причины

Причинная обусловленность, как и другие виды обусловленности, предполагает такую связь между ситуацией, при которой одна 'служит достаточным основанием для реализации другой.

В предложениях, выражающих причинную зависимость как в русском, так и в украинском языке, носителем значения достаточного основания является придаточная часть. Ее содержание выполняет роль мотивирующего фактора (аргумента) по отношению к сообщаемому в главной части, которая информирует о следствии. Напр.: *А сердце, как прежде, горит от того, что дружба превыше всего* (Е. Долматовский); *Лес, должно быть, повлиял на нас, потому что мы шли тихие, зачарованные* (В. Солоухин) // *Ми зумисне направляли човен на тіні, бо там ясніше горіли вогні* (М. Коцюбинський); *Все це тому, що я сам гречкосій, до людей не гордий* (О. Гончар).

Значение каузальности в причинных предложениях конкретизируется как необходимое основание, порождающий или побочный/сопровождающий фактор, обоснование, подтверждение, доказательство, довод, предпосылка, прямое или косвенное свидетельство, повод, предлог, стимул. Все эти значения выражаются в двух видах конструкций, которым свойственны собственно-причинные и несобственно-причинные отношения:

1) в предложениях с собственно-причинным значением придаточная часть сообщает об истинной причине того, о чем говорится в главной части. Напр.: *Морковь кладут в суп или едят так, ибо в ней много витамина А* (В. Солоухин); *Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождь* (Н. Гоголь) // *Мали спати по черзі, бо хтось один повинен був підтримувати вогонь* (В. Гжицький); *Чумаки не любили заліза, бо воно, казали, притягає грім* (О. Довженко);

2) в предложениях с несобственно-причинным (причинно-аргументирующим) значением ситуация, представленная в придаточной части, является лишь внешним поводом или косвенным свидетельством, используемым как аргумент того, о чем сообщается в главной части. Напр.: *Он постучал и, вероятно, громче, чем это принято во Франции, потому что лязгнули железные затворы и открылась дверь* (А. Кронин) // *Ви можете назавжди позбутись його, бо щастя, кажуть люди, перелітна птаха* (М. Стельмах).

Придаточные причины присоединяются к главному при помощи союзов: *так как, потому что, ибо, ввиду того что, вследствие того что, благодаря тому что, в связи с тем что, тем более что* // *бо, щоб, зати́м що, оскільки, позаяк, а що...то, завдяки тому, що; в силу того, що; на тій підставі, що; з тієї причини, що; з того приводу, що* и др.

Сложные союзы, в состав которых входит союз *что // що*, могут выступать в расчлененном виде: первая часть помещается в главном предложении, а союз *что // що* — в придаточном. Следует отметить, что в расчлененном виде они чаще употребляются в украинском языке. Напр.: *Я и сейчас помню все эти детские стихи Маршака наизусть, потому что Маршак создавал их буквально у меня на глазах* (К. Чуковский); *Я считаю Уланову своим учителем, потому что встречи с ней, с ее искусством становились всегда для меня уроками творчества, мудрости, красоты* (Ю. Завадский); *Получилось все так, потому что к писательству он готовил себя всю жизнь* (Б. Костюковский) // *А Катерина сидит тут тому, що тут Андрій* (І. Багрянний); *Не писав я до тебе в останні два дні через те, що був у дорозі* (М. Коцюбинський); *Боїться смерті, тому що нема за що вмирати* (О. Довженко).

Позиционная разобщенность *потому...что // тому...що, через те...що* всегда связана с актуализацией *потому // тому, через те*. Напр.: *Потому-то и удалось Мурашку перевести творения этих “потрясателей копьями”, что он всею душою сочувствовал их негодованиям и напастям* (К. Чуковский); *Художественный театр стал рубежом, на котором возник новый театр, потому, прежде всего, что он впервые приобщил сцену к большой русской литературе* (Ю. Завадский) // *Напевне, тому й вижив, що бачив не хижі химери і страхіття, а тиху матір з немовлям* (М. Стельмах).

Особенно выразительную обстоятельственную причинную функцию выполняют придаточные предложения, которые в украинском языке присоединяются к главному при помощи союза *оскільки (поскільки)* и архаического *понеже*. Напр.: *Оскільки електромотора не було, то динамку крутили руками* (Г. Тютюнник); *Я сам, поскільки я хазяїн, осьде сяду* (П. Тичина); *Понеже віл признався попелястий, що їв він сіно, сіль, овес і всякі сласті, то за такі гріхи його четвертувать...* (Є. Гребінка).

В XIX в. в украинском языке были союзы *тим що, з тим що*, в русском — *затем что*, соединяющие придаточные причинные с главным. В современных литературных языках они не употребляются. Сейчас наиболее употребительны в русском языке придаточные причины с союзами *так как, потому что*, в украинском языке чаще всего встречаются предложения с союзом *бо*.

2.6. Сложноподчиненные предложения с условной придаточной частью

Придаточная часть этих сложноподчиненных предложений содержит указание на условие совершения действия или проявления признака, о которых говорится в главной части. Специфика условной связи как в русском, так и в украинском языке заключается в том, что условность всегда предполагает гипотетичность предопределяющего: реального, соответствующего действительности, или нереального, не соответствующего действительности. Напр.: *Если бы парни всей земли миру присягу свою принесли, вот было б радостно тогда на свете жить!* (Е. Долматовский); *Всякая рыба хороша, коли на удочку пошла* (Пословица) // *Якби-то далися орлині крила, за синім би морем милого знайшла* (Т. Шевченко).

В зависимости от значения, выраженного сложноподчиненным предложением с придаточным условным, они делятся на два типа:

1) те, которые заключают в себе условие осуществимое (реальное). Напр.: *Если дали слово — мы не подведем* (В. Харитонов); *Коли нет ума за кожей — поверх кожи не пришьешь* (Пословица) // *Ти походи коло неї, то вона [земля] й уродить* (Ю. Яновський); *Коли не вмієш дорожити собою, то тут научать* (О. Гончар);

2) заключающие в себе условие неосуществимое, предполагаемое, ирреальное. Напр.: *Если бы не было в осине никакой пользы, только ради подосиновиков стоило бы ей расти и украшать землю* (В. Солоухин); *Если б я поэтом не был, я бы стал бы звездочетом* (В. Маяковский) // *Якби плавала вона в синьому морі рибкою, я б її шовковим неводом поняв; коли б літала пташкою, був би золотим просом принадив* (Марко Вовчок); *Якби фортуна не була сліпою, хіба б лежав той грек на дні Супою?* (Л. Костенко).

Условные придаточные предложения соединяются с главным при помощи союзов: *если, если б, ежели, коли (коль), как, буде, когда, кабы, раз, в том случае если, в случае если // якщо, коли, коли б, як, якби, як тільки, скоро, аби, раз, чи* (повторяющимся) и др.

Союзы *если // якби* наиболее употребительны в сложноподчиненных предложениях с условным придаточным в русском и украинском языках в стилистически нейтральном значении. Напр.: *Если во время дождя куры прячутся в укрытие, значит, дождь скоро перестанет* (В. Солоухин) // *Якби були такі тюрми, то всі б з волі пішли жити до тюрми* (І. Багрянний).

Придаточные условные предложения с союзами *когда // коли, як* имеют значение переходное от временного к условному. Напр.:

Когда не буду я повинен, то буду я у ваших ног (А. Пушкин) // *Коли Параска дуже вже заговориться, він стиха то обірве її примовкою* (Панас Мирний).

2.7. Сложноподчиненные предложения с уступительной придаточной частью

В придаточных уступительных передается сообщение о фактах и действиях, вопреки которым или несмотря на которые осуществляется то, что выражено в главной части. Напр.: *Пусть роза сорвана, она еще цветет, пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает* (С. Надсон); *Как бы ни устал, как бы ни намок в лесу под дождем, как ни приятно после грибного похода напиться чаю и отдохнуть, все же приятнее сначала разобрать корзину* (В. Солоухин) // *Хоча полк Самієва у цьому наступі робив півсотні і більше кілометрів на добу, проте жоден боєць не відставав* (О. Гончар); *Гуртом до суду прискакали, хоча чуби й мокренькі стали* (Л. Глібов).

Как в русском, так и в украинском языке уступительные придаточные имеют общие оттенки значения — ограничительный, обобщающий, разделительный, противительный. Им соответствуют разные формальные способы соединения придаточной части с главной.

Соединяется придаточное уступительное с главным предложением при помощи союзов: *хотя (хоть), пускай, пусть, правда, несмотря на то что, невзирая на то что, даром что* // *хоч (хоча), хай (нехай), правда; незважаючи на те, що; дарма що*.

В значении союзов могут также выступать местоименные наречия и относительные местоимения в сочетании с частицами *ни* // *не*: *как (где, куда, кто, что) ни* // *як (де, куди, хто, що) не*.

Сложные предложения с придаточными уступительными по отношению частей близки к сложносочиненным с противительными союзами. Поэтому часто главная часть в них начинается противительными союзами: *ни, да, однако, тем не менее, все же* // *а, але, але ж, та, так, однак, зате, проте* и др. Напр.: *Даром что парню девятнадцать лет, а в работе любого казака за пояс заткнет* (М. Шолохов); *Хоть в лесной избушке жить, да за любимым быть* (Пословица) // *І хай відносин наших світ погасне, а спогади все ж будуть жить в мені...* (Олександр Олесь); *Хоть мене ніхто не перемить, та слова тії мене ображали* (Марко Вовчок).

Самый употребительный, стилистически нейтральный в русском языке союз *хотя* (реже его разговорный вариант *хоть*), в украинском — союз *хоч* (реже *хоча*, архаический вариант *хоть*).

Напр.: *Брата Коровина, Сергея, меньше знают и ценят, хотя это художник не менее крупный* (А. Головин); *Я обрадовался, увидев родной город, хоть и не ласков он был ко мне* (Ф. Шаляпин) // *Христя така маленька дівчинка, хоч їй і двадцять шість літ* (М. Хвильовий); *Хоча воно вже й підросло, та все-таки треба коло його піклуватись* (Т. Шевченко); *Бідний Мирон, хоть і як мучився, не міг нічого ліпшого придумати* (І. Франко).

Связь уступительных придаточных с главным при помощи союзов *пускай, пусть, правда* // *хай, нехай, правда* менее тесная, чем при помощи союзов *хотя* // *хоч*. Эти предложения характеризуются повышенной эмоциональностью. Напр.: *Пусть я не был бойцом без упрёка, но я силы в себе сознавал* (Н. Некрасов); *Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету* (М. Горький) // *Хай вмру в боях, але я добре знаю: ніхто не спинить радості прихід* (М. Бажан); *Нехай поляжу при меті, хай кров і плоть моя зотліє, але не зраджу в самоті моєї віри і надії* (А. Малишко); *Правда, від поля вставали якісь голоси, щось промовляли, але він того слухати не хотів* (М. Коцюбинський).

Следует отметить, что различия в русском и украинском языках в предложениях этого типа наблюдаются только в фонетическом оформлении некоторых союзов.

3. БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Яркая стилистическая роль бессоюзных сложных предложений издавна привлекала внимание лингвистов. Ломоносов говорил: "...слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше"¹. О.Х. Востоков, Н.И. Греч, Ф.И. Буслаев считали, что бессоюзные сложные предложения являются преобразованными конструкциями союзных предложений — сложными предложениями, в которых опущены союзы.

Другую точку зрения высказал А.А. Потебня, который пришел к выводу, что многие из бессоюзных конструкций возникли раньше союзных, что на протяжении длительного периода развития русского языка происходила замена многих бессоюзных конструкций союзными, а некоторые типы древнего бессоюзия дошли до нашего времени. Он приводит пример: "Сударь ты мой батюшка, поставь ты мне горенку... окошком на улицу, чтоб я млада видела,

¹ Ломоносов М. Риторика. — М.; Л., 1952. — Ч. 3, гл. 5. — С. 225.

три лебедя плавают”. “Образец этот, — пишет Потебня, — от глубокой древности доходит в просторечии и до нашего времени, причем ныне при развитии относительных частиц, он получает такой вид, как будто такая частица в нем опущена”¹.

В основе деления бессоюзных сложных предложений на бессоюзные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения лежит семантический принцип, к которому из этих двух основных типов приближается по смысловой связи между составными частями бессоюзное предложение. Большую роль играет интонация. Так, в “Курсі сучасної української літературної мови” под редакцией академика Л.А. Булаховского, где бессоюзное предложение рассматривается в составе сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, отмечается, что “бессоюзные предложения могут быть двух категорий: или данным структурам свойственно употребляться без союзов, или же когда-то имеющийся в них союз исчез”². В связи с этим исчезновением, говорится в “Курсе”, формальные способы отсутствуют и вся тяжесть в оформлении и создании внутреннего единства ложится на внутренние структурные способы, в первую очередь на интонацию.

Не выделяют бессоюзные сложные предложения в отдельный тип и чешские языковеды, а разделяют их в зависимости от смысловой связи, которая вытекает из соединения нескольких составных частей, между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями.

Наиболее четко такой подход к сложным бессоюзным предложениям выражен в трудах Я. Бауэра, известного чешского синтаксиста. По его мнению, среди бессоюзных сложных предложений можно выделить два вида: 1) предложения, которым свойственно формальное и семантическое сочинение; 2) предложения, которым свойственно формальное и семантическое подчинение, выражающееся не союзами и союзными словами, а общей структурой предложения и интонацией. Я. Бауэр приходит к выводу, что “нет оснований отрывать сложные бессоюзные предложения ни от союзного паратаксиса, ни от союзного гипотаксиса, как это делают в академической грамматике русского языка и как это доказывает Н.С. Поспелов”³.

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — 1899. — Т. 3. — С. 333.

² Курс сучасної української літературної мови. Т. 2: Синтаксис. — К., 1961. — С. 332.

³ Bauer J. Parataxe a hypotaxe při studiu souvětí. O vědeckém poznání soudobých jazyků. — Praha, 1958. — S. 273.

Попытки дифференцировать сложные бессоюзные предложения по грамматическим признакам безусловно заслуживают внимания. Правда, исходные позиции такой дифференциации очерчены нечетко. Грамматическая специфика любого типа сложного предложения возникает в результате взаимодействия структурных единиц, которым свойственны выразительные признаки внутренней грамматической оформленности (например, предикативная связь между подлежащим и сказуемым — грамматическим центром составных частей сложных предложений). Вследствие этого грамматические критерии при анализе структуры бессоюзных сложных предложений не смогут достаточно полно раскрыть сущность и функционирование в языке предложений этого типа.

Безусловно, бессоюзные предложения нельзя отождествлять со сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями, несмотря на то что в семантике между ними может быть много общего.

А.С. Мельничук, выделяя бессоюзные сложные предложения в отдельный тип в общей системе сложного предложения славянских языков, подчеркивал, что “наличие в языке значительного количественного преимущества союзных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений над предложениями бессоюзными обусловило сближение соответствующих смысловых разновидностей бессоюзных сложных предложений по чисто семантическим (не грамматическим) признакам с союзными предложениями — сложносочиненными или сложноподчиненными. Но и при этих условиях полное отождествление многих примеров бессоюзных сложных предложений с определенными синтаксическими разновидностями союзных сложных предложений, особенно сложноподчиненных, оказывается невозможным”¹.

Н.С. Поспелов утверждает, что бессоюзные предложения составляют отдельный тип, отличный по целому ряду признаков грамматической структуры и смысловой связи между составными частями от других типов сложного предложения. Он выделяет две основные группы бессоюзных предложений: бессоюзные предложения однородного состава и бессоюзные предложения неоднородного состава. К первой группе он относит бессоюзные предложения, представляющие собой дву- или многочленные со-

¹ Мельничук О.С. Развитие структуры слов'янського речення. — К., 1966. — С. 192.

единения однородных по синтаксическому значению предложений. Некоторые из них теряют свою коммуникативную самостоятельность и состоят в одинаковом отношении к тому синтаксическому целому, которое они выражают. Вторую группу составляют предложения, которые выражают ту или иную зависимость между предложениями, входящими в их состав: обусловленность следующего предыдущим, объяснение следующего предыдущим или раскрытие в следующем какого-нибудь предыдущего содержания. Но в бессоюзных предложениях этого типа взаимозависимость частей не переходит в грамматически выраженное подчинение¹.

Изложенные Н.С. Пospelовым взгляды на сложное предложение с бессоюзной связью между составными частями оказались вполне приемлемыми. Бессоюзные предложения как самостоятельный тип сложного предложения рассматриваются в академических грамматиках как русского, так и украинского языка, учебниках по грамматике русского и украинского языков².

Бессоюзным предложениям как отдельному типу сложных посвящены монографические исследования Е.Н. Ширяева и Л.А. Кадомцевой³.

Как показал обзор лингвистической литературы, проблема грамматической сущности бессоюзия решается в двух направлениях.

1. Бессоюзное предложение имеет статус сложного. В этих рамках квалификация бессоюзного предложения строится в соответствии с отношением к сочинению—подчинению. Бессоюзные предложения представляют собой вариант союзных, то есть сложносочиненных или сложноподчиненных. Они рассматриваются разными учеными по-разному. Так, одни из них придерживаются мнения, что бессоюзное предложение — это сложносочиненное

¹ Пospelов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950.

² Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. — С. 736—741; Сучасна українська літературна мова: Синтаксис. — К., 1972. — С. 409—417; Современный русский язык. — Ч. 2: Синтаксис / Под ред. Д.Э. Розенталя. — М., 1979. — С. 199—211; Сучасна українська мова / Під ред. О.Д. Пономаріва. — К., 1997. — С. 349—356.

³ Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. — М., 1986; Кадомцева Л.А. Структура бессоюзных предложений детерминированных отношений в современном украинском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — К., 1964.

или сложноподчиненное в зависимости от выраженных в нем смысловых отношений (В.И. Борковский, Э.И. Коротаев, А.Н. Гвоздев, С.Г. Ильенко, В.М. Никитин, А.Б. Шапиро, В.Н. Мигирин, А.Г. Руднев). Другие считают, что бессоюзное предложение — это сложносочиненное в соответствии с формальными показателями (Е.Ф. Карский, Т.П. Ломтев, А.А. Андрейчин). А некоторые языковеды видят в бессоюзном предложении имплицитный вариант сложноподчиненного (С. Карцевский).

2. Бессоюзное сложное предложение — самостоятельный структурно-семантический тип, недифференцированный с точки зрения сочинения и подчинения (Н.С. Пospelов, И.А. Василенко, Н.В. Киричникова, В.А. Белошапкова, Б.Н. Кулик, А.С. Мельничук, Е.Н. Ширяев, Л.А. Кадомцева).

3. Бессоюзное сложное предложение исключается из состава сложного.

Таким образом, взгляды ученых-лингвистов на бессоюзное предложение противоречивы, что объясняется в большей мере противоречивостью самого объекта исследования.

Бессоюзное сложное предложение, при всей его общности с союзными сложными предложениями, — это самостоятельная синтаксическая конструкция, отличающаяся от них и по своей структуре, и по семантике.

Большую роль в определении характера синтаксической связи в бессоюзном сложном предложении играет синтаксическая функция каждого компонента по отношению ко всему предложению.

Смысловые отношения, устанавливающиеся в бессоюзных сочетаниях предложений, близки отношениям, выражающимся в сложном предложении способом сочинительной или подчинительной связи, однако полного совпадения между ними нет, грамматической значимости, равноценной значимости союза, также.

Объединение предложений в бессоюзное сочетание осуществляется посредством интонации, смысловая взаимосвязанность выявляется разнообразными совместно действующими лексическими и морфолого-синтаксическими средствами.

Значения бессоюзных соединений менее дифференцированы. Без опоры на контекст могут быть выделены только самые общие типы отношений.

Выработанные и давно установившиеся в синтаксических исследованиях грамматико-семантические принципы описания явлений позволяют дать только общую семантическую классификацию бессоюзных предложений, на основе которой и проводится их сопоставительный анализ в русском и украинском языках.

Определение формальных основ классификации бессоюзных предложений является трудной задачей, поскольку общие проблемы структурной классификации сложных предложений ни в русском, ни в украинском языке еще не выработаны.

Исходные семантические классификации бессоюзных сложных предложений в русском и украинском языках основываются на одинаковых семантико-грамматических критериях: либо независимость (однотипность) его составных частей, либо зависимость (разнотипность) их. Смысловая и структурная цельность бессоюзных предложений достигается следующими грамматическими средствами: соотносительностью видовременных форм глаголов-сказуемых, порядком частей предложения и взаимосвязанностью этих частей, интонацией.

По характеру взаимоотношений частей бессоюзные предложения делятся на две группы: 1) бессоюзные предложения с однотипными частями; 2) бессоюзные предложения с разнотипными частями.

3.1. Перечислительные бессоюзные предложения

Перечислительные бессоюзные предложения являются наиболее стойкой разновидностью бессоюзных предложений первой группы. Она имеет четкие показатели в своей структуре и значении как в русском, так и в украинском языке. Предложениям этого типа свойственна логическая однородность составных частей, то есть они имеют одинаковую целенаправленность и выступают как одна коммуникативная единица. В таких сложных предложениях перечисляются события, явления, связанные между собой во времени. В перечислительных предложениях чаще всего бывает более чем две части. Это предложения открытой структуры. Напр.: *За это время в лесу пробилась трава, распустились листья, папоротники развернулись в широкие опахала* (В. Солоухин) // *Кричать сови, спить дідрова, зіроньки сіяють* (Т. Шевченко).

Компонентами перечислительных бессоюзных конструкций могут быть: 1) одночленные номинативные конструкции: *Материки, острова, страны* (С. Щипачев); *Степь, ночь, луна* (С. Есенин) // *Квіти, весна, сонце* (О. Коломієць); *Степ, місяць, Дніпро* (О. Довженко);

2) двусоставные нераспространенные конструкции: *Миновали сумерки, высыпали звезды, спустилась ночь* (А. Гайдар); *Грачи уле-*

тели, лес обнажился, поля опустели (Н. Некрасов) // *Вікно відчинене, вітерець повіває, сонечко світить* (Ю. Мушкетик); *Данько сіє, сестра волочить* (О. Гончар);

3) двусоставные распространённые части (конструкции): *Полумрак на все ложится, налетев со всех сторон, с криком в воздухе кружится стая галок и ворон* (Н. Некрасов); *Колосья тихо бьют по лицу, васильки цепляются за ноги, перепела кричат кругом, лошадь бежит ленивой рысью* (И. Тургенев) // *Батько бачить тебе кожної хвилини, мати знає всі твої помисли* (Ю. Мушкетик); *Густо стугонили в ту осінь ліси понад Пслон, щоночі жевріли хмари над економіями по Запсіллю* (О. Гончар).

Компоненты перечислительного ряда этих конструкций относятся друг к другу, как целое к целому. Каждая составная часть этих двухкомпонентных конструкций часто имеет одинаковый порядок слов и видовременную соотнесенность сказуемых: *У нас шаркают рубанки, свистит пила, стучат топоры* (М. Горький); *Отцвела моя белая липа, отзвенел соловьиный рассвет* (С. Есенин) // *Моноotonно сюрчать коники в траві, зрідка поморгують сухі зірничі на обрії* (О. Гончар); *Вітали їх міста, вітали незаможницькі села* (О. Гончар).

Основное назначение этих предложений — описание явлений природы, событий, которые происходят одновременно. Относительная смысловая самостоятельность и синтаксическая равноценность предикативных частей этих конструкций обуславливает свободный порядок их размещения и возможность их перестановки. Перечислительная интонация в этих предложениях характеризуется несильным и равномерным повышением (понижением) тона в конце каждой части, между частями — небольшие паузы, которые свидетельствуют о плавном переходе к последующему изложению, последняя часть предложения имеет интонацию законченного сообщения: *Через дверную щель, ложась косою полоскою на пол, пробивалось солнце, за дощатою стенкою легкий ветерок лениво шевелил траву, далеко в поле чуть слышно гудел трактор* (В. Макшеев) // *Попереду горіла розбита станція, позаду за морем голубих гребнястих снігів таємниче темніли якісь хутори, перегавкувались собаки* (О. Гончар).

Обычно в перечислительных предложениях несколько явлений либо сосуществуют одновременно, либо сменяя друг друга, следуют во времени. Грамматическим признаком, указывающим на сосуществование явлений, событий во времени, служит употребление определенных форм сказуемых. Ими могут быть глаго-

лы несовершенного вида в настоящем или прошедшем времени. Предикативные части в перечислительном ряду относятся друг к другу, как целое к целому: *Веет с поля ночная прохлада, с яблонь цвет облетает густой...* (М. Исаковский); *Отдымился бой вчерашний, высох пот, металл простыл* (А. Твардовский) // *Сміються запорозькі козаки, ніжаться в ранковому борі ведмедики, бушує дев'ятий вал* (В. Земляк); *Цвітуть навколо червоні краватки, біліють сніжно сорочки* (В. Земляк); *Зустрічний вітер сушив людей, безкраї степи втомлювали* (О. Гончар).

Как правило, конструкции со значением одновременности действий, объединенные временным отрезком, передают действие как незавершенный процесс. Сказуемые предикативных частей, выраженные глаголами прошедшего времени совершенного вида, имеют в этих конструкциях значение результата действия, которое продолжается и во время сообщения о нем. Напр.: *Камень упал на лед, лед зазвенел, плотицы, блеснув чешуей, метнулись в глубину* (К. Паустовский); *В глазах у меня потемнело, голова закружилась* (М. Лермонтов); *Тучи сгустились, повалил снег, ветер ревел все сильнее* (М. Лермонтов) // *Пустими zostалися їхні хати, збезлюддили садки та городи над рідним Хоролом* (О. Гончар); *Давно відцвіла шипшина понад городами, осипались польові маки, посліпли волоски і загубилися в житі* (О. Гончар).

Одновременность действий передается и предикативными частями, сказуемые которых выражены безличными глаголами: *Ему было душно, жгло руки* (Н. Островский); *Обломова стало опять кидать в жар и холод, ему становилось страшно* (И. Гончаров).

В ряде случаев в бессоюзных конструкциях, в которых указывается на одновременность перечисляемых действий, сказуемое первой части выражает законченность действия во времени, тогда как действие второй предикативной части предложения еще продолжается. Напр.: *Шел третий час ночи, город словно вымер* (И. Гулаковский); *Составляйте протокол, я вам продиктую* (Ф. Незнанский) // *Попеклися на вогнистих вітрах дівчата, до крові тріскалася їм на обличчях шкіра* (О. Гончар); *Відлунав сигнал, школярі почали моститися на сон* (Ю. Мушкетик).

Части перечислительных предложений может объединять общий второстепенный член, который стоит в препозиции и может быть выражен обстоятельством места, времени. Он подчеркивает одновременность действий. Напр.: *В парке играют оркестры, работают разные аттракционы, открыта лодочная станция; В тумане; окутавшем дорогу, скрипели колеса, разговаривали и перекли-*

кались люди (А. Первенцев); *За это время в лесу пробилась трава, распустились листья, папоротники развернулись в широкие опахала* (В. Солоухин) // *По всьому берегу снував люд, розтривожено гули заробітчанські гурти* (О. Гончар); *В кошику червоніла перша молода картопля, йоршилися перші білоносі огірочки* (М. Стельмах); *До самого вечора гриміли труби херсонського оркестру, ходором ходив будинок приїжджих* (О. Гончар).

Хотя порядок предикативных частей сложных бессоюзных конструкций, выражающих перечисление одновременных действий, не строго требуемый (за исключением конструкций с общим второстепенным членом), порядок слов в каждой из предикативных частей в большинстве случаев бывает одинаковым. Напр.: *Аркадий танцевал плохо, Базаров вовсе не танцевал* (И. Тургенев); *Катятся ядра, свищут пули, нависли хладные штыки* (А. Пушкин) // *Гуло втомую тіло, косили руками і вві сні косарі* (О. Гончар).

Сложные бессоюзные конструкции перечислительного вида могут быть конструкциями открытого ряда. Количество предикативных частей у них не обусловлено. Напр.: *В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле, мутной и желтоватой, небо слилось с землей* (А. Пушкин); *Шепот... Робкое дыханье... Трели соловья... Серебро и колыханье сонного ручья* (А. Фет) // *Тривожно ревла по селах худоба, завивали собаки, птиці по азовських берегах ховалися в нори* (О. Гончар); *З ранку й до ночі рипіли попідвіконню вози, іржали коні, гелготали перекупки, стукотіли по всьому містечку сокири теслярів* (О. Гончар).

Отношения одновременности перечисляемых действий могут усложняться дополнительными семантическими оттенками. Они могут передавать и объяснительные отношения. Напр.: *Очень заметно изменился Алексей, он стал мягче, ласковее* (М. Горький); *Счастье в воздухе не вьется, оно в борьбе дается* (Пословица) // *В залі вже лунали оплески, доповідач сходяв з трибуни* (О. Гончар); *Панувала урочиста обстановка, всі були поважні й зосереджені* (Ю. Мушкетик).

Перечисление одновременности действий может усложняться двумя семантическими оттенками — пояснительным и следственным. Напр.: *Солнце только начинало подниматься из-за туч; в воздухе было свежо и росисто* (Л. Толстой); *Слишком уже необычное предстоит впереди, не до сна* (М. Батайкин) // *На станціях в цей день панувала повна анархія, все йшло шкереберть* (О. Гончар); *Настав неврожайний голодний рік, рушники вже ніхто не брав* (Ю. Мушкетик).

Встречаются конструкции, в которых соединяются основные особенности перечисления (интонация и оттенок отношения одновременности) с выражением присоединительных отношений, где сказуемое первой предикативной части выражено глаголом движения, а во второй — указывает на место, где происходит это движение. Напр.: *В полет отправились самые сильные и молодые, остальные остались на астероидах* (В. Михайловский); *С визгом завихлялось колесо, тачка стала мотать Нику из стороны в сторону* (Г. Боровиков) // *Вранці наїхав з Гадяча суд, наїхали кати з належними їм інструментами* (О. Гончар); *Місяць стояв при заході, зоряний віз у небі круто повернувся, було вже далеко за північ* (О. Гончар).

Бессоюзные конструкции с синтаксическим значением одновременности передают действие в прямом значении этого слова, а также значения, близкие к одновременности — совместность действий, взаимозависимость, сопоставление. Напр.: *Смуглое лицо его потемнело от прильнувшей крови, взгляд стал острее* (Г. Боровиков); *Внизу с непрерывным ропотом плескались темно-синие волны, вверху — тихо смотрела на беспокойную стихию луна* (М. Лермонтов) // *Меншало на березі куренів, просторішало біля води* (О. Гончар); *За бойовим маршрутом іде ешелон, бойовим непримиренним криком кричать в темряві паровозні гудки* (О. Гончар); *Серце йому гупотіло, щоки палали* (Ю. Мушкетик).

В зависимости от содержания, логических и грамматических связей между предикативными частями бессоюзные предложения перечисления со значением одновременности делятся на две группы: 1) с однородностью предикативных частей; 2) с неоднородностью предикативных частей.

Однородностью мы считаем одинаковое параллельное отношение предикативных частей к целому предложению по содержанию и по синтаксическим признакам. Такая однородность формально позволяет менять порядок последовательности составных частей конструкций. Напр.: *Шли плотно батальоны пластунов-кубанцев, шли иногородние полки, погромыхивала конная артиллерия* (А. Пушкин); *Тепло плыло от печи, вкусны были щи, утолял жажду малиновый чай с розоватым топленым молоком* (Г. Боровиков) // *Одцвів бузок, одцвів жасмін, одцвіли акації* (Ю. Мушкетик); *Хропіли під возами заїжджі, коні похрумвали сіно* (О. Гончар).

Связь предикативных частей в конструкциях этого типа не тесная, они абсолютно независимые, равноправные. Предикативные части поставлены в ряд, хотя порядок их размещения ни грам-

матически, ни по смыслу не ограничен и не обусловлен. Каждая предикативная часть этих конструкций — это двучленная конструкция с прямым порядком слов.

Предложения с неоднородностью предикативных частей так же передают одновременность действий. Но связь предикативных частей этой группы конструкций по смыслу и грамматически более тесная, чем в однородных. Эти части взаимозависимые. Предикативные части таких неоднородных конструкций имеют личные или указательные местоимения либо параллельные способы — лексические и морфологические. Порядок размещения предикативных частей в таких предложениях, как правило, стабильный. Напр.: *Сын у меня добрый, сноха тоже ничего, славная* (Г. Боровиков); *Поищем Смирнова, он где-то на Скалистом кряже* (А. Степанов) // *Саме кінчалась весна, вступало в свої права жарке літо* (В. Земляк); *Не хочу сповзати з землі, не хочу на ній і перекопати полем стати* (М. Стельмах).

Конструкции со значением последовательности действий передают перечисление действий, измененные во временной последовательности. Они могут иметь два и более компонента: *Внимание Аиги привлек странный предмет, она нагнулась и подняла его* (А. Михаловский); *Сонце уже спряталось в черной туче, в ущелье стало темно* (М. Лермонтов) // *Влучило снарядом у чиюсь повітку, моторошно заревла худоба* (О. Гончар); *Пригріло сонечко, обсохла земля, потягло орача в поле* (М. Коцюбинський).

В ряде случаев последовательность действий определяется при помощи семантики сказуемых предикативных частей. В таких конструкциях сказуемое первой предикативной части выражается глаголом, действие которого происходит в начале того, о чем идет речь во второй предикативной части. Сказуемое второй предикативной части часто выражается глаголом со значением начала действия или действия, происходящего после завершения действия первой предикативной части. Напр.: *Офицеры вскочили с бокалами в руках, хор грянул веселую песню* (А. Степанов); *Умрет мать, один он бобылем останется* (А. Боровиков) // *Мішаний ліс порідшав, гостро запахло хвоєю, дорога вбігла в глибокий пісок і загубилася між соснами* (В. Земляк); *Орест завів Сударика до кабінету головного агронома, всі зайшли слідом* (Ю. Мушкетик).

Временная последовательность действий может подчеркиваться использованием в одной или обеих предикативных частях обстоятельств, семантика которых указывает на эту последовательность: *Теперь идет сенокос, потом бабы рожь жать начнут,*

потом паровое поле под оземь двоить будут (М. Салтыков-Щедрин) // *Завтра гітлерівці будуть клопотатись з бароном, післязавтра ж неодмінно посунуть у ліси* (М. Стельмах).

Те же сказуемые предикативных частей, которые передают действия, которые произошли раньше рассказа о них, выражаются глаголами прошедшего времени совершенного вида. Напр.: *Кусты зашевелились, вспорхнула полусонная птичка* (В. Гаршин); *Занавес опустился, раздались аплодисменты* (Д. Фурманов) // *Десь за річкою гримнув постріл, несамовито хальтнув чийсь голос* (М. Стельмах); *Відчинилися двері, у кімнату першим з паруючим казанком у руках увійшов Маріїн чоловік* (М. Стельмах).

Последовательность действий иногда передается глаголами настоящего времени и формой глагола будущего или прошедшего времени. Напр.: *С востока надвигаются темные дождевые тучи, оттуда потягивало влагой* (А. Чехов) // *На дні маревного розливу ген-ген пастух бреде з чередою, верхівець далеко проскаче, примарне плесо води сліпуче залисне в степу* (О. Гончар).

Реже последовательность перечисляемых действий первой предикативной части передается глаголом прошедшего времени, а во второй предикативной части — глаголом будущего времени совершенного вида. Напр.: *С неделю тянул южный ветер, теплело, отходила земля, за несколько дней доцветет в степи поздняя мишистая зеленка* (М. Шолохов) // *Прилетіли ластівки у гніздо над балконом, скоро зацвіте акація біля Красного дому* (В. Земляк).

В отдельных случаях при последовательном перечислении действий случаются нарушения видовой соотносительности глагольных сказуемых предикативных частей: *Зеленая трава густо усыпана опавшими осенними листьями, ярко чернеет дорога среди желтой листвы, вереница гусей важно шествует, шурша, к дому Глафиры* (В. Солоухин); *Проиграла гармошка, прозвучал женский смех, гремит сабля по кирпичу тротуара, взвизгнула собака* (М. Горький) // *Відлунав сигнал, школярі почали моститись на сон* (Ю. Збанацький); *Виросли майже до всесвітніх розмірів, уже готуємось літати на інші планети* (О. Довженко); *Почало пригрівати сонце, Андрій розстебнув шинелю, розкрив груди* (В. Минко).

В этих конструкциях смысловая самостоятельность предикативных частей выражена слабее, связь между ними теснее, порядок последовательности устойчивый, перестановка невозможна.

Перечислительные предложения нередко бывают построены по законам структурного параллелизма, особенно те, в которых описываются события, явления, происходящие одновременно:

Все дремало, все нежилось вокруг, все как будто глядело вверх (И. Тургенев); *Там, в мелководье, по песку, стада спускаются лениво, там темные сады в реку глядятся зеленою счастливой; там ива на воды легла, на верфях мечта там уснула* (М. Матусовский) // *Співала колосом нива, співали жайворонки над нею, співав пісню серп, підрізаючи стебло, лунали пісні на сінокосах, співало, врешті, серце, повне надії* (М. Коцюбинський).

Перечислительный параллелизм выражается при помощи лексических повторов как главных, так и второстепенных членов предложения: *Дождик собрался, дождик припустил, дождик траву обмывает, дождик кропит землю* (К. Паустовский); *Вот письмо, письмо про сына* (М. Исаковский); *Здесь мой голос на резком ветру загрубел, да и сердце мое огрубело* (А. Сурков) // *Ніхто тепер не заходить до Карпова, ніхто не цікавиться його домашнім життям* (В. Земляк); *У дівчат здригаються вуста, здригається сонце на серпях* (М. Стельмах); *Тихо-тихо поскрипують колеса, тихо-тихо коливаються біля коней та волів партизани* (М. Стельмах).

Смысловая самостоятельность частей довольно значительна.

3.2. Бессоюзные сложные предложения с разнотипными взаимозависимыми частями

К бессоюзным предложениям с разнотипными частями относим предложения, в которых четко обнаруживается взаимозависимость явлений, представленных в составных частях. К этой группе предложений принадлежат конструкции пояснительного, причинно-следственного, условного, условно-временного, пояснительно-объектного характера.

Бессоюзные предложения со значением пояснения

К этой группе относятся предложения двух типов: 1) с собственно пояснительным значением; 2) с изъяснительно-объектным значением. Эти предложения характеризуются тем, что их вторая часть всегда дополняет, конкретизирует, поясняет формально неполную, но структурно самостоятельную первую часть, и бывают двух разновидностей.

Как в русском, так и в украинском языке в предложениях первой разновидности содержание всей первой части раскрывается или уточняется второй частью. Второй компонент может относиться ко всей первой части структуры. Напр.: *Степь весело*

пестреет цветами: ярко желтеет дрюк, скромно синеют колокольчики, белеет целыми зарослями ромашка, дикая гвоздика горит пунцовыми пятнами (А. Куприн); С поля доносился ровный гул моторов: трактористы допахивали зябь (Г. Боровиков) // Розкажу тобі драму таємну, легкий здогад мене обнік: я залишуся в серці твоєму на сьогодні, на завтра, навек (Л. Костенко); Зверніть увагу: на пасовиськах ніщо не опиняється вище за них — вони як птахи (В. Земляк).

Бессоюзные предложения второй разновидности выполняют по отношению к первой части функцию какого-либо развернутого члена:

а) подлежащего, напр.: *С детства известно мне: дома на красной стороне улицы стоят гуще, и сторона эта несколько длиннее (А. Шургин); Теперь им предстояло самое трудное: они должны были покинуть товарища, зная о том, что ему угрожает (К. Федин) // Мені ж усе здається: за горою стоїть моя тринадцята весна (А. Малишко); І досі сниться: під горою між вербами та над водою біленька хаточка (Т. Шевченко);*

б) определения, напр.: *Тут его осенила мысль: партизаны должны быть где-то здесь, поблизости (Б. Полевой); От этих книг в душе сложилась стойкая уверенность: я не один на земле, не пропаду (М. Горький) // Летять по полю білі коні — вітрів січневих табуни (Д. Павличко); Було, думка проповзла: може, і вона десь боса отак на морозі (А. Головки);*

в) обстоятельства образа действия, напр.: *Про себя Данилов сформулировал задачу так: из доктора Белова надо сделать начальника поезда (В. Панова) // Погуляли гайдамаки, добре погуляли: трохи не рік шляхетською кров'ю напували Україну (Т. Шевченко); Все починалось так: з-за обрію виглянув ріжечок білої хмари (О. Гончар).*

Особое место среди сложных бессоюзных предложений со значением пояснения в русском языке занимают предложения с указательными словами *такой, таков, так* в первой части. В таких предложениях выражается не только пояснение, но и качественно-определительные или качественно-обстоятельственные значения. Напр.: *Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет (Н. Гоголь); Как все московские, ваш батюшка таков: желал бы зятя он с звездами да с чинами (А. Грибоедов); Все случилось так: водитель проскочил на красный свет и не успел затормозить (Газета).*

В украинском языке предложения с такими указательными словами в большинстве случаев союзные: *Він теж такий, яким був давно* (Л. Дмитерко); *Послужи же, моя ти зброє, молодій ще силі, послужи йому так щиро, як мені служила* (Т. Шевченко).

Бессоюзные предложения с пояснительными отношениями, вторая часть которых раскрывает содержание первой, и в русском, и в украинском языке не соотносительны со сложноподчиненными предложениями. Вставка каких-либо союзов между частями невозможна. В предложениях, вторая часть которых выполняет функцию одного из членов первого компонента, возможна вставка союза. Однако такое включение устраняет логическое ударение на глаголе-сказуемом второй части, пропадает лаконичность изложения.

Бессоюзные предложения с изъяснительно-объектными отношениями

Между компонентами бессоюзного сложного предложения в русском и украинском языках складываются изъяснительно-объектные отношения, если первый компонент имеет в своем составе слово, которое обозначает речь, разговор, волевою, эмоциональную, познавательную деятельность. Второй компонент непосредственно касается этого стержневого слова, раскрывает его содержание. Основной синтаксической позицией предложения с изъяснительно-объектными отношениями является позиция при глаголе. Круг этих глаголов весьма обширен. К ним принадлежат:

а) лексемы, обозначающие акт говорения (*говорить, сообщать, докладывать*), восприятие зрением, слухом (*видеть, слышать*). Напр.: *Я тебе определенно скажу: у тебя есть талант* (А. Фадеев); *Через несколько мгновений поднимаюсь и вижу: мой Карагез летит, развевая гриву* (М. Лермонтов); *Смотришь на все эти грибы и думаешь: чего это зовут белый гриб царем грибов?* (В. Солоухин) // *Недарма кажутся: з щастя і горя вродилася доля* (М. Стельмах); *Сама ж говорила: почекай* (М. Стельмах); *Та розум все наполегливіше переконує: чудес на світі не буває* (Л. Дмитерко);

б) слова, обозначающие разные виды интеллектуального или эмоционального восприятия. Напр.: *У дворников были свои соображения: ветер должен был вымести и продуть насквозь город с силой гигантского вентилятора* (В. Ладин); *Я уверен, мы пропадем из-за Ольги Аделовны* (К. Федин) // *Зарікся, ніколи більше не гратиму* (О. Гончар);

в) оценочная лексика. К этой группе, кроме глаголов, относятся предикативные прилагательные, наречия и существительные, а также модальные предикаты типа *возможно, кажется, быть может*. Напр.: *Слух у Васьки был тонкий, заячий: чуть хлопнет дверь вдали, Васька вскочит, оправит диван — и в кочегарку* (В. Панова); *Через леса, должно быть, текла речка: только она могла образовать этот гигантский зигзаг молочного тумана, вписанный в черноту лесов* (В. Арсеньев) // *Іронія доли: швець ходить без чобіт* (Л. Дмитерко); *Моя вам рада: віддайте дошку* (Ю. Мушкетик);

г) слова, номинирующие мысли, раздумья, суждения, предложения. Напр.: *Вот и я так думаю: столице без этого нельзя* (Г. Башков); *Даже трудно было определить, с какой стороны слышался этот звук: он пронесся по лесу низко, над самой землей, и стих* (А. Куприн) // *Я думала — все пропало* (О. Коломієць); *Оце розсудив: не можна вам іти самій — ковбаса бандитів приманить* (О. Коломієць); *Ти гадаєш — я дурний?* (О. Коломієць); *Нарешті згадала: в цьому велетенському місті є в неї старий друг* (Л. Дмитерко);

д) глаголы (или отглагольные существительные), обозначающие понимание и память. Напр.: *Я помню: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами* (М. Лермонтов); *Я знаю: в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь* (А. Пушкин) // *Він добре знає: село ще й досі не отямилось від страху* (М. Стельмах); *Я знав — кличуть недарма* (Ю. Збанацький). К этому же разряду принадлежат и слова со значением чувств, восприятия, проявления чувств. Напр.: *Федор понял: речь шла о связи* (Д. Фурманов) // *По очах бачу — цілий ранок щось хочеш сказати. Тільки тепер я зрозумів — наша моторка дуже мала для такого шторму* (Ю. Збанацький);

е) безличные глаголы. Напр.: *Стало ясно: жизнь не удалась* (А. Пушкин) // *Гаркуші поталанило: Юлія сіла спиною до нього* (Л. Дмитерко); *Принаймні хоч у цьому повезло Криничанам: вода своя* (О. Гончар).

Предложения этого типа чаще употребляются в украинском языке.

Среди бессоюзных объяснительных конструкций выделяется группа предложений, в которых нет части глагола-сказуемого. Напр.: *Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь* (И. Тургенев); *Я насторожил слух: справа в кустах кто-то стоял* (М. Лермонтов) // *Юлія машинально глянула на годинник: було сімнадцять хвилин на дванадцяту* (Л. Дмитерко); *Оглянувся: машина з новим пасажиром зникла за рогом провулка* (Л. Дмитерко).

В приведенных предложениях отсутствуют глаголы: *...поглядел и увидел...*, *...насторожил слух и услышал...* // *...глянула і побачила...*, *...оглянувся і побачив...*

Надо отметить, что из-за такого пропуска предложение не утратило значения сложной синтаксической конструкции, хотя обычно воспринимается как очень сложная структура, часть из них — как эллиптические соединения. Напр.: *Оглядываюсь — мы от берега около пятидесяти сажень* (М. Лермонтов); *Оглянулся — никого* (М. Лермонтов) // *Дивлюся — возник: плоти пропливають* (О. Довженко); *Орлюк оглянувся навколо — станції немає* (О. Довженко).

Эти конструкции не имеют глаголов *увидеть* // *побачити*, но отношения между первой и второй частями конструкции выражены достаточно четко.

В ряде бессоюзных объяснительных конструкций “эллиптический” глагол назвать тяжело, хотя он в них просматривается. Напр.: *Он в зал, дальше: никого!* (А. Пушкин) // *Ще б пак: за неї мені тоді ще дошкою попало* (О. Гончар); *Це життя: добро і зло вкупі* (О. Довженко).

В этих конструкциях первая часть указывает на содержание восприятия. Более четко эта функция выступает в объяснительных конструкциях, в которых вторая часть — односоставное предложение: номинативное, безличное и т.п. Напр.: *Я слышу: опять стучат* (А. Пушкин) // *Це його ідея: пізній горох* (В. Земляк); *Глянула на годинник: двадцять шість на третю* (Л. Дмитерко); *Оленчук не став заперечувати: вісім так вісім* (О. Гончар).

Бессоюзные сложные предложения с результативно-следственными отношениями

В бессоюзных предложениях со значением следствия и результата характеризующая часть всегда постпозитивна. Эти предложения состоят только из двух частей. Напр.: *Вы требовали — я должна была уступить вам* (А. Островский); *Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночей* (И. Тургенев) // *Здобудеш освіту — побачиш більше світу* (Прислів'я); *В очі вдарило проміння електричного сяйва: воно розтопило синю з брудно-синіми обводами по краях тьму* (Н. Рибак).

Отношения между частями этих предложений могут быть различными: временными, причинными или условными. Они могут быть дополнены указательными словами — частицами *так, то,*

акцентирующими значение следствия. Напр.: *Бояться волков — [так] быть без грибов* (Пословица); *Мы в трауре — так балу дать нельзя* (А. Грибоедов); *Можешь подняться на воздух или еще что-нибудь: то ты не робей* (Л. Толстой) // *Ви дайте мені раму, [так, то] я сам зменшую на ній машину* (Ю. Мушкетик); *Забризкається — [то] не одмиєш ту смолу нічим* (Ю. Мушкетик); *Переступив — [так] нарікай на себе* (Ю. Мушкетик); *Захотів би — [так] всі п'ятірки мав би* (Ю. Збанацький).

Частица *то* характерна для союзных предложений, в бессоюзных конструкциях в русском и украинском языках она мало употребительна. Этим предложениям свойственно недифференцированное отношение временной корреляции и обусловленности между двумя действиями. Напр.: *Тонул — топор сулил, вытащили — топорща жаль* (Пословица); *Позовут вас — идите* (К. Федин); *Я ухожу, вы дверь закройте* (М. Ясень); *Получил ответ — приезжай* (Г. Боровиков) // *Мені сподобались ваші слова: був залізний порядок* (Ю. Мушкетик); *Чабанський підпасок знизав плечима: дивак якийсь та й годі* (Ю. Збанацький).

При определенных условиях лексического выражения и модально-временного соотношения сложного бессоюзного предложения это предложение имеет значение *уже*. Так, например, дифференциальное значение ирреальных условий имеют предложения с предсказуемой модальностью. Напр.: *Взяли бы меня в экспедицию, уехал бы на целый год* (В. Фирсов); *Мне бы смолчать — ссоры бы не было* (М. Шолохов) // *Була б це ніч — утопив би я тебе в тому озері* (В. Земляк); *Недобрий хліб породжує сум, добрий хліб, звичайно, мусив би радість породжувати* (О. Довженко).

Сопоставительные бессоюзные сложные предложения

Бессоюзные сложные конструкции, части которых соединяются сопоставительными отношениями, и в русском, и в украинском языке сообщают о двух или более ситуациях, которые сосуществуют, активизируя одна другую. Части сопоставительного предложения однотипны. Каждая часть таких конструкций не выделяется даже в модальном плане. Им присуще лишь сопоставление подобных или отличительных элементов структуры. Напр.: *Утро вечера мудрее — трава соломы зеленее* (Пословица); *Время красит, безвременье старит* (Пословица); *И у нас в селе разно живут: одни лучше, другие хуже* // *Припустимо, не розкажу я — хтось*

розкаже (А. Мушкетик); *Одні сльози: день працюєш — тиждень гуляєш* (В. Земляк).

Сопоставлению способствует употребление в частях сопоставительных предложений одинаковых, сходных или антонимичных лексических элементов. Все это вместе с особым расположением логического ударения и другими элементами порядка слов создает структурный параллелизм. Напр.: *Слову — вера, хлебу — мера, деньгам — счет* (В. Даль); *Травой зарастают могилы — давностью зарастает боль* (М. Шолохов); *Богатый и в будни пирует, бедный и в праздник горюет* (Пословица) // *Восени — багно по коліна, взимку замете по вуха* (Н. Тихий); *Хвороба підсилювала страх, страх стимулював хворобу* (Л. Дмитерко).

Предложения с таким значением обычно имеют одинаковые видовременные формы и представляют собой двучленную замкнутую структуру. Семантическое противопоставление происходит при помощи введения в структуру антонимичных слов. Напр.: *Справа был болотистый непроходимый лес, слева — красноватые столбы утесов* (Г. Седов); *Я был угрюм — другие дети веселы и болтливы* (М. Лермонтов); *Гнева не пугайся, на ласку не кидайся* (Пословица) // *Вона зраджує його, він зраджує її* (Ю. Смолич); *Зал чув і гримів — одні підтримували промовця, інші поділяли позицію головуючого* (Ю. Смолич).

Наряду с однотипными глаголами-сказуемыми в таких предложениях встречаются и разнотипные. Напр.: *Я за книжку, та бежать* (К. Чуковский) // *Перший літак уже вилетів, на другий всі квитки продано* (Л. Дмитерко).

Сопоставление может передаваться разными видовременными формами. Напр.: *Я поеду за город, ты же должен остаться дома* // *Вирвеш одну білу волошку — на її місце дві з'являться* (Н. Тихий); *Не одному ж вона в руки потрапить — тисячі її читають* (Н. Тихий).

Разнозначность сопоставления достигается также вводом в конструкцию слов с обстоятельственным значением — наречий, имен существительных, на которых и базируется сопоставление. Напр.: *Лето припасет — зима поедает* (Пословица) // *Вдень це було сонячне світло крізь скляну баню на даху, вночі це було розсіяне світло з захованих між рамками електричних ламп* (Ю. Смолич).

Предикативные части сопоставительных конструкций, как правило, имеют одинаковую синтаксическую структуру и одинаковую грамматическую форму сопоставляемых действий, предметов. Напр.: *Дереву цена — по плодам, человеку — по трудам* (Пословица); *Седина в бороду, бес в ребро* (Пословица) // *Механік знає машину, зоотехнік знає тварину* (О. Гончар); *Часом з квасом, порою з водою* (О. Гончар).

Конструкции этого типа характеризуются как параллелизмом синтаксической структуры составных частей, так и одинаковым порядком слов и общностью модально-временных планов. Напр.: *Молодой — на службу, старый — на совет* (Пословица); *Ноги носят, руки кормят* (Пословица) // *Одна — про кормові сівозміни на Поліссі, друга — про меліорацію для Замисловичів* (В. Земляк); *Ти — з родиною, я — сама з собою* (Л. Дмитерко).

В таких предложениях возможно употребление общего второстепенного члена, обобщающих слов. Напр.: *В молодых сосенках более пахнет нежной смолой зеленых игл, в старых — более пахнет терпкой смолой древесины* (В. Солоухин) // *Все легше в Яреська при боці сівацький мішок, все більше насіння в родючій материнській землі* (О. Гончар).

В ряде конструкций грань между сопоставлением и перечислением не достаточно четкая. Напр.: *Каждое дерево чем-либо полезно, каждое дерево красиво: одно цветами, другое листвой, третье осанкой и ростом, четвертое цветом ствола, корня* (В. Солоухин) // *Губи в нього міцно стиснені, очі з-під брів пильно й трохи глузливо націлені на інструктора* (Н. Тихий); *Промінь сонця заграв на віях, сірі очі зробилися ще лагіднішими, ще теплішими* (Л. Дмитерко).

Если в бессоюзном сопоставительном ряду присутствуют не два, а три и более фактов, то в таком случае соотношение между частями бессоюзного предложения ближе к перечислению. Напр.: *Одно цветет, с другого уже собрали цветы, третье едва всходит* (И. Гончаров) // *Чинити опір йому не міг ніхто — місяць зник, зорі згасли, темрява відступила, поранені сходили кров'ю* (Л. Дмитерко).

Сопоставительные предложения нередки в пословицах, афоризмах.

Противопоставительные бессоюзные сложные предложения

В противопоставительных конструкциях русского и украинского языков сообщение первой части предложения противопоставляется сообщению, переданному второй частью. Для них характерно соотношение взаимоисключающей лексики. Напр.: *Молодость не кипела в нем ключом, она светила тихим светом* (И. Тургенев) // *Ніякого утиску в селі, повна свобода* (В. Земляк); *Сахно не збагнула, вона відчула* (Ю. Смолич); *Він залишається, від'їжджають вони* (О. Довженко).

Противительные отношения между частями бессоюзного сложного предложения также базируются на структурном соотноше-

нии составных частей, что проявляется в общности порядка слов и модальных, временных характеристиках.

Как и предложения сопоставительного типа, противительные конструкции имеют преимущественно симметрическую структуру составных частей, первая часть которых отрицает, а вторая — утверждает. Напр.: *Не люби потаковщика, люби спорщика* (Пословица) // *Не льон — одна радість* (М. Стельмах); *Я не тікаю, я прийшов* (О. Довженко).

В ряде противопоставительных конструкций отрицание первой части утверждается отрицанием во второй части. Напр.: *Не умер он: повсюду в этом мире живут его дела* (М. Исаковский) // *Ніхто їм не оре, вони мають хліб не з поля* (М. Стельмах); *Не глузую — не вірю тобі* (М. Стельмах).

Достаточно распространены конструкции с дополнительным оттенком ограничения, который усиливается частицами *лишь, только* // *тільки, лише*. Напр.: *Ты не коршуна убил, чародея лишь подстрелил* (А. Пушкин) // *Костюмів я не купував, шив тільки у Гриценка* (В. Земляк).

Эти конструкции свойственны пословицам и поговоркам. Напр.: *Не спеши языком, торопись делом* (Пословица) // *Не варила, не пекла — до сільбуду помела* (Частівка).

Предикативные конструкции противительной семантики могут состоять только из главных членов. Напр.: *Не человек — зверь* (А. Островский) // *Не дощ — злива* (Л. Дмитерко); *Не дівчата — тополі* (М. Стельмах).

Эти конструкции могут иметь и один или два второстепенных члена. Напр.: *Не песня — набор бессмысленных слов* (Газета) // *Не горобець — індик гордий* (Н. Тихий).

Среди противительных конструкций выделяются те, в которых второй компонент не утверждает, а отрицает то, о чем говорилось в первой предикативной части. Напр.: *Не перебранка журналов, не избыток опечаток и других мелочных погрешностей печалит нас в теперешней литературе — мы недовольны ее физиономией, ее характером* (Н. Некрасов) // *Так хочуть уже його зняти — кандидата нема* (О. Довженко); *Сіяв кукурудзу — її зліквідували* (Ю. Мушкетик).

Значение противопоставления в некотором смысле соприкасается со значением сопоставления. Предложения этого типа имеют двусоставную структуру. По оттенкам противительных значений, выраженных во второй части конструкции, их можно разделить на три группы.

К первой группе относятся предложения с противительно-уступительным значением. Напр.: *Во времена Бомарше Фигаро был вне закона, в наше время Фигаро законодатель* (А. Герцен) // *Йому не радили бути журналістом — він став ним* (Ю. Мушкетик); *Готувався в аспірантуру — не поступив* (Ю. Мушкетик).

Вторая группа — противительно-заменительные. Напр.: *Какой же он чужой — друг детства* (Л. Толстой) // *Не тільки носиш коріння — коріння носить тебе* (М. Стельмах).

К третьей группе относятся предложения противительно-ограничительные. Напр.: *Не раны, не больное легкое мучило его — раздражало сознание ненужности* (П. Павленко) // *Іде він не поруч, відстав кроків на шість* (О. Довженко).

Этот оттенок может усиливаться частицами *только, лишь // лише, тільки* во второй части конструкции. Напр.: *Не дорог квас, дорога лишь изюминка к квасу* (Пословица) // *За неї проголосували всі присутні, тільки Куниця та прокурор — за сувору догану* (Ю. Мушкетик).

Бессоюзные конструкции отличаются широтой и недифференцированностью грамматических значений, синтаксические отношения уступают место смысловой зависимости частей. Интонация выступает основным средством связи частей бессоюзного сложного предложения. Показателями смысловых отношений между частями являются лексико-грамматические средства.

Сопоставительно-противительные бессоюзные предложения по-разному рассматриваются в литературе. В одних случаях сопоставление и противопоставление отождествляются и предложения с этими двумя отношениями рассматриваются как один тип, в других — их считают разными и рассматривают как отдельные конструкции сопоставительные и противительные.

В своем исследовании мы рассматриваем сопоставление и противопоставление как два отдельных способа связи предикативных частей сложного бессоюзного предложения. Они различны по семантике и по структуре. Со стороны семантики сопоставление воспринимается как сообщение о двух предметах или двух действиях, которые существуют параллельно и не запрещают, не исключают друг друга. Противопоставление базируется на запрещении одного предмета или действия и утверждении другого на основании резко противоположных значений. Отличаются эти предложения и синтаксическим строем предикативных частей, и структурной схемой.

Бессоюзные сложные предложения с условным значением

Структурно-семантический анализ синтаксических конструкций показывает, что бессоюзные предложения с условными отношениями в русском и украинском языках представляют собой в основном уже сложившийся тип предложений с достаточно выразительными грамматическими средствами для передачи смысловых отношений. Условные бессоюзные предложения более устойчивы структуры по сравнению, например, с бессоюзными предложениями с причинно-следственными отношениями. Поэтому им свойствен более стойкий и выразительный тип зависимости: условие детерминирует обусловленное действие. Этим объясняется невозможность свободных позиций обусловливаемой и обусловливающей частей предложения. Предложения этого типа бывают только двучленными. Их части пребывают в основном в условно-следственных отношениях. Бессоюзный способ соединения этих предложений опирается на устойчивые соотношения сказуемых (некоторые из этих соотношений имеют грамматическую значимость). Предложения, содержащие условие, помещаются, как правило, в начале соединения. Случаи, допускающие варьирование обусловливающей части, немногочисленны.

Сказуемое обусловливающей части может быть представлено:

1) формами сослагательного наклонения. Напр.: *Был бы рядом настоящий друг — беды бы не случилось* (М. Лермонтов); *Ужин не нужен, был бы обед* (В. Даль) // *Не заглянув би я в кімнату — курилась би досі школа* (П. Куліш); *Служив би правді — дорожив би честю* (Ю. Мокрієв). В украинском литературном языке предложения этого типа малоупотребительны, эти отношения чаще передаются союзной связью;

2) формами побудительного наклонения. Во взаимодействии с побудительным наклонением условное значение создают: формы будущего времени (реже — настоящего). Напр.: *Ах, Надежда, говори ты меньше — может быть, умнее покажешься людям* (М. Горький); *Ешь горькое — доберешься до сладкого* (Пословица) // *Послухай їх — опинишся в біді* (Ю. Яновський); *Працюй вволю — матимеш долю* (Прислів'я). Обе части предложений этого типа в русском языке могут строиться с помощью глаголов-сказуемых побудительного наклонения. Напр.: *Умей пошутить — умей и перестать* (Пословица). В большинстве случаев эти предложения афористичны.

В украинском языке широко распространены бессоюзные предложения с условной связью, в которых в обусловленной и обус-

ловливающей частях употребляется сказуемое — глагол будущего времени. Напр.: *Кинеш у грязь — буде князь* (Прислів'я); *Будеш сія-ти з сумом — вродить печаль* (М. Стельмах).

Как в русском, так и в украинском языке условное значение в этих случаях принадлежит плану потенциальности. Преобладает препозиция обуславливающей части. Напр.: *Понадобится мне тысяча, будет тысяча* (Н. Островский) // *Буду живий — вічно буду пам'ятати* (А. Головка).

Регулярный характер имеет соотношение форм будущего времени в обуславливающей части с формой побудительного наклонения в обусловленной. Напр.: *Приедешь на место — напиши* (М. Горький) // *Відчуваєш свою провину перед Климом, зумій пояснити, розповісти правду* (П. Панч).

Если в состав обусловленной части входит оценочная лексика, то условное отношение осложняется элементом причинного значения. Напр.: *Вы улыбнетесь — мне отрада, вы отвернетесь — мне тоска* (А. Пушкин) // *Наймешся — буде диво* (М. Коцюбинський).

Условное значение может осложняться причинным при сочетании синтаксического плана настоящего времени в обуславливающей части с формой побудительного наклонения в обусловленной. Напр.: *По пути — так садись* (А. Антонов) // *Даютъ — бери, б'ють — тікай* (Прислів'я).

Условное наклонение сопровождается причинным значением, если форма прошедшего времени участвует в создании условного значения совместно с формами настоящего, прошедшего, будущего времени, побудительного наклонения, инфинитива. Напр.: *Оробел — пропал, смел — съел* (И. Тургенев); *Женимся — полюбите* (М. Горький) // *Добре помазав, добре й поїхав* (Прислів'я); *Стерпиться — злюбиться* (Приказка).

В формировании условного значения может участвовать инфинитив. Напр.: *Идти в драку — не жалеть волос* (Пословица) // *Вовків боятися — в ліс не ходити* (Прислів'я).

Такие бессоюзные сложные предложения характерны для афористической речи, фольклора.

Исследования бессоюзных предложений с условным значением показывают, что в видовременном соотношении в русском и украинском языках отмечается различное сочетание форм: повелительное наклонение + изъявительное наклонение будущего или прошедшего времени; настоящее + будущее время и т. д. Но ведущая роль принадлежит форме будущего времени, поскольку

оно само уже содержит в себе значение предположительности, условности.

Сопоставление бессоюзных сложных предложений в русском языке с соответствующими бессоюзными предложениями в украинском свидетельствует о структурно-семантической близости этих конструкций. Сходство анализируемых конструкций проявляется в передаче основного значения, обусловленности одного значения другим, в грамматической зависимости между компонентами, в соответствии форм видовременного соотношения составных частей, в определенном порядке расположения частей.

Бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями

Бессоюзные предложения причины (первая часть — предложения следствия) и бессоюзные предложения следствия (первая часть — предложение причины) в русском и украинском языках можно объединить в одну группу — бессоюзные предложения с причинно-следственными отношениями. Ср.: *В избах и на дорогах было пусто: все ушли копать картофель* (К. Паустовский) — *Все ушли копать картофель — в избах и на дорогах было пусто* // *Не прочитає заголовка: кров залила обличчя* (А. Головка) — *Кров залила обличчя — не прочитає заголовка*.

Для этих предложений свойственно два типа направления зависимости между составными частями: 1) причина — следствие. Напр.: *Мелкий дождик сеет с утра — выйти невозможно* (И. Тургенев); *Зима стояла у дверей — теперь можно без остатка отдаться и другим неотложным делам* (А. Калинин) // *У його голосі звучала якась струна — дівчина хлинула* (А. Головка); *Сліпок засвітав у повітрі — корова стрибнула і побігла далі* (М. Коцюбинський); 2) следствие — причина. Напр.: *Я меньше всех: оттого он меня и мучит* (Л. Толстой); *Серезжа промолчал: он не любил словесных клятв и заверений* (А. Фадеев) // *Не жди сподіваної волі: вона заснула* (Т. Шевченко); *Я б не радив вам, Платоне Івановичу, поспішати: справа відповідальна* (О. Корнійчук).

Если в бессоюзных предложениях этого вида тип зависимости ярко выражен, они могут свободно менять свои составные части (причина — следствие на следствие — причина).

Бессоюзные предложения, в которых тип зависимости между составными частями невыразительный (причина — следствие), перестановки частей не допускают. Это преимущественно предложения пояснительного причинно-следственного значения. Напр.:

Счастливы сосны и ели: вечно они зеленеют (И. Тургенев); Осень и зиму Павел не любил: они приносили ему много физических страданий (Н. Островский) // Немає в нас ні одного достойного проректи українське слово Т. Шевченка: уся сила і краса нашої мови тільки йому одному відкрилася (П. Куліш); Дивувалися дівчата: вже смерть за плечима, а він старий сивоусий про колишнє плаче (Т. Шевченко).

Позиция главных членов предложения не относится непосредственно к грамматической модели причинно-следственных бессоюзных предложений в анализируемых языках.

Бессоюзные предложения причинно-следственного типа бывают:

1) односубъектные. Напр.: *Не нагнать тебе бешеной тройки: кони крепки, и сыты, и бойки (Н. Некрасов); Он покраснел: ему было стыдно убить человека безоружного... (М. Лермонтов) // У такі ночі довго хвилюється серце косаря: йому згадується літо (М. Стельмах); Він мені допоможе: сміливіший від інших (І. Тобілевич);*

2) двухсубъектные. Напр.: *Раннее плодоношение пагубно для молодого сада: у дерева очень скоро прекращается рост, наступает старость (М. Исаковский); Я остановил его: лекарь запретил ему разговаривать (И. Тургенев).*

Одной из существенных черт структуры бессоюзных предложений этой разновидности является видовременная согласованность форм сказуемого. Например: 1) настоящее время — настоящее время: *Небо полыхает на горизонте: там идет воздушный бой (В. Инбер); Вьются весело дымки: всюду топят печи (А. Твардовский) // Цигарку не може скрутити — руки дрижать (О. Гончар);*

2) прошедшее время — прошедшее время: *Паровоз засвистел, заскрежетали тормоза, мы остановились — путь был почему-то закрыт (К. Паустовский); Тут силы меня оставили: я стала плакать (Ф. Достоевский) // Зубожів мій брат: хліб не продав (Марко Вовчок); Шлях у місто мені вже знайомий був: кілька раз з дядьком і дядиною їздила у ярмарок (Панас Мирний).*

Бессоюзные предложения, в которых нечетко выражена причинно-следственная зависимость, могут иметь несогласованные видовременные глаголы-сказуемые. Напр.: *Она [горная речка] не имеет выхода в море: устье ее занесло песком и галькой (К. Арсеньев); Гудеть-то теперь запрещено — народ покоя хочет (К. Паустовский) // Додому солдат їде — відслужився (О. Довженко); Їй не хочеться жити: зневажено в ній все (О. Довженко).*

И в русском, и в украинском языке двухсубъектные бессоюзные предложения с причинно-следственными отношениями лег-

ко изменяют свою бессоюзную форму на союзную. Односубъектные предложения этого типа бывают только бессоюзными.

Сопоставление бессоюзных сложных предложений в русском языке с соответствующими бессоюзными предложениями в украинском свидетельствует о структурно-семантической близости этих конструкций. Их сходство проявляется в передаче основного значения, обусловленности одного значения другим, в грамматической зависимости между компонентами, в соответствии форм видовременного соотношения составных частей, в определенном порядке их расположения.

* * *

Проведенное сопоставление сложных предложений в русском и украинском литературных языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Как в русском, так и в украинском языке смысловая самостоятельность частей сложносочиненных предложений относительна. Синтаксическая самостоятельность и равноправие частей свойственны лишь небольшой группе предложений, связываемых посредством союза *и // і*. Смысловая связь частей сложносочиненных предложений как в русском, так и в украинском языке в большинстве случаев сопровождается обусловленностью структуры одного из предложений, входящих в его состав. Это обычно вторая его часть. Структурное соотношение частей сложносочиненных предложений (порядок слов, видовременная соотносительность глагольных форм и др.) в обоих исследуемых языках используется, наряду с интонацией и сочинительными союзами, для связи его частей. Многообразные смысловые отношения, в которые вступают части сложносочиненных предложений в русском и в украинском языках, сводятся к трем основным типам: а) соединительным, б) сопоставительным, в) разделительным. В пределах каждого из них наблюдается много частных оттенков смысловых отношений. Сравнительный анализ этих типов сложносочиненных предложений в русском и украинском языках показывает, что различия между ними незначительны и заключаются они, в основном, в лексическом несовпадении некоторых союзов (напр. *но // але, или // або* и др.).

2. Структура и типы сложноподчиненных предложений в русском и украинском языках одинаковы. Основными средствами синтаксической связи между главным и придаточным (зависимым) компонентами являются союзы и союзные слова, а также интонация. Функции их дополняются порядком расположения

главного и придаточного компонентов и соотношением форм слов. Наблюдается чрезвычайное разнообразие смысловых и синтаксических отношений между частями сложноподчиненного предложения как в русском, так и в украинском языке. На основании синтаксических функций зависимого (придаточного) компонента по отношению к главному эти связи могут быть изъяснительными, определительными, темпоральными, каузальными, сравнительными и др. Их смысловая зависимость передается с помощью особых союзов и союзных слов (*какой // який* — определительные отношения, *когда // коли* — временные и др.). Но часто наблюдаются случаи и в русском, и в украинском языке, когда одни и те же союзы и союзные слова присоединяют к главному различные по смыслу придаточные. Например, *что // що* связывает с главным придаточные изъяснительные, определительные, образа действия; союз *как // як* присоединяет придаточные образа действия, определительные, временные, сравнительные и др.

В качестве союзных слов как в русском, так и в украинском языке выступают относительные местоимения. Различия заключаются в основном в частоте их употребления. Например, союзное слово *котрий* в украинском языке встречается реже, чем в русском *который*. Но в последнее десятилетие употребление его в украинском языке активизировалось. Особенно участилось употребление союза *аби* в языке украинских СМИ, что превращается иногда в излишество. Функциональное различие союзов и союзных слов в русском и украинском языках наблюдается крайне редко.

3. Бессоюзное сложное предложение рассматриваем как самостоятельную синтаксическую конструкцию сложного предложения. Структура, смысловые и синтаксические отношения между частями этого сложного предложения в русском и украинском языках одинаковы. Они позволяют выделить два основных типа бессоюзных сложных предложений:

- 1) бессоюзное сложное с разнотипными частями;
- 2) бессоюзное сложное с однотипными частями.

Однотипные бессоюзные предложения по смысловому содержанию выражают перечисление одновременных или последовательных фактов в компонентах бессоюзной конструкции, что создается в обоих языках за счет видовременного значения сказуемых. Замкнутую, состоящую только из двух частей синтаксическую структуру составляют однотипные бессоюзные предложения со значением сопоставления и значением действия и его результатов.

Предложение

Бессоюзные сложные предложения с разнотипными частями более разнообразны в обоих языках. По значению они подразделяются на три группы:

1) предложения, которые выражают обусловленность предшествующего последующим;

2) предложения с обоснованием предшествующего действия последующим;

3) предложения, в которых последующее раскрывает значение предшествующего.

Эти предложения в обоих исследуемых языках представляют собой замкнутое синтаксическое единство со строго определенным порядком частей.

Следует отметить, что строятся бессоюзные сложные предложения в современном русском и украинском языках по общим правилам и различия в их структуре не наблюдается.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ	27
I. Словообразование имен существительных в русском и украинском языках	34
<i>Суффиксальное словообразование имен существительных в русском и украинском языках</i>	35
1. Наименование лица — деятеля и носителя признака.	36
1.1. Имена существительные со значением лица мужского рода в русском и украинском языках	36
1.2. Наименования лиц женского рода в русском и украинском языках	49
1.3. Наименования лиц общего рода в русском и украинском языках	52
2. Наименования животных и птиц в русском и украинском языках	53
3. Наименования действия, состояния и отвлеченного признака в русском и украинском языках.	55
3.1. Наименования действия и состояния	55
3.2. Наименование отвлеченного признака	61
4. Словообразование предметных наименований в русском и украинском языках	65
4.1. Предметные имена от глагольных основ	65
4.2. Предметные имена от адъективных основ	68
4.3. Предметные имена от субстантивных основ	70
<i>Сопоставительное изучение явлений функционального словообразования в сфере имен (теоретико-методологический аспект)</i>	74
II. Адъективное словообразование русского и украинского языков	84
<i>A. Относительные адъективы.</i>	86
1. Отсубстантивные адъективы	86
1.1. Прилагательные с посессивным значением	87
1.2. Адъективы, мотивированные названиями животных	96

1.3. Материально-вещественные относительные прилагательные	99
1.4. Оттемпоральные адъективы	104
1.5. Адъективы с общеотносительным значением	108
2. Отглагольные адъективы	115
<i>Б. Качественные адъективы</i>	118
1. Отсубстантивные адъективы с семантически нейтральными суффиксами	118
2. Отсубстантивные качественные адъективы с семантически специализированными суффиксами	122
III. Словообразование глаголов в русском и украинском языках	126
<i>А. Префиксальное глагольное словообразование</i>	126
1. Специфика глагольной префиксации	126
2. Система глагольных префиксов в современных русском и украинском языках	131
3. Основные значения глагольных префиксов в русском и украинском языках	135
3.1. Значение направления действия в пространстве	135
3.2. Значение характеристики действия по протеканию во времени	140
3.3. Значение степени интенсивности действия	145
<i>Б. Суффиксальное глагольное словообразование в современных русском и украинском языках</i>	149
1. Сопоставительная характеристика суффиксальных систем глагольного словообразования русского и украинского языков	150
2. Суффиксальное словообразование глаголов, мотивированных именными частями речи	151
2.1. Отсубстантивное суффиксальное словообразование глаголов в русском и украинском языках	152
2.2. Глаголы, мотивированные адъективами	160
3. Отглагольное суффиксальное словообразование глаголов в современных русском и украинском языках	164
<i>В. Отглагольное префиксально-суффиксальное словообразование глаголов в современных русском и украинском языках</i>	167
<i>Г. Постфиксальное словообразование глаголов в русском и украинском языках</i>	171
<i>Д. Суффиксально-постфиксальное словообразование глаголов в русском и украинском языках</i>	173
<i>Е. Префиксально-постфиксальные глаголы</i>	177
IV. Словообразование наречий в русском и украинском языках	181
<i>А. Наречия адъективного происхождения в современных русском и украинском языках</i>	181
<i>Словообразование отадъективных наречий в современных русском и украинском языках</i>	183
1. Суффиксальные наречия	183
2. Префиксально-суффиксальные наречия	185

<i>Б. Наречия, соотносительные с именами существительными</i>	187
1. Морфологические типы наречий, соотносительных с предложно-падежными формами имен существительных	187
2. Наречия, соотносительные с беспредложными субстантивными формами	189
<i>В. Префиксальное отадвербиальное словообразование наречий в современных русском и украинском языках</i>	190

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ 192

I. Категория рода 192

<i>1. Категория рода в именах существительных</i>	195
1.1. Категория рода у одушевленных существительных	199
1.2. Существительные общего рода	206
1.3. Распределение по родам сложносоставных существительных	209
1.4. Распределение по родам аббревиатур	211
<i>2. Категория рода в именах прилагательных</i>	211
<i>3. Категория рода у местоимений</i>	212
<i>4. Категория рода в именах числительных</i>	214
<i>5. Категория рода в глаголах</i>	215

II. Категория числа 217

<i>1. Категория числа имен существительных</i>	219
<i>2. Категория числа имен прилагательных</i>	228
<i>3. Категория числа глаголов</i>	231
<i>4. Категория числа местоимений</i>	234
<i>5. Категория числа числительных</i>	236

III. Категория одушевленности/неодушевленности 237

<i>1. Категория одушевленности/неодушевленности у существительных</i>	239
<i>2. Категория одушевленности/неодушевленности у местоимений</i>	257
<i>3. Категория одушевленности/неодушевленности имен прилагательных</i>	259
<i>4. Категория одушевленности/неодушевленности числительных</i>	260

IV. Категория падежа 262

<i>1. Категория падежа имен существительных</i>	265
Типы склонений	266
1.1. Первое склонение	268
1.2. Второе склонение	288
1.3. Третье склонение	291
<i>2. Система склонения имен прилагательных</i>	293
Адъективное склонение	294
2.1. Твердая разновидность	294
2.2. Мягкая разновидность	295
2.3. Смешанное склонение	297
<i>3. Категория падежа числительных</i>	300
<i>4. Категория падежа местоимений</i>	310
Личные местоимения 1-го и 2-го лица	310

V. Категория степеней сравнения	314
1. Степени сравнения в грамматической традиции	314
2. Формальный аспект неопозитивных степеней сравнения в русском и украинском языках	320
3. Синтаксический аспект неопозитивных степеней сравнения	327
4. Семантический аспект неопозитивных степеней сравнения в русском и украинском языках	333
VI. Категория вида	342
1. Семантика вида и структурное значение видовой оппозиции	343
1.1. Структурные типы видовых пар	351
1.2. Перфективация	356
1.3. Имперфективация	358
2. Категория способов действия	360
VII. Категория лица	364
VIII. Категория залога	384
1. Общая характеристика	384
2. Категория переходности/непереходности	393
3. Возвратные глаголы	399
4. Причастие в системе залоговых отношений	408
5. Страдательный залог. Залоговые преобразования	417
6. Действительный залог	424
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИС РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ	428
I. Словосочетание	428
II. Предложение	440
A. Простое предложение	441
Распространение простого предложения	453
1. Обособленные обороты	453
1.1. Причастные обороты и обороты с прилагательными	455
1.2. Обороты с существительными	458
1.3. Деепричастные обороты	461
2. Односоставные предложения	465
2.1. Определенно-личные предложения	465
2.2. Неопределенно-личные предложения	467
2.3. Обобщенно-личные предложения	468
2.4. Безличные предложения	470
2.5. Номинативные предложения	474
2.6. Инфинитивные предложения	477
B. Сложное предложение	478
1. Сложносочиненные предложения	481
1.1. Сложносочиненные предложения с соединительными союзами	482

Содержание

1.2. Сложносочиненные предложения с противительными союзами.	485
1.3. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами.	486
2. Сложноподчиненное предложение	487
2.1. Сложноподчиненные предложения с изъяснительной придаточной частью	489
2.2. Сложноподчиненные предложения с определительной придаточной частью	491
2.3. Сложноподчиненные предложения с придаточной частью времени	494
2.4. Сложноподчиненные предложения с придаточной частью места.	495
2.5. Сложноподчиненные предложения с придаточной частью причины	496
2.6. Сложноподчиненные предложения с условной придаточной частью	499
2.7. Сложноподчиненные предложения с уступительной придаточной частью.	500
3. Бессоюзные сложные предложения	501
3.1. Перечислительные бессоюзные предложения	506
3.2. Бессоюзные сложные предложения с разнотипными взаимозависимыми частями	513

Наукове видання

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ МОВОЗНАВСТВА ім. О.О. ПОТЕБНІ

БАСОВА Галина Дмитрівна
КАЧУРА Олександр Віталійович
КІХНО Олександр Володимирович
МУСІЄНКО Валентина Павлівна
ОЗЕРОВА Ніна Григорівна
ОЛІЙНИК Галина Петрівна
РОМАНОВА Неоніла Петрівна
СНІТКО Олена Степанівна
ТВОРОНОВИЧ Ольга Євгеніївна

**ПОРІВНЯЛЬНА
ГРАМАТИКА РОСІЙСЬКОЇ
ТА УКРАЇНСЬКОЇ МОВ**

Київ, видавництво “Наукова думка”, 2003

Художнє оформлення *Н.М. Абрамової*

Художній редактор **І.М. Галушка**

Технічний редактор *Г.М. Ковальова*

Коректор *Л.Г. Бузіашвілі*

Комп'ютерна верстка *Т.О. Ценцеус*

Підп. до друку 15.08.2003. Формат 60 × 90/16. Папір офс. № 1. Гарн. Таймс.
Друк офс. Ум. друк. арк. 33,5. Ум. фарбо-відб. 33,5. Обл.-вид. арк. 32,15. Ти-
раж 400 прим. Зам. 3-321.

Видавництво “Наукова думка”.
Р.с. № 05417561 від 16.03.95.
01601 Київ 1, вул. Терещенківська, 3.

Концерн “Ін Юре”.
04107 Київ 107, вул. Багговутівська, 17—21.

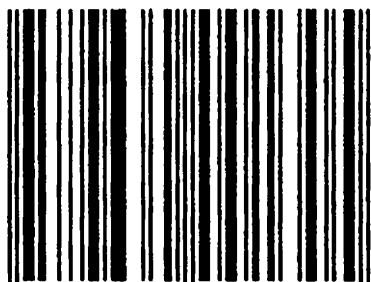
**Сопоставительная грамматика русского и украинского
С 64 языков/Г.Д. Басова, А.В. Качура, А.В. Кихно и др. — К.: Наук.
думка, 2003. — 534 с. — (Проект “Наук. книга”). — Парал.
тит. л. укр.**

ISBN 966-00-0130-4.

В монографии представлено системное описание русской и украинской грамматик на словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях в сопоставительном аспекте, отмечены общие и специфические их черты, семантическое своеобразие грамматических средств каждого из анализируемых языков. Исследуются эталоны литературно-нормированной речи в письменном и устном вариантах, фиксируется динамика изменений в грамматических системах русского и украинского языков в конце XX в. Предназначена для филологов, преподавателей русского и украинского языков, студентов вузов.

ББК 81.2УКР-2+81.2РОС-2

ISBN 966-00-0130-4

9 789660 001305 >